

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Антипин Константин Сергеевич

**Архитектура подмосковных научных центров
1950–1980-х годов**

Специальность 5.10.3. Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Том I

Научный руководитель:
кандидат искусствоведения, доцент
Хачатуров Сергей Валерьевич

Москва — 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Том I

СОДЕРЖАНИЕ	1
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Проектирование академических комплексов в Москве в 1930–1950-е гг. и их вынос из столицы в середине 1950-х гг.	18
1.1 Проектирование академгородка в Москве в 1930–1950-е гг.	19
1.2 Становление проектной организации в структуре АН СССР в 1930–1950-е гг.	35
1.3 Причины выноса с середины 1950-х гг. академических комплексов из столицы	44
1.4 Рождение концепции подмосковных научных центров	49
1.5 Академгородки в контексте идеи городов-спутников	60
ГЛАВА 2. Начало проектирования научных городков в условиях поисков нового языка архитектуры во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.	68
2.1 Первый генплан научного городка Пущино в контексте градостроительства 1950-х гг.	69
2.2 Новосибирский Академгородок как первый опыт строительства обособленного научного центра	80
2.3 Стилевые трансформации в архитектуре зданий Академии наук во второй половине 1950-х гг.	86
ГЛАВА 3. Интернациональный модернизм в архитектуре подмосковных научных центров 1960-х гг.	107
3.1 Адаптация проекта научного городка Пущино под новые градостроительные принципы	108
3.2 Начало параллельного развития научных центров	118
Красная Пахра (первая половина 1960-х гг.)	119
Черноголовка	123
Пущино	132
Красная Пахра (вторая половина 1960-х гг.)	140
3.3 Архитектура научных комплексов 1960-х гг. в Подмосковье	145
Красная Пахра (Институт физики высоких давлений)	146
Пущино	149
Черноголовка	153
Красная Пахра (ФИАН)	159

ГЛАВА 4. Поздний модернизм в архитектуре научных центров 1970-х гг.	170
4.1 Городок СО ВАСХНИЛ как образцовая реализация архитектурно-градостроительной теории проектирования научных центров начала 1970-х гг.	172
4.2 Сложение локальных особенностей в проектировании подмосковных научных центров	188
Пушино	189
Красная Пахра (Троицк)	197
Черноголовка	203
4.3 Архитектура научных комплексов 1970-х гг. в Подмосковье	210
Пушино	210
Красная Пахра (Троицк)	213
Черноголовка	217
ГЛАВА 5. Кризис модернистских утопий в 1980-е гг.	223
5.1 Новый подход к размещению академических учреждений вокруг Москвы в 1980-е гг.	224
5.2 Архитектура городов — научных центров в 1980-е гг.	229
Проектирование новых НИИ в Пушкине, Троицке и Черноголовке	229
Проектирование научных центров в условиях ограничений 1980-х гг.	232
5.3 Консервация замыслов развития научных центров	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	258
БИБЛИОГРАФИЯ	260
ИСТОЧНИКИ	276
Том II	
Приложение 1	2
ИСТОРИОГРАФИЯ	2
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ	10
Приложение 2	25
ИЛЛЮСТРАЦИИ	25
СХЕМЫ	192

ВВЕДЕНИЕ

Новые города, формирование которых происходило на разных этапах советской истории, становились важными площадками, где вырабатывались и проверялись градостроительные подходы; через их анализ прослеживаются ключевые этапы истории отечественной архитектуры. Основное внимание исследователей при этом традиционно приковано к промышленным городам, которые не только количественно преобладали среди вновь создаваемых, но и иногда достигали размеров и численности населения, сопоставимых с историческими региональными центрами. Уже в первые пятилетки, когда электрификация и индустриализация ставили перед архитекторами амбициозные градостроительные задачи, были построены десятки соцгородов при новых электростанциях и заводах-гигантах. После Великой Отечественной войны развитие промышленности продолжилось, однако кроме нее полноценным градообразующим фактором впервые стала фундаментальная наука. В середине XX в. наряду с индустриальными городами начали формироваться и научные, где главным «предприятием» выступает один или ряд научных институтов.

Актуальность темы исследования

Хотя проектирование научных центров в основном велось не в стенах ведущих профильных институтов, подчиненных Госстроям СССР и РСФСР, а в ведомственных проектных организациях, и о многих из них открыто писать было запрещено из соображений секретности, подобные города всегда привлекали внимание профессионального архитектурного сообщества и являлись частью архитектурного процесса. Поэтому исследование опыта создания научных центров, выявление специфики их проектирования и изучение процесса формирования той концепции, благодаря которой они состоялись как уникальный архитектурно-градостроительный феномен, — актуальны с точки зрения дополнения картины истории отечественного градостроительства второй половины XX в. Спустя полвека после завершения их становления это позволяет смотреть на них как на часть культурного наследия России и ставить вопрос о его сохранении: многие здания и планировочные элементы научных центров нуждаются в охране и грамотной ре-

ставрации, для чего необходимо четкое понимание их историко-архитектурной ценности.

Степень разработанности темы

Подробная историография представлена в Приложении № 1 диссертации, тогда как здесь лишь коротко охарактеризуем корпус соотносимых с темой диссертации публикаций. Во-первых, его значительную часть составляют многочисленные статьи¹, монографии² и диссертации³ сотрудников ГИПРОНИИ, осмыслявших архитектуру научных учреждений с 1960-х гг. Эти тексты принадлежат или продолжают советскую институциональную традицию и отражают взгляд архитекторов — ключевых участников проектирования; мы относим их к категории источников и читаем критически, учитывая самописание и сглаживание конфликтов. Во-вторых, работы культурологического толка, в которых архитектурно-градостроительные замыслы служат иллюстрацией больших нарративов: через образ холодной войны наукограды рисуются скрытыми в лесу лагерями⁴, а в контексте «оттепели» — пространствами свободы⁵. В-третьих, обобщающие труды о

¹ См. напр.: *Сергеев К.И., Кулешова Г.И.* Семь десятилетий на службе отечественной науке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Том 78. № 12. С. 1093–1102; *Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А.* Академическая наука в России в XVIII–XX веках и эволюция пространства для исследований // Academia. Архитектура и строительство. № 3. 2017. С. 5–16.

² См. напр.: Научные центры Академии наук СССР. М., 1969; *Платонов Ю.П.* Архитектура науки. Черноголовка, 1972; Проектирование научных комплексов / *Ю.П. Платонов, К.И. Сергеев, Г.И. Зосимов.* М., 1977.

³ См. напр.: *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967; *Сергеев К.И.* Архитектурно-планировочная организация научных зон в структуре города (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1970; *Платонов Ю.П.* Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973.

⁴ *Ревзин Г.И.* Наукограды в России: вопросы генезиса // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

⁵ *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11(545). С. 172–192; *Водичев Е.Г.* Всегда ли «понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1(35). С. 9–26.

наукоградах⁶, где подмосковные научные центры АН СССР растворяются в широких моделях закрытости и секретности. В-четвертых, статьи об отдельных городах и объектах⁷, дающие полезную фактуру, но нередко игнорирующие динамичность процесса проектирования на протяжении 1950–1980-х гг. и представляющие его конечный результат как плод единовременного замысла. Дополняют картину публикации историков науки⁸, проясняющие целеполагание строительства, но редко доводящие анализ до уровня планировочной логики. В совокупности собственно архитектурно-градостроительные замыслы остаются вне фокуса, различия между городами не артикулированы, а роли архитекторов, заказчиков и органов власти уходят в тень: объяснение, которое должно следовать из анализа конкретных проектов, подменяется культурологическими схемами или нарративами самоописания проектных организаций.

Между тем уже первичное знакомство с архивными и проектными материалами выявляет целый ряд противоречий, ставящих под сомнение универсальность предложенных ранее шаблонов. Поэтому рассматривая научные центры как архитектурно-градостроительный феномен, мы сознательно меняем ракурс и опираемся на принципы историзма и институциональной истории. Исследование реконструирует последовательность управленческих и проектных шагов, сопоставляет институциональные самоописания с фактическими решениями и их корректировками (в том числе через формально-стилистический анализ) и выводит на первый план роли разных действующих сторон (акторов). В числе последних мы выделя-

⁶ Лысая Д.А. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 3(40). С. 178–199; Лаппо Г.М., Полян П.М. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города — сегодняшние точки роста // *Мир России*. 2008. № 1. С. 20–49.

⁷ Литвиненко П. Высокая культура проектирования // URL: https://tatlin.ru/articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya (дата обращения: 10.01.2022)

⁸ Долгова Е.А. Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // *Управление наукой: теория и практика*. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251; Узбекова Ю.И. Научное сообщество и механизмы выбора региональных траекторий развития АН СССР в середине 1950-х годов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2006. Т. 5. № S1. С. 83–87; Пискунов М.О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 140–147.

ем далеко не только архитекторов ГИПРОНИИ: стратегические решения принимали государственные власти и Президиум АН СССР, выступавший также заказчиком проектирования, руководители создаваемых институтов и научных организаций формулировали потребности науки и нередко выступали локальными кураторами строительства, а на конкретные проекты оказывали влияние контролирующие инстанции (от региональных архитектурно-планировочных управлений до Госстроя СССР).

С нашей точки зрения замысел научного центра становился комплексным явлением, в котором пересекались архитектурные, административные, социальные, географические и иные факторы. Поэтому ключевым вопросом для нашего исследования становится то, **как и под влиянием каких факторов возникли и развивались архитектурные и градостроительные замыслы подмосковных научных центров на протяжении 1950–1980-х гг.?**

Под научными центрами в работе подразумеваются города, построенные при комплексах научно-исследовательских институтов Академии наук СССР. Использование в работе этого понятия преследует цель максимально точно обозначить рамку исследования, не вводя при этом новых обозначений. Так, «наукоград» — административный термин, учитывающий демографический и профессиональный состав населения, возникший в России в 1990-е гг. и закрепленный в соответствующем законе⁹ — не отражает специфических архитектурных и градостроительных особенностей исследуемых в данной работе городов и, кроме того, в контексте обращения к советской истории является хронологически некорректным, ретроспективным обозначением. В силу этого в названии работы был использован именно термин «научный центр», но наравне с ним в тексте диссертации используются в качестве синонимов также «научный городок» и «академгородок».

Объект исследования — архитектурные проекты подмосковных научных центров Академии наук СССР, их ансамбли с комплексными системами пространственных отношений между зданиями, сложившихся в результате длительного

⁹ Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901730261> (дата обращения: 25.05.2022)

процесса трансформаций идей, подходов и смены стилевых направлений в архитектуре.

Предмет — творческий процесс проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг., складывавшийся во взаимодействии институций и персоналий и выражавшийся в архитектурно-градостроительных замыслах.

Академические научные городки в 1950–1960-е гг. стали возникать, с одной стороны, вокруг Москвы, на территории которой уже в большом числе присутствовали учреждения АН СССР, а с другой — вблизи городов Сибири, где концентрация научных учреждений была значительно ниже. Соответственно, цели и инициаторы их создания были различны. По методологическим соображениям, связанным с объемом и глубиной анализа, мы ограничиваемся изучением подмосковных научных центров. Такой выбор позволяет, с одной стороны, держать в фокусе выбранную совокупность сходных по условиям проектирования и ключевым акторам (Президиум АН СССР и др.) примеров, а с другой — в дальнейшем соотносить результаты, полученные на этом материале, со сходной практикой других регионов, требующей отдельных исследований (например, научные городки Сибирского отделения АН СССР).

Академией наук вокруг Москвы были созданы три отраслевых научных центра: Пущино (ныне включено в состав городского округа Серпухов Московской области), Троицк (ныне городской округ в составе Москвы) и Черноголовка — имеющие биологический, физический и химико-физический профиль соответственно. Эти города составляют основную **географическую рамку исследования**. Однако при анализе их архитектурно-градостроительных решений учитывается контекст всей советской архитектуры указанного периода. В зависимости от специализации и других факторов каждый из указанных научных центров обладает своими особенностями, но их проектированием занимался один проектный ин-

ститут — ГИПРОНИИ АН СССР. Все три подмосковных научных центра возводились практически «с нуля» на свободных территориях¹⁰.

Активное проектирование этих трех городов велось с 1950-х по 1980-е гг., что определяет **хронологические рамки данного исследования**. Нижней границей следует считать 1954–1956 гг., когда Президиум АН СССР принял первые решения о вынесении ряда институтов за пределы Москвы и началась разработка концепций новых научных поселений (первые проекты планировки Пущина относятся к 1956 г.). Верхняя граница основного периода — конец 1980-х гг., когда с распадом советской системы фактически прекратилось централизованное финансирование проектирования и строительства. Тем не менее для анализа дополнительно привлекается материал 1930–1940-х гг., когда в Москве предпринимались первые попытки создания крупных академических комплексов и зарождалась проектная контора, впоследствии ставшая институтом и отвечавшая за научные центры. Это позволяет понять генезис идей, реализованных позднее в Подмоскowie.

Цель работы — представить модель описания творческого процесса, показывающую, как действия институций и персоналий, а также смена стилевых ориентиров соотносились с эволюцией архитектурных и градостроительных замыслов подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие конкретные задачи:

1. Описать историю проектирования научных центров в 1950–1980-е гг., проанализировать формально-стилистические особенности архитектурных решений и выявить характерные черты планировочных структур в их градостроительных концепциях;

¹⁰ Хотя каждый из научных центров получил название от близлежащего старого населенного пункта, исторически сложившейся планировочной структуры они не наследовали. Особенно явно это прослеживается в планировке Пущина и Черноголовки; история Троицка связана с тем, что на определенном этапе его роста как нового города он поглотил исторический поселок.

2. Выделить исторические этапы творческого процесса проектирования подмосковных научных центров, описав для каждого совокупность определяющих факторов и роль ключевых персоналий и институций;
3. Проследить архитектурно-стилевую и планировочную эволюцию проектов научных центров 1950–1980-х гг., разработать ее периодизацию и сопоставить с существующей периодизацией советской архитектуры 1950–1980-х гг.;
4. Сопоставить выделенные исторические этапы творческого процесса с разработанной архитектурно-стилевой периодизацией;
5. Проследить развитие подходов к проектированию научных комплексов, выступавших градообразующим ядром для исследуемых городов, выявить влияние на их проекты зарубежного опыта, практики в других частях СССР и методологических разработок ГИПРОНИИ;
6. Реконструировать историю организационной структуры института ГИПРОНИИ, установить, влияли ли изменения в ней на характер творческого процесса архитектурного проектирования подмосковных научных центров.

Методология и методы исследования

Исследование основывается на принципе историзма, который обеспечивает целостное рассмотрение материала и позволяет объединить методы искусствоведения с междисциплинарными подходами. Каждый замысел рассматривается в контексте своего времени: архитектурные проекты мы анализируем в неразрывной связи с творческими установками авторов и с учетом влияния иных участников и процессов. Любые концепции и образы представляются не как статичные единицы, а как непрерывно претерпевающие изменения (и подчас радикальные); в центр внимания помещается именно динамический процесс их трансформаций, на основе анализа которого и делаются обобщающие выводы.

В работе уделяется много внимания анализу роли участников творческого процесса проектирования. В XX в. сама архитектурная (и еще сильнее — градостроительная) практика многократно усложнилась и стала требовать взаимодействия огромного числа специалистов с разными компетенциями. Рассмотрение позднесоветской архитектуры исключительно через призму стиля при игнорировании контекста его формирования оборачивается схематичными выводами и

осложняет междисциплинарное сопоставление. Следует помнить, что в рассматриваемый период авторство архитектурного (а тем более градостроительного) проекта часто связывалось не с фигурой «архитектора-мастера», а с коллективом — группой авторов, мастерской и даже целым проектным институтом. Поэтому в исследовании применяется подход институциональной истории. Учитываются не только личные биографии архитекторов, но и общая институциональная логика, в которой рождались идеи и методы работы. В частности, анализируется внутреннее устройство ГИПРОНИИ, структура мастерских которого видоизменялась и усложнялась на протяжении 1950–1980-х гг., что было связано с характером творческого процесса.

Проекты и их реальные воплощения в архитектурно-градостроительных комплексах и отдельных зданиях анализируются нами с использованием формально-стилистического и сравнительного методов. Сопоставление трех подмосковных научных центров, а также сравнение их с другим опытом (Новосибирским Академгородком, различными отечественными и зарубежными комплексами рассматриваемого времени) позволило выделить как общие тенденции, характерные для проектирования всех изучаемых городов, так и уникальные решения. Данный подход позволил не только описать стилевую картину проектов научных центров, но и связать процесс их проектирования с широким контекстом истории науки и истории отечественной архитектуры исследуемого периода.

Для анализа творческого процесса проектирования научных центров в Подмоскowie нами привлекаются соответствующие **источники**, многие из которых вводятся в научный оборот впервые: архивные графические материалы (генеральные планы, проекты зданий, эскизы) и текстовые документы (протоколы, письма, отчеты); публикации советского времени в профессиональных изданиях и массовой периодике; автобиографии ключевых участников; исторические фотографии и видеоматериалы. В процессе исследования нами также были проведены интервью с некоторыми архитекторами, непосредственно участвовавшими в проектировании подмосковных научных центров. Анализ источников в работе сопоставлен с результатами полевого обследования научных центров.

Для организации и обработки обширной информации применялись современные цифровые инструменты: создана электронная картографическая база, в которой отмечены все выявленные объекты (построенные и нереализованные) с указанием авторов проектов, дат и источников данных; составлены хронологические таблицы, увязывающие эволюцию градостроительных планов с ключевыми решениями и событиями; созданы схемы, позволяющие проследить динамику стилевых трансформаций в архитектуре; разработана схема проектного института ГИПРОНИИ АН СССР, отражающая изменение его организационной структуры и кадрового состава.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно впервые предлагает системный и комплексный анализ архитектурно-градостроительных проектов подмосковных научных центров. В ходе работы привлечен широкий круг источников, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. В их числе материалы из архивных фондов АРАН, ГАРФ, РГАЭ, ЦГАМО и др., а также личных собраний советских архитекторов и их семей: оригинальные генеральные планы, проекты застройки, служебная переписка, отчеты и другие документы, напрямую отражающие или сопровождающие процесс проектирования научных центров. Эти данные дополняются сведениями из решений и постановлений органов власти, а также современными проектированию публикациями, в том числе статьями в профессиональной периодике и литературе. Таким образом, создана наиболее полная на сегодня документальная база по истории архитектуры Пушкина, Троицка и Черноголовки. На основе этих материалов в диссертации разработаны и обоснованы хронология и этапы архитектурного проектирования научных центров. Проведено выявление и сопоставление характерных особенностей их архитектуры с общими стилевыми направлениями советской архитектуры на всех хронологических этапах исследуемого периода. В работе учтен и проанализирован вклад проектной организации в целом как института, отдельных мастерских, участвовавших в создании каждого из городков, а также архитекторов как персональных авторов. Такой подход позволяет выйти за рамки традиционной персонафицированной модели и адекватнее отразить особенности архитектурного проектирования второй половины XX в.

Существенно новым является подход к рассматриваемым городам не как к статичным ансамблям, а как к сложным динамическим образованиям, архитектурный облик которых складывался поэтапно на протяжении нескольких десятилетий. Впервые прослежена эволюция каждого научного центра от первоначального замысла до прекращения комплексного строительства в конце 1980-х гг., установлено, какие фрагменты городского пространства сформировались в рамках тех или иных проектов и стилевых периодов, что позволяет увидеть научные центры в «разрезе времени», в развитии, а не только в окончательном состоянии. Такой продолжительный и подробный динамический анализ, основанный на сопоставлении проектов разных лет, ранее не проводился и значительно углубляет понимание процессов формирования архитектуры второй половины XX в.

Наконец, научная новизна работы проявляется и в междисциплинарном ее характере: она дополняет исследования по истории советской науки и научных институтов, где обычно архитектуре уделяется второстепенное внимание. Сочетание исторического и архитектурно-стилистического анализа позволило получить более целостную картину возникновения и развития научных центров.

Теоретическая значимость работы

Во-первых, применение институционального подхода к исследованию истории советской архитектуры значительно обогащает существующий инструментарий формально-стилистических, биографических и культурологических методов. В настоящей работе именно институциональная история позволила выявить, каким образом внутренняя структура проектного института ГИПРОНИИ и отношения между различными заинтересованными сторонами оказывали влияние на творческий процесс проектирования и, в конечном счете, формирование архитектурного облика научных центров. Понимание логики функционирования этих механизмов, обычно остающейся вне поля зрения традиционного формально-стилистического анализа, углубляет представление о советской архитектуре как о комплексном явлении, рождавшемся из взаимодействия множества акторов.

Во-вторых, столь подробное рассмотрение истории проектирования подмосковных научных центров во многом формирует основу для понимания специфики развития архитектуры комплексов научно-исследовательских институтов в СССР

в 1950–1980-е гг., поскольку критически осмысляет многочисленные публикации проектировавшего их института ГИПРОНИИ, который с конца 1960-х гг. активно развивал собственную издательскую программу. Проблема самомифологизации в советской архитектуре представляется крайне значимой, и представленный анализ обнажает общие паттерны расхождений между декларациями и реальной архитектурно-градостроительной практикой. Работа демонстрирует пример того, как публикации крупных проектных институтов могли формировать целостное — но порой иллюзорное — представление о собственном творчестве. Это, в свою очередь, открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных как на критический пересмотр официальной риторики, так и на выявление малоизвестных или не вписывавшихся в канонический нарратив проектов «периферийных» мастерских в структурах больших проектных организаций. Подобный подход позволит сформировать более целостное представление об истории советской архитектуры, не ограниченное жесткими рамками номенклатурной иерархии.

Практическая значимость работы

Результаты данного исследования, систематизированные данные об архитектурно-градостроительных особенностях подмосковных научных центров, могут служить основой для подготовки курсов по истории советской архитектуры и градостроительства. Кроме того, надежный научный фундамент позволит формировать на его основе широкое представление о наследии 1950–1980-х гг. посредством подготовки выставок, экскурсий и публикаций популярного характера.

Помимо просветительского и образовательного аспекта, полученные выводы представляются особенно важными в связи с потребностью в выявлении, сохранении и грамотном использовании архитектурного наследия Пущина, Троицка и Черноголовки. Материалы исследования могут стать методической базой для оценки историко-архитектурной ценности объектов, их дальнейшей постановки на охрану в качестве объектов культурного наследия или достопримечательных мест. Таким образом, обращение к истории проектирования подмосковных научных центров продиктовано как научной новизной темы, так и практической востребованностью знаний о ней в контексте сохранения наследия исследуемых городов.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, библиографии и источников, а также двух приложений: первое содержит историографию и обзор источников, а второе — иллюстрации и схемы. Главы организованы в основном по хронологическому принципу, при этом первая из них охватывает промежуток с середины 1930-х по 1950-е гг., стремясь представить генезис проектирования подмосковных научных центров. В последующих четырех главах рассматриваются временные периоды со второй половины 1950-х по 1980-е гг. Главы включают по несколько параграфов, решающих отдельные задачи исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творческий процесс проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг. укладывается в четыре исторических этапа, обусловленных влиянием позиций руководства государства, Президиума АН СССР и изменениями во внутренней структуре проектного института ГИПРОНИИ: этап «выдворения» строительства новых академических НИИ из столицы во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.; этап формирования новых научных центров в Подмоскowie в 1960-е гг.; этап усиления и автономии подмосковных научных центров в 1970-е гг.; этап деприоритизации и консервации в 1980-е гг.
2. В противовес распространенному представлению о том, что создание подмосковных научных центров было частью заранее продуманной градостроительной политики, оно стало вынужденной компромиссной мерой в свете запрета на строительство новых институтов АН СССР в Москве. Вынос новых НИИ в Подмоскowie происходил во многом вопреки интересам и желаниям Академии.
3. Архитектурно-стилевая эволюция проектов научных центров 1950–1980-х гг. делится на три периода: творческих поисков в середине 1950-х — начале 1960-х гг., интернационального модернизма в 1960-е гг. и позднего модернизма 1970–1980-х гг.

4. Процесс стилового перехода к модернизму в период «оттепели», ранее трактовавшийся как линейное и поступательное упрощение неоклассики, на примере научных комплексов предстает как волнообразное движение: вслед за резким отказом от фасадной пластики в середине 1950-х гг. она постепенно возвращается в форме редуцированной неоклассики, а в начале 1960-х гг. — столь же резко происходит переход к интернациональному модернизму; аналогичная непоследовательность прослеживается и в развитии градостроительных решений.
5. Активное развитие формата встроенно-пристроенных объектов обслуживания и постепенное сокращение числа самостоятельных общественных зданий в 1980-е гг. были связаны с выходом в 1980 г. ограничительного постановления, которое ранее оставалось почти незамеченным в историографии.
6. Организация проектирования существенно влияла на характер творчества архитекторов: в 1950–1960-е гг. частая смена авторских коллективов способствовала одновременно и притоку свежих идей, и относительному единообразию в планировке и архитектуре подмосковных научных центров, а создание в 1970-е гг. местных мастерских, наделенных высокой автономией, привело к инертности замыслов, но в то же время проявлению локального своеобразия в архитектуре каждого города.
7. К теоретическим идеям и методам проектирования, разрабатывавшимся в ОНИР ГИПРОНИИ с конца 1960-х гг., сотрудники мастерских института в подмосковных научных центрах относились не как к единственно возможному руководству к действию, а воспринимали их наряду со всем спектром доступного для изучения отечественного и зарубежного опыта.

Апробация работы

Основное содержание диссертации представлено в следующих публикациях в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования, а также в журналах из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, по соответствующим научным специальностям и отраслям наук:

1. *Антипин К.С.* Конкурс форпроектов Академии наук 1934–1935 годов: обстоятельства поручения проектирования А.В. Щусеву // Художественная культура. 2024. № 3. С. 296–331 (0,9 п.л.). Импакт-фактор 0,412 (РИНЦ). EDN: OZAUFR.
2. *Антипин К.С.* Архитектурный ансамбль научных институтов в Пущино: история и принципы проектирования в 1950–1980-е годы // Архитектон: известия вузов. 2024. № 2(86) (0,86 п.л.). Импакт-фактор 0,316 (РИНЦ). EDN: MAPHWD.
3. *Антипин К.С.* Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов // Философия и культура. 2024. № 6. С. 11–37 (1,28 п.л.). Импакт-фактор 0,545 (РИНЦ). – EDN: EDIBIJ.
4. *Антипин К.С.* Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 88–97 (0,74 п.л.). Импакт-фактор 0,208 (SJR). EDN: QBWWMV.

Иные публикации:

5. *Антипин К.С.* Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // Векторы. Сборник статей XXI и XXII международных конференций молодых ученых 2023–2024 гг. М., 2024. С. 152–171 (0,69 п.л.). Импакт-фактор отсутствует. EDN: IDBEYG.
6. *Антипин К.С.* Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // Аспирантский сборник. Выпуск 13. Сборник статей по материалам Международного форума молодых исследователей искусства «Научная весна–2023». М., 2024. С. 305–317 (0,5 п.л.). Импакт-фактор отсутствует. EDN: CUZGUW.

Результаты исследования излагались в следующих докладах на конференциях:

1. Архитектура советских зданий вычислительных центров: попытка типологизации // Всероссийская научно-практическая конференция «Борис Мезенцев. Творческий поиск архитектора», 4–5 октября 2023 г.

2. Проектирование академических комплексов Москвы 1930–1940-х годов: роль и вклад А.В. Щусева // Конференция «Щусевские чтения — 2023», ГНИМА, 11–13 октября 2023 г.
3. Стилиевые трансформации в советской архитектуре второй половины 1950-х годов на примере зданий Академии наук // «Русское искусство. Стилъ и манера», МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 марта 2024 г.
4. Многословная теория и молчаливая практика проектирования академических научных центров // «Русское искусство. Слово и молчание», МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 апреля 2025 г.
5. «Олимпийское» постановление: ограничение строительства общественных зданий в СССР и его влияние на советскую архитектуру 1980-х годов // Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства XI», 14–19 октября 2024 г.
6. Особенности развития подмосковных академгородков в 1980-е годы: архитектурно-градостроительный аспект // Семинар «Наука и город в позднем Советском Союзе: история, пространство, сообщества», НИУ ВШЭ, 20–21 февраля 2025 г.
7. Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // VII Ежегодный форум молодых исследователей искусства и культуры «Научная Весна», ГИИ, 26–28 апреля 2023 г.
8. Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // XXII Международная конференция молодых ученых «Векторы», Москва, 18–21 апреля 2024 г.

Кроме того, результаты исследования были апробированы при оказании методической помощи кураторам выставки «Конструкторы науки» в Музее архитектуры им. А.В. Щусева, приуроченной к 300-летию юбилею Российской академии наук и посвященной архитектуре научных комплексов 1950–1980-х гг., а также при чтении лекционного курса в рамках параллельной программы к выставке.

ГЛАВА 1. Проектирование академических комплексов в Москве в 1930–1950-е гг. и их вынос из столицы в середине 1950-х гг.

Реформы советской архитектуры середины 1950-х гг. во многом разорвали связь между опытом, накопленным в рассматриваемый в этой главе период, и будущими исканиями, в результате которых родились проекты научных центров как обособленных городов — объект данного исследования. Тем не менее уже в 1930-е гг. и в послевоенное время архитекторами под руководством А.В. Щусева были выработаны многие композиционные и планировочные принципы, которые продолжают применяться в последующие десятилетия. Поэтому не касаясь проектов Главного здания Академии наук, которое в 1935 г. решили расположить на Крымской набережной¹¹, а также архитектуры отдельных институтских и жилых зданий, распределенных между четырьмя другими выделенными Академией в 1930-е гг. участками¹², кажется важным рассмотреть замыслы, которые предусматривали комплексное размещение научных институтов и жилых домов. Главным из таких на протяжении 1930–1950-х гг. был академгородок на юго-западе Москвы. Ансамбль академических институтов и жилья для ученых на Калужском шоссе (с 1957 г. — Ленинский проспект) в Москве — по сути, первый случай реализации комплексного замысла по строительству инфраструктуры для фундаментальной науки в СССР. Первый параграф данной главы посвящен процессу его проектирования в 1930–1950-е гг., начало которому положил конкурс 1934–1935 гг.

Во втором параграфе представлена история становления проектной организации в структуре АН СССР: ее превращение из де-факто персональной мастерской А.В. Щусева в институт ГИПРОНИИ со сложной организационной структурой из множества мастерских. Именно ГИПРОНИИ в середине 1950-х гг. стал заниматься проектированием подмосковных научных городков, и накопленный за предыдущие десятилетия опыт во многом определил подход к этой работе.

¹¹ АРАН. Ф. 2. Оп. (1936). Д. 421. Л. 54.

¹² Долгова Е.А. «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 730.

Ранние этапы создания подмосковных научных центров, связанные с формированием их концепции, выбором мест для строительства и началом проектирования, до сих пор оставались неизученными. Вопрос о том, в связи с чем было принято решение о выносе строительства научных учреждений Академии наук за пределы столицы, не имел в историографии внятного ответа. В третьем и четвертом параграфах главы будет рассмотрена неоднозначная история замысла подмосковных научных городков, которая, будучи вписанной в разные контексты, становится все более сложной и объемной. Анализируются также и факторы, которые привели к выбору формата размещения академических институтов обособленно от существующих крупных поселений. Идея строительства подмосковных академгородков формировалась при участии целого ряда акторов. Анализ их действий выходит за рамки одной дисциплины и затрагивает не только сферу теории архитектуры и градостроительства, но и требует погружения в историю науки и политики.

Как показано в историографии, создание городов науки под Москвой принято связывать с использованием зарубежного опыта, в частности, строительства городов-спутников. Вопросу о том, опирались ли на него на этапе принятия решений о строительстве подмосковных академгородков те, кто принимал эти решения, посвящен последний параграф главы.

1.1 Проектирование академгородка в Москве в 1930–1950-е гг.¹³

С момента образования СССР наука была важной декларируемой ценностью государства. Перенос столицы из Петрограда в Москву через некоторое время повлек и перевод учреждений Академии наук¹⁴, который требовал значительного строительства. Вести его Президиум АН СССР в начале лета 1934 г. постановил

¹³ Полный разбор обстоятельств проведения конкурса, тонкостей его организации, а также количества и характера представленных на конкурс проектов и выбора лучшего из них, представлен в статье (см. *Антипин К.С.* Конкурс форпроектов Академии наук 1934–1935 годов: обстоятельства поручения проектирования А.В. Щусеву // *Художественная культура*. 2024. № 3. С. 296–331.

¹⁴ Постановление СНК СССР от 25 апреля 1934 г. № 965 «О переводе Академии наук Союза ССР в Москву» // *Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК* от 26 апреля 1934 г., № 98. С. 328.

целесообразным «одним комплексом»¹⁵. Опыта строительства крупных ансамблей после поворота к «освоению классического наследия» в Москве и СССР в тот момент было еще мало, а Академия наук и вовсе не сталкивалось с подобными задачами ранее. Осенью 1934 г. руководство Академии организовало закрытый конкурс форпроектов, к участию в котором пригласили шесть мастерских. Одной из целей конкурса стало определение лучшего места для расположения комплекса¹⁶. Участникам «...было предложено выбрать любой участок в районе Калужской улицы, начиная от Ризоположенской площади по направлению к Калужской заставе и дальше, за Окружной дорогой в районе Калужского шоссе и Ленинских гор»¹⁷. Однако в отношении территории вдоль Большой Калужской улицы действовало много ограничений, тогда как за Калужской заставой таковых не было.

Хотя генеральный план Москвы на момент проведения конкурса еще не был утвержден, уже существовали отдельные его части, в том числе план обводнения, в соответствии с которым Калужскую заставу должен был перерезать один из спрямляющих русло Москвы-реки каналов. Все участники конкурса так или иначе учитывали его наличие в своих проектах, но главным образом он повлиял на расположение комплексов. Только проекты мастерской И.А. Фомина — и выполненный под его личным руководством [Илл. 1.2], и под руководством В.Н. Кульганова [Илл. 1.1] — предложили организацию комплекса Академии, предполагавшую его разделение Окружной железной дорогой и Андреевским каналом. Оба они в итоге подверглись критике жюри: «Разделение территории Академии Наук на две части... нельзя назвать рациональным и удобным для жизни Академии...»¹⁸

Особняком среди проектов также стоял вариант А. Люрса [Илл. 1.3], который выбрал площадку за Андреевским каналом в непосредственной близости от него. В печати его в основном критиковали за архитектуру — недостаточно тяжеловес-

¹⁵ АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1934). Д. 13. Л. 1.

¹⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 421. Л. 25.

¹⁷ АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

¹⁸ ММ ОФ-15166/186.

ную¹⁹ и определенную «западно-европейским “радикальным” геометризмом»²⁰. Однако проект имел и очевидный недостаток в планировочном решении, отмеченный членом жюри конкурса И.П. Машковым²¹: участок Академии с трех сторон был окружен транзитными магистралями, ограничивающими потенциальное развитие; кроме того, фронт застройки был составлен из жилых домов, перекрывающих вид на здания научных учреждений с более парадной архитектурой.

Остальные участники также выбрали площадку на Ленинских горах. У коллектива М.И. Рославлева [Илл. 1.6] комплекс решен в виде системы из множества площадей и улиц, занимающих рекордно большую территорию среди всех проектов. Группы зданий в нем были разнесены в пространстве и разделены Ботаническим садом, при этом сам сад пересекался Калужским шоссе. Коллективы Н.А. Троцкого [Илл. 1.5] и А.К. Барутчева [Илл. 1.4] предложили значительно более адекватную оценку масштаба комплекса, а А.В. Щусев [Илл. 1.7] и вовсе дал самое компактное решение²². Три последних проекта имеют сходные между собой композиции, построенные на пересечении Калужского шоссе и перпендикулярной ему оси, ведущей к бровке Воробьевых гор и планировавшемуся в тот момент проспекту Ильича (ныне Вернадского).

Планировка комплекса Академии наук была решена А.В. Щусевым в виде группы квадратных кварталов, в центре которых размещена площадь с главным зданием, ориентированным на Москву-реку. В отличие от других коллективов команда академика предложила очень простую и при этом открытую пространственную структуру в виде сетки кварталов, обладающих гибкостью в части внутреннего наполнения. Универсальность разработанной А.В. Щусевым модели, к тому же, позволила без существенной переработки использовать на двух других площадках в пределах предложенной конкурсом территории [Илл. 1.9]. Во-первых, на участке у Большой Калужской улице напротив Нескучного сада, который

¹⁹ «Все здания кажутся легкими, даже воздушными...» // *Марков Н.В.* Академия наук и Ленинские горы // *Архитектурная газета*. М., 1935. № 3. с. 4.

²⁰ *Хигер Р.* Конкурс форпроектов зданий Академии наук в Москве // *Архитектура СССР*. М., 1935. № 3. С. 10.

²¹ ММ ОФ-15166/189.

²² *Марков Н.В.* Академия наук и Ленинские горы // *Архитектурная газета*. М., 1935. № 3. С. 4.

был крайне привлекателен возможностью включения Академии в уже существующую городскую среду. Во-вторых, на свободной площадке за Андреевским каналом, но с расположением комплекса ближе к Калужской заставе, чем в основном варианте. Несмотря на то, что на тесном участке напротив Нескучного сада Щусеву удалось разместить за несколькими исключениями тот же набор зданий [Илл. 1.8], что и на Воробьевых горах, места для чего-то сверх проекта вокруг уже не оставалось. Кроме того, само строительство нового комплекса Академии в этом месте подразумевало значительный объем сноса существующих построек, в том числе относительно недавно возведенных для научных институтов. Поэтому детально проработан и оформлен для подачи был лишь основной вариант — с размещением на Ленинских горах, но в публикации по итогам конкурса фигурирует и эскиз второго²³. Об еще одном варианте проекта Щусева известно лишь из текста заключения жюри: «По третьему варианту, представленному схематически, здания Академии комплексно принятой по первому варианту планировке продвинуты к городу на площадку вблизи линии Окружной жел. дороги и будущего канала, ориентируя основную ось построек по Б. Калужской улице»²⁴.

Разработанный под руководством А.В. Щусева форпроект, с одной стороны, предлагал относительно компактный характер застройки и занимал небольшую площадь, а с другой — закладывал резервы и имел композиционную расположенность к потенциальному расширению в рамках предложенной структуры. Этих особенно важных в контексте стремительного развития науки качеств были лишены проекты других авторов, которые зачастую стремились занять строго ограниченные пространства сложными композиционно законченными структурами, не оставляя потенциала для их гармоничного роста в будущем. Однако и проект самого А.В. Щусева не был лишен недостатков: несмотря на то, что архитектор наметил перспективное строительство новых институтов на прилегающих территориях, возможностей для будущего расширения учреждений в границах уже построенных кварталов не предусматривалось, что в дальнейшем потребовало переработки концепции.

²³ Архитектурная газета. М., 1935. Прил. к № 3. С. 1.

²⁴ ММ ОФ-15166/186.

Механизм подведения итогов конкурса включал три этапа: подготовка заключения жюри, рассмотрение результатов Строительной комиссией и утверждение решения в Президиуме АН СССР²⁵. По каждому из этапов удалось найти отражающие их итоги документы, позволившие в общем виде восстановить ход всего процесса. Для анализа конкурсных проектов были привлечены И.В. Рыльский, И.П. Машков и Н.Д. Колли²⁶.

С точки зрения выбора участка жюри разбило проекты на четыре группы. В первую вошел лишь вариант проекта А.В. Щусева с размещением на Большой Калужской улице [Илл. 1.8] — он был раскритикован за отсутствие резервов и дробление комплекса оживленной городской магистралью. Вторую группу составили проекты И.А. Фомина [Илл. 1.2] и В.Н. Кульганова [Илл. 1.1], разделивших территорию Академии наук Андреевским каналом и железной дорогой — хотя в целом такое решение было названо нерациональным и неудобным, преимуществом проекта И.А. Фомина названо то, что он «оформляет город», тогда как решение В.Н. Кульганова об упразднении Большой Калужской улицы как магистрали названо неприемлемым.

Третью группу составили работы Н.А. Троцкого [Илл. 1.5], М.И. Рославлева [Илл. 1.6], А. Люрса [Илл. 1.3] и Гипрогора [Илл. 1.4] — среди них лучшим называется проект Троцкого, «который дал наиболее парадное решение и, кроме того, удачно выделил Типографию с клубом, разместя их до Окружной жел. дороги»²⁷. По какой-то причине основной вариант А.В. Щусева [Илл. 1.7] был отнесен в отдельную группу вместе с его же с третьим вариантом, представленным схематично [Илл. 1.9]. В целом по вопросу планировки жюри заключило: «Из сопоставления всех перечисленных вариантов следует дать преимущество проекту акад. Щусева в третьем его варианте, как наиболее целесообразному»²⁸.

²⁵ Из описания процесса утверждения решения Г.Д. Цюрупы: «...результаты конкурса были просмотрены, с одной стороны, Строительной комиссией и по докладу Строительной комиссии т. Брицкого (Э.В. Брицке — авт.) в Президиуме утверждены...» (АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 (об.)).

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ ММ ОФ-15166/186.

²⁸ Там же.

Рассматривая рациональность компоновки территории Академии наук, жюри в качестве наиболее удачных назвали композиции проектов А.В. Щусева и Н.А. Троцкого, особенно выделяя проект первого за компактность и цельность. В вопросе архитектуры жюри выделило проекты сразу трех авторов: А.В. Щусева, И.А. Фомина и Н.А. Троцкого, «которые на основе классической архитектуры дают интересное оформление зданий в общем отвечающее значению Академии Наук и поэтому могут служить украшением города»²⁹. Отвечая на ключевой вопрос: «Какой из проектов следует взять в основу дальнейшей проработки»³⁰ — жюри также выделило проект А.В. Щусева, который, по их мнению, ближе всего подошел к решению задачи.

Следующей инстанцией, рассматривающей конкурсные проекты и выводы жюри по ним, была Строительная комиссия (или Стройбюро). Итог ее работы отражен в письме ее председателя В.Л. Комарова в Президиум АН СССР. Текст полностью посвящен перечислению достоинств проекта Н.А. Троцкого и заключает: «...в основу дальнейшей разработки технического проекта генплана всего комплекса сооружений АН надлежит положить компоновку генплана, предложенную проф. Троцким... <...> Стройбюро просит Президиум Академии Наук настоящее предложение утвердить»³¹. Тем не менее 5 февраля 1935 г. Президиум АН СССР постановил: «Разработку технического проекта генплана, Главного здания и Библиотеки поручить акад. Щусеву и еще одному лицу, которое предоставляется наметить Стройуправлению АН»³².

Рассматривая выполненный в феврале–апреле 1935 г. Щусевым новый вариант генплана АН СССР [Илл. 1.10], можно заметить, что единственным неизменным элементом относительно конкурсных предложений явился комплекс главного здания с библиотекой — все остальные постройки обрели совсем иные формы и размеры, а общая композиция стала более походить на конкурсный проект Н.А. Троцкого. По всей видимости, оказалось учтено предложение Стройбюро о

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1935). Д. 24. Л. 66.

³² Там же. Л. 69 (об.)

необходимости принять за основу дальнейшей разработки генплана вариант Н.А. Троцкого.

Важной задачей Академии наук в период проведения конкурса был выбор и согласование участка для будущего строительства. И уже 20 января заведующий отделом планировки Моссовета сообщил заместителю председателя СНК В.И. Межлауку, что «считает возможным отвести участок для строительства Академии Наук, уже начиная с 1935 г., по левой стороне Калужского шоссе за Окружной ж.д.»³³, а 25 января комиссия В.И. Межлаука приняла соответствующее решение об отводе³⁴. Это действие прямо соответствует заключению жюри конкурса, однако принято было еще до него. Само решение об отводе не являлось окончательным и требовало принятия постановления СНК, а затем оформления передачи участка Моссоветом, чего по определенным причинам не последовало³⁵. Тем не менее разработка коллективом А.В. Щусева трех вариантов конкурсного проекта для разных площадок на фоне отсутствия подобных инициатив у других участников позволяет предположить, что взаимодействие архитектора с Академией наук было более тесным. В таком случае согласование выделения участка 20 января 1935 г. могло стать следствием работы комиссии Рыльского, Машкова и Колли, еще до подведения официальных итогов сделавшей необходимые выводы по предложенным А.В. Щусевым вариантам планировки.

Вначале конкурс был задуман как нечто второстепенное по отношению к проектированию, ведущемуся собственными силами Академии наук, и его результаты не должны были лечь в основу этой работы, а лишь скорректировать ее. Однако неопределенность с выбором участка для строительства, разрешившаяся лишь по окончании конкурса и, скорее всего, с учетом предложений конкурсных проектов, не позволяла начать какое-либо реальное проектирование на протяжении 1934 г. Можно предположить, что собственная работа Академии над гене-

³³ Там же. Л. 54–56.

³⁴ Там же. Л. 6.

³⁵ Затянувшаяся вплоть до 1936 г. история выделения участков для строительства Академии наук в Москве уже напрямую не относится к конкурсу и будет разобрана в будущих публикациях.

ральным планом³⁶ не дала приемлемых плодов, и в результате ее руководство решило ориентироваться на конкурс в куда большей степени, чем планировало.

Число выполненных А.В. Щусевым вариантов конкурсного проекта может говорить о направлении его работы Академией наук в процессе конкурса. При этом уменьшающаяся от варианта к варианту степень проработки говорит о том, что направляющие указания поступили архитектору на относительно позднем этапе. Особенно это касается третьего варианта, «представленного схематически»³⁷, но в результате названного жюри лучшим среди всех конкурсных проектов в вопросе выбора площадки, который так остро стоял перед Академией.

В 1935 г. проектирование большей части новых объектов Академии наук поручили А.В. Щусеву и его архитектурно-проектной мастерской № 2 Моссовета³⁸. Как было отмечено, в первом выполненном после конкурса проекте [Илл. 1.10] авторы сохранили разработанную для главного здания архитектуру, но полностью пересмотрели градостроительную структуру остального комплекса. Бывший ранее осью симметрии луч, направленный к бровке Воробьевых гор, остался в проекте, но потерял прежнее значение, так как главное здание и площадь перед ним были обращены к центру города, и остальная застройка стала разворачиваться в том же направлении. Взамен четкости и лаконичности единообразных кварталов — вслед за соперниками по прошедшему конкурсу — А.В. Щусев разработал сложную композицию, составленную из разных по масштабу и объемной композиции зданий. Важным изменением в новом варианте также стало исключение транзитного движения по территории городка: если в конкурсном проекте кварталы занимали обе стороны Калужского шоссе, проходящего через главную площадь комплекса, то теперь оно было расположено в стороне от ансамбля. Но вследствие этого фронт ключевой городской магистрали оказывался сформирован второстепенными по архитектуре зданиями. Этот факт мог бы послужить поводом для переработки проекта, однако значительно более существенные коррективы в

³⁶ *Флаум А.Я.* Академия наук СССР в Москве // Вестник Академии наук СССР. Л., 1934. № 11–12. С. 53–54.

³⁷ ММ ОФ-15166/186.

³⁸ АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1935). Д. 22.

концепцию комплекса Академии наук внес утвержденный в июле 1935 г. генеральный план Москвы. А.В. Щусев в 1936 г. писал:

«Мы сначала... предполагали строить Академию наук... на совершенно свободном месте. Но это не соответствовало бы интересам архитектурной реконструкции Москвы. При этом условии из архитектурного комплекса нашей столицы выпал бы такой мощный строительный комбинат, как Академия наук, которая может явиться украшением ее»³⁹.

В результате запланированный к строительству перечень академических институтов, жилья и прочей инфраструктуры был распределен между пятью участками [Илл. 1.11]. Первый — в центре города, на Крымской набережной — отвели для строительства Главного здания Академии наук. Второй и третий участки были выделены вдоль Большой Калужской улицы, где на тот момент уже располагался ряд институтов и куда в 1934 г. переехал Президиум Академии. Четвертый участок, точное положение и границы которого в 1935 г. еще не были определены, располагался «на нижних склонах Воробьевской горы, по обе стороны Калужского шоссе»⁴⁰ — именно здесь планировалось строительство наибольшего числа новых зданий, а также ботанического сада. Пятый участок — самый скромный по размерам — находился в Замоскворечье в Старомонетном переулке, где в тот момент уже разместились институты Геологической группы⁴¹.

До конца 1935 г. работа мастерской А.В. Щусева велась лишь на стадии эскизов, поскольку Академией не было разработано технического задания⁴². Амбициозные планы по реализации возложенных еще в 1934 г. задач никак не удавалось начать реализовывать: долгие тяжбы с городскими властями по поводу выделения участка, внутриакадемические дискуссии о размере площадей, необходимых тому или иному институту — оба процесса затягивались и взаимно влекли за собой пересмотр ранее утвержденных решений. Следствием этого было множество архитектурных проектов застройки академгородка, выполненных мастерской А.В. Щусева в 1935–1937 гг.

³⁹ Щусев А.В. Гигантский комплекс // Архитектурная газета. 1936. 31 декабря. № 72. С. 1.

⁴⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 17. Л. 24.

⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260. Л. 5.

⁴² АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1935). Д. 22.

К началу 1936 г. в ведении Академии наук наконец оказался участок на Калужском шоссе, но более удаленный от центра Москвы, чем запрошенный ранее. Для размещения на нем институтов Биологической и Химической ассоциаций, издательского комбината, гаражей и жилья даже было создано планировочное решение [Илл. 1.12]. Жилые дома были разбиты на два квартала: первый — для ученых, второй — для граждан, которых Академии было предписано переселить из сносимых домов на участке строительства комплекса Главного здания на Крымской набережной. Наибольшую важность и интерес представляет структура первого: близкий по форме к квадрату квартал по периметру окружен непрерывным фронтом из жилых домов с курдонерами по центру. В середине квартала — на осях курдонеров — расположено кольцо из трех дугообразных в плане домов. Хотя в дальнейшем проект оказался полностью переработан, концентрическая структура застройки жилого квартала для ученых в том или ином виде будет встречаться в последующих проектах. Еще один небольшой жилой квартал был расположен в одном ряду с кварталами издательского комбината и гаражей с мастерскими — дальше от центра Москвы.

Что же касается научных институтов, то их разместили за развилкой старых Калужского и Киевского шоссе, окружив с трех сторон зеленью Ботанического сада. Два разновеликих квартала заняли институты химического и биологического направлений. Их застройка базировалась на принципе осевой симметрии: ему подчинялись как фронты кварталов в целом, так и объемные композиции и фасады отдельных зданий — это было характерно для всей советской архитектуры той поры.

Первый близкий к начатому реализовываться проект четвертого участка [Илл. 1.13] был создан, по всей видимости, весной 1936 г., когда Моссовет все же выделил Академии наук участок для институтов и Ботанического сада, начинающийся «от Калужской заставы до вновь проектируемой Рублевской магистрали»⁴³. В нем сформировался образ комплекса как прямого ряда глубоких кварталов с преимущественно периметрально расставленными зданиями и большими свобод-

⁴³ Ныне площадь Гагарина и улица Дмитрия Ульянова // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 258. Л. 38–39.

ными пространствами внутри. Из четырех прямоугольных кварталов три отводились под научные институты, а последний, самый удаленный от центра Москвы, — под жилье для их сотрудников. Его положение не изменилось относительно предыдущего проекта, но если ранее территория академического городка начиналась в этом месте, то теперь он завершал ее. На противоположной, северной стороне Калужского шоссе, должна была располагаться открытая для публики часть Ботанического сада, а вокруг кварталов — закрытая.

Вскоре проект вновь скорректировали [Илл. 1.14–15]: перед первым (со стороны центра) кварталом выделили дополнительный участок для Института генетики — его строительство намечали закончить к весне 1937 г., когда Москва готовилась принять Международный генетический конгресс, однако политическое давление на генетику в СССР, аресты и смещения с должностей видных ученых⁴⁴ привели к переносу конгресса в Эдинбург, где он прошел в августе 1939 г. Перед началом возведения зданий института место их расположения успели пересмотреть, сдвинув южнее вдоль Калужского шоссе. Если в данном проекте квартал Института генетики был как бы приставлен сбоку к цельному и композиционно законченному комплексу Академии, то после череды пересмотров планировочного решения он стал органичной частью застройки [Илл. 1.16]. Кварталы были иначе разбиты поперечными проездами, так что теперь главное здание Института генетики вместе с планировавшимся к строительству Институтом биохимии и физиологии растений симметрично фланкировали композицию Физического института — в общем виде это решение оказалось реализовано, хотя назначение симметричного Институту генетики здания впоследствии пересмотрели.

Жилой квартал в проекте 1939 г. представлял собой систему из двух concentрических периметров, концептуально напоминая проект 1936 г. [Илл. 1.12]: в его центре расположен квадратный сквер, окруженный четырьмя Г-образными и одним П-образным в плане домами; каждый угол квартала вдоль красных линий застраивался парами из Г- и П-образных домов, формирующих дворы с детскими

⁴⁴ *Левина Е.С.* Наука под прессингом системы: история несостоявшегося в Москве Международного генетического конгресса (1935–1938 гг.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 1998. М.: ИИЕТ РАН, 1999, С. 196–201. URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/lev98i.htm>

садами; свободные участки по центру двух сторон квартала, обращенных внутрь участка АН СССР, были заняты школами, а вдоль Калужского шоссе на этом месте архитекторы поставили дополнительный жилой дом.

Точно неизвестно, когда именно в течение 1937–1939 гг. утвердилась описанная структура генплана, однако в ней был сделан шаг к более четкому зонированию территории кварталов, так важному в контексте разговора о научных комплексах. Застройку кварталов с институтами здесь можно условно разделить на три зоны: первая, парадная, обращена к Калужскому шоссе и решается крупными зданиями со сложным планом и объемной композицией, многочастными фасадами, оформленными портиками и местами образующими курдонеры перед шоссе. Вторая по значимости зона расположена вдоль нынешней улицы Вавилова, фронт которой сформирован зданиями меньшей этажности с более спокойной пластикой фасадов. Третья зона — хозяйственная — расположена в центре кварталов между первыми двумя: здесь размещались небольшие здания отдельных лабораторий, оранжерей, подсобных помещений и технических объектов вроде котельной.

В 1939 г. было завершено строительство Института генетики, также до войны было построено здание гаража. К началу 1940-х гг. были созданы и утверждены проекты нескольких институтов, однако за время войны они успели утратить актуальность, так что позднее работа над ними началась вновь.

К проектированию вернулись уже весной 1945 г., самый ранний из обнаруженных на данный момент генеральных планов датирован 8 мая 1945 г. [Илл. 1.17]. В нем были сохранены общие принципы застройки кварталов зоны НИИ и даже положение и план некоторых зданий институтов (правда, сменивших профиль), однако оказался сокращен размер хозяйственной зоны, а все кварталы по центральной оси, параллельной Калужскому шоссе, были соединены между собой пешеходной эспланадой.

Архитектор Д.А. Метаньев отмечал, что в данном проекте А.В. Щусевым была впервые предложена организация структуры научных зон по принципу их глубинной симметрии: сдваивание научных зон происходит по тыльной линии участков НИИ, и в поперечном сечении сдвоенных научных зон правая сторона по

структуре аналогична зеркальному изображению левой⁴⁵. Так удалось соблюсти необходимые санитарные разрывы между источниками вредностей в НИИ и жильем, которое располагалось по другую сторону улиц — ныне Ленинского проспекта и улицы Вавилова.

Здания Физического института и Института металлургии были задуманы как доминанты занимаемых кварталов. Отстоящие от красной линии, они вместе с фланкирующими их по осям зданиями Института точной механики и вычислительной техники, Института генетики и другими (непостроенными) НИИ, имеющими меньший масштаб и скромный ордерный декор, образовывали курдонеры и формировали динамичный силуэт академгородка, рассчитанный на восприятие из окон машин, движущихся на скорости по Калужскому шоссе. За исключением двух зданий институтов, участки которых остались незастроенными, и жилого дома, построенного вместо еще одного института, объемно-планировочное решение, заложенное в данном проекте, выполненном под руководством А.В. Щусева, было реализовано. Фронт застройки вдоль 1-го Академического проезда (ныне улица Вавилова) предполагался более камерным: здания выстраивались в практически ровный ряд вдоль красной линии — однако эта часть проекта не была реализована при А.В. Щусеве и позднее оказалась скорректирована.

На противоположной стороне нынешней улицы Вавилова, где ранее планировалось разместить закрытую часть Ботанического сада, теперь разместили жилые дома. Для строителей на этой территории возвели ряд двухэтажных барачных домов, которые видны на генплане 1945 г. [Илл. 1.17] — однако в перспективе их место должна была занять новая застройка с применением разнообразных по объемной композиции домов, образующих сложные системы курдонеров и дворов [Илл. 1.18]. Речку Чуру при этом не планировалось закапывать под землю, и ее долина делила застройку на две части, соединенные мостом. Вторая часть была намечена условно, и вскоре на ней предложили разместить группу из полутора десятков

⁴⁵ *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 42.

коттеджей для академиков. Такие дома, поставлявшиеся из Финляндии⁴⁶, для ученых после войны возводили в дачных поселках под Москвой и Ленинградом, а идея разместить их в непосредственной близости от места работы могла быть позаимствована у НИИ, связанных с атомным проектом. Так, в 1946 г. уже был построен коттедж для И.В. Курчатова прямо на территории лаборатории № 2 АН СССР на Октябрьском поле.

Смерть А.В. Щусева в 1949 г. сильно ударила по Академпроекту. Подробное рассмотрение всех последствий утраты проектной организацией стоявшего во главе нее академика представлено в параграфе 1.2, тогда как здесь сосредоточимся на их отражении в проектах.

Невозможность осуществления планов по строительству комплекса Главного здания АН СССР на Крымской набережной, единственным драйвером которого к концу 1940-х гг., по всей видимости, оставался А.В. Щусев, вскоре привела к остановке работ. Символическое прощание с макетом здания на гражданской панихиде А.В. Щусева в Доме архитектора [Илл. 1.20] спустя месяцы нашло воплощение в реальности. В 1950 г. для строительства после ряда перипетий была выбрана площадка в составе академгородка, на площади Калужской заставы.

Участок на Крымской набережной вначале хотели использовать для возведения здания Отделения геолого-географических наук⁴⁷, однако за последующие два года Академия наук нашла силы лишь на работы по консервации существующей стройки, и в 1952 г. участок был передан ВЦСПС для строительства Дома Союзов⁴⁸. «В обмен» территория академгородка на Юго-Западе приросла двумя кварталами на северной стороне Калужского шоссе⁴⁹, ранее принадлежавшими

⁴⁶ Бёэк Н. Финские сборные дома для ученых и рабочих в СССР // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2021. С. 258–278.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 170. Л. 41.

⁴⁸ Распоряжение Совета Министров СССР от 11 сентября 1952 г. № 23503-р // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 453. Л. 210.

⁴⁹ Одновременно с передачей участка на Крымской набережной в пользу ВЦСПС в 1952 г. Моссовет отвел Академии наук под строительство институтов участок на Калужском шоссе за зданием ВЦСПС (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 268. Л. 38).

ВЦСПС. Один из них отвели под комплекс зданий Фундаментальной библиотеки и издательства Академии, второй — под институты биологического профиля.

Переработка проекта застройки академгородка велась под формальным творческим руководством И.В. Жолтовского. Заложенная при А.В. Щусеве структура кварталов с эспланадой посередине сохранилась, хотя состав и композиция зданий вдоль нынешней улицы Вавилова менялись, а ранее предназначавшийся исключительно для жилья четвертый квартал был дополнен научным учреждением. Новые, полученные от ВЦСПС кварталы на противоположной стороне Калужского шоссе были спроектированы менее плотно, пропуская к городской магистрали между зданиями институтов парковую территорию долины реки Кровянки. Таким образом, академгородку отчасти возвращалась открытость природному ландшафту, идея которой присутствовала в довоенных вариантах, когда его собирались окружить Главным ботаническим садом.

Проработку вариантов расположения, а также образа главного здания АН СССР вел архитектор И.М. Петров, руководитель мастерской № 2 Академпроекта [Илл. 1.21]. Оно должно было стоять в створе Большой Калужской улицы и быть видно с Садового кольца. Так Академия наук вновь делала реверанс городу, как при переносе строительства Главного здания из единого с институтами комплекса на Крымскую набережную. Теперь, когда здание вернулось на предназначавшуюся для него еще до 1935 г. площадку, оно все равно оказалось смещено относительно оси внутренней эспланады академгородка. Впрочем, от идеи его строительства вскоре все равно отказались... Поначалу место и роль высотного акцента архитекторы передали Фундаментальной библиотеке АН СССР [Илл. 1.23]. Она, как и Главное здание, успела сменить множество площадок, а в конце концов была построена возле станции метро «Профсоюзная», правда, уже как Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН).

Темпы строительства первого академгородка были низкими. Поначалу это обуславливалось отсутствием у Академии наук опыта в организации крупного строительства. В дальнейшем сильно изменились обстоятельства: началась война, а по ее окончании внимание руководства страны было переключено на атомный проект и строительство связанных с ним комплексов отвечающим за него ведом-

ством. В этих условиях сама Академия стремилась равномерно развивать и строить филиалы в регионах (Апатиты, Свердловск, Махачкала, Новосибирск, Якутск...), из-за чего распыляла и без того малые ресурсы. Выделенные Академией площадки в Москве годами простаивали даже без утвержденных проектов строительства, так что город закономерно забирал их под жилую застройку, причем отнюдь не для ученых. Так произошло с частью научной зоны академгородка со стороны площади Калужской заставы, на которой предлагалось разместить высотку Главного здания или библиотеки. Забрали у Академии наук и территорию на противоположной стороне Калужского шоссе — тоже под жилую застройку.

Наука в середине XX в. развивалась стремительнее любого производства и не могла предвидеть направлений своего роста даже на несколько лет вперед: неожиданное открытие, совершенное небольшой лабораторией, могло потребовать срочной организации нового отдела и даже целого института. При этом проектирование НИИ до середины 1950-х гг. велось на основе жестких технологических схем, исключающих возможность приспособления рабочих площадей к изменяющимся требованиям научно-исследовательских работ⁵⁰. В этих условиях проекты неоклассицистических дворцов со строго выверенными пропорциями и богато декорированными фасадами, идеально отвечавшие текущим потребностям института в момент начала работы архитекторов, порой успевали устареть до завершения строительства. Архитектор Д.А. Метаньев отмечал: «Нередки случаи, когда к моменту окончания проектирования цикл исследовательских работ, послуживший основанием для принятия проектных решений, завершен и проект должен перерабатываться применительно к новой программе исследований»⁵¹. В некоторых случаях такие здания приходилось реконструировать до ввода в эксплуатацию⁵².

История трансформаций застройки научной зоны вдоль Ленинского проспекта и попыток архитекторов придать им системный характер на протяжении 1960—

⁵⁰ Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 36.

⁵¹ Там же. С. 53.

⁵² Проектирование зданий научного назначения / Б.А. Савельев, Ю.П. Платонов, Д.А. Метаньев, Н.Р. Фрезинская // Вестник Академии наук СССР. 1975. № 9. С. 92.

1980-х гг. заслуживает отдельного рассмотрения, но целью данного параграфа является описание и обобщение опыта, накопленного Академией наук и ее архитекторами к началу проектирования академгородков во второй половине 1950-х гг.

Заложенные в планировку научной зоны резервы территорий ограничивались внутренним пространством кварталов за вычетом делящей их пополам эспланады и застройки вдоль нее, и были недостаточны. Хотя и будучи вверенным одному проектному институту, академгородок в последующие годы развивался по мере возникновения потребностей и возможностей у различных институтов и организаций АН СССР за счет точечного уплотнения. Если ранее архитекторы ориентировали здания институтов одновременно на внешние магистрали и на внутреннюю эспланаду, то со второй половины 1950-х гг. периметр кварталов начал замыкаться, и внутренняя их часть застраивалась техническими сооружениями без внимания к общей композиции и с минимумом затрат на декор и благоустройство [Илл. 1.24]. Неудивительно, что строгий архитектурно-градостроительный замысел — попытка создать выверенный до мелочей ансамбль — вскоре продемонстрировал крах, утонув в хаосе нового строительства. В конечном счете научная зона московского академгородка стала развиваться по принципам, напоминающим застройку промышленных зон, где по мере необходимости к тем или иным цехам достраиваются новые объемы, старые меняют предназначение, сносятся... При этом, что важно для советской архитектуры 1960–1980-х гг., такое строительство оказывалось еще и экономически низкоэффективным⁵³.

1.2 Становление проектной организации в структуре АН СССР в 1930–1950-е гг.

Поскольку тема архитектуры академических комплексов 1930–1950-х гг. сама по себе достаточно глубоко не исследовалась, в опубликованных работах она выступает либо как эпизод насыщенной творческой биографии А.В. Щусева⁵⁴, либо

⁵³ *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 36.

⁵⁴ Каталог выставки «Алексей Щусев.150». М.: Кучково поле Музеон, 2023. 655 с.

как часть истории Академпроекта и ГИПРОНИИ⁵⁵ — в обоих случаях разработанные в этот период для АН СССР проекты принято ассоциировать лишь с именем академика. Граница между А.В. Щусевым как архитектором и как руководителем Академпроекта пока что представляется размытой, а его сотрудники как самостоятельные авторы до сих пор находятся в тени академика. Кроме того, из-за неопределенности круга заказчиков и непонимания механизмов поступления заказов работа архитектора в этот период становится благодатной почвой для конспирологических спекуляций и принятия домыслов за факты⁵⁶.

Работа А.В. Щусева над комплексом зданий Академии наук в Москве началась осенью 1934 г., когда Президиум АН СССР организовал закрытый архитектурный конкурс, подробно рассмотренный в параграфе 1.1 диссертации. Концепция архитектора, разработанная им совместно с В.С. Биркенбергом и Д.Б. Савицким, была признана наиболее удачной, так что проектирование большей части новых объектов АН СССР в начале 1935 г. было поручено возглавляемой А.В. Щусевым архитектурно-проектной мастерской № 2 Моссовета⁵⁷. Тем не менее в 1936 г. отдельные объекты создавались параллельно и в других мастерских и организациях: например, гараж Академии наук проектировался в профильном ВНИИПТ (Всесоюзный научно-исследовательский институт промышленного транспорта), издательский комбинат — в архитектурно-проектной мастерской № 1 Моссовета⁵⁸.

Осенью 1936 г. Академия наук попросила СНК СССР санкционировать создание проектной мастерской при собственном Управлении капитального строительства⁵⁹, предварительно получив согласие возглавить ее от А.В. Щусева. Тем самым все основное проектирование должно было сосредоточиться в одной про-

⁵⁵ *Сергеев К.И., Кулешова Г.И.* Семь десятилетий на службе отечественной науке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Том 78. № 12. С. 1093–1102.

⁵⁶ “It is absolutely clear that for the most part Akadempromekt was involved with utterly secret buildings... In this sense Akadempromekt was a sub-department of the NKVD” (*Chmelnizki D. Alexey Shchusev. Architect of Stalin’s Empire Style. Berlin: DOM, 2021. p. 66*).

⁵⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1935). Д. 25. Л. 10.

⁵⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 127. Л. 4, 8.

⁵⁹ Там же.

фильной проектной организации, руководимой академиком. Однако Академия получила от СНК СССР отказ, мотивированный нецелесообразностью⁶⁰. Позднее мастерская все же была создана⁶¹, а в апреле 1938 г. на ее базе организована Государственная проектная контора АН СССР Академпроект, подчиненная Отделу капитального строительства АН СССР⁶². А.В. Щусев был назначен ее главным архитектором, а начальником стал В.В. Полюхов [Схема 1]. В число сотрудников вошли как бывшие работники проектной мастерской Управления капитального строительства, так и часть сотрудников архитектурно-проектной мастерской № 2 Моссовета⁶³.

Полгода — с осени 1937 г. по весну 1938 г. — пожалуй, один из самых загадочных эпизодов в карьере А.В. Щусева. Вначале на страницах «Правды», а затем «Архитектурной газеты» была развернута масштабная кампания против архитектора. Поводом стало письмо архитекторов Л.И. Савельева и О.А. Стапрана, обвинивших А.В. Щусева в присвоении авторства гостиницы «Москва»⁶⁴. Спустя неделю к ним, среди прочих, присоединился и В.С. Биркенберг, рассказавший, как на почве схожих разногласий в 1935 г. прекратил совместную работу с А.В. Щусевым над проектом Академии наук⁶⁵. Публичная кампания началась вслед за фабрикацией «дела Щусева» Правлением Союза советских архитекторов⁶⁶ и привела к изгнанию архитектора из Отдела проектирования Моссовета.

Туманной является подоплека скорого допуска А.В. Щусева к работе в структуре АН СССР. Причем если в начале 1938 г. новая проектная контора стала спасительным кругом для лишившегося мастерской архитектора, в последующие

⁶⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 107. Л. 1.

⁶¹ Об этом свидетельствует тот факт, что в 1937 г. в ней велось проектирование теплиц Института генетики, мастерских точных приборов и Института биологии (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 127. Л. 8.)

⁶² АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1938). Д. 9. Л. 1–2.

⁶³ АРАН. Ф. 411. Оп. 11 (1938). Д. 12. Л. 1–4.

⁶⁴ Савельев Л., Стапан О. «Жизнь и деятельность архитектора Щусева» // Правда. 1937. № 239 (7205), 30 августа. С. 4.

⁶⁵ Биркенберг В.С. Кто же автор этих проектов? // Архитектурная газета. 1937. № 63 (207), 8 сентября. С. 3.

⁶⁶ Дружинин П.А. «Дело Щусева». 1937 год в истории советской архитектуры. М., 2025. 592 с.

годы авторитет А.В. Щусева стремительно восстанавливался⁶⁷. В 1941 г. начальника Академпроекта инженера В.В. Полюхова мобилизовали на службу в строительные войска⁶⁸, так что его пост в какой-то степени вынужденно достался А.В. Щусеву [Схема 1].

Реальную степень участия академика в разработке отдельных проектов установить достаточно тяжело. По многочисленным текстам и выступлениям А.В. Щусева видна его заинтересованность разработкой Главного здания АН СССР⁶⁹. При этом о существенно превосходящем его по объемам комплексе институтов и жилья на Калужском шоссе архитектор пишет значительно реже и короче. К.Н. Афанасьев в своей книге об архитекторе отмечает: «Щусев мало работает над их архитектурой, передоверяя большую часть работы своим соавторам А.В. Снигареву, Н.М. Морозову, Б.М. Тарелину»⁷⁰. Но кроме прямого творческого влияния нужно отметить роль его авторитета. Можно с уверенностью говорить, что стоявшая на всех чертежах, выходивших из стен Академпроекта, подпись академика А.В. Щусева придавала им вес и позволяла упрощать многие бюрократические этапы, ускоряя согласование проектов.

В послевоенные годы деятельность организации развернулась с особой силой: возобновилась разработка замороженных проектов и кроме них возникла масса новых. В этих условиях росли и объемы строительства, выполняемого собственными силами АН СССР, что привело в 1945 г. к реорганизации ее Управления капитального строительства Академстрой в Центральное управление капи-

⁶⁷ Уже в ноябре 1938 г. в «Архитектурной газете» сообщается: «Секретариат [всесоюзного правления союза советских архитекторов] считает, что авторами проекта гостиницы “Москва” являются архитекторы Л.И. Савельев, О.А. Стапран и А.В. Щусев» («Авторское право на проект гостиницы “Москва”» // Архитектурная газета. 1938. № 61 (290), 3 ноября, С. 4). А в декабрьском номере «Архитектуры СССР» выходит статья Щусева о проекте главного здания Академии наук (*Щусев А.* Академия наук СССР. Проект главного здания // Архитектура СССР. 1938. № 12. С. 28–33).

⁶⁸ Сведения о Владимире Васильевиче Полюхове из учетно-послужной картотеки // Память народа — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. URL: <https://poisk.re/person/officers/7403090?ysclid=lpieg0wmj256091934> (дата обращения: 30.11.2023)

⁶⁹ Огромнейший массив графики и чертежей, относящихся к этому проекту, находится в архиве Музей архитектуры им. А.В. Щусева и еще ждет своего исследователя

⁷⁰ *Афанасьев К.Н.* А.В. Щусев. М.: Стройиздат, 1978. С. 170.

тального строительства (ЦУКС)⁷¹. Новая структура предполагала большую децентрализацию: были организованы Мосакадемстрой и Ленакадемстрой, затем Крымакадемстрой. Одновременно Академпроект, находившийся с момента создания в ведомстве строительного управления, был переименован в Академстройпроект. И хотя А.В. Щусев сохранил все прежние полномочия по его руководству, в структуре ЦУКС после 1945 г. были созданы Ленакадемстройпроект, Крымакадемстройпроект и Сibaкадемстройпроект — щусевскому Академстройпроекту не подчиненные.

В 1948 г. отпраздновавший 75-й юбилей и удостоившийся очередной Сталинской премии академик решил улучшить положение своей мастерской и пошел на конфронтацию с ЦУКС, обратившись к Президиуму АН СССР с просьбой о выводе проектирования из подчинения строителей. Получив отказ, аргументированный нецелесообразностью⁷², А.В. Щусев написал о том же И.В. Сталину⁷³ и, по всей видимости, нашел понимание, поскольку вскоре Совет Министров СССР принял решение, предусматривающее «создание лучших условий для творческой работы крупного мастера советской архитектуры, каким является А.В. Щусев»⁷⁴. В результате руководство АН СССР оказалось вынуждено принять все требования архитектора, а именно: вернуть Академстройпроекту прежнее имя, прямо подчинить его Президиуму АН СССР и включить в его состав отделения в Ленинграде и Симферополе⁷⁵ [Схема 2].

Любопытно, что главным аргументом А.В. Щусева в защиту своих требований была угроза срыва проектирования Главного здания Академии, «по которому Правительством установлены чрезвычайно короткие сроки»⁷⁶, но при этом уже

⁷¹ Центракадемстрой, 50 лет. М., 1987. С. 7.

⁷² АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1948). Д. 47. Л. 1.

⁷³ Д.С. Хмельницкий в своей монографии об А.В. Щусеве представляет этот эпизод как свидетельство понижения его статуса, тогда как в действительности исход ситуации демонстрирует ровно обратное (см. *Chmelnizki D. Alexey Shchusev. Architect of Stalin's Empire Style. Berlin: DOM, 2021. p. 74*)

⁷⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1948). Д. 47. Л. 65.

⁷⁵ Там же. Л. 23–26.

⁷⁶ Там же. Л. 9.

спустя год — после смерти архитектора — начатое еще в 1938 г. строительство комплекса оказалось окончательно остановлено, а плоды более 14 лет творческих поисков оказались невостребованы.

Смерть А.В. Щусева в 1949 г. повлияла не только на судьбу отдельных проектов, но на весь Академпроект: организация, а вместе с ней и АН СССР, лишились защиты в лице авторитетного академика и стали подвергаться нападкам со стороны управления по делам архитектуры Мосгорисполкома. В середине августа 1950 г. главный архитектор Москвы А.В. Власов поставил на обсуждение «вопрос о руководстве в целом Академпроектом, где дело с архитектурой обстоит очень плохо»⁷⁷, и предложил передать проектирование части академических объектов вновь организуемой мастерской-школе И.В. Жолтовского⁷⁸. А на совещании архитекторов, инженеров и конструкторов-строителей в Московском городском комитете ВКП(б), которое прошло 24–25 августа, А.В. Власов в своем докладе уже открыто выступил с обвинениями в адрес Академпроекта: «Мы помним, сколько труда, творческого энтузиазма вложил в свое время А.В. Щусев в проект главного здания Академии наук СССР. Он показал, как должен трудиться советский зодчий. Сейчас эта проектная организация, возглавляемая архитектором А.М. Горбачевым, утратила былую славу. <...> Поражает упорство руководителей “Академпроекта”, которые не желают укреплять кадрами свою проектную организацию»⁷⁹. Эти критические тезисы были опубликованы не только в профильной периодике⁸⁰, но и в «Вечерней Москве»⁸¹.

Видимо, с целью вновь обрести «броню» и сохранить проектное дело в структуре АН СССР, ее Президиум в сентябре 1950 г. попросил И.В. Жолтовского

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 165. Л. 80.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Цит. по: *Власов А.В.* Новые задачи — новые требования // Вечерняя Москва. 1950. № 204 (8105), 29 августа. С. 2.

⁸⁰ «Важные вопросы архитектуры и строительства Москвы» // Архитектура и строительство. 1950. № 8. С. 3; *Власов А.В.* О работе проектных организаций и творческих задачах московских архитекторов // Городское хозяйство Москвы. 1950. № 8. С. 17–18.

⁸¹ *Власов А.В.* Новые задачи — новые требования // Вечерняя Москва. 1950. № 204 (8105), 29 августа. С. 2.

«принять на себя творческую консультацию и руководство архитектурным проектированием объектов... Академии наук СССР, осуществляемым Проектным управлением АН СССР “Академпроект”»⁸² и назначил его творческим руководителем Проектного управления⁸³, а в июле 1951 г. возложил на академика архитектуры обязанности Главного архитектора АН СССР⁸⁴. Мастеру к этому моменту исполнилось 83 года, и подтверждений его серьезного участия в создании Академпроектom каких-либо объектов нет. Среди известных приписываемых ему зданий из комплекса АН СССР — Институт горного дела, участие И.В. Жолтовского в проектировании которого ограничилось созданием эскиза⁸⁵. Тем не менее имя академика стояло на всех чертежах, как ранее — А.В. Щусева. Но уже в ноябре 1952 г. он попросил освободить себя от исполняемых обязанностей⁸⁶ — то есть его нахождение в структуре АН СССР продлилось немногим более двух лет, что в несколько раз меньше средних сроков проектирования и строительства большинства зданий в те годы.

Если же говорить о реальном управлении Академпроектom, то оно осуществлялось архитектором А.М. Горбачевым, занявшим пост начальника после смерти А.В. Щусева [Схема 2]. Именно при нем были организованы номерные мастерские. Долгое время существовавшая в роли персональной мастерской А.В. Щусева, проектная контора после его смерти потребовала реструктуризации творческого руководства, поскольку заменить мастера кем-то одним, очевидно, было невозможно. В этих условиях распределение ролей между опытными сотрудниками, занявшими посты руководителей мастерских, стало одним из шагов на пути к большей институционализации Академпроекта. Тем не менее в 1952 г. над А.М. Горбачевым сгустились тучи: в «Литературной газете» вышла публикация об архитекторе в жанре фельетона, высмеивающего положение дел, при котором начальник Академпроекта оказывается автором множества зданий, к проектирова-

⁸² РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 165. Л. 84.

⁸³ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 75. Л. 57.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 171. Л. 42.

⁸⁵ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 14–15.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 171. Л. 45.

нию которых он формально не мог иметь отношения — в частности, здания Дагестанского филиала АН СССР, проект которого разрабатывался в Ленакадемпроекте:

«Если бы озадаченный архитектор спросил появившихся на волшебной сцене коллег, чем они заняты, он услышал бы однотипные ответы:

— Сами видите-работаем над проектами!

И на другой вопрос — кто автор проекта? — зодчие ответили бы так же кратко:

— Начальник Академпроекта — Александр Михайлович Горбачев!»⁸⁷

Кампания привела 28 ноября 1952 г. к освобождению А.М. Горбачева от занимаемой должности⁸⁸. На его место был назначен Т.П. Додонов [Схема 2].

Однако в 1950-е гг. фигурой куда более значимой для организации был К.Н. Чернопьятов. Занявший в 1951 г. пост Президента АН СССР А.Н. Несмеянов специально для него учредил должность уполномоченного Президиума АН СССР по строительству⁸⁹. Творческую практику К.Н. Чернопьятов завершил еще в 1930-е гг., и единственным известным его реализованным проектом является здание Зимнего театра в Сочи. Затем архитектор преподавал, а также занимал различные административные должности. Теперь же в руках К.Н. Чернопьятова оказалось управление и проектным, и строительным подразделениями Академии. Именно по его инициативе на базе Академпроекта в 1953 г. был организован ГИПРОНИИ (Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий) АН СССР⁹⁰. Шаг был предпринят из формальных соображений — новый статус обеспечивал больше возможностей привлечения дефицитных кадров⁹¹. Однако в исторической перспективе решение предвосхитило глобальную перестройку советской архитектурной отрасли. В первой половине 1950-х гг. организация успела разработать типовые лабораторные

⁸⁷ Гарин С. Сочтемся славою... // Литературная газета. 1952. № 99 (2972), 16 августа. С. 2.

⁸⁸ «Сочтемся славою...» // Литературная газета. 1952. № 147 (3020), 9 декабря. С. 2; Комиссаров В. Широко развивать самокритику и критику снизу // Вечерняя Москва. 1953. № 50 (8872), 28 февраля. С. 2.

⁸⁹ Несмеянов Н.А. На качелях XX века. М., 2018. С. 337.

⁹⁰ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 17.

⁹¹ Несмеянов Н.А. На качелях XX века. М., 2018. С. 337–338.

ячейки химического и физического профиля, что упростило процесс проектирования институтских зданий и открыло путь к индустриализации их строительства [Схема 8].

Как видно, благополучие организации на протяжении 1930–1940-х гг. действительно было тесно связано с личной судьбой и положением руководившего ей А.В. Щусева. Благодаря росту его авторитета Проектное управление в конце 1948 г. удалось вывести из-под руководства строителей и напрямую подчинить Президиуму АН СССР. Тем не менее после смерти архитектора в 1949 г. для Академпроекта наступили тяжелые времена: вероятный кризис внутри сочетался с активным давлением на нее извне.

Уже в начале 1950-х гг. архитектурная сфера отличалась высочайшей степенью институционализации. После известных реформ Н.С. Хрущева в середине 1950-х гг. в ведущих проектных институтах стали организовываться научные отделения, результаты работы которых становились фундаментом творческого процесса. Представляется, что с этого момента советская архитектура развивалась как сфера не столько творческая, сколько научно-техническая. Организация на базе Академпроекта Всесоюзного государственного института по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий АН СССР в 1953 г. в исторической перспективе предвосхитила глобальную перестройку советской архитектурной отрасли. А.В. Боков писал: «С приходом оттепели и началом хрущевских реформ начинается процесс “онаучивания” архитектуры и градостроительства. Архитектура порывает с культурой, и место Академии архитектуры с ее артистическими идеалами и установками занимают центры и штабы научной мысли, особые отделения научно-исследовательских работ, ОНИРы, при центральных и зональных проектных институтах»⁹².

В этом контексте архитекторы ГИПРОНИИ, тесно взаимодействовавшие с «настоящими» учеными, а теперь еще и сами ставшие сотрудниками одного из академических НИИ, оказались на острие процессов и настроений, захвативших

⁹² Боков А.В. «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского десятилетия. М., 2024. С. 157.

советское общество. Руководивший мастерской № 1 института Л.И. Баталов, описывая работу над одним из проектов в начале 1956 г., писал: «...молодежь должна была стремиться к тому, чтобы разбираться, хотя бы в общих чертах, в сложнейших проблемах современного естествознания. Архитектору, чтобы создать хороший проект, надо знать, для чего и для кого он строит»⁹³. Молодые архитекторы слушали лекции о новейших достижениях физики, химии и других отраслей науки.

1.3 Причины выноса с середины 1950-х гг. академических комплексов из столицы

Одной из проблем, стоявших наиболее остро в начале 1950-х гг., был дефицит жилья. Но кроме него существовала еще и проблема бесконтрольного роста крупных городов, основным драйвером которого было строительство и расширение промышленных предприятий. Создание новых рабочих мест в условиях плановой экономики влекло за собой необходимость обеспечения занимающих их людей жильем, возведение которого сопровождалось строительством инфраструктуры, которая, в свою очередь, порождала новые рабочие места и т. д. Особенно остро проблема роста стояла в столице и ее пригородах.

Начав решать жилищный вопрос, Совет Министров СССР 23 июня 1954 г. принял секретное постановление № 1254-560с «Об исключении из плана 1954 года заданий по проектированию и строительству новых и расширению действующих промышленных предприятий, цехов и других объектов в г. Москве и Московской области»⁹⁴. Фактически документ запрещал строительство новых и расширение существующих промышленных предприятий, а также связанных с ними институтов и учебных учреждений.

⁹³ У проектировщиков ГИПРОНИИ // Трибуна строителя. 1956. № 12, 20 марта. С. 3.

⁹⁴ Постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1954 г. № 1254-560с «Об исключении из плана 1954 года заданий по проектированию и строительству новых и расширению действующих промышленных предприятий, цехов и других объектов в г. Москве и Московской области» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106А. Д. 959. Л. 251–284.

Ввод подобных ограничений стал рядовой практикой уже в 1930-е гг.⁹⁵ Как отмечал градостроитель В.А. Шквариов, еще до войны было принято решение о запрещении промышленного строительства в крупных городах страны, а после 1945 г. это решение было распространено на все города с населением свыше 500 тысяч человек⁹⁶. Фактически эти меры приводили к ручному и более строгому регулированию промышленного строительства, но не его остановке. Поэтому после принятия постановления в 1954 г. никто на деле не ожидал, что запрет будет непреодолимым.

Академии наук опасаться формально было нечего: ни в тексте постановления, ни на 27 страницах приложения с перечнем исключаемых из плана строек она упомянута не была. Тем внезапнее оказались посыпавшиеся на нее с июня 1954 г. отказы не только в получении новых разрешений на проектирование и строительство научных институтов, но и в праве воспользоваться уже имевшимися⁹⁷. Принятие факта непреодолимости запрета Академией произошло не одномоментно, и ему предшествовали месяцы переписок и «торга» с различными инстанциями. Многие объекты никак не удавалось возвести еще с середины 1930-х гг., когда на фоне аналогичных запретов в отношении промышленного строительства Акаде-

⁹⁵ 26 сентября 1930 г. было принято постановление СНК «О разгрузке города Москвы» (Известия ЦИК СССР и ВЦИК № 280 от 10 октября 1930 г.), запрещающее строительство новых промышленных предприятий в черте города; в июне 1931 г. Пленум ЦК ВКП (б) предлагал прекратить с 1932 г. строительство новых промышленных предприятий в Москве и Ленинграде (Резолюция пленума ЦК ВКП(б), 15 июня 1931 г. «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354573> (дата обращения: 7.12.2024)), а 10 июля 1935 г. это предложение было учтено в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1435 «О генеральном плане реконструкции города Москвы» (URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4052.htm (дата обращения: 7.12.2024)).

⁹⁶ Шквариов В.А. Проект, его функциональная и эстетическая стороны // Доклады V конгресса МСА. М., 1958. С. 13.

⁹⁷ «Впредь до разрешения вопроса о целесообразности продолжения строительства Институтов Академии Наук в юго-западном районе, рассмотрение на Архитектурно-строительном Совете проекта планировки и эскиза застройки IV квартала, а также рассмотрение проектного задания Института Кристаллографии отложить». (ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 277. Л. 221–222).

мия наук была переведена из Ленинграда в Москву и для нее решили создать грандиозный архитектурный комплекс⁹⁸.

При изучении сухой хроники бюрократических тяжб важно учитывать политический контекст, в котором разворачивались эти события: при общей стремительности развития науки в XX в. в СССР еще более скорыми темпами росли отдельные псевдонаучные направления. Одним из них являлась с середины 1930-х гг. «мичуринская биология», оказавшая огромное влияние на отставание СССР во многих других областях биологии⁹⁹. Занявший в 1951 г. пост Президента АН СССР А.Н. Несмеянов осознавал кризисность ситуации и ставил строительство новых биологических институтов в число приоритетных задач. Это стало особенно явно после введения запрета на строительство новых НИИ в Москве: параллельно с направлением общих перечней институтов, «строительство и расширение которых необходимо разрешить в Москве»¹⁰⁰, Президиум Академии наук обращался в Совет Министров с отдельными просьбами разрешить строительство комплекса зданий Отделения биологических наук¹⁰¹. После отказа Несмеянов направил 30 марта 1955 г. обращение по этому вопросу в ЦК КПСС, отдельно представив аргументы против вынесения строительства за пределы столицы:

«Между тем, вынесение строительства названных трех биологических институтов за Москву несомненно задержит развитие Академии наук и в Советском Союзе в целом биофизики, биохимии и микробиологии минимум на 2-3 года.

Все три института... теснейшим образом связаны с физическими и химическими институтами Академии наук, находящимися в Москве. Так, Институт биофизики... имеет бетатрон общий с Институтом металлургии, пользуется постоянным участием академиков-физиков. Выведение его за Москву разорвало бы эти связи и нанесло бы ущерб развитию биофизики. <...> Кроме

⁹⁸ Антипин К.С. Конкурс форпроектов Академии наук 1934–1935 годов: обстоятельства поручения проектирования А.В. Щусеву // Художественная культура. 2024. № 3. С. 296–331.

⁹⁹ Ермолаев А.И. Этапы становления молекулярной генетики в СССР // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 24 сент. 2017 г.) / редкол.: Широков О.Н. и др. 2017. С. 12–20.

¹⁰⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 75. Л. 33.

¹⁰¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 335. Л. 70–71, 108–109.

того, к этому добавляется необходимость пользования сотрудниками указанных институтов библиотеками физических и химических институтов»¹⁰².

Но почти одновременно с этим 2 апреля 1955 г. Президиум АН сообщил в ЦК, что все же рассмотрел вопрос о строительстве за пределами Москвы новых, пока что лишь небιологических¹⁰³, НИИ и счел его возможным¹⁰⁴. С этого момента начался поиск участков для размещения научных комплексов в Московской и соседних областях.

Как уже упоминалось, запретительные постановления не были новшеством, поэтому важно понимать реальную практику их применения в каждом конкретном случае. Текст постановления 1954 г. и приложений к нему особенно ценен тем, что позволяет сравнить судьбу академических строек с объектами других ведомств, ведь те были прямо перечислены в нем. В контексте истории академгородков важно в первую очередь то, что в списке фигурировали объекты как в Москве, так и в Московской области, а случаев переноса запрещенных текстом постановления строек из столицы в Подмоскoвье обнаружить не удалось.

Поскольку, с одной стороны, Академия наук в постановлении 1954 г. никак не упоминалась, а с другой, сам документ предусматривал запрет на строительство не только в Москве, но и в Московской области, то его стоит считать лишь формальным поводом для «выдворения» Академии наук в Подмоскoвье. Реальной же причиной произошедшего можно назвать охлаждение интереса руководства СССР к деятельности АН СССР. В 1930-е гг., когда Академию в срочном порядке переводили в Москву «в целях дальнейшего приближения... к научному обслуживанию социалистического строительства»¹⁰⁵, на нее возлагали большие надежды в решении стратегических задач народного хозяйства. Война изменила это отношение: организованные в рамках «атомного проекта» лаборатории, хотя формально и пребывали в системе Академии наук, фактически руководились Специальным ко-

¹⁰² Там же.

¹⁰³ «...Электроники и радиотехники, Автоматики и телемеханики, Энергетический и институтов Отделения геолого-географических наук...» // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 75. Л. 70–71.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Постановление СНК СССР от 25 апреля 1934 г. № 965 «О переводе Академии наук Союза ССР в Москву» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 26 апреля 1934 г., № 98. С. 328.

митетом при ГКО¹⁰⁶, а затем созданным на его базе Министерством среднего машиностроения¹⁰⁷. Такая форма организации показала себя более эффективной и при этом понятной в управлении. С начала 1950-х до середины 1960-х гг. это положение постепенно формализовалось: вначале далекие от фундаментальных исследований промышленно-технические структуры, а затем и научные институты были переподчинены¹⁰⁸. Вследствие этого падало «народнохозяйственное» значение и авторитет Академии наук в глазах государственной власти.

В своих мемуарах А.Н. Несмеянов описывает события следующим образом: «Разумеется, было бы удобно разместить строящиеся здания институтов... на Ленинском проспекте... Однако с грустью приходилось видеть, что Моссовет все площади вокруг этих академических институтов плотно застраивает жильем. Места не оставалось. Даже отведенные уже Академии под будущее строительство участки, но не обеспеченные проектами, отбирались.

<...>

Необходимо было осуществить визит «наверх» для решения всех этих вопросов, т. е. проситься на прием к Н.С. Хрущеву, поскольку именно он решал все принципиальные вопросы, видимо, не слишком советуясь с Н.А. Булганиным, Председателем Совета Министров.

<...>

Итак, я позвонил по правительственному телефону Н.С. Хрущеву и попросил принять меня. Я рассказал о наших нуждах по организации новых институтов и о необходимости строительства. Мне было сказано со всей определенностью, что о строительстве институтов в Москве не следует и думать, но что можно выбрать место для строительства под Москвой. На этом мы и расстались.

<...>

Я начал поиски площадки для строительства группы академических институтов»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Ликвидированному одновременно с арестом его председателя Л.П. Берии на заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 г.

¹⁰⁷ Атомный проект СССР: Док. и материалы в 3 т. Т. II в 7 кн. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 5. М.; Саров, 2005. С. 565–567.

¹⁰⁸ *Визгин В.П.* Атомная эра: вклад Академии наук URL: <http://www.ras.ru/atom/d68a9a39-637a-4444-b5d5-52f7c8e495f5.aspx> (дата обращения: 7.12.2024); *Андрюшин И.А.* Угрожение ядра: Страницы истории ядер. оружия и ядер. инфраструктуры СССР / *Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А.*; Гл. ред. *Илькаев Р.И.* Саров; Саранск, 2003. С. 329.

¹⁰⁹ *Несмеянов Н.А.* На качелях XX века. 2-е изд., доп. М., 2018. С. 341–342.

Можно предположить, что разговор состоялся в начале 1955 г. Между тем с позиции Несмеянова запрет строительства новых академических институтов в Москве выглядит как личное решение Н.С. Хрущева. С учетом того, что «выдворение» формально не могло иметь своим основанием принятое постановление, эта версия кажется наиболее убедительной. Таким образом, строительство новых академических институтов за пределами Москвы стало следствием политического решения, вынудившего Академию наук действовать против собственных интересов.

В официальных документах отказ в согласовании строительства НИИ в Москве был мотивирован принятым в 1954 г. секретным постановлением, запрещавшим в столице и Московской области строительство новых промышленных предприятий, учебных заведений, проектных и научных институтов. Но формально этот запрет, возникший в контексте решения жилищного кризиса и проблем бесконтрольного роста города, не должен был затронуть Академию наук. Если бы она была упомянута в тексте, а ее институты включены в приложение, то их строительство оказалось бы невозможным не только в Москве, но и в Московской области. Тем не менее Н.С. Хрущев, судя по всему, бывший инициатором «выдворения», предложил А.Н. Несмеянову именно этот вариант как единственно возможный. Президиум АН СССР указывал руководству страны и партии на негативные последствия такого решения для научного прогресса, аргументируя это потерей доступа к научной инфраструктуре Москвы и разрывом связей между институтами, но почти не добился послаблений.

1.4 Рождение концепции подмосковных научных центров

Для некоторых категорий исследовательских комплексов нахождение вдали от крупных населенных пунктов всегда было естественной необходимостью: возведение астрономических, гео- и радиофизических обсерваторий, сейсмических, биологических станций, экспериментальных баз и других объектов велось по всей стране задолго до принятого в 1954 г. постановления, поэтому у Академии наук было представление о возникающих при этом трудностях.

Крымская астрофизическая обсерватория в 1950-е гг. стала крупнейшим в СССР институтом в своей области, в который регулярно приезжали работать советские и зарубежные ученые. Население поселка для ее сотрудников на тот момент насчитывало около 500 человек¹¹⁰, и вот как описывал жизнь в нем директор обсерватории А.Б. Северный:

«...как трудно привлечь сюда на постоянную работу опытного специалиста! Чтобы понять причину этих трудностей обращаюсь, в виде примера, к больному вопросу обучения детей. Начальная школа недавно здесь появилась, а ближайшие школы-десятилетки за 30 км, да и не секрет, что они по своему уровню значительно уступают школам больших городов. Поэтому мне, как и ряду других старших сотрудников, имеющих детей старшекласников, приходится учить их в Москве или других больших городах и терпеть коверканную жизнь: дети большую часть времени растут без отца, а жена мотается между двумя домами. В тех же случаях, когда жена или муж оба работают, дело кончается или уходом сотрудника или привлечением на работу обоих /если позволяет специальность и нет детей старшекласников/.

Отпугивает многих и отсутствие возможности пользоваться благами культуры больших городов: да и /опять-таки это не секрет/ худшие материальные условия. Ведь в таком поселке, как наш, нет таких хороших продуктов, как в Москве, а зачастую не бывает и самых необходимых /крупа, мясо, овощи/»¹¹¹.

Таким образом, даже очень большой по меркам системы Академии наук институт не мог быть полноценным градообразующим предприятием. И если в поселке при Крымской астрофизической обсерватории в конце концов была построена школа, то Звенигородская научная база Института физики атмосферы со сравнимым числом сотрудников не добила строительства даже детского сада¹¹². Поэтому изолированное размещение НИИ в Московской области не рассматривалось в принципе. Обеспечить комфорт ученых в Подмосковье можно было двумя путями: либо строя институты в уже существующих крупных населенных пунктах, либо самостоятельно создавая новые одномоментным размещением в них целого

¹¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1959 г. // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 7.12.2024)

¹¹¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1957). Д. 22. Л. 48–49.

¹¹² Детский сад появляется в проекте расширения базы 1960 г. (см. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 501), а школа — в 1962 г. (см. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 591), но построены они не были.

комплекса учреждений, обеспечивающих быстрый рост численности населения до масштабов города.

Не обладая ресурсами и возможностями управлявшего атомной отраслью Министерства среднего машиностроения, в ведомстве которого в Подмоскovie стремительно развивались за счет производства научных знаний Дубна и Обнинск, Академия наук не сразу решилась повторять его опыт по строительству городов вокруг исследовательских комплексов, а вначале попробовала пойти по пути размещения института в существующем подмосковном городе. Поскольку своих строительных мощностей в Московской области, сколько-нибудь достаточных для возведения даже одного института, у Академии в 1954 г. не было, то для скорейшего его начала она могла опереться лишь на уже имеющиеся там сторонние подрядные организации.

Именно наличие во Фрязине такой организации стало одним из решающих факторов при принятии решения о размещении там Института радиотехники и электроники¹¹³. Он стал первым объектом АН СССР, строительство которого оказалось перенесено из Москвы в область после постановления 1954 г. Площадка для Института была выделена из территории НИИ п/я 17 Министерства радиотехнической промышленности СССР¹¹⁴, занимавшегося прикладными разработками в смежной области. Такое соседство, с одной стороны, открывало перспективы для кооперации в научной сфере, а с другой, не требовало от архитекторов и строителей работы в чистом поле: инженерные коммуникации и городская инфраструктура уже имелись, оставалось лишь встроиться в существующий генплан.

«Выдворение» НИИ из столицы и потрясения в архитектурной отрасли — звенья единой цепи решений, так или иначе направленных на ликвидацию жилищного кризиса. Оба они ударили по Академии наук, и размещение Института

¹¹³ Постановление Совета Министров СССР от 3 июня 1955 г. № 1075-622сс «О строительстве Института радиотехники и электроники во Фрязине // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 76. Л. 9; АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 268. Л. 37.

¹¹⁴ Решение исполкома Мособлсовета от 5 мая 1956 г. № 385/4 «Об отводе земельного участка Институту радиотехники и электроники Академии наук СССР под строительство лабораторных корпусов и технических сооружений в гор. Фрязино Щелковского района // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4770. Л. 42–46.

радиотехники и электроники во Фрязине стало для нее первой попыткой адаптации к новым условиям. Но если проект комплекса, разработанный в ГИПРОНИИ АН СССР, был оценен как удачный и даже заслужил публикацию в «Архитектуре СССР»¹¹⁵, то с его реализацией возникла масса проблем. Как оказалось, организация институтов внутри существующих городов вела к большим издержкам, связанным с общей недофинансированностью гражданского строительства в стране. Местные власти во Фрязине обязали Академию построить не только ту инфраструктуру, что была необходима для ее сотрудников, но и ряд объектов сверх того¹¹⁶. При этом площадки для размещения жилья, выделенные городом, оказались сильно удалены от института и, как следствие, потребовали повышенных расходов на прокладку коммуникаций к ним [Илл. 1.25]. Запланированное на 1956 г. начало строительства не состоялось: Академия наук обвиняла подрядную организацию в невыполнении плана, та, в свою очередь, ссылаясь на непредоставление ГИПРОНИИ проектной документации в срок¹¹⁷. Спустя два года все еще не был закончен ни один объект, и строительство пришло в состояние полуконсервации¹¹⁸. Институт начал функционировать лишь в 1961 г., а окончательно работы по его возведению свернули в 1967 г. — спустя более десяти лет после их начала¹¹⁹.

Обращаясь 2 апреля 1955 г. в ЦК КПСС, Президиум АН сообщил, что счел возможным возведение двух комплексов небиологических институтов на удаленных друг от друга «для уничтожения взаимных помех» участках площадью 450 и 650 га¹²⁰. Оптимальным расстоянием от Москвы до них был обозначен интервал в 40-50 км, при этом к ним предъявлялись требования о наличии шоссейных дорог

¹¹⁵ Баталов Л. Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // Архитектура СССР. 1957. № 5. С. 29–30.

¹¹⁶ Решение исполкома Мособлсовета от 11 октября 1956 г. № 1071/16 «Об отводе 9 земельных участков из земель города и поселков под строительство учреждений, организациям и предприятиям» // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4821. Л. 88а, 91, 93.

¹¹⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1956). Д. 88. Л. 66–68.

¹¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 53. Л. 116.

¹¹⁹ Краткая историческая справка о ФИРЭ им. В.А. Котельникова РАН // URL: https://fireras.su/index.php?main=abt_r.htm (дата обращения: 7.12.2024)

¹²⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 75. Л. 70–71.

и железнодорожного транспорта, поскольку предполагалось, что часть сотрудников продолжит жить в Москве, а остальные будут пользоваться московскими научными библиотеками и прочей инфраструктурой. Расчетное население новых поселков должно было составить 25 и 42 тысяч жителей¹²¹.

В последующие месяцы весны и лета 1955 г. шел поиск соответствующих выдвинутым критериям территорий, а 18 августа Академия наук обратилась в Совет Министров СССР с ходатайством о разрешении строить новые небиологические институты на трех подобранных ей участках¹²². Требования к площади стали скромнее — в сумме около 290 га, а верхняя граница их отдаления от Москвы выросла до 60 км. Но, пожалуй, наиболее важным зафиксированным в данном документе фактом является то, что Академия теперь согласилась строить вне Москвы и биологические НИИ. Возведение их комплекса вместе с Институтом географии Академия наметила отдельно на свободных площадях НИИ земного магнетизма у села Красная Пахра¹²³. Уже начатое освоение территории позволяло реализовать эти планы быстрее, что опять же демонстрирует приоритетность биологического направления в сравнении с другими, планируемыми к развитию на новых площадках. Хотя НИИ земного магнетизма находился в подчинении Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР, его директор Н.В. Пушков, с одной стороны, добивался вхождения института в систему АН СССР, а с другой, стремился к улучшению условий жизни в поселке, чему должно было способствовать появление нового заинтересованного в этом ведомства¹²⁴. Но и этот замысел не был окончательным.

В мемуарах А.Н. Несмеянова есть глава, посвященная процессу выбора площадки для новых институтов. Воспоминания Президента АН СССР достаточно тяжело сопоставить с хронологией событий, восстанавливаемой по архивным документам, поскольку в них отсутствуют даты и опущены многие подробности.

¹²¹ Там же.

¹²² АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 76. Л. 34–35.

¹²³ Там же.

¹²⁴ *Ляхов Б.М.* НИИЗМ — НИЗМИР — ИЗМИРАН. Исторический очерк. URL: <https://www.izmiran.ru/info/personalia/npushkov/Istoriya/lyakhov1.html> (дата обращения: 7.12.2024)

Тем не менее они позволяют дополнить плоскую картину дополнительным измерением мотиваций одного из ключевых действующих лиц этой истории.

«Первая поездка была на Красную Пахру, куда меня увлек К.Н. Чернопятав. <...> Хотя по природе и пейзажу эти места были превосходны, но мне казалось нецелесообразным размещать академический городок так близко от города. **При таком размещении он невольно будет ориентироваться на Москву как на жилую базу, и создадутся неудобства ежедневных неблизких путешествий «на службу» и обратно.**

Нужно было, по моему мнению, сразу отрезать такую возможность и переселяться в академгородок напрочно. Кроме того, масштаб рисовавшегося мне в воображении академгородка требовал от местности макрорельефа, с большой рекой. Микрорельеф Красной Пахры, таким образом, я сразу же отверг.

Встал вопрос о побережье Оки. Калужские власти, прослышав о намерении Академии, предложили мне окрестности Калуги... Следующая поездка состоялась туда. Хотя многое здесь соответствовало моим требованиям, но была маловата возможная строительная площадка. Я решил ближайшим летом посмотреть другие места по Оке.

Это требовало путешествия на лодке вниз по Оке»¹²⁵.

Кажется, будто Несмеянов включился в процесс поиска участка на этапе, когда те уже были подобраны уполномоченным Президиума по строительству К.Н. Чернопятавым в соответствии с соображениями и критериями, зафиксированными в весеннем обращении в ЦК, и Академия даже обратилась в Совет Министров с ходатайством о разрешении строительства на них. Можно предположить, что сам Президент в тот момент находился в отпуске¹²⁶, а вернувшись, отверг выбор К.Н. Чернопятава и предложил новые, противоположные выдвигавшимся ранее, критерии поиска площадок для размещения академгородка, главным из которых стала большая удаленность от столицы.

Рассмотрев в течение 1955 г. более 20 участков не только в Московской, но и в Тульской и Калужской областях, Президиум Академии наук в январе 1956 г. обратился в ЦК КПСС и в Совет Министров СССР — за принципиальным одобрением идеи строительства двух комплексов институтов на правом берегу Оки в

¹²⁵ Несмеянов Н.А. На качелях XX века. 2-е изд., доп. М., 2018. С. 342–343.

¹²⁶ Августовские обращения в Совет Министров СССР были подписаны академиком И.П. Бардиным в статусе и.о. президента АН СССР.

районе деревень Пущино и Жерновка на расстоянии 15 и 25 км от Серпухова: «1-й комплекс, в основном посвященный экспериментальной биологии... и 2-й комплекс — институты Отделения технических наук...»¹²⁷. Сотрудников обоих комплексов предлагалось разместить в одном поселке на 25-27 тысяч жителей. Так руководство Академии наук решило сосредоточить ресурсы в одном месте, чтобы не создавать несколько строительных баз¹²⁸. В отличие от Красной Пахры, которая была удалена от основного комплекса московских институтов на расстояние около 35 км, путь до новых площадок составлял уже свыше 100 км. Относительно далеко от Пущина проходит и железная дорога. Все эти условия соответствовали идее А.Н. Несмеянова, но требовали развития широкого комплекса инфраструктуры на новом месте, отчасти дублирующего существующие в Москве блага.

В результате 13 апреля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области»¹²⁹. Осуществить его предписывалось в 1956–1960 гг. в составе восьми институтов, а также жилых и культурно-бытовых зданий. Хотя ранее в СССР уже создавались обособленные поселения для ученых, они в основном были закрытыми, а исследования в них имели военный или иной прикладной характер. Пущино же стало первым городом, градообразующей силой для которого явилась фундаментальная академическая наука. Тем не менее для самой Академии решение о его строительстве было тяжелым и вынужденным.

Радиофизическая станция, место для которой в 1954 г. выбирал ФИАН им. П.Н. Лебедева, относилась к категории исследовательских комплексов, размещение которых в черте города было невозможно по объективным причинам. Чтобы не обрекать заведомо небольшое число ее сотрудников на «коверканную» жизнь,

¹²⁷ Тексты записок Президиума АН СССР в ЦК КПСС от 7 января 1956 г. и в Совет Министров СССР от 26 января 1956 г. в цитируемой части аналогичны // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. С. 392–393, 396–397.

¹²⁸ Там же. С. 392, 396.

¹²⁹ Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1956 г. № 501 «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41585#vHRuHWUlwDwnnrOE> (дата обращения: 7.12.2024)

руководство института с самого начала искало вариант соседства с кем-либо. Сперва также рассматривался вариант строительства на участке НИИ земного магнетизма в Красной Пахре, однако после возникновения в 1955 г. идеи сооружения на станции крестообразного радиотелескопа площадью 1 км², совпавшей по времени с поисками Президиумом АН СССР площадок для «выдворенных» из Москвы институтов, окончательный выбор пал на Пущино¹³⁰. 11 апреля 1956 г. Совет Министров принял соответствующее распоряжение¹³¹ — за два дня до постановления о строительстве самого академгородка¹³². Таким образом, для небольшого числа ученых-астрофизиков в целом неблагоприятные стечения обстоятельств все же обернулись благом.

Еще один поиск участка для строительства в Подмоскovie вел в 1955 г. Институт химической физики АН СССР. В то время институту поручили исследования по созданию мощных взрывчатых веществ и разработке ракетных топлив¹³³, требовавшие базы для проведения экспериментов вне города. Поскольку речь шла о работах с крупными взрывами, то ни одна существующая площадка для них не подходила, и новую при поддержке Министерства среднего машиностроения стали искать на территориях испытательных полигонов военно-воздушных сил¹³⁴. В результате выбор остановился на участке с краю Ногинского полигона рядом с деревней Черноголовкой в 60 км от Москвы. На тот момент он не имел прямой автомобильной связи со столицей, однако в пяти километрах проходило Московское

¹³⁰ Кузьмин А.Д., Сороченко Р.Л. Радиотелескоп РТ-22 — первая научная установка города науки Пущино // 50 лет на Пущинской земле (1956–2006). Пущино: Издательство ПРАО, 2006. С. 7.

¹³¹ Распоряжение Совета Министров СССР от 11 апреля 1956 г. № 2006-р // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 75.

¹³² Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1956 г. № 501 «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41585#vHRuHWUlwDwnnrOE> (дата обращения: 7.12.2024)

¹³³ Сулимов А.А., Ермолаев Б.С., Комиссаров П.В. Девяносто лет лаборатории взрывных процессов в конденсированных системах ИХФ РАН // Горение и взрыв. 2021. Т. 14. № 2. С. 111.

¹³⁴ Дубовицкий Ф.И. Институт химической физики: очерки истории. Черноголовка, 1992. С. 556–559.

малое кольцо, а в трех — заканчивалась военная ветка железной дороги, по которой можно было подвозить строительные материалы¹³⁵.

Ведя исследования, связанные с оборонными задачами, Институт обладал определенным суверенитетом в системе Академии наук, получая прямую поддержку со стороны Совета Министров СССР и промышленных министерств. В случае с Черноголовкой это дало возможность быстро утвердить решение и приступить к проектированию и строительству: спустя полгода после начала поисков — в феврале 1956 г. — вышло соответствующее распоряжение¹³⁶, обязывающее построить научно-исследовательский полигон и начать на нем работы к 1959 г. Однако оборотной стороной медали стал тот факт, что процесс прошел малоизвестно для Президиума Академии наук, в то время решавшего проблему размещения институтов в Подмосковье и в конечном счете стремившегося к их максимальной концентрации. Хотя кооперация на этапе замысла могла сыграть на руку всем, институт начал создание полигона в одиночку.

Заместитель директора Института химической физики Ф.И. Дубовицкий, которому поручили возглавить эту работу, еще при выборе участка руководствовался перспективами роста числа производимых на нем исследований и участвующих в них институтов, поэтому требовал от проектировщиков закладывать соответствующие резервы для расширения поселка (в первую очередь инфраструктурные)¹³⁷. Впоследствии этот задел привлек внимание М.В. Келдыша, который, в отличие от предыдущего Президента АН СССР, не питал большой симпатии к Пушину:

«А.Н. Несмеянов: ...я не думаю, что следует закрыть Пушино для всего прочего, потому что площадка там несравненно лучше, чем в Ногинске...

М.В. Келдыш: А мне площадка в Ногинске больше понравилась.

А.Н. Несмеянов: Там вокруг болото. Когда Вы там были?

М.В. Келдыш: Я там был три дня тому назад»¹³⁸.

¹³⁵ Там же. С. 558.

¹³⁶ Распоряжение Совета Министров СССР № 1024 РС от 28 февраля 1956 г. «О создании загородной научно-исследовательской базы при Институте химической физики АН СССР» // *Дубовицкий Ф.И.* Институт химической физики: очерки истории. Черноголовка, 1992. С. 796.

¹³⁷ Там же. С. 565–566.

¹³⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 367. Л. 47.

Так что с начала 1960-х гг. Черноголовка стала развиваться уже как научный центр¹³⁹ — наряду с Пушным и в какой-то степени вместо Жерновки, которая ранее предполагалась в роли резервной площадки для строительства институтов небиологического профиля. Специфика производимых Институтом химической физики исследований, однако, повлияла на то, что населенный пункт долгие годы оставался закрытым для въезда иностранных специалистов. Это отличало Черноголовку от других академических научных центров и даже Дубны, Обнинска и Протвина, служивших «витриной» режимной науки в СССР¹⁴⁰.

Упомянутые ранее устремления Н.В. Пушкова — директора Научно-исследовательского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (бывшего НИИ земного магнетизма), расположенного вблизи Красной Пахры и Троицкого, — привели в 1957 г. к размещению на территории его института части магнитной лаборатории АН СССР¹⁴¹, а в 1959 г. к долгожданному вхождению института в систему Академии¹⁴². После этого на землях теперь уже ИЗМИРАН (Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР) решили построить лабораторный корпус для Комиссии по спектроскопии¹⁴³. А в 1962 г. к ним присоединился ранее планировавшийся к строительству под Ногинском Институт физики высоких давлений¹⁴⁴. С этого момента в развитии поселка на 40-м км Калужского шоссе были заинтересованы сразу четыре академических организации.

¹³⁹ Распоряжение Президиума Академии наук СССР от 9 августа 1962 г. № 141-1275 // *Дубовицкий Ф.И.* Институт химической физики: очерки истории. Черноголовка, 1992. С. 769–771.

¹⁴⁰ *Орлова Г.А.* Контакты третьей степени: Заметки о витринной науке // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 64–87.

¹⁴¹ *Малимонова Л.В., Мигава А.А.* Троицк, его историческое прошлое и настоящее. М., 1991. С. 10.

¹⁴² Постановление Совета Министров СССР от 19 марта 1959 № 290-132 // *Ляхов Б.М.* НИИЗМ — НИЗМИР — ИЗМИРАН. Исторический очерк. URL: <https://www.izmiran.ru/info/personalia/npushkov/Istoriya/lyakhov1.html> (дата обращения: 7.12.2024)

¹⁴³ Распоряжение Совета Министров СССР от 2 февраля 1960 г. № 300-р // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 636. Л. 2.

¹⁴⁴ Распоряжение Совета Министров СССР от 7 июля 1962 г. № 1855-р // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1013. Л. 2.

Передача АН СССР института, подчинявшегося в тот момент Министерству связи СССР, была событием исключительным. Уже вскоре давление на Академию наук со стороны Н.С. Хрущева привело к упомянутому решению передать почти половину ее учреждений различным министерствам и ведомствам¹⁴⁵. Среди прочих в 1962 г. из состава АН СССР была выведена магнитная лаборатория — она стала частью Института атомной энергии имени И.В. Курчатова. Тот, будучи подчиненным Минсредмашу, обладал большими ресурсными возможностями, что оказалось на руку всем сторонам, заинтересованным в развитии инфраструктуры поселка, получившего имя «Академгородок». Несколько стихийно череда этих событий проложила путь к будущей организации в Красной Пахре научного центра АН СССР.

Проблемы, с которыми Академия наук столкнулась при строительстве Института во Фрязине, сделали создание академгородков силами собственной строительной организации более выгодным решением в условиях невозможности продолжать строительство в самой Москве. На долгие годы АН СССР отказалась от идеи размещения своих институтов в существующих подмосковных городах в пользу сосредоточения их строительства на уже имеющихся у нее обособленных площадках и развитии социально-бытовой инфраструктуры при них.

Три основные такие площадки были найдены Академией наук в 1955 г.: две в ходе широкого поиска мест для комплексов институтов (Пущино и Красная Пахра), одна — в результате решения более узкой задачи по организации полигона Институт химической физики (Черноголовка). Свой путь к получению в 1960-е гг. статусов научных центров каждая из них проходила по-своему. Важной фигурой, повлиявшей на корректировку первоначальной стратегии, где главная ставка была сделана на развитие Пущина, стал М.В. Келдыш, которому больше понравилась Черноголовка. Также при новом Президенте стал расти и комплекс институтов в Красной Пахре (с 1977 г. — город Троицк).

¹⁴⁵ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 г. № 299 «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36758#JmZl6T6rT2uBsC61> (дата обращения: 7.12.2024)

1.5 Академгородки в контексте идеи городов-спутников

В январе 1957 г. на III пленуме Правления Союза архитекторов СССР обсуждались варианты решения проблемы ограничения роста крупных городов. Как выход предлагались два пути, которые Академия наук рассматривала за два года до этого: «размещение предприятий и развития жилищного строительства в малых и средних городах, обладающих необходимыми возможностями, и строительство городов-спутников на новых территориях»¹⁴⁶. Рекомендация размещать промышленные предприятия в малых и средних городах была дана Советом Министров СССР еще в августе 1955 г.¹⁴⁷, а строить города-спутники Н.С. Хрущев предложил в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии в феврале 1956 г.: «Желательно также рассредоточить население крупных городов, построив вокруг таких центров, как Москва, Ленинград, Киев, Харьков и других, небольшие благоустроенные городки. <...> В эти городки необходимо перевести некоторые предприятия, чтобы трудящиеся могли там работать»¹⁴⁸. Сама идея «разгрузки» Москвы была отнюдь не нова и предлагалась архитекторами еще в конце 1910-х — в 1920-е гг.

Но с принятием Генерального плана развития и реконструкции Москвы в 1935 г. градостроительная политика стала заключаться в концентрации нового крупного строительства в едином центральном городском ядре — так ресурсы ведущих его ведомств одновременно вкладывались в реализацию грандиозного замысла по конструированию новой столицы. Именно поэтому комплекс Академии наук, задуманный первоначально в виде удаленного от центра и окруженного со всех сторон зеленью ботанических садов городка, в 1935 г. решили разделить на несколько частей и переместить ближе к центру. Так ситуацию описал А.В. Щусев:

¹⁴⁶ Вайтенс А.Г. Научно-проектные поиски решения проблем роста населения и территории Ленинграда и их результаты к концу 1950-х гг. // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 82.

¹⁴⁷ Постановление Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. № 1556 «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765715511> (дата обращения: 7.12.2024)

¹⁴⁸ Цит. по: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Том. I. М., 1956. С. 79–80.

«...Сначала считалось, что Академия могла бы строиться в виде академического городка на совершенно свободном пустопорожном месте, где главное здание возглавляло бы все ассоциации и научные институты. Но город Москва запротестовал против этого приема, запротестовал потому, что Академия как громадный строительный комбинат, мог бы украсить столицу, выходя же за черту города в виде особого академического городка она не входила бы в строительство самого города. А вместе с тем город поставил себе грандиозную строительную задачу. Город поставил задачу перестроить и перепланировать большие магистрали Москвы и создать в Москве набережные...

Из этих соображений главное здание Академии было выделено от остальных академических зданий и помещено на берегу Москва-реки, около Крымского моста, начались поиски участков для других объектов Академии»¹⁴⁹.

В 1950-х гг. политика радикально менялась, и строительство уникальных зданий в столице перестало быть приоритетной самоцелью. В случае Москвы оба варианта «разгрузки» — и размещение промышленности в близлежащих существующих городах, и строительство новых — формально противоречили постановлению 1954 г., которое требовало прекращения строительства промышленных предприятий в том числе и в Московской области. Но на деле все обсуждение было запоздалой попыткой предложить реальное и системное решение проблемы расселения и размещения предприятий. Принятый ранее запрет, перекладывая эту ответственность на ведомства, заставил многие из них занять выжидательную позицию или искать обходные и компромиссные решения, ведущие к хаотичному развитию столичной агломерации.

Можно заключить, что Академия наук в середине 1950-х гг. встала перед градостроительной проблемой, решать которую на общегосударственном уровне начали лишь несколькими годами позднее. К моменту, когда советские градостроители направили свои усилия на разработку теории размещения и архитектурно-планировочной организации городов-спутников, Академия наук уже закрепила за собой в Подмосковье те территории, на которых в последующие десятилетия

¹⁴⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 421. Л. 53–54.

были построены города — научные центры, и даже создала проект первого из них в Пущине¹⁵⁰.

В начале поисков площадок для строительства институтов Академия выдвигала критерии, соответствовавшие принципам размещения городов-спутников: близкое расположение и хорошая транспортная связь с Москвой — в качестве примера приводился опыт строительства Жуковского для Центрального аэрогидродинамического института¹⁵¹. Но в дальнейшем, по инициативе А.Н. Несмеянова, требования сменились на противоположные. Президент не хотел, чтобы ученым приходилось тратить время на перемещения между столицей и новым комплексом. В этом контексте в качестве образца им могли подразумеваться города вроде Дубны и Обнинска, а в текстах обращений, направленных Президиумом АН СССР в январе 1955 г. в ЦК КПСС и Совет Министров, в качестве примера прямо заявлялись «американские научные городки», а также Оксфорд и Кембридж¹⁵². Последние два А.Н. Несмеянов посещал двумя месяцами ранее, когда в ноябре 1955 г. приезжал в Великобританию по приглашению Королевского общества¹⁵³. Опыт строительства городов-спутников, ведущегося тогда значительно ближе к Лондону, предметом интереса Президента АН СССР не являлся и в целом на тот момент был известен лишь относительно узкому кругу советских архитекторов¹⁵⁴ — пик числа публикаций о них в советской архитектурной печати пришелся на конец 1950-х гг., тогда же вышла и богато иллюстрированная книга¹⁵⁵.

Формальные параметры (удаленность, численность населения, транспортная обеспеченность), которым должны соответствовать советские города-спутники, закреплены нигде не были. В начале 1959 г., когда уже строился первый город-

¹⁵⁰ Антипин К.С. Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов // *Философия и культура*. 2024. № 6. С. 11–37.

¹⁵¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 75. Л. 71.

¹⁵² Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. С. 392, 396.

¹⁵³ Несмеянов Н.А. На качелях XX века. 2-е изд., доп. М., 2018. С. 324–336.

¹⁵⁴ Малич К. «Пришел, увидел — побежден!» Советские и британские архитекторы в 1930–1960-е годы. М., 2024. С. 138.

¹⁵⁵ Васильев Б.Л., Верижников С.М., Дьяконов Ю.А., Платонов Г.Д. Города-спутники (Из опыта градостроительства за рубежом). Л.: Ленинградское отделение Госстройиздата, 1958. 151 с.

спутник Москвы в Крюково, «впервые проводимая научно-исследовательская работа по созданию городов-спутников»¹⁵⁶ в Ленинградском филиале АСИА СССР еще не была закончена. Но и позднее результаты работы ленинградских архитекторов не стали точкой в дискуссиях. Идея просто со временем исчезла из повестки, а в Подмосковье вместо строительства новых городов сосредоточились на развитии существующих. Поэтому в условиях отсутствия закрепленных критериев самый широкий круг населенных пунктов можно и считать городами-спутниками, и, напротив, не признавать таковыми. Так, в июле 1958 г. на V конгрессе Международного союза архитекторов главный докладчик Н.В. Баранов, стремясь заявить о причастности СССР к реализации современных градостроительных идей, привел Жуковский и Дубну в качестве примера уже построенных в Подмосковье городов-спутников¹⁵⁷, но И.И. Ловейко как главный архитектор Москвы в своей речи сообщил о том, что к началу строительства первого города-спутника еще только предстояло приступить в 1959 г.¹⁵⁸

В целом идея создания городов-спутников в СССР практически не получила реализации: промышленным ведомствам удавалось «в виде исключения» добиваться разрешений на строительство в удобных им крупных городах¹⁵⁹. От первоначальной цели разгрузки и разуплотнения столицы за счет перевода в Крюково ряда промышленных предприятий и строительства жилья для их сотрудников в результате отказались в пользу создания там нового предприятия — центра микроэлектроники¹⁶⁰, вытеснившего из города-спутника все прочие ведомства. И в

¹⁵⁶ В Академии строительства и архитектуры СССР // Архитектура СССР. 1959. № 1. С. 65.

¹⁵⁷ Баранов Н. Современное градостроительство (строительство и реконструкция городов 1945–1957 гг.) // Доклады V конгресса МСА. М., 1958. С. 48.

¹⁵⁸ V конгресс Международного союза архитекторов. Москва 21–26 июля 1958 года: сокращенный стенографический отчет. М., 1960. С. 274.

¹⁵⁹ Вайтенс А.Г. Научно-проектные поиски решения проблем ограничения роста населения и территории Ленинграда и их результаты к концу 1950-х гг. // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 85.

¹⁶⁰ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 августа 1962 г. № 831–353сс «Об организации Центра микроэлектроники — “Научного центра” (НЦ) и комплекса НИИ и КБ в союзных республиках» (Бирюков М.Г. 60 лет на передовых рубежах развития отечественного СТО для российской микроэлектроники // НАНОИНДУСТРИЯ. 2022. Т. 15. № 5. С. 248–252)

этом качестве переименованный в Зеленоград город не существенно отличается от других построенных в Подмосковье научных городков: первоначальный замысел уступил место интересам влиятельного министерства¹⁶¹.

Подмосковные академгородки, если и стали иллюстрацией идеи городов-спутников в широком смысле, то за отсутствием более подходящих на эту роль примеров. При этом фактически их проектирование велось в наибольшем отрыве от теоретических поисков в области выработки оптимальных параметров размещения и внутренней организации поселений нового типа.

Таким образом, сопоставление концепции подмосковных академгородков с идеей городов-спутников, которая захватила умы советских градостроителей в конце 1950-х гг., показывает почти полную независимость этих явлений. Создание новых населенных пунктов в данном случае было ситуативным решением Академии наук, а не результатом системного планирования рассредоточения населения столицы. Проектирование академгородков велось отдельно от теоретических рассуждений об оптимальных параметрах городов-спутников, и даже между собой эти поселения для ученых имеют существенные отличия в части удаления от Москвы. Акторы, выбиравшие место для расположения комплекса биологических институтов (в частности, А.Н. Несмеянов), ориентировались скорее на Оксфорд и Кембридж, нежели на города-спутники Лондона. Получившие же развитие при М.В. Келдыше Черноголовка и Красная Пахра привлекали в том числе относительной близостью к Москве, но выбор их расположения был осуществлен в 1950-е гг. руководителями отдельных институтов для значительно менее масштабных целей.

Создание подмосковных академгородков следует рассматривать как результат комплексного взаимодействия политических, административных и научных факторов. Вынос институтов АН СССР за пределы Москвы был вынужденным шагом, вызванным сменившимся отношением руководства страны к Академии, а их обособленное строительство виделось наиболее эффективным решением из всех

¹⁶¹ Ланно Г.М. Спутники-наукограды — авангард модернизации // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., 2010. С. 250–262.

возможных вариантов. При этом параллельно за городом продолжали строиться исследовательские комплексы, размещение которых было невозможно в крупном городе, и они становились выгодоприобретателями от «выдворения» науки из Москвы, «подселяясь» к академгородку (как радиоастрономическая станция ФИАН в Пущине), либо сами становясь центрами кристаллизации научных учреждений (как ИЗМИРАН в Красной Пахре и полигон Института химической физики в Черноголовке).

Академия наук в 1930–1950-е гг. прошла путь от несколько наивных попыток справиться с проектированием грандиозного комплекса силами собственной строительной конторы к поручению этой работы опытным архитекторам во главе с А.В. Щусевым, а затем — созданию собственной проектной конторы под его руководством, и, в конце концов, ее преобразованию в проектный институт.

Начало создания академгородка в Москве пришлось на период, когда в советской архитектуре уже был взят курс на неоклассику, поэтому первый большой стилиевой разворот начала 1930-х гг. не коснулся его проектов. Все проектирование до середины 1950-х гг. велось с ориентацией на неоклассицизм, а в планировочной организации главенствовали принципы симметрии и квартальной периметральной застройки. Оставалось впереди осознание того факта, что здания, при проектировании которых учитывались лишь текущие потребности институтов, в лучшем случае потребуют модернизации в перспективе, а в худшем — еще до окончания строительства¹⁶². Это объяснялось малым количеством сдаваемых зданий, в условиях чего институты были рады любой новой появлявшейся у них площади.

Важным событием, на начальном этапе внесшим много изменений в замысел академгородка, стало принятие Генерального плана развития и реконструкции Москвы в 1935 г. Ранее задуманный на удалении от центра и окруженный зеленью Ботанического сада, комплекс оказался разделен на несколько частей, вписанных в городскую структуру. Ограниченность ресурсов и в то же время желание как мож-

¹⁶² *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 53.

но скорее претворить в жизнь новый генплан требовали «работы» всех строек в столице на эту цель. Однако ресурсов Академии наук не хватило на то, чтобы вести строительство в темпе, в каком вел его город и поспевавшие за ним ведомства. Медлительность в освоении своих площадок приводила к тому, что Академия постепенно лишалась их и «выдавливалась» все дальше на периферию.

Конечно, такое положение дел в конечном счете упиралось не в организаторский талант руководителей АН СССР, а в отношение руководства страны к ее нуждам. С приходом к власти Н.С. Хрущева оно стало особенно прохладным, что привело в середине 1950-х гг. к вынесению строительства новых академических институтов за пределы Москвы. Для Академии строительство новых научных комплексов в Подмоскovie стало вынужденным и компромиссным шагом. Поэтому ключевым фактором на данном историческом этапе творческого процесса, когда начала формироваться концепция научных центров (в тот момент — городков), стало «выдворение» нового строительства АН СССР из столицы.

В определении общей концепции научных центров на данном этапе ключевая роль принадлежала не архитекторам. В частности, несмотря на хронологическую близость к широкому обсуждению советскими градостроителями концепции городов-спутников, создание академгородков опередило дискуссии об их размещении, и в то же время было ситуативным решением, а не результатом системного планирования рассредоточения населения столицы.

Предпринятая попытка размещения Института радиотехники и электроники в уже существующем подмосковном городе Фрязино обернулась значительными трудностями из-за действий местных органов власти. Это привело к ставке Президиума АН СССР на создание академгородков в изолированном формате. Поиск мест для расположения научных городков направлялся Президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым, который в качестве удачного примера зарубежного опыта приводил британские и американские научные городки, в частности Оксфорд и Кембридж. И если выбранная по такому принципу площадка в Пущине ориентировалась на создание автономного научного сообщества, то Черноголовка, формировавшаяся вокруг специфических задач Института химической физики и Красная Пахра, развивавшаяся еще более стихийно, отчасти ориентировались на связь с

Москвой, поскольку были расположены вдвое ближе к ней. В результате научные городки формировались под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, но не были частью единого комплексного замысла.

ГЛАВА 2. Начало проектирования научных городков в условиях поисков нового языка архитектуры во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.

Как показано в предыдущей главе, в контексте изучения истории подмосковных научных городков чрезвычайно важным оказался приход к власти Н.С. Хрущева, ставшего инициатором зарождения их замысла. Параллельно в середине 1950-х гг. Н.С. Хрущев запустил в стране масштабный процесс реформирования архитектуры: его критика «излишеств» и утверждение курса на индустриализацию строительства в выступлении на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 г., а затем принятие соответствующего постановления¹⁶³ 4 ноября 1955 г. привели к радикальной реорганизации архитектурной и строительной отраслей, завершили эпоху «освоения классического наследия» и запустили масштабные стилевые поиски.

Глава посвящена рассмотрению этого переходного этапа, оказавшегося крайне трудным для архитекторов-практиков, перед которыми стояли масштабные и срочные задачи. На фоне лишения премий и должностей признанных мастеров вроде Л.М. Полякова и А.Н. Душкина¹⁶⁴, даже молодежь чувствовала, что происходило «унижение архитектуры как искусства»¹⁶⁵ и задумывалась о правильности выбранной профессии. Но одновременно политические перемены, космические достижения и научные прорывы, в том числе в области ядерной физики, вдохновляли и вселяли веру в безграничные возможности человека и реализуемость самых фантастических замыслов. Тогда архитекторам открылись возможности знакомства с зарубежным опытом — прежде всего на страницах профессиональной литературы, в том числе выписываемой из-за рубежа, но для некоторых — и непосредственно в командировках и туристических поездках, число которых заметно выросло во второй половине 1950-х гг. Одновременно проснулся интерес к насле-

¹⁶³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 7.12.2024)

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Кудрявцев А.П. Потрясающее время // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 8.

дию отечественного авангарда: наряду с труднодоступной западной периодикой молодые советские архитекторы с интересом открывали для себя «Современную архитектуру» конца 1920-х гг.¹⁶⁶

Именно на это неоднозначное время пришлось начало проектирования подмосковных научных городков, первым из которых стал в 1956 г. Пущино. Рассмотрению его ранних градостроительных проектов и процесса их создания посвящен первый параграф этой главы.

Благодаря участию Н.С. Хрущева, важной вехой не только для архитекторов, проектировавших подмосковные научные центры, но для советской архитектуры в целом стал в конце 1950-х гг. Академгородок в Новосибирске. Он послужил площадкой для апробации новых подходов к градостроительному и архитектурному проектированию, впоследствии применявшихся в Подмосковье, поэтому без его рассмотрения (во втором параграфе) понимание объекта данного исследования не будет полным.

Для архитекторов ГИПРОНИИ данный этап стал вдвойне сложным из-за необходимости адаптации к новым условиям профессиональной практики и срочной разработки массы проектов заново в связи со сменой места их строительства. Практически полное прекращение строительства новых НИИ в столице во второй половине 1950-х гг. наделило новые научные городки (в Подмосковье и Сибири) значением главной площадки для движения архитектурной мысли. За короткий период было разработано значительное число проектов — на их материале в третьем параграфе главы представлена картина динамики стилевых поисков, которые вели архитекторы ГИПРОНИИ во второй половине 1950-х гг.

2.1 Первый генплан научного городка Пущино в контексте градостроительства 1950-х гг.

Ни один из перечисленных внегородских академических комплексов к моменту начала работы над научным городком в Пущине не мог сравниться с ним по

¹⁶⁶ Стрельцова П. Советская архитектурная оттепель и мировой контекст // Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство / авт.-сост. И.В. Чепкунова, П.Ю. Стрельцова, К.А. Кокорина, М.Р. Аметова. М.: Кучково поле Музеон, 2020. С. 35.

масштабу и комплексности стоявших перед архитекторами задач. Скорейшее создание подобного населенного пункта оказалось единственным возможным вариантом для Академии, и эта задача стала вызовом для архитекторов ГИПРОНИИ. Работавшим ранее лишь в контексте существующих городов или над небольшими обособленными базами (даже проектирование полигона в Черноголовке разворачивалось одновременно с работой над Пушным), иногда с трудом претендующими на постройку при них детских садов и школ, архитекторам предстояло создать среду, сопоставимую по комфорту со столичной. В ином случае привлечение на работу в новый город крупных ученых стало бы проблемой, препятствующей развертыванию и без того отстающих исследований. При этом проектирование пришлось на самый трудный для советских архитекторов период — сразу после принятия постановления «Об устранении излишеств...»¹⁶⁷ — когда старые «правила игры» были отменены, а новые пока не установились.

Проектирование весной 1956 г. было поручено Л.И. Баталову, А.П. Голубеву и А.Г. Бархиной. Все они были опытными архитекторами и, кроме Баталова, — выходцами из ВХУТЕМАСА. Последний же окончил архитектурный факультет Ленинградского института инженеров коммунального строительства, на момент его поступления находившийся еще в Академии художеств, а затем окончил аспирантуру Академии архитектуры СССР в Москве. Л.И. Баталов занимал должность руководителя мастерской № 1, однако в 1956 г. передал ее бывшему главному инженеру Г.С. Рассу [Схема 3], посвятив время творческой работе. В тот момент параллельно с Пушным он в роли главного архитектора проекта вел работу над Институтом радиотехники и электроники во Фрязине.

Нужно отметить, что размеренный ход работы ГИПРОНИИ в этот период был нарушен: находившиеся на разных стадиях готовности проекты для Москвы в большинстве своем оказались не востребованы, а новые подмосковные требовалось создать в сжатые сроки еще и вместе с жильем. Объем работы возрос в не-

¹⁶⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 25.05.2022)

сколько раз, и это ускорило ротацию в руководстве института: директором в августе 1956 г. был назначен бывший главный инженер П.И. Доморацкий.

Сам факт строительства новых городов для СССР не был чем-то новым. Эволюция советского градостроительства начиная с 1920-х гг. была тесно связана с развитием промышленности, и архитекторы были озабочены проблемой идеального устройства города как придатка производства. Н.А. Милютин в 1930 г. обобщил накопленный к тому моменту советскими и зарубежными архитекторами опыт, представив поточно-функциональную схему города¹⁶⁸ с параллельным расположением зон: производственной, зеленой (санитарно-защитной), жилой, рекреационной [Илл. 2.1]. Благодаря такому решению зоны при необходимости могли развиваться в продольном направлении, не препятствуя друг другу. Генеральный план Пущина представляется наиболее яркой иллюстрацией применения идеи Милютина. Большие города, строившиеся в 1960–1970-е гг. в СССР при промышленных гигантах (автомобильный район Тольятти, Набережные Челны, район авиазавода в Ульяновске) также наследовали этой идее, но в силу масштаба обладают значительно более сложным устройством. Ключевым же отличием научного городка от теоретического прототипа было отсутствие железной дороги, необходимой для обеспечения работы заводов, но в случае с «производством» знаний бессмысленной.

В процессе работы над генпланом Пущина летом 1956 г. главный архитектор проекта Л.И. Баталов совершил туристическую поездку по ряду западноевропейских стран, в том числе побывал в Швеции, где посетил строившийся город-спутник Стокгольма — Веллингбю¹⁶⁹. Несмотря на положительные впечатления, которые он выразил по поводу уровня комфорта и качества городской среды даже на стадии строительства, нельзя сказать, что градостроительные принципы этого проекта оказали какое-либо заметное влияние на планировочные решения Пущи-

¹⁶⁸ Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М., Л., 1930. С. 28–29.

¹⁶⁹ Баталов Л. На теплоходе «Победа» вокруг Европы // Трибуна строителя. 1956. № 34 (77), 21 августа. С. 4.

на. Характер поездки, не предполагавший профессиональной селекции объектов, а также иная функциональная и социальная природа советского научного городка не способствовали прямому заимствованию западного опыта.

Первая версия схемы генплана научного городка [Илл. 2.2] была закончена к сентябрю 1956 г. Выбранный для строительства Пущина участок представлял собой высокий берег Оки, ограниченный с юго-запада оврагом, а с юго-востока — территорией радиофизической станции ФИАН, что не позволяло развивать застройку в этих направлениях. В силу этих особенностей научный городок сразу получил не буквально линейную, но лучевую структуру с заданными началом и направлением будущего роста на восток. Можно вспомнить, что, обращаясь в январе 1956 г. за принципиальным одобрением идеи строительства комплекса биологических институтов в районе Пущина, Президиум также рассчитывал через какое-то время начать строительство на 9 км восточнее, в районе д. Жерновки, второго комплекса — для Отделения технических наук. Именно на эту деревню был направлен планировочный луч академгородка, что может свидетельствовать о планах в перспективе связать две площадки прямой дорогой, а затем, возможно, и объединить в единый 10-километровый ленточный город.

Архитекторы ГИПРОНИИ на этапе создания первой схемы генплана в 1956 г. оставались привержены приемам застройки начала 1950-х гг.: квартальной периметральной расстановке зданий с симметричными композициями и продуманными перспективами. Из-за этого научная зона в первой схеме генплана представляла собой квартал с П-образным парадным фронтом, образованным девятью зданиями институтов и обращенным к жилой зоне на западе и севере, а также к въезду в город на востоке. Все вспомогательные корпуса, технические постройки и экспериментальный завод размещались внутри квартала либо выходили к техническому проезду вдоль южной его стороны.

Хотя у ГИПРОНИИ до начала работы над Пущиным не было практики строительства новых городов, в структуре уже существующих организация проектировала академические комплексы с конца 1930-х гг., и этот опыт, безусловно, лег в основу разработки территории научной зоны городка. Наиболее близким и очевидным ее прообразом можно назвать академгородок в Москве: он также имеет

вытянутую прямоугольную форму и схожие размеры, но его кварталы в 1930–1950-е гг. были организованы по периметральному принципу. В Пущине же периметр со стороны края города был разомкнут — благодаря этому образовывались некоторые резервы для расширения институтов и строительства новых вспомогательных корпусов, необходимых в перспективе развития научных исследований. Однако участки эти все равно были малы и неравнозначны.

Все здания НИИ имели в основе единый проект с П-образным планом, высотой в три этажа и стандартизированными конструктивными параметрами, в которые вписывались типовые лабораторные ячейки различных необходимых профилей¹⁷⁰. Особняком, южнее вдоль въезда, был расположен Институт физиологии растений, для которого планировалось создать индивидуальный проект. Из всех материалов, относящихся к данному этапу проектирования Пущина, известна лишь схема генерального плана, на основании которой судить об архитектурных образах отдельных зданий не представляется возможным.

Уникальной особенностью пущинского комплекса научных институтов среди подмосковных научных центров является включенность его фасада в архитектурную среду города. Еще привычная по проектированию НИИ в Москве ситуация для Московской области в итоге стала единичным исключением. Специфика биологических исследований, проводимых в Пущине, не требовала больших санитарно-защитных полос, но, например, в случае Черноголовки они превышают по площади селитебную зону. Вследствие этого пущинская научная зона представляет исключительную ценность: будучи градообразующим элементом городской ткани, она занимает соответствующее данному статусу положение — на вершине холма, вдоль главной оси города и в обращении фронтом к его жилой застройке. Такая градостроительная ситуация накладывала на архитекторов большую ответственность за облик парадного фасада.

Главный въезд в Пущино предполагалось организовать с юга — сквозь зону НИИ вдоль территории станции ФИАН, проектированием которой занимался коллектив другой мастерской ГИПРОНИИ. Изолированный от транзитного движения

¹⁷⁰ *Сабуров П.* Городок науки на Оке // *Трибуна строителя*. 1956. № 33 (76), 14 августа. С. 2.

транспорта западный край города получил камерное решение: склон оврага архитекторы решили застроить коттеджами — нереализованный в Москве замысел (см. параграф 1.1) оказался чрезвычайно уместен за городом. Повышенный комфорт жилья для академиков должен был стать одним из скрашивающих их переезд из столицы факторов. Четырьмя дугообразными рядами эти дома огибали здание Дома ученых. Участок последнего замыкал полосу санитарно-защитной (или зеленой) зоны, разделявшей жилую и научную части городка, то есть был началом «луча», но при этом само здание, одно из немногих, разрешенных для индивидуального проектирования, оказывалось вне створов всех улиц и пешеходных аллей, из-за чего в случае реализации проекта не просматривалось бы издалека.

Советские архитекторы, привыкшие организовывать городскую застройку кварталами с периметральной расстановкой домов с разной формой плана, после 1955 г. были вынуждены использовать лишь простейшие прямые секционные дома и по возможности минимизировать применение тех из них, что были рассчитаны на неудобную с точки зрения инсоляции широтную ориентацию¹⁷¹. Таким образом, ядро городской застройки, южной половиной которого была научная зона с рядом однотипных трехэтажных зданий НИИ, продолжалось за зеленой зоной двумя рядами П-образно поставленных групп 3-4-этажных многоквартирных домов¹⁷² с открытыми в сторону реки дворами. Это решение во многом напоминает строчную застройку, родившуюся в середине 1920-х гг. в Германии и внедренную в советскую градостроительную практику при строительстве соцгородов первых пятилеток¹⁷³. В середине селитебная часть делилась площадью с группой небольших общественных зданий: Домом Советов, Домом связи и АТС, универмагом и клубом-кино. На оси площади, перпендикулярной направлению городской структуры, был сделан просвет в лесопосадках зеленой зоны, через который открывалась перспектива на стоящую в зоне НИИ между двумя зданиями институтов водонапорную башню — единственный высотный акцент городка.

¹⁷¹ Васильев Н. Массовая архитектура и ограничения // Проект Байкал. 2022. № 19 (73). С. 110.

¹⁷² АРАН. Ф. 2. Оп. 6м. Д. 171. Л. 10.

¹⁷³ Филиппов В.Д. Происхождение строчной застройки // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 2. С. 147–159.

Симметрические композиции и замыкание перспектив высотными или иными акцентами — характерные приемы послевоенного советского градостроительства, продолжавшие использоваться архитекторами и во второй половине 1950-х гг. На полгода раньше, чем Пущино, — в начале 1956 г., под руководством того же Л.И. Баталова был разработан проект Института радиотехники и электроники во Фрязине [Илл. 2.3], где также в симметричной перспективе, образованной типовыми лабораторными корпусами института, возвышалась 70-метровая башня. Как и в Пущине, она там построена не была, однако спустя несколько лет перешедший из ГИПРОНИИ в мастерскую № 7 Моспроекта Л.И. Баталов стал главным архитектором проекта Останкинской телебашни¹⁷⁴.

В ноябре 1956 г. к авторскому коллективу присоединился А.И. Попов-Шаман¹⁷⁵, назначенный главным архитектором данного проекта. Однако участие в создании образа городка он мог принимать и раньше — еще с июля 1956 г., когда был приглашен на должность главного архитектора ГИПРОНИИ. Построивший в 1930-е гг. несколько десятков зданий в Воронеже, откуда был родом, он с 1940 г. работал в коллективе Б.М. Иофана над проектами Дворца Советов и комплекса МГУ, а затем был главным архитектором Ашхабада. О степени градостроительных компетенций Попова-Шамана говорить трудно: известно лишь, что на протяжении своей работы в Воронеже он занимался планировкой города и ряда поселков¹⁷⁶, а во время войны вместе с Б.М. Иофаном, А.И. Баранским и Е.Н. Стамо принимал участие в конкурсе на проект центра Сталинграда¹⁷⁷. О «классической» закалке архитектора говорит его осуждение в 1960 г. «увлечения, появившегося в графических работах архитекторов Малова, Метаньева, Доронина и других запад-

¹⁷⁴ Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И. Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 68.

¹⁷⁵ Распоряжение № 14 от 20.11.1956 г. по ГИПРОНИИ Академии наук СССР (ВОМ-5993/23 // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11427547> (дата обращения: 30.04.2024))

¹⁷⁶ Список основных проектных работ и построек А.И. Попова-Шамана // (ВОМ-5993/77 // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13897763> (дата обращения: 25.05.2022))

¹⁷⁷ Костюк М. Борис Иофан. До и после Дворца Советов. 2019. С. 184–185, 299.

ными абстракционистскими мотивами, идущими в изображении живой природы от примитивного детского рисунка»¹⁷⁸.

В ответ на замечания экспертизы в Госстрое СССР проект был скорректирован [Илл. 2.4]. Хотя застройка кварталов по-прежнему формировалась из секционных домов с прямоугольным планом, в новом проекте они стали блокироваться в Г- и П-образные композиции. Благодаря этому вдоль главной улицы, позднее получившей название проспекта Науки, жилые дома образовали партеры на осях зданий институтов, которые теперь были расставлены в одну линию вдоль зеленой зоны. Стремление к воспроизведению прежде распространенных композиционных приемов было характерным для тех лет, и даже самые передовые проекты, например, опытной застройки Новых Черемушек [Илл. 2.5], демонстрировали его.

Следует вспомнить, что еще в апреле 1956 г. под руководством Л.И. Баталова был закончен проект застройки жилых кварталов во Фрязине [Илл. 1.25]. Времени и возможностей для творческих поисков в области организации жилой застройки у архитекторов института не было. «Критика» в архитектурной периодике второй половины 1950-х гг. заслуживает отдельного исследования: авторы соревновались в радикальности и при этом обтекаемости формулировок, призывавших к отказу от прежних ошибочных принципов, но зачастую не имея представлений о том, какими должны быть новые.

Трассировка улиц в новом проекте была изменена: по мере отдаления от «креста» зеленой зоны и центральной площади они получили большую увязку с рельефом, отступая от ортогональной сетки. С одной стороны, из-за этого стала менее строгой симметрия планировки кварталов жилой зоны относительно оси центральной площади. Зато теперь эта ось, ранее упиравшаяся в зону двухэтажных домов на склоне берега Оки, имела продолжение до самой реки, включая в симметрическую композицию все планировочные зоны городка. На севере она заканчивалась парадной лестницей и речным вокзалом, а на юге из-за перекомпоновки научной зоны теперь замыкалась не водонапорной башней, а фасадом Института химии природных соединений [Илл. 2.6].

¹⁷⁸ Цит. по: Стенограмма выездного заседания президиума правления по обсуждению отчета о работе ГИПРОНИИ за 1959 г. // РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 22.

Распределение ключевых городских объектов изменилось: ранее стоявшие на оси центральной площади здания теперь стали организовывать фронт ее периметра, уступив место в центре Дому ученых. Высотность жилой застройки в целом увеличилась: от трехэтажных домов полностью отказались в пользу четырехэтажных, а спускающийся к реке бульвар и вовсе фланкировали секциями в шесть этажей¹⁷⁹. Так перспектива от Дома ученых в сторону Оки обрамлялась ритмом высотных акцентов. Прежнее его место в западной части городка у начала зеленой зоны занял сквер с объектом неясного назначения, расположенным в створе сразу нескольких сходящихся к нему аллей и улиц, включая главную — проспект Науки. Вероятно, архитекторы задумали разместить в этом месте некий монумент вроде обелиска, который бы не выделялся размерами и высотой, но организовывал пространство. Хотя и смещенная с оси центральной площади, водонапорная башня, кажется, не потеряла своей доминантной роли в городской застройке. Сдвинутая на юго-восток, она снова оказалась в одном из просветов между зданиями институтов, но одновременно должна была просматриваться со стороны въезда в город, служа своего рода маяком.

В части научной зоны ГИПРОНИИ в новой версии генплана сделал, с одной стороны, тенденциозный для тех лет шаг, отказавшись от периметральной застройки кварталов, и развернул все институты лицом к городу. С другой стороны, за счет выстраивания их в ряд авторы впервые пришли к унификации планировочных решений территорий институтов¹⁸⁰: каждая площадка получила одинаковые размеры и ориентацию. Из этого также вытекла отпавшая необходимость в разработке двух рассчитанных на разную ориентацию унифицированных проектов. Хотя новое решение почти вдвое увеличило длину фронта застройки и уменьшило ее плотность за счет сокращения площади резервных территорий для строительства перспективных институтов, оно расширило возможности для по-

¹⁷⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 48

¹⁸⁰ *Платонов Ю.П.* Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 89; *Сергеев К.И.* Архитектурно-планировочная организация научных зон в структуре города (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. Т. 2. С. 23.

тенциального роста каждого из уже запланированных. Научная зона получила строгое внутреннее функциональное деление, на меньшем градостроительном уровне повторяющее ленточную структуру всего городка: главные здания институтов занимали передовое положение и образовывали сплошной фронт застройки, обращенный к городу и ограждающий его от менее архитектурно выразительных и порой имеющих более высокий класс вредности вспомогательных сооружений. Еще южнее, за грузовым проездом, была размещена промышленно-складская зона с экспериментальным заводом, ранее располагавшимся в центре квартала с институтами.

От полностью индивидуального проекта Института физиологии растений авторы также отказались в пользу переработки унифицированного проекта и поставили его в ряд с другими НИИ. Поскольку прежнюю позицию института напротив радиофизической станции ФИАН занял экспериментальный завод, акцентирование южного въезда в город стало менее явным.

Зачастую поиски архитекторов во второй половине 1950-х гг. были направлены не столько в будущее, сколько к воспроизведению в новых условиях градостроительных приемов 1940–1950-х гг. (созданию осевых и центрических композиций улиц и площадей, симметрии во всем от фасадов до формы генерального плана), что видно в части жилой застройки городка Пущино. Но в научной зоне на примере двух версий схемы генплана можно наблюдать движение к освобождению от этих принципов.

Схема генплана Пущина была одобрена Госстроем СССР 11 мая 1957 г.¹⁸¹, но уже через неделю, 18 мая, Совет Министров принял постановление о создании Сибирского отделения Академии наук¹⁸², предусматривающее строительство для него научного городка. Несмотря на возражения руководства Академии¹⁸³, Президиум Совета Министров признал строительство Пущина нецелесообразным, «в

¹⁸¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 27–40.

¹⁸² Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/sbras50/03.ssi> (дата обращения: 25.04.2024)

¹⁸³ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1957). Д. 22. Л. 58–62.

связи с необходимостью сосредоточить материальные и денежные ресурсы на строительстве научного городка в Сибири»¹⁸⁴. Так, реализация проекта, несмотря на стремление Академии как можно скорее приступить к строительству комплекса биологических институтов, оказалась заморожена, и в условиях стремительного развития советской архитектуры во второй половине 1950-х гг. его применение позднее оказалось уже невозможным.

Несмотря на использование лучевой структуры с последовательным чередованием функциональных зон, в части их наполнения застройкой первый генеральный план Пущина имел регулярный характер. На примере изменений и корректировок, внесенных в схему во время ее создания в 1956–1957 гг., видно, как архитекторы, вначале обратившиеся к приему строчной застройки, рациональному в контексте политики экономии и использования однотипных секционных домов, спустя некоторое время нашли возможность создания более сложных композиций за счет блокирования домов. При этом их творческие поиски в то время были направлены не столько в будущее — к свободной планировке — сколько к попытке воспроизвести градостроительные приемы 1940–1950-х гг.

И все же ко второй версии генплана архитекторам удалось достичь прогресса в своей профильной области: организации зоны НИИ — как по отношению к опыту академгородка на Калужском шоссе, так и к первой версии самого пущинского проекта. Научная зона обрела не только общий контур, но и границы унифицированных по размеру участков институтов¹⁸⁵, а также принцип их глубинного зонирования¹⁸⁶ — все последующее проектирование и строительство шло с учетом этих решений. Кроме того, уже в первой версии здесь, как и во Фрязине (см. параграф 2.3), был применен метод типизации лабораторных зданий в пределах одной строительной площадки [Схема 4].

¹⁸⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 75.

¹⁸⁵ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 38.

¹⁸⁶ Научные центры Академии наук СССР. М., 1969. С. 38.

2.2 Новосибирский Академгородок как первый опыт строительства обособленного научного центра

Постановление о создании Сибирского отделения Академии наук¹⁸⁷, предусматривающее строительство для него научного городка, Совет Министров СССР принял 18 мая 1957 г. К июлю для него была выбрана площадка близ строящейся в тот момент Новосибирской ГЭС и водохранилища, после чего началось проектирование и одновременно стали разворачиваться первые строительные работы¹⁸⁸. Тогда и возникли проблемы у всех прочих проектов Академии, включая Пушино. При большом содействии и личном внимании со стороны Н.С. Хрущева значительная часть ее финансовых и проектных мощностей была направлена на реализацию этого замысла¹⁸⁹.

В отличие от подмосковных академгородков, создание Новосибирского пришлось на активную фазу обсуждения идеи городов-спутников. И хотя научный городок, опять же, не мог служить разуплотнению Новосибирска, поскольку в нем создавались новые учреждения, на работу в которых привлекались кадры со всей страны, его масштаб и расположение позволяли авторам проводить такую параллель¹⁹⁰. В результате проект стал полигоном для обкатки целого ряда новых градостроительных и архитектурных решений, на год опередив подмосковное Крюково¹⁹¹ (с 1963 г. — Зеленоград). Опыт проектирования и строительства обоих го-

¹⁸⁷ Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/sbras50/03.ssi> (дата обращения: 25.05.2022)

¹⁸⁸ Постановление Совета Министров СССР от 11 июля 1957 № 817 «О мероприятиях по строительству объектов Сибирского отделения АН СССР» // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 53. Л. 20–21.

¹⁸⁹ Доморацкий В.П. Проекты и люди эпохи созидания. Личные свидетельства // Наукоград. 2016. № 4. С. 36.

¹⁹⁰ Орлов И.Б. Планировка и застройка научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР // Проблемы советского градостроительства. М., 1961. № 13. С. 29.

¹⁹¹ Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1958 года № 248 «О строительстве нового города в пригородной зоне Москвы, в районе станции Крюково Октябрьской железной дороги» // URL: <https://www.netall.ru/history/1958/base/> (дата обращения: 25.05.2022)

родов должен был стать школой для проектировщиков и строителей будущих городов-спутников¹⁹².

В отличие от Пущина научный городок Сибирского отделения являлся многоотраслевым: если, например, Институт ядерной физики требовал защитной лесополосы и значительного удаления от жилых домов, то институты секции общественных наук можно было размещать в соседстве или даже внутри селитебной зоны. Стремясь обеспечить наименьшие расстояния от жилья до институтов при соблюдении всех санитарных норм, архитекторы пришли к несколько более сложной схеме пространственно-функциональной организации. И все же в общем виде ее вновь можно описать как последовательное расположение жилой, санитарно-защитной, научной и коммунально-складской зон.

Над городком в основном вели работу два проектных института: ГИПРОНИИ отвечал за комплекс двенадцати институтов, то есть научную зону, а Новсибпроект — за селитебную. Их площади были примерно равны между собой. Как пишет С.С. Духанов, первые наработки Новсибпроекта в октябре 1957 г. были раскритикованы за применение закрытой периметральной жилой застройки¹⁹³. В результате к маю 1958 г. проектное задание было переработано в сторону свободной планировки [Илл. 2.7], представляющей собой вариацию строчной застройки секционными домами, изгибающейся перпендикулярно уклонам рельефа. Кроме того, значительную площадь городка занимала застройка усадебного типа — коттеджи для ученых, в том числе перспективой проживания в которых их привлекали на работу в Сибирь. Общественный центр представлял собой систему из двух площадей, вокруг которых были расставлены Дом ученых, Дом культуры, кинотеатр, гостиница, дом связи и АТС, библиотека, Дом Советов и отделение милиции. Обособленно от жилой застройки расположили больничный и университетский комплексы.

¹⁹² Орлов И.Б. Планировка и застройка научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР // Проблемы советского градостроительства. М., 1961. № 13. С. 37, 43.

¹⁹³ Духанов С.С. Проблемы формирования благоприятной архитектурно-планировочной среды в городах Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 101–113.

Однако после утверждения проектного задания в июне 1958 г. в ходе обсуждения в Академии архитектуры и строительства СССР оно было раскритиковано за излишнее увлечение свободной планировкой, превратившее ее в «фетиш»¹⁹⁴. Параллельно с началом его реализации генплан был вновь переработан в сторону периметральной компоновки секционных жилых домов [Илл. 2.8]. Архитекторы почти полностью отказались от плавных поворотов вдоль рельефа, придав проездам и улицам более строгие направления. Вероятно, причиной такой перемены стало желание развить идею сохранения участков леса: при расстановке домов «строчками» вдоль улиц архитекторам приходилось либо чересчур уплотнять их, чтобы добиться необходимой численности населения, либо заходить вглубь микрорайона вторым и третьим рядом, таким образом уменьшая площадь сохраняемого леса. Перейдя к застройке П-образными группами домов, расставленными вдоль улиц и открытыми к лесу внутри микрорайона, архитекторы добились концентрации ее плотности на периметре и достигли цели максимального сохранения леса, который теперь заходил в каждый из дворов. Также выбор замкнутой периметральной застройки был отчасти обусловлен и стремлением создать надежную ветрозащиту, что в условиях Сибири было особенно важно¹⁹⁵. И все же отказ от сперва возникшего смелого решения со свободной планировкой в пользу более традиционного, с регулярной, на фоне аналогично произошедшего ухода от строчной застройки в процессе разработки генплана Пущина выявляет определенный паттерн в механизме отечественного градостроительства второй половины 1950-х гг.

С той же целью ветрозащиты, а также из соображений шумозащиты периметры микрорайонов ограждались от городских магистралей и транспортных улиц посадками деревьев. Жителей города стремились также оградить от вредного воздействия выхлопных газов: в проекте были исключены сквозные проезды по микрорайонам и предусмотрены для легковых автомашин капитальные отаплива-

¹⁹⁴ Бугаев Р.С. Конструирование «города-леса» Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 106–114.

¹⁹⁵ Там же.

емые гаражи на удалении от жилья, а главное внимание было уделено продуманной организации пешеходного движения¹⁹⁶.

В 1959 г. строительство, а вместе с ним и проектирование жилой зоны было передано вновь организованным Сibaкадемстрою и Сibaкадемпроекту. Несмотря на наименование, Сibaкадемпроект не являлся частью структуры Академии наук, а, равно как и Сibaкадемстрой, относился к Минсредмашу и был создан на базе Новосибирского филиала ГСПИ-11. Хотя начальник мастерской № 1 Новосибирского проекта А.С. Михайлов вслед за проектом перешел в новый институт, заняв в нем должность главного архитектора, авторский коллектив полностью сменился.

В переработанном генплане центр города из двух площадей вытянулся в единую линию, вдоль которой последовательно расположились Дом ученых, кинотеатр, комплексы гостиницы с домом связи и торгового центра с рестораном. Появление последнего стало следствием требования, выдвинутого Госстроем в процессе согласования еще первого генплана¹⁹⁷. Его проектирование было поручено в 1960 г. Отделу культурно-бытовых и коммунальных зданий НИИ экспериментального проектирования Академии строительства и архитектуры СССР. Это был первый опыт разработки здания подобного типа и оно получило абсолютно модернистское воплощение: к тянущемуся вдоль второстепенного проезда стержню складского блока примыкают прямоугольные объемы блоков различного назначения, образующие в промежутках небольшие дворiki — а завершается композиция цилиндрическим остекленным объемом зала ресторана, перекрытым конусообразной оболочкой из монолитного железобетона [Илл. 2.9].

Куда более важно, что авторы торгового центра выполнили проектирование всей сети торговли, общественного питания и бытовых предприятий академгородка, впервые на практике реализовав принцип трехступенчатого обслуживания населения¹⁹⁸: повседневные, периодические и эпизодические потребности жителей

¹⁹⁶ Орлов И.Б. Планировка и застройка научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР // Проблемы советского градостроительства. М., 1961. № 13. С. 34.

¹⁹⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 53. Л. 50.

¹⁹⁸ Ушаков Ю.С. Опыт проектирования и строительства Новосибирского Академгородка // Пути развития и формирования новых городов на современном этапе (обзор). М., 1970. С. 66.

удовлетворялись на уровнях жилой группы, микрорайона и населенного пункта соответственно¹⁹⁹.

В небольших пунктах первичного обслуживания, равномерно рассредоточенных среди жилых домов, располагались клубная комната для семейных вечеров, стол заказов, столярно-слесарная мастерская, кухня и бюро проката²⁰⁰. Эти типовые здания представляли собой небольшие одноэтажные квадратные в плане объемы с витражным остеклением в пол у главного фасада, почти глухими боковыми стенами, продолжения которых образовывали небольшой служебный дворик [Илл. 2.10]. Размер плоской кровли соответствовал полной длине боковых стен, но сама она была чуть сдвинута вперед, образуя козырек над главным фасадом и придавая зданию вид шкатулки с приоткрытой крышкой [Илл. 2.11].

Микрорайонные торгово-общественные центры компоновались из трех независимых блоков (магазин-столовая, жилищно-эксплуатационная контора с клубом и комбинат бытового обслуживания), которые можно было по-разному блокировать друг с другом, располагать на удалении или вовсе исключать, если в них не было необходимости [Илл. 2.12]. Сами объемы были одноэтажными, фасады со сплошным витражным остеклением соседствовали с глухими стенками [Илл. 2.13]. Кровля была плоской, а козырек предполагался тонким. Увы, ни один из примеров реализации не достиг той легкости, что была заложена в проект.

Несмотря на то, что на практике система обслуживания была реализована далеко не в полном соответствии с замыслом (по описанным проектам были построены лишь один микрорайонный центр и три первичных пункта обслуживания), в дальнейшем заложенные в нее принципы с поправкой на полученный опыт стали применяться повсеместно, а описанные типовые проекты достались по наследству другим научным городкам, в том числе и трем подмосковным.

В 1959 г. строящийся академгородок впервые посетил Н.С. Хрущев. На встрече с учеными он, стоя у макета центра жилой зоны [Илл. 2.14], раскритико-

¹⁹⁹ Образцов А. Торговые центры малых городов // Архитектура СССР. 1967. № 4. С. 49.

²⁰⁰ Ладинский А.С., Чернецов Н.Н. Город науки. // Архитектура. Иллюстрированная вкладка Строительной газеты. № 21, 18 октября 1964. С. 1–4.

вал ее проект²⁰¹ за наличие нескольких высотных зданий. Несмотря на широкий резонанс, влияния на ход проектирования и строительства городка это событие почти не оказало. Во второй половине 1960-х гг. вдоль линии общественного центра возвели ряд возмущивших Хрущева девятиэтажных башен. Единственное действительно существенное изменение произошло в зоне ответственности ГИПРОНИИ: после визита Н.С. Хрущева с поста директора Института цитологии и генетики был снят Н.П. Дубинин, жестко противостоявший «лысенковщине». На готовом в тот момент фундаменте ИЦиГ после переработки проекта был возведен Институт органической химии²⁰². Собственное здание ученые-генетики получили лишь в 1964 г., незадолго до отставки самого Хрущева.

Что же касается в целом работы над научной зоной академгородка, то она шла в стенах ГИПРОНИИ своим чередом, и ее почти не задевали пертурбации, происходящие с селитебной территорией. Руководил проектированием А.И. Попов-Шаман, назначенный главным архитектором по объектам СО АН СССР, так как в октябре 1957 г. на должности главного архитектора института его сменил Л.М. Поляков. Пока в Москве под руководством А.И. Попова-Шамана велись работы над генеральным планом и проектными заданиями на строительство институтов, руководство ГИПРОНИИ занималось организацией Новосибирского филиала, который в дальнейшем выполнял рабочее проектирование всех объектов и осуществлял авторский надзор на их строительстве.

Еще в генплане, утвержденном в июне 1958 г., определилась планировочная структура комплекса институтов [Илл. 2.7]. И в ней вновь выразилась приверженность архитекторов линейным симметричным композициям: от одной из центральных площадей городка в сторону леса уходила улица. Вначале она шла сквозь высокие сосны, но затем расширялась и превращалась в бульвар, вдоль которого по красным линиям стояли две пары институтов; далее бульвар упирался в перпендикулярную улицу, а его ось завершалась симметричным зданием Института ядерной физики. Перпендикулярная бульвару улица начиналась северным

²⁰¹ Никита Хрущев критикует проект Академгородка, 1959 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=bimD_iVWHGI (дата обращения: 25.05.2022)

²⁰² Шубин Б. Субъективные заметки директора института // Наука в Сибири. 1997. № 13. С. 4.

въездом в город, делала плавный поворот на 90 градусов и приходила ко второй центральной площади, затем заканчиваясь южным въездом в академгородок. Таким образом, оба его центра должны были получить визуальную связь с градообразующим предприятием. Увы, после переработки генплана селитебной зоны и реорганизации центра из двух площадей в единую линию эта идея оказалась не востребована. В результате вместо центральной площади противоположный зданию Института ядерной физики конец улицы упирается в участок леса в паре сотен метров от городского центра.

Создание научного центра в Сибири пришлось на трудное для архитекторов время — в его планировке и архитектуре отразились тяжесть творческих поисков и инертность строительной отрасли, занявшей в условиях активной борьбы с «излишествами» доминирующее положение и главенствовавшей над архитекторами, что к тому же усугублялось стремлением любой ценой максимально сократить срок сдачи всех объектов. Тем не менее академгородок стал плацдармом для внедрения принципов микрорайонной организации жилой застройки и системы ее обслуживания, проекты для которой были разработаны впервые — причем уже в духе интернационального модернизма. Результаты этих экспериментов отразились на всей советской архитектуре. При этом бережное отношение к существующему лесу, которое Ю.С. Яралов в 1967 г. назвал «культом леса»²⁰³, вместе с обширной работой по озеленению, проделанной в Новосибирском Академгородке, стало образцом для всех строившихся впоследствии научных центров.

2.3 Стилиевые трансформации в архитектуре зданий Академии наук во второй половине 1950-х гг.

Привычно прочерчиваемая по постановлению «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»²⁰⁴, принятому в 1955 г., условная граница стилиевых эпох, формально относит здания этого времени к началу второй волны мо-

²⁰³ Яралов Ю. Город большой науки // Архитектура СССР. 1967. № 6. С. 47.

²⁰⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 25.10.2024)

дернизма в СССР, хотя на деле после выхода документа, который невозможно было трактовать как понятную инструкцию к созидательному действию²⁰⁵, последовал период творческих поисков.

До сих пор исследований, посвященных данному этапу советской архитектуры как самоценному явлению, чрезвычайно мало. Н.Г. Калашников в исключительной по объему и сосредоточенности на архитектуре переходного периода статье²⁰⁶ рассматривал в основном жилище, выделяя три тенденции: приспособление посредством упрощения уходящего стиля, возврат к образам и идеям конструктивизма, заимствование зарубежного опыта. Важно отметить, что эти три пути автор обозначает не в выводах, а постулирует во введении как нечто заведомое. Авторы справочника-путеводителя по архитектуре советского модернизма Ленинграда отмечают: «В отличие от постконструктивизма — такого же промежуточного, но в другую сторону движения, у этого переходного этапа нет своего названия, хотя здания тех лет узнаются безошибочно»²⁰⁷. Действительно, не споря о том, является ли постконструктивизм стилем²⁰⁸, справедливо говорить о том, что в сам этот термин заложен смысл «движения от». И хотя вектор стилевых трансформаций советской архитектуры во второй половине 1950-х гг. может представляться из сегодняшнего дня достаточно цельным в своей направленности на модернизм, кажется все же важным проверить на прочность это представление и поспорить с тезисом о том, что разрозненные поиски являлись «движением к...» На архитектуру этого периода предлагается взглянуть ближе, проследив внутри плотного

²⁰⁵ «Установка была чисто негативной...» (*Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I. 2001. С. 639); «...определение новых задач градостроительства проходило разрозненно и фрагментарно, двигаясь в основном от противного...» (*Косенкова Ю.Л.* Распад и интеграция советского города в представлениях архитекторов 1950-х – начала 1960-х гг. // Социология города. 2011. № 4. С. 9).

²⁰⁶ *Калашников Н.Г.* Архитектура «оттепели»: стилистические альтернативы и маргиналии // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 144–160.

²⁰⁷ *Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И.* Ленинград: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. М., 2021. С. 92.

²⁰⁸ Среди исследователей до сих пор идет полемика о применимости термина в этом качестве и о его удачности относительно географически более универсального понятия ар-деко.

ряда хронологически выстроенных проектов динамику незначительных изменений, не обязательно заведомо ведущих к становлению в СССР интернационального стиля в начале 1960-х гг.

В отличие от жилища и объектов «соцкультбыта», научные институты на протяжении 1950-х гг. продолжали требовать создания индивидуальных проектов²⁰⁹, что давало архитекторам возможность для творческих поисков. При этом результаты данных поисков не являлись определяющими для развития советской архитектуры и, оставаясь в тени, вполне могли оказаться тупиковой в стилевом отношении ветвью. Рассматриваемые в данном параграфе диссертации проекты были разработаны в стенах одного института — ГИПРОНИИ АН СССР, причем только в московских его мастерских. Во второй половине 1950-х гг. работавшие в них архитекторы оказались под двойным ударом: необходимо было искать принципиально новые методы работы и одновременно оперативно разработать огромное число полностью новых проектов, так как прежде утвержденные для строительства в Москве утратили актуальность. В 1959 г. ЦУКС передало проектирование части новых объектов Моспроекту²¹⁰.

Первым крупным проектом, выполненным в ГИПРОНИИ после постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», стал Институт радиотехники и электроники в подмосковном Фрязине²¹¹. Работа над ним началась еще в сентябре 1955 г., а к апрелю 1956 г. уже было готово проектное задание [Илл. 2.3]. Как следует из названия института, он состоит из двух равных по значимости отделений, что продиктовало симметрию его композиции, вытянутой с юга на север — от стоящего поперек оси административного корпуса сквозь ан-

²⁰⁹ «В 1955 г. Комитет по делам строительства при Совете Министров СССР отклонил предложение ГИПРОНИИ создать типовой проект научно-исследовательского института для Академии наук СССР и предложил продолжать создавать набор лабораторных ячеек одинакового модуля (размера), из которых можно “собрать” институт при любом его объеме и и профиле научной деятельности, комбинируя количество и расположение типовых лабораторных ячеек» (Дорохин Н., Мендельсон Н. Первые шаги // Трибуна строителя. 1955. № 43, 29 декабря. С. 2).

²¹⁰ Кулигин Н. На пороге новых задач // Трибуна строителя. 1959. № 7, 17 февраля. С. 2–3.

²¹¹ Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.И. Баталов, Н.И. Куприянов, Ю.П. Платонов, В.П. Нагих, А.С. Фомин

филаду дворов, образованных шестью одинаковыми трехэтажными «скобами» лабораторных корпусов, к паре производственных корпусов, узкий проезд между которыми ведет к образованному группой различных складских и исследовательских зданий последнему двору на оси комплекса, которую должна была замыкать высотная доминанта — 70-метровая антенная башня [Илл. 2.3].

Скорость развития объемно-композиционных решений, в силу их увязки с более инертно изменяющейся сферой градостроительства, ниже, чем эволюция фасадных решений. Кроме того, масштабных комплексов априори меньше, чем зданий, из которых они составлены, поэтому на коротком временном отрезке имеет смысл сосредоточить внимание на рассмотрении фасадов.

Как упоминалось в главе 1, еще в начале 1950-х гг. в ГИПРОНИИ велись работы по унификации лабораторных ячеек. Уже в 1955 г. их разработка для всех научных профилей началась на основе единого модуля, что должно было способствовать уменьшению номенклатуры и унификации индустриальных конструкций. Тогда же в ГИПРОНИИ впервые выполнили проект лабораторного комплекса с универсальной технологией — в нем, по замыслу, собственными силами сотрудников можно было бы менять размеры помещений, расстановку оборудования и его подключение к коммуникациям в любом месте²¹². В конце 1955 г. Ю.А. Дульгьер весьма отчетливо представил перспективу работы института на десятилетие вперед, хоть и предполагая, что она пройдет куда быстрее. Архитектор писал, что пора переходить от разработки лабораторных ячеек к проектированию типовых лабораторий и производственных зданий, а также специального оборудования на основе унифицированной сетки — с этой целью он предлагал организовать в ГИПРОНИИ мастерскую типового проектирования²¹³. Отдельного внимания заслуживает мысль автора о необходимости кооперированного использования вспомогательных сооружений.

Известно, что курс на типизацию проектирования и индустриализацию строительства в СССР был намечен еще до 1955 г. — точкой отсчета этой кампании считается речь Н.С. Хрущева на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря

²¹² Дорохин Н., Мендельсон Н. Первые шаги // Трибуна строителя. 1955. № 43, 29 декабря. С. 2.

²¹³ Дульгьер Ю. Наше общее дело // Трибуна строителя. 1955. № 43, 29 декабря. С. 2.

1954 г.²¹⁴ В проекте института во Фрязине архитекторами ГИПРОНИИ были предприняты шаги в обоих направлениях: во-первых, больше половины полезной площади данного комплекса составляют шесть одинаковых (типизированных) лабораторных корпусов; во-вторых, возводить их предполагалось из крупных офактуренных с фасада шлакобетонных блоков²¹⁵. Однако из-за отсутствия производственных мощностей от их применения пришлось вскоре отказаться. При переработке на кирпич единственным средством выразительности стал цвет: у двух выстроенных из серого силикатного кирпича корпусов торцы выделены красным керамическим, еще на двух выложена «тельняшка» — прием, популярный еще в 1920-е гг. [Схема 6, е]. С одной стороны, первый опыт проектирования в новых условиях обернулся созданием примитивной архитектуры с абсолютно плоскими фасадами и монотонным ритмом окон на них. С другой стороны, здесь можно увидеть попытку использования опыта архитекторов-авангардистов — правда, самых стесненных в ресурсах на реализацию своих замыслов.

Следующим крупным комплексом, проектирование которого началось в ГИПРОНИИ в марте 1956 г., то есть спустя несколько месяцев после принятия постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», стал научно-исследовательский полигон Института химической физики в Ногинском районе²¹⁶ (ныне город Черноголовка). В основе планировочного решения вновь принцип осевой симметрии: корпуса выстроены друг напротив друга вдоль дороги, проложенной по лесной просеке. Генплан был закончен в августе 1956 г. и утвержден к октябрю, строительство первых корпусов началось в том же году. На первых корпусах еще присутствуют отдельные декоративные элементы вроде наличников и сложнопрофилированных карнизов из кирпича [Схема 6, в-г]. При этом стены зданий не оштукатурены и в целом их архитектуру можно коротко

²¹⁴ Горлов В.Н. Речь Н.С. Хрущева на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. как один из первых шагов в направлении десталинизации советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 126–131.

²¹⁵ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 326. Л. 23.

²¹⁶ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.М. Злотин, Л.В. Леонова, Ю.А. Дульгиер

охарактеризовать как «обдирную»²¹⁷. Стремительность темпов развертывания строительства на полигоне, по всей видимости, не дала архитекторам времени на раздумья об излишествах в процессе проектирования, так что избавляться от них стали уже в процессе строительства. Аналогичным образом выглядит и спроектированный в той же мастерской в том же 1956 г. лабораторный корпус радиофизической станции Физического института им. П.Н. Лебедева в Пущине²¹⁸.

Но глядя на корпуса, спроектированные в 1957–1958 гг., уже можно говорить об отказе архитекторов от классицистического декора и поиске новых средств выразительности. Главным приемом стало объединение групп окон наличниками-рамами, в некоторых случаях простенки между ними выкладывались кирпичом контрастного фасаду цвета или штукатурились — так авторы пытались создать ощущение больших витражей и непрерывных лент окон [Схема 6 н, п]. Вновь можно провести параллель с первой волной архитектурного модернизма в СССР и ситуациями, когда многим архитекторам, особенно работавшим в провинции, приходилось имитировать новую архитектуру, используя старые, непригодные для нее строительные технологии.

При этом работа велась именно с фасадами — поверх ранее утвержденных симметричных объемных композиций со сложными П- или Ж-образными формами плана, напоминающими о грандиозных проектах НИИ, создававшихся в Академпроекте с 1930-х по начало 1950-х гг. В качестве примера можно сравнить здание Физического института, построенное на Калужском шоссе (с 1960 г. — Ленинский проспект) в 1947–1951 гг., и павильон № 2 (лаборатории взрывных работ) в Черноголовке, который возвели в конце 1950-х. Взяв на вооружение новый язык современной архитектуры, авторы «перевели» на него привычный образ с трехчастной структурой классицистического фасада. Пластика упростилась, вместо

²¹⁷ Термин, обозначающий переработанные в сторону упрощения и удешевления в процессе реализации проекты начала 1950-х гг. во время кампании по борьбе с «излишествами». Судя по всему, возник он в начале 2000-х гг. в архитектурной публицистике, употреблялся тогда в том числе А.В. Рогачевым и Е.Д. Капустян. Ныне вошел и в академический оборот.

²¹⁸ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитектор Е.А. Вигдорчик

портика — увенчанный аттиком ризалит, в роли колоннады — имитация витража [Схема 7, а-б].

В соответствии с новыми задачами частично изменился состав лабораторных зданий, строящихся на промплощадке, но также было внесено и одно чисто архитектурно-композиционное изменение. Вместо одиночного П-образного в плане административного корпуса, обращенного к створу дороги, идущей через лес мимо площадки, архитекторы оформили въезд на территорию своеобразными пропилями из симметрично фланкирующих его Г-образных в плане корпусов. Можно вспомнить аналогичное решение, первоначально принятое в комплексе Института радиотехники и электроники во Фрязине, также представляющем собой стремящуюся к симметрии линейную композицию, однако стоит отметить различие в ориентации Г-образных объемов относительно проезда между ними.

Пожалуй, наиболее значительное число академических институтов в исследуемый отрезок времени было спроектировано для научного городка вновь организованного в мае 1957 г. Сибирского отделения АН СССР²¹⁹. Проектирование Академгородка началось в 1957 г., а к началу 1960-х большая часть из более чем десятка институтов, жилья и инфраструктуры уже была построена. В условиях необходимости скорейшего начала строительства для первого, сданного к 1959 г., Института гидродинамики был использован проект типизированного лабораторного корпуса, разработанный ранее для фрязинского Института радиотехники и электроники.

Но здесь те же авторы уже осознанно применили кирпич и использовали облицовку силикатной плиткой. Ради строительства Новосибирского Академгородка была отложена реализация ряда других значимых проектов Академии, но благодаря сосредоточенности ресурсов и вниманию со стороны руководства СССР архитекторы получили чуть больше стройматериалов, чем два вида кирпича, как это в основном было в то время на академических стройках в Подмосковье. В результате на здании Института гидродинамики можно наблюдать попытку создать легкую

²¹⁹ Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 4. 1953–1961 годы. С. 347–349.

пластику фасада: цоколь обозначен штукатурным рустом, перепадом в полплитки в простенках меж окон проступили лопатки, упирающиеся в лаконичный бетонный карниз [Схема 6, ж]. Таким образом безликому проекту попытались придать монументальность. Главным же акцентом в архитектурном образе здания стал тонкий железобетонный козырек, «крыльями» накрывающий симметрично расходящиеся в две стороны от входа лестничные марши.

Для Института геологии и геофизики архитекторы ГИПРОНИИ также использовали уже существующий проект²²⁰, оформление фасада которого продолжает тему, заданную Институтом гидродинамики с тем лишь отличием, что здесь выступающая плоскость лопаток не упирается сразу в карниз, а продолжается «антаблементом» [Схема 6, з].

Использование проектов повторного применения было временной и вынужденной мерой. Большую же часть институтов в научном городке в Новосибирске построили с использованием проекта унифицированного главного здания, разработка которого велась на протяжении 1957–1958 гг. Замысел архитекторов ГИПРОНИИ состоял в том, чтобы вынести все единообразные для разных институтов административно-общественные помещения и стандартные лаборатории в эти корпуса, а дополнительные блоки со специфическими функциями и оборудованием присоединять к ним посредством галерей-переходов. В итоге каждый из институтов приобретал Т-образную или еще более сложную форму плана. Блочное решение было более экономичным по сравнению с полностью индивидуальным проектированием, и при этом не шло в ущерб функциональности возводившихся зданий. По такому принципу в Новосибирском Академгородке было построено восемь институтов и комплекс ботанического сада.

История разработки унифицированного проекта связана с именем Л.М. Полякова — одного из «героев» постановления от 4 ноября 1955 г., в соответствии с текстом которого архитектор лишился Сталинской премии и должности руководи-

²²⁰ *Дадаян С.Х.* Научный городок Сибирского отделения Академии наук СССР. Основные данные из проектного задания. М.: ВИНТИ, 1958. С. 6.

теля мастерской № 10 Моспроекта²²¹. В 1957 г. уполномоченный Президиума АН СССР по строительству К.Н. Чернопятав пригласил находящегося в опале мастера в ГИПРОНИИ на пост главного архитектора института. По воспоминаниям архитектора С.П. Бурицкого, Чернопятав как-то сказал Полякову: «Леня, ты должен немедленно забеременеть фасадом», на что тот ответил: «Нет, Костя, я так часто абортывался последнее время, что забеременеть уже не смогу»²²². Л.М. Поляков пробыл в своей должности чуть меньше полугода — ничтожный по меркам архитектурного проектирования срок, однако именно в это время был создан первый вариант проекта унифицированного главного здания.

Работа архитектора в данном случае заключалась не столько в решении фасада, сколько в революционном на фоне прочих проектов ГИПРОНИИ предложении асимметричной объемной композиции здания: протяженный лабораторный блок примкнул к компактному и чуть возвышающемуся административно-общественному [Илл. 2.15]. При этом различия в функциональном наполнении блоков были выражены в виде совершенно авангардистского решения фасада с циркульным окном фойе третьего этажа и идущим от него в край здания рядом окон, визуально объединенных в сплошную ленту, за которой расположен конференц-зал. Причем эффект ленточного остекления здесь достигается не только затемнением простенков, но и протянутыми поверх них горизонтальными молдингами. В роли дополнительного акцента, как и в случае Института гидродинамики, — парящий на тонких опорах железобетонный козырек. В то же время на лабораторном блоке задают ритм аккуратные лопатки с лаконичным карнизом. Но благодаря им достигается еще более сильный контраст двух объемов.

В проекте явным образом читается обращение к наследию советского авангарда, застать расцвет которого из всех причастных к его разработке архитекторов пришлось, пожалуй, лишь А.И. Попову-Шаману и Л.М. Полякову. Но после скорого ухода последнего из института проект продолжали доделывать и, упрощая,

²²¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 25.10.2024)

²²² Полякова А.Л. Архитектор Леонид Михайлович Поляков. М.: КДУ, 2008. С. 19–20.

довели до крайне тривиального вида, в котором мало что осталось от исходного яркого образа: от лопаток на лабораторном блоке отказались, входную группу сдвинули в сторону от границы двух объемов, так что окна на них практически слились в единый ряд, что вместе с уменьшенной разницей в высоте привело к их слиянию воедино. Циркульное окно — ключевой элемент композиции — заменили прямоугольным, дробленным на части, витражом, который практически потерялся в получившейся монотонной сетке окон [Схема 6, о]. Как и другие институты, эти корпуса возводили из кирпича, облицованного серой силикатной плиткой. Позднее, когда позволила индустриальная база, уже Новосибирское отделение ГИПРОНИИ переработало проект²²³, и несколько зданий были возведены из крупных силикатных блоков.

Трудно утверждать, что стало причиной таких радикальных для архитектурного образа, но в то же время достаточно косметических и незначительных в аспекте экономии изменений. В ряду уже рассмотренных проектов корпусов Института радиотехники и электроники, а также научно-исследовательского полигона Института химической физики, первоначальный вариант фасада унифицированного главного здания выглядит логичным продолжением, хоть маргинальной и не самой яркой в плане качества реализации, но наметившейся внутри ГИПРОНИИ тенденции обращения к идеям авангарда [Схема 6]. В то же время манера графической подачи проекта очень близка более поздним работам Л.М. Полякова — посольствам в Албании и Эфиопии, проектированием которых он занимался после перехода в 1958 г. на должность главного архитектора в Мособлпроект.

Можно говорить о том, что Л.М. Поляков, до сих пор воспринимавшийся в контексте перемен в советской архитектуре 1950-х гг. как автор наиболее насыщенного «излишествами» проекта гостиницы «Ленинградская», оказался более радикален в отказе от классики и смел в движении к модернизму, нежели его коллеги. Проектную графику к проекту унифицированного главного здания НИИ важно зафиксировать в качестве демонстрации того факта, что сама по себе борьба с излишествами не могла привести к новой архитектуре: погоня за экономией в

²²³ Шубин Б. Проектирование и строительство научных комплексов Сибири // Проектирование научных комплексов Сибири. Новосибирское отделение ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1982. С. 13.

равной степени лишала выразительности как классицистические, так и модернистские проекты.

Любопытна строка из проектного задания на строительство научного городка, опубликованного в 1958 г.: «Архитектурный ансамбль НИИ решается в проектных лаконичных формах с вертикальным членением светлой и контрастной цветной облицовкой...»²²⁴ Короткая и косноязычная, эта фраза могла бы остаться дежурной и ничего не значащей, как это часто бывало в сопроводительных текстах к проектам, но по какой-то причине в ней сделан акцент на вертикальности членений — это именно то, что можно видеть во всех рассмотренных выше институтах Академгородка [Схема 6, ж, з, о, р]. Вертикальных членений не было на эскизе асимметричного фасада административно-общественного блока унифицированного главного здания НИИ, тем не менее в виде лопаток они были задуманы на лабораторном блоке — но отказались в итоге и от них.

В 1957 г. был организован Институт ядерной физики АН КазССР²²⁵ — место для его строительства выбрали в паре десятков километров от Алма-Аты. Проектирование было поручено ГИПРОНИИ и начиналось под руководством Л.М. Полякова, который организовал в институте внутренний конкурс²²⁶. Проектированием в результате занялись архитекторы А.И. Зайцев и Ю.А. Дульгьер из мастерской № 3, и во всех основных зданиях комплекса ими по-разному интерпретируется тема вертикальных членений. На трехэтажном лабораторном корпусе лопатки, «проступившие» на институтах в Новосибирске, как бы расширились и заняли все пространство оконных простенков, превратившись в массивные пилоны. Их интерколумнии окрашены в контрастный светлым фасадам цвет, вместе с окнами формирующий единые затененные плоскости [Схема 6, и]. Аттик технического этажа получил здесь пропорционально большую, чем где-либо раньше, высоту, добавив зданию монументальности. Почти аналогичным образом решен фасад

²²⁴ *Дадаян С.Х.* Научный городок Сибирского отделения Академии наук СССР. Основные данные из проектного задания. М.: ВИНТИ, 1958. С. 6.

²²⁵ Постановление ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 16 июля 1957 г. № 462-30 «Об организации Института ядерной физики Академии наук Казахской ССР» // URL: <https://inp.kz/ru/istoriya-instituta> (дата обращения: 25.05.2025)

²²⁶ *Полякова А.Л.* Архитектор Леонид Михайлович Поляков. М.: КДУ, 2008. С. 19.

двухэтажного лабораторного корпуса, разве что простенки между заглубленными парами окон у него вдобавок к цвету акцентированы горизонтальным рустом.

Оба здания имеют асимметричную композицию: вход во второй организован с угла, а к первому перпендикулярно примыкает административно-общественный блок с конференц-залом. Его «мажорная» роль в ансамбле подчеркнута не только большей высотой, что было обусловлено технологически, но и оформлением фасада более частыми лопатками²²⁷, упирающимися прямо в карниз [Схема 6, и]. Хотя ранее нечто подобное уже можно было наблюдать у здания Института гидродинамики, в том проекте окна не занимали всего расстояния между пилонами. Но главное отличие Института ядерной физики АН КазССР — это впервые осмысленно внедренный архитекторами ГИПРОНИИ цвет, которым выделены «однозначные элементы во всех зданиях комплекса»²²⁸.

В Новосибирске, несмотря на предложение Госстроя в процессе согласования проекта в 1958 г. разнообразить ряд однотипных зданий введением «различной цветовой отделки»²²⁹, некие замыслы в этом направлении не удалось осуществить, поскольку совнархоз отказался «наладить производство цветной силикатной плитки для облицовки институтских зданий»²³⁰. Однако в здании Института экспериментальной биологии и медицины в Новосибирском Академгородке были реализованы настоящие ленточные окна. Первоначально архитекторы планировали применить для этого института проект унифицированного главного здания НИИ²³¹, но затем план изменился и в 1959 г. архитекторами московского ГИПРОНИИ был выполнен индивидуальный проект²³². Здание имело сложную судьбу: на стадии подготовки рабочей документации, которой занимался Новосибирский фи-

²²⁷ Сопоставление с другими проектами, параметры которых известны, дает шаг в 3 м у административно-общественного блока и 3,6 м — у лабораторного.

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 8.

²²⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 53. Л. 51.

²³⁰ РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 17.

²³¹ Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А. Методические аспекты архитектурного проектирования комплексов науки и инноваций // Academia. Архитектура и строительство. № 1. 2020. С. 49–58.

²³² Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Бурицкий, В.П. Нагих

лиал ГИПРОНИИ, была скорректирована его объемная композиция. В варианте С.П. Бурицкого план здания имел Ж-образную форму [Схема 7, в]: боковые крылья были поставлены под углом 60 градусов к основному блоку — так обеспечивалась их строгая ориентация по сторонам света²³³. Этот архитектурный образ почти в точности повторял проект здания Председательства правительства ФНРЮ (Федеративная Народная Республика Югославия) в Белграде, победивший в конкурсе еще в 1947 г., но в тот момент все еще строящийся [Илл. 2.16]. Под давлением строительной организации новосибирскими архитекторами углы были спрямлены. Далее, на стадии завершающегося строительства Институт экспериментальной биологии и медицины был расформирован, и здание в 1964 г. открылось уже как Вычислительный центр СО АН СССР. Тем не менее сходство с белградским административным комплексом заметно до сих пор: не только в решении объемной композиции, но и в отдельных элементах вроде парящих на тонких опорах железобетонных козырьков у входов.

Что же касается фасадов, то однозначно заявить о принципиальном авторстве московских или новосибирских проектировщиков в их отношении трудно²³⁴. Центральным элементом комплекса, претендующим на роль портика, здесь стал операционный блок (переоборудованный под машинный зал вычислительного центра) с четырьмя горизонталями ленточных окон [Схема 6, р]. Ранее во всех зданиях институтов несущую функцию выполняли кирпичные стены, и московские архитекторы также закладывали их использование и в этом проекте. Но к моменту разработки рабочих чертежей в Новосибирске, по всей видимости, наладили выпуск сборных железобетонных элементов, и местные архитекторы заменили внутренние несущие стены на колонны и ригели. Новые конструкции открывали путь к свободе фасадных решений, которую авторы, вероятно, и решили продемонстрировать на ключевом элементе композиции. В то же время на боковых крыльях

²³³ Шубин Б. Субъективные заметки директора института // Наука в Сибири. 1997. № 14 (2200). С. 4.

²³⁴ О первоначальном замысле приходится судить по текстовым описаниям и силуэту института на генеральных планах научного городка СО АН СССР 1959–1961 г.

преобладают вертикальные членения: части фасада у входов, а также в местах расположения лестничных маршей оформлены на мотив пилонад [Схема 6, р].

Хотя строительство Института органической химии в Казани²³⁵ [Схема 6, к] началось несколько позже, чем Института ядерной физики в Казахстане, кажется, что его авторы имели в качестве «отправной точки» тот же Институт геологии и геофизики в Новосибирске. Это не совсем следующий шаг в развитии фасадных решений, а своеобразная вариация предыдущего: были применены некоторые ранее нигде не встречавшиеся новшества, но в то же время не переняты признанные удачными решения коллег, работавших почти параллельно. В частности, здесь сохранена традиционная симметричная объемная структура, в которой административно-общественный блок выступает ризалитом по центру, возвышаясь на фоне лабораторных. Впрочем, в данном случае такая композиция была оправдана расположением здания вдоль городской магистрали²³⁶. Сам ризалит оформлен ритмом узких пилонов в шаге перекрытий 3,6 метра и сверху накрыт горизонталью антаблемента с карнизом. Примыкающие к центральной части крылья лабораторных блоков, играющих «минорную» роль, решены аналогично корпусам Института ядерной физики АН КазССР, но не имеют цветовых акцентов. Ключевой же инновацией проекта Института органической химии в Казани, приковывающей к себе все внимание, стали мозаичные панно на тему науки, оформляющие верхнюю часть простенков между пилонами. Впервые архитекторы ГИПРОНИИ отводят на фасадах место монументальной живописи.

Уже полноценным шагом вперед стал проект Института элементоорганических соединений в Москве [Схема 6, л], законченный в 1960 г.²³⁷ Асимметричная объемная композиция с перпендикулярным примыканием лабораторных и административного блока была задумана еще в 1958 г.²³⁸, но фасады последнего в тот

²³⁵ Здание начали строить в 1959 г. (АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 51. Л. 133).

²³⁶ Аналогичной объемной композицией и схожей идеей фасадов обладает здание Башкирского филиала АН СССР в Уфе. Однако его проект до сих пор не удалось атрибутировать и точно датировать.

²³⁷ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, Н.С. Логинов, Л.А. Ильчик, Л.Ф. Леонова, Н.М. Филиповская

²³⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 85.

момент предполагались иными — с шагом пилонов в 6,4 метра и широкими витражами между ними. Но позже архитекторы уменьшили шаг до 3,6 метра и увеличили ширину лопаток, придав их профилю двухступчатый характер. От каких-либо горизонталей в верхней части фасада здесь отказались вовсе, а пространство между пилонами вновь отдали монументальному искусству — в данном случае уже абстрактному. Ниже заглубленные простенки между окнами акцентированы горизонтальным рустом с «тельняшкой» из бежевой плитки и красного кирпича.

В результате в Институте элементоорганических соединений нашли применение новшества из обоих предшествующих проектов: асимметричная объемная композиция, оформление простенков между окнами цветом и рельефом, отсутствие «горизонталей» над пилонадой — из Института ядерной физики в Казахстане, внедрение монументального искусства в верхнюю часть интерколумния — из казанского Института органической химии. Данный проект был повторно применен в подмосковном Пущино, где по нему был построен Институт биофизики. Небольшие отличия между их фасадами заключаются лишь в рисунке керамической мозаики и отсутствии рельефа на кирпичной рубашке.

Образно очень близкий, но при этом самостоятельный, проект был выполнен в то же время для радиобиологического отдела Института атомной энергии [Схема 6, м]. Его компактный административный блок имеет симметричное решение, а лабораторный перпендикулярно примыкает к нему сзади. Фасады решены проще, нежели у Института элементоорганических соединений, и целиком выполнены в кирпиче — без плитки. Даже абстрактная мозаика здесь выложена цветным кирпичом, остальные простенки под окнами заполнены желто-красной «тельняшкой».

С момента как в ГИПРОНИИ стали разделять институтские здания на функциональные блоки, в прослеживаемом развитии фасадных решений выделились два направления: «мажорное» и «минорное» — за которые отвечали административные и лабораторные блоки соответственно. И если решение первых в данных проектах, несмотря на незначительные отличия, можно назвать идентичным, то со вторыми все несколько сложнее. Лабораторный блок радиобиологического корпуса Института атомной энергии логично продолжает и развивает решения Инсти-

тута ядерной физики АН КазССР и Института органической химии в Казани: заглубленные простенки между лопатками здесь, как и на главном фасаде, акцентированы контрастной кирпичной кладкой, но скрывающий технический этаж антаблемент обогатился фризом из плотного ряда мелких окошек. Аналогичным образом решена и верхняя часть фасадов лабораторных блоков Института элементо-органических соединений в Москве и Института биофизики в Пущине, но при этом нижняя лишена пластики, и окна лишь «обведены» краснокирпичным пунктиром. Большая часть строившихся во второй половине 1950-х гг. институтов, в том числе с использованием проекта унифицированного главного здания, представляла собой идеальные «коробки» без какого-либо декора, поэтому оконтуривание окон можно рассматривать скорее как заполнение пустоты, чем как трансформацию мотива пилонады.

Эти проекты стали конечной точкой процесса стилевых трансформаций, наблюдавшегося с 1956 г. В 1960 г. Госстрой СССР утвердил номенклатуру унифицированных железобетонных конструкций серий ИИ-60–64²³⁹, а в ГИПРОНИИ был организован отдел типового проектирования²⁴⁰. На основе новых конструкций развернулась разработка типовых проектов корпусов для НИИ. В пространственном смысле они задали основу для перехода к проектированию научных комплексов по новому принципу: рассчитанные на различную вместимость лабораторные корпуса, блоки общего назначения, а также специальные технические центры и мастерские — все теперь предполагалось возводить в виде самостоятельных типовых объемов, посредством переходов-галерей соединяемых в единые комплексы²⁴¹.

Применение железобетонного каркаса позволило освободить фасады от несущей функции, сформировав их в виде «тельняшки» из темных лент окон, перемежающихся со светлыми полосами навесных керамзитобетонных панелей. Но

²³⁹ Приказ Госстроя СССР от 27 января 1960 г. № 40 «Об утверждении и введении в действие рабочих чертежей унифицированных конструкций многоэтажных зданий с балочными перекрытиями (серия ИИ-60)»

²⁴⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 51. Л. 100.

²⁴¹ Антипин К.С. Архитектурный ансамбль научных институтов в Пущино: история и принципы проектирования в 1950–1980-е годы // Архитектон: известия вузов. 2024. № 2(86).

насколько архитекторы ждали этой возможности — или же новые конструкции не оставили им иного пути, кроме как отказаться от устоявшихся приемов? Как демонстрирует проект главного здания института, разработанный при руководстве Л.М. Полякова, добиться эффекта свободного (от несущей функции) фасада было возможно, но на практике архитекторы активнее и последовательнее развивали образное решение, преемственное традиционной ордерной тектонике. В этом свете резкий отказ архитекторов ГИПРОНИИ в начале 1960-х гг. от выявления вертикалей на фасадах был обусловлен скорее окончательным исчезновением оправданий для воспроизведения прежнего приема.

Первые два типовых проекта на основе унифицированного сборного железобетонного каркаса — лабораторных корпусов на 200 и 240 сотрудников — были закончены уже в 1961 г.²⁴² [Схема 6, с]. Сразу же с учетом их применения была выполнена новая схема генплана научного городка АН СССР Пушкино²⁴³, а уже в 1962 г. был разработан ряд проектов научных учреждений: Института белка и Специального конструкторского бюро биологического приборостроения в Пушкине, а также Института физики высоких давлений в Красной Пахре (ныне Троицк).

Таким образом, переход к интернациональному стилю в проектах научно-исследовательских комплексов произошел скачкообразным образом в тот момент, когда к этому была готова строительная индустрия. Преемственность проектам второй половины 1950-х гг. в новых можно проследить лишь в общих принципах и развитии идеи разделения функций на блоки и их унификации, но не в решении фасадов. Архитектура институтов начала 1960-х гг. оказывается заключена уже не в их проработке, а в сочетании абстрактных объемов — их композиции и ритме. Наиболее ярко это проявилось в проекте научной зоны для Пушкина, где в один ряд вдоль Институтской улицы выстроены пять научных учреждений.

Рассмотрев группу объектов из очерченной узкой выборки, обратимся теперь к обширному контексту этой эпохи, чтобы попытаться сопоставить обнаруженное

²⁴² *Сабуров П.Д.* Типовое проектирование НИИ и НИЛ // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 50.

²⁴³ *Антипин К.С.* Архитектурный ансамбль научных институтов в Пушкино: история и принципы проектирования в 1950–1980-е годы // Архитектон: известия вузов. 2024. № 2(86).

с существующим пониманием стилевой хронологии в истории советской архитектуры. На фоне недостатка современных исследований оказывается ценным и показательным взгляд одного из современников событий — искусствоведа Н.Ф. Хомуцкого. В 1969 г. он рассмотрел советскую архитектуру конца 1950-х — 1960-х гг.²⁴⁴ и остроумно выделил в ней несколько канонических композиционных схем, воспроизводившихся архитекторами вне зависимости от функции зданий:

«I — параллелепипед со сплошным остеклением фасадов, II — параллелепипед с монолитными глухими углами или торцовыми стенами и сплошным остеклением средней части главного фасада, а иногда в виде прямоугольника в раме (выступающего наличника) на главном фасаде и, наконец, III — параллелепипед с пилонадой на главном фасаде (применяется обычно в зданиях с кирпичными стенами). Последний, III вид, является как бы переходным от распространенных до 1955 г. неоклассических колоннад к современным композициям»²⁴⁵.

В контексте рассмотренных в статье зданий научных институтов особенно важно подробнее остановиться на третьей схеме. Н.Ф. Хомуцкий в качестве примера построенных с ее использованием зданий приводит Финляндский вокзал, телецентр и театр юного зрителя в Ленинграде, театр оперы и балета в Самарканде и Музей обороны в Москве²⁴⁶. Истории ленинградских зданий (а Н.Ф. Хомуцкий был ленинградцем) действительно не оставляют сомнений в правоте автора: все это масштабные объекты со сложной и долгой историей проектирования, в ходе которого их фасады избавлялись от пластики и декора, на деле являя процесс редукции неоклассики²⁴⁷. В этом контексте схема пилонады удачно заполняет лакуну промежуточного элемента между двумя большими эпохами. Но верно ли выбран контекст?

В макроскопических масштабах истории советской архитектуры вторая половина 1950-х гг. традиционно видится как мимолетный переходный этап между

²⁴⁴ Как было отмечено в начале параграфа, стилистические трансформации протекали неоднородно, и в масштабах всей страны их анализ требует захвата большего временного промежутка.

²⁴⁵ Хомуцкий Н.Ф. За высокую идейность архитектурной критики // Строительство и архитектура Ленинграда. № 3. 1969. С. 19.

²⁴⁶ Там же. С. 16.

²⁴⁷ Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И. Ленинград: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. М., 2021. С. 72–78, 92–97, 103–109.

сталинской неоклассикой и второй волной модернизма. На примере зданий академических НИИ можно заметить, что устоявшаяся на определенном этапе и выделенная Н.Ф. Хомуцеком схема не стала конечной точкой, предшествовавшей модернизму, а успела развиваться и усложниться.

Кроме контекста советской архитектуры второй половины 1950-х гг., напрашивается сопоставление рассматриваемых проектов с уже существовавшими к моменту их разработки зданиями. С одной стороны, чрезвычайно близкими по композициям и детализации элементов оказываются фасады зданий в Италии и Германии 1930-х гг. Куда ближе и доступнее были отечественные здания 1930-х гг., а также некоторые памятники авангарда 1920-х гг., принадлежащие к числу его не самых радикальных в отрицании декора направлений. Можно предположить, что именно фасады зданий вроде Дома Совета труда и обороны, Института Маркса — Энгельса — Ленина, библиотеки им. В.И. Ленина и прочих подобных им могли в середине 1950-х гг. служить источником для вдохновения и в какой-то степени определить тот путь, который значительное число советских архитекторов восприняло как безопасный и верный в условиях кампании по борьбе с «излишествами».

Хотя вектор стилевых трансформаций советской архитектуры во второй половине 1950-х гг. может представляться из сегодняшнего дня достаточно цельным в своей направленности на модернизм, более пристальный взгляд на процесс на примере зданий научных институтов приводит к иным выводам. Подробное рассмотрение трансформаций позволило, во-первых, разглядеть в их начале резкий рывок облика фасадов к абсолютной плоскости и безликости. И, во-вторых, пронаблюдать в дальнейшем постепенное возвращение и развитие пластики с проявлением в ней элементов ордерной структуры — редуцированных и упрощенных. Сложные сечения пилястр здесь оказались низведены до дискретных параметров толщин силикатной плитки или лицевого кирпича, а плавные изгибы карнизов — до выступов бетонных плит перекрытий.

Такое непоследовательное движение творческого процесса находит отражение и в рассмотрении градостроительных замыслов: сперва предпринятые попытки внедрения радикальных решений в виде строчной застройки и свободной пла-

нировки в процессе доработки проектов Пущина и Новосибирского Академгородка уступили место воспроизведению в новом масштабе и с меньшим числом элементов (в этом случае ими служат отдельные дома) периметральной застройки.

Проект унифицированного главного здания НИИ, выполненный под руководством Л.М. Полякова в духе архитектуры авангарда 1920-х гг., наиболее ярко демонстрирует, как смелые модернистские решения, предлагавшиеся на ранних стадиях проектирования, теряли свой запал к его окончанию. В данном случае преобразование проекта произошло после ухода архитектора из ГИПРОНИИ.

С середины 1950-х гг., когда произошли потрясения архитектурной отрасли, потребовавшие от архитекторов полного отказа от любого декора, как на чистом листе стал формироваться новый язык своеобразной редуцированной неоклассики. Не достигнув своего апогея и закрепления в виде устоявшегося стиля, он так же внезапно, как ранее неоклассика полноценная, резко исчез, уступив место интернациональному стилю — павильонной архитектуре со свободными фасадами. Подспорьем для этого стала доступность железобетонного каркаса, выпуск унифицированных элементов которого был налажен в СССР в начале 1960-х гг. Перестав нести конструктивную нагрузку, стены НИИ освободились от монументальности и получили настоящее ленточное остекление, больше не бравировавшее тяжелой пластикой.

Исторический этап процесса проектирования подмосковных научных центров во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. характеризуется продолжением давления на Академию наук СССР со стороны Н.С. Хрущева. Начало этого давления в 1954 г., описанное в предыдущей главе, привело к «выдворению» строительства новых академических НИИ из столицы. Но даже достигнутый в 1956 г. компромисс — решение о строительстве научного городка в Пущине — оказался спустя год пересмотрен: осуществление этого проекта, крайне значимое для Академии наук, в итоге было приостановлено Н.С. Хрущевым в пользу строительства Академгородка в Новосибирске. Это решение, пришедшееся на переходный для советской архитектуры этап, отразилось в облике подмосковных городков. Начало их активного строительства пришлось не на вторую половину 1950-

х гг., как было задумано, а уже на 1960-е гг., что радикальным образом сказалось на образе их застройки.

Тем не менее разработанные в 1956–1957 гг. версии схемы генплана Пущина отразили важный этап в эволюции советского градостроительства. Они представляли собой пример реализации идей рационального зонирования застройки, в них были внедрены унифицированные решения для научных институтов. Проектирование Новосибирского Академгородка оказалось в центре внимания ведущих советских архитекторов и градостроителей — он стал плацдармом для апробации целого ряда новых принципов.

Рассматривая проекты научных городков в Пущине и Новосибирске, можно наблюдать сходные процессы: композиции из жилых домов, сперва сведенные к приему строчной застройки, затем начали вновь выстраиваться по периметральному принципу.

Несмотря на «оттепель», смелые попытки освобождения от регулярной планировки и внедрения модернистских приемов в архитектуру в первые пореформенные годы быстро отменяются в пользу более консервативных решений: стилевые трансформации этого времени уводят архитекторов от образов, напоминающих об авангарде 1920-х гг., к приемам, характерным для постконструктивизма 1930-х гг. — на фасады постепенно возвращается пластический декор в виде редуцированной неоклассики. Таким образом, период с середины 1950-х по начало 1960-х гг. стал временем творческих поисков, выраженных в нелинейных стилевых трансформациях и проявившихся в непоследовательном выборе планировочных принципов.

ГЛАВА 3. Интернациональный модернизм в архитектуре подмосковных научных центров 1960-х гг.

Инертность строительной отрасли, неочевидность нового пути советской архитектуры — все это сработало на то, что большая часть ассоциирующей с хрущевской «оттепелью» архитектуры интернационального модернизма строилась с некоторым запозданием относительно традиционно очерчиваемых исторических границ эпохи. Ранняя «оттепельная» архитектура, описанная в предыдущей главе, далека от духа космической эры и в основном представляет собой сложный и неоднородный пласт проектов весьма далеких от интернационального модернизма. Такие знаковые памятники, как ансамбль проспекта Калинина, здание Гидропроекта на площади Развилки, Останкинская телебашня — были достроены ближе к концу 1960-х гг., когда у власти был уже Л.И. Брежнев. Это же справедливо и для объектов Академгородка в Новосибирске: хотя официально строительство Новосибирского научного центра было закончено подписанием акта его сдачи 21 августа 1964 г., важные модернистские объекты вроде торгового центра и Дома ученых продолжали достраивать в течение второй половины 1960-х гг. При этом в некоторых городах вплоть до середины 1960-х гг. оказывалось возможным реализовывать проекты в духе неоклассики сталинских лет. Поэтому не вызывают удивления и возникавшие до середины 1970-х гг. проекты, напоминающие рассмотренную в параграфе 2.3 архитектуру переходного периода второй половины 1950-х гг.

На этом фоне уровень проектов, выполненных архитекторами ГИПРОНИИ для научных учреждений АН СССР, не уступал, а в некоторых отношениях и опережал работы других ведущих проектных институтов. Так, архитектор Гипровуза П.Г. Стенюшин уже в 1960 г. сказал: «ГИПРОНИИ с точки зрения зонирования может стоять в Советском Союзе на первом месте»²⁴⁸.

Начало 1960-х гг. — это время, когда наконец началось осуществление замысла научного городка в Пущине. Проекты, создававшиеся архитекторами ранее, к этому моменту потеряли актуальность и потребовали переработки. В ее процес-

²⁴⁸ Цит. по: РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 30.

се нашли применение те решения, что были опробованы ранее в городке Сибирского отделения АН СССР. Адаптации проекта под новые градостроительные принципы посвящен первый параграф этой главы.

Как упоминалось, после ухода А.Н. Несмеянова с поста Президента АН СССР его преемник М.В. Келдыш несколько пересмотрел стратегию территориального развития Академии в Подмосковье, так что кроме площадки в Пущине строительство научных учреждений стало разворачиваться в Черноголовке и Красной Пахре (ныне Троицк). Этому процессу в контексте установившегося господства интернационального стиля и внедрения новых принципов градостроительства посвящен второй параграф главы. В третьем параграфе детальнее рассматривается архитектура зданий и комплексов научных учреждений в 1960-е гг.

3.1 Адаптация проекта научного городка Пущино под новые градостроительные принципы

Генеральный план Пущина, утвержденный в 1957 г., несмотря на ряд новаций, разрабатывался еще до внедрения в советскую градостроительную практику понятия микрорайона и принципов ступенчатого обслуживания, впервые примененных в Новосибирском Академгородке. Немаловажно и стремительное развитие в те годы подходов архитекторов ГИПРОНИИ к проектированию научных комплексов.

В 1958 г. случился короткий эпизод возвращения к проектированию научного городка Пущино: 22 августа вышло постановление, разрешающее начало его строительства в 1959 г., а на заседании об утверждении проектного задания Н.С. Хрущев все равно отнес работы к 1962 г., когда по планам должно было закончиться возведение научного центра в Сибири²⁴⁹. К этому непродолжительному периоду, судя по всему, относится небольшая переработка ранее утвержденной схемы генплана (исходная версия рассмотрена в параграфе 2.1), которую скорректировали в части научной зоны [Илл. 3.1]. Планировавшийся до этого к применению унифицированный для восьми институтов проект был заменен на новый,

²⁴⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54. Л. 44.

разработанный в 1957–1958 гг. для институтов научного городка СО АН СССР (подробно описан в параграфе 2.3).

На приведенном проекте даже видны П-образные очертания закрашенных прежних институтских зданий, поверх которых были изображены новые. Любопытно, что кроме унифицированного проекта институты переняли у городка СО АН СССР и расположение под углом 35 градусов к оси улицы. Но если под Новосибирском такая постановка приводила корпуса к строго меридиональной ориентации, то в Пущине они оказывались повернуты под 45 градусов к ней (35 складывались с 10 градусами отклонения сетки всего генплана). Вряд ли имел место слепой механический перенос в угоду модному принципу свободной планировки. Такое решение скорее всего было вызвано желанием уйти от широтной ориентации, неудобной с точки зрения инсоляции, но при этом не обращать здания непарадными торцами к улице и не нарушать структуру глубинного зонирования участков. Несколько диагонально поставленных институтов в то же время как раз появилось и на генплане научного городка СО АН СССР, что свидетельствует о приспособлении унифицированного проекта под такую солярную ориентацию.

Изменения в следующей версии схемы генплана Пущина [Илл. 3.2], созданной в 1960 г. в мастерской № 2 ГИПРОНИИ А.И. Поповым-Шаманом вместе с Д.А. Метаньевым и Н.М. Филипповской, охватывали уже все пространство городка, но все же еще не отличались радикальностью. В основном они заключались в актуализации применяемых типовых проектов, но в то же время была изменена планировка участка усадебной застройки: количество коттеджей увеличилось, и теперь они располагались в 3-4 ряда. Очертания кварталов четырехэтажных домов при сохранении общей конфигурации были выпрямлены, что вернуло им симметрию, заложенную еще в первой версии генплана. Хотя спрямление улиц шло вразрез с указанием Госстроя СССР по их увязке с рельефом, обусловившим нелинейную трассировку в предыдущем проекте, архитекторы компенсировали это решение отказом от требовавшего значительных земляных работ строительства жилья на месте оврага в северо-восточной части городка. Из-за этого стадион и другие спортивные сооружения были чуть смещены вдоль берега, а здание клуба-кино переместилось в западную часть двухэтажной застройки склона — это повлекло

незначительное перераспределение жилых домов. Стоявшие вдоль центрального бульвара здания школ были перемещены на межквартальный проезд, уступив место дополнительной паре жилых домов с акцентными шестиэтажными секциями, обращенными к бульвару. Таким образом усиливалось фланкирование перспективы от здания Дома ученых в сторону Оки. В целом же проект сохранял преемственность предыдущей версии генплана: система перспектив и место доминант в нем остались прежними.

В 1958 г. Президент АН СССР А.Н. Несмеянов, бывший директором Института элементоорганических соединений, размещение которого с 1956 г. было предусмотрено в Пущине²⁵⁰, добился разрешения на перенос строительства в столицу, что не придавало оптимизма руководителям других научных учреждений, строительство которых было запланировано в научном городке. Директор Института биофизики Г.М. Франк к концу 1950-х гг. успел окончательно отчаяться и, договорившись с Министерством среднего машиностроения о выделении площадки и строительной организации, решил разместить здание в Протвине²⁵¹. Осенью 1959 г. институт получил разрешение начать строительство в 1960 г. — «в виде исключения»²⁵². Это могло окончательно поставить крест на проекте Пущина²⁵³, поэтому АН СССР параллельно добилась для института разрешения на строительство типового школьного здания в Москве²⁵⁴ и выступила против переноса строительства в Протвино. Аналогичное здание школьного типа тогда было построено для Института микробиологии, который тоже планировалось размещать в Пущине, — в отличие от Института биофизики, этот институт в итоге предпочел продолжать работу в малоприспособленном здании переезду из столицы в Подмосковье.

²⁵⁰ Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1956 г. № 501 «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41585#vHRuHWUlwDwnnrOE> (дата обращения: 7.12.2024)

²⁵¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 51. Л. 75–77.

²⁵² АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 117. Л. 145.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 52. Л. 149–150, 198.

В 1960 г. Академия наук получила разрешение начать в Пущине строительство Института биофизики²⁵⁵, а вместе с ним и части городка, необходимой для проживания его сотрудников. Подсобно-вспомогательные здания — виварий, оранжерею и склад баллонов — возводили по проектам, разработанным ранее в ГИПРОНИИ для научного городка под Новосибирском. Для самого института было принято решение повторно использовать созданный годом ранее проект Института элементоорганических соединений — фасады зданий уже рассматривались в параграфе 2.3, здесь же имеет смысл подробнее остановиться на объемно-композиционном решении. Проект Института элементоорганических соединений имел схожую с унифицированным «новосибирским» проектом Т-образную конфигурацию плана и в Москве получил диагональную солярную ориентацию, так что в Пущине его можно было вписать в ряд стоящих под углом к улице зданий. Но по какой-то причине архитекторы разместили здание вдоль красной линии, нарушив решение, заложенное в существовавший на тот момент генплан [Илл. 3.1]. Вот что в мае 1960 г. о данном этапе проектирования Пущина говорил главный архитектор проекта генплана А.И. Попов-Шаман, также руководивший и проектированием научной зоны в городке под Новосибирском:

«Из-за необдуманной привязки магистралей Новосибирского научного городка... к направлению существовавших просек коллективом 1-й мастерской, появился проект застройки со смешанной — свободной и регулярной планировками институтов. <...> В проекте научного городка на Оке также нельзя механически применять новосибирские проекты, хотя бы потому, что эти проекты для нас — уже вчерашний день... необходимо на базе использования новых прогрессивных типов решений блоков создать новые, наиболее полно удовлетворяющие конкретным условиям Пущино проекты институтов, начиная с первоочередного Института биофизики и радиобиологии»²⁵⁶.

Можно предположить, что на этапе привязки проекта Института биофизики занимавшиеся ею архитекторы мастерской № 3 ориентировались уже не на актуальную в тот момент схему генплана Пущина с диагонально ориентированными корпусами НИИ, а на ведущиеся в мастерской № 2 под руководством А.И. Попова

²⁵⁵ АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 117. Л. 156.

²⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 19–20.

ва-Шамана концептуальные проработки следующей его версии, законченной в 1961 г. [Илл. 3.3].

Таким образом, в период с начала 1957 по 1961 г., когда реализация проекта Пущина была задержана переброской ресурсов на строительство научного городка СО АН СССР, в ГИПРОНИИ, равно как и во всей советской архитектуре, произошел значительный сдвиг в направлении типизации проектирования и индустриализации строительства. Построенное к 1963 г. здание Института биофизики, хотя и относится к промежуточному этапу советской архитектуры и стилистически выбивается из ряда более поздних проектов, планировочно уже соотнесено с ними. Не получив воплощения, решение с диагональной постановкой институтских корпусов в результате никак не повлияло на дальнейшее проектирование: архитекторы вернулись к более рациональному с точки зрения эффективного использования территории решению. Тем не менее оно очень ярко демонстрирует взаимосвязь параллельно разрабатываемых ГИПРОНИИ проектов и позволяет осознать сугубо рациональную природу некоторых, на первый взгляд, продиктованных эстетикой решений.

В жилой зоне по описанной схеме генплана было реализовано лишь несколько секционных домов. Расположенные на второстепенных участках и построенные из серого силикатного кирпича, они не заслуживают детального описания. В 1961 г. был завершен основной объем проектных работ по научной зоне городка СО АН СССР, рабочее проектирование велось уже в Новосибирском отделении ГИПРОНИИ, а московские архитекторы и лично А.И. Попов-Шаман смогли посвятить свое время пушкинскому комплексу.

К началу 1960-х гг. в ГИПРОНИИ избавились от до сих пор тянувшегося шлейфа градостроительных идей 1930–1950-х гг. В планировке селитебной части радикально переработанной схемы генплана 1961 г. [Илл. 3.3] утвердился микро-районный принцип застройки: границы кварталов расширились так, чтобы внутри каждого из них оказался весь необходимый набор инфраструктуры (школы, детские сады, магазины, культурное и бытовое обслуживание). Ушли архитекторы и от периметральной постановки домов, перейдя к свободному плану. Ориентация домов теперь в еще большей степени диктовалась требованиями обеспечения ин-

соляции и уменьшения земляных работ. В центральной части городка со спокойным рельефом архитекторы минимизировали количество домов с широтной ориентацией, неудобных с точки зрения инсоляции; на склонах же первоочередным фактором становился объем земляных работ, поэтому с целью их сокращения все дома были поставлены поперек спада рельефа, направленного в основном на север. С той же целью отказались от идеи засыпки теперь еще и западного оврага — двухэтажные дома были аккуратно расставлены вдоль него.

На участке, который до этого полностью отводился под коттеджную застройку, был обозначен микрорайон «А». Коттеджи двух типов заняли примерно четверть его площади, остальная территория была отдана под многоквартирные дома, а также здания детских садов, школ и учреждений культурно-бытового и коммунального обслуживания.

Ранее доминировавшая в планировке симметрия, очевидно, перестала играть столь важную роль в композиции городка. Архитекторы отказались от строгости обозначения оси центральной площади, и теперь бульвар, ведущий от нее в сторону Оки, получил небольшой изгиб в направлении запада. Благодаря этому контур огибаемого бульваром микрорайона «Б» обрел некоторую округлость, симметрично уравновесившую очертания микрорайона «А». В каком-то смысле роль оси симметрии, которую раньше имела центральная площадь, теперь перешла к проезду, ведущему от начала зеленой зоны в сторону расположенной на склоне реки старинной усадьбы Пущино-на-Оке с комплексом главного дома и парком с каскадом прудов. Это решение можно назвать символической данью истории места: архитектурный ансамбль усадьбы, давшей имя научному городку, встраивался в систему его пространственных композиций.

В этом проекте постановка объектов на ответственных участках впервые выглядит осмысленной. В восточной части городка с оси проспекта Науки был смещен замыкавший его в двух предыдущих версиях схемы генплана гараж. Начало же проспекта в западной части теперь обозначалось перекрестком с круговым движением, в центре которого разместились водонапорная башня [Илл. 3.4]. 60-метровое сооружение в виде двух поставленных друг на друга расширяющихся кверху усеченных конусов должно было быть видно из многих точек городка.

Главный въезд в Пущино, который ранее предполагалось организовать с юга вдоль территории ФИАН, к этому моменту решили перенести в западную часть городка: во-первых, активное движение вблизи радиофизической обсерватории могло создать помехи исследованиям, а во-вторых, у западного въезда архитекторы расположили комплекс больницы. По условиям, выдвинутым при отводе земель Академии наук для строительства научного городка²⁵⁷, она должна была быть рассчитана на обслуживание всего окружающего Пущино района, поэтому ее положение было обусловлено не только санитарными соображениями, но и стремлением уменьшить транзитное движение через научный городок прибывающих из окрестных сел пациентов.

В результате водонапорная башня должна была стать своеобразным маяком, который бы просматривался со стороны въезда в город, на протяжении всего проспекта Науки, а также с оси симметрии усадьбы, по которой был проложен проезд между микрорайонами «А» и «Б». Хотя в основном застройка городка все так же оставалась четырехэтажной, к началу 1960-х гг. у архитекторов появилась возможность включать в нее небольшое число домов большей высоты. Вертикаль водонапорной башни, по их замыслу, должна была быть поддержана расположенной за ней в микрорайоне «А» группой из шести девятиэтажных одноподъездных жилых домов. Имея вдвое меньшую высоту, они бы не конкурировали с самой башней, но обозначали ее связь с силуэтом города за счет его небольшого смягчения. Такие же девятиэтажные башни были расставлены архитекторами вдоль зеленой зоны напротив каждого из институтов (кроме стоящего на оси центрального бульвара Института белка).

Если раньше вдоль бровки склона по центру микрорайонов проходила автомобильная дорога, то с отказом от квартальной застройки ее место занял пешеходный бульвар — на него были вынесены предприятия обслуживания микрорайонного значения. Впоследствии теоретики градостроительства, анализируя опыт реализации Пущина и других научных центров, отмечали, что в случае пешеходной доступности между жилой и научной зонами устройство большого числа про-

²⁵⁷ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4814. Л. 11.

ездов для автотранспорта излишне, а внимание следует уделять увеличению плотности пешеходных путей, проложенных к востребованным объектам по кратчайшим направлениям²⁵⁸.

Также благодаря отказу от автомобильного движения в широтном направлении получила более камерный вид центральная площадь академгородка, сформированная зданиями Дома ученых, гостиницы и торгового центра. Здесь было намечено создать декоративный бассейн с фонтаном. Проектирование водоемов (декоративных и плескательных бассейнов) чрезвычайно увлекало архитекторов в начале 1960-х гг. В Пущине их планировали при каждом институте, в зеленой зоне, возле водонапорной башни, во дворах жилых домов, на территориях детских садов. На схеме генплана можно насчитать около полутора десятков таковых [Илл. 3.3], а в более детальном проекте первой очереди строительства микрорайона «В», охватывающем менее половины его территории, — девять [Илл. 3.5]. Но за последующие десятилетия построено их было лишь несколько.

Примечательно внимание авторов к формированию природной среды: если в Новосибирском Академгородке оно заключалось в основном в сохранении существующего леса, то Пущино строилось на лысом холме, и все озеленение требовалось создать с нуля. Этим вопросом вначале занималась инженер-дендролог Г.Я. Красивова, а затем — специально организованная рабочая группа при Главном ботаническом саду АН СССР²⁵⁹, позднее преобразованная в Сектор экспериментального озеленения научных городов²⁶⁰. Начиная с самой первой схемы генплана, расположением деревьев в зеленой зоне хаотичными группами авторы стремились имитировать природный ландшафт. Таков был и проект озеленения, выполненный в 1961 г. [Илл. 3.6]. Пейзажный подход стал одним из новшеств, привнесенных в советские проекты застройки во второй половине 1950-х гг. наряду с новой архитектурой и принципом свободной планировки. Отказавшись от ре-

²⁵⁸ Шумная И., Смоляр И. Проблемы планировки городов науки // Архитектура СССР. 1969. № 11. С. 21–22.

²⁵⁹ Постановление Президиума АН СССР от 16 марта 1962 г. № 244 // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 432. Л. 16.

²⁶⁰ Постановление Президиума АН СССР от 18 января 1963 г. № 34 «О задачах и развитии биологических институтов в Пущине» // Там же.

гулярных посадок, архитекторы противопоставляли строгость и скупость форм модернистских зданий хаотичному многообразию природного ландшафта. Этот прием наряду со строительством плескательных бассейнов был реализован уже в экспериментальном квартале № 9 Новых Черемушек, ставшем образцово-показательным примером нового советского градостроительства. Но посадки в зеленой зоне по этому замыслу осуществлены не были.

Если по схеме генплана 1960 г. было построено пять многоквартирных жилых домов и магазин, то одновременно со схемой 1961 г. был разработан проект застройки первой очереди микрорайона «В» для сотрудников Института биофизики [Илл. 3.5]. В соответствии с ним было построено еще пять четырехэтажных жилых домов, два детских сада, промтоварный магазин с комбинатом бытового обслуживания; с некоторыми отступлениями были возведены школа и жилой дом гостиничного типа с блоком обслуживания; на бумаге осталась лишь столовая с кулинарией. Для школы архитекторы задумали повторно использовать экспериментальный проект, реализованный к 1961 г. в Дубне²⁶¹, но в 1962 г. был утвержден типовой и более экономичный проект 2Р-02-1, так что в Пущине решили применить его.

В целом осуществлено было и озеленение: вдоль улиц и по периметру детских садов и школы деревья высажены стеной, защищая территории от лишних глаз и шума, а во дворах создан более органичный, напоминающий природный, ландшафт с хаотичным расположением групп деревьев и извилистыми дорожками между ними — правда, обошлось без изысков в виде намеченного в проекте десятка бассейнов. На фасадах дома гостиничного типа под окнами были смонтированы лотки для растений, а над ними — конструкции для вьющихся растений.

Эта часть научного городка не слишком выделяется на фоне более поздней застройки: сказываются малая этажность зданий и обилие деревьев, скрывающих их фасады. Но в отличие от Новосибирского Академгородка, где некоторые первые дома хотя уже строились из крупных железобетонных блоков, однако имели декор вроде рельефов под окнами и сложнопрофилированных карнизов, здесь по-

²⁶¹ Советская архитектура. Ежегодник. 1961. М., 1963. С. 53–55.

строенные из кирпича здания уже выполнены в духе раннего «оттепельного» модернизма. В основе лежали типовые московские и общесоюзные проекты, но архитекторам ГИПРОНИИ посредством незначительных корректировок удалось составить из них аккуратный ансамбль. Повторяющийся прием — акцентирование торцовых стен, «зажимание» их плоскостями объема здания: вторя неосуществленной, но задававшей тон застройке доминанте водонапорной башни, эти стенки у детских садов получили уширение кверху, что добавляло динамики и легкости новой архитектуре [Илл. 3.7]. Отголоски статичной монументальности можно наблюдать лишь на фасаде школы, представляющем собой сетку окон, вписанную в ритм лопаток. Фасады жилых домов были решены в виде комбинации секций из серого и красного кирпича, сформировавших своего рода суперграфику²⁶². Здание промтоварного магазина и вовсе получило ленточное остекление.

Таким оказалось начало застройки первого подмосковного научного городка: пока что аскетичная, но уже выполненная в духе нового стиля, его архитектура значительно отличалась от замыслов второй половины 1950-х гг. Благодаря отсроченной реализации Пущино практически лишено зданий и градостроительных ансамблей переходного этапа — застройка была сразу начата по микрорайонному принципу с использованием свободной планировки и разработанных к началу 1960-х гг. типовых проектов в духе модернизма. Фронт улиц при этом стали формировать не столько фасады зданий, сколько деревья, внимание к посадкам которых значительно возросло. Радикально изменились и принципы озеленения: если раньше благоустройство воспринималось как своеобразное заполнение пустот в структуре регулярной застройки, то теперь оно могло выдвигаться на передний план, перекрывая собой здания и делая их, хоть и инородной, но частью квази-природного ландшафта. Таким образом, рассматривать реализованную застройку данного этапа в Пущине, а именно южную часть микрорайона «В», следует в неразрывной связи с осуществленным озеленением и благоустройством. И в числе

²⁶² В Москве в том же 1961 г. аналогичное решение, было заложено архитектором А.С. Косинским в проект застройки 14 микрорайона Нагатина (Знакомьтесь: новые члены СА // Моспроектонец. 1963. № 14, 12 апреля. С. 3).

авторов проекта, кроме архитекторов во главе с А.И. Поповым-Шаманом, следует выделять дендролога Г.Я. Красивову.

3.2 Начало параллельного развития научных центров

В 1962 г. были организованы Научный центр биологических исследований в Пущине и Ногинский научный центр в Черноголовке. Для Пущина это был очередной шаг на пути к долгожданному комплексному строительству институтов — тогда в городке были возведены лишь объекты радиофизической станции ФИАН и строился Институт биофизики. Для Черноголовки новый статус был более внезапным: ранее режимная территория филиала Института химической физики при новом Президенте АН СССР М.В. Келдыше стала второй важной площадкой для размещения «выдворяемых» в Подмосковье академических НИИ. Научный центр в Красной Пахре (ныне город Троицк), хотя и получил этот статус официально лишь в середине 1960-х гг., развивался без громких постановлений, привлекая инициативных директоров институтов близостью к Москве. В начале 1960-х гг. в проектах он назывался научным городком в районе Красной Пахры, а на картах обозначался как Академгородок.

Вне зависимости от факта присвоения статуса научного центра все три поселения в 1962 г. стали с расчетом на размещение в них больших комплексов научных учреждений проектироваться, исходя из сопоставимых перспектив роста, основываясь на общих принципах и зачастую с применением одних и тех же проектов. В параграфе 3.1 были подробно рассмотрены проекты и постройки в Пущине 1960–1961 гг., а в предыдущей главе (параграф 2.1) были разобраны и более ранние замыслы. Их масштаб и значимость требовали особого внимания, так как Пущино стало первым подмосковным научным городком АН СССР, и его проектирование сразу начиналось в этом качестве. Проекты Черноголовки и городка в районе Красной Пахры до сих пор подробно не рассматривались — лишь отдельные павильоны Института химической физики приводились в качестве иллюстрации стилевых трансформаций в параграфе 2.3. Меньший размах замыслов делает наиболее уместным их включение в этот параграф, чтобы сразу же проследить их трансформацию из поселков при одном институте в научные центры.

Красная Пахра (первая половина 1960-х гг.)

К 1962 г. в Красной Пахре были сосредоточены четыре академических учреждения: вошедший в состав АН СССР в 1959 г. ИЗМИРАН, вокруг которого и начал в свое время развиваться городок на 40-м км Калужского шоссе; магнитная лаборатория АН СССР, разместившаяся здесь в 1957 г.; Комиссия по спектроскопии, лабораторный корпус которой решили построить здесь в 1959 г.; Институт физики высоких давлений, директор которого, выбирая из двух зол, счел Красную Пахру более привлекательным вариантом в сравнении с Черноголовкой. Как было упомянуто, магнитная лаборатория в 1962 г. стала частью Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, который находился в подчинении Министерства среднего машиностроения, но в 1960-е гг. это ведомство не оказывало значительного влияния на застройку научного центра, так как основные функции заказчика, проектировщика и строителя находились в руках АН СССР.

ИЗМИРАН занимал внушительную территорию вдоль Калужского шоссе, уходившую на километр перпендикулярно ему и застроенную с низкой плотностью [Илл. 3.8]. Магнитная лаборатория в 1957 г. заняла часть земли института в глубине от магистрали. Жилой поселок располагался юго-западнее и был отделен от шоссе двухсотметровой полосой леса. Именно в этой узкой полосе были выделены участки для ИФВД и Комиссии по спектроскопии. Жилая зона оказалась с трех сторон ограничена территориями научных учреждений и Калужским шоссе.

До начала 1960-х гг. строительство ИЗМИРАН и поселка при нем шло по генплану, разработанному Военпроектом еще в первые послевоенные годы²⁶³. Для жилья применялись типовые проекты двухэтажных 8- и 12-квартирных, а также сборных щитовых домов²⁶⁴. Конечно, в свете значительного роста числа рабочих мест, а также изменений, произошедших в архитектуре, проект требовал полного пересмотра.

В 1962 г. мастерская № 1 ГИПРОНИИ разработала первый генеральный план научного городка АН СССР в Красной Пахре [Илл. 3.9]. Сохранив сеть улиц,

²⁶³ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 636. Л. 14.

²⁶⁴ Ляхов Б.М. НИИЗМ — НИЗМИР — ИЗМИРАН. Исторический очерк. URL: <https://www.izmiran.ru/info/personalia/npushkov/Istoriya/lyakhov1.html> (дата обращения: 25.05.2022).

предназначавшуюся для компактной малоэтажной застройки, авторы прибегли к принципу свободной планировки и расположили четырехэтажные секционные дома под углом к улицам — так они почти достигли меридиональной ориентации. Датированный 9 января 1962 г. чертеж не был окончательным — к ноябрю авторы выполнили новый. В нем часть улиц была ликвидирована, а дома выстроены вдоль их осей, благодаря чему удалось достичь большей плотности застройки [Илл. 3.10]. Укрупнение кварталов было одним из основных шагов при реконструкции или переработке проектов прежних лет на протяжении 1960–1970-х гг. Отчасти то же можно наблюдать и на примере Пущина, где при переходе к микрорайонной застройке в 1961 г. из генплана исчезла одна из главных улиц, делившая кварталы надвое.

На краю застройки, примыкающем к лесу, архитекторы расположили школу и детский сад. В центре городка было намечено построить здание торгово-бытового комбината — по проекту общественно-торгового центра микрорайона, разработанному НИИ экспериментального проектирования для системы ступенчатого обслуживания жителей городка СО АН СССР (см. параграф 2.2). Этот проект наряду с пунктом первичного обслуживания стал привязываться ГИПРОНИИ во всех трех подмосковных научных центрах. Построено в рамках реализации описанного генплана было лишь несколько зданий: жилые дома и общественный центр — а вскоре он вновь оказался скорректирован. Нужно отметить, что этот генплан 1962 г. был выполнен с расчетом на 2083 жителя, что на порядок меньше проекта Пущина того же времени, рассчитанного на население в 20–22 тысячи человек. Населенный пункт все еще рассматривался как поселок при нескольких институтах, но не научный центр.

В пояснительной записке архитекторы заявляли об исчерпанности возможностей для роста поселка на существующей территории и необходимости поиска резервов на близлежащих землях. В то же время в 1963 г. в Красной Пахре решил также построить испытательную станцию Физический институт им. П.Н. Лебедева. Участок для нее был выделен вдоль Калужского шоссе, но в отличие от ИФВД и Комиссии по спектроскопии, он не был ограничен селитебной зоной и уходил вглубь на значительное расстояние, подобно территории ИЗМИРАН. И в этот мо-

мент перед архитекторами встала задача предложить проект, рассчитанный на развитие городка уже как научного центра с перспективой дальнейшего роста населения и размещения в нем новых научных комплексов.

Хотя увеличение числа учреждений несомненно открывало широкие возможности, выделение территорий для них все предшествующие годы происходило стихийно, поскольку отсутствовал проект функционального зонирования территории. Первые усилия, приложенные к решению этой проблемы в середине 1960-х гг., привели архитекторов ГИПРОНИИ к уже знакомой идее планировки городка в виде параллельных лент [Илл. 3.11]. Первоначальная территория поселка ИЗМИРАН становилась микрорайоном «А», от него на юго-запад уходили микрорайоны «Б», «В», «Г», «Д» — «5 микрорайонов по 6 тысяч жителей в каждом микрорайоне, итого 30 тысяч»²⁶⁵. Дальнейшее расширение научной зоны предполагалось вдоль Калужского шоссе. А зона отдыха с парком и стадионом размещалась в лесу за жилой застройкой. Общественный центр города намечалось строить в полосе зеленой зоны напротив свободного от научных учреждений участка.

Схожесть генплана научного центра в Красной Пахре со схемой Пущина бросается в глаза, но стоит отметить и важные отличия. Если в Пущине ограничения развития территории городка в некоторых направлениях изначально были заданы исключительно факторами рельефа, то в Красной Пахре ограничений к середине 1960-х гг. существовало значительно больше: хаотично выделенные в предшествующие годы территории научных комплексов, крупная магистраль и ценный лес, на вырубку которого еще требовалось получить разрешение. Найденное архитекторами в этих условиях решение кажется действительно изящным: сквозь новые микрорайоны, отделенные друг от друга зелеными клиньями со школами и детскими садами, посередине проходил пешеходный бульвар, на который были вынесены общественные центры. При этом жилая застройка уводилась в сторону от автомагистрали.

В том же 1965 г. схема генплана была немного скорректирована [Илл. 3.12]. Комплекс общественного центра был перемещен в промежуток между микрорай-

²⁶⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 605. Л. 148.

онами «Б» и «В», где лента жилой зоны делала изгиб из-за положения испытательной станции ФИАН. Таким образом академгородок получал изоляцию от транспортной магистрали за счет сохранения лесного массива, а также большее сходство с планировочным решением Пущина, где общегородской центр также располагался между микрорайонами «Б» и «В». Но все же в отличие от Пущина, характер исследований в институтах в Красной Пахре требовал больших разрывов между ними и жилой зоной, так что архитектура научных комплексов оказалась «выключена» из городской ткани — ее рассмотрению будет посвящен параграф 3.3.

В 1961 г. для Новосибирского Академгородка была разработана схема обслуживания и проекты предприятий торговли, питания и быта. Принцип организации сети ступенчатого культурно-бытового обслуживания предполагал, что все жилые дома должны располагаться в зоне покрытия предприятий всех ступеней, имевших различные радиусы доступности. Так, общегородской центр имел радиус покрытия в 2000 м, микрорайонные торгово-бытовые комбинаты — 400 м, первичные пункты — 100-150 м. Оптимальное вписывание застройки в этот «скелет» из множества пересекающихся окружностей стало одной из базовых задач градостроительного проектирования в 1960-е гг. наряду с уже описанными требованиями обеспечения инсоляции и экономии на земляных работах.

Для Красной Пахры в новом генплане также была принята трехступенчатая система обслуживания²⁶⁶. Положения общегородского и микрорайонных центров уже были обозначены выше, а пунктам первичного обслуживания предстояло найти место при разработке более детальных проектов пока что перспективных территорий. Но в рамках детализации данного генплана был вновь переработан проект застройки «исторической» части Академгородка, которая теперь стала микрорайоном «А» [Илл. 3.13]. Уже строившийся общественно-торговый центр обретал значение микрорайонного (каким и задумывался авторами типового проекта), а вдобавок к нему на плане квартала появился и первичный пункт обслуживания. Кроме развития сети обслуживания архитекторы вновь сократили число

²⁶⁶ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1297. Л. 24.

улиц, но полноценного соответствия понятию микрорайона территория не обрела, так как, например, школа все равно оказывалась отрезана от нее улицей. Увеличилось разнообразие применяемых проектов жилых домов: к нагромождению трехподъездных пятиэтажек добавились более протяженные дома, а также девятиэтажные кирпичные башни московской серии II-29.

Уже в таком виде застройка микрорайона в основном была осуществлена. Лишь проект первичного пункта обслуживания из серии для Новосибирска позднее был заменен на более объемный московский вариант (серия IX-01), разработанный САКБ. Как и в Пущине, важным элементом, объединившим не самые выразительные и качественно построенные типовые здания, здесь стало комплексное озеленение, проект которого был выполнен Г.Я. Красивовой²⁶⁷. В данном случае далеко не все деревья высаживались вновь — работа в значительной степени состояла в сохранении существующих участков леса, а также в частичной пересадке деревьев.

Черноголовка

Проектирование комплекса исследовательского полигона Института химической физики в Черноголовке поручили в 1956 г. мастерской № 3 ГИПРОНИИ. Размещение основных зон: селитебной, лабораторной и непосредственно полигона — было определено еще на этапе составления задания на проектирование и во многом исходило из положения существующих вырубок леса. Полигон представляет собой три небольших бетонных бронеказемата, размещенных в лесу вдали от всей застройки, и потому рассматривать его как часть архитектурного проекта бессмысленно. Жилой поселок и промплощадка (так называли участок размещения лабораторных корпусов и вспомогательных сооружений), напротив, представляют собой цельный градостроительный замысел²⁶⁸ [Илл. 3.14].

Для промплощадки была выбрана свободная от деревьев поляна, вытянутая параллельно жилой застройке. На ней вдоль проезда по обе его стороны симметрично расставлялись административный и лабораторный корпуса, экспериментальные павильоны (их архитектура рассматривалась в параграфе 2.3), а хозяй-

²⁶⁷ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1000. Л. 1а.

²⁶⁸ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.М. Злотин, Л.В. Леонова, Ю.А. Дульгьер

ственные постройки располагались в глубине леса. Поселок в проекте представлял собой застроенную вдоль опушки по одной стороне улицу с двухэтажными жилыми домами, гостиницей, столовой и магазином. Ее противоположная сторона оставлялась свободной — там планировали высадить фруктовый сад и разбить огороды. К расположенной в глубине леса промплощадке улица делала поворот, на углу которого размещался детский сад; далее в березовой роще на противоположной стороне улицы стояли в ряд коттеджи для руководства института. Как отмечалось, в подобные поселки было очень трудно привлечь крупных ученых, и улучшенные жилищные условия выступали своеобразной компенсацией их оторванности от цивилизации. Кроме того, планировалось возвести по индивидуальному проекту два блокированных жилых дома на 8 квартир с собственными участками, однако в процессе реализации их заменили на типовые 16-квартирные дома.

С точки зрения архитектуры и ее стиля эта часть поселка демонстрирует пока лишь процесс постепенного «раздевания» архитектуры от декора и отделки. Первый сданный жилой дом был оштукатурен и окрашен, его окна были выделены белым контуром; фронтон гостиницы и вовсе украшен пилястрами и рельефной аркой. Но вскоре «борьба с излишествами» все же настигла Черноголовку, и фасады перестали штукатурить. А в дальнейшем на смену красному глиняному кирпичу пришел серый силикатный, окончательно обезличив типовые проекты начала 1950-х гг. За редкими исключениями со второй половины 1950-х до конца 1960-х гг. архитекторы ГИПРОНИИ занимались лишь привязкой типовых проектов, разработанных другими организациями, при этом почти не имея возможности их перерабатывать, а значит, влиять на архитектурный облик. Творчество, сосредоточенное в области градостроительства, на этом фоне обрело небывалую динамичность, что можно наблюдать на примере описываемой череды замыслов.

В 1958 г. Институту химической физики поручили возглавить целый ряд новых исследований, что потребовало существенного расширения полигона в Черноголовке. В новом проекте между промплощадкой и поселком была обозначена еще одна группа лабораторных корпусов — промплощадка № 2. Ее линейная композиция, разворачивающаяся параллельно оси первой площадки, схожа с ней:

близкие по форме плана и длине главного фасада корпуса расположены напротив друг друга, но с удалением от проходной симметрия становится все более условной и незаметной [Илл. 3.15].

В жилой зоне ранее расположенная в один ряд вдоль лесной опушки застройка получила отражение на другую сторону улицы. Как и в научной зоне, архитекторы решили фланкировать въезд парой симметрично стоящих объемов — здесь в их роли выступили трехэтажные Г-образные в плане жилые дома. Ранее планировавшийся плавным поворот к промплощадкам, на котором задумывалось размещение детского сада, был спрямлен и превращен в перекресток (основная улица ныне называется Первой, а повернувшая — Второй). Вблизи него Первая улица также фланкировалась парами жилых домов. Завершалась же она небольшой площадью со школой и спортивным павильоном, от которой отходила дорога к рекреационной зоне с прудом. В районе Второй улицы, где по проекту 1956 г. намечалось построить пять коттеджей, возникла целая зона усадебной застройки с тремя параллельными улицами, между которыми намечалось возвести 16 коттеджей и еще восемь домов на две семьи. Здесь был размещен детский сад — это ближайшая точка ко входу на территорию института, так что сотрудникам было удобно отводить туда детей по дороге на работу. Не все из описанного было осуществлено, так как в конце 1950-х гг. стали стремительно выводиться из действия и запрещаться к реализации устаревшие типовые проекты. Симметричное отражение получил лишь первый дом на улице, а в остальном проект вскоре потребовал актуализации.

Новый проект [Илл. 3.16] был создан к 1960 г.²⁶⁹, причем его разработку по какой-то причине передали мастерской № 2 ГИПРОНИИ, которая в то время занималась проектированием Пущина. Если первый генплан 1956 г. был рассчитан на проживание в поселке около 600 сотрудников, то в новом жилье площадь увеличилась более чем в шесть раз. От архитекторов требовали использовать современные проекты с большей этажностью, так что место двухэтажных домов вдоль Первой улицы заняли трехсекционные трехэтажные дома с прямоугольным пла-

²⁶⁹ Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитектор Н.М. Козлов

ном. Чередую продольную и торцовую ориентацию к улице, авторы добились ощущения если не симметрии, то за счет меньшей протяженности фасадов и отступов от красной линии — некоторого баланса между старой и новой застройкой. Однако при доработке проекта трехсекционные жилые дома были заменены на четырехсекционные и поставлены в два ряда вдоль улицы, образуя вытянутые дворы. За счет добавления дополнительной секции планировавшиеся отступы от красной линии для домов, ориентированных к ней торцом, исчезли — в результате задуманный баланс между двумя сторонами Первой улицы достигнут не был.

Зона усадебной застройки также подверглась оптимизации: на смену индивидуальным коттеджам пришли блокированные дома на 2, 4 и 6 квартир с собственными участками. В результате, с одной стороны, число домов и площадь участков уменьшились, но с другой, количество квартир в них выросло почти вдвое. От возведения шестиквартирных домов отказались, но было построено по четыре двух- и четырехквартирных дома.

Но упомянутый существенный рост расчетного населения поселка в новом генплане обеспечивался не столько за счет пересмотра ранее принятых решений, сколько благодаря увеличению территории поселка. Застройка перешагнула на противоположную сторону дороги, ведущей в лес к промплощадкам. Новый участок не продолжал узкую линейную структуру Первой улицы, но подчинялся ее оси симметрии. На этой оси были размещены здание клуба с библиотекой, открытая эстрада и школа со стадионом, а по сторонам стояли в два ряда четырехэтажные жилые дома, в конце смыкающиеся в единую строчку из шести домов. У дороги также размещались промтоварный магазин и комбинат бытового обслуживания, а ближе к лесу и промплощадкам — два детских сада (опять же на пути работы — дом). Этот фрагмент эскиза застройки обладает всеми характерными чертами первых советских микрорайонов: четырехэтажные и пока что кирпичные дома, расставленные по строгой ортогональной сетке, отсутствие автомобильного движения на территории и обеспеченность необходимым набором инфраструктуры. Однако он остался лишь на бумаге: с точки зрения прокладки коммуникаций рациональнее было сначала полностью освоить уже занятый участок и лишь затем

переходить к новому. Когда же через несколько лет его очередь подошла, проект опять успел устареть.

В свете принятого в 1962 г. Президиумом АН СССР распоряжения²⁷⁰ в перспективе до 1965 г. в Черноголовке намечалось строительство пяти институтов, четырех филиалов, а также радиохимического центра Отделения химических наук²⁷¹. Комплексность подхода к планированию со стороны руководства Академии дала архитекторам возможность заблаговременно подойти к продумыванию перспектив роста, не повторяя ошибок, допущенных при запоздалом проектировании научного центра в Красной Пахре, где градостроителям пришлось работать с уже принятыми решениями и пытаться нивелировать их недальновидность. Как отмечалось, новый Президент АН СССР М.В. Келдыш из трех подмосковных площадок видел Черноголовку самой удачной²⁷², и потому ГИПРОНИИ было поручено «при составлении генерального плана учесть возможность максимального увеличения населения города, исходя из реальных условий территории»²⁷³.

Хотя проект детальной планировки и эскиз застройки 1960 г. был создан в мастерской № 2, в 1962 г. работа над Черноголовкой вернулась в стены мастерской № 3, где она начиналась в середине 1950-х гг. В новой схеме пространственно-функциональной организации научного городка²⁷⁴ [Илл. 3.17] архитекторы предложили развитие научной зоны дальше на северо-запад, за две существующие площадки Института химической физики, а затем в перпендикулярном направлении на северо-восток, параллельно селитебной территории, оставляя между ними почти километровую полосу леса. Строить новые институты планировалось на

²⁷⁰ Распоряжение Президиума АН СССР № 141-1275 от 9 августа 1962 г. «О мероприятиях по строительству и организации работ комплекса институтов в Черноголовке (Ногинский научный центр АН СССР)» // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 766. Л. 9–11.

²⁷¹ Приложение к постановлению Президиума АН СССР от 1 сентября 1961 г. за № 809. Перечень научных учреждений, создаваемых в системе АН СССР в течение 1962–1965 гг., а также перечень объектов нового строительства для существующих институтов АН СССР // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 367. Л. 9–14.

²⁷² АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 367. Л. 47.

²⁷³ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 766. Л. 14.

²⁷⁴ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, А.М. Злотин, О.Е. Калмыков, Д.А. Метаньев

обособленных друг от друга участках в виде развитых пространственных структур из множества корпусов. Но если в Красной Пахре их проектирование велось разными коллективами, то здесь, по аналогии с научным городком в Пущине, все предполагалось подчинить единому замыслу, и часть технических сооружений скооперировать (подробнее в параграфе 3.3).

По новому генплану 1963 г.²⁷⁵ жилую застройку в Черноголовке планировали развивать в заложенном предыдущей схемой направлении, но при этом полностью отказаться от сохранения Первой улицы в качестве главной оси и перейти к формированию полноценных микрорайонов вдоль речки Черноголовки [Илл. 3.18]. Саму ее планировали запрудить, а вдоль берега разместить линейный общегородской центр со зданиями гостиницы, Дома ученых, кинотеатра и торгового центра. Параллельно сквозь жилую зону был проложен пешеходный бульвар — аналогично проектам остальных научных центров. Кроме того, еще два микрорайона было предложено разместить на противоположном берегу. Рекреационной зоне отводился намеченный в этой роли еще в 1950-е гг. участок возле пруда в лесу. Коммунально-складская зона примыкала к железнодорожной ветке на юго-восточном краю городка.

Архитекторы представили два варианта очередности строительства. По первому предлагалось завершить формирование микрорайона «А» и построить отдельные группы жилых домов в микрорайоне «Б», а также в микрорайонах «Д» и «Е», расположенных на противоположном берегу. Это позволило бы на первое время обойтись без развития нижних ступеней системы обслуживания, поскольку все дома в этом случае примыкали бы к вытянутому вдоль реки общегородскому центру. Однако первоочередное сооружение предприятий верхнего уровня требовало больших вложений и времени на их индивидуальное проектирование и последующее строительство. Кроме того, на противоположный берег нужно было с нуля тянуть все коммуникации, что было иррационально. Поэтому был согласован²⁷⁶ второй вариант — застройка в первую очередь микрорайонов «А» и «Б» с

²⁷⁵ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, А.М. Злотин, О.Е. Калмыков, Д.А. Метаньев

²⁷⁶ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 904. Л. 13.

формированием нижних ступеней системы обслуживания в каждом. Уже с вводом первой очереди жилая площадь должна была увеличиться в десять раз, а население — достичь 22 тысяч человек²⁷⁷.

В созданном в соответствии с утвержденной очередностью освоения территорий в 1963 г. проекте детальной планировки²⁷⁸ [Илл. 3.19] почти всю застройку архитекторы приняли меридиональной — в отличие от Пущина рельеф Черноголовки этому никак не препятствовал. Наряду с четырехэтажными секционными домами значительную долю жилья в проекте составили девятиэтажные башни серии П-29, которые тогда стали применяться и в других подмосковных академгородках. При каждой жилой группе предусматривалось строительство первичного пункта обслуживания по проекту из серии, разработанной для Новосибирского Академгородка. В то же время для микрорайонных центров было задумано применение другого проекта. На схеме обслуживания [Илл. 3.19] видно, как необходимость покрыть все дома радиусами предприятий каждого уровня диктовала архитекторам очертания будущей застройки. На южном краю микрорайона «А» можно заметить выстроенные веером жилые дома. На первый взгляд формальный прием оказывается обусловлен стремлением обеспечить доступность детского сада для каждого из них.

В процессе согласований генплана авторы переработали схему застройки, пересмотрев предложенный ранее подход к организации жилых групп. В новой схеме 1964 г.²⁷⁹ [Илл. 3.20] они подчинили ориентацию домов ортогональным осям главных городских магистралей, и из-за их значительного отклонения от сторон света увеличилась доля домов с ориентацией, близкой к широтной. Был также переработан линейный центр города, составные части которого теперь связывались между собой протяженным стилобатом. Можно вспомнить, что в первой версии линейной схемы научного городка в Красной Пахре [Илл. 3.11], выполненной в начале 1965 г., общегородской центр имел схожую линейную конфигурацию.

²⁷⁷ За всю историю население города так и не достигло этой численности.

²⁷⁸ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы О.Е. Калмыков, С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, В.П. Ломаченко, В.А. Прокопенко

²⁷⁹ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы О.Е. Калмыков, А.С. Дубовский, С.П. Выходцев

В принятом к реализации проекте микрорайона «А» 1965 г. [Илл. 3.21] архитекторы вновь ориентировали девятиэтажные дома свободно относительно осей улиц и заменили ими часть четырехэтажных секционных домов. В результате одна из жилых групп целиком состояла из башен, пространство между которыми планировалось заполнить посадками деревьев. Идея с поправкой на возможности, которыми располагали архитекторы ГИПРОНИИ, напоминает проект «Лучезарного города» Ле Корбюзье, в котором точно так же на пересечениях эквидистантных осей были расположены высотные жилые дома, а пространство между ними отдавалось под парк. Как ни странно, этот замысел был осуществлен [Илл. 3.22], тогда как от жилой группы, состоявшей из четырехэтажных домов, в итоге отказались. Из трех заложенных в проект пунктов первичного обслуживания был построен только один, и его здание получило административную функцию.

На базе одноподъездной башни серии П-29, отвечавшей повышенным нормам жилплощади, положенной ученым, в мастерской № 3 был разработан проект двухсекционного девятиэтажного дома, который позволял более рационально расходовать территорию. Переработан был и образ одноподъездной башни: фасады получили вертикальные членения и асимметричную композицию, в которой с трудом проявляются очертания исходного проекта [Илл. 3.21]. Данный шаг стал возможен в 1965 г. — после отставки Н.С. Хрущева. Конечно, в отличие от Новосибирского Академгородка, проект которого Первый секретарь критиковал лично, в данном случае противостояние шло с Госстроем СССР, а именно председателем Госгражданстроя Н.В. Барановым²⁸⁰, настаивавшим на нерациональности высотного строительства. По такому же принципу планировалась и застройка жилой группы в микрорайоне «Б» через дорогу [Илл. 3.23], но к моменту начала его строительства проект опять был пересмотрен.

В 1966 г. в южной части микрорайона «А» на границе с лесопарковой зоной решили разместить комплекс гостиницы и общежития²⁸¹. Проект выделяется на

²⁸⁰ По воспоминаниям архитектора, Н.В. Баранов сказал: «Мы не позволим вам строить под Москвой маленькое Чикаго» (Дубовская Г.Г. Архитектор Дубовский Анатолий. Черноголовка, 2005. С. 97).

²⁸¹ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.С. Дубовский, В.А. Бессонов, М.Х. Дубовская

фоне как современных ему, так и выполненных позднее: две 12-этажные башни с блоком обслуживания, построенные из красного кирпича в виде монолитных параллелепипедов, расчлененных по вертикали глубокими нишами. Ближе к одному из краев между частями здания была вставлена башня — в ней с одной стороны располагался лифтово-лестничный узел, а с другой — блок с квартирами, на уровне 8 и 11 этажей имевший консольно выступающие объемы комнат [Илл. 3.24].

В конце 1960-х гг. в ЦНИИЭП учебных зданий при участии архитекторов ГИПРОНИИ разработали для микрорайона «А» Черноголовки проект экспериментальной школы на 1320 учащихся²⁸² [Илл. 3.25]. Двор школы спрятали внутрь кареобразного объема, а к бульвару она была обращена протяженным фасадом с вертикалью башни обсерватории, украшенной рельефом из меди на тему астрономии работы скульптора П. Фролова. Еще три его рельефа были установлены на стеле перед зданием, а интерьеры украшены художницей Т.Е. Астровой декоративными блюдами и панно. Здание было достроено в 1970 г., а в 1971 г. авторы проекта получили за него Премию Совета Министров СССР²⁸³.

Более рядовым для своих лет оказывается здание Дома ученых [Илл. 3.26]: лаконичный прямоугольный объем зала с одноэтажной пристройкой вдоль фасада. Для его строительства был использован типовый проект кинотеатра на 600 мест, в 1971 г. также примененный в Пущине, но по прямому своему назначению. Единственная яркая деталь, привнесенная не архитекторами, а художником И.М. Бройдо — мозаичное панно. Здание было построено на продолжении бульвара в микрорайоне «Б», застройка которого в тот момент еще не проектировалась.

С точки зрения озеленения Ногинский научный центр занял промежуточное положение между двумя другими. С одной стороны, научная зона была расположена в лесу, и архитекторы руководствовались принципом его максимального сохранения при выборе места для площадок новых институтов, а также при расши-

²⁸² ГИПРОНИИ и ЦНИИЭП учебных зданий, архитекторы К.Д. Френкель, В.К. Степанов, Л.Г. Газеров, А.С. Дубовский, В.А. Толмачев

²⁸³ Журавлева А. Архитектурный центр микрорайона // Архитектурное творчество СССР. Вып. 2. М., 1974. С. 114–115.

рении существующих комплексов. Таким же образом поступали в Красной Пахре. Пешеходные дорожки, ведущие через лесной массив к институтам, для защиты корневой системы деревьев предполагалось прокладывать из бетонных плит — так же действовали в Протвине, строительством которого занималось Министерство среднего машиностроения. С другой стороны, в жилой зоне, место для которой еще в 1950-е гг. было выбрано на опушке леса, архитекторы совместно со специалистами Ботанического сада АН СССР намечали комплекс посадок деревьев, кустарников, трав, а также цветущих многолетников²⁸⁴ — как в Пущине.

Пушино

В 1962 г. вслед за схемой генплана мастерская № 2 ГИПРОНИИ начала разработку проекта детальной планировки с эскизом застройки Пушина. Процессы его согласования с различными инстанциями и внесение уточнений по их указаниям тянулись последующие два года до момента окончательного утверждения в Госстрое²⁸⁵. В основном изменения касались актуализации применяемых проектов: так, для одноподъездных девятиэтажных домов в 1962 г. решили применить вместо блочной серии II-18 кирпичную II-29 — кроме расстановки вдоль зеленой зоны напротив институтов, их пары теперь обрамляли застройку микрорайонов вдоль парковой зоны на берегу Оки [Илл. 3.27]. Также ритмом из трех пар башен была оформлена восточная сторона центрального бульвара. Как и в Черноголовке, оптимизировалась зона усадебной застройки, сокращалось количество коттеджей — на их месте в микрорайоне «А», а также на участках с крутым рельефом в других частях городка появились блокированные дома, но, в отличие от Черноголовки, без индивидуальных участков. Специально разработанный в ГИПРОНИИ для Пушина проект в результате был применен архитекторами московского проектного института Министерства среднего машиностроения СССР — п/я 1158 (или ГСПИ) в соседнем Протвино.

Но главное, что произошло в конце 1962 г., — расширились границы проектирования: впервые стали предлагаться решения для ранее обозначавшихся резервными территорий. На схеме генплана возникли микрорайоны «Г» и «Д». В

²⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 904. Л. 57–59.

²⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 6–8.

этой части городка река уже значительно удалялась от его линейной структуры, так что архитекторы решили разместить часть жилой застройки ниже улицы, тянувшейся вдоль рекреационной зоны.

Направление въезда в город было скорректировано таким образом, что территория больницы, которая ранее примыкала к микрорайону «А», теперь была отрезана от него и примкнула к зоне НИИ. Фронт микрорайона «А» на участке от въезда в город до круга с водонапорной башней у начала проспекта Науки теперь оформляли высотные дома-«трилистники». Сама башня, насколько можно судить по макету, стала еще выше, а ее образ был переработан: бак теперь покоился на трех пилонах, перевязанных кольцами на середине и трех четвертях высоты. Несколько иным образом ее облик представлен на развертке проспекта Науки к проекту детальной планировки научного городка [Илл. 3.28]: насколько можно судить и предполагать по схематичному изображению, задуманная конструкция башни представляла собой две перекрещенные разновысокие (высотой 75-80 м) П-образные арки, между которыми в верхней части был зажат шар с баком воды.

Фантастичность замысла на фоне реалий строительства начала 1960-х гг. — общее место в эскизных проектах этого времени. Если в текущий момент архитекторы были вынуждены мириться и подчиняться строгим ограничениям, то, думая о «перспективе» и наблюдая успехи в освоении космоса и другие научные достижения эпохи, они верили в скорую реализуемость самых смелых фантазий. Наглядным примером этого могут служить многочисленные проекты, выполненные для конкурса 1961–1962 гг. на проект Всемирной выставки 1967 г. в Москве²⁸⁶.

Но в 1963 г. архитекторы при разработке проектных заданий на строительство улиц в Пущине²⁸⁷ отказались от кругового движения, в центре которого до этого размещалась водонапорная башня [Илл. 3.29]. Смещенная в зеленую зону, она оказалась вне осей всех трех улиц, в створах которых стояла ранее. Архитекторы не оставили башню даже на оси проезда между микрорайонами, ведущего к усадьбе: на плане улиц 1963 г. она стоит чуть восточнее, а на обновленном позд-

²⁸⁶ Казакова О.В. Проектирование Всемирной выставки 1967 года в Москве. Поиск образа современности в архитектуре начала 1960-х годов: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009.

²⁸⁷ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 920.

нее эскизе застройки городка [Илл. 3.30] — немного западнее. Поэтому ее значение как доминанты в этих проектах уже не столь однозначно. Вероятно, этот шаг был вызван дороговизной осуществления строительства башни в задуманном виде и нежеланием ставить на ответственный участок более утилитарный по архитектуре объект.

Состоявший ранее из разрозненных зданий ансамбль городского центра был превращен в единый комплекс из связанных между собой объемов разного функционального назначения — подобно амфитеатру он обрамлял площадь с трех сторон, а с четвертой через дорогу стояло протяженное здание гостиницы. Хотя композиционное решение общегородского центра отличалось от принятого в проектах Красной Пахры и Черноголовки, «нанизывание» объемов на общий стилобат является их общим местом, равно как и то, что ни один из них не был построен.

Как и в Черноголовке, реализацию объектов сети обслуживания в Пущине начали с нижних ступеней, вновь обратившись к серии типовых проектов, разработанных в 1961 г. для Новосибирского Академгородка. И если в микрорайоне «А» научного городка в Красной Пахре, подобно всем прочим примерам, реализованным в городах АН СССР и Министерства среднего машиностроения, проект общественно-торгового центра оказался повторен в той единственной конфигурации, что впервые была реализована в Новосибирске, то в Пущине для постановки на участке со сложным рельефом в микрорайоне «В» он был переработан [Илл. 3.31]. Несмотря на заложенную в проект вариативность компоновки функциональных блоков, архитекторам пришлось буквально резать по живому и сокращать размер одного из них. Переработанный проект планировали применить и в других микрорайонах, но построено было только одно такое здание. Первичные пункты обслуживания в Пущине со всеми заложенными в их проект возможностями трансформации под разные сценарии использования оказались таким же рудиментом, как и в других городах, где в начале 1960-х гг. успели начать их строительство. Во всех случаях для этих зданий находилась иная, более важная функция, ориентированная на жителей всего города, а не ближайших к ним домов. В микрорайоне «В» Пущина два пункта стали магазинами фруктов-овощей и хозяйственных товаров.

Радикально пересмотрен в 1963 г. был проект зеленой зоны [Илл. 3.29], делящей селитебную и научную территории городка: обращенные к институтам на юге «большие, строгой геометрической конфигурации массивы деревьев пяти пород»²⁸⁸ к северу постепенно расступались, формируя открытые в сторону жилой застройки поляны с кустарниками и цветниками²⁸⁹. Озеленением продолжала заниматься Г.Я. Красивова, но вместе с ней над проектом работали два новых для Пущина архитектора — В.М. Коган и В.П. Нагих. Подчинение озеленения композиционным принципам, применяемым в архитектуре, превращало необходимый разрыв между жилой и научной зонами в их естественное продолжение, не дробя застройку на две половины, а объединяя их друг с другом. В месте пересечения зеленой зоны с осью общегородского центра было задумано разместить декоративный бассейн с фонтаном, а на поляне рядом высадить кольцо берез и возвести здание музея. За исключением строительства музея проект был реализован [Илл. 3.32]. Хотя советский ландшафтный дизайн еще ждет полноценного осмысления современными исследователями, можно сказать, что создание абстрактных композиций из кустов и деревьев не было характерным приемом для 1960-х гг. Нечто отдаленно похожее в проекте парка имени 50-летия Октября в Москве было сделано архитекторами Моспроекта-3 Л. Сибирко и С. Чаплиной: в природный ландшафт они интегрировали линейные и кольцеобразные посадки деревьев²⁹⁰.

В описываемое время — на рубеже 1962–1963 гг. и вплоть до 1964 г. — внутри ГИПРОНИИ происходили частые и значительные кадровые перестановки: занимавший должность главного архитектора мастерской типового и перспективного проектирования Ю.П. Платонов в 1962 г. перешел на аналогичное место в мастерской № 2²⁹¹, которая все предыдущие годы занималась проектированием Пущина. Б.А. Савельев, который возглавлял мастерскую, где ранее работал Ю.П. Платонов, стал руководить мастерской № 4²⁹². В это время часть проектов

²⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919. Л. 15.

²⁸⁹ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 918. Л. 18.

²⁹⁰ В ознаменование всенародного праздника // Архитектура СССР. 1967. № 8. С. 10–11.

²⁹¹ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 918. Л. 1.

²⁹² ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 668. Л. 2.

для Пущина начала выполняться параллельно с мастерской № 2 в мастерской № 4²⁹³. А в 1964 г. Ю.П. Платонов оказался на должности главного архитектора мастерской № 4 — и к этому моменту проектирование Пущина перешло в нее полностью. Уже вскоре в том же 1964 г. Ю.П. Платонов и Б.А. Савельев перешли в руководство ГИПРОНИИ на должности главного архитектора и директора (вначале и.о.) института соответственно²⁹⁴. Их места в мастерской заняли ее бывший главный инженер М.А. Филянд (вначале как и.о. руководителя) и архитектор В.М. Коган²⁹⁵. В результате к тому моменту в обширном авторском коллективе, выполнявшем проекты для Пущина, не осталось архитекторов, работавших над городком до 1961 г., когда, например, под руководством А.И. Попова-Шамана водонапорную башню задумали поставить внутри круга у начала проспекта Науки. Сам архитектор с 1963 г. перешел на работу экспертом в Госстрой²⁹⁶.

В подобных обстоятельствах трудно однозначно судить о персональном авторстве тех или иных решений, но в целом описанный процесс должен был способствовать отказу от прежних замыслов, и по динамике изменений в проектах 1962–1964 гг. видно, как назревала очередная радикальная переработка концепции всей застройки, в результате которой от строительства той же водонапорной башни отказались вовсе, а общегородской центр был вновь раздроблен на отдельные стоящие объекты.

Уточненный эскиз застройки, законченный к лету 1964 г. [Илл. 3.33], сосредоточился на микрорайонах «А», «Б» и «В». Строительство последнего в середине 1960-х гг. подходило к завершению, и вскоре нужно было приступить к освоению территории первых двух. Важнейшим структурным изменением стало их объединение в один укрупненный микрорайон — «АБ». Вероятнее всего, основным фактором, сыгравшим роль в принятии такого решения, стало желание оптимизировать систему обслуживания: за счет укрупнения общественного центра микрорай-

²⁹³ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 668. Л. 2

²⁹⁴ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 1.

²⁹⁵ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1087. Л. 2.

²⁹⁶ 13 апреля — 275-й день проекта «Имена Воронежа» // URL: https://communa.ru/obshchestvo/13_aprelya_-_275-y_den_proekta_-_imena_voronezha/ (дата обращения: 25.05.2022)

она «А» и близости общегородского центра микрорайон «Б» полностью покрывался обслуживанием верхних ступеней и требовал лишь создания пунктов первичного обслуживания при жилых группах. Для достижения нормативов мощность центра в микрорайоне «А» была увеличена. Однако по «Правилам и нормам планировки и застройки городов» комплекс жилых домов не должен был быть отрезан от учреждений культурно-бытового обслуживания, удовлетворяющих каждодневные потребности населения²⁹⁷. Поэтому улицу, которая бы препятствовала попаданию жителей к инфраструктуре своего микрорайона, пришлось ликвидировать. Вместе с улицей исчезла и обозначаемая ею ось симметрии старинной усадьбы — вид на нее от зеленой зоны теперь перекрывали девятиэтажные одноподъездные дома, группы которых были выстроены вдоль внутримикрорайонного бульвара.

Отказавшись от строительства самостоятельной водонапорной башни, архитекторы расположили на оси проспекта Науки «18-20-этажный жилой дом “трехлистник” с техническими этажами для размещения городских водонапорных резервуаров»²⁹⁸. Таким образом, этот объект, для которого планировалось разработать индивидуальный проект, вбирал в себя функции и образные решения стоявших ранее на этом месте водонапорной башни и одноподъездных домов-«трехлистников». С некоторыми корректировками, не касающимися описанных решений, этот эскиз застройки был в 1964 г. утвержден Государственным комитетом по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР²⁹⁹. Помимо прочего, комитет дал добро на разработку индивидуального проекта высотного дома-«трехлистника»³⁰⁰. Вплоть до начала 1970-х гг. проект продолжал корректироваться при неизменности общей концепции [Илл. 3.34]. Была уточнена ориентация дома-«трехлистника», направление «лучей» которого стало сонаправлено проспекту Науки; изменен шаг постановки протяженных четырехэтажных домов на

²⁹⁷ Горлов В.Н., Артемов С.Н. Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 86.

²⁹⁸ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 11.

²⁹⁹ Там же. Л. 6–8.

³⁰⁰ Там же. Л. 23, 25.

склонах, а формируемые ими дворы замкнуты снизу девятиэтажными двухсекционными домами; вдвое выросло число башен, стоящих вдоль проспекта Науки, из-за чего также увеличилось количество секционных четырехэтажных домов, тянувшихся от него вглубь микрорайона.

В 1966–1969 гг. в ЦНИИЭП учебных зданий для микрорайона «АБ» Пущина была спроектирована экспериментальная школа на 1200 учащихся. Эксперимент заключался не только в индивидуальности архитектурного проекта — в учреждении под патронажем Академии педагогических наук СССР параллельно обучали детей с 6 и с 7 лет, анализируя и сравнивая их успеваемость. Пущинская школа состоит из множества соединенных между собой переходами блоков, скомпонованных вокруг открытой в сторону внутримикрорайонного бульвара площади [Илл. 3.35] — то есть объемная композиция павильонного характера продолжает линию интернационального модернизма в советской архитектуре. Однако краснокирпичные фасады школы демонстрируют усложнение пластики относительно проектов прежних лет: из их плоскости выступают вертикальные лопатки, а «парящие» элементы вроде легких железобетонных козырьков уступают место нависанию массивных объемов над входами. Комплекс был богато декорирован художниками-монументалистами, на его фасадах смонтированы барельефы, на крыше установлен металлический флюгер, а интерьеры украшены мозаиками. Достроенное к началу 1970-х гг. здание задало тон дальнейшей застройке микрорайона, выдержанной в единстве краснокирпичных фасадов.

Кроме применения одноподъездных домов серии II-29, архитекторы пущинского филиала мастерской № 4 под руководством архитектора Е.А. Архипова создали на ее базе двух- и трехсекционные дома, частично переняв опыт Черноголовки. Множеством вертикальных членений с нарочито случайными сдвигами плоскостей фасада образ домов оказался преобразен до неузнаваемости [Илл. 3.36]. Разработанные в Пущине на его базе проекты двух- и трехсекционных домов составили основную долю жилой застройки 1970-х гг. Перелом в отношении к приемам, устоявшимся в начале 1960-х гг., отразился и на характере застройки: из ранее свободно стоящих объемов жилых домов — главным образом в

микрорайоне «АБ» — постепенно стали вырисовываться контуры дворов, обращенных в сторону реки.

Здания общегородского центра вновь были составлены в единую и на этот раз по аналогии с Черноголовкой линейную композицию, включавшую в себя блоки дома культуры и науки с библиотекой и залом собраний, а также торгового центра. Параллельно на противоположной стороне площади, как и раньше, стояло протяженное здание гостиницы. Ее проектирование было начато в 1966 г., но графических материалов (кроме плана), относящихся к ранним вариантам архитектурного решения 1960-х гг., обнаружить в ходе архивных изысканий до сих пор не удалось. Из решения Архитектурно-градостроительного Совета при главном архитекторе Московской области, рассматривавшего проект в 1968 г.³⁰¹, известно, что фасады были приняты в некоем «варианте с каннелюрами»³⁰², что явно далеко от реализованного в начале 1970-х гг. проекта (будет рассмотрен в параграфе 4.2).

Важным этапом в развитии подмосковных академгородков стало размещение в них собственных проектных групп — филиалов московских мастерских ГИПРОНИИ. В Черноголовке такая группа была создана одновременно с организацией научного центра³⁰³, и в 1963 г. ее численность составляла уже около 25 человек³⁰⁴. Тогда же, в начале 1960-х гг., была создана группа и в Пущине. Их сотрудники выполняли те же функции, что и Новосибирское отделение ГИПРОНИИ, осуществлявшее в первые годы своего существования рабочее проектирование и авторский надзор за возведением объектов. Пущинская группа находилась в подчинении мастерской № 4, главным архитектором которой на этом этапе был В.М. Коган. Руководитель пущинской группы Е.А. Архипов и другие работавшие под его началом архитекторы, помимо авторского надзора за строительством и ра-

³⁰¹ Мастерская № 4 ГИПРОНИИ, архитекторы: А.В. Саяпин, В.Я. Репин, А.С. Сарынкевич, К.И. Сергеев

³⁰² ЦГАМО. Ф. 7974 Оп. 1 Т. Д. 1225. Л. 1.

³⁰³ Распоряжение Президиума АН СССР от 9 августа 1962 г. за № 141-1275 «О мероприятиях по строительству и организации работ комплекса институтов в Черноголовке (Ногинский научный центр АН СССР)» // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 766. Л. 11.

³⁰⁴ Распоряжение Президиума АН СССР от 20 апреля 1963 г. № 40-498 // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 11.

боты по привязке типовых проектов, постепенно принимали все большее творческое участие в проектировании города. Расположенный же на небольшом удалении от Москвы научный центр в Красной Пахре пока что продолжал целиком разрабатываться в стенах столичной мастерской.

Красная Пахра (вторая половина 1960-х гг.)

Если каждый из проектов Пущина, начиная с 1956 г., последовательно развивал решения предыдущих, иногда отвергая какие-то решения, но все же сохраняя неизменной общую структуру, то **разработанная в 1965–1966 гг. схема генплана научного центра в Красной Пахре** потребовала на следующей стадии проектирования ее полной переработки. Связано это было с тем, что Академия наук вместо территорий на юго-западе от строящихся микрорайонов «А» и «Б» получила под жилую застройку участок значительно севернее — в поселке Троицкой камвольной фабрики. Власти Московской области отказались отдавать под вырубку ценный лес. На схеме тех лет [Илл. 3.37] можно видеть, как были перечеркнуты ранее намеченные контуры микрорайонов «В», «Г» и «Д», а от «А» и «Б» прочерчена линия к новому участку. При таком разрыве селитебной зоны на части трудноразрешимым оказывался вопрос о рациональном расположении общегородского центра, а сильное удаление нового района от мест приложения труда (около 4 км) вызывало необходимость в организации внутригородского общественного транспорта. Тем не менее архитекторам-градостроителям ничего не оставалось, кроме как искать оптимальные выходы из ситуации с учетом «неподвластности» им научной зоны, оказавшейся посередине между двумя частями селитебной.

Поскольку пространство вдоль связывающей северный и южный районы улицы было занято лесом, архитекторы не могли рассматривать его для масштабного жилого строительства. Однако они предложили рассредоточить вдоль нее компактные жилые группы с населением в 2 тысячи человек, состоящие из 16-25-этажных домов, пункта первичного обслуживания и детского сада [Илл. 3.38–39]. Небольшие школьные комплексы предлагалось размещать в лесу между жилыми группами. Таким образом, микрорайон «Б» был разбит на множество независимых частей. Отсутствие в нем культурно-бытового и коммунального обслуживания микрорайонного уровня компенсировалось близостью общегородского цен-

тра, который предлагалось выстроить вдоль той же улицы на противоположной ее стороне. Так, у въезда в город располагались, как и планировалось до того, здания Дома ученых, горсовета, научной библиотеки, гостиницы и ресторана. На месте ранее предполагавшегося микрорайона «В» было решено разместить высшее учебное заведение. Городской центр продолжался культурно-просветительским комплексом с концертным залом, кинотеатром, библиотекой общего пользования, выставочным залом и изостудией, а завершался домом пионеров. Пространство между линейным центром и «историческим» ядром застройки академгородка отводилось под городской парк.

Смелость замысла вновь оказалась чуть выше возможностей реальной строительной практики тех лет. К середине 1960-х гг. арсенал проектировщиков пополнился девятиэтажными башнями, а в Пущине на перспективу даже было разрешено спроектировать 18-20-этажный «трехлистник». Хотя параллельно в Москве в мастерской А.Д. Меерсона разрабатывался проект микрорайона «Лебедь» с двумя концептуально очень близкими идее архитекторов ГИПРОНИИ жилыми комплексами — даже в столице замысел удалось осуществить лишь на треть и в порядке эксперимента [Илл. 3.40]. Представить же реализацию такого проекта в подмосковном научном городке очень трудно.

Тем не менее проект был отклонен даже не по причине утопичности. Строительство в лесу, хоть и с такой высокой плотностью, какой предлагалось достичь за счет формирования островных жилых групп из башен, вызвало сомнения у областного градостроительного совета: помимо необходимости вырубок соснового леса, при таком подходе становилась нерентабельной сеть культурно-бытового обслуживания и излишне удлинялись инженерные коммуникации, которые пришлось бы тянуть между обособленными комплексами. Было принято решение исключить их из генплана³⁰⁵. Взамен авторам предложили разработать дополнительные варианты: первый — «с полным сохранением лесного массива»³⁰⁶ и сосредоточением строительства в северном районе, второй — «с более активным исполь-

³⁰⁵ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1401. Л. 18.

³⁰⁶ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1297. Л. 1–8.

зованием территорий, занятых малоценным лесом»³⁰⁷, позволяющим компактно расположить жилую зону вблизи НИИ. С целью сбережения леса архитекторам разрешили применять в застройке микрорайонов высотные дома.

В откорректированном и в конце концов согласованном в 1969 г.³⁰⁸ генплане [Илл. 3.41] селитебная зона была разбита на два жилых района, связанных между собой лишь идущей через лес улицей. В обоих районах сооружались локальные центры, между которыми распределялись учреждения ранее планировавшегося общегородского центра. Тогда же в 1969 г. в ГИПРОНИИ были выполнены проекты первых жилых групп микрорайонов «Б» и «В», относящихся к южному и северному районам соответственно. Для их застройки были использованы разработанные мастерской № 3 для Черноголовки проекты девятиэтажных домов на базе серии П-29. В микрорайоне «Б» они по аналогии с градостроительным решением в Черноголовке были расставлены свободно, отдаленно вызывая ассоциации с «Лучезарным городом» Корбюзье [Илл. 3.42]. В микрорайоне «В» башни применялись наряду с менее комфортными панельными и блочными домами. По всей видимости, северный район научного центра в Красной Пахре было решено использовать для расселения менее привилегированных жителей, тогда как в южном сосредоточить академическую элиту.

В данном параграфе была представлена картина проектирования в 1960-е гг. трех подмосковных научных городков — научных центров. В случае Черноголовки и городка в Красной Пахре также была захвачена предыстория и описаны проекты, создававшиеся на более раннем этапе, когда они развивались как небольшие поселки при отдельных институтах.

Описанные стремительные и в то же время непрерывные смены замыслов демонстрируют архитектурное творчество применительно к объекту исследования диссертации как динамический процесс. При этом почти ни один из них нельзя полностью отместить как неосуществленный, поскольку отдельные решения, при-

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1401. Л. 1–2.

нятые на каждом этапе, становились частью следующих или даже успевали быть осуществлены.

В градостроительстве начала 1960-х гг. состоялся переход к свободной планировке. Требования экономии на земляных работах при постановке домов на рельефе, стремление минимизации числа широтно ориентированных домов и необходимость вписывания всех жилых групп в радиусы предприятий обслуживания разных ступеней — все это способствовало отказу от периметральной застройки кварталов. Фронт улиц при этом стали формировать деревья, рядовые посадки которых скрывали 4-5-этажную жилую застройку.

Первые микрорайоны всех трех городков предстают настоящим палимпсестом: в Черноголовке и Красной Пахре в них можно встретить дома, построенные по типовым проектам начала 1950-х гг. даже без каких-либо отступлений и упрощений декора. Впрочем, такие здания есть и в Пущине — их возвели во второй половине 1950-х гг. для сотрудников радиофизической станции ФИАН вне жилой зоны будущего городка. Но и в соответствии с созданными уже в начале 1960-х гг. проектами в основном строилось лишь по несколько зданий, после чего их сменяли новые замыслы. В случае Пущина темп создания очередных версий генплана был настолько велик, что их число за 1960-е гг. оказывается сопоставимым с количеством построенных за это время жилых домов³⁰⁹.

С середины 1960-х гг. во всех городках начинают активно применять проекты девятиэтажных башен серии П-29. Вначале привязываемые в неизменном виде, во второй половине десятилетия они получают авторские переработки от архитекторов черноголовского и пущинского филиалов мастерских №№ 4 и 7 ГИПРОНИИ. Накопившееся однообразие лапидарных прямоугольных параллелепипедов натолкнуло авторов на схожие решения: первоначально равномерные сетки лоджий и окон на фасадах были замаскированы вертикальными ребрами и сдвигами плоскостей, придав объемам домов рубленые асимметричные силуэты. Глядя на более позднюю застройку научных центров, можно сказать, что эти проекты открыли

³⁰⁹ В ходе исследования было обнаружено около двух десятков так или иначе отличающихся друг от друга градостроительных проектов 1960-х гг., в то время как построено за это время в городе было около 30 жилых домов.

ряд работ, относящихся уже к позднему модернизму, когда от «игры» с простыми геометрическими формами архитекторы вернулись к проработке пластики фасадов, а гигантским плоскостям витражного остекления стали вновь предпочитать кирпич и камень, что, впрочем, уже относится скорее к зданиям общественного и научного назначения.

Кроме жилья в научных городках в 1960-е гг. возводили и объекты сети культурно-бытового обслуживания — в основном применялись проекты, разработанные НИИ экспериментального проектирования в 1961 г. для научного городка СО АН СССР. Во всех трех случаях реализацию сети решили начать с нижних ступеней: микрорайонных комбинатов и пунктов первичного обслуживания — отложив строительство общегородских центров на перспективу. Как и в Новосибирске, концепция пунктов первичного обслуживания в Подмосковье оказалась нежизнеспособной — вскоре в проектах от них отказались, а уже построенные здания были приспособлены под более насущные функции вроде больших специализированных магазинов.

Отдельные яркие отличия каждого из городков на данном этапе в основном связаны с их предысторией. Так, Красная Пахра, будучи наиболее стихийно сложившимся научным центром, стала градостроительной головоломкой для архитекторов ГИПРОНИИ — предлагаемые ими решения последовательно отменялись согласующими инстанциями. Полигон в Черноголовке оказался более удачным для масштабирования в научный центр; его проекты 1960-х гг. выглядят достаточно последовательными в стремлении найти оптимальный вариант доступными в каждый момент средствами. Процесс же корректировок генпланов Пущина, несмотря на неизменность заложенной еще в 1956 г. схемы функционального зонирования, из-за частой смены авторских коллективов оказался самым насыщенным внезапными и радикальными изменениями.

Сосуществование города и природы было одним из важнейших вопросов при проектировании научных городков. Образцом здесь, как и во многих других вопросах, выступал Новосибирский Академгородок. По аналогии с ним архитекторы стремились, насколько возможно, сохранить существующий лес. В Пущине, где его не было, к озеленению были привлечены специалисты Главного ботаниче-

ского сада АН СССР. Уникальной особенностью этого научного городка, ставшей очевидной уже в начале 1960-х гг., стал факт включенности зданий институтов в городскую ткань. Находясь на небольшом удалении от жилой застройки, они составляют вместе с ней единый ансамбль, чего в силу иных санитарных требований, предъявлявшихся для институтов физического и химического профилей, не удалось достичь в других подмосковных научных центрах. В этом свете зеленую зону этого научного центра следует рассматривать как полноправную часть архитектурного замысла и уникальный памятник ландшафтного дизайна середины 1960-х гг., а дендролога Г.Я. Красивову, работавшую в ГИПРОНИИ, рассматривать в числе ключевых авторов наряду с архитекторами.

3.3 Архитектура научных комплексов 1960-х гг. в Подмосковье

Строительство научного городка под Новосибирском в начале 1960-х гг. шло к завершению, и у Академии наук наконец появилась возможность вкладывать больше ресурсов в развитие институтов в столичном регионе. В то же время Москва все еще оставалась территорией, практически закрытой для размещения новых академических НИИ, поэтому основная часть крупных и важных с историко-архитектурной точки зрения проектов пришлось в это время именно на Подмосковье. И если в области гражданской архитектуры подмосковные научные городки в начале 1960-х гг. оставались некой периферией, как будто «донашивая» проекты за Новосибирским Академгородком и Москвой, то научные комплексы, проектировавшиеся для Подмосковья в то же время, напротив, стали площадкой для апробации новых решений.

Главным из новшеств стал павильонно-блочный принцип организации зданий НИИ, легший в основу типовых проектов корпусов: лабораторных, производственных, общего назначения, вентцентра, теплового пункта, трансформаторной подстанции и т. д.³¹⁰ — разработка этой серии проходила в 1961–1963 гг. Все части научных комплексов теперь возводились в виде самостоятельных типовых объемов, соединяемых посредством переходов-галерей — так принципы унифи-

³¹⁰ Доморацкий В.П. У истоков создания академических научных центров 1938–1964 гг. Колонна, 2009. С. 7–8.

кации и расчленения функциональных групп помещений, которые нашли место в институтах под Новосибирском, получили дальнейшее развитие. Кроме того, применение конструкций железобетонного каркаса и использование на фасадах зданий навесных панелей из керамзитобетона и ленточного остекления привело к резкому стилистическому разрыву с проектами предыдущих лет. И модернистские фасады, и идея решения комплекса в виде свободно стоящих павильонов говорят о принадлежности этих проектов к интернациональному стилю.

Красная Пахра (Институт физики высоких давлений)

Внедрение нового метода пришлось на годы создания целого ряда институтов во всех трех подмосковных научных центрах, а в Пущине и Черноголовке на его основе шло комплексное проектирование научных зон целиком. Но первым проектом НИИ, на котором сами авторы принципа из мастерской типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ проверяли жизнеспособность своей идеи, стал Институт физики высоких давлений в районе Красной Пахры³¹¹. Как было отмечено ранее, научная зона в этом академгородке была полностью изолирована от селитебной территории, а комплексы каждого из институтов располагались обособленно друг от друга и проектировались независимо разными авторскими коллективами. К примеру, параллельно с ИФВД проект лабораторного здания Комиссии по спектроскопии разрабатывался в мастерской № 1 ГИПРОНИИ архитекторами Н.В. Куприяновым и Г.И. Николаевой³¹² — они же занимались разработкой генплана городка.

Основной комплекс Института физики высоких давлений был составлен из трех типовых корпусов: лабораторного, общего назначения и экспериментальных мастерских — а также индивидуально спроектированного корпуса тяжелого оборудования [Илл. 3.43–44]. Кроме них на территории также располагались мелкие вспомогательные сооружения — склады и технические постройки. Институт получил вытянутый вдоль Калужского шоссе участок (120 на 300 м), что обусловило продольную ориентацию трех наиболее протяженных корпусов (лабораторного,

³¹¹ Мастерская типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.Н. Малов, Ю.П. Платонов, В.Р. Раннев

³¹² ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1002. Л. 3.

тяжелого оборудования и мастерских). Здания поставили друг за другом, но при этом центральное чуть сместили вглубь участка так, чтобы сформировать по центру перед ним небольшую площадь. Авторы также ограничивали существующие на участке деревья — на любые вырубki необходимо было оформлять распоряжение Исполкома Мособлсовета — так что стремление к их минимизации также влияло на композиционные решения. В данном случае было вырублено 17 берез³¹³. Под углом к описанным трем корпусам, выступая в сторону въезда, был поставлен корпус общего назначения. Все корпуса были соединены типовыми одноэтажными галереями. В одной из них был организован парадный вход в институт, обозначенный большим навесом в виде треугольной железобетонной плиты, покоящейся на колоннах. Выразительные козырьки к тому времени стали уже визитной карточкой спроектированных ГИПРОНИИ институтов, и ИФВД продолжал заданную во второй половине 1950-х гг. традицию. Расположенный между автомагистралью и лабораторным корпусом технический блок получил динамичный силуэт с глухими фасадами в виде перевернутой трапеции [Илл. 3.45].

Конструкции всех корпусов в проекте были приняты по каталогам промышленных железобетонных элементов, а главные фасады, за исключением корпуса общего назначения, выполнены из навесных легкобетонных панелей, облицованных мозаичной плиткой, торцы — из кирпича. С поправкой на отсутствие мозаичной плитки, это решение было реализовано. Все четыре фасада корпуса общего назначения по проекту 1962 г.³¹⁴ должны были представлять систему из навесных панелей, покрытых мелкой белой керамической плиткой, но решение было скорректировано, и стены возвели из кирпича. Можно предположить, что причиной этого были эстетические соображения: стены из окрашенных бетонных панелей без облицовки смотрелись бы чересчур утилитарно. Но причиной могло быть и банальное отсутствие нужных железобетонных изделий — корпус строился самым первым из всего комплекса.

В образованном корпусами трапециевидном курдонере, вымощенном бетонными плитами, планировалось расположить группу декоративных бассейнов и

³¹³ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 6421. Л. 44–49.

³¹⁴ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 634–635.

разбить цветники [Илл. 3.44]. Центральным же элементом комплекса должна была стать архитектурно-скульптурная композиция, состоящая из низких бетонных стенок с барельефами и флагштоками, а также абстрактной скульптуры «Кристалла»³¹⁵ — последняя должна была представлять граненый обелиск высотой около двадцати метров. В середине 1960-х гг. на территории института было решено построить корпус для крупнейшего в СССР пресса, так что его протяженная композиция, вытянутая вдоль шоссе, приросла еще двумя новыми объемами [Илл. 3.46]. Вследствие этого, по словам архитекторов, обелиск утратил свое значение — вместо него и флагштоков было предложено установить объемную скульптуру из металла, символизирующую структуру все того же кристалла³¹⁶. Но и эти замыслы осуществлены не были. Тем не менее после смерти в 1977 г. директора института Л.Ф. Верещагина в память о нем на площади все же установили небольшой монумент, напоминающий кристалл³¹⁷.

На примере строительства ИФВД архитекторы продемонстрировали реальность создания научных комплексов из типовых корпусов путем их блокирования. От начала проектирования до старта строительства прошло менее одного года, что по меркам других строек было довольно стремительным. При этом само строительство, которое изначально планировалось завершить к 1965 г., шло привычными для АН СССР темпами: к 1967 г. был сдан корпус общего назначения, к 1969 г. закончены мастерские и корпус тяжелого оборудования, а лабораторный блок сдан еще не был³¹⁸. Тем не менее ИФВД — важнейший для архитектуры научных комплексов памятник, успешная эксплуатация отдельных корпусов которого еще во время незавершенного строительства продемонстрировала жизнеспособность и оправданность павильонно-блочного принципа организации НИИ. Посетивший весной 1967 г. институт Президент АН СССР М.В. Келдыш отметил: «...мне ка-

³¹⁵ В институте велись работы по синтезу алмазов.

³¹⁶ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1221. Л. 28.

³¹⁷ Правда, положение для него было выбрано более камерное, и со стороны въезда сегодня он скрыт деревьями.

³¹⁸ Раннев В.Р. Научно-исследовательский институт физики высоких давлений // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 90–92.

жется, что здесь институт физики высоких давлений и академик Верещагин показали образец того, как надо относиться к новому строительству, к освоению новых помещений и к использованию тех государственных средств, которые на это отпускаются...»³¹⁹ Серия типовых проектов, выполненная авторами ИФВД, применялась не только для строительства академических учреждений, но для научных комплексов в СССР вообще.

Авторы считали, что разнообразие композиционных схем блокирования корпусов, природное окружение, благоустройство, материал отделки, цвет и фактура фасадов потенциально вносили в облик сооружений столько индивидуальных черт, что оснований опасаться однообразия архитектуры зданий НИИ не было³²⁰. В подтверждение этого довода они также приводили опыт строительства с использованием той же серии типовых проектов научных комплексов в Пущине.

Пущино

Разработку первых типовых проектов лабораторных блоков на основе унифицированного железобетонного каркаса в ГИПРОНИИ завершили уже в 1961 г. Одновременно в конце этого года была разработана первая значительно оторвавшаяся от решений середины 1950-х гг. схема генплана Пущина. В ней, помимо внедрения микрорайонного принципа застройки жилой зоны, был использован принцип модульной организации научных комплексов для зоны НИИ. Ранее, в проекте 1958 г., институты предлагалось ставить под углом к улице [Илл. 3.47]. Теперь же научная зона получила почти непрерывный фронт, обращенный к городку и состоящий из малоэтажных блоков общего назначения и соединяющих корпуса галерей, за которыми уже возвышались торцы лабораторных корпусов, получивших оптимальную меридиональную ориентацию [Илл. 3.48]. При этом общее число научных учреждений уменьшилось: вместо исходных восьми институтов на схеме генплана изображены лишь пять комплексов зданий, один из кото-

³¹⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 605. Л. 170.

³²⁰ Раннев В.Р. Научно-исследовательский институт физики высоких давлений // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 90–92.

рых отводился под Специальное конструкторское бюро (СКБ) биологического приборостроения³²¹.

Окончательное же расположение учреждений относительно друг друга определилось годом позже [Илл. 3.49]. Связь очередного проекта с предыдущим можно отметить в сохранении структуры зонирования территорий, а также в продолжении применения модульного принципа компоновки институтов. Но теперь лабораторные блоки были ориентированы широтно и выстроены вдоль улицы, так что стали формировать практически сплошной фронт научной зоны и служить дополнительным барьером между ней и жилой застройкой. Таким образом, научная зона получила строгое внутреннее деление, при котором вспомогательные сооружения, обладающие меньшей архитектурной выразительностью и порой имеющие более высокий класс вредности, располагались в глубине участка.

Другим важным изменением можно считать включение пространства перед Институтом химии белка в систему площадей центра города. Архитекторы сдвинули его лабораторный корпус от красной линии, образовав благоустроенный курдонер, завершивший перпендикулярную ось городка, на пересечении с которой каждая из зон получала точки притяжения: в рекреационной зоне на берегу Оки планировалась парадная лестница с видовыми террасами; в жилую зону входил «зеленый клин» сквера, и за ним размещался общегородской центр с ключевыми общественными зданиями; в санитарно-защитной полосе был сделан разрыв, создающий визуальную связь между научной зоной и центром городка, в котором планировалось создать декоративный бассейн с фонтаном и возвести музей.

В дальнейшем план научной зоны корректировался по мере разработки отдельных проектов: СКБ биологического приборостроения и Институт белка были спроектированы в 1962 г. [Илл. 3.50–51], так что в ожидании реализации их решения оказались зафиксированы и на общих чертежах последующих лет не менялись. Проекты же Института биохимии и физиологии микроорганизмов (ИБФМ), а также Института фотосинтеза были закончены только в 1964 г., так что на пла-

³²¹ Состав первоочередного строительства научного городка Пущино действительно сократился до четырех НИИ и СКБ (Постановление Президиума АН СССР от 18 января 1963 г. № 34 «О задачах и развитии биологических институтов в Пущине» // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 432. Л. 9).

нах и развертках с фронтом застройки научной зоны 1963 г. можно наблюдать еще один промежуточный вариант их решения [Илл. 3.52–53]. А конечный, соответствующий проектным заданиям двух институтов, можно видеть на эскизе застройки 1964 г. [Илл. 3.54–55]. К этому моменту работа над научным городком уже перешла из мастерской № 2 в мастерскую № 4 ГИПРОНИИ. Авторы приведенного проекта — архитекторы Ю.П. Платонов, С.П. Бурицкий, В.М. Коган³²². Изменения в нем нельзя назвать радикальными, но они примечательны симметрией в решении двух крайних институтов, фронт которых был составлен из пар протяженных лабораторных корпусов и небольших перпендикулярных им блоков общего назначения. Во дворах между блоками, как ранее у СКБ и Института белка [Илл. 3.50–51], планировалось создать благоустроенные пространства с озеленением и декоративными водоемами [Илл. 3.56].

Блоки общего назначения, как правило, включавшие в себя гардероб, конференц-зал, буфет, здравпункт, библиотеку, дирекцию и административные помещения³²³, проектировались исходя из потребностей конкретного института на основе унифицированного решения³²⁴. В данном проекте научной зоны в ГИПРОНИИ впервые стали рассчитывать объем некоторых функциональных блоков не только из потребностей самого института, но научного центра в целом. То есть почти параллельно с экспериментами по применению ступенчатой системы обслуживания в проектах жилой застройки архитекторы ГИПРОНИИ стали внедрять нечто подобное в свою профильную область [Илл. 3.53]. Так, конференц-зал Института белка в силу центрального положения планировалось использовать для проведения крупных конференций всеми институтами научного центра, поэтому он получил повышенную относительно собственных нужд вместимость в 415 человек — против 144 у фланкирующих застройку научной зоны Института фотосинтеза и Института физиологии и биохимии микроорганизмов, для блоков общего назначения которых был принят унифицированный проект.

³²² ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 22.

³²³ ЦГАМО. Ф. 7974. Фп. 1 Т. Д. 1013. Л. 102.

³²⁴ Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 4.

В таком виде в 1964 г. [Илл. 3.53] эскиз застройки Пущина был утвержден Госстроем³²⁵. Хотя это решение не повлияло на темп дальнейших корректировок проекта, на данном этапе окончательно определилось не только положение всех первоочередных институтов, но и их объемно-пространственная композиция, имевшая прямую взаимосвязь с функциональным зонированием территории.

Утвержденный план научной зоны Пущина публиковался во многих изданиях ГИПРОНИИ и научных трудах его сотрудников. В этих публикациях данный проект середины 1960-х гг. зачастую называется этапным: авторы заявляют, что в его основе лежит «унифицированный квартал», размеры которого были определены исходя из параметров типовых лабораторных секций³²⁶. В действительности, анализируя генпланы Пущина, начиная с 1956 г., можно говорить о преемственности версии 1960-х гг. в части деления на кварталы всем предыдущим вплоть до схемы, утвержденной Госстроем в 1957 г. То есть размер кварталов был определен задолго до разработки типовых лабораторных блоков, и параметры «унифицированного квартала» никак не исходили из новых типовых проектов, а были заданы прежними градостроительными соображениями. На деле же этот проект научной зоны Пущина все равно отмечает важную веху в унификации, но на более низком уровне пространственной организации, а именно — проектирования научных комплексов. Впервые оно происходило на основе модульной организации территории с применением типовых проектов лабораторных зданий [Схема 8].

Как и в проекте ИФВД, кроме общей объемно-пространственной организации институтов в Пущине важной является и их передовая для начала 1960-х гг. модернистская архитектура. Фасады лабораторных корпусов получили ленточное остекление [Илл. 3.57], и таким же образом должны были выглядеть типовые блоки общего назначения. Будучи обращенными к улице глухими кирпичными торцами и имея более чем вдвое меньшую высоту, они бы создавали некоторую ди-

³²⁵ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023. Л. 6–8.

³²⁶ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 38; *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Т. 1. С. 22.

намику силуэта и разнообразие фактур. Стремясь к легкости образов, архитекторы оформляли входы в здания и венчали объемы на их крышах легкими задранными кверху козырьками. Одним из объектов, вдохновлявших авторов, была гостиница «Юность», построенная в Москве ко Всемирному форуму молодежи 1961 г. и ставшая одним из первых памятников второй волны модернизма в СССР. Говорить об этом можно вполне уверенно, опираясь на пояснительную записку к проекту³²⁷: по аналогии со знаковым проектом, на который равнялись архитекторы ГИПРОНИИ, навесные панели на фасадах СКБ планировали офактурить крупным мраморным боем.

Планировалось в описанных проектах и участие художников-монументалистов — синтез искусств в начале 1960-х гг. стал одной из педалируемых тем в советской архитектуре: выразительность новых пластически лаконичных зданий предлагалось повышать за счет привнесения монументального искусства³²⁸. Абстрактные скульптуры можно заметить перед главным фасадом СКБ [Илл. 3.58], а на стене фойе возле входа в его конференц-зал предусматривалось «тематическое панно»³²⁹. На площади перед зданием Института белка, занявшим положение на оси центрального бульвара города, планировалось создать декоративный бассейн со «стеной-фонтаном», а также установить «скульптуру женщины, олицетворяющей науку»³³⁰ [Илл. 3.50]. Хотя конкретная программа монументального убранства выполнена не была, а проект Института белка значительно переработали позднее, здание СКБ оказалось построено по описанному проекту и на его фасаде позднее появилось панно в технике сграффито.

Черноголовка

Несколько корпусов по выполненным ГИПРОНИИ в 1961–1963 гг. типовым проектам было построено на территории филиала Института химической физики

³²⁷ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 662. Л. 29.

³²⁸ Антипин К.С. Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // Аспирантский сборник. Выпуск 13. Сборник статей по материалам Международного форума молодых исследователей искусства «Научная весна–2023». М., 2024. С. 305–317.

³²⁹ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 663. Л. 10.

³³⁰ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 658. Л. 11.

в Черноголовке. У въезда на промплощадку № 2 был размещен типовой корпус общего назначения [Илл. 3.59] — его проект принадлежит к той же серии, что и корпус общего назначения, построенный в комплексе ИФВД в Красной Пахре. Отличие между проектами состояло в их расчете на разное число сотрудников НИИ, что проявляется в емкости конференц-зала, гардероба и прочих помещений, а, как следствие, и габаритах здания. К корпусу была пристроена Г-образная галерея, в которой организован вестибюль входа и контрольно-пропускной пункт на режимную территорию института. Входная группа оформлена барельефом на тему химических процессов, изучением которых занимался институт, еще одним панно был оформлен торец галереи, но оно было уничтожено при реконструкции [Илл. 3.60]. На площадке за корпусом сооружен декоративный бассейн с бетонной стенкой и фонтаном.

Также на территории филиала ИФХ в Черноголовке было построено два типовых лабораторных корпуса химического профиля [Илл. 3.61] — тот же проект ранее применялся в комплексе ИФВД. Однако здесь фасады всех зданий, несмотря на основу из сборного железобетонного каркаса, выполнены в кирпиче. Опять же не до конца ясно, что стало причиной такого выбора, но из-за этого проект, предполагавший ленточное остекление с тонкими перемычками между окнами, в некоторых случаях выполнявшихся вместе с рамами из алюминия, получил широкие простенки. Компенсировать утрату горизонталей на фасаде были призваны пояса кладки поребриком, протянутые между рядами окон. Глухие торцовые стенки пристроенных к лабораторным корпусам технических блоков с вентиляционным оборудованием получили динамичную расширяющуюся кверху трапецевидную форму, а входы в здания акцентированы опертыми на грибовидные колонны легкими железобетонными козырьками с задраным углом. Таких корпусов было построено два, но из генплана Ногинского научного центра 1963 г. можно понять, что всего в перспективе их собирались построить пять [Илл. 3.62].

Но среди научных комплексов в Черноголовке, спроектированных в 1960-е гг., наиболее важны те, что создавались для вновь размещаемых в научном центре институтов. Как и в Пущине, и в Новосибирском Академгородке, к проектированию научной зоны подошли комплексно, однако здесь это впервые было сдела-

но с использованием свежеразработанных принципов и новых типовых проектов. Территорию поделили на участки для первоочередных и перспективных учреждений. Хотя в 1961 г. Президиум АН СССР утвердил для размещения в Черноголовке список из целого ряда институтов: кибернетики, физики прочности, твердого тела, физики высоких давлений³³¹, — к весне 1963 г. обозримая перспектива строительства сократилась до двух институтов: физики твердого тела (ИФТТ) и новых химических проблем (ИНХП)³³².

В течение 1963 г. прорабатывались различные варианты композиционной организации комплексов зданий НИИ. На январском генплане [Илл. 3.62] здания обозначены достаточно схематично — они стоят на полянах, отделенные друг от друга и от улицы лесом. При этом их оси разнонаправлены, а функции отдельных блоков неясны. К февралю была выполнена более детальная схема [Илл. 3.63] с новым вариантом планировки научной зоны: участки институтов выстроились в ряд вдоль улиц, ортогональным осям которых была подчинена постановка всех зданий. Лабораторные блоки были поставлены торцами к красным линиям, сзади к ним перпендикулярно примыкали специализированные экспериментальные корпуса, а за ними располагались вспомогательные сооружения: склады, мастерские, автоклавные и прочее. В образуемых Г-образными и П-образными структурами корпусов курдонерах размещались корпуса общего назначения.

Вариант планировки, принятый к реализации, как и в Пущине, устоялся лишь в ходе разработки проектных заданий на строительство обоих институтов — примечательно, что их разработка велась двумя разными мастерскими ГИПРОНИИ. Проектирование ИФТТ поручили мастерской № 1³³³, раньше не фигурировавшей

³³¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 367. Л. 9.

³³² Постановление Президиума АН СССР от 19 апреля 1963 г. № 319 «О научных направлениях и проектировании институтов Ногинского научного центра» // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 445. Л. 9–10, 11.

³³³ Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.В. Куприянов, А.М. Щусев, Л.С. Ерофеева. С. Анапольский

в контексте Черногловки, а ИНХП — мастерской № 3³³⁴, занимавшейся проектированием здесь с 1956 г.

На датированной июлем 1963 г. схеме генплана [Илл. 3.64] видно, что к этому моменту была несколько скорректирована трассировка улиц, получивших более плавные повороты, а здания институтов были вновь чуть заглублены относительно них. Протяженные лабораторные корпуса все так же стояли перпендикулярно фронту улицы, но теперь вместо отдельностоящих (вероятно, соединенных с ними галереями) кубических корпусов³³⁵ общего назначения в проекте были использованы корпуса иной — вытянутой конфигурации. В 1962 и 1964 гг. подобные проекты были применены в пушинских институтах белка, фотосинтеза, а также биохимии и физиологии микроорганизмов [Илл. 3.56] — их общей чертой стала компоновка всех помещений в двухэтажный объем шириной 12 м и варьируемой с шагом в 6 м длиной (в Пушине — 66 м). Опционально к протяженному блоку примыкал объем конференц-зала.

Конференц-зал Института белка в Пушине рассчитывался для проведения крупных мероприятий всеми учреждениями научного центра, поэтому блок общего назначения получил повышенную относительно потребностей института вместимость зала, буфета и гардероба. В Черногловке сами институты были сильнее удалены и изолированы друг от друга, при этом в них должно было работать большее число сотрудников, чем в пушинских. Проекты корпусов общего назначения для обоих институтов были приняты идентичными, но не типовыми — для ИНХП был повторно взят проект, разработанный для ИФТТ³³⁶ [Илл. 3.65]. Их

³³⁴ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы Д.А. Метаньев, О.Е. Калмыков, А.М. Злотин, Е.А. Вигдорчик, Т. Смолицкая

³³⁵ Следует отметить, что при практически идентичной композиционной схеме и способу примыкания объемов друг к другу, в Черногловке их называют корпусами, а в Пушине — блоками. При этом в проектах Пушина фигурировало также понятие главного корпуса, в состав которого входило несколько блоков: например, в случае СКБ биологического приборостроения главным корпусом обозначены лабораторный блок, блоки общего назначения и конструкторского бюро, у Института белка — лабораторный, блок общего назначения и соединительный переход в экспериментальные мастерские.

³³⁶ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 775. Л. 148.

конференц-залы были рассчитаны на 252 места, так что они были расположены в дополнительных объемах, из-за чего корпуса получили Г-образную форму.

Пространство между корпусом общего назначения и лабораторным корпусом ИФТТ по аналогии с пущинскими институтами архитекторы решили превратить в камерный внутренний дворик с соответствующим озеленением и декоративным бассейном [Илл. 3.66–67]. У ИНХП через двор планировалось организовать проход на территорию, так что его благоустройство должно было иметь более дежурный характер. Пару бассейнов также предполагалось устроить на парадных площадях перед входами в институты, но на этапе утверждения проектных заданий К.Н. Чернопятав, Уполномоченный Президиума АН СССР по вопросам строительства, поручил сократить их стоимость за счет уменьшения числа³³⁷. Низкая плотность застройки научной зоны в Черноголовке в сравнении с комплексами в Пущине и Новосибирском Академгородке заставила архитекторов искать новые средства для передачи цельности их замысла — чтобы расположенные на значительном удалении друг от друга институты воспринимались как ансамбль не только на чертежах и макетах, но и в реальном масштабе повседневного восприятия. С этой целью предполагалось устроить вдоль фронта застройки линейную систему водоемов³³⁸. Построен этот 500-метровый каскад все же не был, равно как и другие искусственные водоемы.

Значительные разрывы между корпусами институтов в Черноголовке [Илл. 3.68] были обусловлены несколькими соображениями. Главным из них был учет перспектив развития научного центра. Так, в составе ИФТТ был спроектирован корпус лаборатории экспериментальной минералогии и петрографии, а ИНХП — корпус особо чистых веществ (или аналитический центр). В перспективе на их базе планировалось организовать самостоятельные учреждения, для дальнейшего расширения которых и закладывались территориальные резервы.

В случае аналитического центра ИНХП³³⁹, внутри которого должна была разместиться «чистая» зона, удаленность от других построек была также обуслов-

³³⁷ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 768. Л. 10; ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 774. Л. 16.

³³⁸ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 774. Л. 49–50.

³³⁹ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.М. Злотин, Т.М. Андрианова, Д.А. Метаньев

лена действовавшими в момент проектирования нормативами по размещению подобных комплексов. Технологически и архитектурно здание уникально — это полностью индивидуальный проект [Илл. 3.68], на разработку которого было получено разрешение Госстроя. Имея размеры в плане 54 на 72 м и высоту около 23 м, подходящие скорее для ангара или иного большепролетного сооружения, оно представляет собой трехэтажное здание, состоящее из двух блоков. Внешний блок примыкает к фасадам, в нем расположены лаборатории, а также набор помещений, обычно размещаемых в отдельных корпусах (гардероб, конференц-зал, библиотека и т. п.). Внутренний блок — «чистая» зона: все стыки стен в нем были скруглены, отверстия загерметизированы, а входы устроены через специальные камеры. Необычайно большая высота трехэтажного здания обусловлена устройством в нем дополнительных технических этажей — это отражается на фасаде неравномерным ритмом чередующихся узких и широких лент окон и навесных бетонных панелей. Вход должен был быть обозначен широким козырьком из монолитного железобетона, но к моменту реализации вместо него решили использовать более экономичное решение из легких металлических конструкций.

Для функционирования аналитического центра на территории ИНХП также предполагалось построить брызгальный бассейн. Охлаждение технологического оборудования и обеспечение кондиционирования в непрветриваемых «чистых» помещениях требовали много технической воды. Для экономии расхода воды для этих нужд было решено устроить замкнутый контур, ключевым звеном которого стал бы бассейн³⁴⁰. Такие схемы устройства кондиционирования часто применялись в 1960-е гг. в проектах вычислительных центров, требующих стабильного и сильного охлаждения. Брызгальный бассейн даже входил в состав типового проекта вычислительного центра, разработанного ГИПРОНИИ, но зачастую от его строительства по разным причинам отказывались. Так произошло и с бассейном в Черноголовке.

Но существеннее то, что вначале отложенное строительство ИНХП в результате вообще было отменено. Аналитический центр в свете этого оказался включен

³⁴⁰ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 776. Л. 180–181.

в состав ИФТТ, и сама возможность такой корректировки планов без ущерба для отдельных составляющих проекта говорит о пользе заложенной в него гибкости. Даже реализованный в ограниченном виде [Илл. 3.70], он позволяет рассуждать о подходах начала 1960-х гг. к организации научных зон на градостроительном уровне и вместе с институтами в Пущине и Красной Пахре дает составить представление о композиционных особенностях НИИ, спроектированных на основе передового для тех лет павильонно-блочного принципа из типовых корпусов и галерей.

Примечательно, что 4 декабря 1963 г. Совет директоров Ногинского научного центра принял решение: «Считать необходимым организовать ряд зарубежных поездок представителей институтов совместно с организаторами и руководителями строительства, проектировщиками для ознакомления с опытом создания аналогичных научных центров, оснащением лабораторий, принципами проектирования и т. д. Подготовить от имени Совета директоров соответствующее ходатайство перед Президиумом АН СССР»³⁴¹. Проектные задания на строительство первоочередных институтов к этому моменту были уже выпущены и находились на согласовании, так что существенного влияния на данные комплексы изучение зарубежного опыта уже оказать не могло. Впрочем, состоялись ли такие поездки и участвовали ли в них архитекторы мастерской № 3 ГИПРОНИИ — пока неизвестно.

Красная Пахра (ФИАН)

До конца 1960-х гг. во всех трех научных центрах шла реализация описанных проектов, окончание которой пришлось уже на 1970-е гг. Единственным новым крупным комплексом, разработка проекта которого пришлась уже на середину 1960-х гг., стала испытательная станция ФИАН в Красной Пахре. На ее территории планировалось строить специальные установки, в том числе циклотрон и линейный ускоритель частиц, испытательные павильоны, опытные производства и т. п. При выделении участка для станции в 1963 г. она, по всей видимости, воспринималась руководством ФИАН как своеобразное подсобное хозяйство по от-

³⁴¹ АРАН. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 816. Л. 13–16.

ношению к московскому комплексу. Это оказалось ретранслировано в проекте планировки, выполненном архитекторами мастерской № 3 ГИПРОНИИ в тот момент: полтора десятка объектов, в том числе здания циклотрона и ускорителя, были расставлены по периметру территории и соединены разветвленной сетью проездов [Илл. 3.71]. Однако в течение последующих нескольких лет проект менялся [Илл. 3.72–74], и в результате обозначил важный этап в развитии подходов к проектированию научных комплексов.

Возникновение в научном центре в районе Красной Пахры еще одного авторского коллектива — вдобавок к мастерской № 1, проектировавшей городок в целом и корпус Комиссии по спектроскопии, а также мастерской типового и перспективного проектирования, разработавшей проект ИФВД, — неслучайно. Именно мастерской № 3 с начала 1950-х гг., когда в Академпроекте были организованы номерные мастерские, велось проектирование всех объектов ФИАН, начиная с главного здания института в Москве и продолжая, например, радиофизической станцией в Пущине.

Решение в начале 1960-х гг. задачи по типизации функциональных блоков посредством разработки серии типовых проектов упрощало проектирование и приводило его в соответствие с общесоюзными требованиями. До некоторой степени оно также давало гибкость в развитии научных комплексов посредством их дальнейшей достройки. Но «разобрав» сложноскомпонованные архитектурные комплексы начала 1950-х гг. на отдельные блоки и расставив их на горизонтальной плоскости в виде системы связанных коридорами павильонов, архитекторы столкнулись с проблемой гибкости уже на более низком уровне: не все функции, для которых в комплексе мог быть построен отдельный блок, оставались нужны институтам достаточно долго. Это привело авторов данного проекта к идее градации функциональных помещений по степени изменяемости протекающих процессов и объединению близких по этому показателю блоков в здания с соответствующей планировочной и технологической гибкостью. При этом следовало не утрачивать достигнутой ранее свободы в достройке научных комплексов без нарушения хода работ в них. Не менее важной проблемой, решение которой также ставилось

во главу угла архитекторами, было достижение ансамблевой цельности и ее устойчивости в долгосрочной перспективе.

В контексте разработки данного проекта можно уже без догадок говорить об анализе архитекторами мастерской № 3 зарубежного опыта. Автор проекта В.В. Зарудко прямо называет те комплексы, изучение которых легло в основу идеи структуры планировки станции: «научные центры в Беблингене (ФРГ, фирма IBM) и Ваарле (Голландия, фирма “Филипс”), а также электронный завод в Рочестере (США)»³⁴².

В проекте научного центра IBM в Беблингене задачу свободного роста комплекса решили за счет ячеистой композиции корпусов [Илл. 3.75], а гибкость функционального наполнения обеспечивалась благодаря съемным перегородкам и вариативности технологических подводок. Похожим образом был организован завод электронного оборудования в Рочестере [Илл. 3.76], спроектированный Э. Саариненом: как и в комплексе IBM, его распластанные по земле корпуса сблокированы по углам с небольшим сдвигом, чтобы организовать проходы между ними. Композиционно совсем иным образом устроен комплекс исследовательских лабораторий Philips в Ваалре — в данном случае советские архитекторы обращались к опыту зарубежных коллег не в области пространственной организации, а в сфере технологического обеспечения. Их выводы подтверждали оправданность обеспечения всех помещений в лабораторных корпусах всеми технологическими подводками — так достигалась эффективность и экономичность в долгосрочной перспективе, поскольку при смене направленности работ не нужно было проводить реконструкций.

Однако если рассматривать объемно-пространственное решение комплекса в Ваалре [Илл. 3.77], оно оказывается близко к одному из промежуточных вариантов проекта испытательной станции ФИАН, отраженному на генплане научного городка 1965 г. [Илл. 3.72]: на нем изображены ряды из протяженных лабораторных корпусов с пристроенными к ним блоками общего назначения и расположен-

³⁴² Зарудко В.В. Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 80.

ные через дорогу квадратные в плане здания. Проект своего комплекса Philips разработала силами собственного же архитектурно-инженерного бюро в конце 1950-х гг. Компания исходила из перспективы роста числа сотрудников в ближайшее десятилетие от 1350 до 3000 человек. Территорию разбили на семь секторов, каждый из которых был рассчитан на 700 сотрудников и включал большой лабораторный корпус со столовой и библиотекой, корпус мастерских, а также отдельные сооружения для проведения специфических экспериментов³⁴³. На перспективу десятилетия как раз намечалось возвести четыре подобных сектора и тем самым обеспечить расчетное число сотрудников помещениями для работы.

Судя по всему, на определенном этапе проектирования станции ФИАН архитекторы во главе с В.В. Зарудко решили воспроизвести эту идею нидерландских коллег, но затем отказались от нее [Илл. 3.73] и, изучив проекты научного центра IBM в Беблингене и завода в Рочестере, ячеистая структура которых предлагала большую гибкость в выборе емкости достраиваемых объектов, пришли к собственной, не похожей на перечисленные прототипы композиционной идее [Илл. 3.74]. В 1965 г. для территории ФИАН, которая вдвое превышала площадь научной зоны в Пущине, ГИПРОНИИ впервые применил систему расчленения на планировочные модули — квадраты со стороной в 60 м. К этому модулю, по замыслу, должны были привязываться габариты всех объектов комплекса. Сам же модуль имел связь с размерами типовой лабораторной ячейки (квадрат со стороной 6 м) [Схема 8], которые, в свою очередь, были увязаны с пролетом унифицированного железобетонного каркаса, на основе которого в тот момент шло проектирование почти всех крупных сооружений³⁴⁴. Здания планировалось организовывать по образу ячеистых структур (не единой, а множества подобных друг другу), которые виделись авторам проекта в тот момент наиболее полно отвечавшими как

³⁴³ *Jansen Gratton M.J.* The planning of the new complex of buildings for Philips research laboratories in the Netherlands // *Philips Technical Review*. 1962/1963. Vol. 24. No. 11/12. pp. 385–395; *de Haas L.A., Wadman S.S.* The Waalre complex of Philips Research Laboratories // *Philips Technical Review*. 1970. Vol. 31. No. 5/6. pp. 153–167.

³⁴⁴ *Платонов Ю.П.* Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 89–90.

функциональным требованиям, так и стремлению создать архитектурно выразительный ансамбль.

В отличие от ранее рассматриваемых научных зон, у данного комплекса не предполагалось ни единого фронта, ни даже общего направления чередования функциональных зон — принцип глубинного зонирования на этот раз был отброшен. Лишь в южной части площадки была выделена зона вспомогательных сооружений — ее застройка началась еще до разработки общей планировки с модульной 60-метровой сеткой. Там было построено здание механических мастерских³⁴⁵, а также объекты вроде котельной, складов и столовой, для которых применяли повторные и типовые проекты. Остальная же территория разбивалась на несколько крупных участков и застраивалась свободно.

Столь необычный способ планировочной организации стал возможен благодаря иному взаиморасположению технологических и прочих блоков в составе зданий. Если раньше архитекторы стремились спрятать вспомогательные сооружения, располагая их на заднем плане, то теперь они сделали их ядрами композиций, вокруг которых разрастались ячеистые структуры из квадратных в плане разноразмерных блоков, стыкующихся друг с другом по углам. Вдоль основных дорог на территории комплекса планировалось возвести два огибающих их повороты многоэтажных лабораторных корпуса. Нечто подобное (лабораторный корпус с изгибом) одному из авторов ОКБ Д.А. Метаньеву удалось реализовать в здании Института автоматики и телемеханики в Москве, удостоившемся в 1973 г. Премии Совета Министров СССР³⁴⁶. Здесь же до проектирования многоэтажных корпусов дело не дошло.

В проекте также была применена ступенчатая система организации научного обслуживания³⁴⁷: четыре малых корпуса общего назначения были рассредоточены по территории так, чтобы обеспечить их доступность для всех зданий в радиусе

³⁴⁵ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы Д.А. Метаньев, Е.А. Герасимова // ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1004.

³⁴⁶ Пекарева Н. Институт проблем управления в Москве // Архитектурное творчество СССР. Вып. 7. М., 1981. С. 51–53.

³⁴⁷ Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 60.

200 м, а у въезда со стороны поселка был поставлен большой корпус общего назначения, охватывающий всю площадку радиусом обслуживания в 1300 м [Илл. 3.74].

Непосредственно описанному градостроительному замыслу был подчинен проект Особого конструкторского бюро (ОКБ)³⁴⁸, разработка которого велась в 1965–1967 гг. Его объемная композиция была составлена из пяти квадратных в плане корпусов [Илл. 3.78–79]. Ядро расположенного в центре одноэтажного корпуса технического обслуживания составляли помещения с оборудованием вентиляции и кондиционирования, щитовой и трансформаторной, а также узла водопроводных сооружений и дренажа. Положение также наделяло корпус связующей функцией: по галереям, кольцом огибающим технические помещения по периметру здания, были организованы переходы между всеми частями комплекса. Главный вход в ОКБ также был организован через этот корпус, так что небольшую часть его площади заняли наряду с техническими помещениями гардероб, кафетерий и здравпункт.

К каждому из четырех углов корпуса технического обслуживания примыкали трехэтажный корпус общего назначения и двухэтажные: лабораторный и опытного производства. Квадратные в плане, они имели сложное и различное внутреннее устройство, которое, тем не менее, основывалось на сетке унифицированного каркаса с планировочной ячейкой 6 на 9 м. Для освещения помещений в центре корпусов в кровле устраивались световые фонари. Фасады здания выполнялись в виде сплошного витражного остекления по всему периметру со вставками горизонтальных лент из черного стемалита и вертикальными металлическими молдингами. Перед зданием было запланировано устроить декоративный бассейн, установить скульптуру и разбить цветники [Илл. 3.79] — этот уже привычный набор элементов благоустройства, в большинстве случаев остававшийся неосуществленным. В целом же в подмосковных научных центрах реализация проектов благоустройства внутренних дворов и территорий институтов пришлась, если к ней в принципе приступили, уже на 1970-е гг.

³⁴⁸ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.В. Зарудко, Д.А. Метаньев, В.Ф. Назаров, Т.М. Андрианова

Подобная принятой в ОКБ объемная композиция из широких малоэтажных квадратных в плане корпусов была применена позднее и другими советскими архитекторами: схожую конфигурацию получили комплекс Московского института электронной техники в Зеленограде, а также спроектированные в ГИПРОНИИ корпуса Института космических исследований в Москве и Институт программных систем в Переславле-Залесском.

Из пяти заложенных в проект ОКБ корпусов построено было четыре — возведение корпуса общего назначения с конференц-залом на 500 человек было отложено на некую «перспективу», которой так и не суждено было осуществиться. Фасады получили более дешевую и привычную облицовку в виде «тельняшки» из лент навесных железобетонных панелей и окон. Главный архитектор ГИПРОНИИ Ю.П. Платонов впоследствии отмечал, что недостаточный учет требований коммуникационного обеспечения на этапе выбора размера планировочного модуля для территории станции ФИАН привел к нарушению установленной сетки³⁴⁹. Подобное свободное планировочное решение для научных зон ГИПРОНИИ больше не применялось. Зато сама идея подчинения территории планировочному модулю продолжила совершенствоваться и нашла выражение в иных композиционных решениях.

Как видно, в 1960-е гг. подходы к проектированию научных комплексов продолжали усложняться. Если во второй половине 1950-х гг. институт оказался завален заданиями по срочной разработке новых проектов, то начало 1960-х гг. стало временем апробации передовых решений, резкого перехода к интернациональному стилю и большого внимания к озеленению и благоустройству. Составленные из отдельных блоков-павильонов комплексы институтов в Подмосковье фиксируют начало нового этапа в истории отечественной архитектуры, не находящего столь яркого отражения в столице из-за до сих пор действовавших там ограничений на строительство НИИ. В этом ряду стоит первым Институт физики высоких давлений, построенный в научном городке в районе Красной Пахры (ныне Троицк), — важнейший для истории архитектуры научных комплексов памятник, ценный не

³⁴⁹ Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 89–90.

только экспериментальностью впоследствии пошедшего в тираж решения, но и качеством его осуществления строителями. Как показывают примеры комплекса Института радиотехники и электроники во Фрязине или институтов Новосибирского Академгородка, достойные проекты далеко не всегда удавалось реализовать на высоком уровне. В данном случае все сложилось удачно, и здания действительно отражают тот замысел, что был заложен авторами. То же можно сказать и о комплексах ИФТТ в Черноголовке и СКБ биологического приборостроения в Пущине.

Передаваемое графикой и даже проектными развертками фасадов начала 1960-х гг. настроение «оттепели» с проглядывающими сквозь стволы деревьев ритмичными рядами прямоугольных объемов, вокруг которых «разбросаны» малые архитектурные формы и абстрактные скульптуры, далеко не всегда ощущается при натурном знакомстве со зданиями той поры. Это, как и в случае с проектами институтов в Новосибирском Академгородке, заставляет говорить о первостепенной важности анализа именно архитектурной графики при исследовании отечественной архитектуры модернизма второй волны. Хотя благоустройство и монументальное оформление, составлявшие в проектах научных учреждений единое целое со зданиями, в большинстве случаев реализовывались лишь частично, именно эти элементы вместе с тонкими железобетонными козырьками приковывают к себе внимание на фоне блестящих, но монотонных плоскостей витражного остекления. И насколько выразительны они на фоне лапидарных объемов, выполненных в духе интернационального модернизма, настолько невозможно было бы заметить их в контексте более насыщенных фасадной пластикой зданий. Особенно ценны примеры осуществления замыслов, близких к полноте, вроде институтов в Пущине, где к 1970-м гг. были созданы декоративные бассейны и цветники, а на фасаде СКБ выполнено абстрактное панно в технике сграффито.

Модульный принцип организации институтских комплексов нашел применение во всех трех подмосковных научных центрах, но не стал конечной точкой в развитии подходов к проектированию НИИ. Архитекторов заботила как выразительность зданий и ансамблей, так и эффективность их устройства и ее устойчивость в долгой перспективе. Поэтому, завершив разработку серии типовых проек-

тов, которая была важной этапной задачей для ГИПРОНИИ, в институте стали искать более совершенное и всеобъемлющее в своей унифицированности решение — в том числе посредством изучения зарубежных проектов. И если поначалу это вело к их сильному влиянию на отечественных авторов, осознававших свое положение как догоняющих, то уже во второй половине десятилетия сотрудники ГИПРОНИИ начали более взвешенно и критично подходить к заимствованию опыта, так как у них накопился собственный. Проект застройки испытательной станции ФИАН в Красной Пахре демонстрирует важность рассмотрения не только реализованных зданий, но и вариантов, разработка которых предшествовала их утверждению. В данном случае авторы на бумаге совершили сразу несколько важных шагов вперед, демонстрирующих их рост: после череды попыток адаптировать вначале собственные, а затем чужие идеи, родился уникальный синтезирующий весь этот опыт проект.

Если предыдущий исторический этап характеризовался в основном вынашиванием замыслов или формированием предпосылок, то в 1960-е гг. происходит непосредственное **формирование новых научных центров в Подмосковье**. Основными акторами творческого процесса становятся Президиум АН СССР и архитекторы ГИПРОНИИ. С уходом Н.С. Хрущева роль органов власти в основном стала сводиться к согласованию в рабочем порядке планов строительства и проектов. Руководство АН СССР во главе с новым Президентом М.В. Келдышем в это время ввело само понятие «научного центра» как в некоторой степени автономной локальной структурной единицы, отвечающей как за направление исследований на месте, так и за хозяйственные вопросы, в число которых входило строительство не только комплексов институтов, но городов при них. Наряду с Пущино этот статус обретают Черноголовка и Красная Пахра (Троицк). Архитекторы же к началу 1960-х гг. уже преодолели кризисный переходный этап и начинают разрабатывать типовые проекты, изучать зарубежный опыт и развивать собственные методы, нацеленные на унификацию.

Как отмечалось во второй главе, «оттепель» в архитектуре запаздывала относительно общего культурного фона. В проектах архитекторов ГИПРОНИИ курс на

интернациональный модернизм был достаточно резко взят в самом начале 1960-х гг. Вследствие до сих пор действовавшего запрета на строительство НИИ в Москве именно в Пущине, Черноголовке и Красной Пахре впервые в СССР возникли составленные из отдельных блоков-павильонов комплексы институтов, фиксирующие начало нового стилевого периода. Лапидарность объемов и сдержанная пластика фасадов, которые представляли собой «тельняшки» из перемежающихся лент остекления и навесных железобетонных панелей, соседствовали с акцентными элементами — динамичными козырьками, малыми архитектурными формами в благоустройстве и объектами монументального искусства. Лишь ближе к 1970-м гг. в некоторых проектах наметилась тенденция к отказу от гигантских поверхностей витражного остекления и ленточных окон в пользу усложнения и утяжеления пластики фасадов.

Одновременно архитекторы отказались от регулярных планировочных решений, перейдя к свободной планировке микрорайонов. Создание сети культурно-бытового обслуживания и необходимость включения всех жилых групп в радиусы ее предприятий наряду с требованиями экономии на земляных работах и учета инсоляции — все это способствовало отказу от регулярной квартальной застройки с периметральной расстановкой домов вдоль улиц. Поиск баланса в решении перечисленных задач стал, по сути, главным творческим вызовом в работе градостроителей, в то время как работа над зданиями заключалась в «привязке» типовых проектов — рутине с минимумом возможностей по внесению изменений.

Сосуществование человека и природы было одним из важнейших вопросов при проектировании всех научных городков. Архитекторы стремились, насколько возможно, сохранить существующий лес в Черноголовке и Красной Пахре. В Пущине, где его не было, особое внимание уделялось озеленению. Если до середины 1950-х гг. благоустройство воспринималось как своеобразное заполнение пустот в структуре регулярной застройки, то теперь природа могла выдвигаться на передний план, делая архитектуру, хоть и инородной, но частью природного ландшафта.

Тем не менее в 1960-е гг., когда все три научных центра стали активно проектироваться и строиться, в отношении архитектурных замыслов для них наметился своеобразный «предел», перешагнуть который архитекторам по разным причинам

не удавалось. Хотя и постепенно, дозированно, но возмраставшая в течение десятилетия свобода архитекторов, с одной стороны, давала оправданную веру в реализацию в «перспективе» намечаемых на нее идей, которые выходили за актуальные рамки реализуемого. С другой стороны, по мере ослабления ограничений, в каждом новом проекте архитекторы пересматривали картину перспективы — и вновь отдаляли ее. Эти описанные в главе стремительные и в то же время непрерывные смены замыслов и их авторов демонстрируют архитектурное творчество применительно к подмосковным научным центрам как динамический процесс. При этом его характер с регулярным и коренным пересмотром генеральных планов и их хронической нереализуемостью согласуется с картиной, описанной в историографии³⁵⁰.

³⁵⁰ Косенкова Ю.Л. Долгий путь к городу. К постановке проблемы изучения советского градостроительства 1950-х — начала 1980-х гг. // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Серия: Политематическая. 2011. Вып. 3 (17). С. 11.

ГЛАВА 4. Поздний модернизм в архитектуре научных центров 1970-х гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. в советской архитектуре в целом и в проектах научных учреждений в частности явно обозначился разрыв с «оттепельной» эстетикой интернационального стиля: со свободной планировкой, павильонной организацией зданий и превалированием простоты, легкости и прозрачности в решении их фасадов. В разных частях СССР в это время начали формироваться до некоторой степени самостоятельные стилевые течения, развивавшиеся как под влиянием необрутализма и японского метаболизма, так и творчества отдельных авторов и локальной специфики регионов. Но если в республиках вроде Казахстана и Узбекистана в «регулярной» архитектуре жилых домов и общественных зданий ярко проявился ориентализм в виде красочных мозаик и изящных орнаментальных солнцезащитных решеток, то в России так называемое «национальное своеобразие» нарочито выражалось лишь в случае отдельных объектов, функционально оправдывавших экзотический облик: ресторанов, туристских баз, детских игровых городков — и даже в этом случае вызывало жаркие споры теоретиков архитектуры³⁵¹.

Архитектура и градостроительство в СССР продолжали подвергаться влиянию мировой архитектуры, теперь уже во многом необрутализма и японского метаболизма (к примеру, архитектор ГИПРОНИИ К.И. Богданович в своей диссертации обращался к проекту К. Танге центра коммуникаций префектуры Яманаси в городе Кофу³⁵²). Организация в ГИПРОНИИ отделения научно-исследовательских работ в 1967 г. вскоре дала плоды в виде идеи модульно-регуляционной системы. Если в середине 1960-х гг., при проектировании станции ФИАН с ОКБ в Красной Пахре, архитекторы института еще воспринимали задачи унификации и создания выразительного ансамбля как самостоятельные и подчас противостоящие друг

³⁵¹ Подробнее см. *Антипин К.С.* Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // Векторы. Сборник статей XXI и XXII международных конференций молодых ученых 2023–2024 гг. М., 2024. С. 152–171.

³⁵² *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Т. 2. С. 13.

другу, то к концу десятилетия «красота» стала пониматься как производная от строгого следования единой методологической логике — всеподчинения модулю. В 1970 г. ГИПРОНИИ поручили проектирование научного городка СО ВАСХНИЛ, в котором идея получила максимальное пространственное развитие, охватив масштабы от десятков сантиметров в параметрах лабораторной мебели до сотен метров и километров в размещении зданий и магистралей на генплане. Модульно-регуляционной системе и ее воплощению в городке СО ВАСХНИЛ посвящен первый параграф данной главы.

В то же время архитекторы не могли существовать в изоляции от настроений советского общества, в котором в то время произошел всплеск интереса к прошлому: так, в 1965 г. был учрежден ВООПИиК³⁵³, а в 1966 г. вышло постановление, давшее старт возрождению народных художественных промыслов³⁵⁴. В 1970-е гг. проектирование подмосковных научных центров было полностью доверено организованным на местах мастерским, что привело к расхождениям в подходах между архитекторами, работавшими в относительной изоляции друг от друга, и «центром». Рассмотрению этого процесса на примере проектов подмосковных научных центров в части жилых зон, а также общих градостроительных замыслов посвящен второй параграф главы. Профильная для ГИПРОНИИ область проектирования, в которой институт достиг столь важных для себя успехов по унификации и типизации зданий и их элементов, столкнулась с теми же устремлениями сотрудников мастерских в научных центрах к приданию своим городам своеобразия. Анализ архитектуры научных учреждений в Подмоскovie представлен в третьем параграфе главы.

³⁵³ Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/406006-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-ob-organizatsii-vserossiyskogo-dobrovolnogo-obschestva-ohrany-pamyatnikov-istorii-i-kultury-23-iyulya-1965-g-locale-nil-882> (дата обращения: 30.07.2024)

³⁵⁴ Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1966 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355480-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-30-sentyabrya-1966-g-o-meropriyatiyah-po-dalneyshemu-razvitiyu-mestnoy-promyshlennosti-i-hudozhestvennyh-promyslov> (дата обращения: 30.07.2024)

4.1 Городок СО ВАСХНИЛ как образцовая реализация архитектурно-градостроительной теории проектирования научных центров начала 1970-х гг.

Стремление к унификации и типизации — общее место в советской архитектуре второй волны модернизма, но, пожалуй, никому не удалось достичь в этом стремлении той степени всеобъемлемости их внедрения, которой достиг на рубеже 1960–1970-х гг. ГИПРОНИИ в своей профильной области. В 1967 г. в институте было создано отделение научно-исследовательских работ, призванное разрабатывать нормативно-методическую документацию по проектированию научных комплексов, а также заниматься перспективным проектированием НИИ и научных центров³⁵⁵. Оторванные от конкретного задания архитекторы стали заниматься науковедением и социологией, а также антропометрией ученых [Илл. 4.1]. В результате они пришли к идее пространственной структуры процесса научного производства, которую им удалось представить в виде «матрешки» из последовательно складывающихся друг в друга модулей — модульно-регуляционной системы, охватывающей все масштабы проектирования от рабочего стола ученого до города.

Сама идея не была нова или уникальна, но подобный замах на тотальность вряд ли мог совершить кто-то кроме архитекторов ГИПРОНИИ, ведь проектирование советских городов, как правило, было разнесено между, если не множеством, то рядом проектных институтов, координация между которыми была крайне трудной ввиду громоздкости каждого из них. Только в руках ГИПРОНИИ к этому моменту оказалось сосредоточено все от разработки генпланов научных центров до проектирования типовой лабораторной мебели в НИИ³⁵⁶. Даже в структуре Министерства среднего машиностроения функционировало сразу несколько проектных институтов со сложной структурой, часто дублировавших компетенции друг друга, но в отдельных областях уникальных. В этом свете ГИПРОНИИ был переименован: к фигурировавшим в существовавшем с 1953 г. на-

³⁵⁵ *Сергеев К.И., Кулешова Г.И.* Семь десятилетий на службе отечественной науке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Том 78. № 12. С. 1099.

³⁵⁶ *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 53–54.

звании³⁵⁷ научно-исследовательским институтам и лабораториям были добавлены научные центры³⁵⁸.

В отличие от «модулора» Ле Корбюзье и других систем пропорционирования, эта имела целью унификацию строительных конструкций. Если ранее типовые проекты зданий для НИИ основывались на параметрах унифицированного железобетонного каркаса, то теперь конструкции предлагалось производить, исходя из выработанных представлений об идеальном устройстве научных комплексов.

Выполняемые архитекторами из ОНИР проекты были призваны продемонстрировать эффективность предложенной идеи в разных условиях. С этого же момента ГИПРОНИИ начал активно участвовать в советских и зарубежных архитектурных конкурсах и, что еще важнее, получать на них премии. Проекты института заработали I и II премии на открытом конкурсе эскиз-идей здания Президиума АН СССР в 1968 г.³⁵⁹; II премии удостоен проект для I тура конкурса на проект Центрального музея революции в Москве, проводившегося в 1969–1972 гг.³⁶⁰; III премией был отмечен конкурсный проект павильона «Угольная промышленность» на ВДНХ в 1971 г.³⁶¹ Наиболее заметным стало присуждение премии проекту Центра современного искусства «Плато Бобур» в Париже в 1971 г. — единственному из 30 советских, присланных на конкурс, привлечшему около 700 участников из пятидесяти стран³⁶². Удостоен премии был проект научно-учебного центра Болгарской Академии наук и Софийского университета на заказном конкурсе 1974 г.³⁶³ Почти

³⁵⁷ Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов и лабораторий АН СССР и союзных республик

³⁵⁸ Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов, лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик

³⁵⁹ Бархин М. Здание Президиума Академии наук СССР // Строительство и архитектура Москвы. 1968. № 9. С. 12–17.

³⁶⁰ Бархин Б. Музей Революции. Об итогах конкурса проектов нового здания // Строительство и архитектура Москвы. 1971. № 3. С. 10–16.

³⁶¹ Варшавер А. «Угольная промышленность». Итоги конкурса на проект нового павильона ВДНХ // Архитектура СССР. 1971. № 6. С. 20–24.

³⁶² Лебедев В. Премия на международном конкурсе // Архитектура СССР. 1972. № 2. С. 51–53.

³⁶³ Московские зодчие. Юрий Платонов // Строительство и архитектура Москвы. 1979. № 11. С. 28.

все перечисленные проекты основаны на идее подчинения модулю, которая явно выражалась в архитектурном образе.

Советской строительной индустрии, заточенной на производство сборных железобетонных конструкций, крайне тяжело давались эксперименты с иными технологиями строительства зданий, кроме сборки их из готовых элементов. Ставший основой оценки качества советской архитектуры «коэффициент сборности» отрезал путь развитию в СССР монолитного домостроения — как бы А.Н. Белоконь ни доказывал его эффективность и экономичность в сравнении с панельным и каркасным методами³⁶⁴, не говоря уже о большей выразительности и широкой вариабельности фасадов. Однако для архитектуры научных комплексов во многом иррациональное убеждение в экономичности сборного железобетона оказалось актуальным и соответствовало представлениям зарубежных архитекторов, занимавшихся проектированием в той же сфере, что и ГИПРОНИИ. Осознание необходимости гибкости в сценариях использования отдельных частей научных комплексов приводило задумывавшихся о ее обеспечении архитекторов к убеждению в том, что единственным путем решения этой задачи является внедрение в проектирование и строительство сборно-разборных конструкций, модулированных в соответствии с определенной системой и изготавливаемых в заводских условиях³⁶⁵. Разработкой подобных систем в то время занималось американское бюро SOM (Skidmore, Owings & Merrill); Управление строительства высших школ земли Баден-Вюртемберг в ФРГ; архитекторы П. и Б. Штайгеры в Швейцарии. Однако только в условиях социалистической экономики у архитекторов были реальные перспективы широкого внедрения единых систем. Обобщая опыт зарубежных коллег, Д.А. Метаньев в своей диссертации в 1967 г. писал:

«В период эксплуатации площади и назначение отдельных помещений могут и должны быть изменены, применительно к изменению потребностей развития научных исследований.

В практике проектирования и строительства научно-исследовательских учреждений возмож-

³⁶⁴ Белоконь А. Архитектура жилища в современных формах монолитного домостроения // Архитектура СССР. 1973. № 7. С. 41–43.

³⁶⁵ Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 66.

ность таких изменений достигается применением сборно-разборных перегородок. Перегородочные элементы изготавливаются в заводских условиях на основе единого модуля. Размеры элементов (так наз. "малый модуль") увязаны с размерами лабораторного и укрупненного модуля. Т.к. в различных зданиях нии, осуществленных в разных странах размеры лабораторного модуля отличаются между собою, то и величина малого модуля также не является постоянной. Различия эти колеблются в пределах от 1.15 до 1.5 м. Как наиболее распространенной величиной лабораторного модуля является 3,6 м, так и размер малого модуля чаще всего принимается 1.2 м»³⁶⁶

Исходя из этого, Д.А. Метаньев предложил принять за малый модуль 1,2 м — величину перегородочных элементов; 3,6 м — лабораторный технологический модуль; 18 м — укрупненный планировочный модуль³⁶⁷. Ранее в генплане станции ФИАН в научном центре в Красной Пахре архитектор внедрил планировочный модуль размером 60 м, однако в диссертации не стал предлагать модулей такого или более высокого порядка, ограничившись названными тремя, хотя и демонстрировал эффективность модели на примере абстрактной научной зоны на 10 тысяч сотрудников [Илл. 4.2].

Работа продолжилась в ОНИР ГИПРОНИИ, созданном в 1967 г. — Д.А. Метаньев покинул должность главного архитектора мастерской № 3, став заведующим лабораторией архитектурного проектирования в отделении.

В проекте научного центра АН Латвийской ССР под Ригой на 12 тысяч сотрудников³⁶⁸, выполненном ОНИР ГИПРОНИИ в 1968 г.³⁶⁹, первичным модулем была выбрана квадратная ячейка 1,8 м — в нее включались так называемый рабочий пост со стороной 1,2 м, а также окружающее его пространство коммуникаций [Илл. 4.1]. Из модулей рабочих постов образовывались рабочие места, а из них — рабочие ячейки. Конструкции и объемы сооружений научного центра подчинялись

³⁶⁶ Там же. С. 67–68.

³⁶⁷ Там же. С. 68, 70, 79.

³⁶⁸ *Сергеев К.И.* Архитектурно-планировочная организация научных зон в структуре города (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. Т. 1. С. 36.

³⁶⁹ ОНИР ГИПРОНИИ, архитекторы Д.А. Метаньев, Э.Л. Базарова, М.Н. Смирнова, Н.Р. Фрезинская, В.Т. Шимко, А. Томский; Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Я. Репин, В.М. Бармин

строительному модулю со стороной 10,8 м: по аналогии с рабочим постом в центре он содержал пространство рабочих постов размером 7,2 м, а по периметру — пространство коммуникаций. Из этих модулей предполагалось компоновать различные по характеру и назначению лабораторные комплексы. Следующий модуль размером 108 м — планировочный. Как и на предыдущих уровнях, по его периметру отводилась полоса шириной 10,8 м для прокладывания коммуникаций. При стыке модулей эта полоса удваивалась, образуя полосу в 21,6 м, достаточную в том числе для прокладки улиц с двусторонним движением транспорта. Планировочные уровни также складывались в градостроительные со стороной 1296 м, что соответствовало шагу между магистралями районного значения³⁷⁰ [Илл. 4.3–4.4].

Таким образом, в проекте научного центра под Ригой впервые была использована иерархическая модульная структура, охватывающая все уровни пространственной организации комплекса: от лабораторной мебели до генерального плана. При этом важно отметить открытость структуры — то есть возможность по мере необходимости достраивать ее в разных направлениях. Но какой характер застройки предложили архитекторы ГИПРОНИИ, работая в рамках заданной сетки? Научная и жилая зоны первой очереди строительства были расположены по одну сторону от крупной автомобильной магистрали [Илл. 4.5]. В застройке научной зоны, где кроме НИИ должны были также размещаться высшие учебные заведения, ярко проступала «клетчатая» мегаструктура из многоэтажных лабораторных корпусов, к которой примыкали объемы иных функциональных блоков — общественного характера со стороны магистрали и вспомогательного — в глубине территории. Жилая зона показана более свободно, но все здания в ней также подчинены ортогональной сетке. Проект демонстрирует гибкость системы: возможность увеличения плотности застройки за счет как горизонтального, так и вертикального развития, но в то же время некоторые ячейки модульной сетки оставлены пустыми с целью сохранения ценного леса или обхода сложного участка рельефа³⁷¹.

³⁷⁰ Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 101–103.

³⁷¹ Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. С. 62.

Подобную структуру [Илл. 4.6–4.7] двумя годами ранее, в 1966 г., предложило бюро Arup Associates в мастерплане Технического университета Лафборо. Его схема попала на обложку журнала “L'Architecture d'Aujourd'hui” за май 1968 г., и проект был известен архитекторам ГИПРОНИИ — о нем писали Г.И. Зосимов³⁷² и К.И. Богданович³⁷³.

В отличие от советских коллег, британские архитекторы использовали в проекте модули лишь двух порядков — это соответствовало локальному масштабу поставленной перед ними задачи: проект предполагал рост кампуса в течение десяти лет с расчетом увеличения числа сотрудников от 1,5 до 5 тысяч. Здесь две масштабные сетки: первая состоит из череды полос шириной 36 и 9 дюймов (0,91 и 0,23 м) — меньшая полоса соответствует ширине стен и перегородок из кирпича или бетона; вторая сетка состоит из полос шириной около 50 футов (600 дюймов или 15,24 м) и 15 футов (180 дюймов или 4,57 м). То есть подобно предложению Д.А. Метаньева в диссертации, защищенной в 1967 г., малый модуль здесь представляет собой ячейку со стороной около 1,14 м, а больший, планировочный, — 19,81 м³⁷⁴ (Д.А. Метаньев предлагал 1,2 и 18 м). При этом в отличие от модульно-регуляционной системы ГИПРОНИИ, взятые британским бюро параметры сетки не имели какого-то специфического обоснования — один из авторов писал, что они не столь значимы, сколь строгое их соблюдение при проектировании зданий³⁷⁵.

Внедрение модульно-регуляционной системы преследовало множество целей и решало целый комплекс проблем, помимо унификации строительных элементов и зданий. Главные требования к проектным решениям НИИ были выдвинуты в

³⁷² Зосимов Г.И. Пространственная организация города (модуль в планировочной структуре). М., 1976. С. 95–97.

³⁷³ Богданович К.И. Здания научного назначения в условиях возрастающей мобильности процессов научно-исследовательской деятельности // Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1983. С. 28–36.

³⁷⁴ Domingo-Calabuig D. Master Plan for the Loughborough University of Technology: An Endless Campus? // ZARCH. 2020. No. 14. pp. 100–113.

³⁷⁵ Thomas D. Loughborough University of Technology; Growth Change and Grid Discipline // The Arup Journal. 1967. Vol. 1. No. 6. p. 15.

1967 г. в диссертации Д.А. Метаньева:

- «1) Проект должен предусматривать возможность роста общего объема научных учреждений и каждого научно-исследовательского института или отдельных его частей;
- 2) Объемно-планировочные решения должны обеспечивать возможность внутреннего переустройства пространства, включая гибкие изменения коммуникационных и комфортных систем;
- 3) Все указанные изменения должны быть предусмотрены самим первоначальным проектом, по возможности, на весь период эксплуатации»³⁷⁶.

Уже в середине 1960-х гг. в ГИПРОНИИ пришли к мысли о том, что в больших научных комплексах расширение за счет резервных территорий, закладываемых на этапе замысла при каждом из институтов, — не самый универсальный вариант. Всех резервов не предусмотреть, а если это и сделать, то застройка окажется чересчур разреженной, что чревато издержками при прокладке коммуникаций, дорог, организации системы обслуживания и транспорта... И если при сравнительно небольших объемах строительства НИИ в предыдущие десятилетия с недостатками, вытекающими из решения задачи расширения за счет резервных территорий, можно было мириться, то в видевшейся тогда перспективе превращения строительства зданий для науки в одно из главных направлений следовало искать иные пути. Анализ вариантов решения этой проблемы привел архитекторов к выводу о том, что единственно приемлемым является путь перераспределения площадей между НИИ в пределах научной зоны, которое могло бы осуществляться по мере возникновения необходимости в расширении того или иного учреждения³⁷⁷. Проблема расширения, таким образом, решалась в тесной связке с проблемой унификации лабораторных зданий и обеспечения их наполнения максимальной гибкостью, позволяя переоборудовать помещения под новые задачи без необходимости капитальных реконструкций.

Проект научного центра АН Латвийской ССР был выполнен на стадии технико-экономического обоснования, и ресурсов на его реализацию выделено в дальнейшем не было. Но в конце 1969 г. было принято решение о строительстве науч-

³⁷⁶ Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 2.

³⁷⁷ Там же. С. 43–45.

ного городка для вновь созданного Сибирского отделения ВАСХНИЛ³⁷⁸. Его проектирование было поручено ГИПРОНИИ, на этот раз работа осуществлялась мастерской № 8, но в ней участвовали и сотрудники ОНИР, и Новосибирского отделения института, а также Сибкадемпроект Министерства среднего машиностроения СССР, выполнявшие проекты отдельных объектов, стадий и разделов³⁷⁹. Взяв за основу тот же принцип модульно-регуляционной системы, архитекторы несколько скорректировали размеры модулей — теперь они составляли: 0,6, 3,6, 7,2, 72, 360 и 1080 м — шаги верхних трех уровней соответствовали интервалам транспортных магистралей и коллекторных коммуникаций (1080 м); проездов местного уровня и распределительных коммуникаций (360 м); систем питающих коммуникационных линий (72 м). Модули нижнего порядка были привязаны к габаритам лабораторной мебели (0,6 м), рабочего поста (1,8 м), ячейки (3,6 м) и шагу колонн (7,2 м)³⁸⁰. Авторы писали, что «получили в руки своеобразную “мерную ленту”, которая в каждом конкретном случае помогала определять нужные размеры целого или части, интервалов и “шагов” конструкций, размеры членения территории»³⁸¹.

Для размещения научного городка СО ВАСХНИЛ была выделена территория к юго-западу от Новосибирска — на противоположном берегу Оби от городка СО АН СССР. С севера участок граничил с городом, с запада — с землями учебного хозяйства Сельскохозяйственного института, а восточная граница проходила по реке. Схема генплана научного городка СО ВАСХНИЛ [Илл. 4.8] больше всего была похожа на Пущино: последовательно расположены друг за другом рекреационная зона лесопарка, жилая зона и научная, внутри которой также внедрен прин-

³⁷⁸ Постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1969 г. № 887 «О мероприятиях по созданию научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355658>

³⁷⁹ Архитекторы Ю.П. Платонов, А.С. Панфиль, Г.А. Тюленин (руководители авторского коллектива), А.П. Карпов, Э.П. Сударики и др.

³⁸⁰ Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 99–100.

³⁸¹ Карпов А., Панфиль А., Платонов Ю. Научный центр и жилой район СО ВАСХНИЛ // Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 19.

цип глубинного зонирования — за зданиями общественного, лабораторного и вспомогательного характера была отведена большая территория для опытных полей. В отличие от Оки, Обь протекает здесь с юга на север, ограничивая застройку с востока. НИИ здесь, как и в Пущине, были включены в структуру застройки городка, а зеленая зона не выделялась в самостоятельный структурный элемент — небольшая полоса деревьев была высажена в пространстве 72-метрового отступа застройки от края планировочного модуля.

Комплекс первоочередных научных учреждений включал институты животноводства, химизации сельского хозяйства, механизации и электрификации, кормов, экономики. Подчиненные модульной сетке, их здания, как и в научном центре под Ригой, оказались составлены в единую «клетчатую» мегаструктуру. Авторы противопоставляли работу в рамках разработанной системы «анархии» свободной планировки, «примеры которой, к сожалению, еще часто встречаются в градостроительстве»³⁸².

Ключевой модульной единицей мегаструктуры стали крестообразные здания институтов шириной 72 м, рассчитанные на 400-450 сотрудников³⁸³. Их объемная композиция была сложена из шестиэтажных лабораторных блоков двух типов и расположенных в местах их перекрестия инженерно-коммуникационных башен высотой в восемь этажей. С фронтальной стороны научного комплекса к башням были приставлены трехэтажные общественно-научные блоки, а кроме всего перечисленного структуру дополняли одно-двухэтажные подсобно-производственные сооружения [Илл. 4.9]. Внешнее по отношению к лабораторным корпусам размещение коммуникационных ядер впервые было внедрено Л. Каном в здании медицинского факультета Пенсильванского университета³⁸⁴, а в 1967 г. подобное реше-

³⁸² Там же. С. 20.

³⁸³ В ряде источников указана такая емкость (см. напр. Научный центр Сибирского отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина // Архитектура СССР. 1983. № 8. С. 12), но в одном из источников указывается 400-500 (см. Лучшие произведения советских зодчих. 1983–1985 гг. М., 1991. С. 72).

³⁸⁴ *Jordy W.H.* Medical Research Building for Pennsylvania University, Philadelphia // *The Architectural Review*. 1961. Vol. 129. No. 2 (768). pp. 99–106.

ние было применено в проекте Института космических исследований в Москве³⁸⁵. Но сами лабораторные блоки в московском ГИПРОНИИ продолжали решать в виде линейных блоков, а не квадратных башен, как у американского архитектора.

Блоки общего назначения были поставлены перпендикулярно фронту научной зоны. Партеры между ними были превращены в камерные сады с площадками отдыха. Блоки общего назначения были поставлены на колонны — лишь часть пространства в уровне первого этажа с небольшой подсечкой была застроена помещениями вестибюлей и гардеробов институтов. В целом их наполнение было стандартным: административные, общественные и обслуживающие помещения (дирекция, общественные организации, буфет, зал заседаний ученого совета и др.)³⁸⁶ Однако благодаря замыканию сооружений комплекса в единый тепловой контур посредством блокирования лабораторных корпусов, а также галерее, пронизывающей в уровне второго этажа все здания вдоль фронта научной зоны [Илл. 4.9], в данном проекте впервые создались условия для полноценного совместного использования некоторых помещений и зданий несколькими соседствующими НИИ, а также для полного выноса некоторых функций в самостоятельные и общие для всего научного центра блоки³⁸⁷.

На этапе индивидуального проектирования каждого института в Москве в 1930–1940-е гг. широкой низовой кооперации такого рода между учреждениями Академии не происходило, предполагалось лишь использование предприятий, относящихся к самому высокому организационному уровню (Фундаментальной библиотеки, залов для проведения крупных конференций). С появлением первых типовых проектов возможность экономии на эксплуатации за счет кооперирования некоторых функций отошла на второй план, уступив экономии на проектирова-

³⁸⁵ Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, М.Ф. Марковский, Г.И. Зосимов, М. Шабанова, Ю. Лямин

³⁸⁶ Карпов А., Панфиль А., Платонов Ю. Научный центр и жилой район СО ВАСХНИЛ // Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 22.

³⁸⁷ Президиум ВАСХНИЛ принял соответствующее постановление «О кооперировании вспомогательных объектов и служб при строительстве научного городка СО ВАСХНИЛ под Новосибирском // Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 138.

нии: так, в Новосибирском Академгородке ряд строившихся по соседству друг с другом унифицированных институтских зданий полностью дублировал наборы вспомогательных помещений друг друга. Тем не менее в том проекте были предусмотрены общие склады, опытный завод, центральная контрольно-измерительная лаборатория, библиотека и столовые³⁸⁸. В Пущине, как указывалось в главе 3, в начале 1960-х гг. при проектировании зданий для НИИ состав помещений формировался с учетом не только их собственных потребностей, но и всего комплекса.

В научном городке СО ВАСХНИЛ архитекторы выделили отдельные блоки, в которых разместились большая столовая на 500 мест, медпункт, фотолаборатория, комплекс конференц-залов разной вместимости с зимним садом, большая научная библиотека — все они были «нанизаны» на ось галереи [Илл. 4.10]. Кооперация коснулась в данном проекте и специфической научной инфраструктуры: изотопной лаборатории, блока теплиц, физиологического корпуса, экспериментальных мастерских, а также информационно-вычислительного центра (не был построен) — это способствовало максимальному использованию их производственных мощностей и исключало дублирование однотипных работ разными институтами³⁸⁹. «Собрав институты “в один кулак”, можно их оснастить лучшим оборудованием и более рационально его использовать»³⁹⁰ — писали архитекторы.

Комплекс блоков общего пользования в составе первой очереди строительства научного городка был рассчитан на 4,5 тысячи сотрудников³⁹¹ — это соответствовало вместимости десяти институтских зданий, что вдвое превышало число строившихся зданий. Так, благодаря кооперации обслуживания обеспечивалась легкость роста институтов за счет достройки комплекса в целом и перераспреде-

³⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 7.

³⁸⁹ *Истомин С.А.* Системное формирование функционально-планировочной структуры научного комплекса: дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. С. 31–32.

³⁹⁰ *Карпов А., Панфиль А., Платонов Ю.* Научный центр и жилой район СО ВАСХНИЛ // Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 24.

³⁹¹ *Зарудко В.В.* Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 1. С. 122.

ления площадей внутри него — без необходимости реорганизации вспомогательной инфраструктуры, которая строилась с опережением³⁹².

На протяжении 1960-х гг. проектирование научных комплексов велось на основе общесоюзных серий типовых конструкций, разработанных для промышленных и общественных зданий (ИИ-60, ИИ-20, ИИ-04, ИИ-04-14 и др.). Зачастую это заставляло архитекторов идти на компромиссы. Например, они ограничивали высоту этажей, не обеспечивали оптимальных шагов между колоннами, не позволяли обеспечить технологические режимы для ряда экспериментов и других требований, обусловленных характером исследовательского процесса³⁹³. Для строительства научного комплекса СО ВАСХНИЛ в мастерской № 8 ГИПРОНИИ совместно с Новосибирским отделением была разработана индивидуальная серия железобетонных изделий для институтов физико-химического профиля — каталог ВАСХНИЛ А-71 (позднее был разработан также каталог А-75 ВАСХНИЛ), параметры которых были согласованы с модульно-регуляционной системой. Впервые научный комплекс строился с расчетом на 100-процентную сборность³⁹⁴.

Горизонтальные ленты окон, характерные для типовых проектов лабораторных зданий начала 1960-х гг., спустя десятилетие успели изрядно приесться архитекторам. К тому же в соответствии с модульно-регуляционной системой 60-сантиметровые полосы вдоль стен лабораторий отдавались под мебель, перекрывавшую попадание света в помещения. Поэтому в данном комплексе каждая ячейка получила отдельное окно шириной и высотой 2,4 м. Непрерывными лентами из навесных панелей архитекторы заполнили вертикальные простенки между ними, а подоконные панели чуть выдвинули на фоне их плоскости. Благодаря этому меньше бросались в глаза швы между панелями, а фасад получил нетривиальную пластику, не акцентировавшую ни вертикалей, ни горизонталей и не напоминавшую собой привычную по жилой застройке сетку из квадратов с окнами по цен-

³⁹² Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 49–51.

³⁹³ Архитектура научных комплексов // Архитектура СССР. 1976. № 2. С. 46–47.

³⁹⁴ Там же. С. 47.

тру. Глухие поверхности на торцах блоков общего назначения и инженерно-коммуникационных башен были акцентированы золотисто-охристым цветом.

Решение жилой зоны также подчинено сетке модульно-регуляционной системы, но главным образом верхним ее порядкам, так как для большей части гражданских сооружений использовались конструкции из общесоюзных каталогов, а для жилых домов и некоторых общественных зданий применялись типовые проекты. В проектировании жилой застройки городка принимал участие Сибкадемпроект Министерства среднего машиностроения СССР (его же Сибкадемстрой занимался строительством городка), на рубеже 1950–1960-х гг. разрабатывавший проекты для селитебной зоны научного городка СО АН СССР. Расположенный на равнине на берегу Оби городок требовал защиты от резких зимних ветров. Это, а также стремление максимально сконцентрировать жителей вокруг обслуживающей инфраструктуры, во многом определило композиционное решение микрорайонов в виде колец с общественно-торговыми центрами в середине, девятиэтажными жилыми домами по периметру и среднеэтажной застройкой внутри них [Илл. 4.8]. В микрорайонном центре размещены учреждения повседневного обслуживания: магазины, столовая на 220 мест, помещения коммунально-бытового обслуживания, библиотека, зал собраний на 200 человек. Хотя от сооружения первичных пунктов обслуживания в 1960-е гг. в ГИПРОНИИ отказались, система обслуживания все же была принята трехступенчатой и при жилых группах, помимо детских садов, были выстроены небольшие магазины по продаже хлеба и молочных продуктов — наиболее часто востребованных.

Если в проектах начала 1960-х гг. можно было наблюдать, как радиусы предприятий сети обслуживания, а также другие ограничения и устремления архитекторов задавали некоторые рамки застройке³⁹⁵, то теперь архитектура буквально вырастала из собственноручно продуманной авторами системы ограничений. В то же время свобод оставалось достаточно для творчества: это демонстрирует и различное наполнение «колец» микрорайонов городка на генеральном плане, и сам

³⁹⁵ Антипин К.С. Проектирование системы расселения БАМа в 1970-е годы // Проект Байкал. 2025. № 22 (84). С. 112–118.

выбор формы микрорайонов внутри модульной сетки, и выразительная архитектура отдельных зданий.

Три микрорайона диаметром 720 м, каждый из которых занимал по четыре планировочных модуля, были размещены не в один ряд, а со смещением центрального «кольца» чуть вглубь относительно научной зоны. Образованное за счет этого сдвига пространство было предназначено для общегородского центра. Здесь вокруг камерной площади с амфитеатром планировалось на единой поднятой над уровнем земли платформе выстроить в виде «форума» здания культурного центра, Дома связи, торгового центра и гостиницы с рестораном³⁹⁶. Культурный центр, в свою очередь, состоял из зрелищно-кружкового и спортивного блоков, а также блока отдыха ученых с библиотекой и конференц-залом. Все вместе они занимали квадратный планировочный модуль со стороной 360 м, и рядом на перспективу роста городка оставался еще один резервный модуль такого же размера. В научной зоне через дорогу композицию дополняли здания Президиума СО ВАСХНИЛ, научно-технической библиотеки, информационно-вычислительного центра и главной высотной доминанты городка — 14-этажного корпуса Института экономики сельского хозяйства [Илл. 4.11].

Активная фаза строительства городка началась в 1972 г. и закончилась с началом 1990-х гг. Не все из запланированного было построено — с начала 1980-х гг. процесс оказался заторможен. Например, в научной зоне не были возведены здания Президиума и вычислительного центра, а в общегородском центре не построены культурный центр и гостиница. Тем не менее были сданы шесть институтов и блоки кооперированной инфраструктуры (столовая, библиотека, блок залов и др.), в жилой зоне построены полтора микрорайона с обслуживанием нижних уровней, а также общегородской торговый центр и Дом связи. Частично реализован был и проект монументального оформления городка — установлена стела со скульптурой возле общественно-торгового центра микрорайона, украшены мозаичными панно остановки общественного транспорта, фасады блока столовой и интерьеры блока залов. Большое внимание было уделено благоустройству и озе-

³⁹⁶ Чупахина Л. Центр культуры научного городка СО ВАСХНИЛ // Проектирование научных комплексов Сибири. М., 1982. С. 53–58.

ленению: детские игровые комплексы научного городка изобилуют оригинальностью и разнообразием малых архитектурных форм из металла, железобетона и дерева.

Выполненный в начале 1970-х гг. проект научного городка СО ВАСХНИЛ практически сразу начал осуществляться. Никаких существенных корректировок в него в последующие годы не вносили, постепенно реализуя все задуманное. В этом отношении история проекта резко выделяется на фоне других научных центров, являющихся палимпсестом из частично реализованных фрагментов замыслов разных лет и авторов. Во многом это можно назвать заслугой гибкости, заложенной в концепцию. Причем гибкость наполнения зданий НИИ была испытана уже на этапе строительства, когда в построенном первом Институте химизации сельского хозяйства размещались поначалу все остальные учреждения СО ВАСХНИЛ³⁹⁷.

Яркость градостроительного образа в данном случае не шла в ущерб, а буквально вырастала из обеспечения наиболее удобного и эффективного решения целого ряда проблем. Даже зачастую бывшее по качеству проектов и заставлявшее советских архитекторов идти на компромисс требование индустриализации строительства в данном случае авторы подчинили своему замыслу и заставили играть на пользу концепции комплекса и его ансамблевой целостности.

Проект научного городка СО ВАСХНИЛ был размещен на обложке февральского номера «Архитектуры СССР» за 1976 г., а в 1985 г. его авторы получили Государственную премию СССР в области архитектуры. Уникальность научного городка СО ВАСХНИЛ трудно переоценить: ни один из родственных ему зарубежных проектов не мог похвастаться столь обширной иерархией пространственных модулей, но главное — столь высокой степенью реализованности замысла. В университете Лафборо по описанному мастерплану было возведено не так много зданий, при этом их фасады решены в разных материалах и не считаются как единый ансамбль.

³⁹⁷ Карпов А., Панфиль А., Платонов Ю. Научный центр и жилой район СО ВАСХНИЛ // Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 22.

Советский проект следует рассматривать и вне контекста проектирования научных комплексов, ставя идею модульно-регуляционной системы в один ряд с утопическими замыслами японских метаболистов или британского объединения «Аркигрэм». Специфика работы ГИПРОНИИ вновь, как и в начале 1950-х гг., заставила архитекторов института оказаться на острие профессиональных исканий — на этот раз уже не только внутрисоветских, но общемировых трендов. Модернистская предопределенность, ломавшаяся о стремительное и непредсказуемое развитие науки, уступила место поиску гибких решений.

В порядке сравнения можно привести пример Л.Н. Павлова, который стремился подчинить архитектуру своих зданий вычислительных центров (Главный вычислительный центр Госплана СССР, Центральный экономико-математический институт АН СССР) абстрактным модулям³⁹⁸. Их параметры в соответствии с духом времени архитектор привязывал к космическим величинам (диаметру и длине окружности Земли), а соотношения, будучи учеником И.В. Жолтовского, выверял в соответствии с правилами золотого сечения. Модернистская вера в предопределенность и неизменность сценария использования привела к тому, что здания постигла участь, известная архитекторам ГИПРОНИИ еще с 1950-х гг.: пока они строились (в случае Центрального экономико-математического института процесс растянулся более чем на десятилетие), технологии значительно ушли вперед, и заложенные в соответствии с заданием на проектирование соотношения площадей оказались неактуальны, потребовав переоборудования помещений, предназначенных для размещения гигантских электронно-вычислительных машин, под кабинеты для людей.

Городок СО ВАСХНИЛ, ныне Краснообск, можно назвать реализованной утопией: проект не ограничивал сценарии развития, лишь задавая им рамки модульной системой. Авторы не предусмотрели, пожалуй, только возможности сжа-

³⁹⁸ Леонид Павлов. М., 2015. С. 188–207.

тия³⁹⁹, которое логично было бы осуществить по мере уменьшения числа сотрудников в НИИ с начала 1990-х гг.

4.2 Сложение локальных особенностей в проектировании подмосковных научных центров

К началу 1970-х гг. ГИПРОНИИ заработал репутацию «элитного» и «неприкосновенного» проектного института⁴⁰⁰, в котором у архитекторов были реальные возможности для реализации творческого потенциала. Действительно, подобной связкой в виде подчиненных одному заказчику проектной и строительной организаций, способных своими силами создавать города, обладало кроме Академии наук, пожалуй, только Министерство среднего машиностроения. Однако работы проектных организаций этого министерства, несмотря на их высочайшее по советским меркам качество и степень реализации, в основном были засекречены⁴⁰¹.

Поэтому наряду с московскими мастерскими ГИПРОНИИ талантливых архитекторов привлекала работа и в проектных группах мастерской № 3 в Черноголовке и мастерской № 4 в Пущине⁴⁰². С годами они занимались все более широким спектром задач, в то же время росло и число их сотрудников. В результате в начале 1970-х гг. на их базе были сформированы самостоятельные мастерские № 7 и № 9. В них стали разрабатываться уже не только проекты отдельных объектов, но и новые генпланы. В то же время М.А. Щусев не хотел терять Красную Пахру из обоймы проектов руководимой им мастерской № 1 и всеми силами сопротивлялся

³⁹⁹ Разработка стратегий управляемого сжатия для городов с убывающим населением — одно из актуальных направлений в современном градостроительстве, применяемом в том числе на постсоветском пространстве (пример — Воркута).

⁴⁰⁰ Боков А.В. «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского десятилетия. М., 2024. С. 26, 39.

⁴⁰¹ Лысая Д.А. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 3 (40). С. 185–187.

Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // *LABYRINTH*. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

⁴⁰² Антипин К.С. Интервью с Владимиром Банитом // *Проект Байкал*. 2020. № 17(64). С. 101.

подобным процессам, из-за чего проектирование общественных зданий в научном центре значительно отставало от темпов строительства жилья⁴⁰³.

Пушино

Ключевая роль в градостроительном проектировании Пушкина с начала 1970-х гг. принадлежала В.С. Воронежскому, приехавшему в научный центр после десяти лет работы в Иркутске: за его плечами было множество генпланов городов и поселков Иркутской области, а также районов Иркутска⁴⁰⁴. В Пушкине он вскоре занял должность руководителя мастерской № 9 ГИПРОНИИ, однако уже через год оставил ее, передав административную работу коллеге-инженеру и продолжив творческое руководство с позиции главного архитектора мастерской [Схема 4]. Под его руководством началась разработка нового проекта детальной планировки с эскизом застройки научного центра.

Застройка Пушкина в начале 1970-х гг. подступала к горизонтам планирования прошлых лет. В научной зоне оставались лишь две полноценные площадки под институты — за ними почти вплотную к зеленой зоне подходила территория станции ФИАН. В 1965 г. ученые института провели исследования и выяснили, что крестообразный радиотелескоп особенно чувствителен к радиопомехам на севере от него⁴⁰⁵, так что внезапные ограничения возникли и для развития жилой зоны. В результате казавшуюся изначально неисчерпаемой линейную схему пространственно-функционального зонирования пришлось пересмотреть [Илл. 4.12]: полоса зеленой зоны делала изгиб по направлению к реке, и через возникающий излом город симметрично отражался таким образом, что жилая зона в его новой половине оказывалась расположена с южной стороны, а научная — на севере. Место излома города обрело значение его восточного подцентра, а в противовес

⁴⁰³ Из личной беседы с архитектором В.Н. Банитом, занимавшимся проектированием научного центра в Красной Пахре

⁴⁰⁴ *Антипин К.С.* Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 88–97.

⁴⁰⁵ Обращение ФИАН к уполномоченному Президиума АН СССР по строительству К.Н. Чернопятову и директору ГИПРОНИИ АН СССР Б.А. Савельеву // Документ из семейного архива Воронежских

начало зеленой зоны теперь превращалось в западный. Оба подцентра были обозначены круглыми площадями [Илл. 4.13].

Расположенный у въезда в Пущино холм, который лучше всего просматривался со стороны Оки, архитекторы стремились застроить наиболее выразительным образом. Несмотря на значительный рост проектной территории города, микрорайон «АБ» с высотной доминантой у начала зеленой зоны все еще мыслился ключевым ансамблем в его застройке. На месте 18-20-этажного дома-«трехлистника» возник сложный комплекс, составленный из трех Г-образных жилых корпусов с разновысокими «крыльями» — композиция из них была поставлена на стилобат с общественным центром высотой в несколько этажей. О значении, которое придавали этому объекту архитекторы, говорит тот факт, что он как часть центра города был обозначен на схеме развития Пущина [Илл. 4.12], где в остальном присутствуют лишь очертания функциональных зон и микрорайонов. То есть положение высотной доминанты закрепилось в числе самых важных и верхнеуровневых градостроительных решений наряду с общей структурой ленточной застройки города и осью главной площади с Домом ученых — еще одним, хоть и не менявшим функции и положения, но многострадальным объектом, который так и не был реализован.

Если прежде городскую доминанту поддерживал ритм девятиэтажных домов вдоль проспекта Науки, то в новом проекте над ними возвышались второй и третий ряды башен высотой 14 и 16 этажей. Так архитекторы стремились подчеркнуть природный рельеф застраиваемого участка, скрадывающийся при плотной монотонной застройке. Вот как проект описывал его главный архитектор — В.С. Воронежский:

«В объемно-пространственном и художественном отношении проектом ставится задача создания образа кремля, венчающего высокий Пущинский холм. Этому способствует и необходимость учета природно-климатических данных /высота места, отсутствие леса, сильные ветры зимой и в межсезонье/. Поэтому застройка жилой зоны запроектирована в виде уютных жилых групп, защищенных от ветра, но выходящих в сторону Оки и зоны отдыха широкими полосами — бульварами, обеспечивающих широту обзора высоких долей.

Застройка предполагается 3-4-9-этажная по бровке Окского склона и 14-16-этажная на вершине

холма, где поставлен главный вертикальный акцент города 20-25-этажное здание для приезжающих ученых. Этот акцент символизирует въезд в город и влангирует улицу города — проспект Науки с эксплонадой зеленой зоны»⁴⁰⁶.

Силуэт кремля в новом проекте действительно вырисовывался отчетливо: стена девятиэтажных домов, поднимавшихся по бровке холма и обрамлявших периметр микрорайона, ритмично прерывалась 16-этажными башнями. Композиция задавала внушительный образ русской крепости и, что особенно важно, рождалась как собственное, а не заимствованное решение. Символическая связь с историей — будь то разобранный в 1930-е гг. Серпуховский кремль, находившийся в десяти километрах выше по течению Оки, или обобщенный образ русского города с кремлем (с учетом настойчивого выбора архитекторами именно красного кирпича, а также ярко выраженного рельефа, ближе всего по образу оказывается Нижний Новгород) — стала ядром авторской концепции, весьма неожиданной в контексте проектирования нового научного центра.

Хотя подобный прием несколько раньше был принят при застройке гребня высокого берега Оки в Горьком, там это решение было продиктовано прямым соседством нового микрорайона с башнями и стенами местного кремля. Устремленность советских архитекторов в поисках идей в прошлое — характерная тенденция для 1970–1980-х гг. Пока она выражалась лишь таким весьма абстрактным образом, напрямую не влияя ни на архитектуру зданий, ни на общие подходы к организации городской среды, так что говорить о постмодернизме не приходится. В то же время, несмотря на обращение взгляда архитекторов в абстрактное «большое» прошлое, единственный исторический памятник на территории города — усадьба Пущино-на-Оке — какого-либо градостроительного акцентирования не получила, оставшись в роли чего-то вроде архитектурного каприза в пейзажных парках конца XVIII в.

Внимание и бережное отношение не к исторической среде, но к отдельным памятникам было характерно и для 1960-х гг. Однако они зачастую становились своего рода «трофеями» модернистских ансамблей, выступая выразительными

⁴⁰⁶ Описание проекта детальной планировки Пущина // Документ из семейного архива Воронезских

акцентами на их фоне, но занимая подчеркнуто подчиненное положение по отношению к ним (примеры — церковь Симеона Столпника на проспекте Калинина, храмы Зарядья у гостиницы «Россия»). Подчинение же застройки микрорайона на образном уровне идее уподобления кремлю — это шаг совсем в ином направлении, демонстрирующий отказ в данном случае от прежней парадигмы понимания задач современной архитектуры. Этот поворот, неожиданный для практики ГИПРОНИИ, становился понятным, если учесть биографии авторов концепции — Е.А. Архипова и В.С. Воронежского.

Е.А. Архипов по окончании МАИ (с 1970 г. — МАРХИ) в 1951 г. занимался реставрацией памятников архитектуры во Владимире, а впоследствии в 1980-е гг. занялся и пушкинской усадьбой, по его проекту даже началось ее приспособление⁴⁰⁷. В.С. Воронежский приехал в Пушкино в 1970 г. после десяти лет работы в Иркутске. В числе его проектов — культурный центр города, состоящий из ряда крупных общественных зданий, в том числе музыкального театра на 1000 зрителей. При рассмотрении вариантов форпроекта комплекса можно заметить перелом автора в отношении к историческому памятнику сибирского барокко — Крестовоздвиженской церкви. В первых двух вариантах внешняя сторона ансамбля, обращенная к ней, компоновалась из простых крупных форм, контрастирующих с ее барочной архитектурой. В последнем же варианте, выполненном позднее, наоборот, была совершена попытка сгладить конфликт: комплекс отступил дальше от храма, оставив возле него буферную зону с сохраненной деревянной застройкой, а фасады соседствующих с ним новых зданий получили более мелкое членение, приближенное по масштабу к деталям церкви⁴⁰⁸.

В.С. Воронежский был одноклассником А.Э. Гутнова и посещал в начале учебы организованный им кружок и, по воспоминаниям архитектора Е.Б. Пхора, даже был автором термина «новый элемент расселения» — НЭР⁴⁰⁹. Тем не менее

⁴⁰⁷ Архипов Евгений Александрович // МБУК «Центральная библиотека» г.о. Пушкино. URL: <https://библиотекапушино.рф/index.php/kniga-pocheta/176-arkhipov-evgenij-aleksandrovich>

⁴⁰⁸ Антипин К.С. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 93.

⁴⁰⁹ Из беседы с архитектором Е.Б. Пхором, одноклассником и коллегой В.С. Воронежского

на последних курсах их пути разошлись: НЭРовцы занимались теоретическими изысканиями, а В.С. Воронежский с еще семью однокурсниками хотели применять свои идеи на практике и в результате добились коллективного распределения в Иркутск, где в последующие годы исполнили свои мечты⁴¹⁰. В конце 1960-х гг. Воронежский, работая над проектом нового жилого района в Иркутске, создал концепцию Байкальского луча — трассы, пронзающей новые жилые микрорайоны, располагающиеся на полуостровах вдоль берега Ангары. Таким образом Иркутск устремлялся к Байкалу, не концентрируясь в историческом центре, а оставляя его одним из звеньев в длинной цепочке линейного города, на которую в противоположном направлении нанизывались также Ангарск, Черемхово и прочие города вдоль Транссиба. Идейно эта концепция была близка руслу расселения, представленному группой НЭР на Миланской триеннале 1968 г.

В 1975–1976 гг. был выполнен новый проект детальной планировки Пуштина [Илл. 4.14]. В нем при сохранении общей оси две части города в виде спиралей фокусировались на западном и восточном подцентрах — наподобие концепции НЭР для Всемирной выставки в Осаке 1970 г. [Илл. 4.15]. То есть влияние однокурсников на творчество друг друга продолжалось в течение долгих лет.

Высотное ядро застройки микрорайона «АБ» в новом эскизе застройки сохранило прежнюю структуру. Поменялись местами ряды 14- и 16-этажных жилых домов, стоявших раньше по возрастанию за девятиэтажными вдоль проспекта Науки. За счет этого усиливался контраст в восприятии их высоты со стороны зеленой зоны и въезда в город, а силуэт холма со стороны реки, наоборот, становился более плавным. От явного уподобления микрорайона кремлю с закрытым периметром, сформированным стеной из домов, архитекторы ушли в сторону более взвешенного образного решения. Башни по периметру остались, но промежутки между ними по бровке холма теперь занимали блокированные 2-3-этажные дома. Основная же масса объемов была сосредоточена в радиальных направлениях, расходящихся от неизменного центра в виде высотного комплекса у начала проспекта Науки. Это, с одной стороны, также работало на акцентирование рельефа, а с дру-

⁴¹⁰ Антипин К.С. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 88–97.

гой — открывало дворы с выразительными фасадами каскадных домов окским далям. В выполненных В.С. Воронежским многочисленных эскизах планировки микрорайона «АБ» примечательна их непривычная на фоне «официальных» генпланов ориентация: севером книзу. Архитектор много внимания уделял речному фасаду города, ключевую роль в формировании которого должна была сыграть застройка этой территории, поэтому такой переворот логичен.

Главная высотная доминанта в очередном проекте получила новое решение: отказавшись от идеи организации круглых площадей у городских подцентров, архитекторы объединили две ранее соседствовавшие на плане фигуры и придали торговому стилобату жилого комплекса форму круга [Илл. 4.14]. Сам комплекс теперь представлял собой пересечение трех разновысоких пластин: самая длинная из них стояла перпендикулярно проспекту Науки, симметрично его оси; две другие со смещением к северу пересекали первую, асимметрично выступая на запад и на восток. В экспликации к эскизу застройки торговый стилобат обозначен как одноэтажный, а высота «крупнопанельного жилого дома» — 16-22 этажа. На деле же архитекторы явно намечали большее: на развертках фасадов со стороны Оки и проспекта Науки комплекс более чем вдвое превышал высоту 16-этажных башен, стоящих по соседству [Илл. 4.16]. Стилобат имел бы высоту около семи этажей, а гигантские пластины жилого комплекса опирались не прямо на него, а стояли на колоннах, так что между ними образовывался горизонтальный просвет. Таким же просветом архитекторы разделили огромные жилые пластины где-то на трех четвертях их высоты. Этот прием, при сохранении выразительности и монументальности образа, несколько облегчал грузный характер объемной композиции высотной доминанты, добавляя ей устремленности к небу⁴¹¹. До конца 1980-х гг. работа по регулярному переосмыслению отдельных архитектурных и общих градостроительных решений продолжалась при неизменном сохранении положения и общего образа ключевой доминанты, найденного в первой половине 1970-х гг.

⁴¹¹ Подробнее об образе высотной доминанты, его трансформациях и вариациях см. Антипин К.С. Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов // *Философия и культура*. 2024. № 6. С. 11–37.

В первой половине 1970-х гг. в Пущине было построено здание гостиницы [Илл. 4.17] — длинная прямоугольная пластина, увенчанная башенкой лифтового-лестничного узла с краю. Фасады из желтого кирпича почти целиком перекрыты рядами разделенных перегородками балконов. Добавляет изящества зданию сплошное витражное остекление лестницы во всю высоту здания — эта вертикальная лента наверху сливается с горизонтальным панорамным остеклением технического этажа башенки, над которым «парит» кирпичный объем с грузным металлическим рельефом-надписью «гостиница Пущино». Столь лаконичный и даже аскетичный образ — по всей видимости, следствие долгой истории проектирования, начавшейся еще в 1966 г.⁴¹² При этом гостиница должна была стыковаться с таким же по архитектуре домом гостиничного типа для более длительного проживания советских и иностранных ученых, приезжавших работать в научный центр. Отложенное на следующую очередь строительство осуществлено не было, но с противоположной стороны к гостинице почти сразу был пристроен блок с рестораном. Спроектированный явно позже, он контрастирует с основным зданием — в первую очередь, белокаменной облицовкой, но также и сложной пластикой фасадов. Прямоугольный объем с пристроенной к одному из фасадов башенкой лестницы на уровне второго этажа имел подсечку — стеклянный параллелепипед ресторана оказался окружен своего рода гульбищем и накрыт сверху массивной каменной «шапкой».

В середине 1970-х гг. в Пущине в рекреационной зоне у Оки решили построить музыкальную школу⁴¹³. При привязке типового проекта В.М. Аптекман (жена В.С. Воронежского) и С.Е. Барышников, вписывая здание в уклон окского берега, организовали перед ним площадь с амфитеатром [Илл. 4.18]. Внеся изменения в проект, архитекторы организовали на углу здания большой балкон с лестницей, который мог служить сценой при проведении уличных концертов. Композиция этих элементов со скругленными углами, опирающихся на вертикальную пластину, придала зданию выразительный индивидуальный характер. Типовой проект состоял лишь из двух прямоугольных объемов, почти лишенных какой-либо пла-

⁴¹² Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1225. Л. 15.

⁴¹³ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы В.М. Аптекман, С.Е. Барышников

стики. В перспективе рядом с музыкальной школой планировалось возвести станцию юных техников, но этот план осуществлен не был.

Работа над градостроительной концепцией Пущино фактически шла непрерывно. При проектировании в мастерской отдельных архитектурных объектов они обязательно рассматривались в увязке с окружающей застройкой — архитекторы перебирали массу вариантов, чтобы найти лучшее решение, иногда противоречащее более ранним представлениям и меняющее их. Так, в конце 1970-х гг., детализируя решения, заложенные в проект детальной планировки и эскиз застройки, пущинские архитекторы разработали проект северо-восточной части микрорайона «АБ» [Илл. 4.19] — с юга она граничила с внутримикрорайонным бульваром, с севера и востока проходила дорога и начиналась рекреационная зона, с запада стояла экспериментальная школа. И если в проекте 1976 г. [Илл. 4.14] вдоль северо-западной границы микрорайона планировалось выстроить по индивидуальному проекту ряд двухэтажных коттеджей для ученых, то теперь их место отдали под четыре девятиэтажных башни. В остальном архитекторы постарались соблюсти концепцию эскиза застройки, по которой в микрорайоне должны были стоять девятиэтажные террасные дома.

Конечно, архитекторы, вынужденные применять типовые проекты, отказались от террас: один дом был построен по уже неоднократно применявшемуся в городе переработанному проекту II-29, еще три — по проекту II-29-160 (с квартирами для малосемейных), который был столь же радикально преобразен: архитекторы добавили краснокирпичным фасадам контрфорсы, между которыми были расположены лоджии, а образованные ими ризалиты в верхней части оформили циркульными нишами и такую же форму придали окнам на торцах [Илл. 4.20].

Для новых территорий, не ограниченных заданными в начале 1960-х гг. границами микрорайонов, архитекторы 1970-х гг. избрали совсем иной градостроительный масштаб, так что площадь нового микрорайона «Д» оказалась сопоставима со всем существующим городом [Илл. 4.14]. Его застройка пока что была намечена лишь абстрактными контурами. Вместе с тем фоном для чертежа,ступающим на свободных его участках, служила квадратная сетка с интервалом около 100 м. Часть застройки микрорайона «Д» была сформирована из секций,

пересекающихся под прямым углом в узлах сетки, напоминая структуру образцово-перспективного жилого района Чертаново Северное, целиком скомпонованного из нескольких изгибающихся и разветвляющихся в плане жилых домов⁴¹⁴.

Красная Пахра (Троицк)

После принятия во второй половине 1960-х гг. решения о развитии научного центра в Красной Пахре в северном направлении — на территории поселка Троицкого — его проектирование в течение нескольких лет происходило в уникальном тандеме институтов ГИПРОНИИ и Мосгражданпроекта. Дело в том, что проектирование Троицкого, как и большинства других населенных пунктов Московской области за пределами Лесопаркового защитного пояса Москвы, находилось в ведении институтов системы ГлавАПУ Мособлисполкома, каковым был Мосгражданпроект. До конца 1960-х гг. развитие поселка шло своим чередом в интересах находящейся там камвольной фабрики, и мастерская № 4 Мосгражданпроекта занималась проектированием жилья для ее работников. После согласования генплана научного центра, наделившего поселок ролью Северного жилого района, Мосгражданпроект продолжил проектирование его застройки, в то время как ГИПРОНИИ, оставаясь генеральным проектировщиком, сосредоточил внимание на южной.

Так, в 1970 г. мастерская № 4 Мосгражданпроекта представила проект детальной планировки Северного жилого района [Илл. 4.21]. Ограниченная с севера рекой Десной, а с запада — намеченным к обводнению оврагом, его территория разбивалась на четыре микрорайона с населением 4-5 тысяч жителей в каждом. В широтном направлении район пересекал коридор высоковольтных ЛЭП, который архитекторы предложили превратить в сад при сохранении исходной функции. Перпендикулярно ему от Десны в направлении Южного района был намечен широкий бульвар, на пересечении которого с внутригородской магистралью организовывался общественный центр. Застройку в основном предполагалось вести протяженными девятиэтажными жилыми домами с включением небольшого количества 12- и 16-этажных для акцентирования общественного центра и придания вы-

⁴¹⁴ Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И. Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 269–274.

разительности силуэту с основных видовых точек. К 1971 г. проект был скорректирован: проходящий в центре района бульвар получил изгиб, и стали явно выражены контуры уже не четырех, а только трех микрорайонов [Илл. 4.22].

Параллельно в мастерской № 1 ГИПРОНИИ велась работа над Южным районом академгородка. Поскольку он во многом уже существовал, проектирование сосредоточилось на общественном центре и микрорайоне «Б». Намечалось дополнить несколькими домами строящуюся по проекту 1969 г. [Илл. 3.50] жилую группу, а вторую составить из высотных домов вдоль ведущей к Северному району улицы, оставив внутри микрорайона небольшой участок нетронутого леса [Илл. 4.23].

После утверждения генпланов Южного и Северного районов дальнейшей разработкой проектов отдельных микрорайонов в обеих частях города занялась уже без участия Мосгражданпроекта мастерская № 1 ГИПРОНИИ. К 1973 г. были созданы проекты застройки микрорайонов «Б» и «В». И если второй [Илл. 4.24] лишь детализировал решения, ранее принятые на более высоком градостроительном уровне, то создание первого стало важным прецедентом, во многом повлиявшим на все дальнейшее проектирование научного центра. Если среди авторов градостроительных проектов предыдущих лет всегда оставался неизменным костяк из архитекторов Г.И. Николаевой и Н.В. Куприянова, то к решению данной задачи руководитель мастерской № 1 ГИПРОНИИ М.А. Щусев привлек полностью новый коллектив из молодых авторов. В результате ими была найдена такая конфигурация жилых домов, «которая позволяла сохранить между ними очаги нетронутого леса»⁴¹⁵ [Илл. 4.25]. Архитекторы применили периметральный принцип застройки, заключив в ее контур участок леса и выведя здание школы и комплекс общественного центра за него. Кроме того, авторы пронзили микрорайон пешеходным бульваром, проложив по существующей лесной просеке. В перспективе предполагалось продлить его сквозь лес до Северного района и создать дополнительную пешеходную артерию, альтернативную шумной улице с движением автотранспорта.

⁴¹⁵ Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-banit> (дата обращения: 25.05.2022)

Впоследствии проект застройки микрорайона «Б» по мере проектирования и строительства отдельных объектов уточнялся и корректировался. В частности, менялись положение и проекты детских садов, расположенных внутри микрорайона посреди сохраняемого леса. Вместо проекта детского сада-яслей на 320 мест, разработанного ЦНИИЭП учебных зданий для Тольятти и Набережных Челнов, авторы решили повторно применить другой проект того же института, реализованный впервые в Черноголовке. По первому проекту был построен один из трех детских садов в микрорайоне — при этом характерно то, что изначально разработанные под строительство в каркасно-панельных конструкциях проекты в подмосковных научных центрах осуществлялись в кирпичном исполнении.

От ранее намеченного строительства девятиэтажных башен по проекту, разработанному в Черноголовке, в 1970-е гг. отказались. По соседству с тремя построенными домами авторы расположили в ряд три 16-этажных каркасно-панельных башни⁴¹⁶ — их проект К7/16 был разработан для кооперативного строительства в Моспроекте-1 на базе вводившегося в то время в столице Единого каталога индустриальных изделий⁴¹⁷. По проекту 1973 г. авторы задумали разместить в микрорайоне «Б» около десятка таких домов, а основной периметр вокруг леса в центре складывался из панельных 12-этажных домов московской серии П-57А. Именно строительство последних велось на протяжении 1970-х гг., в то время как к строительству башен приступили лишь в 1980-е гг.

Школу планировали возводить по повторно применяемому проекту на 2300 учеников⁴¹⁸ — небывалый по тем временам масштаб, «оправданный» общей численностью населения микрорайона в 12 тысяч человек и желанием максимально уплотнить застройку с целью сохранения леса. Образовательным учреждениям уделялось большое внимание во всех научных центрах. Как было отмечено, специально для Черноголовки ЦНИИЭП учебных зданий разработал в 1972 г. проект детского сада на 320 мест, который затем стали применять и в Красной Пахре.

⁴¹⁶ Мастерская № 10 Моспроекта-1, архитекторы Е.П. Вулых, Д. Сорокин, Е. Асиновская

⁴¹⁷ Вулых Е. Дома для кооперативного строительства // Строительство и архитектура Москвы. 1970. № 2. С. 17–20.

⁴¹⁸ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1896. Л. 42.

Также еще в конце 1960-х гг. этот институт разработал два проекта экспериментальных школ — для Черноголовки и Пущина. В 1973 г. ЦНИИЭП учебных зданий подготовил техно-рабочий проект строительства школы и в микрорайоне «Б» Научного центра в Красной Пахре, однако ее строительство отставало. Лишь в 1976 г., когда было создано Управление уполномоченного Президиума АН СССР по эксплуатации и строительству научного центра в Красной Пахре, в нем наконец была организована своя мастерская ГИПРОНИИ, получившая № 11 [Схема 3]. Возглавил ее руководивший ранее проектированием микрорайона «Б» архитектор В.Н. Банит. С этого момента и там началась работа над образовательными учреждениями: вместо планировавшегося ранее применения проекта школы на 2300 мест строители привезли на площадку комплект крупных железобетонных блоков для типового проекта. С трудом удалось добиться разрешения на создание индивидуального проекта, однако его предписали выполнять с использованием имеющихся материалов от типового и с той же емкостью в 1176 мест. Комплекс состоял из трех окружающих площадь и соединенных воздушными переходами объемов, а также отстоящего от них, но соединенного переходом здания бассейна [Илл. 4.26]. Фасады школы во многом напоминали типовой проект, для которого предназначались крупные блоки, однако отдельные объемы вроде вынесенных лестниц и бассейна были возведены из красного кирпича и придавали зданию индивидуальности, связывая с другими кирпичными объектами в микрорайоне.

Кроме типового жилья в самом конце 1970-х гг. в микрорайоне «Б» был возведен общественный центр. Взяв за основу типовой проект № 274-31-45 [Илл. 4.27], архитекторы мастерской № 11 переработали его фасады: для фасадов использовали желтый лицевой кирпич, вместо вертикальных членений они были прорезаны двумя рядами квадратных окон, обрамленных бетонными наличниками. К одному из блоков был пристроен глухой округлый объем лестницы [Илл. 4.28].

В.Н. Банит после окончания МАИ в 1968 г. был распределен в Иркутск, где работал в одном проектно-институте с В.С. Воронежским, а через год после его отъезда в Пущино тоже вернулся из Сибири и устроился в ГИПРОНИИ, где попал в мастерскую № 1 М.А. Щусева и сперва занимался проектированием поселка при

Институте биологии внутренних вод Борок в Ярославской области, а затем — Красной Пахрой. Еще на генеральном плане Научного центра 1972 г. [Илл. 4.23] можно было заметить значительный рост зоны НИИ на север со стороны площадки ФИАН. Дело в том, что в 1970 г. в системе АН СССР был создан Институт ядерных исследований, разместить который было решено здесь же — среди других физических институтов⁴¹⁹. В.Н. Баниту и руководимой им мастерской № 11 ГИПРОНИИ поручили создание очередного генерального плана, учитывающего значительный рост территории научной зоны в свете перспектив строительства нескольких ускорителей разных типов.

При первом взгляде результат этой работы поражает размахом замысла [Илл. 4.29]: охватываемая научным центром территория увеличилась в несколько раз, новая территория НИИ получила строгое параллельное зонирование, а за ее пределы были вынесены кольца ускорителей диаметрами до нескольких километров. Весь генплан был положен на ортогональную сетку с модулями трех масштабов (предположительно 36, 144 и 576 м), которой были строго подчинены границы микрорайонов в жилой зоне, застройка научной, а также трассировка главных внутригородских магистралей.

Кроме научных исследований здесь же в Красной Пахре предполагалось развить и наукоемкое производство. Не забыли архитекторы и об идее организации при научном центре высшего учебного заведения, впервые обозначенного на генплане еще в середине 1960-х гг. Так студенты могли бы принимать участие в научных исследованиях, а ученые внедрять инновации в производство. Эту концепцию В.Н. Банит выработал совместно с М.А. Лаврентьевым⁴²⁰, когда занимался проектированием Левобережной части Иркутска, где располагался академгородок Восточно-Сибирского филиала СО АН СССР и комплекс университета. Архитектор предлагал связать их единым градостроительным замыслом, превратив в на-

⁴¹⁹ Малимонова Л.В., Мигава А.А. Троицк, его историческое прошлое и настоящее. М., 1991. С. 12–13.

⁴²⁰ Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-banit>

учно-учебный комплекс⁴²¹. Но в полной мере идея была воплощена лишь в Новосибирском Академгородке: университет был размещен в нем еще на этапе первоочередного строительства, а в 1966 г. М.А. Лаврентьев добился выделения вблизи городка дополнительной территории для строительства «пояса внедрения» — конструкторских бюро и производственных предприятий, на которых бы реализовывался прикладной потенциал научных исследований, проводимых в институтах, занимавшихся фундаментальной наукой⁴²².

Казавшийся ранее бесконечным лес между Южным и Северным жилыми районами теперь оказался в центре генплана, ограниченный со всех сторон. Авторы наделили его рекреационной и одновременно защитной функциями. Однако при всей масштабности изменений границы селитебной территории оставались неизменными и потому население города в данном проекте существенно не менялось — с учетом развития существующих учреждений научного центра предусматривалось 40 тысяч человек⁴²³, что постепенно исчерпывало заложенные ранее резервы.

Над поиском направлений дальнейшего роста города коллектив под руководством В.Н. Банита продолжил раздумывать в последующие годы. Родилось два альтернативных варианта: открытый — с потенциально бесконечным развитием в виде параллельных научной и селитебной зон, уходящих на северо-запад перпендикулярно Калужскому шоссе; замкнутый — с симметричным отражением научной зоны на запад и обходом ее с севера жилыми районами в виде полукольца [Илл. 4.30]. Выбор остановили на первом варианте, дававшем больше гибкости в отношении научной зоны, со всех сторон ограничиваемой во втором.

Однако прежде чем начинать застройку новых территорий, нужно было исчерпать все резервы имевшейся. Так, в конце 1970-х гг. архитекторы ГИПРОНИИ вернулись к идее объединения двух жилых районов посредством застройки части леса между ними группами многоэтажных домов [Илл. 4.31]. В отличие от от-

⁴²¹ Банит В., Силинский П. Иркутский проект. Точка на карте науки // Правда. 1972. № 34 (19542), 3 февраля. С. 3.

⁴²² Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. С. 176–181.

⁴²³ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 9473. Л. 242.

вергнутого предложения старших коллег в 1968 г., спустя десятилетие в мастерской № 11 не стали чересчур обособлять жилые группы, заглубляя их в лес, а выстроили в непосредственной близости от магистрали. Здесь же были размещены детские сады и школа — эта полоса застройки получила статус микрорайона «Д». Всего на новом генплане [Илл. 4.32] было обозначено уже восемь микрорайонов: «А» и «Б» находились в Южном жилом районе, а «В», «Г», «Е», «Ж» и «З» — в Северном. Население каждого из них по аналогии со строившимся в тот момент микрорайоном «Б» стало составлять около десяти тысяч человек, чего должно было хватить на очень далекую перспективу, не исчерпанную до сих пор. Резервные же территории тянулись на северо-запад вдоль реки Десны.

В 1977 г. было принято решение о преобразовании Научного центра в Красной Пахре в город⁴²⁴. В 1967 г. Президиум обсуждал идею дать академгородку имя С.И. Вавилова, однако отложил это решение до «чего-то вроде открытия», чтобы «там собраться и присвоить»⁴²⁵. В результате по прошествии десяти лет научный центр получил название Троицк — от поглощенного поселка камвольной фабрики. Новый статус давал большие возможности для реализации предусмотренных генеральным планом объектов инфраструктуры, строительство которых тормозилось ограниченными поселковыми лимитами.

Черноголовка

Если творческое руководство мастерскими ГИПРОНИИ в Пущине и Троицке (Красной Пахре) в 1970-е гг. оказалось в руках молодых архитекторов-градостроителей В.С. Воронежского и В.Н. Банита, возглавивших работу над генпланами научных центров, то в Черноголовке эти роли оказались разделены. Возглавлявший еще проектную группу мастерской № 3 в Черноголовке с 1965 г. архитектор В.А. Толмачев после ее преобразования в самостоятельную комплексную проект-

⁴²⁴Решение Исполкома Мособлсовета от 17 февраля 1977 г. № 236 «О преобразовании рабочего поселка Троицкий Подольского района Московской области в город областного подчинения» // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 9473. Л. 240–244; Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 марта 1977 г. «О преобразовании рабочего поселка Троицкий Подольского района Московской области в город областного подчинения» // Отдел архивных документов администрации г.о. Троицк. Ф. 2. Оп. 1. Д. 279.

⁴²⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 605. Л. 181.

ную мастерскую № 7 ГИПРОНИИ в 1970 г. сохранил свою позицию, но пригласил на работу архитектора А.А. Лемзякова — специалиста по градостроительству, работавшего в московской мастерской № 1⁴²⁶. Ему в 1974 г. было поручено возглавить разработку архитектурно-градостроительных решений: генерального плана, проектов планировки и застройки микрорайонов и общегородского центра.

Черноголовка из трех подмосковных научных центров АН СССР развивалась с момента обретения этого статуса в 1962 г. наиболее органично: заложенная в генплан 1963 г. [Илл. 3.17] структура не встречала никаких препятствий при дальнейшем проектировании. Но в отличие от Красной Пахры, где в конце 1960-х гг. был завершен микрорайон «А» и активно строились «Б» и «В», а также от Пущина, где три микрорайона возводились параллельно, в Черноголовке продолжалось строительство «А» и лишь начиналось в «Б», а до намеченных на генплане 1963 г. микрорайонов «В», «Г», «Д» и «Е» было еще далеко. Под руководством А.А. Лемзякова генплан и порядок освоения территорий спустя более чем десятилетие были пересмотрены [Илл. 4.33]. Поскольку улично-дорожная сеть и природные условия не ограничивали архитекторов, они увеличили размеры микрорайонов, следуя общим тенденциям в советском градостроительстве. Выросла и средняя этажность возводимых домов, так что микрорайон «Б», рассчитанный по проекту 1963 г. на 9680 жителей, теперь планировался уже на 13,5 тысяч. После завершения его строительства авторы предложили перешагнуть на другую сторону реки Черноголовки и возвести там вместо ранее предполагавшихся двух один большой микрорайон «В» на 18 тысяч жителей, что почти вдвое превышало население научного центра в тот момент. Три микрорайона вместе с общегородским центром с северо-запада огибала ведущая к научной зоне объездная магистраль; за ней на далекую перспективу были намечены резервы для дальнейшего жилого строительства. Таким образом, задуманная в начале 1960-х гг. «открытой» градостроительная структура Черноголовки была пересмотрена в пользу более законченного и замкнутого варианта. Из-за этого ось внутримикрорайонного бульвара, ранее

⁴²⁶ «Мой самый удачный проект!» Владимир Алексеевич Толмачев — главный архитектор города 70-80-х годов // URL: <https://chgbiblio.ru/archives/43986>

уходившая на северо-запад сквозь череду микрорайонов, намеченных к строительству вдоль реки, была завернута к ней.

Ближайшей перспективой представлялась достройка последней жилой группы в микрорайоне «А», а также строительство жилой группы в «Б» — их возведение началось еще до утверждения проекта, первые дома были сданы в 1974–1975 гг. На рубеже 1960–1970-х гг. в Черноголовке, как и в других подмосковных научных центрах, обозначилось дифференцированное отношение к разным частям жилой зоны. Микрорайон «А» вдоль общегородского центра продолжали застраивать кирпичными жилыми домами, в то время как расположенный в глубине микрорайона «Б» участок отдали под панельные. Нетрудно понять, где жили семьи сотрудников институтов, а где — строителей и других не «градообразующих кадров». Разделение домов по типам было вызвано в том числе повышенными нормами жилплощади для ученых⁴²⁷ — для их обеспечения разрешалось применение домов серий с укрупненными квартирами, которые, в свою очередь, обладали большей архитектурной выразительностью. Сегрегация панельных и кирпичных домов, в свою очередь, оказывалась вызвана желанием архитекторов соблюсти цельность замысла: как в Пущине архитекторы берегли расположенный у въезда в город микрорайон «АБ», так в Черноголовке стремились составить фронт вдоль реки и общегородского центра из наиболее выразительных жилых групп. Но поскольку число ученых со степенью составляло небольшую долю даже среди сотрудников НИИ, то строительство таких оберегаемых градостроителями ансамблей растягивалось.

Существенно переработан был общегородской центр: если в проектах 1960-х гг. он представлял собой линейный комплекс с нанизанными на единый стилобат лапидарными объемами блоков с разными функциями, то теперь комплекс стал частью сложного плана по созданию ландшафтного парка в долине реки Черноголовке. В южной части, перетекающей в городской парк культуры и отдыха, по

⁴²⁷ К общей закладываемой в проекты научных центров норме 9–12 кв. м на человека прибавлялось по 20 кв. м на каждого научного работника с ученой степенью (ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1298. Л. 8; ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1636. Л. 29; ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1896. Л. 43).

берегам были размещены здания дома пионеров, школы эстетического воспитания и универсального спортивного корпуса; в месте пересечения речки главной общегородской магистралью над ними создавалась пространственная плита — площадь-форум, окруженная административными зданиями, Домом связи и библиотекой, в северной части заканчивалась конусообразным объемом Дома ученых, поднимающимся над прудом. За водоемом размещался комплекс спортивных сооружений со стадионом, катком, крытым и открытыми бассейнами. На берегу пруда также были расположены высотные здания гостиницы и дома гостиничного типа.

Как и в других подмосковных научных центрах, проект ключевого городского ансамбля в последующие годы регулярно обновлялся и видоизменялся при сохранении общего зонирования и композиции с акцентом в виде Дома ученых. После утверждения генерального плана в 1975 г. в мастерской № 7 приступили к разработке нового проекта детальной планировки Черноголовки. В нем в 1977 г. появился вариант общегородского центра с устройством гидропарка в южной его части: в запруженной речке Черноголовке архитекторы предложили создать группу искусственных островов в виде карты мира [Илл. 4.34–35]. Не теряющая популярности идея в таком же виде предлагалась, например, архитектором А.В. Власовым для Лужнецкой поймы в проекте реконструкции ПККиО им. Горького в 1935 г., а в несколько ином была реализована уже в XXI в. в Дубае (архипелаг Мир).

Кроме уточнения образа общегородского центра в ПДП был определен характер застройки основной части микрорайона «Б» — ее сформировали из концентрически поставленных протяженных жилых домов. Через середину микрорайона был проложен бульвар, ведущий от общегородского центра к научной зоне. К бульвару были, как в микрорайоне «А», обращены территории школ, а также здание микрорайонного центра. В центре была расположена группа высотных одноподъездных домов. Еще две группы башен были поставлены по углам микрорайона возле общегородского центра. Пережив небольшую корректировку [Илл. 4.35], этот проект стал осуществляться в части застройки южной жилой группы микрорайона «Б». В начале 1970-х гг. было построено также пять коттеджей для руководителей научного центра: три индивидуальных [Илл. 4.36] и два

сблокированных — на две семьи. Их архитектура чрезвычайно лапидарна: к кубическим двухэтажным объемам пристроен с угла одноэтажный объем гаража и входной группы. Здания получили плоскую кровлю, а фасады покрыты терразитовой штукатуркой.

В Черноголовке в 1970-е гг. продолжалось строительство и общественных зданий. Был построен по индивидуальному проекту общественный центр микрорайона «А» [Илл. 4.37]. Как и коттеджи, он получил довольно лапидарное архитектурное решение. Комплекс, вмещавший магазины, библиотеку, дом быта и прочие помещения, был скомпонован в единый квадратный кареобразный объем: хозяйственный двор с зоной разгрузки товаров был спрятан во внутреннем дворе здания, въезд в который осуществлялся через арку. Фасады здания выделяются на фоне типовых проектов предприятий обслуживания начала 1960-х гг. — авторы почти полностью отказались от витражного остекления и выполнили их в виде двух, местами прерывающихся, рядов квадратных окон. Сверху здание было накрыто толстой консольно нависающей «плитой» со скошенным краем, облицованной алюминиевым профлистом. С одного из фасадов один этаж был утоплен в рельеф, что упрощало доступ к расположенным наверху помещениям. С противоположной стороны к зданию был пристроен объем лестницы.

Общая черта проектов начала 1970-х гг. в Черноголовке — сохранение простоты объемов, присущей модернизму «оттепели», но при этом их «утяжеление», уход от идеи транспарентности фасада и перетекания окружающей среды в интерьер. Даже в здании спортивного комплекса [Илл. 4.38], где большое витражное остекление оправдано функционально, архитекторы нагрузили его сверху глухим «лбом». Если раньше было принято контрастно выделять торцовые стены, как бы зажимая между ними стеклянные параллелепипеды зданий, то теперь они стали «монолитными» и окна были призваны лишь подчеркнуть это. Свобода фасадов, ставшая возможной благодаря внедрению железобетонного каркаса, привела к однообразию фасадных решений, так что архитекторы стали искать иные образы.

На фоне описанных зданий выделяются проекты двух объектов, расположенных в месте пересечения внутримикрорайонного бульвара с Институтским проспектом — до начала строительства общегородского центра, то есть до сих пор,

это место служило внутренним центром правобережной части Черноголовки. Здесь ранее уже был построен Дом ученых, теперь рядом с ним предстояло возвести здание общественно-торгового центра микрорайона «Б», а через дорогу построить административное здание для размещения организаций и служб⁴²⁸. Последнее было проектом В.А. Бессонова — автора комплекса общежитий, выделившегося своей архитектурой еще в 1966 г. (см. параграф 3.2). Если в здании общежития архитектор прибегнул к приему расчленения монолитных 12-этажных корпусов глубокими вертикальными нишами, то в этом проекте от простоты объемов он отказался вовсе; их стыковка, взаимопроникновение и нагромождение друг на друга кажутся абсолютно случайными [Илл. 4.39]. К слову, в градостроительных проектах Черноголовки в 1970-е гг. не возникло сетки-подложки или каких-либо иных проявлений использования модульно-регуляционной системы — направления улиц, оси застройки в микрорайонах и даже на площадках в научной зоне свободно менялись от участка к участку, подстраиваясь под конкретные условия или нужды [Илл. 4.33]. Административное здание, проект которого был выполнен в 1974–1975 гг., достроили к началу 1980-х гг. Для фасадов был выбран серый силикатный кирпич — видимо, чтобы гармонировать с построенным в 1968 г. протяженным четырехэтажным жилым домом, к торцу которого пристроили здание. Торговый центр в микрорайоне «Б»⁴²⁹ был более упорядоченным, но не менее насыщенным пересечениями разнообразных по форме объемов. Его начали возводить в 1975 г., однако в 1980 г. процесс был заморожен, и только в 2006 г. половину здания достроили в очень далеком от проекта виде, так что о замысле приходится судить лишь по проекту [Илл. 4.40].

В противовес «проницаемой» свободной планировке начала 1960-х гг. застройка новых микрорайонов в 1970-е гг. во всех подмосковных научных центрах стала более замкнутой: явно оформился периметр микрорайонов и пространств дворов у жилых групп. И насколько по-разному это выражалось в характере градостроительных замыслов трех научных центров, настолько же отличалось проявление общего процесса утяжеления и усложнения форм и объемов в проектах от-

⁴²⁸ Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы В.А. Бессонов, В.А. Толмачев

⁴²⁹ Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.С. Филин, Е.Д. Толмачева

дельных зданий — иногда даже внутри одного городка. На смену легкости и прозрачности архитектурных образов поздней оттепели 1960-х гг., которые в общемировом контексте можно отождествлять с интернациональным стилем, в 1970-е гг. пришло уже влияние необрутализма.

Изменившийся масштаб градостроительных проектов Пущина, Троицка и Черноголовки, с одной стороны, отражает общую тенденцию, наблюдаемую в отечественном градостроительстве на протяжении 1950–1970-х гг. В то же время применительно к научным центрам характер проектов говорит об изменении их восприятия авторами — архитекторы больше не «вписывали» дома в лес или поле, а мысленно отталкивались от уже существующей застройки и заглядывали все дальше и смелее. Так в их сознании произошла урбанизация научных центров: реальное превращение в города еще только намечалось, но масштаб и амбиции проектов выросли. Застройка «оттепельной» поры при этом отступает на второй план — начинает зарастать деревьями и заслоняться новыми масштабными комплексами, а где-то даже приговаривается к частичному сносу в перспективе.

В конце 1970-х гг. подмосковные научные центры как архитектурно-градостроительный феномен привлекают внимание на региональном и всесоюзном уровнях. В издаваемом ГлавАПУ Мособлисполкома журнале «Архитектура и строительство Подмосковья» Пущино было охарактеризовано как «единственный город в Московской области, который на освоенной территории имеет в полном объеме законченное благоустройство»⁴³⁰. Примечательно, что автором этой оценки стал В.Н. Кузьменко — бывший главный архитектор Пущино, как раз занимавшийся вопросами благоустройства и приглашенный в 1979 г. на должность главного художника Московской области для координации оформления областных автомагистралей в преддверии Олимпиады. На уровне страны подмосковные научные центры также обрели известность. В 1978 г. генпланы Пущина и Черноголовки были оценены на Всесоюзном смотре-конкурсе творчества архитекторов,

⁴³⁰ Кузьменко В. На новый качественный уровень // Архитектура и строительство Подмосковья. 1980. № 4. С. 12.

последний — награжден дипломом⁴³¹. Особенно показательным стало включение Пущина в число объектов показа для иностранных делегаций: в июне 1979 г. город посетила группа американских архитекторов [Илл. 4.41].

4.3 Архитектура научных комплексов 1970-х гг. в Подмосковье

Испытанная при проектировании масштабных градостроительных комплексов на новых свободных территориях (научные центры АН Латвийской ССР и СО ВАСХНИЛ), модульно-регуляционная система не могла в одночасье стать стандартом для работы на уже начатых освоением участках. Предложения по ее применению для расширения и реконструкции в условиях плотной сложившейся застройки на территории ФИАН в Москве были выполнены в 1974 г.⁴³² Но единственным осуществленным в столице с применением системы комплексом стал в итоге Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина на ул. Волгина^{433, 434}. Налаживать выпуск элементов по собственному каталогу, разработанному в ГИПРОНИИ, в Москве не стали, и архитекторам пришлось корректировать параметры модулей под шаг каркаса в 6 м. Фасады были исполнены в той же расшивке панелей с выступом подоконных блоков, что и в комплексе НИИ СО ВАСХНИЛ, однако сверху были облицованы натуральным камнем [Илл. 4.42].

Пущино

По аналогичному принципу предлагалось возводить и будущие научные учреждения в Пущине. Как было описано в параграфе 4.2, в 1970-е гг. архитекторы мастерской № 9 под руководством В.С. Воронежского наметили дальнейшее строительство города в продолжение его линейной направленности на восток, но с симметричным отражением функциональных зон относительно оси зеленой зоны:

⁴³¹ В центральном доме архитектора // Архитектура и строительство Подмосковья. 1978. № 1. С. 17.

⁴³² ОНИР ГИПРОНИИ, архитекторы К.И. Сергеев, М.М. Болховитинов, Г.И. Зосимов, М.Н. Смирнова

⁴³³ Мастерская № 8 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, А.С. Панфиль, Л.А. Ильчик, О.В. Васькова, И.Б. Шульга

⁴³⁴ *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Том 1. С. 108.

жилье оказывалось расположено к югу от нее, а для НИИ выделялись территории на севере [Илл. 4.14]. В отрыве от общей линейной структуры города в проекте детальной планировки и эскизе застройки 1975–1976 гг. архитекторы задумали разместить перпендикулярно ей еще один большой институтский комплекс на юге — через дорогу от территории ФИАН [Илл. 4.14]. Обе новые научные зоны авторы изобразили в виде непрерывных «клетчатых» структур из сочлененных друг с другом блоков, однако их шаг (около 150 м) не соответствовал общей сетке генплана. Таким образом, с одной стороны, в пушинской мастерской ГИПРОНИИ стремились использовать в проекте идеи из проектов, выполненных институтом на основе модульно-регуляционной системы: эскиз застройки научных зон в Пущине крайне близок к образу научного комплекса СО ВАСХНИЛ. Но в то же время авторы помимо работ московского ГИПРОНИИ руководствовались собственными соображениями и идеями, которые в значительно меньшей степени были направлены на подчинение всей застройки шагу модульных величин.

Реальное проектирование в Пущине в 1970-е гг. велось для все еще строившихся с начала 1960-х гг. институтов биохимии и физиологии микроорганизмов, белка, физиологии растений (фотосинтеза). Хотя проекты научных учреждений в Пущине были еще в первой половине 1960-х гг. созданы в московских мастерских ГИПРОНИИ, откладывающаяся реализация приводила к внесению в них изменений уже местными авторами. Уже к концу 1960-х гг. возможности архитекторов стали шире, чем во время активной борьбы с «излишествами», а мода на простые геометрические объемы со сплошным остеклением и акцентами «парящих» козырьков сменилась стремлением к усложнению форм, их врезанию друг в друга и созданию активной пластики фасадов. Проектирование научных учреждений в Пущине с конца 1960-х гг. велось вначале с участием архитекторов организованного в научном центре филиала мастерской № 4 ГИПРОНИИ, а затем, как и в жилой зоне, уже без участия московских архитекторов — в самостоятельной мастерской № 9.

Своеобразным рубежом между архитектурой раннего и позднего послевоенного модернизма в Пущине можно считать индивидуальный проект блока общего

назначения Института биохимии и физиологии микроорганизмов⁴³⁵ [Илл. 4.43]. Его лаконичный объем в виде прямоугольного каре с благоустроенным двориком внутри нарушал неправильной формы конференц-зал, выступающий из главного фасада: сплошной витраж буквально прорезала изгибающаяся стена, отягощенная геометрической пластикой работы художника И.П. Казанского [Илл. 4.44]. С одной стороны, продолжающийся внутрь здания барельеф [Илл. 4.45] еще больше усиливал ощущение единства интерьера с пространством окружающей среды, к которому стремились архитекторы в «оттепель», применяя витражное остекление в пол. С другой, он значительно отягощал и усложнял восприятие объема, делая его форму неочевидной с уровня глаз человека.

В блоках общего назначения институтов белка и фотосинтеза архитекторы почти полностью отказались от больших площадей остекления и в контраст лабораторным корпусам сделали их облицованные белым камнем фасады практически глухими [Илл. 4.46–47]. Выступы с разных сторон, так же как объем конференц-зала у ИБФМ, замаскировали первоначально простой прямоугольный план этих зданий так, что он практически не считывается ни с одного ракурса. Фасады асимметрично и с кажущимся случайным шагом прорезаны вертикальными углублениями, в которые были вписаны окна. На главном фасаде Института белка они были обрамлены лаконичными наличниками. Отмечая эту тенденцию, А.В. Иконников описывал ее следующим образом:

«Возникла и противоположная установка формообразования: целесообразно организованная функциональная структура модуляциями формы и пластическими дополнениями приводилась к визуальным характеристикам, которые воспринимались как свободно-живописные и даже иррациональные»⁴³⁶.

В том же духе были выполнены в 1970-е гг. по индивидуальным проектам новый корпус биофизики клетки Института биофизики⁴³⁷ [Илл. 4.48] и корпус пилотных установок ИБФМ⁴³⁸. Первый занял положение во фронте застройки науч-

⁴³⁵ Мастерская № 4 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Архипов, Ю.П. Платонов, В.М. Коган, Э.В. Якобсон, А.И. Кибальчич

⁴³⁶ *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. II. М., 2002. С. 431.

⁴³⁷ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Архипов, Л.Г. Крупская

⁴³⁸ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Архипов, А.И. Кибальчич

ной зоны и по эскизному варианту (предположительно, 1972 г.) должен был получить асимметричный фасад с выступающим перед ним объемом квадратной в плане лестничной башни, а также ряды квадратных окон, оформленных по аналогии с блоком общего назначения Института белка, наличниками. Проект был несколько переработан и реализован с фасадами из желтого лицевого кирпича, которые, тем не менее, получили пластику в виде вертикальных членений и выступающих объемов. Корпус пилотных установок ИБФМ [Илл. 4.49] расположили у восточной границы квартала научной зоны, вдоль улицы, которая когда-то задумывалась в качестве главного въезда в город. Корпус представляет собой композицию из пяти блоков, «нанизанных» на единую коммуникационную ось, на конце которой размещен блок-ротонда с взрывной камерой.

В результате в 1970-е гг. окончательно сложился архитектурный ансамбль основного ядра научной зоны в Пущине. Обращенный к городу, ее фронт в основном составили протяженные горизонталы лабораторных корпусов с ленточным остеклением и контрастирующие с ними блоки общего назначения со сложной объемной композицией и пластикой фасадов. Выбивается из общего ряда лишь Институт биофизики — первый построенный в научном городке, его облик был определен еще в переходную для советской архитектуры эпоху. И, напротив, теряется среди прочих СКБ биологического приборостроения, поскольку в начале 1960-х гг. архитекторы делали ставку на выразительность объемной композиции всего комплекса институтов, а не отдельных зданий и блоков, и это единственный проект, который успели полностью построить в ту пору.

Красная Пахра (Троицк)

В Красной Пахре в начале 1970-х гг. также продолжалось расширение существующих институтов. В 1970 г. был спроектирован лабораторный корпус распространения радиоволн ИЗМИРАН⁴³⁹ [Илл. 4.50]. По характеру работы с объемной композицией здание очень близко проектам тех же лет для Пущина — в частности, лабораторному корпусу биофизики клетки [Илл. 4.48]. Сложное внутреннее устройство сочетается с простотой плана и богатой пластикой фасадов, осложня-

⁴³⁹ Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Бурицкий, Г.К. Комогорцева

ющей восприятие формы здания. Архитекторы С.П. Бурицкий и Г.К. Комогорцева, как впоследствии и авторы пущинского здания, обрамили часть окон массивными наличниками — и в данном случае решение было реализовано. Одновременно с корпусом распространения волн в конце 1960-х гг. было решено построить по соседству с ним СКБ физического приборостроения ИЗМИРАН⁴⁴⁰. Все здания были обращены к Калужскому шоссе, и их архитектурное решение прорабатывалось в комплексе⁴⁴¹. СКБ должно было получить пятиэтажный корпус, фасады которого покрывала сетка из квадратных окон с наличниками, но проект не был осуществлен. Однако, как описывалось в параграфе 4.2, прием нашел применение при привязке общественного центра микрорайона «Б» [Илл. 4.28]. Также архитекторы той же мастерской № 1 применили его в проекте загородного филиала больницы АН СССР в Успенском⁴⁴².

Проектированием зданий на территории испытательной станции ФИАН продолжала заниматься мастерская № 3 ГИПРОНИИ. Как было описано в параграфе 3.3, заложенная в проект середины 1960-х гг. планировочная сетка оказалась неудачной, и впоследствии ее не придерживались. От квадратных в плане корпусов не отказались полностью, но стали применять их в качестве акцентов наряду с объемами других форм, превратив скорее в художественный мотив, объединяющий разрозненные объекты на территории станции. Вслед за ОКБ был разработан проект комплекса сооружений лаборатории фотомезонных процессов⁴⁴³ [Илл. 4.51]. Здание начали проектировать еще в конце 1960-х гг.⁴⁴⁴, однако работа над технологически сложным сооружением, включавшим ускоритель, растянулась более чем на десятилетие.

Ядром композиции стал квадратный в плане зал электронного синхротрона с плоскими фасадами, прорезанными узкими вертикальными щелями окон во всю высоту, к которому примыкали два экспериментальных зала, фасады которых по-

⁴⁴⁰ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 7471. Л. 131–135.

⁴⁴¹ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1533. Л. 84.

⁴⁴² Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы М.А. Щусев, Б.Н. Карасев

⁴⁴³ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Ф. Назаров, В.В. Зарудко

⁴⁴⁴ Проект публиковался в 1970 г. (см. Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1966–1969. М., 1970. С. 212).

крыты железобетонными ребрами. К этой группе параллелепипедов примыкал протяженный одноэтажный экспериментально-технологический блок с регистрационно-вычислительным центром — его образ был решен в виде двух пластин, между которыми были вставлены лопатки-распорки, образующие просвет ленточного окна. Обособленно перед описанным комплексом было расположено еще два квадратных в плане объема — вспомогательный блок обслуживания и лабораторный корпус с помещениями для экспериментальных и теоретических исследований, конференц-залом, библиотекой, административными и бытовыми помещениями⁴⁴⁵. Последний, в процессе проектирования, трансформировался и переместился: первоначально здание имело меньшие размеры и располагалось перед основным корпусом, но затем было переставлено в торец, раскрыв вид на комплекс. Надо сказать, что фасады всех блоков первоначально предполагались плоскими с ленточным остеклением, что было характерно для 1960-х гг. [Илл. 4.51]. Лабораторный корпус преобразился наиболее сильно: вместо «тельняшки» из навесных панелей и ленточных окон он получил вертикальные членения кирпичными лопатками и вписанные в общий квадратный план закругленные лестничные объемы в углах [Илл. 4.52]. Также, видимо, уже в процессе строительства в 1970-е гг., было решено отказаться от сооружения брызгального бассейна, служившего для охлаждения оборудования и одновременно выполнявшего декоративную роль. Авторы ставили себе в заслугу высокий для данного типа зданий коэффициент сборности и степени использования типовых конструкций — в 1980 г. они были отмечены премией Совета Министров СССР⁴⁴⁶.

Практически одновременно, в 1970–1971 гг., на территории испытательной станции ФИАН был спроектирован лабораторный корпус квантовой радиофизики⁴⁴⁷ [Илл. 4.53]. Центром его объемной композиции также стал квадратный в плане блок, который был врезан в протяженный одноэтажный объем. К зданию по проекту должны были примыкать куполообразный объем бункера для взрывов и 60-метровая вытяжная труба — последняя была построена, но в отличном от про-

⁴⁴⁵ Платонов Ю.П. Архитектура науки. Черноголовка, 1972. С. 30–31.

⁴⁴⁶ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 87.

⁴⁴⁷ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Вигдорчик, Л.Ф. Леонова

ектного виде. В отличие от лаборатории фотомезонных процессов, фасады которой были переработаны в сторону усиления пластики, этот корпус был выполнен в духе проектов 1960-х гг. и в силу низкого качества строительства вышел весьма утилитарным. Тем не менее взаимопроникновение объемов, пришедшее на смену разбиению научных комплексов на отдельностоящие функциональные блоки, демонстрирует принадлежность уже к следующему поколению объектов 1970-х гг.

Как упоминалось при описании генерального плана научного центра в параграфе 4.2, в 1970 г. в Красной Пахре был создан Институт ядерных исследований, предполагавший строительство линейных и кольцевых ускорителей масштабом в сотни метров и даже километры. Это решение сильнейшим образом повлияло на градостроительные проекты, выполненные в 1970-е гг. под руководством В.Н. Банита. Первым объектом этого института стала мезонная фабрика — линейный ускоритель протонов и ионов длиной 500 м. Ввиду специфичности технологической части, проектирование было поручено специализировавшемуся на подобных комплексах п/я 1158 (или ГСПИ) Минсредмаша. Однако проектирование велось в соответствии с генпланом научной зоны, выполненным в ГИПРОНИИ, и сооружения мезонной фабрики должны были стать частью единой мегаструктуры, ядром которой должен был стать комплекс научно-исследовательских и технических служб⁴⁴⁸ — грандиозный архитектурный проект с блоками администрации, библиотеки, огромного конференц-зала со скульптурным силуэтом, напоминающим Собор Святой Марии архитектора К. Танге в Токио, а также с развитой подземной частью [Илл. 4.54]. Замысел во многом олицетворял тот градостроительный размах, что ранее был задан генеральным планом научного центра. Работу довели до стадии технического проекта, а отдельные части комплекса — корпуса лабораторий и опытных производств — даже построили. Для них был применен проект, еще в начале 1960-х гг. разработанный для комплекса институтов твердого тела и новых химических проблем в Черноголовке [Илл. 3.63–64, 66–68]. Один из них получил оригинальную облицовку панелями из анодированного алюминия с вертикальными ребрами в духе общего замысла комплекса, вид другого вышел более

⁴⁴⁸ Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы А.П. Новожилова, А.А. Соколов, А.В. Легостаев

утилитарным и напоминал корпуса в Черноголовке — с навесными панелями и ленточными окнами во всю длину более чем 200-метрового фасада [Илл. 4.55]. Строительство комплекса заморозили, не достроив еще один корпус — основная же часть осталась лишь на бумаге.

Черноголовка

В самой Черноголовке в 1970-е гг., как было упомянуто в параграфе 4.2 при описании генплана 1975 г. [Илл. 4.33], от попыток комплексного устройства научной зоны перешли к независимому проектированию на отдельных и удаленных друг от друга площадках. Одна из них была отведена под строительство Экспериментального завода по производству уникальных и специальных приборов для научных исследований⁴⁴⁹. Проектирование объекта было поручено не недавно созданной местной мастерской, а той же мастерской № 3, что проектировала объекты в Черноголовке с середины 1950-х гг.⁴⁵⁰ Генплан завода был построен на модульной сетке с шагом в 72 м. Территория получила глубинное зонирование: фронт территории был составлен из протяженного главного корпуса и корпуса общего назначения, за которыми были расположены распластанные одноэтажные объемы производственных корпусов и складские здания [Илл. 4.56]. В перспективе предполагалась возможность достраивать корпуса в развитие линейной композиции без помех для других зон⁴⁵¹. Общее планировочное решение, а также структура главного корпуса с вынесенными башнями вертикальных коммуникаций и гибкостью внутреннего устройства, позволяющей обеспечить любую точку здания всеми необходимыми подводками без необходимости реконструкций, — очень близки проекту Института космических исследований в Москве⁴⁵², выполненному

⁴⁴⁹ Постановление Совета Министров СССР № 703 от 31 августа 1970 г. «О развитии производства приборов для научных исследований» // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1972). Д. 38. Л. 16.

⁴⁵⁰ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Я. Репин, Е.В. Демин, Д. Сивцова, А.С. Панфиль

⁴⁵¹ *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Т. 1. С. 33.

⁴⁵² Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, М.Ф. Марковский, Г.И. Зосимов, М. Шабанова, Ю. Лямин

в 1967 г. Впоследствии еще один подобный комплекс был спроектирован для Ленинградской области (Экспериментальный завод аналитического приборостроения АН СССР⁴⁵³), а решение главного корпуса использовано при расширении СКБ биологического приборостроения в Пущине. Фасады главного корпуса были выполнены привычным образом в виде «тельняшки», где чередовались высокие ленты окон основных этажей и узкие — технических. Наиболее выразительный облик получил корпус общего назначения, составленный из одноэтажного горизонтального объема и поставленного на него квадратного в плане трехэтажного объема, частично выдвинутого в направлении въезда и опертого на колонны. Его фасад отмечен вертикальными членениями, образованными утопленными в ниши окнами [Илл. 4.57].

Площадка для экспериментального завода была выделена не на соседнем от существующего комплекса НИИ участке — чтобы вблизи комплекса сохранялись резервы для размещения более близких им по профилю научных учреждений. Размещение же Института физиологически активных веществ АН СССР, решение о строительстве которого также было принято в 1970-е гг., было обусловлено особой спецификой производимых в нем исследований — так что для его строительства была выделена площадка, находившаяся на максимальном удалении как от селитебной зоны, так и других научных учреждений. Проектирование этого комплекса поручили уже черноголовской мастерской № 7. Вход и въезд на территорию организованы через двухэтажное здание проходной с двумя П-образными арками [Илл. 4.58]. В силу закрытости института информация о проекте не публиковалась в советское время — даже во внутренних документах АН СССР он значился как «Промплощадка № 4 в Ногинске», так что говорить о функциональном предназначении многих зданий и мотивации тех или иных планировочных решений не приходится.

Объемная структура комплекса близка проектам институтов в Черноголовке начала 1960-х гг.: основное ядро составляет крестообразная композиция из протяженного двухэтажного корпуса (вероятно, общего назначения) и примыкающих к

⁴⁵³ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, А.С. Панфиль, Э.П. Судариков, Е.В. Демин

нему с двух сторон перпендикулярно четырехэтажных лабораторных корпусов. Фасады первого решены в виде привычной «тельняшки», вторые отличаются большей оригинальностью, напоминая комплекс НИИ СО ВАСХНИЛ или Институт химии природных соединений в Москве, где подоконные панели выступают из плоскости стены — но в данном случае вместо железобетонных элементов применена кладка из красного кирпича. Таким образом, кроме оригинальной пластики фасады получили еще и яркое колористическое решение. Из двух лабораторных корпусов введен в эксплуатацию был только один — к его торцу пристроен краснокирпичный объем незадымляемой лестницы.

Обобщая рассмотрение проектов научных комплексов, разработанных в 1970-е гг. для трех подмосковных научных центров АН СССР, следует отметить, что проектирование части из них продолжало вестись в московских проектных мастерских. Это справедливо и для Экспериментального завода научного приборостроения в Черноголовке, и для почти всех НИИ в Троицке, где до 1976 г. не было своей мастерской.

Модульно-регуляционная система, внедрявшаяся в генпланах Пущина и Троицка, заметного развития в архитектурных проектах не получила. Изображенных на генпланах Пущина и Троицка мегаструктур наподобие комплекса СО ВАСХНИЛ не возникло. Примененная московскими архитекторами в ограниченном виде для того же завода в Черноголовке модульная сетка, в разработанных позднее в местной мастерской № 7 генплане научного центра и в проектах НИИ не проявилась. Комплекс Института физиологически активных веществ в Черноголовке получил объемно-планировочное решение в духе павильонно-блочного принципа начала 1960-х гг. Даже в гигантском комплексе мезонной фабрики в Красной Пахре используются проекты производственных корпусов начала 1960-х гг. и воплощается, в сущности, та же структура с пристройкой многоэтажных лабораторных корпусов к протяженному малоэтажному «стволу» из экспериментально-производственных [Илл. 4.59]. В проекте комплекса мезонной фабрики подобная композиция оказалась подчинена осям симметрии, отдельным объемам была придана скульптурная форма, другие получили фасады с богатой пластикой из железобетона и алюминия — то есть развитие архитектурной мысли от реше-

ний начала 1960-х гг. пошло не в сторону продолжения внедрения унификации и типизации на всех уровнях пространственной организации, а в направлении увеличения выразительности уже имеющихся принципов, также на разных уровнях от фасадов до генерального плана.

Еще ярче обратная тенденция проявилась в проектах менее масштабных объектов, которые встраивались в уже существующие комплексы: авторы блоков общего назначения и новых корпусов институтов в Пущине (Института белка, Института биохимии и физиологии микроорганизмов, Института фотосинтеза) и Красной Пахре (ФИАН, ИЗМИРАН) стремились к оригинальности и выразительности объемной композиции и фасадов зданий. Павильонная легкость и «проницаемость» 1960-х гг. сменяются тяжеловесной пластикой: бесконечные ленты витражей уступают место закованным в бетонные рамы-наличники квадратам окон, возвращаются вертикальные членения в виде бетонных и алюминиевых ребер или глубоких ниш, часто для облицовки стен начинает применяться натуральный камень.

Специфика новых учреждений подмосковных научных центров 1970-х гг. исключала их строительство в Москве: требовались большие санитарные разрывы и обширные свободные территории, неизбежные при работе с физиологически активными веществами, создании ускорительных комплексов и размещении производственных корпусов. В то же время продолжали достраиваться и расширяться уже размещенные в Подмоскowie ранее учреждения. Все это привело к тому, что темпы проектирования никак не замедлились, а десятилетие стало расцветом как для архитектуры научных комплексов, так и городов при них. Перспективы их дальнейшего роста привели к созданию очередного ряда градостроительных проектов.

Проектирование подмосковных научных центров все больше происходило на местах — в 1970-е гг. во всех трех подмосковных научных центрах были организованы самостоятельные комплексные проектные мастерские. На протяжении 1970-х гг. прежде единый творческий процесс стал обретать в каждой из них собственное, все более выраженное своеобразие. Если московские архитекторы про-

должали углублять принципы модульности и унификации, триумфом применения которых стал городок СО ВАСХНИЛ, то подмосковные коллективы черпали идеи не только у столичных коллег, но и из всего доступного отечественного и мирового опыта. Одной из причин тому можно обозначить комплексность задач, стоявших перед ними: в отличие от московских коллег, основным профилем работы которых было проектирование именно научных комплексов, на местах архитекторы по большей части занимались гражданскими сооружениями, причем практически всем спектром функций. Это приводило к необходимости расширения кругозора и знакомства с релевантным опытом — как советским, так и зарубежным, в то время как в Москве архитекторы ГИПРОНИИ, продолжая системно изучать и анализировать зарубежный опыт, больше оттачивались уже от собственных наработок, совершенствуя свои принципы. Также способствовало выработке индивидуальности в архитектуре каждого из научных центров привлечение на работу в Подмосковье архитекторов с разных концов страны, приносящих в творческую практику свежие авторские решения и приемы.

Наряду с очевидным влиянием на архитекторов ГИПРОНИИ метаболизма, которое подтверждается ими самими и проявилось в идее модульно-регуляционной системы как унифицированной и адаптирующейся к разным условиям структуры, в 1970-е гг. в архитектуре отдельных зданий произошел в целом свойственный для этого времени уход от простоты и легкости павильонного модернизма, вошедшего в моду в начале 1960-х гг. Тенденция к отказу от гигантских поверхностей витражного остекления и ленточных окон в пользу усложнения и утяжеления пластики фасадов была отмечена еще в главе 3 на примере ряда проектов жилых домов и общественных зданий конца 1960-х гг. В 1970-е гг. веяние охватило уже все сферы проектирования, включая научные учреждения.

Постепенно между теорией и практикой в ГИПРОНИИ образовывался разрыв в том смысле, что архитекторам из ОНИР все меньше приходилось работать над реальными объектами. Если в 1960-е гг. теоретики продолжали разрабатывать проекты, то в 1970-е гг. полностью погрузились в вопросы методологии. Поэтому новые генпланы подмосковных научных центров 1970-х гг. оказались такими разными, но ни разу не похожими на идеи московских архитекторов, мечтавших под-

чинить все модулю и заставить развиваться по законам метаболизма. Идея пространственной унификации и ее выражение в модульно-регуляционной системе, хотя и имели авторов, но встали над ними. Человек в работах московских мастерских ГИПРОНИИ отходил на второй план, и вклады отдельных архитекторов в проекты вроде комплекса СО ВАСХНИЛ и подобных ему неосуществленных замыслов уже малоразличимы. В подмосковных научных центрах творческий почерк формировался скорее на уровне отдельных местных мастерских, исходивших, помимо собственных идей, из материальных баз строителей каждого из научных центров. И все же даже тут можно выделить отдельных ярких личностей, не стоявших на позиции руководителей мастерских, но обладавших узнаваемыми авторскими приемами. В случае градостроительных планов Троицка и Пущина можно отчетливо говорить об авторах — В.Н. Баните и В.С. Воронежском.

ГЛАВА 5. Кризис модернистских утопий в 1980-е гг.

В 1980-е гг. руководство АН СССР перестает фокусировать усилия на концентрации ресурсов в имеющихся трех центрах: для строительства нескольких крупных новых научных комплексов выбираются площадки в Шатуре и Переславле-Залесском. Оба проекта обязаны своим появлением инициативам Е.П. Велихова, избранного в 1978 г. вице-президентом и оказывавшего наиболее значимое влияние на стратегию пространственного развития Академии при президентстве А.П. Александрова, будучи постоянным сопредседателем Градостроительного совета при главном архитекторе Московской области Л.В. Вавакине⁴⁵⁴. Вопросам развития научных комплексов в Подмоскovie в 1980-е гг. посвящен первый параграф главы.

На период застоя 1970-х гг. пришелся расцвет проектирования и строительства подмосковных научных центров: продолжали появляться новые научные учреждения, в организованных на местах мастерских ГИПРОНИИ создавались новые генеральные планы и индивидуальные проекты общественных зданий и жилых домов, завидная часть которых реализовывалась. Многие и откладывались, так что на 1980-е гг. была намечена реализация многих выполнявшихся еще с первой половины 1970-х гг. проектов. Однако дальнейшая реализация тормозилась общим для всей страны экономическим упадком, приводившим к существенным ограничениям развития городов. В этих условиях параллельно с естественным стилистическим развитием на архитектуру влияли внешние ограничения, они же (их преодоление) в немалой степени определили специфику градостроительства 1980-х гг.

1980-е гг. — время подъема градозащитного и экологического движения в СССР, возникновения альтернативных точек зрения на градостроительство. По инерции архитекторы, мыслящие большими масштабами и осознающие себя единственными, кто вправе определять, каким быть городу, с трудом осознавали кризисность ситуации и продолжали надеяться на осуществление откладывав-

⁴⁵⁴ Вавакин Л.В. Профессионализм в деятельности главного архитектора. По итогам деятельности главного архитектора московской области (1976–1981) и города Москвы (1987–1996). М., 2009. С. 71.

шихся замыслов, одновременно корректируя их и создавая новые. Этому вопросу посвящен второй параграф данной главы.

5.1 Новый подход к размещению академических учреждений вокруг Москвы в 1980-е гг.

До конца 1970-х гг. все по разным причинам нуждавшиеся в загородной площадке исследовательские комплексы АН СССР в Подмоскovie продолжали распределять между тремя существующими научными центрами — в Пущине, Черноголовке и Троицке. Но после того, как в 1975 г. Президентом АН СССР стал А.П. Александров, а в 1978 г. пост вице-президента АН СССР занял Е.П. Велихов, ситуация меняется. Ранее — директор троцкого филиала Института атомной энергии им. И.В. Курчатова — Е.П. Велихов стал инициатором создания Научно-исследовательского центра технологических лазеров АН СССР (НИЦТЛАН)⁴⁵⁵ и его размещения не в Троицке, который, на первый взгляд, идеально подходил под эту задачу, а в Шатуре. Главный архитектор Московской области Л.В. Вавакин вспоминал, что в перспективе комплекс должен был разрастись в целый новый «город науки»⁴⁵⁶. На деле планы были скромнее, и для проживания сотрудников центра планировалось возвести лишь отдельный микрорайон. Позднее в Шатуре решили расположить еще и комплекс опытного производства, конструкторского бюро и испытательного центра Института высоких температур АН СССР (ИВТАН)⁴⁵⁷. Но даже будучи расположенными в одном городе, два комплекса были разнесены на противоположные его края.

Ряд вынесенных на новые площадки в дальних окрестностях Москвы научных учреждений АН СССР можно дополнить Институтом программных систем АН СССР. Также созданный по инициативе Е.П. Велихова в середине 1980-х гг., он был размещен в Переславле-Залесском. Другой пример, на первый взгляд не связанный с Е.П. Велиховым, — опытное производство Института космических

⁴⁵⁵ Постановление Совета Министров СССР от 18 февраля 1979 г.

⁴⁵⁶ Вавакин Л.В. Профессионализм в деятельности главного архитектора. По итогам деятельности главного архитектора московской области (1976–1981) и города Москвы (1987–1996). М., 2009. С. 71.

⁴⁵⁷ Постановление Президиума АН СССР от 26 июня 1980 г. № 689

исследований (ИКИ), решение об организации которого было принято в 1978 г.⁴⁵⁸ Поначалу руководство ИКИ рассматривало площадку в Жукове (Калужская область), однако Первый секретарь калужского обкома КПСС А.А. Кандренков выступил за то, чтобы строить комплекс в Тарусе⁴⁵⁹, что в итоге и произошло.

Хотя Таруса и Переславль-Залесский расположены за пределами Московской области, удалены от столицы они даже меньше, чем Шатура. То есть на рубеже 1970–1980-х гг. размещение новых учреждений АН СССР происходило по новому относительно предшествующих двух десятилетий принципу: выбор падал на удаленные от Москвы на 110–130 км малые города. Научные комплексы в них располагались вне существующих границ застройки, а жилье для сотрудников встраивалось в нее. По крайней мере, в случае Шатуры и Переславля проектированием последнего занимался уже не ГИПРОНИИ, а местные проектные институты — Мосгражданпроект и Ярославгражданпроект. Возведенные для ученых дома в Шатуре не выделяются на фоне прочей городской застройки особой архитектурой. Микрорайон из панельных домов, построенный в Тарусе для сотрудников ИКИ, напротив, резко контрастирует с застройкой старого города [Илл. 5.1].

В Переславле, который в 1967 г. стал частью «Золотого кольца», контраст стремились сгладить. В ЦНИИЭП жилища специально был создан проект застройки кварталов в историческом центре⁴⁶⁰, на территории которых были расположены несколько охраняемых памятников и ценная средовая застройка XIX в. Архитекторы разработали 9 блок-секций, позволяющих гибко встраиваться в планировку исторических кварталов. Их объемное решение в виде 2-3-этажных домов с мезонинами и легкий декор фасадов рустом, карнизами и замковыми камнями отсылали к провинциальной ампирной застройке [Илл. 5.2]. Во всех квартирах одна из комнат предназначалась для организации рабочего кабинета и на заре появления Интернета должна была иметь связь с «компьютерным банком» инсти-

⁴⁵⁸ Постановление Президиума АН СССР от 30 июня 1978 г. № 831

⁴⁵⁹ Щербаков В.В. Тарусские моменты // Обратный отсчет времени. 40 лет Институту космических исследований Российской академии наук. М., 2006. С. 170.

⁴⁶⁰ ЦНИИЭП жилища, архитекторы Д.Ф. Животов, А.С. Константинов, А.М. Галкин, А.В. Буланов

тута⁴⁶¹. Но из всего проекта построен был лишь один дом [Илл. 5.3]. Основной же объем жилья для сотрудников ИПС в итоге построили по проектам Ярославгражданпроекта в более удаленной от центра части города, где высотные ограничения были не такими строгими.

Архитектура самих научных комплексов в перечисленном ряду, хотя они и размещались по одиночке, создавалась в московских мастерских ГИПРОНИИ на основе модульных принципов. Так, комплекс НИЦТЛАН в Шатуре⁴⁶² был спроектирован в виде единой структуры, доминирующими частями в композиции которой стали шесть блоков производственных и испытательных помещений [Илл. 5.4]. Скомпонованные из унифицированных элементов из легких металлоконструкций с пролетом 24 м и высотой 9,6 м, между собой они были соединены объемами, выполненными из железобетонных конструкций — из них же строились блоки общего назначения, конструкторского бюро, администрации⁴⁶³. Фасады большепролетных объемов получили облицовку панелями из анодированного алюминия ярко-оранжевого цвета, которая контрастирует со светло-серыми железобетонными панелями. Комплекс был возведен на очень высоком уровне в относительно короткий срок (пять лет), чего удалось добиться благодаря привлечению финской строительной фирмы «Перусюхтюмя».

Очень близок по образу и композиционной идее к НИЦТЛАН был и выполненный позже в мастерской № 10 под руководством В.М. Когана⁴⁶⁴ проект конструкторского бюро ИВТАН. Комплекс был составлен из квадратных блоков производственных и экспериментальных подразделений со стороной 36 м, блоков общественно-научных и административных помещений со стороной 18 м и 6-метровыми световыми колодцами в центре⁴⁶⁵. Модульность проекта была рассчитана

⁴⁶¹ Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1984–1988. М., 1991. С. 140–141.

⁴⁶² Мастерская № 8 ГИПРОНИИ, А.П. Карпов, А.С. Панфилъ, Ю. Цветкова, Л. Чехова, А. Чичигин, Р. Блюмки

⁴⁶³ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 2553. Л. 32–33.

⁴⁶⁴ Мастерская № 10 ГИПРОНИИ, архитекторы В.М. Коган, Т. Воронкова, А. Федорова, Л. Чупахина, И. Мозырский

⁴⁶⁵ Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 217–221.

на последовательную достройку блоков по мере роста комплекса [Илл. 5.5]. Хотя отделение ИВТАН в Шатуре было создано еще в 1980 г., участок для строительства данного комплекса выделили лишь в 1990 г.⁴⁶⁶, строительство в результате не началось.

На основе унифицированных блоков размером 48 на 24 м в плане, перекрытых легкими металлоконструкциями, был сооружен в первой половине 1980-х гг. и комплекс опытного производства ИКИ в Тарусе⁴⁶⁷ [Илл. 5.6]. Элементы для сборки основного производственного корпуса предприятия — сборочно-монтажного — были заказаны югославской фирме «Словениялес»⁴⁶⁸.

Институт программных систем АН СССР в Переславле-Залесском⁴⁶⁹ уже упоминался в параграфе 3.3, поскольку спустя почти два десятилетия после создания комплекса ОКБ ФИАН в Троицке получил подобную ему объемную композицию, составленную из распластанных по земле квадратных 1-3-этажных объемов: лабораторного блока с залом электронно-вычислительных машин в центре, блока экспериментальных мастерских и блока общего назначения с конференц-залом [Илл. 5.7].

В отличие от утилитарно-технологичного решения фасадов всех вышеперечисленных комплексов, этот институт получил краснокирпичные фасады с белыми нишами-акцентами, в которые были утоплены пары вертикальных рядов окон. Лестницы были вынесены в отдельные объемы, примыкающие к основным блокам, — они также получили квадратный план, но были повернуты на 45 градусов относительно осей комплекса. На одном из макетов можно наблюдать эти башенки с завершениями в виде пирамидальных шатров — расположенный на холме у берега Плещеева озера, институт образно должен был напоминать окрестные мо-

⁴⁶⁶ Решение Мособлисполкома от 5 июля 1990 г. № 550/21 «Об отводе земельных участков предприятиям, организациям и учреждениям под разные виды строительства в городах и поселковых советах» // ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 13722. Л. 2, 16.

⁴⁶⁷ Мастерская № 1-2 ГИПРОНИИ, архитекторы М.Ф. Марковский, В.П. Нагих, Ю. Ботов, Ю. Евсеев

⁴⁶⁸ Щербаков В.В. Тарусские моменты // Обратный отсчет времени. 40 лет Институту космических исследований Российской академии наук. М., 2006. С. 170.

⁴⁶⁹ Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В. Бармин, В.Я. Репин, Ю.П. Платонов

настыри. Однако из-за того, что не был построен четвертый корпус, контур комплекса не был замкнут и не было благоустроено его внутреннее пространство [Илл. 5.8]. Причем в соответствии с генеральным планом Переславля-Залесского один из монастырей города, Федоровский, планировалось приспособить под «международный научный центр»⁴⁷⁰. Позднее, уже в 1993 г., под руководством архитектора В.Я. Репина был выполнен проект размещения в его трапезном корпусе вычислительного центра, но эти планы осуществлены не были.

На первый взгляд, каждый из рассмотренных в данном параграфе комплексов возник ситуативно вне какой-то новой стратегии АН СССР. Но при этом, кроме схожей удаленности от Москвы и размещения в существующих городах, эти научные комплексы были обособлены от городской застройки и друг от друга, что было ново. Раньше жилье стремились размещать в непосредственной близости от научных учреждений, а сами учреждения кооперировать в комплексы — это справедливо даже для случая размещения в середине 1950-х гг. Института радиотехники и электроники во Фрязине, соседствовавшего с режимным НИИ Министерства радиотехнической промышленности СССР. В этом контексте любопытно направление экспериментальных и теоретических работ ОНИР ГИПРОНИИ.

В 1980-е гг. ГИПРОНИИ продолжал совершенствовать и предлагать для разных площадок внедрение модульно-регуляционной системы. Ранее она нашла применение, например, в генпланах Дальневосточного научного центра во Владивостоке, а также в проекте комплекса ДВО АН СССР в Хабаровске. Эти замыслы начали осуществляться, но не были доведены до уровня, хоть сколько-то близкого к достигнутому в городке СО ВАСХНИЛ. Оставались на бумаге и идеи масштабной реконструкции существующих научных комплексов в Москве — в том числе кварталов академгородка вдоль Ленинского проспекта.

Сотрудники ОНИР выполнили экспериментальный проект «Научный комплекс АН СССР 2000» [Илл. 5.9] — теоретическое размышление, предложенное для площадки в районе Бутова и призванное актуализировать идею модульно-регуляционной системы конца 1960-х гг. Если в проектах научных центров конца

⁴⁷⁰ РГАЭ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 158. Л. 26.

1960-х — 1970-х гг. основное внимание архитекторы уделяли, так или иначе, вопросу роста и развития, декларировали открытость градостроительных систем, обеспечивая стремящиеся к бесконечности резервы для расширения, то этот проект, несмотря на использование той же «клетчатой» структуры из лабораторных корпусов и инженерно-коммуникационных башен, имел строго очерченные границы. Оси застройки были выбраны по диагоналям квадратного участка, поделенного на четыре части между секциями АН СССР.

Сам факт создания бумажного проекта любопытен тем, что вслед за приложением теоретических идей к московским комплексам архитекторы ОНИР не стали вмешиваться в процесс почти независимо ведущегося в комплексных мастерских проектирования подмосковных научных центров и предложили идею создания нового. При этом в его структуре отсутствовало жилье — проект целиком был посвящен науке, и комплекс выглядел как композиционно законченная автономная градостроительная единица, «нанизывающаяся» на скоростную транспортную магистраль подобно НЭР.

Таким образом, в 1980-е гг. в размещении научных комплексов, строительство которых по каким-то причинам было невозможно в Москве, наметился новый принцип. Внимание как руководства АН СССР, так и архитекторов московских мастерских ГИПРОНИИ оказалось отвлечено от существовавших подмосковных академических научных центров, что сказалось на их развитии.

5.2 Архитектура городов — научных центров в 1980-е гг.

Проектирование новых НИИ в Пушкине, Троицке и Черноголовке

Так, в Троицке в течение 1980-х гг. не было создано ни одного нового научного учреждения или исследовательского комплекса — лишь достраивался комплекс мезонной фабрики Института ядерных исследований, но со значительно меньшим размахом, чем было задумано в 1970-е гг. Однако продолжал активно развиваться троцкий филиал Института атомной энергии им. И.В. Курчатова Министерства среднего машиностроения СССР, так что ему в 1986 г. перешла роль заказчика по генплану и большей части новых гражданских объектов в городе⁴⁷¹. Вследствие

⁴⁷¹ ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 12998. Л. 14.

этого развитие Троицка не остановилось, город продолжал строиться, но новых академических научных учреждений в нем уже не размещали.

В Черноголовке в 1980-е гг. был построен по проекту местной мастерской № 7 ГИПРОНИИ новый комплекс для исследований в области самораспространяющегося высокотемпературного синтеза⁴⁷², проводимых сектором горения и взрыва Института химической физики. Решение о строительстве было принято в 1979 г.⁴⁷³, а в 1987 г. на базе сектора⁴⁷⁴ был организован самостоятельный Институт структурной макрокинетики — то есть своим рождением он обязан развитию исследований внутри Черноголовки, что и обусловило его размещение в научном центре. Комплекс занял площадку, ранее предназначавшуюся для Института новых химических проблем (см. параграф 3.3) по соседству с Институтом физики твердого тела. Территория была поделена на ряд зон: научно-исследовательскую, экспериментально-производственную, складскую и зону служб эксплуатации и транспорта [Илл. 5.10]. При этом здания комплекса, весьма разнообразные по функциональному назначению, не были объединены в единую структуру, а оказались расположены свободно.

Благодаря исключительности технологического наполнения и вследствие этого сложности и разнообразия проектов каждого из корпусов, институт получил развитую и сложную объемно-пространственную композицию [Илл. 5.11]. Хотя фасады многих корпусов решены в традиционном с начала 1960-х гг. ключе в виде череды полос из навесных железобетонных панелей и лент окон, в лабораторном корпусе протяженные горизонталы разорваны ритмом вертикальных ниш, делящих протяженный корпус на несколько кубов [Илл. 5.12]. Также в индустриальный характер архитектуры комплекса вносят разнообразие элементы и отдельные сооружения из красного кирпича. Так, контрольно-пропускной пункт выполнен в виде одноэтажного квадратного в плане объема, обращенного к улице высокой апсидой, прорезанной по бокам циркульными арками. Также напоминает о храмо-

⁴⁷² Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы В.А. Толмачев, И. Михайлов, В. Жуков, О. Есипчук

⁴⁷³ Постановление Совета Министров СССР от 23 января 1979 г. № 81–25

⁴⁷⁴ Дубовицкий Ф.И. Институт химической физики: очерки истории. 1992. С. 607–610.

вых композициях и одноэтажный корпус взрывных работ, в крестообразной композиции которого выделяется граненый объем взрывной камеры, накрытый шатром [Илл. 5.12].

В Пущине единственный построенный в конце 1980-х гг. новый институт — филиал Института биоорганической химии (ФИБХ)⁴⁷⁵ — разместился на одной из двух оставшихся свободными резервных площадок в продолжении основного ряда научной зоны. Планировочное решение ФИБХ оказалось никак не связано с ранее изображаемыми на генпланах мегаструктурами, а было самодостаточным. Комплекс, составленный из множества функциональных блоков, был спроектирован по отличным от ранее рассмотренных принципам — его лабораторные корпуса обладали куда более сложной объемной структурой, необходимость которой вновь была вызвана уникальным технологическим устройством [Илл. 5.13]. Но в то же время, как и спроектированные в 1960-е гг. соседи, он состоит из ряда соединенных друг с другом переходами объемов и обращен к городу блоком общего назначения [Илл. 5.14–15].

Фасады всех блоков института полностью выполнены из кирпича. Вход в него оформлен своеобразным четырехколонным портиком высотой в три этажа, который поддерживает нависающий над парадной лестницей глухой объем конференц-зала. Лабораторные корпуса получили компактное решение и высоту в шесть этажей, включая два технических. Над их объемами возвышаются пары башен вытяжной вентиляции. Вместе с одним из лабораторных корпусов блок общего назначения формирует камерное пространство внутреннего двора.

Но насколько архитектурный образ комплекса ФИБХ далек от проектов других мастерских ГИПРОНИИ для Подмосковья, настолько же он отстоит и от проектов пущинских архитекторов, еще в 1970-е гг. начавших уходить от строгости рубленых параллелепипедов к более органичным кирпичу формам с контрфорсами, арками и циркульными окнами.

Как можно заметить по научным комплексам в Шатуре и Тарусе, большое влияние в 1980-е гг. на их архитектуру оказывало участие зарубежных фирм, по-

⁴⁷⁵ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы В.С. Воронежский, В.М. Воронежская, Т.М. Богуславская, В.К. Ланин

ставлявших строительные материалы и участвовавших в строительстве. Не стали исключением и институты в Черноголовке и Пущине: для Института структурной макрокинетики из Польши были поставлены легкие металлические конструкции⁴⁷⁶, а работа над интерьерами ФИБХ по эскизам архитекторов ГИПРОНИИ была полностью передана югославской фирме «Металка». Таким образом, от зачастую дистанционного изучения и частичного заимствования зарубежного опыта в 1950–1970-е гг. советские архитекторы перешли к прямому сотрудничеству с иностранными фирмами.

ФИБХ стал последним институтом, построенным в Пущине в советское время. Появление новых научных учреждений в городе отставало от грандиозных перспектив, намеченных в 1970-е гг. Многократно пересматриваемые архитекторами в течение последующих полутора десятилетий проекты так и остались на бумаге, и научная зона по сей день сохранилась в границах генплана 1956 г.

Взросший в 1970-е гг. темп строительства и «вольности», позволявшие архитекторам ГИПРОНИИ в процессе привязки и переработки типовых проектов, а также полностью индивидуальное проектирование некоторых объектов, сулили неизменно растущему коллективу мастерской надежду на реализацию их смелых замыслов, хоть и отложенную на «перспективу». Несмотря на отставание в создании новых градообразующих предприятий в подмосковных научных центрах, в 1980-е гг. продолжали развиваться существующие, для сотрудников которых строились жилые дома и сопутствующая инфраструктура.

Проектирование научных центров в условиях ограничений 1980-х гг.

В 1980 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об ограничении строительства административных и общественных зданий»:
«Обязать министерства, ведомства СССР и Совета Министров союзных республик **не начинать в 1981–1985 годах строительство новых административных зданий, зрелищных и спортивных сооружений, Дворцов и Домов культуры.**

⁴⁷⁶ Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 216.

Строительство таких зданий и сооружений в каждом отдельном случае может быть начато только с разрешения Совета Министров СССР по представлению Госплана СССР»⁴⁷⁷.

С этого момента и без того сложная процедура согласования проектирования и строительства объектов вроде Дома ученых становилась практически непреодолимой. Хотя постановление предусматривало возможность обхода запрета в случае получения разрешения от Совета Министров СССР, в условиях снижения внимания руководства АН СССР к проблемам развития подмосковных научных центров ожидать отстаивания их интересов Президиумом перед руководством страны в данном вопросе не приходилось. К тому же даже располагавшее большими ресурсами Министерство среднего машиностроения было не в силах преодолеть этот запрет. Тем не менее, постановлением разрешалось «в виде исключения» завершить строительство тех зданий, «техническая готовность которых, по данным Стройбанка СССР и Госбанка СССР, составит на 1 июля 1980 г. не менее 50 процентов»⁴⁷⁸. Это положение позволило завершить ряд объектов, начатых еще в конце 1970-х гг.

Так, в конце 1970-х гг. в Северном жилом районе Троицка началось строительство торгового центра и дома быта — первоочередных объектов будущего общегородского центра. Первый представляет собой распластанный по земле двухэтажный объем с пристроенным к главному фасаду широким массивным навесом, опертый на тонкие железные колонны. Расположенный через площадь дом быта, наоборот, был выполнен в виде компактного трехэтажного объема с приставленной к середине главного фасада лестничной башней [Илл. 5.16–5.17], органические очертания плана которой напоминают о здании палеонтологического музея в Москве, также спроектированного в ГИПРОНИИ. По соседству должны были вырасти здания спортивного корпуса, кинотеатра, а в перспективе — здание ГК КПСС и горсовета с памятником В.И. Ленину, Дом ученых, библиотека, дом пионеров и др. [Илл. 5.18] Но проектирование этих объектов либо было прекра-

⁴⁷⁷ Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 14 июня 1980 г. № 486 «Об ограничении строительства административных и общественных зданий» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 935. Л. 183–184.

⁴⁷⁸ Там же.

щено в 1980 г., либо к нему так и не успели приступить. Такая же судьба постигла здания общегородского центра в Пущине. Там же в 1980 г. остановилось возведение грандиозного спортивного комплекса со стадионом. Строить его начали в 1977 г., были проведены земляные работы, сооружены металлические конструкции для трибун, практически готово к сдаче было здание спортивного клуба.

В то же время в Пущине в 1981 г. успели закончить строительство дома быта⁴⁷⁹ в микрорайоне «АБ» [Илл. 5.19]. В его основу лег индивидуальный проект общественно-торгового центра, реализованный десятилетием ранее в микрорайоне «А» Черноголовки. От исходного образа сохранилась объемная композиция в виде каре и отстоящая от нее лестничная башня, но в остальном он был радикально переработан в пущинской мастерской № 9 ГИПРОНИИ архитектором В.А. Трошиным. Кровля лишилась консольного навеса по периметру, а фасады получили облицовку белым камнем. Кроме уже упомянутой лестничной башни к еще двум сторонам здания были акцентные элементы: марш, поднимающийся к ЗАГСу, встречала разорванная полуциркульная стенка, а лестницы к магазину и библиотеке были накрыты асимметричным портиком, глухие стенки которого прорезали две арки. Переходы, соединяющие лестничную башню и портик с основным зданием, выделяются большими циркульными окнами — элементом, уже встречавшимся в проектах 1970-х гг., в том числе пущинских (жилые дома для малосемейных в микрорайоне «АБ»). Белокаменные фасады здания продолжают ряд проектов 1970-х гг. — блоков общего назначения институтов и расположенного по соседству с домом быта ресторана при гостинице.

В течение 1980-х гг. была доведена до завершения реализация проекта северо-восточного квартала микрорайона «АБ»: достроены все три дома для малосемейных и многосекционный жилой дом, выполнено благоустройство — во всех сооружениях было продолжено использование красного лицевого кирпича, начавшееся с экспериментальной школы. На бумаге остался лишь гараж на 75 автомобилей, который архитекторы задумывали вписать в рельеф. Но главное — был построен в 1982–1986 гг. по индивидуальному проекту детский сад «Сказка»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.А. Трошин

⁴⁸⁰ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы В.С. Воронежский, Т.Л. Лайко, Т.М. Богуславская

Если до конца 1970-х гг. в подобных случаях архитекторы подмосковных научных центров обращались в ЦНИИЭП учебных зданий, то это была полностью внутренняя работа мастерской № 9 ГИПРОНИИ. Поскольку участок имел уклон, за счет его террасирования территория детского сада была органично вписана в пространство двора, а также организовано внутреннее ее зонирование [Илл. 5.20]. Здание получило развитую симметричную объемную композицию с шестью блоками групповых, обращенными на запад, юг и восток — каждый из них имел завершение в виде террас, фланкированных скошенными стенами с арками. Эти объемные элементы, ранее также присутствовавшие в проекте Дома ученых, а также метод работы с красным кирпичом [Илл. 5.21] демонстрируют связь автора объекта — В.С. Воронежского — с иркутской архитектурной школой. Покинувший сибирский город десятилетием ранее архитектор не терял творческой связи с бывшими коллегами так же, как ранее, работая в Иркутске, он оставался на одной волне с однокурсниками из группы НЭР⁴⁸¹.

Хуже дела обстояли в Черноголовке. Как упоминалось в параграфе 4.2, в 1980 г. было остановлено строительство торгового центра в микрорайоне «Б» этого научного центра. Такая же судьба постигла возводившееся там здание АТС. В течение последующего десятилетия в городе продолжали возводиться лишь жилые дома и базовая инфраструктура: типовая школа из индустриальных конструкций, детский сад по повторно применяемому проекту, разработанному ЦНИИЭП учебных зданий для Черноголовки в начале 1970-х гг. Выделяется на этом фоне лишь здание поликлиники, построенное по индивидуальному проекту Гипронииздрава: оно получило необычную композицию из трех блоков-лучей, сходящихся со смещением вокруг треугольного ядра [Илл. 5.22].

В течение 1980-х гг. в Черноголовке была построена спроектированная ранее жилая группа домов-«скоб» в микрорайоне «Б» [Илл. 5.23] — их скомпоновали из типовых девятиэтажных секций серии 86. Если фасады первого дома, сданного в 1985 г., были возведены из желтого лицевого кирпича, то для двух последующих использовался уже более доступный серый силикатный кирпич. Дополнить этот

⁴⁸¹ Антипин К.С. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 88–97.

комплекс в соответствии с замыслом 1970-х гг. должны были высотные башни — для них было решено применить повторно проект, разработанный в мастерской № 1 института Мосгражданпроект. Построен был лишь один такой дом. В конце 1980-х гг. важным градообразующим фактором в развитии Черноголовки стал Институт структурной макрокинетики. Организация нового института подтолкнула архитекторов к разработке целого ряда нацеленных на его функционирование объектов: для 2100 сотрудников нового института возникла потребность в жилье и объектах обслуживания⁴⁸². Архитекторы мастерской № 7 спроектировали 22-этажное здание общежития гостиничного типа на 500 мест с развитым обслуживанием (детский сад, кафе и т. д.), а также учебный центр с учебным блоком, помещениями общего назначения (спорт и отдых) и общежитием на 200 мест для студентов и ученых, приезжающих на учебу и переподготовку. Учебный центр должен был состоять из разновысоких (от 2 до 6 этажей) объемов, спускающихся к водоему в виде системы террас⁴⁸³. Удивительно, но в 1988 г. даже начались строительные работы по намыву и организации искусственного рельефа вдоль речки Черноголовки, но в 1992 г. и проектирование, и строительство все же свернули⁴⁸⁴. Единственное, что в итоге было осуществлено в условиях ограниченности ресурсов и спешки — строительство трех 17-этажных панельных домов московской серии П-44⁴⁸⁵.

Но и в других научных центрах в 1980-е гг. панельная застройка стала преобладать. Микрорайон «АБ», который с конца 1960-х гг. осознавался архитекторами Пущина как ключевой ансамбль, возводился крайне медленно из-за дороговизны строившихся в нем из красного кирпича домов. В то же время потребность города в жилье нарастала, и потому параллельно с ним в 1980-е гг. началась застройка типовыми панельными и блочными домами нового микрорайона «Д». Научному

⁴⁸² Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 217.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ «Мой самый удачный проект!» Владимир Алексеевич Толмачев — главный архитектор города 70-80-х годов // URL: <https://chgbiblio.ru/archives/43986> (дата обращения: 28.02.2025)

⁴⁸⁵ «Строительство панельных домов в Черноголовке в 1990 г. было в 15 раз быстрее темпов строительства кирпичных» (Черноголовку сложно испортить // Институтский проспект. 2012. № 3, 27 сентября. С. 6–9).

центру удалось добиться разрешения на индивидуальное проектирование и строительство в нем микрорайонного общественно-бытового центра⁴⁸⁶. О ситуации, в которой возводилось здание, говорят его фасады из рядового, а не лицевого кирпича низкого качества. Тем не менее двухэтажное здание с галереей и акцентом в виде открытой винтовой лестницы на углу [Илл. 5.24] — одно из нескольких нежилых объектов, спроектированных и построенных в 1980-е гг. в Пущине. Другой такой объект — столовая «Орион»⁴⁸⁷ в научной зоне с архитектурой, очень близкой микрорайонному центру: это тоже двухэтажное здание из красного кирпича с балконом-галереей и акцентной лестницей на углу, в данном случае завернутой вокруг плоской стены [Илл. 5.25] — похожая в 1970-е гг. была построена у здания музыкальной школы.

В условиях ограничений, наложенных на строительство культурных и спортивных объектов, архитекторы вместе с руководством научных центров стали искать пути их обхода. Наиболее элегантно из ситуации сумели выйти в Троицке. Хотя жилая застройка велась по типовым проектам из крупноборных элементов, высотные 16-этажные каркасные дома архитекторы придумали устанавливать на индивидуально спроектированные кирпичные цоколи [Илл. 5.26], в которых размещались различные предприятия обслуживания: библиотека, центр информатики, кафе, ЗАГС, почта, дом быта, помещения общества охраны природы и др. Эти встроенно-пристроенные объекты формально относились к жилому дому, что облегчало и согласование их проекта, и финансирование строительства⁴⁸⁸. Таким образом даже большое и на первый взгляд обособленное здание магазина «Детский мир»⁴⁸⁹ благодаря тонкой перемычке, соединяющей его с соседним жилым домом, проходило в титульном списке единой строкой с ним [Илл. 5.27]. Среди

⁴⁸⁶ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.А. Трошин

⁴⁸⁷ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.А. Трошин

⁴⁸⁸ «Школы, поликлиники, больницы, объекты инженерного обеспечения финансировались соответственно по разделам: “образование”, “здравоохранение”, “коммунальное строительство”. Встроенно-пристроенные объекты относились к разделу “жилищное строительство”» — из беседы с Т.Г. Никулиной, сотрудницей отдела капитального строительства управления делами АН СССР, работавшей в Троицке с 1970 г.

⁴⁸⁹ Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитекторы Г.А. Булатова, В.К. Лотов

пристроек значилась даже спортивная школа в микрорайоне «В»⁴⁹⁰ — однако перемичку между зданием и жилым домом в итоге из проекта убрали, просто построив их рядом [Илл. 5.28]. Всего с такими встроенно-пристроенными объектами было возведено около двух десятков жилых домов.

Своего рода «территорией свободы» встроенно-пристроенные объекты для архитекторов были еще в 1970-е гг., но нашли ее в ту пору еще далеко не все. Наиболее известным памятником такого рода является здание аптеки, построенное в московском районе Орехово-Борисово по проекту А.Д. Ларина и Е.В. Асса в 1973 г.⁴⁹¹ Однако особенно активно лазейку эксплуатировали в районе Перова и Новогиреева, за проектирование которых отвечала мастерская № 12 (с 1978 г. — № 5) Моспроекта-1 под руководством В.В. Лебедева, где и работали архитекторы А.Д. Ларин и Е.В. Асс. В этих районах было построено множество разнообразных по функции объектов — от детского сада и библиотеки до выставочного зала, магазинов, ателье, ЗАГСа и санэпидемстанции.

Другим полностью индивидуальным проектом, реализованным в Троицке в начале 1980-х гг., стало здание общественно-культурного центра с выставочным залом, домом книги и кафе⁴⁹² [Илл. 5.29]. Все упомянутые объекты выполнялись из кирпича, дававшего большую свободу в формировании пластики фасадов, которой пользовались архитекторы: многообъемные композиции были нагружены аркадами, прорезаны циркульными окнами, некоторые углы скруглялись. Зачастую в работе также принимали участие и художники, оформляя фасады скульптурными композициями из металла или керамики.

Способ обхода ограничений, использовавшийся в Троицке, не был чем-то оригинальным и применялся для упрощенного преодоления согласований в некоторых местах еще с 1970-х гг. Можно вспомнить, как в Черноголовке в 1974 г. спроектировали административное здание как «пристройку к дому № 26 (вспомогательный блок)». Однако в 1980-е гг. в этом научном центре других проектов по-

⁴⁹⁰ Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.К. Лотов

⁴⁹¹ *Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И.* Ленинград: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. М., 2021. С. 134–135.

⁴⁹² Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Н. Банит, Г.А. Булатова, Г. Васильев

добным образом не реализовывали. Зато способ, хоть и с меньшим размахом, применялся **в Пущине**. В виде пристройки к блочному дому серии II-68 в микрорайоне «Д» было построено здание поликлиники [Илл. 5.30], в микрорайоне «Г» к двум таким же домам вдоль проспекта Науки была пристроена торговая галерея, а в нижней части того же микрорайона, примыкающей к территории на тот момент «замороженного» спортивного комплекса, были возведены жилые дома со спортивной школой и лингафонным кабинетом [Илл. 5.31].

Но, пожалуй, наиболее ярким объектом, реализованным в Пущине в 1980-е гг., стал дом аспиранта и стажера с пристроенным к нему зданием лица⁴⁹³. Индивидуальный проект дома был разработан на основе номенклатуры элементов блочной серии домов II-68. Верхняя часть Г-образного в плане многоэтажного жилого комплекса была увенчана кубическими объемами мастерских для художников, прорезанными гигантскими циркульными окнами. Вписанные в единую раму с рядами балконов, ниши которых выкрашены в красный, они были возведены из красного кирпича и смотрелись весьма органично [Илл. 5.32]. Октагональный объем лица имел сложную и необычную для своего типа компактную структуру: с задней стороны размещались классы, в центре — двусветный атриум актового зала, а с фронта — двухуровневая галерея с крыльцом. Ее линейные ограждения из простых белых железобетонных плит выступали в роли акцента на фоне большого краснокирпичного сооружения со сложной пластикой фасадов в виде циркульных и полуциркульных окон, арок, грузных наличников и фасций на свободных плоскостях.

Обобщая, можно сказать, что в условиях перехода АН СССР к новому формату размещения научных учреждений в окрестностях Москвы, когда традиционное распределение между Пущиным, Черноголовкой и Троицком уступило место поиску альтернативных площадок в малых городах, в перечисленных научных центрах практически прекратилось возникновение новых комплексов. Амбициозные прогнозы, ставшие основой генеральных планов, не сбылись. В Троицке практи-

⁴⁹³ Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, В.А. Трошин

чески не реализовывались новые проекты, а в Черногловке и Пущине было построено по одному новому институту. Тем не менее эти два комплекса — Института структурной макрокинетики и ФИБХ — масштабные и индивидуально спроектированные в местных мастерских, отличаются от рассмотренных проектов московских мастерских ГИПРОНИИ. Их авторы ничего не заявляют о модульной подоснове своих проектов, в то время как московские коллеги в том или ином виде продолжают в публикациях говорить о ее наличии как об одной из существенных особенностей своих проектов. В то же время сотрудники подмосковных мастерских ГИПРОНИИ существенно больше были погружены в проектирование объектов гражданского назначения, а московские архитекторы при создании новых учреждений в Шатуре и Переславле-Залесском делегировали эту работу проектировщикам, не находящимся в структуре АН СССР. Даже в экспериментальном проекте «Научного комплекса АН СССР 2000» жилье отсутствовало.

Как видно, существенных стилистических изменений в архитектуре рассмотренных зданий в подмосковных научных центрах в 1980-е гг. не происходило: стремясь к завершению начатых ранее ансамблей, архитекторы, даже пересматривая принятые ранее проекты, не вводили каких-то принципиально новых приемов. Вынужденной мерой стало увеличение доли полносборных домов в застройке и переориентация текущего фронта работ на проектирование встроенно-пристроенных к ним объектов. Тем не менее на перспективные планы это не влияло: руководства научных центров предпринимали попытки найти новые направления для развития своих городов, а архитекторы в местных мастерских ГИПРОНИИ, насчитывающих к началу 1980-х гг. десятки сотрудников, не оставляли надежд на полноценную реализацию своих замыслов, разрабатывали новые масштабные проекты, не забывая также регулярно перерабатывать и улучшать старые.

5.3 Консервация замыслов развития научных центров

Экономический упадок оказался не единственной проблемой, вставшей перед архитекторами в начале 1980-х гг.: демиургические замыслы градостроителей, видевших благо для своего города в реализации заложенных в генплан ансамблей и дальнейшем росте за счет возникновения новых предприятий, в это время начали

вступать в противоречие с желаниями других жителей. Охранительские настроения советского общества, выражавшиеся в крупных городах в стремлении сберечь их историческое наследие, в молодых академгородках были нацелены на защиту природы⁴⁹⁴. Если проектировщикам свободные пространства виделись площадками для «откладывающейся» реализации их проектов, то для остальных пустующие в течение нескольких десятков лет поляны стали частью привычной среды, на месте которой не хотелось видеть грандиозных комплексов.

Локальный конфликт, разгоревшийся на этой почве между градостроителями и градозащитниками Пущина, в несколько утрированной форме продемонстрирован в документальном фильме «Нужны ли городу бобры» (1983, реж. Г. Пчелякова, СССР)⁴⁹⁵. В конце 1970-х гг. похожим образом ситуацию подал В. Песков в «Комсомольской правде»:

«Любопытно, что из всех, посягавших на берег, наиболее настойчивыми оказались архитекторы. (Выигрышное место для любой из построек — пересеченный склон, близость воды). Архитекторы и теперь еще зарятся на зеленые склоны к воде. Но хочется думать, что пущинцы уже не уступят»⁴⁹⁶.

Но ситуацию нельзя назвать уникальной: в более глобальном ключе это противоречие описал еще в 1974 г. А. Лефевр, введя понятия "Representations of space" (представления о пространстве тех, кто принимает решения о том, каким оно будет, — в данном случае архитекторов) и "Representational space" (воспринимаемое жителями пространство)⁴⁹⁷. Философ утверждал, что архитекторы часто видят пространство абстрактно и функционально, в то время как жители воспринимают его через свой личный и социальный опыт, что неизбежно влечет конфликты и недовольство на всем протяжении истории. Дж. Джейкобс в похожем, но более конкретном ключе в 1961 г. критиковала именно модернистские подходы —

⁴⁹⁴ Варламова М.В. Исторический аспект развития ландшафтно-экологического каркаса города Пущино Московской области // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2019. Т. 23. № 3. С. 72–78.

⁴⁹⁵ Док. фильм «Нужны ли городу бобры». 1983. // URL: <https://rutube.ru/video/3634fdeb268d2c3c4c93006de765c67b/> (дата обращения: 25.05.2022)

⁴⁹⁶ Песков В. Пущино на Оке. Размышления о новых ценностях городского устройства // Комсомольская правда. 1977. № 300 (16107), 25 декабря. С. 4.

⁴⁹⁷ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, UK, 1991. pp. 38–39.

за утопичность их социальных идей и игнорирование реальных потребностей жителей⁴⁹⁸.

Однако ситуация в Пущине оказывается сложнее и парадоксальнее: наиболее радикальные исходные «оттепельные» замыслы 1950–1960-х гг. с их проницаемостью, невысокой плотностью, вниманием и соразмерностью застройки и леса оказались созвучны ожиданиям жителей, даже не будучи осуществленными в полной мере, а, возможно, и благодаря этому. Так что «конфликт» вспыхнул лишь в 1980-е гг., когда в городской ткани уже стали ощутимы те изменения, которые наметились в проектах 1970-х гг. — на смену легкости пришли тенденции к уплотнению и необруталистскому «утяжелению». Парадокс научных центров особенно ярко проявляется в сравнении с крупными городами, где микрорайоны 1960-х гг. быстро превратились в символ серости и безликости, став объектом иронии и карикатур. В Пущине, Троицке и Черноголовке та же ткань из типовых проектов оттепельного модернизма, напротив, была воспринята как ценность. Здесь «коробки» не задавливали среду, а растворялись в лесе.

В 1984 г. благоустройство Пущина стало темой работы Центральной экспериментальной студии Союза художников СССР⁴⁹⁹. Художники и архитекторы со всей страны на протяжении полутора месяцев изучали среду города и выполнили проектную программу ее развития⁵⁰⁰. Деятельности «Сенежской студии» посвящен труд шведского исследователя Т. Куббина, в котором исследователь трактует ее подход как критический по отношению к модернизму⁵⁰¹. Художественный руководитель проводившегося в Пущине семинара М.А. Коник сравнивал результат его работы с «веткой, "проросшей" из существующего генерального плана»: действительно, замысел может быть интерпретирован как попытка деконструировать проект ГИПРОНИИ и надстроить новый смысловой слой в ткани города, выделив в нем его культурное и экологическое начала.

⁴⁹⁸ *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. 1992. pp. 374–375.

⁴⁹⁹ Сенежская студия / Евгений Розенблюм, 1964–1991. Екатеринбург, 2019. С. 185.

⁵⁰⁰ *Коник М.А.* Архив одной мастерской. Сенежские опыты. М., 2003. С. 200–209.

⁵⁰¹ *Cubbin T.* Soviet Critical Design: Senezh Studio and the Communist Surround. 2019. pp. 172–176.

В отличие от поздне-, но все же глубоко модернистских замыслов архитекторов ГИПРОНИИ, видевших Пушкино незавершенным проектом, в котором все несчастья жителей должны были отпасть с наступлением проектной «перспективы», в основе предложенной коллективом из 30 авторов программы «Пушино — арт-полис» был контекстуальный и во многом постмодернистский подход, каким его описывал Ч. Дженкс: это не только идеологическое противопоставление модернизму, но и стилистический эклектизм⁵⁰². Проектные предложения заключались не в детализации или очередной корректировке генерального плана, а исходили из существующего положения города и настроений его жителей. То есть, возвращаясь к концепции А. Лефевра, работали именно с "Representational space".

Новый взгляд на замылившие глаза местным архитекторам проблемы города дал плоды: к примеру, центральную площадь, а вернее поляну, вместо строительства на ней грандиозного комплекса Дома ученых, было предложено оставить почти нетронутой, заглубив общественные постройки в землю [Илл. 5.33]. Вместо превращения микрорайона «АБ» в рассчитанный на абстрактного стороннего наблюдателя «кремль» участники семинара «Сенежской студии», как и архитекторы ГИПРОНИИ в начале 1960-х гг., выдвинули идею включения в систему городских пространств усадьбы Пушкино-на-Оке — она оказывалась на перекрестии экологической тропы, проложенной вдоль берега и маршрута, ведущего от главной площади к реке. В предложенной программе можно заметить и стремление к отказу от строгого зонирования городских пространств, которое еще в 1961 г. стало предметом критики Дж. Джейкобс⁵⁰³. Рекреационная функция, по генплану отнесенная к берегу Оки, теперь была рассредоточена между жилой и зеленой зонами.

Закономерно и объяснимо теми же теориями⁵⁰⁴, что архитекторы пушинской мастерской ГИПРОНИИ, столкнувшись с радикально противоречащим их замыслам предложением, не торопились отказываться от своих взглядов. Будучи, бук-

⁵⁰² Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / перевод А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М., 1985. С. 127.

⁵⁰³ Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. 1992. pp. 115, 239.

⁵⁰⁴ Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / перевод А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М., 1985. С. 132.

важно, сотрудниками научного института, они как никто олицетворяли философскую суть архитектуры модернизма как «тотального института»⁵⁰⁵: хотя к 1980-м гг. архитекторы уже редко декларировали своей миссией формирование нового человека, они все же претендовали на монополию в определении окружающей его среды. В этом плане градостроителей-модернистов можно сравнить с учеными в понимании Т. Куна: «...члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей»⁵⁰⁶. Советские архитекторы почти не воспринимали исходившую извне профессионального сообщества критику, которая, к тому же, ставила под сомнение их элитарную роль⁵⁰⁷. «...отказ от науки вообще... отражается... на ученом. Своими коллегами он неизбежно будет осужден как “плохой плотник, который в своих неудачах винит инструменты”»⁵⁰⁸.

Постмодернизм в целом отвергал позитивизм, лежавший в основе работы ГИПРОНИИ и других советских проектных институтов. «Сенежская студия» функционировала в рамках Союза художников СССР, и хотя в ее семинарах принимало участие большое число архитекторов, всерьез их предложения почти не рассматривались, поскольку они лежали вне «научного» поля. Разработка проектов Пущина продолжилась в русле прежних идей, в других же научных центрах работа шла еще более спокойно и замкнуто. Такое положение дел отличает научные центры от населенных пунктов, проектирование которых осуществлялось архитекторами из крупных исторических городов. К 1980-м гг. их представления о городе будущего как фантастическом мегаполисе, наполненном различными техническими чудесами, потеряли свою привлекательность⁵⁰⁹.

⁵⁰⁵ Речь идет не о буквальном переносе концепции Э. Гоффмана (*Гоффман Э. Тотальные институты...*), но о том, что советская практика архитектурно-градостроительного проектирования претендовала на всеохватное и исключительное воздействие на жизнь общества.

⁵⁰⁶ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 228.

⁵⁰⁷ Джэнкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма / перевод А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М., 1985. С. 12.

⁵⁰⁸ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 114.

⁵⁰⁹ Косенкова Ю. Наследие и советский город 1980-х // Проект Байкал. 2024. № 79. С. 106.

Активный виток творческих поисков пришелся на перестройку и начало 1990-х гг., когда архитекторы продолжали, с одной стороны, искать решения для «перспективных» территорий и объектов, а с другой — участвовали в поисках новых драйверов развития городов, в которых жили и сами. К этому времени относятся замыслы В.С. Воронежского, который спустя полтора десятилетия после утверждения эскиза застройки 1976 г. решил пересмотреть проект микрорайона «АБ» Пущина. В архиве его работ сохранилась масса калек с набросками планировки западного подцентра и перспектив высотного комплекса в нем [Илл. 5.34].

Но все же реальное положение дел в ту пору заставляло руководства научных центров и Академии наук обсуждать скорее не развитие, а сохранение городов:

«...государственная политика в области финансирования науки сегодня такова, что фактически ведет к обнищанию и разрушению исторически сложившихся научных центров, в том числе и мирового уровня, подобных Пущинскому. В их создание в свое время были вложены огромные средства и усилия государства и Академии наук, здесь получили развитие современные научные направления, созданы широко известные научные школы. Ныне же в Пущинском научном центре сокращается финансирование научных исследований, падает уровень оплаты специалистов, молодые сотрудники уезжают за рубеж. Практически прекратилось обновление оборудования, поставка реактивов, поступление литературы, без чего научная работа невозможна. Недостаточное финансирование академических учреждений сказывается на всех сторонах жизни города: на занятости населения, социальных программах, строительстве, содержании жилья и городской инфраструктуры»⁵¹⁰.

Темп стройки при этом не обеспечивал реализацию и пятой доли намеченного: в генплане Пущина середины 1970-х гг. архитекторы исходили из прогноза роста населения города к 1990 г. до 51 тысячи человек; в 1980 г. новый расчет дал более скромную оценку в 32 тысячи жителей, а проектная «перспектива» отдалась к 2000 г. В действительности, к 1990 г. Пущино не достигло даже 20 тысяч, после чего рост практически остановился. Аналогично население Черноголовки по генплану середины 1970-х гг. намечалось в 40 тысяч человек, но едва перевалило за 20 тысяч. Несколько иначе сложилась судьба Троицка: 20 тысяч жителей

⁵¹⁰ Пущинский научный центр: программа развития. Материалы выездного заседания Президиума РАН // Вестник Российской академии наук. М., 1994. Т. 64, № 1. С. 4.

он достиг еще в 1977 г., когда получил статус города, однако в его состав, помимо научного центра, вошел и поселок камвольной фабрики — но в остальной ситуации была схожей.

Даже с учетом отставания роста населения от прогнозов строительство сопутствующей жилью инфраструктуры не достигало нормативных показателей, так что все крупные сооружения общегородского масштаба остались на бумаге. Замыслы архитекторов против их воли перешли из категории реального в категорию «бумажного» проектирования⁵¹¹. Осознать этот факт, будучи внутри процесса, было невозможно, ведь в умах градостроителей одна часть ансамбля была неотделима от другой. А развитие хоть и шло существенно медленнее намеченного и выражалось в основном в строительстве лишь панельных жилых домов, еще не остановилось. Если работа архитекторов в том же ГИПРОНИИ, но в Москве, была сопряжена с периодической сменой объектов и локаций проектирования, то сотрудники мастерских в подмосковных научных центрах оказались заложниками собственных проектов. Их творческие амбиции упирались в реалии времени, а любовь к городам как единственным творениям не давала идти на компромиссы и вынуждала ждать лучших времен.

Так, не желая «портить» недостроенный ансамбль микрорайона «АБ» в Пушкине панельными домами, архитекторы мастерской № 9 дали начало микрорайону «Д», удаленному от прежней застройки⁵¹². Но ни одна из масштабных творческих идей в 1980–1990-е гг. так и не была воплощена, что естественным образом удовлетворило горожан, отстаивавших сохранение лугов и оврагов. По сей день поляна у въезда в город, предназначавшаяся в проектах с начала 1960-х гг. для размещения высотной доминанты, остается пустующей, равно как и пространство, сберегавшееся архитекторами для строительства общегородского центра с Домом ученых. Почти в первозданном виде течет через центр Черноголовки од-

⁵¹¹ Если архитекторы вроде А.С. Бродского и И.В. Уткина сознательно уходили в область концептуального творчества, отказываясь от претензий на реализацию своих замыслов, то архитекторы ГИПРОНИИ ни в коем случае не оставляли уверенности в необходимости осуществления разрабатываемых ими проектов.

⁵¹² Литвиненко П. С краю. Микрорайон Д // Пушкино. 2021. 19 января. URL: <https://naukograd.io/articles/9> (дата обращения: 25.05.2024)

ноименная речка, а лес в Троицке так и остался границей города, не превратившись в буферную парковую зону между жилой застройкой и кольцами ускорителей.

Ограничение строительства общественных зданий в 1980 г.⁵¹³ было лишь констатацией общего для страны экономического упадка, который вскоре ударил и по жилищному строительству. В 1980-е гг. в научных центрах в основном строили жилье — причем из сборных железобетонных конструкций, так как редкие партии кирпича шли на пристройки к ним и самостоятельные здания, в которых размещались учреждения обслуживания. Общественные объекты, возведенные в этот период, были редкостью и появлялись даже не в порядке исключения, а благодаря поиску «лазеек» в нормативах. Но все же большинство грандиозных замыслов (центральные ансамбли, Дома ученых, спортивные и культурные комплексы) осталось на бумаге.

Так, естественным образом и против воли архитекторов реализовывалась тенденция к сохранению природного ландшафта, который жители начинали воспринимать как важную часть городской идентичности. Градостроители, существующие в модернистской парадигме, продолжали считать себя единственно компетентными в вопросах развития среды, в то время как новые социальные и культурные веяния (экологические и градозащитные движения, альтернативные художественные инициативы вроде «Сенежской студии») противостояли демиургическим планам. Эти конфликты раскрыли проблему недооценки реальных потребностей жителей, а также уязвимость претензий на исключительное право на определение облика города. Постепенно в среде архитекторов и художников нарастал интерес к контекстуальному, человекоориентированному проектированию, хотя в официальных градостроительных структурах оставалась сильна инерция модернистских идеалов.

⁵¹³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1980 г. за № 486 «Об ограничении строительства в 1981–1985 годах административных и общественных зданий и сооружений» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 935. Л. 183–184.

Рассмотрение в первом параграфе этой главы контекста проектирования новых научных комплексов в конце 1970-х — в 1980-е гг. вне Пущина, Черноголовки и Троицка позволило увидеть, что сложившаяся в них к концу 1980-х гг. ситуация была обусловлена далеко не только общесоветскими факторами. На протяжении 1960–1970-х гг. научные центры всегда были местом исключительным: особое устройство систем проектирования и строительства, сосредоточенных в руках единого заказчика, лояльное отношение согласующих органов к смелым замыслам архитекторов, которые, будучи реализованными, нередко становились объектами показа для иностранных делегаций. Теперь же подмосковные научные центры оказались вне актуальной повестки создания новых исследовательских комплексов, для которых в том числе при участии Е.П. Велихова выбирались другие площадки. Потеря интереса со стороны нового руководства АН СССР потребовала от подмосковных научных центров самостоятельного решения проблем и поиска путей дальнейшего развития.

Столкнувшись с экономическими, политическими и социальными реалиями позднего советского периода, архитекторы и руководство научных центров находили способы обхода ограничений: наиболее органично это было сделано в Троицке, где цокольные этажи жилых домов и пристройки к ним, предназначенные для культурных, торговых и бытовых предприятий, позволили не только закрыть потребности в обслуживании, но и существенно разнообразить монотонную среду из типовых панельных домов. Феномен встроенно-пристроенных объектов отразился и на градостроительном проектировании: в 1980-е гг. архитекторы закладывали все меньше пространств для отдельностоящих общественных зданий.

В условиях постепенного наступления кризиса модернистской парадигмы в отечественной архитектуре подмосковные научные центры вступили в период концептуальной неопределенности: прежние амбиции и планы упирались в ограничения, а сколь-нибудь амбициозные альтернативные идеи развития все равно не могли быть осуществлены без поддержки «сверху». Именно в этот период возникли трения между архитекторами-модернистами и горожанами, традиционно не входившими в треугольник основных акторов (заказчик — проектировщик — строитель): на волне поднимающейся озабоченности советского общества эколо-

гическими проблемами впервые была поставлена под сомнение необходимость развития научных центров в смысле их роста, а также реализации грандиозных ансамблей. В случае Пущина свежие взгляды привели к появлению иных концепций — более контекстуальных и открытых к участию в обсуждении городской среды людей, не входящих в профессиональное архитектурное сообщество. Но в конечном счете все они остались на бумаге, естественным образом удовлетворив чаяния жителей не о развитии городов, но о консервации их существующего положения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование подмосковных научных центров, являющихся уникальными архитектурно-градостроительными феноменами, было предпринято нами с целью представления модели описания их проектирования. Подход к изучению модернистских городов не в качестве статичных «застывших» ансамблей, а в виде сложных динамических образований, архитектурный облик которых складывался поэтапно на протяжении нескольких десятилетий, является существенным новшеством данной работы. Архитектурное проектирование рассматривается нами как творческий процесс, в котором проектные решения менялись вследствие взаимодействия множества акторов: архитекторов, заказчиков в лице Президиума АН СССР и руководства институтов, а также органов власти. Выбранный ракурс, опирающийся на принцип историзма и подход институциональной истории, значительно обогатил существующий инструментарий формально-стилистических, биографических и культурологических методов, используемых в исследованиях истории советской архитектуры.

В ходе данного исследования была последовательно рассмотрена история проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг. и определены их основные архитектурно-стилевые характеристики. Атрибутированы ключевые здания и комплексы, в ряде случаев впервые подробно описанные на основе архивных материалов и натурного изучения; уточнены датировки их создания; показана эволюция проектных замыслов; в виде ряда схем представлено развитие организационной структуры проектного института ГИПРОНИИ [Схемы 1–5]. Но главное — в результате были выявлены основные факторы, под влиянием которых формировались и развивались архитектурно-градостроительные замыслы подмосковных научных центров, и установлена взаимосвязь между изменениями в характере творческого процесса и действиями отдельных персоналий и институций.

Исторические этапы проектирования научных центров. Развитие подмосковных научных центров происходило под влиянием множества разных факторов, в творческом процессе их проектирования с 1950-х по 1980-е гг. можно выделить четыре ключевых исторических этапа:

середина 1950-х — начало 1960-х гг.: этап «выдворения» строительства новых академических НИИ из столицы по инициативе Н.С. Хрущева, совпавший с инициированными им же реформами советской архитектуры.

1960-е гг.: этап формирования новых научных центров в Подмосковье, основными акторами которого стали Президиум АН СССР и архитекторы ГИПРОНИИ.

1970-е гг.: этап усиления и автономии подмосковных научных центров, на котором управление их развитием во многом перешло на места и туда же — вновь организованные в Черноголовке, Пущине и Троицке мастерские ГИПРОНИИ — было передано и проектирование.

1980-е гг.: этап деприоритизации и консервации, когда поддержка научных центров со стороны Президиума АН СССР ослабела, а их руководство вместе с архитекторами оказалось вынуждено самостоятельно искать возможности и пути дальнейшего развития; на волне подъема популярности экологической повестки жители выступали за сохранение городов в существующем виде.

При этом важным дополнением этой картины явилось рассмотрение истории проектирования академгородка в Москве с середины 1930-х по начало 1950-х гг. — этот этап был обусловлен стремлением руководства страны приблизить АН СССР к себе за счет перевода ее учреждений в новую столицу и размещения главного здания на Крымской набережной.

Архитектурно-стилевая периодизация. Рассмотрение архитектурно-стилевой эволюции проектов научных центров 1950–1980-х гг. позволило выделить в ней три основных периода:

середина 1950-х — начало 1960-х гг.: период творческих поисков, выразившихся в нелинейных стилевых трансформациях, прослеженных в проектах научных учреждений, — от полного избавления от декора к постепенному его возвращению в виде редуцированной неоклассики. Аналогичная непоследовательность переходных процессов выявляется и в более инертной области градостроительства: проекты планировок, сперва сведенные к приему строчной застройки, затем начинают возвращаться к периметральному принципу.

1960-е гг.: период господства интернационального модернизма — павильонной архитектуры со свободными фасадами и ленточным остеклением, лапидарностью объемов жилых домов и свободной планировкой микрорайонов. Особое внимание уделялось при этом выразительности акцентных элементов: козырьков зданий, подпорных стенок, малых архитектурных форм и объектов монументального искусства. В то же время происходило активное включение природы в архитектурную среду путем сохранения леса либо озеленения, имитирующего природный ландшафт.

1970–1980-е гг.: период позднего модернизма, рождавшегося в процессе усложнения фасадной пластики, утяжеления форм; большее разнообразие и в то же время замкнутость обрели в это время и планировочные решения. Все это обусловило формирование своеобразия каждого из подмосковных научных центров. Однако в 1980-е гг. получил распространение феномен встроенно-пристроенных объектов, в компактных объемах которых оказалось сосредоточено разнообразие пластически выразительных форм.

Предложенные наименования этапов творческого процесса и архитектурно-стилевых периодов в высокой степени условны и отнюдь не универсальны. Последние не являются описаниями отдельных стилей, а лишь обобщают их совокупность в пределах рассматриваемых городов.

Сопоставление выделенных архитектурно-стилевых периодов в проектировании научных центров с существующей периодизацией советской архитектуры позволило сделать следующие выводы:

Прочерчивание нижней границы «современной архитектуры» (в случае изданий советских лет) или эпохи «советского модернизма» (в случае современных трудов) по 1954–1955 гг. очевидно является чрезмерным упрощением. Но даже в случае попыток обозначения существования переходного периода во второй половине 1950-х гг. исследователи до сих пор описывали его как «негативный процесс упрощения»⁵¹⁴, тогда как на примере научных комплексов нам удалось выявить обратную динамику. После резкого спада выразительности в 1954–1956 гг. замет-

⁵¹⁴ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I. М., 2001. С. 643.

но нарастание фасадной пластики: усиливаются членения, возвращаются мотивы ордерной структуры фасада в форме редуцированной неоклассики. Это увеличение касается направления изменений, а не абсолютной сложности, которая остается существенно ниже, чем в предшествовавшее кампании по борьбе с «излишествами» время.

В 1960-е гг. анализ динамики трансформаций замыслов позволил в большей мере понять задачи и возможности архитектурного проектирования на данном этапе: его творческая составляющая стала во многом реализовываться в области градостроительства (в расстановке объектов на плане), в то время как работа над зданиями заключалась в «привязке» типовых проектов — рутине с минимумом возможностей по внесению изменений.

Период 1970–1980-х гг. исследователи характеризуют по-разному, но общим местом является увеличение монументальности и экспрессивности форм, проявление локального своеобразия — что согласуется с примером научных центров. Но если в целом в СССР в 1980-е гг. многие отмечают проникновение отдельных постмодернистских практик в архитектуру, то в научных центрах мы почти ничего подобного не наблюдаем. Единственный явно постмодернистский концепт был предложен для Пущино «Сенежской студией», в то время как сотрудники местных мастерских ГИПРОНИИ продолжали работать внутри модернистской парадигмы. На этом фоне нами было замечено распространение феномена встроенно-пристроенных объектов, практика проектирования которых в историографии отражена фрагментарно. Практика интеграции обслуживания имеет более ранние прецеденты в советской архитектуре, но в 1970–1980-е гг. она получила иной масштаб — и в случае научных центров мы можем утверждать, что рассредоточение культурно-бытового обслуживания по цоколям и пристройкам жилых домов повлияло и на градостроительное планирование: в 1980-е гг. архитекторы стали закладывать все меньше пространств для отдельностоящих общественных зданий.

В полной мере понять причины выявленных несоответствий между принятой стилиевой периодизацией советской архитектуры и выделенными периодами архитектурно-стилевой эволюции проектов научных центров можно через **сопостав-**

ление архитектурно-стилистических особенностей научных центров с характеристиками исторических этапов творческого процесса их проектирования:

Первое установленное противоречие связано с тем, что краткосрочная динамика творческих поисков 1950-х — начала 1960-х гг. почти не анализировалась: процесс обычно описывают как плавный переход от одного «большого стиля» к другому. Массовый поворот к типовому проектированию сделал редкими серии сопоставимых индивидуальных проектов одной функции и одного коллектива, без которых невозможна фиксация локальной динамики переходного процесса. Однако для научных институтов в это время по-прежнему требовались индивидуальные проекты, а вынос строительства из Москвы заставил ГИПРОНИИ срочно разрабатывать их заново, что и сделало их удачным материалом для анализа. При этом выявленный частный случай усложнения фасадной пластики во второй половине 1950-х гг. не опровергает принятую историографическую схему: в масштабе страны локальные процессы усредняются, сглаживая асинхронность и разнонаправленность колебаний на коротком интервале. Тем не менее наш пример показывает, что дедуктивное описание отдельных зданий через устоявшуюся схему периодизации иногда методически неверно.

Одним из объяснений второго несоответствия является неполнота описания механизмов позднесоветского проектирования на уровне институтов и мастерских. История этого периода чаще реконструируется через яркие образцы, тогда как логика принятия проектных решений рассматривается точечно и не сводится в целостную картину. За последние два десятилетия появилось множество исследований, посвященных отдельным сооружениям, архитекторам и городам — эти работы уточняют или оспаривают устоявшиеся оценки, но пока не сложились в цельный нарратив: системного сопоставления разрозненных «пятен» источниковой базы еще не предпринималось. Анализ действий различных акторов позволил нам установить, что встроенно-пристроенные объекты служили способом обхода введенных руководством страны ограничений на проектирование и строительство административных и общественных зданий. Влияние принятого в 1980 г. постановления, ставшего отправной точкой для описанного процесса, до сих пор не

осмыслялось исследователями прицельно, а фигурировало лишь как обстоятельство в историях отдельных «замороженных» из-за него объектов.

Таким образом, результаты исследования позволяют дополнить историю отечественной архитектуры более подробным и сложным представлением о стилевых трансформациях второй половины 1950-х гг., детальнее разобраться в сути рядовой архитектурной практики, а также на примере ограничительного постановления 1980 г. показать, как на развитие архитектуры и градостроительства влияли не столь известные решения руководства государства.

Развитие подходов к проектированию научных комплексов. Изучение истории проектирования академгородка в Москве в 1930–1950-е гг. показало, что уже в это время в Академпроекте (с 1953 г. — ГИПРОНИИ) родился ряд важных для последующих архитектурных и градостроительных проектов решений. Во-первых, в ГИПРОНИИ уже в первой половине 1950-х гг. успели начать работу над типизацией и унификацией проектирования, создав проекты типизированных лабораторных ячеек, из которых компоновались здания НИИ. Во-вторых, в процессе проектирования кварталов научных институтов архитекторы пришли к принципу глубинного зонирования их территории, отказавшись от полностью замкнутого парадными фасадами периметра.

Предпосылкой для появления передовых архитектурных решений научных комплексов в Подмосковье стал вынужденный вывод их строительства из Москвы, где с 1954 г. Академии наук запретили возводить новые НИИ. Поэтому именно в подмосковных научных центрах в 1960-е гг. оказались осуществлены ключевые для истории архитектуры научные комплексы.

Задержка начала активной реализации проекта Пущина, вызванная отвлечением ресурсов на строительство Новосибирского Академгородка в конце 1950-х гг., привела к почти синхронному развитию всех трех подмосковных научных центров с начала 1960-х гг. В течение последующего десятилетия проекты научных центров обладали концептуальной общностью как в схемах генеральных планов, так и в композициях застройки и проектах отдельных зданий и комплексов.

Ситуация изменилась в 1970-е гг., когда в каждом из городов были организованы комплексные мастерские ГИПРОНИИ. Несмотря на общую установку на

развитие модульно-регуляционной системы по примеру Краснообска (городка СО ВАСХНИЛ), на местах архитекторы лишь частично внедряли этот подход в генпланы, а в реальной практике проектирования новых НИИ нередко проявляли собственные творческие амбиции. Теоретические идеи и методы проектирования, разрабатывавшиеся в ОНИР ГИПРОНИИ, воспринимались в подмосковных мастерских института не как единственно возможное руководство к действию, а как один из ориентиров — важный, но существующий наравне с широким рядом доступного для изучения отечественного и зарубежного опыта.

Благодаря системному рассмотрению архитектуры подмосковных научных центров 1950–1980-х гг. становится очевидно, что критический анализ многочисленных публикаций ГИПРОНИИ — ведущего института, активно занимавшегося собственной издательской программой с конца 1960-х гг. — дает важные ключи к пониманию специфики проектирования советских научных комплексов в целом. Можно заключить, что их архитектура в СССР развивалась куда более многогранно, чем это следует из «генерализирующих» публикаций института.

Описание внутренней структуры ГИПРОНИИ — ключевого института в проектировании научных центров — позволило соотнести изменения в ней с характером творческого процесса на разных этапах и прийти к выводу о том, что организация проектирования существенно влияла на характер творчества архитекторов. Если в 1950–1960-е гг. частая смена авторских коллективов способствовала одновременно и притоку свежих идей, и относительному единообразию в планировке и архитектуре подмосковных научных центров, то создание в 1970-е гг. местных мастерских, наделенных высокой автономией, привело к устойчивости замыслов и в то же время проявлению локального своеобразия в архитектуре каждого города.

Таким образом, обозначается целый ряд перспективных направлений для дальнейших исследований. Во-первых, требуется детальный пересмотр официальной риторики в профессиональных изданиях 1950–1980-х гг.: многие принимаемые на веру тезисы могут быть значительно скорректированы при обращении к архивным материалам. Во-вторых, актуальным становится выявление и переосмысление проектов, не вписавшихся в канонический нарратив, находившихся

на периферии или вне поля зрения архитектурных изданий. Подобный подход позволяет сформировать более целостное понимание истории отечественной архитектуры второй половины XX в., тем самым выходя за жесткие рамки номенклатурной иерархии.

Предложенная нами модель описания архитектурного проектирования подмосковных научных центров представляет его как сложный творческий процесс, обусловленный постоянным взаимодействием различных акторов и институций, влиянием меняющихся исторических условий и внутренней структуры проектного института ГИПРОНИИ. Эта модель позволила выйти за рамки формально-стилистического анализа и рассмотреть архитектуру научных центров в динамике ее формирования, закладывая при этом методологическую основу для последующих исследований, направленных на изучение иных эпизодов из истории советской архитектуры модернизма «второй волны».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
- АРАН — Архив Российской академии наук
- ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
- ВОМ — Воронежский областной краеведческий музей
- ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГИПРОНИИ — Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов, лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик (с 1953 по начало 1970-х гг.), Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов, лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик (с начала 1970-х по 1990 г.)
- ГлавАПУ — Главное архитектурно-планировочное управление
- ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А.В. Щусева
- ГСПИ — Государственный специализированный проектный институт
- ДВО — Дальневосточное отделение
- ИЗМИРАН — Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР
- ИФВД — Институт физики высоких давлений
- МАИ — Московский архитектурный институт (с 1970 г. — МАРХИ)
- ММ — Музей Москвы
- НЭР — новый элемент расселения
- ОКБ — Особое конструкторское бюро
- ОНИР — Отделение научно-исследовательских работ
- РАН — Российская академия наук
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- СКБ — Специальное конструкторское бюро

СО — Сибирское отделение

ФИАН — Физический институт Академии наук СССР

ФИБХ — Филиал Института биоорганической химии

ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области

ЦНИИЭП жилища — Центральный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилища

ЦНИИЭП учебных зданий — Центральный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования школ, дошкольных учреждений, средних и высших учебных заведений

ЦУКС — Центральное управление капитального строительства (Академии наук СССР)

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Авторское право на проект гостиницы “Москва”» // Архитектурная газета. 1938. № 61 (290), 3 ноября. С. 4.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 2. 1952–1958. 1279 с.
3. *Андрюшин И.А.* Укрощение ядра: Страницы истории ядер. оружия и ядер. инфраструктуры СССР / *Андрюшин И.А., Чернышев А.К., Юдин Ю.А.*; Гл. ред. *Илькаев Р.И.* Саров; Саранск, 2003. 481 с.
4. *Антипин К.С.* Архитектурный ансамбль научных институтов в Пущино: история и принципы проектирования в 1950–1980-е годы // Архитектон: известия вузов. 2024. № 2 (86). DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2024_2\(86\)_11](https://doi.org/10.47055/19904126_2024_2(86)_11)
5. *Антипин К.С.* Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. 2020. № 17 (64). С. 88–97. DOI: <https://doi.org/10.7480/PROJECTBAIKAL.64.1640>
6. *Антипин К.С.* Интервью с Владимиром Банитом // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 98–101. DOI: <https://doi.org/10.7480/PROJECTBAIKAL.64.1641>
7. *Антипин К.С.* Конкурс форпроектов Академии наук 1934–1935 годов: обстоятельства поручения проектирования А.В. Щусеву // Художественная культура. 2024. № 3. С. 296–331. DOI: <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-3-296-331>
8. *Антипин К.С.* Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пущино 1950–1980-х годов // Философия и культура. 2024. № 6. С. 11–37. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2024.6.70744>
9. *Антипин К.С.* Проектирование системы расселения БАМа в 1970-е годы // Проект Байкал. 2025. № 22 (84). С. 112–118. DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/84.2558>
10. *Антипин К.С.* Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // Векторы. Сборник

- статей XXI и XXII международных конференций молодых ученых 2023–2024 гг. М., 2024. С. 152–171.
11. *Антипин К.С.* Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // Аспирантский сборник. Выпуск 13. Сборник статей по материалам Международного форума молодых исследователей искусства «Научная весна–2023». М., 2024. С. 305–317.
 12. Архитектор Юрий Платонов. М., 2004. 440 с.
 13. Архитектура научных комплексов // Архитектура СССР. 1976. № 2. С. 18–51.
 14. Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1966–1969. М., 1970. 320 с.
 15. Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1970–1974. М., 1975. 360 с.
 16. Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1979–1983. М., 1986. 340 с.
 17. Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1984–1988. М., 1991. 320 с.
 18. Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1983. 88 с.
 19. Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. 184 с.
 20. Атомный проект СССР: Док. и материалы в 3 т. Т. II в 7 кн. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 5. М.; Саров, 2005. 696 с.
 21. *Афанасьев К.Н.* А.В. Щусев. М.: Стройиздат, 1978. 191 с.
 22. *Банит В., Силинский П.* Иркутский проект. Точка на карте науки // Правда. 1972. № 34 (19542), 3 февраля. С. 3.
 23. *Баранов Н.* Современное градостроительство (строительство и реконструкция городов 1945–1957 гг.) // Доклады V конгресса МСА. М., 1958. 130 с.
 24. *Бархин Б.* Музей Революции. Об итогах конкурса проектов нового здания // Строительство и архитектура Москвы. 1971. № 3. С. 10–16.
 25. *Бархин М.* Здание Президиума Академии наук СССР // Строительство и архитектура Москвы. 1968. № 9. С. 12–17.

26. *Баталов Л.* Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // *Архитектура СССР*. 1957. № 5. С. 29–30.
27. *Баталов Л.* На теплоходе «Победа» вокруг Европы // *Трибуна строителя*. 1956. № 34 (77), 21 августа. С. 4.
28. *Белоконь А.* Архитектура жилища в современных формах монолитного домостроения // *Архитектура СССР*. 1973. № 7. С. 41–43.
29. *Белый М., Орлов И.* Научный городок под Новосибирском // *Архитектура СССР*. 1960. № 6.
30. *Белявский А.* Книга об организации и проектировании научных центров // *Архитектура СССР*. 1970. № 10. С. 47.
31. *Бёк Н.* Финские сборные дома для ученых и рабочих в СССР // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2021. С. 258–278. DOI: <https://doi.org/10.25995/NIITIAG.2021.17.2.027>
32. *Биркенберг В.С.* Кто же автор этих проектов? // *Архитектурная газета*. 1937. № 63 (207), 8 сентября. С. 3.
33. *Бирюков М.Г.* 60 лет на передовых рубежах развития отечественного СТО для российской микроэлектроники // *НАНОИНДУСТРИЯ*. 2022. Т. 15. № 5. С. 248–252.
34. *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. 165 + 80 с.
35. *Богданович К.И.* Здания научного назначения в условиях возрастающей мобильности процессов научно-исследовательской деятельности // *Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР*. М., 1983. С. 28–36.
36. *Боков А.В.* «Параллельная архитектура» оттепели и застоя. Визионеры последнего советского десятилетия. М., 2024. 184 с.
37. *Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И.* Ленинград: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. М., 2019. 344 с.

38. *Броновицкая А.Ю., Малинин Н.С., Пальмин Ю.И.* Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. 2-е изд., испр. М., 2019. 352 с.
39. *Броновицкая А.* НИИ периода строительства коммунизма // Проект Россия. 2007. № 4 (46). С. 145–152.
40. *Бугаев Р.С.* Конструирование «города-леса» Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959 гг.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 106–114. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-4\(81\)-106-114](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114)
41. В Академии строительства и архитектуры СССР // Архитектура СССР. 1959. № 1. С. 65.
42. В ознаменование всенародного праздника // Архитектура СССР. 1967. № 8. С. 10–11.
43. В центральном доме архитектора // Архитектура и строительство Подмоскoвья. 1978. № 1. С. 17.
44. *Вавакин Л.В.* Профессионализм в деятельности главного архитектора. По итогам деятельности главного архитектора московской области (1976–1981) и города Москвы (1987–1996). М., 2009. 220 с.
45. «Важные вопросы архитектуры и строительства Москвы» // Архитектура и строительство. 1950. № 8. С. 3.
46. *Вайтенс А.Г.* Научно-проектные поиски решения проблем роста населения и территории Ленинграда и их результаты к концу 1950-х гг. // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 81–85.
47. *Варламова М.В.* Исторический аспект развития ландшафтно-экологического каркаса города Пущино Московской области // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2019. Т. 23. № 3. С. 72–78.
48. *Варшавер А.* «Угольная промышленность». Итоги конкурса на проект нового павильона ВДНХ // Архитектура СССР. 1971. № 6. С. 20–24.

49. *Васильев Б.Л., Верижников С.М., Дьяконов Ю.А., Платонов Г.Д.* Города-спутники (Из опыта градостроительства за рубежом). Л.: Ленинградское отделение Госстройиздата, 1958. 151 с.
50. *Васильев Н.* Массовая архитектура и ограничения // Проект Байкал. 2022. № 19 (73). С. 108–112. DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.73.20>
51. Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. 456 с.
52. *Визгин В.П.* Атомная эра: вклад Академии наук URL: <http://www.ras.ru/atom/d68a9a39-637a-4444-b5d5-52f7c8e495f5.aspx> (дата обращения: 25.05.2022)
53. *Власов А.В.* Новые задачи — новые требования // Вечерняя Москва. 1950. № 204 (8105), 29 августа. С. 2.
54. *Власов А.В.* О работе проектных организаций и творческих задачах московских архитекторов // Городское хозяйство Москвы. 1950. № 8. С. 17–18.
55. *Водичев Е.Г.* Всегда ли «понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1 (35). С. 9–26. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26>
56. *Вулых Е.* Дома для кооперативного строительства // Строительство и архитектура Москвы. 1970. № 2. С. 17–20.
57. *Гарин С.* Сочтемся славою... // Литературная газета. 1952. № 99 (2972), 16 августа. С. 2.
58. *Глазычев В.Л.* Город без границ. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
59. *Горлов В.Н., Артемов С.Н.* Переход на микрорайонный принцип застройки Москвы во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг.: противоречия становления и развития // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 1. С. 79–97. DOI: <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-1-79-97>
60. *Горлов В.Н.* Речь Н.С. Хрущева на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. как один из первых шагов в направлении десталинизации советского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 2. С. 126–131.

61. *Гоффман Э.* Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений / пер. с англ. А.С. Салина; под ред. А.М. Корбута. — М., 2019. 464 с.
62. *Дадаян С.Х.* Научный городок Сибирского отделения Академии наук СССР. Основные данные из проектного задания. М.: ВИНТИ, 1958. 8 с.
63. *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма / перевод А.В. Рябушина, М.В. Уваровой; под ред. А.В. Рябушина, В.Л. Хайта. М., 1985. 136 с.
64. *Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А.* Академическая наука в России в XVIII–XX веках и эволюция пространства для исследований // Academia. Архитектура и строительство. № 3. 2017. С. 5–16.
65. *Дианова-Клокова И.В., Метаньев Д.А.* Методические аспекты архитектурного проектирования комплексов науки и инноваций // Academia. Архитектура и строительство. № 1. 2020. С. 49–58. DOI: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2020-1-49-58>
66. *Долгова Е.А.* Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2024.6.2.16>
67. *Долгова Е.А.* «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 726–741.
68. *Доморацкий В.П.* Моя Ока. Юбилейные заметки. М., 2001.
69. *Доморацкий В.П.* Нарциссы из прошлого. Исторический очерк. М.: Научный мир, 2014. 144 с.
70. *Доморацкий В.П.* Проектирование академических институтов // Вестник Российской Академии наук. 2010. Т. 80. № 3. С. 251–257.
71. *Доморацкий В.П.* Проекты и люди эпохи созидания. Личные свидетельства // Наугоград. 2016. № 4. С. 28–39.
72. *Доморацкий В.П.* У истоков создания академических научных центров 1938–1964 гг. Коломна, 2009. 28 с.
73. *Дорохин Н., Мендельсон Н.* Первые шаги // Трибуна строителя. 1955. № 43, 29 декабря. С. 2.

74. *Дружинин П.А.* «Дело Щусева». 1937 год в истории советской архитектуры. М., 2025. 592 с.
75. *Дубовицкий Ф.И.* Институт химической физики: очерки истории. 1992. 812 с.
76. *Дубовская Г.Г.* Архитектор Дубовский Анатолий. Черноголовка, 2005. 210 с.
77. *Дульгьер Ю.* Наше общее дело // Трибуна строителя. 1955. № 43, 29 декабря. С. 2.
78. *Духанов С.С.* Проблемы формирования благоприятной архитектурно-планировочной среды в городах Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 101–113.
79. *Ермолаев А.И.* Этапы становления молекулярной генетики в СССР // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 24 сент. 2017 г.) / редкол.: *О.Н. Широков и др.* 2017. С. 12–20.
80. *Журавлева А.* Архитектурный центр микрорайона // Архитектурное творчество СССР. Вып. 2. М., 1974. С. 114–115.
81. *Зарудко В.В.* Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. 201 + 80 с.
82. *Зарудко В.В.* Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 80–88.
83. Здания и радиационная защита ускорителей электронов. М., 1974. 36 с.
84. Здания лабораторий для работы с радиоактивными веществами / *В.Б. Дубровский, В.В. Корневский, О.А. Ларина, А.Я. Яковлев.* М., 1989. 318 с.
85. Здания ускорителей. М., 1976. 200 с.
86. Знакомьтесь: новые члены СА // Моспроектовец. 1963. № 14, 12 апреля. С. 3.
87. *Зосимов Г.И.* Влияние коммуникационной инфраструктуры на формирование элементов городского плана: дис. ... канд. архитектуры. М., 1977. 146 + 42 с.
88. *Зосимов Г.И.* Модуль в планировочной структуре города // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 28–32.

89. *Зосимов Г.И.* Пространственная организация города (модуль в планировочной структуре). М., 1976. 120 с.
90. *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I. М., 2001. 656 с.
91. *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. II. М., 2002. 672 с.
92. *Истомин С.А.* Системное формирование функционально-планировочной структуры научного комплекса: дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. 140 + 24 с.
93. *Казакова О.В.* Проектирование Всемирной выставки 1967 года в Москве. Поиск образа современности в архитектуре начала 1960-х годов: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 140 с.
94. *Казакова О.В.* Советский модернизм: второе пришествие // Проект Байкал. 2014. № 11(39-40). С. 60–63. DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.39-40.702>
95. *Калашников Н.Г.* Архитектура «оттепели»: стилистические альтернативы и маргиналии // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 144–160.
96. *Карпов А., Панфиль А., Платонов Ю.* Научный центр и жилой район СО ВАСХНИЛ // Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 14–31.
97. Каталог выставки «Алексей Щусев.150». М.: Кучково поле Музеон, 2023. 655 с.
98. *Кириченко С.И.* Планирование и проектирование строительства научно-исследовательских учреждений: дис. ... канд. экономических наук. М., 1970. 240 с.
99. *Комиссаров В.* Широко развивать самокритику и критику снизу // Вечерняя Москва. 1953. № 50 (8872), 28 февраля. С. 2.
100. *Коник М.А.* Архив одной мастерской. Сенежские опыты. М., 2003. 324 с.

101. *Косенкова Ю.Л.* Долгий путь к городу. К постановке проблемы изучения советского градостроительства 1950-х — начала 1980-х гг. // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Серия: Политематическая. 2011. Вып. 3 (17). С.
102. *Косенкова Ю.* Наследие и советский город 1980-х // Проект Байкал. 2024. № 79. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2295>
103. *Косенкова Ю.Л.* Распад и интеграция советского города в представлениях архитекторов 1950-х – начала 1960-х гг. // Социология города. 2011. № 4. С. 5–14.
104. *Косинова Е.В.* Архитектура второй волны модернизма на примере наукоградов Новосибирской агломерации // Баландинские чтения. 2020. Том XV. С. 215–220. DOI: <https://doi.org/10.24411/9999-001A-2020-10026>
105. *Костюк М.* Борис Иофан. До и после Дворца Советов. 2019. 320 с.
106. *Красников М.А.* Архитектурное формирование комплексов специальных научных лабораторий: дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. 134 + 90 с.
107. *Кудрявцев А.П.* Потрясающее время // Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре / под ред. О.В. Казаковой. М., 2013. С. 7–12.
108. *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11(545). С. 172–192. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-11-172-192>
109. *Кузьменко В.* На новый качественный уровень // Архитектура и строительство Подмосковья. 1980. № 4. С. 11–15.
110. *Кузьмин А.Д., Сороченко Р.Л.* Радиотелескоп РТ-22 — первая научная установка города науки Пущино // Пущинская радиоастрономическая обсерватория АКЦ ФИАН: 50 лет (1956–2006). Юбилейный сборник статей по истории обсерватории. 2006. С. 5–21.
111. *Кулигин Н.* На пороге новых задач // Трибуна строителя. 1959. № 7, 17 февраля. С. 2–3.
112. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. 605 с.
113. *Ладинский А.С., Чернецов Н.Н.* Город науки. // Архитектура. Иллюстрированная вкладка Строительной газеты № 21, 18 октября 1964. С. 1–4.

114. *Ланно Г.М., Полян П.М.* Наукограды России: вчерашние запретные и полуза-
претные города — сегодняшние точки роста // Мир России. 2008. № 1. С. 20–
49.
115. *Лебедев В.* Премия на международном конкурсе // Архитектура СССР. 1972.
№ 2. С. 51–53.
116. *Левина Е.С.* Наука под прессингом системы: история несостоявшегося в
Москве Международного генетического конгресса (1935–1938 гг.) // ИИЕТ
РАН. Годичная научная конференция 1998. М.: ИИЕТ РАН, 1999, С. 196–201.
URL: <http://ihst.ru/projects/sohist/papers/lev98i.htm>
117. Леонид Павлов. М., 2015. 336 с.
118. *Леонова В.А., Варламова М.В.* Состояние древесных насаждений трех усадеб
на правом берегу реки Оки около города Пущино Московской области // Ма-
териалы семинара, посвященные 115-летию со дня рождения С.Н. Палентре-
ер и 15-летию факультета ландшафтной архитектуры Московского государ-
ственного университета леса «Объекты культурного наследия – проблемы со-
хранения, восстановления и развития». Мытищи, МГУЛ, 10–11 декабря
2015 г. М.: МГУЛ, 2016. С. 44–48.
119. *Литвиненко П.* Высокая культура проектирования // URL: [https://tatlin.ru/
articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya](https://tatlin.ru/articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya)
120. Лучшие произведения советских зодчих. 1983–1985 гг. М., 1991. 416 с.
121. *Лысая Д.А.* Наукограды России: история развития от научных поселений до
инновационного центра «Сколково» // Architecture and Modern Information
Technologies. 2017. № 3(40). С. 178–199.
122. *Ляхов Б.М.* НИИЗМ — НИЗМИР — ИЗМИРАН. Исторический очерк.
URL: <https://www.izmiran.ru/info/personalia/npushkov/Istoriya/lyakhov1.html>
(дата обращения: 25.05.2022)
123. *Малимонова Л.В., Мигава А.А.* Троицк, его историческое прошлое и настоя-
щее. М., 1991. 43 с.
124. *Малич К.* «Пришел, увидел — побежден!» Советские и британские архитек-
торы в 1930–1960-е годы. М., 2024. 192 с.

125. *Марков Н.В.* Академия наук и Ленинские горы // Архитектурная газета. М., 1935. № 3. С. 4.
126. *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. 85 с.
127. *Милютин Н.А.* Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М., Л., 1930. 83 с.
128. Московские зодчие. Юрий Платонов // Строительство и архитектура Москвы. 1979. № 11. С. 24–28.
129. Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. 120 с.
130. Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Пространственная организация научных комплексов. М., 1976. 140 с.
131. Научно-производственные комплексы. М., 1991. 240 с.
132. Научные центры Академии наук СССР. М., 1969. 72 с.
133. Научный центр. Модели развития. М., 1977. 112 с.
134. Научный центр Сибирского отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина // Архитектура СССР. 1983. № 8. С. 12–13.
135. *Несмеянов Н.А.* На качелях XX века. М., 2018. 480 с.
136. *Новиков Ф.А.* Зеленоград — город архитектора Игоря Покровского. М.: «Кучково поле», 2019. С. 35–36.
137. *Образцов А.* Торговые центры малых городов // Архитектура СССР. 1967. № 4. С. 49–57.
138. *Орлов И.Б.* Планировка и застройка научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР // Проблемы советского градостроительства. М., 1961. № 13. С. 29–43.
139. *Орлова Г.А.* Контакты третьей степени: Заметки о витринной науке // Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 64–87.
140. *Пекарева Н.* Институт проблем управления в Москве // Архитектурное творчество СССР. Вып. 7. М., 1981. С. 51–53.

141. *Песков В.* Пушино на Оке. Размышления о новых ценностях городского устройства // Комсомольская правда. 1977. № 300 (16107), 25 декабря. С. 4.
142. *Пискунов М.О.* «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/459/18>
143. *Платонов Ю.П.* Архитектура науки. Черноголовка, 1972. 40 с.
144. *Платонов Ю.П.* Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. 120 + 125 с.
145. *Полякова А.Л.* Архитектор Леонид Михайлович Поляков. М.: КДУ, 2008. 119 с.
146. Проблемы пространственной организации научных учреждений. М., 1974. 123 с.
147. Проектирование научных комплексов / *Ю.П. Платонов, К.И. Сергеев, Г.И. Зосимов.* М., 1977. 136 с.
148. Проектирование зданий научного назначения / *Б.А. Савельев, Ю.П. Платонов, Д.А. Метаньев, Н.Р. Фрезинская* // Вестник Академии наук СССР. 1975. № 9. С. 88–101.
149. Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. 127 с.
150. Пространственная организация научных комплексов за рубежом. М., 1971. 180 с.
151. Пространственная организация научных комплексов физического профиля за рубежом. М., 1972. 190 с.
152. Пространственная организация НИИ в крупных городах. М., 1981. 126 с.
153. Пушино — город науки, город для человека // Архитектура СССР. 1984. № 4. С. 41–46.
154. Пушинский научный центр: программа развития. Материалы выездного заседания Президиума РАН // Вестник Российской академии наук. М., 1994. Т. 64, № 1. С. 4–20.

155. *Раннев В.Р.* Научно-исследовательский институт физики высоких давлений // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 90–92.
156. *Ревзин Г.И.* Наукограды в России: вопросы генезиса // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.
157. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 4. 1953–1961 годы. 783 с.
158. *Сабуров П.* Городок науки на Оке // Трибуна строителя. 1956. № 33 (76), 14 августа. С. 2.
159. *Сабуров П.Д.* Типовое проектирование НИИ и НИЛ // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 46–52.
160. *Савельев Л., Стапран О.* «Жизнь и деятельность архитектора Щусева» // Правда. 1937. № 239 (7205), 30 августа. С. 4.
161. Сенежская студия / Евгений Розенблюм, 1964–1991. Екатеринбург, 2019. 288 с.
162. *Семенов А.В.* Дизайн мебели в СССР: проектирование и производство (1920–1980-е гг.): дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2019. 264 с.
163. *Сергеев К.И.* Архитектурно-планировочная организация научных зон в структуре города (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. 138 + 70 с.
164. *Сергеев К.И.* Архитектурно-пространственное формирование научных зон // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Проблемы пространственной организации научных учреждений. М., 1973. С. 37–40.
165. *Сергеев К.И., Кулешова Г.И.* Семь десятилетий на службе отечественной науке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Том 78. № 12. С. 1093–1102.
166. *Смоляр И.М.* Новые города. Планировочная структура городов. М.: Стройиздат, 1972. 184 с.
167. Советская архитектура. Ежегодник. 1961. М., 1963. 154 с.
168. «Сочтемся славою...» // Литературная газета. 1952. № 147 (3020), 9 декабря. С. 2.

169. *Стрельцова П.* Советская архитектурная оттепель и мировой контекст // Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство / авт.-сост. *И.В. Чепкунова, П.Ю. Стрельцова, К.А. Кокорина, М.Р. Аметова.* М.: Кучково поле Музеон, 2020. С. 33–39.
170. *Сулимов А.А., Ермолаев Б.С., Комиссаров П.В.* Девяносто лет лаборатории взрывных процессов в конденсированных системах ИХФ РАН // Горение и взрыв. 2021. Т. 14. № 2. С. 109–118.
171. *Титова Н.* Ландшафтная архитектура города науки // Архитектура СССР. 1966. № 2. С. 12–14.
172. У проектировщиков ГИПРОНИИ // Трибуна строителя. 1956. № 12, 20 марта. С. 3.
173. *Узбекова Ю.И.* Научное сообщество и механизмы выбора региональных траекторий развития АН СССР в середине 1950-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № S1. С. 83–87.
174. *Ушаков Ю.С.* Опыт проектирования и строительства Новосибирского Академгородка // Пути развития и формирования новых городов на современном этапе (обзор). М., 1970. С. 65–69.
175. *Филиппов В.Д.* Происхождение строчной застройки // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 2. С. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2020.02.20>
176. *Флаум А.Я.* Академия наук СССР в Москве // Вестник Академии наук СССР. Л., 1934. № 11–12. С. 49–56.
177. Функционально-пространственная организация. М., 1972. 88 с.
178. *Хигер Р.* Конкурс форпроектов зданий Академии наук в Москве // Архитектура СССР. 1935. № 3. С. 10–21.
179. *Хомутецкий Н.Ф.* За высокую идейность архитектурной критики // Строительство и архитектура Ленинграда. № 3. 1969. С. 15–19.
180. Центракадемстрой, 50 лет. М., 1987. 96 с.
181. Черноголовку сложно испортить // Институтский проспект. 2012. № 3, 27 сентября. С. 6–9.

182. *Чупахина Л.* Центр культуры научного городка СО ВАСХНИЛ // Проектирование научных комплексов Сибири. М., 1982. С. 53–58.
183. *Шквариов В.А.* Проект, его функциональная и эстетическая стороны // Доклады V конгресса МСА. М., 1958. С. 13.
184. *Шубин Б.* Проектирование и строительство научных комплексов Сибири // Проектирование научных комплексов Сибири. Новосибирское отделение ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1982. С. 10–20.
185. *Шубин Б.* Субъективные заметки директора института // Наука в Сибири. 1997. № 13 (2199). С. 4.
186. *Шубин Б.* Субъективные заметки директора института // Наука в Сибири. 1997. № 14 (2200). С. 4.
187. *Шумная И., Смоляр И.* Проблемы планировки городов науки // Архитектура СССР. 1969. № 11. С. 18–24.
188. *Щербаков В.В.* Тарусские моменты // Обратный отсчет времени. 40 лет Институту космических исследований Российской академии наук. М., 2006. 271 с.
189. *Щусев А.* Академия наук СССР. Проект главного здания // Архитектура СССР. 1938. № 12. С. 28–33.
190. *Щусев А.В.* Гигантский комплекс // Архитектурная газета. 1936. 31 декабря. № 72. С. 1.
191. *Ярлов Ю.* Город большой науки // Архитектура СССР. 1967. № 6. С. 47–51.
192. *Braybrooke S.* Design for Research. Principles of Laboratory Architecture. New York, 1986. 193 p.
193. *Chmelnizki D.* Alexey Shchusev. Architect of Stalin's Empire Style. Berlin: DOM, 2021. 159 p.
194. *Cubbin T.* Soviet Critical Design: Senezh Studio and the Communist Surround. 2019. 226 p.
195. *de Haas L.A., Wadman S.S.* The Waalre complex of Philips Research Laboratories // Philips Technical Review. 1970. Vol. 31. No. 5/6. pp. 153–167.

196. *Domingo-Calabuig D.* Master Plan for the Loughborough University of Technology: An Endless Campus? // ZARCH. 2020. No. 14. pp. 100–113. DOI: https://doi.org/10.26754/ojs_zarch/zarch.2020144296
197. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. 1992. 474 p.
198. *Jansen Gration M.J.* The planning of the new complex of buildings for Philips research laboratories in the Netherlands // Philips Technical Review. 1962/1963. Vol. 24. No. 11/12. pp. 385–395.
199. *Jordy W.H.* Medical Research Building for Pennsylvania University, Philadelphia // The Architectural Review. 1961. Vol. 129. No. 2 (768). pp. 99–106.
200. *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford, UK, 1991. 464 p.
201. The Design of Research Laboratories: The Report of a Study Carried Out by the Div. for Architectural Studies of Nuffield Foundation. Oxford University Press, 1961. 211 p.
202. *Thomas D.* Loughborough University of Technology; Growth Change and Grid Discipline // The Arup Journal. 1967. Vol. 1. No. 6. pp. 7–15.
203. V конгресс Международного союза архитекторов. Москва 21–26 июля 1958 года: сокращенный стенографический отчет. М., 1960. 487 с.
204. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т I. М., 1956. 559 с.

ИСТОЧНИКИ

1. 13 апреля — 275-й день проекта «Имена Воронежа» // URL: [https://communa.ru/obshchestvo/13_aprelya - 275-y den proekta -imena voronezha/](https://communa.ru/obshchestvo/13_aprelya_-_275-y_den_proekta_imena_voronezha/)
(дата обращения: 25.05.2022)
2. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1935). Д. 24.
3. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1935). Д. 25.
4. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 107.
5. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 258.
6. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260.
7. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 421.
8. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1937). Д. 127.
9. АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1938). Д. 9.
10. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1948). Д. 47.
11. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 335.
12. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 75.
13. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 76.
14. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1955). Д. 268.
15. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1956). Д. 88.
16. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1957). Д. 22.
17. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 53.
18. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1958). Д. 54.
19. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 51.
20. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1959). Д. 52.
21. АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1972). Д. 38.
22. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 367.
23. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 432.
24. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 445.
25. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 605.
26. АРАН. Ф. 2. Оп. 6м. Д. 171.
27. АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 75.

28. АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1934). Д. 13.
29. АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1935). Д. 22.
30. АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 4.
31. АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24.
32. АРАН. Ф. 411. Оп. 11 (1938). Д. 12.
33. АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 17.
34. АРАН. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 816.
35. АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 117.
36. Архипов Евгений Александрович // МБУК «Центральная библиотека» г.о. Пушкино. URL: <https://библиотекапушино.рф/index.php/kniga-pocheta/176-arkhipov-evgenij-aleksandrovich> (дата обращения: 25.08.2025)
37. Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-banit> (дата обращения: 25.05.2022)
38. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения: 25.05.2022)
39. ВОР-5993/23 // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11427547> (дата обращения: 30.04.2024)
40. ВОР-5993/77 // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13897763> (дата обращения: 25.05.2022)
41. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 453. Л. 210.
42. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106А. Д. 959.
43. ГНИМА НФ-ОФ-1532/1
44. Док. фильм «Нужны ли городу бобры». 1983. // URL: <https://rutube.ru/video/3634fdeb268d2c3c4c93006de765c67b/> (дата обращения: 25.05.2022)
45. ММ ОФ-15166/186.
46. ММ ОФ-15166/189.
47. «Мой самый удачный проект!» Владимир Алексеевич Толмачев — главный архитектор города 70-80-х годов // URL: <https://chgbiblio.ru/archives/43986> (дата обращения: 25.08.2025)
48. Краткая историческая справка о ФИРЭ им. В.А. Котельникова РАН // URL: https://fireras.su/index.php?main=abt_r.htm (дата обращения: 25.05.2022)

49. Никита Хрущев критикует проект Академгородка, 1959 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=bimD_iVWHGI (дата обращения: 25.05.2022)
50. Отдел архивных документов администрации г.о. Троицк. Ф. 2. Оп. 1. Д. 279.
51. Постановление СНК от 26 сентября 1930 г. № 626 «О разгрузке города Москвы» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК № 280 от 10 октября 1930 г.
52. Постановление СНК СССР от 25 апреля 1934 г. № 965 «О переводе Академии наук Союза ССР в Москву» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 26 апреля 1934 г., № 98. С. 328.
53. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. № 1435 «О генеральном плане реконструкции города Москвы» // URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4052.htm (дата обращения: 7.12.2024)
54. Постановление Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. № 1556 «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765715511> (дата обращения: 7.12.2024)
55. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 25.05.2022)
56. Постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1956 г. № 501 «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41585#vHRuHWUlwDwnnrOE> (дата обращения: 7.12.2024)
57. Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/sbras50/03.ssi> (дата обращения: 25.05.2022)
58. Постановление ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 16 июля 1957 г. № 462-30 «Об организации Института ядерной физики Академии наук Казахской ССР» // URL: <https://inp.kz/ru/istoriya-instituta> (дата обращения: 25.05.2025)

59. Постановление Совета Министров СССР от 3 марта 1958 г. № 248 «О строительстве нового города в пригородной зоне Москвы, в районе станции Крюково Октябрьской железной дороги» // URL: <https://www.netall.ru/history/1958/base/> (дата обращения: 25.05.2022)
60. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 г. № 299 «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=36758#JmZl6T6rT2uBsC61> (дата обращения: 25.05.2022)
61. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/406006-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-ob-organizatsii-vserossiyskogo-dobrovolnogo-obschestva-ohrany-pamyatnikov-istorii-i-kultury-23-iyulya-1965-g-locale-nil-882> (дата обращения: 30.07.2024)
62. Постановление Совета Министров СССР от 30 сентября 1966 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355480-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-30-sentyabrya-1966-g-o-meropriyatiyah-po-dalneyshemu-razvitiyu-mestnoy-promyshlennosti-i-hudozhestvennyh-promyslov> (дата обращения: 30.07.2024)
63. Постановление Совета Министров СССР от 14 ноября 1969 г. № 887 «О мероприятиях по созданию научно-исследовательского комплекса по вопросам развития сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355658> (дата обращения: 30.07.2024)
64. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1980 г. № 486 «Об ограничении строительства в 1981–1985 годах административных и общественных зданий и сооружений» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 935. Л. 183–184.

65. Распоряжение Совета Министров СССР от 11 сентября 1952 г. № 23503-р // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 453. Л. 210.
66. РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 165.
67. РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 170.
68. РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 171.
69. РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37.
70. РГАЭ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 158.
71. Резолюция пленума ЦК ВКП(б), 15 июня 1931 г. «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354573> (дата обращения: 7.12.2024)
72. Сведения о Владимире Васильевиче Полухове из учетно-послужной карточки // Память народа — электронный банк документов периода Великой Отечественной войны. URL: <https://poisk.re/person/officers/7403090?ysclid=lpieg0wmj256091934> (дата обращения: 30.11.2023)
73. Татьяна Никулина: «Мы были ограничены развитием» Разговор с женщиной, которая построила Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-nikulina> (дата обращения: 10.01.2023)
74. Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. N 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901730261> (дата обращения: 25.05.2022)
75. ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 277.
76. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4770. Л. 42–46.
77. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4814. Л. 11.
78. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4821.
79. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 6421. Л. 44–49.
80. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 7471. Л. 131–135.
81. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 9473. Л. 240–244.
82. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 12998.
83. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 13722.
84. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 326.
85. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 461.

86. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 501.
87. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 591.
88. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 634.
89. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 635.
90. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 636.
91. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 658.
92. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 662.
93. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 663.
94. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 668.
95. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 766.
96. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 768.
97. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 774.
98. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 775.
99. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 776.
100. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 904.
101. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905.
102. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 918.
103. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919.
104. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 920.
105. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1000.
106. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1002.
107. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1004.
108. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1013.
109. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1023.
110. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1087.
111. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1221.
112. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1225.
113. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1297.
114. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1298.
115. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1401.
116. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1533.

- 117. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1636.
- 118. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1896.
- 119. ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 2553.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Антипин Константин Сергеевич

**Архитектура подмосковных научных центров
1950–1980-х годов**

Специальность 5.10.3. Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Том II

Научный руководитель:
кандидат искусствоведения, доцент
Хачатуров Сергей Валерьевич

Москва — 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Том II

<u>СОДЕРЖАНИЕ</u>	<u>1</u>
<u>Приложение 1</u>	<u>2</u>
<u>ИСТОРИОГРАФИЯ</u>	<u>2</u>
<u>ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ</u>	<u>10</u>
<u>Приложение 2</u>	<u>25</u>
<u>ИЛЛЮСТРАЦИИ</u>	<u>25</u>
<u>СХЕМЫ</u>	<u>192</u>

Приложение 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Советская архитектура 1950–1980-х гг. в последние десятилетия привлекает все больше внимания ученых — искусствоведов, историков архитектуры, культурологов: уже в середине 2010-х гг. ежегодно издавалось около десятка монографий, посвященных архитекторам, отдельным зданиям и ансамблям, а также другим частным сюжетам¹ — сейчас их число возросло в несколько раз. Одновременно публикуется масса научных статей, в которых также рассматриваются отдельные сюжеты из истории отечественной архитектуры второй половины XX в. При этом архитектура не только подмосковных научных центров, но советских научных учреждений и городов науки вообще представляется одной из множества лакун. С 1960-х гг. и до сих пор ее осмысление формируется в основном в стенах проектировавшего их института ГИПРОНИИ — эту деятельность ведут сотрудники его отделения научно-исследовательских работ (ОНИР). То есть в историографии данная область во многом заполнена трудами, которые в настоящий момент следует отнести к категории источников, так как они в широком смысле представляют позицию советских архитекторов — ключевых участников творческого процесса проектирования научных центров. Поэтому эти работы будут рассмотрены в следующем разделе наряду с мемуарами других участников событий и юбилейными изданиями, которым зачастую недостает архивной базы и критического аппарата.

Как было упомянуто ранее, значительное число современных исследований рассматривает научные города прежде всего с культурологических позиций, так что их архитектурно-градостроительный феномен становится частью глобальных сюжетов культурной истории, а конкретные замыслы архитекторов, мотивы заказчиков и действия власти остаются в тени. Однако существуют и работы, непосредственно посвященные архитектуре городов науки в целом, отдельным аспектам подмосковных научных центров или деятельности проектировавшего их ин-

¹ Казакова О.В. Советский модернизм: второе пришествие // Проект Байкал. 2014. № 11(39-40). С. 60–63.

ститута ГИПРОНИИ, которые в той или иной степени перекликаются с тематикой настоящего исследования.

С одной стороны, подмосковные научные центры рассматриваются теоретиками архитектуры как специфический тип советского города. Так, И.М. Смоляр в своей монографии, посвященной особенностям новых городов², выделил два самостоятельных типа городов: научно-исследовательских и научно-производственных. Если первые ориентированы в основном на научные проекты, изыскания и эксперименты, без непосредственного крупномасштабного выпуска продукции, то вторые совмещают исследовательскую базу с полноценным промышленным производством, что ведет к более интенсивному росту населения и расширению территории. Сегодня оба обозначенных И.М. Смоляром типа подпадают под определение «наукограда», но при этом их функционально-генетические признаки и, как следствие, архитектурно-градостроительное устройство — различны.

Статья Д.А. Лысой³, посвященная истории градостроительного развития наукоградов в России, ставит целью охватить не только весь спектр входящих в их список городов, но, например, Новоуральск. Ожидаемым результатом неаккуратной выборки становятся очевидно ошибочные обобщения, например: «Научные городки строились отдельно от традиционной системы городов с целью сохранения секретности их работы»⁴. Описывая деятельность ГИПРОНИИ и, в частности, проект научного центра Пущино, Д.А. Лысая почти дословно приводит несколько абзацев из публикации сотрудников института⁵, которая, в свою очередь, сама основана на текстах, публиковавшихся с 1970-х гг. под авторством его главного архитектора Ю.П. Платонова⁶.

² Смоляр И.М. Новые города. Планировочная структура городов. М.: Стройиздат, 1972. С. 139.

³ Лысая Д.А. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2017. № 3 (40). С. 178–199.

⁴ Там же.

⁵ Сергеев К.И., Кулешова Г.И. Семь десятилетий на службе отечественной науке // *Вестник Российской Академии наук*. 2008. Том 78. № 12. С. 1093–1102.

⁶ См. напр.: Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Пространственная организация научных комплексов. М., 1976. С. 5–14.

Г.М. Лаппо и П.М. Полян в своей статье⁷ также оперируют широкой выборкой населенных пунктов, включающей в себя закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) с высокой долей научных работников. При этом они более аккуратны в обобщениях и не только подробно описывают различия между перечисленными населенными пунктами, разделяя их на категории, но и производят их сравнение с военными ЗАТО. В конечном счете статья концентрирует внимание именно на вопросе закрытости научных поселений, отмечая при этом, что, например, Пущино всегда было открытым центром притяжения. Таким образом, аккуратное применение методов разных наук (теории градостроительства и экономической географии) позволяет делать дополняющие и не конфликтующие друг с другом выводы о специфике научных центров научно-исследовательского (а не научно-производственного по И.М. Смоляру) типа.

В статье «Наукограды в России: вопросы генезиса» Г.И. Ревзин очерчивает круг исследования городами-наукоградами из официального списка и также делит их генезис на четыре вектора: «1) креативные города индустриальной эпохи; 2) эпохи индустриального милитаризма; 3) созданные в эпоху репрессий; 4) противостояния в холодной войне с адаптацией технологий противника»⁸. Лишь последний пункт можно хронологически отнести к научным центрам академии наук, для которых, однако, совершенно несправедлива подобная характеристика. Также автор пишет: «города-лагеря и академические города строят одни и те же люди и город воспроизводит одни и те же институты»⁹. Ценной представляется идея Г.И. Ревзина провести параллель между Новосибирским Академгородком и Арзамасом-16, где М.А. Лаврентьев жил и работал незадолго до того, как инициировал создание и возглавил СО АН СССР:

«В Сибири он попытался создать пространство, в котором объявление генетики «продажной девкой империализма», кибернетики — «буржуазной лженаукой», борьба с теорией относительности с позиций марксизма-ленинизма и т. д. были бы невозможны в принципе. А в каче-

⁷ Лаппо Г.М., Полян П.М. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города — сегодняшние точки роста // Мир России. 2008. № 1. С. 20–49.

⁸ Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

⁹ Там же.

стве образца такой идеологической экстерриториальности он видел тот самый Арзамас-16, за колючую проволоку которого не могли пробраться марксисты-ленинисты. <...> В структуре Академгородка повторены главные элементы сталинских наукоградов. Главным принципом построения пространства города было сохранение леса. В городе четко выделялись зоны жилья для научных сотрудников, коттеджи для элиты («Золотая долина»), зона институтов. <...> Советские ученые оттепели, освободившись от Сталина, в качестве образца для своего города Солнца избрали не что иное, как формат закрытого города Берии. Их не устраивало там два обстоятельства — охраняемый периметр и отсутствие Университета. Все остальное оказалось идеальным»¹⁰.

В.Л. Глазычев в книге «Город без границ» также справедливо отмечал, что закладывавшееся в основание всех советских городов пространственное расслоение социальных групп особенно ярко проявлялось в научных городках, начиная с Новосибирского Академгородка¹¹. Также Глазычев писал: «Проектирование и строительство наукоградов в радиусе 100 километров от Москвы (Дубна, Обнинск, Пущино) в 1960-е гг. велось не без учета британского опыта, хотя, разумеется, в литературе того времени такого рода сопряженность идей принципиально замалчивалась»¹². Как ранее отмечалось, подпадающие под определение современного термина «наукоград» города имеют разную природу возникновения. В данном случае все три города создавались и развивались под влиянием различных факторов, а не были плодом единовременного замысла. В то же время проекты британских и не только градостроителей в 1950-е гг. действительно оказались на виду¹³, и в том числе их изучение легло в основу новых принципов отечественного градостроительства, сформулированных к концу 1950-х — началу 1960-х гг. Но опирались ли на зарубежный опыт, в частности, строительства городов-спутников, на этапе принятия решений о строительстве подмосковных академгородков те, кто

¹⁰ Там же.

¹¹ Глазычев В.Л. Город без границ. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. С. 343

¹² Там же. С. 112.

¹³ Малич К. «Пришел, увидел — побежден!» Советские и британские архитекторы в 1930–1960-е годы. М., 2024. С. 146–147.

принимал эти решения? Это один из вопросов, попытка ответа на который дана в диссертации (см. параграф 1.5).

Смещенность оптики исследователей на рассмотрение «атомных» городов и соответствующее искажение вытекающих из этого обобщающих выводов в отношении наукоградов в целом связано с тем, что истории советского атомного проекта посвящено гораздо больше литературы, нежели академическим научным центрам, а сегодня она еще и гораздо более доступна благодаря работе портала «История Росатома»¹⁴, занимающегося оцифровкой таких изданий. Однако эта литература зачастую основана на личных воспоминаниях, тогда как архивные источники, в том числе проектная документация, в основном остаются недоступны. Такое положение дел влечет трансляцию устойчивых мифологем и затрудняет их опровержение.

Статья А.Ю. Броновицкой¹⁵ посвящена архитектуре научных комплексов 1960–1980-х гг. Хотя в ней напрямую не рассматривается ни один из подмосковных научных центров, многие поднимаемые вопросы являются общими и потому важны для обсуждения. Так, автор пишет:

«Поворот к модернизму в середине 50-х был вынужденной мерой при переходе к дешевому и скоростному индустриальному строительству, и поначалу архитектура науки не была исключением. До конца десятилетия отраслевой проектный институт ГИПРОНИИ АН СССР... занимался разработкой унифицированных конструкций и типовых проектов. В начале 60-х картина меняется: на короткий период архитекторам была дана возможность воплощать свои представления об идеальном пространстве для научной работы»¹⁶.

И в этой, и в других работах А.Ю. Броновицкая стремится непременно обнаружить зарубежный «прототип» для того или иного советского проекта, ограничиваясь при этом исключительно выявлением их сходства (без анализа механизма трансфера). Не ставя задачу опровержения факта вдохновения сотрудников ГИПРОНИИ в начале 1960-х гг. проектами Ле Корбюзье, мы в данном исследовании постараемся также рассмотреть вопрос заимствования зарубежного опыта, но ос-

¹⁴ Портал «История Росатома» // URL: <https://elib.biblioatom.ru/>

¹⁵ Броновицкая А. НИИ периода строительства коммунизма // Проект Россия. 2007. № 4 (46). С. 145–152.

¹⁶ Там же. С. 146.

новываясь при этом на документально подтверждаемых фактах связи отечественных и зарубежных проектов. Важным кажется замечание автора, касающееся связи архитектуры советского модернизма 1960–1980-х гг. с авангардом 1920-х гг.:

«В обсуждении того же ансамбля научных учреждений у метро «Профсоюзная», частью которого был ЦЭМИ, анализируется композиция горизонтальных и вертикальных объемов... без особых отсылок к назначению и функциональным связям зданий. Если подумать, в таком рецидиве рационализма 20-х годов нет ничего удивительного, ведь представители этого течения во главе с Владимиром Кринским были преподавателями у большинства архитекторов 70-х. И хотя в обучении проекту бывшие авангардисты даже после отмены “освоения классического наследия” соблюдали сугубую осторожность, пропедевтический курс архитектурной композиции сохранялся со времен ВХУТЕМАСА практически в неизменном»¹⁷.

Статья П. Литвиненко¹⁸ об архитектуре Пущина, основанная на интервью с проектировавшими его архитекторами и на публикациях сотрудников ГИПРОНИИ советского времени, обобщает представленные в них сведения. Подобно большинству монографий, посвященных более широким темам — будь то обзоры деятельности московских проектных институтов¹⁹ и непосредственно разрабатывавшего научные центры ГИПРОНИИ АН СССР²⁰, а также их авторов-архитекторов²¹ — она описывает процесс создания научного центра как реализацию единовременного замысла. В силу этого отдельные интересные и уникальные факты оказываются отнесены к единому «периоду проектирования», на деле представляющему весьма неоднородные три десятилетия. Такой подход сглаживает хроно-

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ *Литвиненко П.* Высокая культура проектирования // URL: https://tatlin.ru/articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya (дата обращения: 10.01.2022)

¹⁹ Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1970–1974. М., 1975. С. 187–188.

²⁰ Научные центры Академии наук СССР. М., 1969; *Платонов Ю.П.* Архитектура науки. Черноголовка, 1972; Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Пространственная организация научных комплексов. М., 1976; Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989.

²¹ Архитектор Юрий Платонов. М, 2004; *Дубовская Г.Г.* Архитектор Дубовский Анатолий. Черноголовка, 2005.

логическую и идейную неоднородность: под единым «периодом проектирования» оказываются объединены три весьма разных десятилетия.

Актуальному состоянию деревьев в Пущине посвящены публикации, написанные по результатам инвентаризации, проведенной в 2013–2014 гг. студентами Московского государственного университета леса. Озеленению города действительно уделялось большое внимание на этапе его проектирования и строительства. Авторами был выполнен анализ структуры и ассортимента древесных насаждений города, а также их состояния. Так, по словам авторов, структура и ассортимент древесных насаждений в Пущине являются стандартными и обычными для озеленения Московского региона в 1960–1970-е гг.²² Особый же художественный образ академгородка создается не древесной растительностью, а планировочными решениями, выполненными в увязке с природным рельефом берега Оки. Вторая статья²³ посвящена историческому аспекту развития ландшафтно-экологического каркаса Пущина, в том числе возникновению и применению к городу программы «Экополис». В дополнение к факту применения типичных для Подмосковья древесных пород авторами сделан вывод об обусловленной этим подбором высокой устойчивости сформированных биоценозов.

Научные центры также становятся объектом внимания историков науки, однако их архитектура остается на периферии их исследований. Тем не менее Е.А. Долгова, занимающаяся историей АН СССР, в статье о проектировании подмосковных городов науки²⁴ наиболее близко подходит к некоторым вопросам, поставленным в настоящей диссертации, опираясь при этом на обширный комплекс архивных материалов, что требует более внимательного анализа ее работы. Автор

²² *Леонова В.А., Варламова М.В.* Состояние древесных насаждений трех усадеб на правом берегу реки Оки около города Пущино Московской области // Материалы семинара, посвященные 115-летию со дня рождения С.Н. Палентреер и 15-летию факультета ландшафтной архитектуры Московского государственного университета леса «Объекты культурного наследия — проблемы сохранения, восстановления и развития». Мытищи, МГУЛ, 10–11 декабря 2015 г. М.: МГУЛ, 2016. С. 44–48.

²³ *Варламова М.В.* Исторический аспект развития ландшафтно-экологического каркаса города Пущино Московской области // Лесной вестник / Forestry Bulletin, 2019. Т. 23. № 3. С. 72–78.

²⁴ *Долгова Е.А.* Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251.

описывает картину событий середины 1950-х гг., предшествовавших созданию научных городков и на основе официальных обращений АН СССР в высшие органы государственной власти и ЦК КПСС делает выводы о связи строительства научных городков АН СССР с необходимостью интенсификации фундаментальных исследований в стратегически важных областях науки. Вопрос о целеполагании создания научных центров в Подмоскowie кажется чрезвычайно важным для рассмотрения их архитектурно-градостроительных замыслов, поэтому подход Е.А. Долговой к ответу на него открывает нам путь для углубления сделанных ею выводов за счет привлечения новых источников.

Как видно, исследований, посвященных напрямую архитектуре подмосковных академических научных центров, а тем более рассмотрению их в комплексе, чрезвычайно мало, что является важнейшим аргументом для обоснования новизны данной работы. В то же время ее актуальность подтверждается выходом в последние два десятилетия огромного числа изданий, посвященных советской архитектуре 1950–1980-х гг., а также общим интересом общества к зданиям и городам этой эпохи. Число научных публикаций значительно отстает от количества популярных материалов, выставок и экскурсий, в результате уровень последних низок из-за поверхностности транслируемых интерпретаций и отсутствия опоры на достоверные источники.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В творческом процессе проектирования научных центров в Подмосковье в течение трех десятилетий по-разному было задействовано множество акторов — персоналий и институций: помимо архитекторов ГИПРОНИИ это строители и жители научных центров, руководители создаваемых или переводимых в новые поселения институтов, их сотрудники-ученые, Президиум Академии наук, а также руководство государства (Совет Министров СССР) и партии (ЦК КПСС) — понимание мотивации всех сторон дает больше возможностей для анализа архитектурных и планировочных решений городов, ставших плодом их взаимодействия. Отсюда следует необходимость работы с большим комплексом источников, отражающих точки зрения каждой из перечисленных сторон.

Принципы проектирования научных центров, сформулированные архитекторами, — один из ключей к их пониманию. Суждения советских архитекторов являются источником, требующим, как и любой другой, критического восприятия. Другой ключ — изучение обстоятельств, в которых протекала эта работа: взаимодействие между различными участниками, влиявшими на нее. А цель работы — понять, как и под влиянием каких факторов они формировались именно так, а не иначе.

В структуре проектировавшего научные центры института ГИПРОНИИ АН СССР в 1967 г. было организовано Отделение научно-исследовательских работ, аккумулировавшее и анализировавшее всю мировую практику архитектурной организации научно-исследовательских комплексов. Так, были изданы сборники, посвященные проектам научных комплексов за рубежом вообще²⁵ и физического профиля в частности²⁶.

Систематизировался и собственный опыт, издавалось большое количество книг и сборников статей, посвященных разнообразным аспектам проектирования

²⁵ Пространственная организация научных комплексов за рубежом. М., 1971. 180 с.

²⁶ Пространственная организация научных комплексов физического профиля за рубежом. М., 1972. 190 с.

научных учреждений²⁷. Первым масштабным изданием, освещающим работы института, стала книга «Научные центры». Двухязычное издание получило международное распространение, поскольку было приурочено к Пагуошской конференции, проводившейся в октябре 1969 г. в Сочи, и ее редактором выступил М.Д. Миллионщиков — председатель Советского Пагуошского комитета²⁸. В книге были опубликованы генеральный план Пущина и детальная планировка его научной зоны, а также схемы двух институтов в Троицке. В первой главе авторы классифицируют различные типы пространственной структуры научных центров, а также организации помещений отдельных институтов; во второй приводят различные проекты ГИПРОНИИ. Примечательно, что автор опубликованной в 1970 г. в журнале «Архитектура СССР» рецензии на данную книгу отмечает один из существеннейших вопросов, освещение которого систематически избегалось в советское время: «Так, рассматривая тенденции развития сети научных центров, авторы оставили в стороне вопрос о самой целесообразности создания научных центров вне крупных городов, к которым эти центры, по справедливому замечанию самих авторов, так или иначе тяготеют по своим функциональным и социальным связям»²⁹. Этот первоочередной вопрос впервые был поднят в процессе данного диссертационного исследования, и подробный его разбор приведен в первой главе данной диссертации (параграфы 1.3–1.5).

Схематические планы Пущина и Троицка были опубликованы в статье Г.И. Зосимова, посвященной планировочной структуре городов науки, включенной в первый выпущенный ГИПРОНИИ в 1970 г. сборник по вопросам проектирования, строительства и эксплуатации научно-исследовательских лабораторий, институтов, научных центров и городов науки³⁰. В других сборниках серии «На-

²⁷ *Сергеев К.И.* Архитектурно-пространственное формирование научных зон // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Проблемы пространственной организации научных учреждений. М., 1973.

²⁸ Научные центры Академии наук СССР. М., 1969.

²⁹ *Белявский А.* Книга об организации и проектировании научных центров // Архитектура СССР. 1970. № 10. С. 47.

³⁰ *Зосимов Г.И.* Модуль в планировочной структуре города // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 29.

учно-исследовательские центры, институты и лаборатории» в последующие годы рассматривались самые разные стороны проектирования: некоторые из них посвящались рассмотрению архитектурных проектов^{31, 32, 33} или вопросам пространственной организации науки в различных условиях^{34, 35, 36, 37}, но многие другие — более узким и специфическим (инженерным или технологическим) темам: к примеру, отдельные сборники были изданы по вопросам проектирования зданий лабораторий для работы с радиоактивными веществами³⁸, ускорителей³⁹ и их радиационной защиты⁴⁰.

Изданный в 1972 г. доклад главного архитектора ГИПРОНИИ Ю.П. Платонова на Первом совещании по проблемам проектирования научно-исследовательских комплексов⁴¹, прошедшем в Черноголовке, представляет собой краткую историю развития науки в целом, а также архитектуры научных лабораторий, институтов и центров в СССР. В дополнение приводятся фото проектов, сопровождающихся краткими описаниями — среди них генплан Пуштина и лабораторный комплекс в Троицке.

Наиболее обширной из изданных сотрудниками ОНИР работ об истории архитектуры академических объектов стала монография «Проектирование научных комплексов»⁴²: изданная в 1977 г., она охватывает и классифицирует большую часть стадий развития методологии, применяемой институтом в своей практике, а

³¹ Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. 184 с.

³² Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1983. 88 с.

³³ Научно-производственные комплексы. М., 1991. 240 с.

³⁴ Проблемы пространственной организации научных учреждений. М., 1974. 123 с.

³⁵ Пространственная организация НИИ в крупных городах. М., 1981. 126 с.

³⁶ Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. 127 с.

³⁷ Функционально-пространственная организация. М., 1972. 88 с.

³⁸ Здания лабораторий для работы с радиоактивными веществами / В.Б. Дубровский, В.В. Корневский, О.А. Ларина, А.Я. Яковлев. М., 1989. 318 с.

³⁹ Здания ускорителей. М., 1976. 200 с.

⁴⁰ Здания и радиационная защита ускорителей электронов. М., 1974. 36 с.

⁴¹ Платонов Ю.П. Архитектура науки. Черноголовка, 1972.

⁴² Проектирование научных комплексов / Ю.П. Платонов, К.И. Сергеев, Г.И. Зосимов. М., 1977.

также повествует о дальнейших планах по ее совершенствованию. Во второй половине 1950-х гг. в ГИПРОНИИ по аналогии с работой Л.З. Черикова по расчету параметров жилого пространства⁴³ производили антропометрические и эргономические исследования лабораторных процессов. Результаты этой работы легли в основу унификации лабораторных ячеек и индустриализации строительства научных комплексов. Авторы разделяют эту работу на семь ступеней: оборудование и приборы, рабочий пост, рабочее место, рабочая ячейка, рабочее поле (этаж, здание), группа зданий (комплекс НИИ), научный центр. Каждая из этих ступеней преодолевала стадии развития, на которых степень унификации увеличивалась, по планам достигая полной унификации в период до 1990 г.⁴⁴

К той же категории работ стоит причислить и внушительный ряд диссертаций сотрудников ГИПРОНИИ, посвященных тем же вопросам. От перечисленных выше изданий они выгодно отличаются наличием библиографий, в некоторых случаях весьма обширных, благодаря чему удалось обнаружить публикации архитекторов в менее очевидных изданиях. Не вдаваясь в подробности содержания каждой работы, перечислим авторов тех из них, на которых будем ссылаться в тексте диссертации: Д.А. Метаньев⁴⁵, М.А. Красников⁴⁶, К.И. Сергеев⁴⁷,

⁴³ Семенов А.В. Дизайн мебели в СССР: проектирование и производство (1920–1980-е гг.): дис. ... канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2019. С. 149.

⁴⁴ Проектирование научных комплексов / Ю.П. Платонов, К.И. Сергеев, Г.И. Зосимов. М., 1977. С. 91–93.

⁴⁵ Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. 85 с.

⁴⁶ Красников М.А. Архитектурное формирование комплексов специальных научных лабораторий: дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. 134 + 90 с.

⁴⁷ Сергеев К.И. Архитектурно-планировочная организация научных зон в структуре города (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. 138 + 70 с.

Ю.П. Платонов⁴⁸, В.В. Зарудко⁴⁹, Г.И. Зосимов⁵⁰, С.А. Истомин⁵¹, К.И. Богданович⁵².

Надо сказать, что эти исследования не были уникальны и параллельно ГИПРОНИИ они проводились за рубежом. В 1961 г. отделением архитектурных исследований Nuffield Foundation был издан труд “The design of research laboratories”⁵³, в котором также были опубликованы результаты исследований лабораторных процессов и приведены оптимальные размеры лабораторных ячеек, совпадающие с теми, что позднее были опубликованы в отечественных изданиях. Хотя научный аппарат в виде ссылок на литературные источники не был обязательным атрибутом всех публикаций сотрудников ГИПРОНИИ, в тех, где он присутствует (в особенности в диссертациях), есть ссылки на эту книгу и многочисленные статьи в западной периодике, посвященные более узкоспециальным вопросам⁵⁴. Для внутренних нужд в ГИПРОНИИ переводились статьи из зарубеж-

⁴⁸ Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. 120 + 125 с.

⁴⁹ Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. 201 + 80 с.

⁵⁰ Зосимов Г.И. Влияние коммуникационной инфраструктуры на формирование элементов городского плана: дис. ... канд. архитектуры. М., 1977. 146 + 42 с.

⁵¹ Истомин С.А. Системное формирование функционально-планировочной структуры научного комплекса: дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. 140 + 24 с.

⁵² Богданович К.И. Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. 165 + 80 с.

⁵³ The Design of Research Laboratories: The Report of a Study Carried Out by the Div. for Architectural Studies of Nuffield Foundation. Oxford University Press, 1961. 211 p.

⁵⁴ Платонов Ю.П. Архитектура науки. Черноголовка, 1972. С. 21; Здания лабораторий для работы с радиоактивными веществами / Дубровский В.Б., Корневский В.В., Ларина О.А., Яковлев А.Я. М., 1989. С. 157–159.

ных журналов по профильной теме⁵⁵, а в 1964 г. институт перевел упомянутую книгу⁵⁶.

“Книга *Design for Research*”⁵⁷, вышедшая в 1986 г., стала вторым крупным зарубежным изданием, посвященным вопросу проектирования лабораторных комплексов. Пять ее основных глав посвящены всевозможным вопросам, связанным с созданием научных зданий: это и взаимодействие с заказчиками и будущими пользователями зданий, и подходы к пространственной организации комплекса и помещений внутри зданий, и расположение оборудования и освещения в лабораториях и т. д. В последней же главе приводятся примеры современных лабораторных комплексов, разбираются их особенности, приводятся фотографии и схемы. К моменту выхода этой книги ОНИР ГИПРОНИИ произвел огромное число собственных исследований, и потому она важна в первую очередь не как источник знаний для авторов научных центров, но как объективное обобщение зарубежного опыта, выполненное независимыми от ГИПРОНИИ авторами, с которым можно сравнить применяемые советским институтом решения.

Что же касается более поздних публикаций в неспециализированных отечественных изданиях, то они в большинстве своем имели обзорный характер и служили цели повышения авторитета руководства института⁵⁸. Вследствие этого атрибуции проектов в них часто включали в себя все ступени внутренней иерархии ГИПРОНИИ: главного архитектора института, главного архитектора или руководителя мастерской, а также аналогичные позиции для инженеров⁵⁹. В результате главные архитекторы проектов смещались к концу списка, а многие их соавторы

⁵⁵ “Architects Journal”, “Architectural Record”, “Deutsche Architektur”, “Bauen und Wohnen”, “Deutsche Baueitschrift”, “Casabella” // *Богданович К.И.* Архитектурное формирование лабораторных корпусов в условиях высокой мобильности процессов научно-исследовательской деятельности (на примере институтов естественного профиля АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Том 1. С. 157.

⁵⁶ *Кириченко С.И.* Планирование и проектирование строительства научно-исследовательских учреждений: дис. ... канд. экономических наук. М., 1970. С. 240.

⁵⁷ *Braybrooke S.* Design for Research. Principles of Laboratory Architecture. New York, 1986.

⁵⁸ Архитектура научных комплексов // Архитектура СССР. 1976. № 2. С. 18–51.

⁵⁹ Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1979–1983. М., 1986. С. 188–189.

из него и вовсе исключались. Такое положение дел было характерно для любых творческих проектов, в создании которых задействовались крупные советские институты. Отсюда вытекает важность перепроверки этих данных архивными изысканиями, которая является одной из целей исследования.

Главным источником данных о конкретных проектах для подмосковных научных центров стали сами эти архивные документы — в Центральном государственном архиве Московской области хранятся несколько сотен дел с проектными заданиями на строительство НИИ и микрорайонов, а также генеральные планы и проекты детальных планировок Пущина, Троицка и Черноголовки. Огромным подспорьем в их изучении стал тот факт, что многие из дел оцифрованы и доступны онлайн⁶⁰. Там же хранятся и решения областных органов власти, согласовавших выделение территорий и строительство объектов на них, из которых также удалось почерпнуть многие подробности.

Формальная роль государства в создании городов выражалась в выпуске Советом Министров постановлений о строительстве того или иного комплекса. Однако на деле текст этих постановлений готовился внутри самой Академии наук, которой на протяжении месяцев, а чаще — лет приходилось убеждать руководство страны в необходимости строительства того или иного объекта или комплекса. Тома переписки канцелярии АН СССР с ЦК КПСС, Госстроем и Советом Министров СССР, а также министерствами, сохранившиеся в Архиве РАН, свидетельствуют о больших трудностях, которые возникали у Академии наук с середины 1950-х гг. из-за решений руководства страны.

При этом торг шел не только между государством и Академией наук, но и внутри самой Академии: на заседаниях Президиума руководители институтов стремились добиться попадания необходимых им объектов в ежегодно обсуждаемые титульные списки строительства. Стенограммы заседаний Президиума АН СССР являются источником отчасти неформальных сведений о положении ученых в исследуемый период времени с точки зрения их самих.

⁶⁰ ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т.

В том же ключе большую ценность представляют личные архивы ученых, а также их автобиографии, из которых можно больше узнать об их взаимодействии уже не столько с высшим государственным и партийным руководством, сколько с руководством Академии, а также архитекторами и строителями. Прямые личные контакты отдельных авторитетных ученых с руководством государства и министерств иногда помогали им продвинуть свои интересы в обход заседаний президиума: так, например, директор Крымской астрофизической обсерватории А.Б. Северный в письме Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву подробно описал трудности жизни ученых в поселке при обсерватории и попросил выделить средства на строительство в нем школы⁶¹. А общение М.А. Лаврентьева и С.А. Христиановича с Н.С. Хрущевым и вовсе вылилось в организацию Сибирского отделения АН СССР в обход внутриакадемической дискуссии⁶².

Важным источником, раскрывшим подоплеку некоторых решений, относящихся к этапу замысла подмосковных академгородков, являются мемуары А.Н. Несмеянова⁶³ — Президента АН СССР в период 1951–1961 гг. В частности, подробно он описывает процесс выбора участка для строительства комплекса биологических институтов, а также обстоятельства с торможением их возведения из-за создания Сибирского отделения АН СССР и научного городка под Новосибирском. Раскрывается неформальная сторона взаимоотношений Академии и самого Несмеянова с Н.С. Хрущевым, личные убеждения которого во многом определили не только смену направления развития архитектурной и строительной отраслей, но и влияли на фундаментальную науку и связанные с ней проекты.

Крайне полезными оказались воспоминания основателя Черноголовки Ф.И. Дубовицкого⁶⁴, представляющего точку зрения заказчика одного из исследуемых научных центров. Причем на этапе замысла Черноголовка находилась в тени от руководства Академии наук, поскольку строилась как поселок при научно-ис-

⁶¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1957). Д. 22. Л. 48–49.

⁶² *Узбекова Ю.И.* Научное сообщество и механизмы выбора региональных траекторий развития АН СССР в середине 1950-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № S1. С. 87.

⁶³ *Несмеянов Н.А.* На качелях XX века. М., 2018.

⁶⁴ *Дубовицкий Ф.И.* Институт химической физики: очерки истории. 1992.

следовательском полигоне Института химической физики, где занимались изучением процессов горения и взрыва, фактической целью которых было создание новых мощных взрывчатых веществ — эти работы курировались извне Министерством среднего машиностроения и средства на строительство выделялись им же⁶⁵. В тексте книги описывается в том числе и работа архитекторов и строителей, взаимодействием которых на раннем этапе он был неудовлетворен: «дело по-настоящему не двигалось, взаимные обвинения ГИПРОНИИ и Центракадемстроя продолжались, и это, естественно, делу не способствовало»⁶⁶. Проблемы взаимодействия заказчика и проектировщиков описываются в письме Председателя Совета директоров Пущинского центра биологических институтов Г.М. Франка Президенту АН СССР М.В. Келдышу: «Ни ГИПРОНИИ, ни Уполномоченный Президиума по строительству не приняли во внимание... протеста представителей биологического отделения АН СССР и градостроительной экспертизы представителя Академии архитектуры и строительства»⁶⁷. Однако куда большей проблемой в тот момент было не соответствие зданий пожеланиям ученых, а сам темп их возведения. Проблемы, вызывающие задержки начала и торможение строительства научных объектов, были основным предметом переписки Президентов Академии наук с руководством государства на рубеже 1950-х — 1960-х гг. Например, начало возведения Института радиотехники и электроники во Фрязине по разным причинам откладывалось в течение нескольких лет, на протяжении которых Президент Академии наук разными способами пытался добиться разрешения возникающих проблем⁶⁸.

Другую точку зрения на события того же временного промежутка, относящегося к периоду образования трех научных центров во второй половине 1950-х —

⁶⁵ Там же. С. 767.

⁶⁶ Там же. С. 566.

⁶⁷ АРАН. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 117. Л. 157.

⁶⁸ Переписка Канцелярии АН СССР с ЦК КПСС, Советом Министров СССР, Советами Министров союзных республик, министерствами по вопросам строительства // АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 335. Л. 114, 126–127; Оп. 1 (1955). Д. 75. Л. 31, 33; Д. 76. Л. 9; Д. 268. Л. 12, 27, 37, 40–41; Оп. 1 (1956). Д. 88. Л. 66–68; Оп. 1 (1958). Д. 53. Л. 67, 116.

начале 1960-х гг., представляют публикации В.П. Доморацкого⁶⁹. Основанные на воспоминаниях и документах из архива П.И. Доморацкого, возглавлявшего ГИПРОНИИ в те годы, они передают взгляд на процесс с позиции проектировщиков. Проблемы во взаимодействии с заказчиками и строителями в этих текстах, как правило, опущены: и руководство Академии, и ученые, и строители представляются в комплементарном ключе. Кроме того, при отсутствии ссылок на источники В.П. Доморацкий приводит, например, следующий тезис: «Пущинский проект был “первенцем” в проектах подобного рода, он воплощал замысел руководства Академии о децентрализации научных учреждений»⁷⁰. Данный ряд публикаций может служить лишь надежным источником информации о проектах, а также материалов и фотографий из личного архива, но не в качестве серьезного исследования, на которое можно опереться для дальнейшей разработки темы.

Л.В. Вавакин, бывший в 1976–1981 гг. главным архитектором Московской области, в своей автобиографии пишет:

«Особую нишу в Подмоскovie занимают города науки, территории для размещения которых выбирал в свое время президент Российской академии наук Несмеянов. Разработка их генеральных планов велась академическим проектным институтом ГИПРОНИИ с более высококвалифицированным в те годы кадровым составом проектировщиков. Тем не менее на проводимых уже в мое время Градостроительных советах по рассмотрению корректур генпланов Троицка, Черноголовки, Дубны, Протвина, Пущина, проходивших обычно с участием ученых советов НИИ этих городов, выявлялись определенные недостатки. Но, конечно, качество планировки и застройки, уровень благоустройства, культура содержания городского хозяйства в этих центрах науки могли быть примером для всех подмосковных городов»⁷¹.

⁶⁹ Доморацкий В.П. У истоков создания академических научных центров 1938–1964 гг. Коломна, 2009; Доморацкий В.П. Моя Ока. Юбилейные заметки. М., 2001; Доморацкий В.П. Проектирование академических институтов // Вестник Российской Академии наук. 2010. Том 80. № 3. С. 251–257; Доморацкий В.П. Нарциссы из прошлого. Исторический очерк. М.: Научный мир, 2014. 144 с.

⁷⁰ Доморацкий В.П. Проекты и люди эпохи созидания. Личные свидетельства // Научград. 2016. № 4. С. 34.

⁷¹ Вавакин Л.В. Профессионализм в деятельности главного архитектора. По итогам деятельности главного архитектора московской области (1976–1981) и города Москвы (1987–1996). М., 2009. С. 71.

Таким образом, архитектор подтверждает особое отношение к научным центрам внутри архитектурного сообщества в советское время. Как ни странно, в журнале «Архитектура и строительство Подмосковья», выходившем с 1977 по 1991 г., внимания их проектам уделялось чрезвычайно мало. Это обусловлено тем, что выпускавшее его Главное архитектурно-планировочное управление (ГлавАПУ) Мособлисполкома в первую очередь освещало творчество собственных проектных организаций (Института генпланов, Мосгражданпроекта, Мосгипрониисельстроя), тогда как проектированием научных городков занимались почти целиком лишь ведомственные институты АН СССР и Минсредмаша.

Современные интервью, а также живое общение с участниками процессов проектирования и строительства научных центров дают сведения о более поздних этапах этой работы, в основном 1970–1980-х гг. Таковы интервью с главным архитектором мастерской ГИПРОНИИ, занимавшейся проектированием Троицка, В.Н. Банитом⁷², из которых можно в том числе узнать о конфликтах внутри проектного института, безусловно повлиявших на результат его работы. Интервью с главным архитектором проектов той же мастерской В.К. Лотовым, как и предыдущие, раскрывает неформальную сторону процесса согласования индивидуальных проектов общественных зданий в Троицке. Интервью с Т.Г. Никулиной⁷³ представляет точку зрения управления научного центра, отвечавшего за жилое строительство, и дополняет сведения из архивных документов в отношении обоснования направлений расширения города.

Ряд интервью был взят и в рамках данного исследования, в частности с архитектором В.Н. Банитом⁷⁴; Е.Б. Пхором — одноклассником, коллегой и другом В.С. Воронежского; архитектором ГИПРОНИИ К.И. Сергеевым, участвовавшим в проектировании нескольких объектов в Пущине в 1960-е гг., а затем работавшим в

⁷² Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-banit> (дата обращения: 10.01.2023)

⁷³ Татьяна Никулина: «Мы были ограничены развитием» Разговор с женщиной, которая построила Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-nikulina> (дата обращения: 10.01.2023)

⁷⁴ Частично опубликовано, см.: Антипин К.С. Интервью с Владимиром Банитом // Проект Байкал. 2020. № 17(64). С. 98–101.

ОНИР института; В.А. Трошиным, работавшим в пущинской мастерской с 1970-х гг.

Не так много напрямую посвященных исследуемым научным центрам публикаций в архитектурных периодических изданиях: «Архитектура СССР»⁷⁵, «Строительство и архитектура Москвы»⁷⁶, «Архитектура и строительство Подмосковья»⁷⁷ — в основном они относятся к 1970–1980-м гг. К тому времени сама советская архитектура представляла совсем иное поле, нежели во второй половине 1950-х гг., когда авторы «критических» статей соревновались в радикальности и при этом обтекаемости формулировок, призывавших к отказу от прежних ошибочных принципов, но зачастую не дававших представления о том, каковыми должны быть новые. Именно тогда был спроектирован комплекс Института радиотехники и электроники во Фрязине, о котором вышла небольшая статья в «Архитектуре СССР»⁷⁸, написанная главным архитектором этого проекта Л.И. Баталовым. В ней описывается не только сам проект, но и те новые принципы, на которых была основана работа над ним.

Тем не менее обозначенную лакуну закрывает газета «Трибуна строителя», которую начал в 1955 г. издавать Центракадемстрой (строительная организация, силами которой была возведена большая часть объектов Академии наук) и в которой нередко появлялись статьи, освещавшие вопросы проектирования новых научных институтов, написанные в том числе архитекторами ГИПРОНИИ. Кроме того, сама точка зрения строителей, как было заявлено выше, представляет интерес для исследования и находит наиболее полное отражение в данном источнике. Дополняет его также издание, посвященное 50-летию Центракадемстроя⁷⁹.

⁷⁵ Пущино — город науки, город для человека // Архитектура СССР. 1984. № 4. С. 41–46.

⁷⁶ Московские зодчие. Юрий Платонов // Строительство и архитектура Москвы. 1979. № 11. С. 24–28.

⁷⁷ В центральном доме архитектора // Архитектура и строительство Подмосковья. 1978. № 1. С. 17.

⁷⁸ Баталов Л. Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // Архитектура СССР. 1957. № 5. С. 29–30.

⁷⁹ Центракадемстрой, 50 лет. М., 1987. 96 с.

Первая статья о Пущине вышла в «Архитектуре СССР» в 1966 г.⁸⁰ и была посвящена ландшафтной архитектуре: гармонии застройки с природным рельефом, а также вопросу озеленения. Однако важнее ее предмета тот факт, что город в ней не называется напрямую, а обтекаемо описывается без прямого указания на его географическое расположение. Учитывая, что более ранних публикаций об архитектуре Пущина найти не удалось, можно предположить, что до конца 1960-х гг. открыто писать о нем было запрещено. Подобным образом не называя населенный пункт и реальную функцию, публиковали в «Архитектуре СССР» фотографии предприятий микроэлектронной промышленности в Зеленограде — это устраивало цензуру⁸¹.

Из-за секретности Черногловки и городов при предприятиях атомной, космической и оборонной отраслей, доля науки в которых была очень высока, публикации о них почти отсутствуют либо приводятся в виде обобщения опыта без конкретных названий. Например, в «Архитектуре СССР» был опубликован зеркально отраженный генплан Ногинского научного центра⁸². При упоминании зданий институтов в Черногловке о них писали, например: «институты Физики твердого тела и Новых химических проблем в одном из научных центров Академии наук...»⁸³, либо обозначали как «Ногинск»⁸⁴. В рукописи диссертации М.А. Красникова схематический чертеж здания лаборатории для взрывных работ, сперва подписанный аналогично другим примерам с указанием своего местоположения, такой подписи лишился⁸⁵. В книге И.М. Смоляра упоминания Ногинского научного центра присутствуют, однако при описании схемы его планировки, которая

⁸⁰ *Титова Н.* Ландшафтная архитектура города науки // *Архитектура СССР*. 1966. № 2. С. 12–14.

⁸¹ *Новиков Ф.А.* Зеленоград — город архитектора Игоря Покровского. М.: «Кучково поле», 2019. С. 35–36.

⁸² *Шумная И., Смоляр И.* Проблемы планировки городов науки // *Архитектура СССР*. 1969. № 11. С. 23.

⁸³ *Метаньев Д.А.* Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 35.

⁸⁴ Там же. Таблица 1.5.

⁸⁵ *Красников М.А.* Архитектурное формирование комплексов специальных научных лабораторий: дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. Т. 2. С. 50

приводится в качестве иллюстрации одного из градостроительных принципов, это просто «один из научных центров под Москвой»⁸⁶.

Большой массив публикаций как советского периода, так и современных относится к проекту городка Сибирского отделения (СО) АН СССР под Новосибирском. Он стал плацдармом для множества экспериментов, результаты которых отразились на облике строившихся впоследствии научных центров, в том числе подмосковных, поэтому привлечение текстов о нем также необходимо для исследования. Первая крупная публикация о городке вышла в журнале «Архитектура СССР» в 1960 г.⁸⁷; ее авторы — архитекторы жилой части городка, поэтому посвящена она в основном ей, тогда как вопросы организации научной зоны, проектирование которой велось другим коллективом, остаются вне поля зрения. Статья Ю. Яралова⁸⁸, относящаяся ко времени завершения первой очереди городка, более подробно описывает общее планировочное решение и каждую из его зон, включая научную, однако именно на ней сосредоточилась скромная критика проекта: «... при всей логичности планировочной структуры города иногда неоправданно в градостроительном отношении размещены отдельные объекты. Так, здание Института ядерной физики, размещенное на оси одной из основных магистралей, неоправданно занимает главенствующее положение во всей структуре города; в то же время для здания президиума Сибирского отделения Академии наук выбрано место на переломе полукольцевой магистрали, случайное в композиционной системе города»⁸⁹. Акцентирование внимания на жилой застройке, проблема характера которой продолжала оставаться актуальной в 1960-е гг., отразилось и на составе лауреатов Государственной премии РСФСР в области архитектуры 1967 г., премированных за архитектурно-планировочное решение Новосибирского академгородка — среди них лишь авторы селитебной части.

⁸⁶ Смоляр И.М. Новые города. Планировочная структура городов. М.: Стройиздат, 1972. С. 154.

⁸⁷ Белый М., Орлов И. Научный городок под Новосибирском // Архитектура СССР. 1960. № 6. С. 4–7.

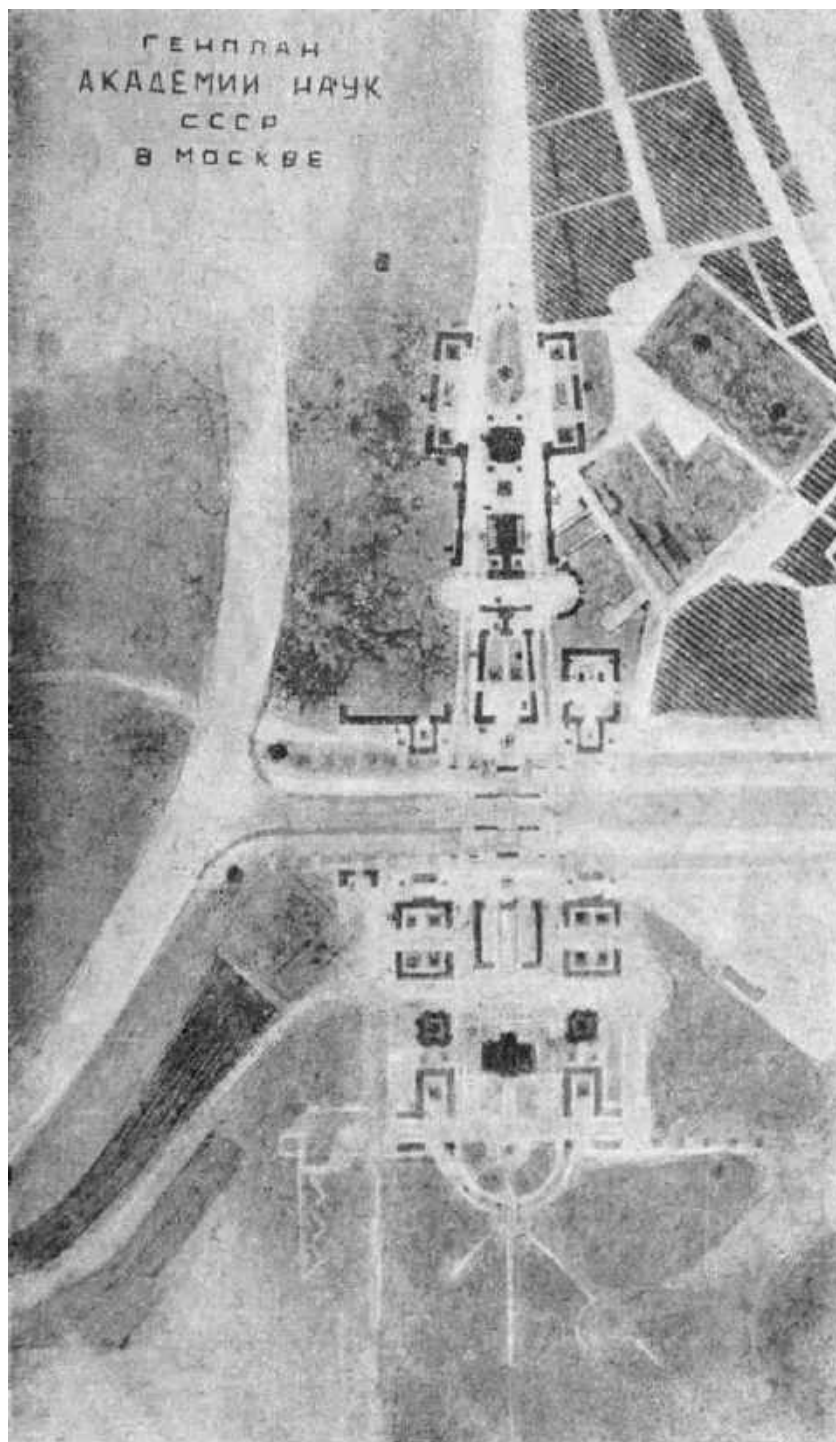
⁸⁸ Яралов Ю. Город большой науки // Архитектура СССР. 1967. № 6. С. 47–51.

⁸⁹ Там же.

Рассмотрение широкого ряда источников, относящихся к разным категориям персоналий и институций, оказывавших влияние или участвовавших в процессе создания исследуемых городов — научных центров, демонстрирует в ряде случаев противоположность их позиций и противостояние по некоторым вопросам, касающимся отношения друг к другу. При этом изучение современных научных работ по теме выявляет несколько устойчивых конструктов, которые требуют более детального разбора. К анализу конкретных реализованных проектов в данной работе привлечена теоретическая база, которая создавалась в стенах проектного института, а также на основе источников проводятся обоснованные параллели между советскими научными центрами и зарубежными исследовательскими комплексами, которые изучались отделением научно-исследовательских работ ГИПРОНИИ. В целом же комплекс материалов дает общее понимание стоящих перед данным исследованием вопросов и подчеркивает правильность поставленных задач.

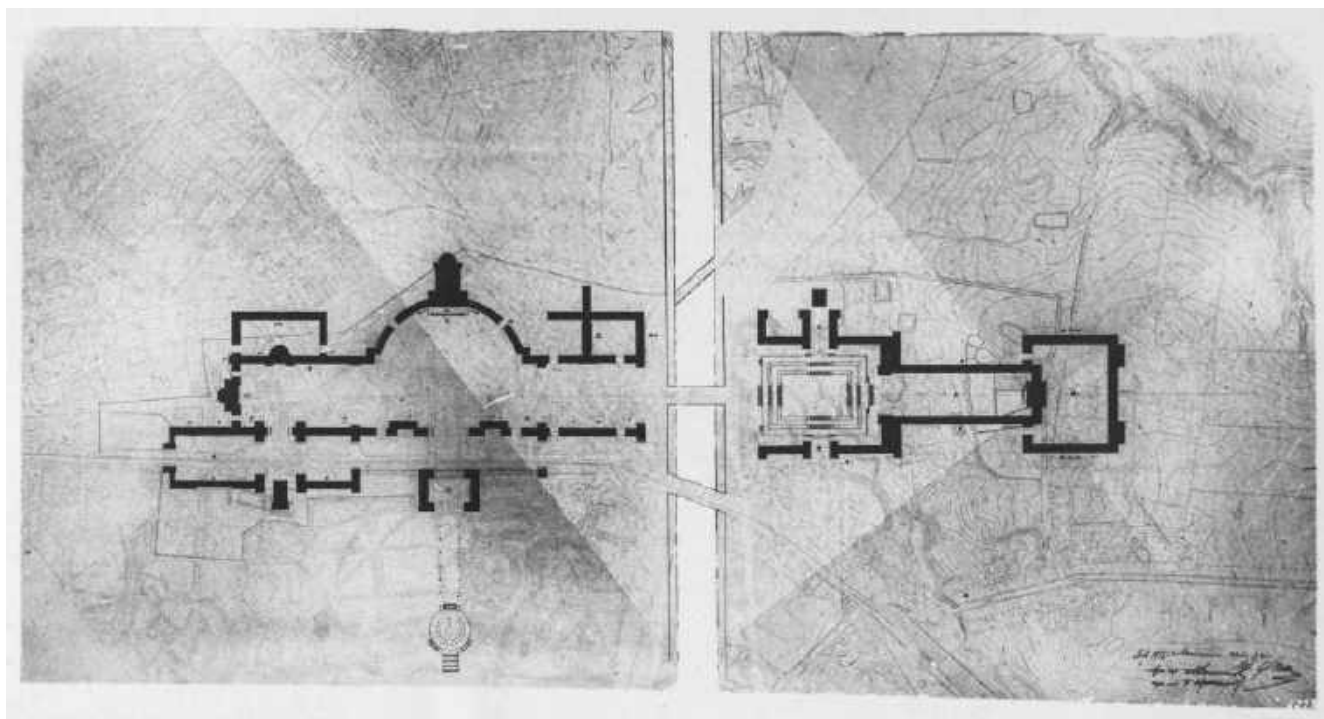
Приложение 2

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1.1 Конкурсный проект Академии наук в Москве, 1934 г.

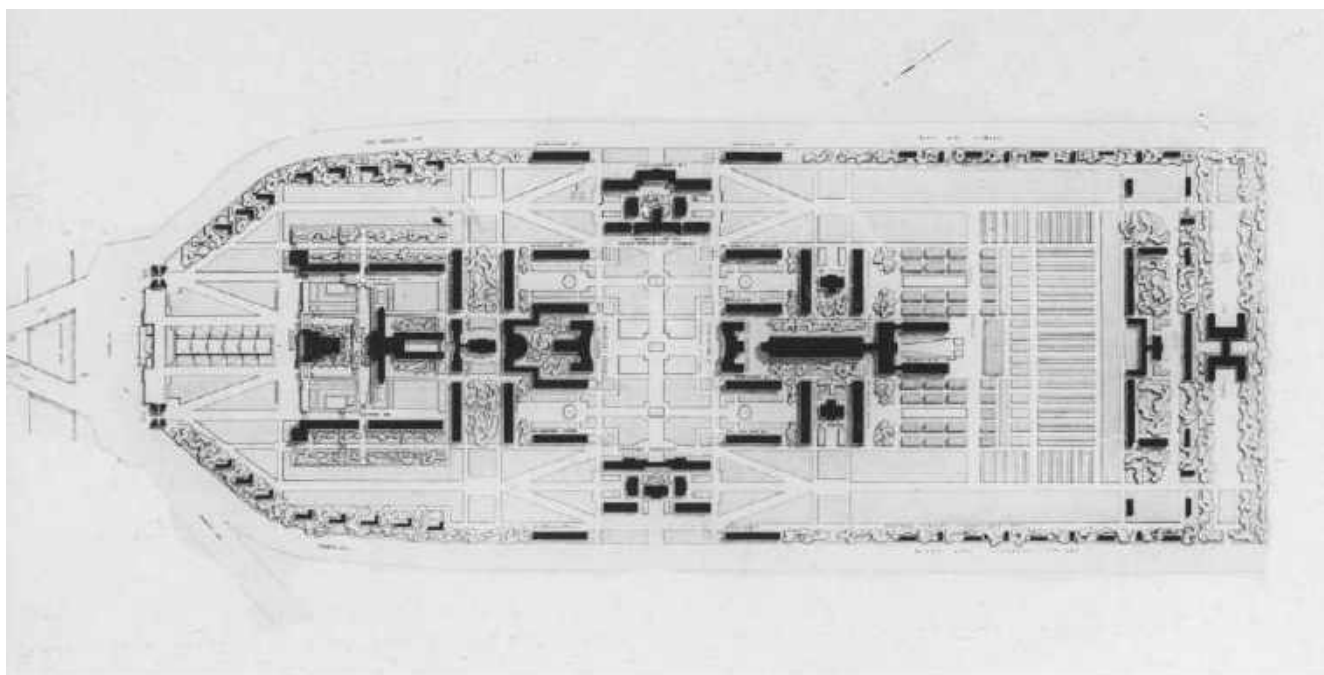
Мастерская № 3 отдела проектирования Моссовета, архитектор В.Н. Кульганов при участии архитекторов А.Ф. Казакова, И.Л. Стерника
Архитектурная газета. 1935. № 3. Приложение. С. 4.

1.2. Конкурсный проект Академии наук в Москве, 1934 г.

Мастерская № 3 отдела проектирования Моссовета, архитектор И.А. Фомин при участии архитекторов П.В. Абросимова, А.П. Великанова.

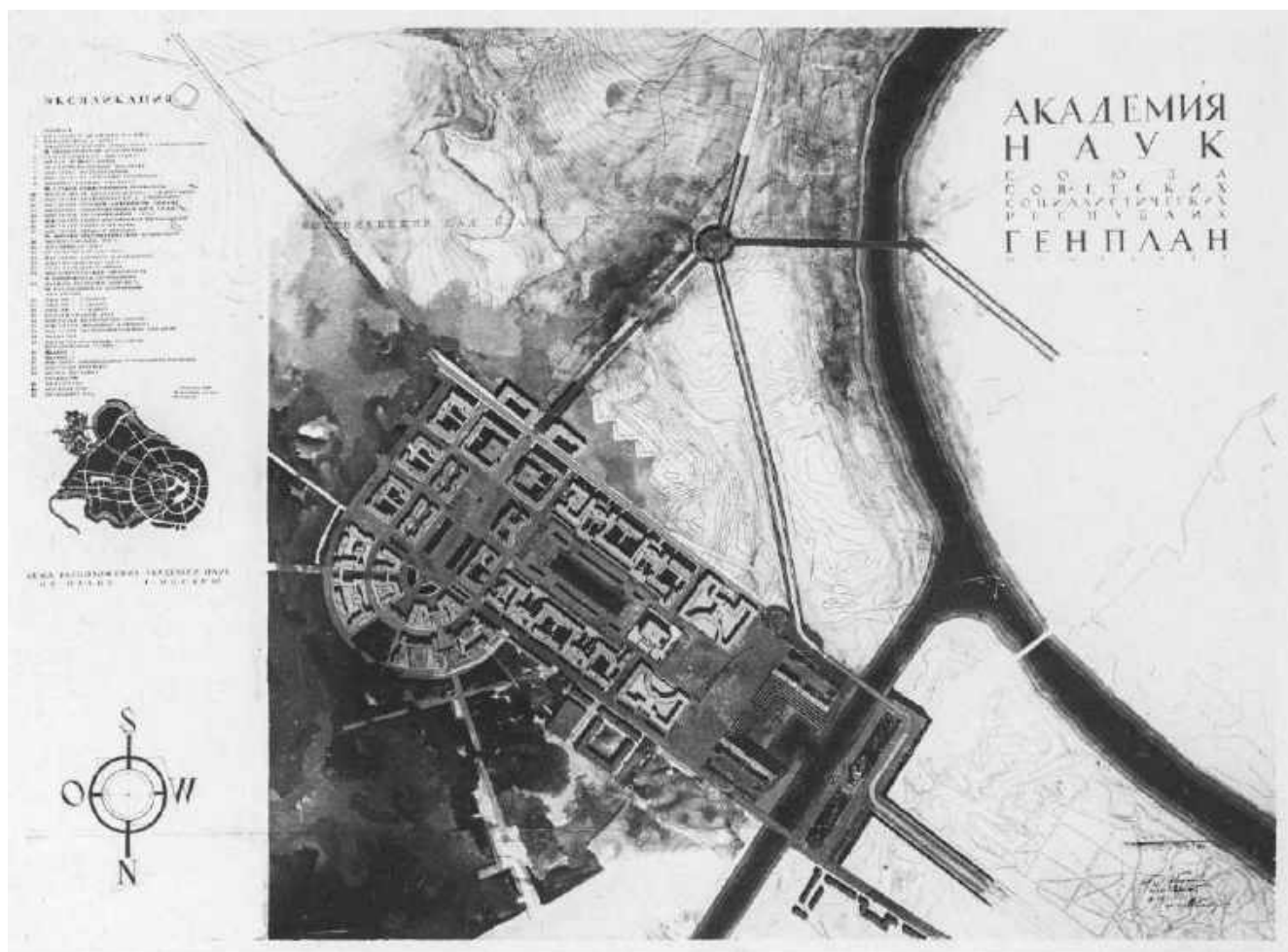
АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 30.

1.3. Конкурсный проект Академии наук в Москве, 1934 г.

Мастерская № 5 отдела проектирования Моссовета, архитектор А. Люрса.

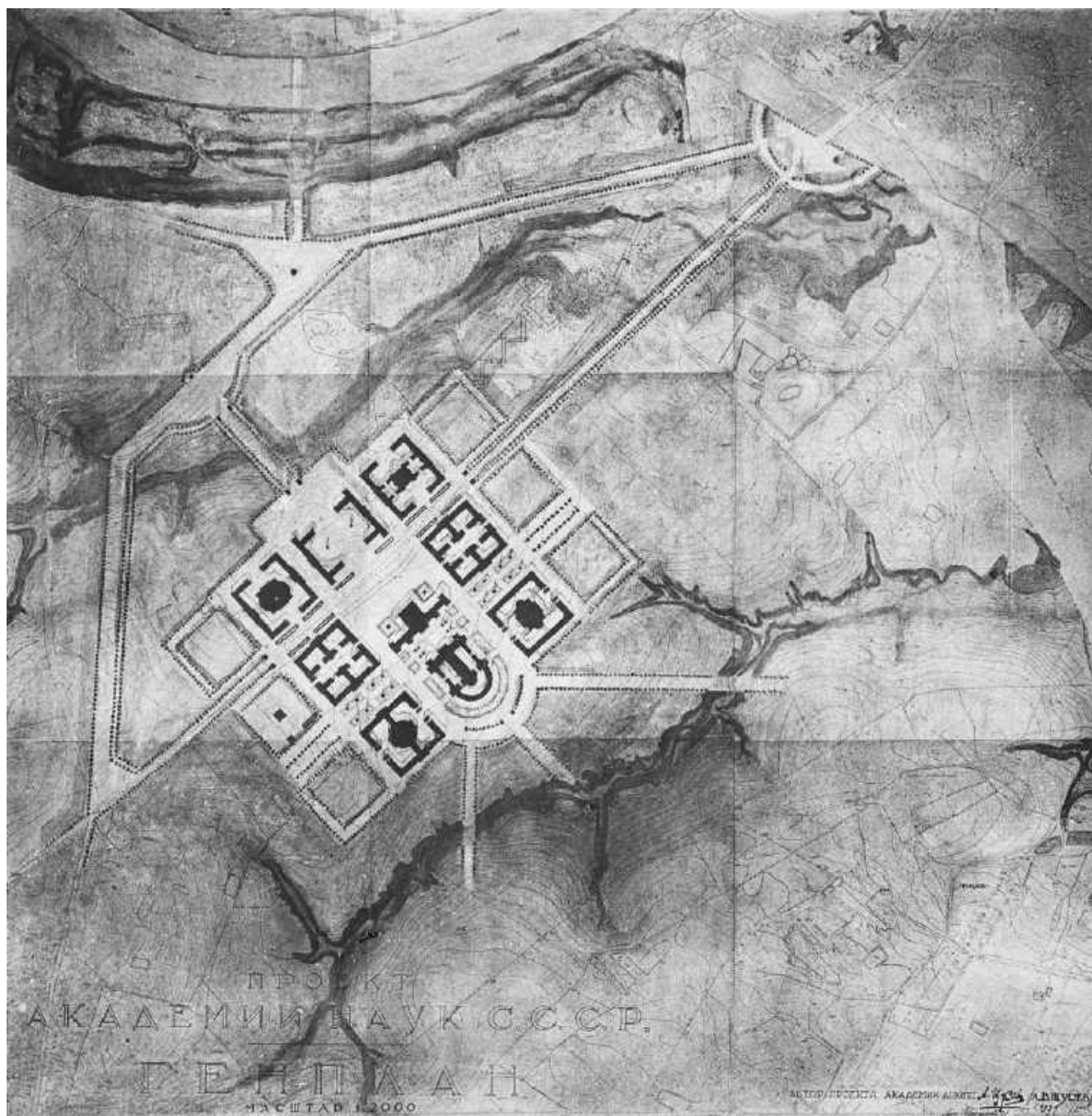
АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 42.

1.4. Конкурсный проект Академии наук в Москве, 1934 г.

Мастерская № 1 Гипрогора, архитекторы А.К. Барутчев, И.А. Гильтер, И.А. Меерзон, Я.О. Рубанчик.

АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 47.

1.7. Конкурсный проект Академии наук в Москве (вариант размещения на Ленинских горах), 1934 г.

Мастерская № 2 отдела проектирования Моссовета, архитектор А.В. Щусев (руководитель) при участии В.С. Биркенберга, Д.Б. Савицкого.

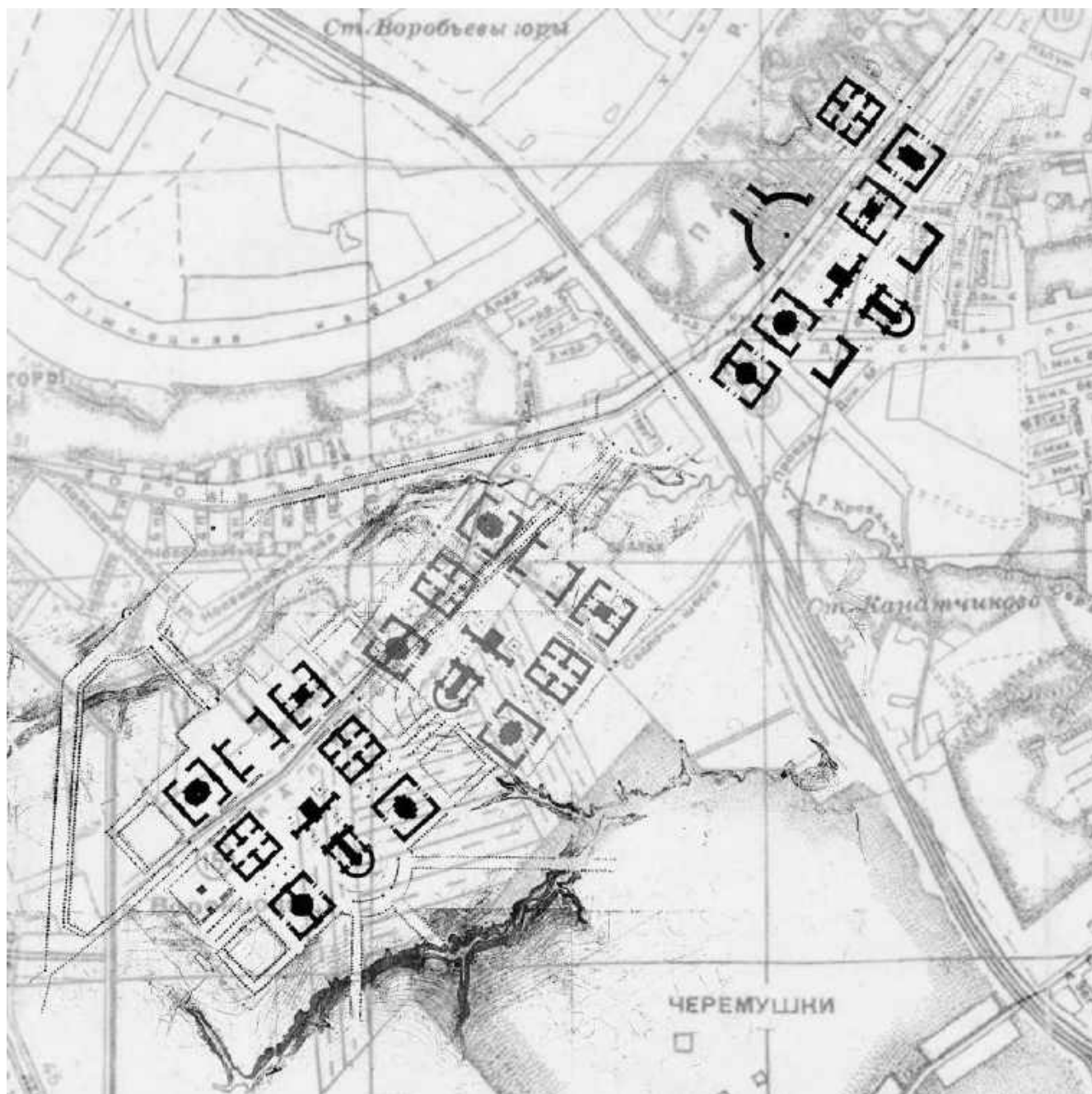
АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

1.8. Конкурсный проект Академии наук в Москве (вариант размещения на Большой Калужской улице), 1934 г.

Мастерская № 2 отдела проектирования Моссовета, архитектор А.В. Щусев (руководитель) при участии В.С. Биркенберга, Д.Б. Савицкого.

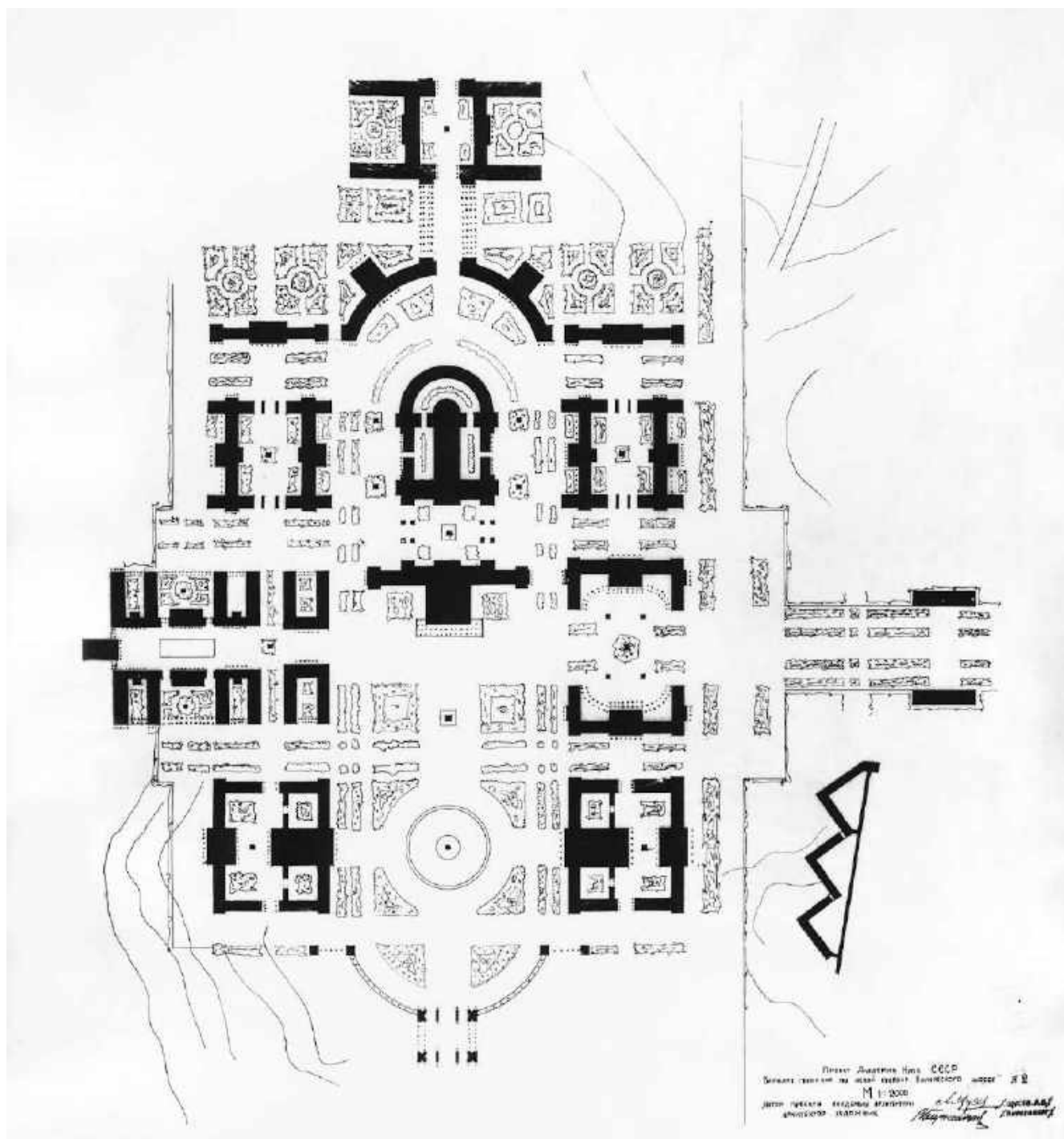
АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.

1.9. Сопоставление трех* вариантов конкурсного проекта Академии наук СССР А.В. Щусева с планом Москвы 1934 г.

*третий вариант реконструирован по описанию из заключения жюри и дан серой заливкой

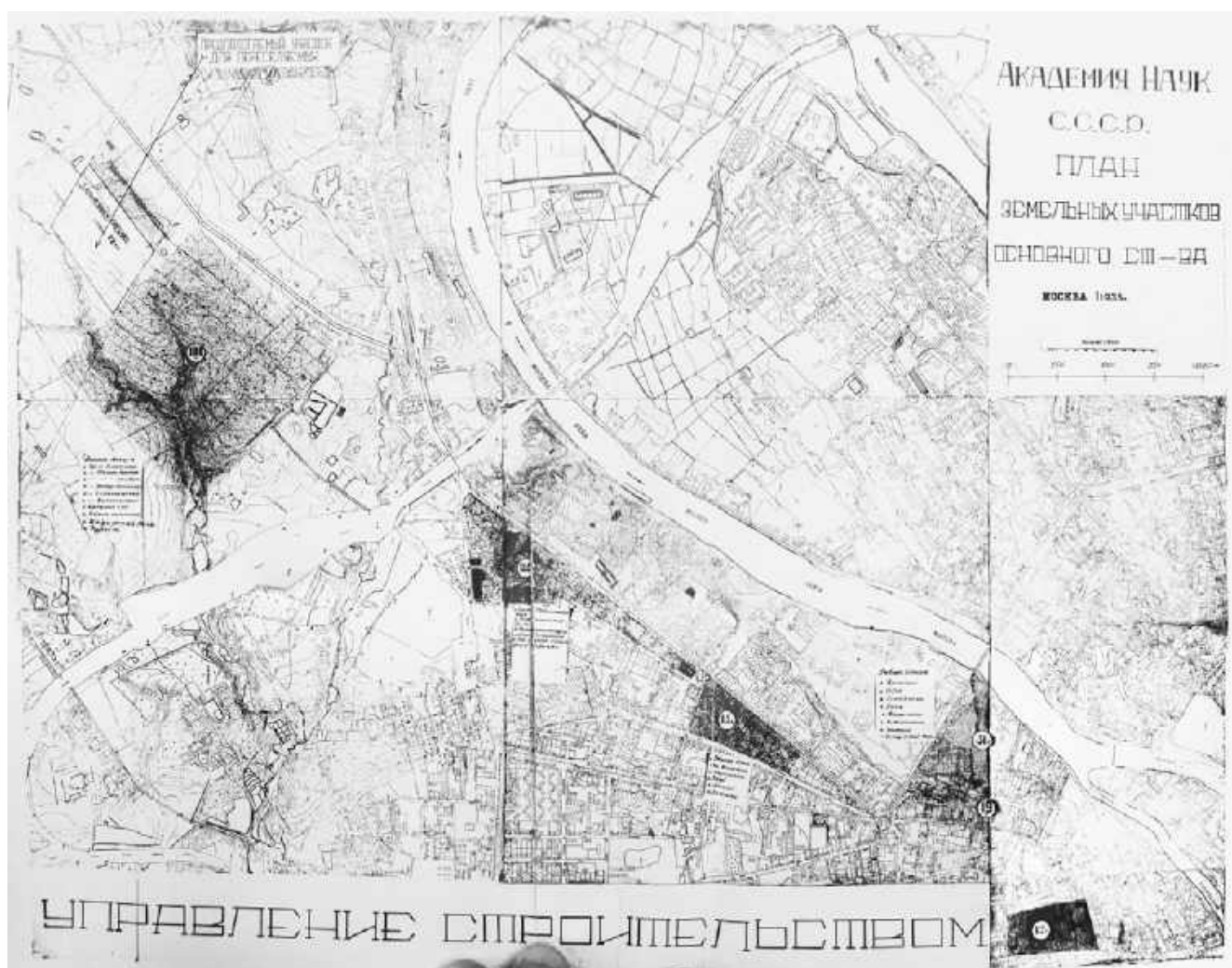
АРАН. Ф. 387. Оп. 1. Д. 24. Л. 52, 63; План г. Москвы: Карты / Прокорректирован в Геодез. Секторе А.П.У. по материалам съемок 1.X.1933 г.; ред. Б.Ф. Хорьков. М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. URL: <https://retromap.ru/0619341>

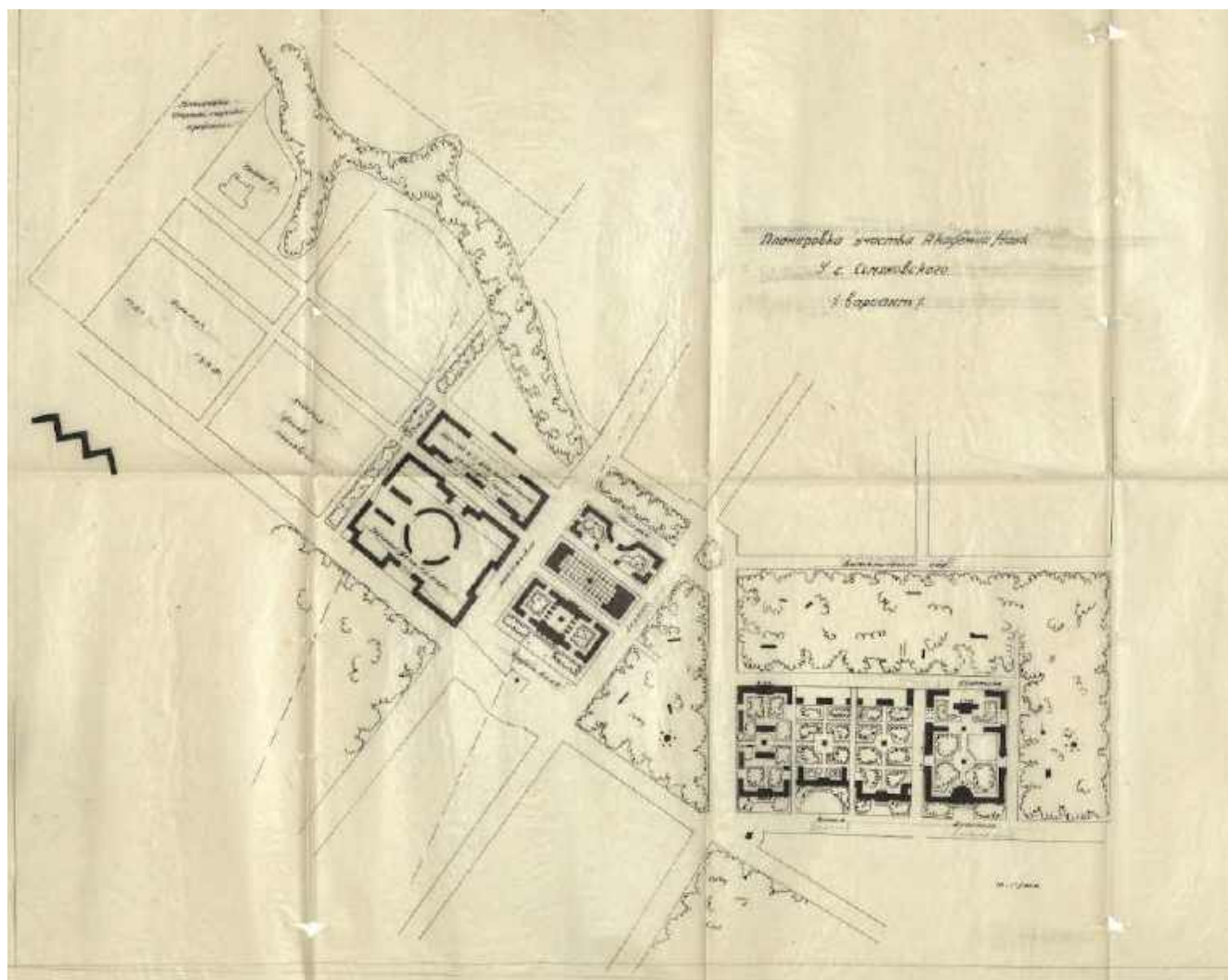
1.10. Проект Академии наук СССР. Вариант генплана по левой стороне Калужского шоссе № 2, 1935 г.

Мастерская № 2 отдела проектирования Моссовета, архитекторы А.В. Щусев, В.С. Биркенберг.

Отдел научной документации ГИПРОНИИ РАН.

1.11. План земельных участков основного строительства АН СССР, 1935 г.
АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260. Л. 126А.

1.12. Планировка участка Академии наук у с. Семеновского /вариант/, 1936 г.
Мастерская № 2 отдела проектирования Моссовета, архитектор А.В. Щусев
АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260. Л. 123А.

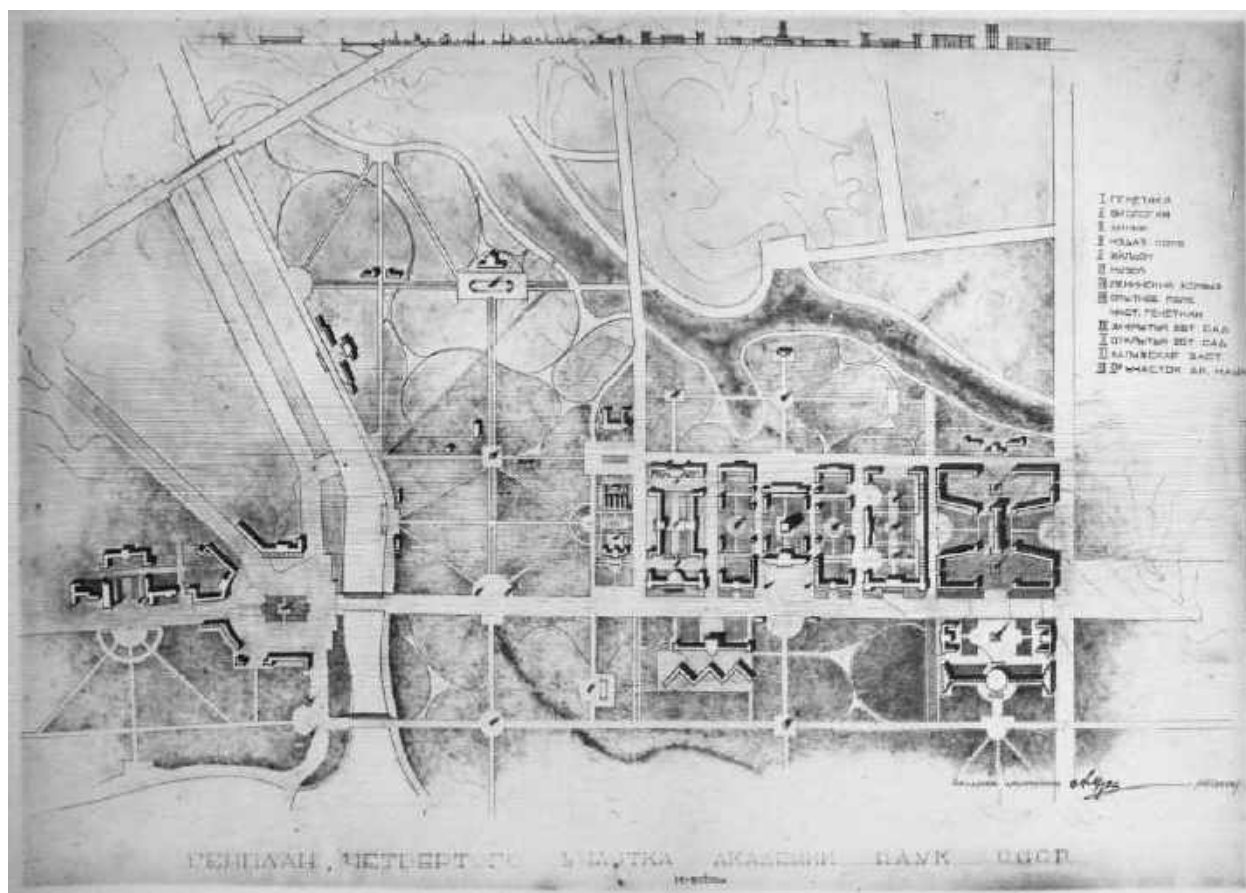
1.13. Проект застройки 4 участка Академии наук СССР, 1936 г.

Отдел проектирования Моссовета, мастерская № 2. Архитектор А.В. Щусев
ГНИМА НФ-ОФ-1651/1798

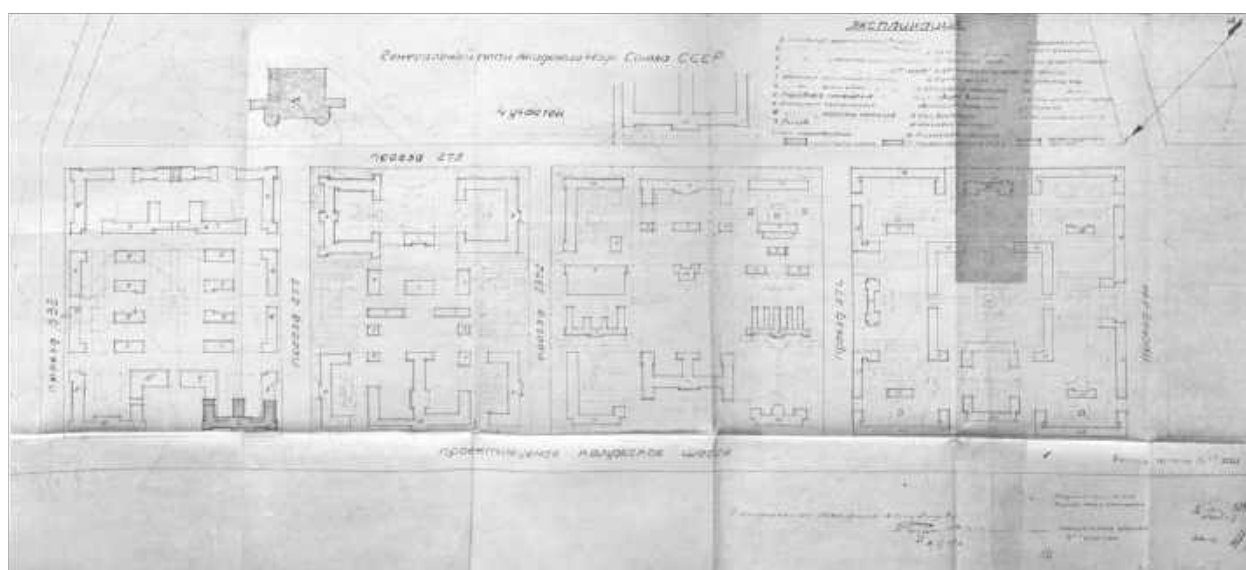
1.14. Перспектива планировки 4 участка Академии наук СССР, 1936 г.

Отдел проектирования Моссовета, мастерская № 2. Архитектор А.В. Щусев
АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260. Л. 160.

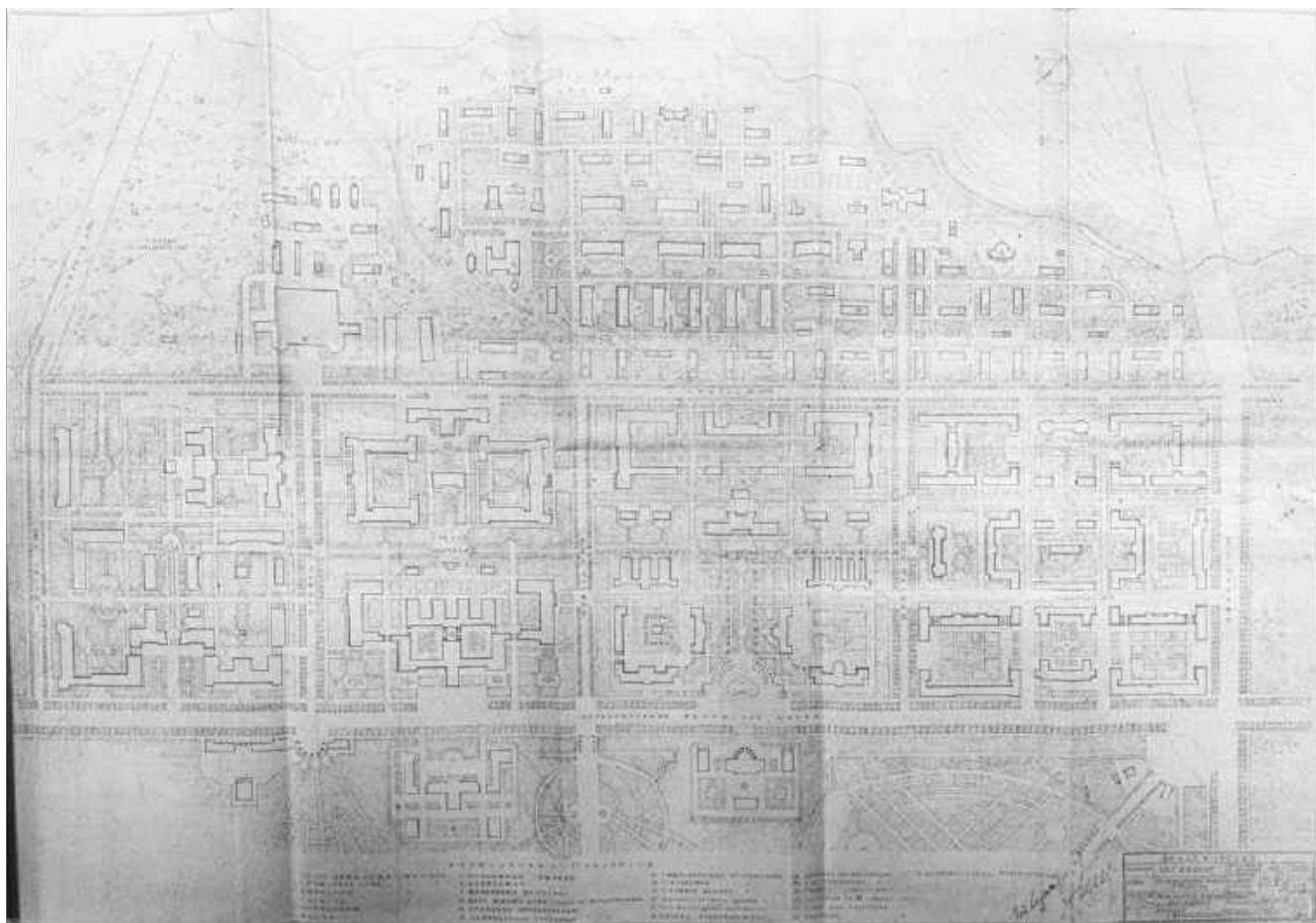
1.15. Генплан 4 участка Академии наук СССР, 1936 г.

Отдел проектирования Моссовета, мастерская № 2. Архитектор А.В. Щусев
 АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1936). Д. 260. Л. 156.

1.16. Генеральный план 4 участка Академии наук СССР, 1939 г.

Академпроект. Архитектор А.В. Щусев
 АРАН. Ф. 2. Оп. 1а(1939). Д. 106. С. 27.

1.17. Генеральный план 4 участка Академии наук СССР, 8 мая 1945 г.

Академпроект. Архитектор А.В. Щусев

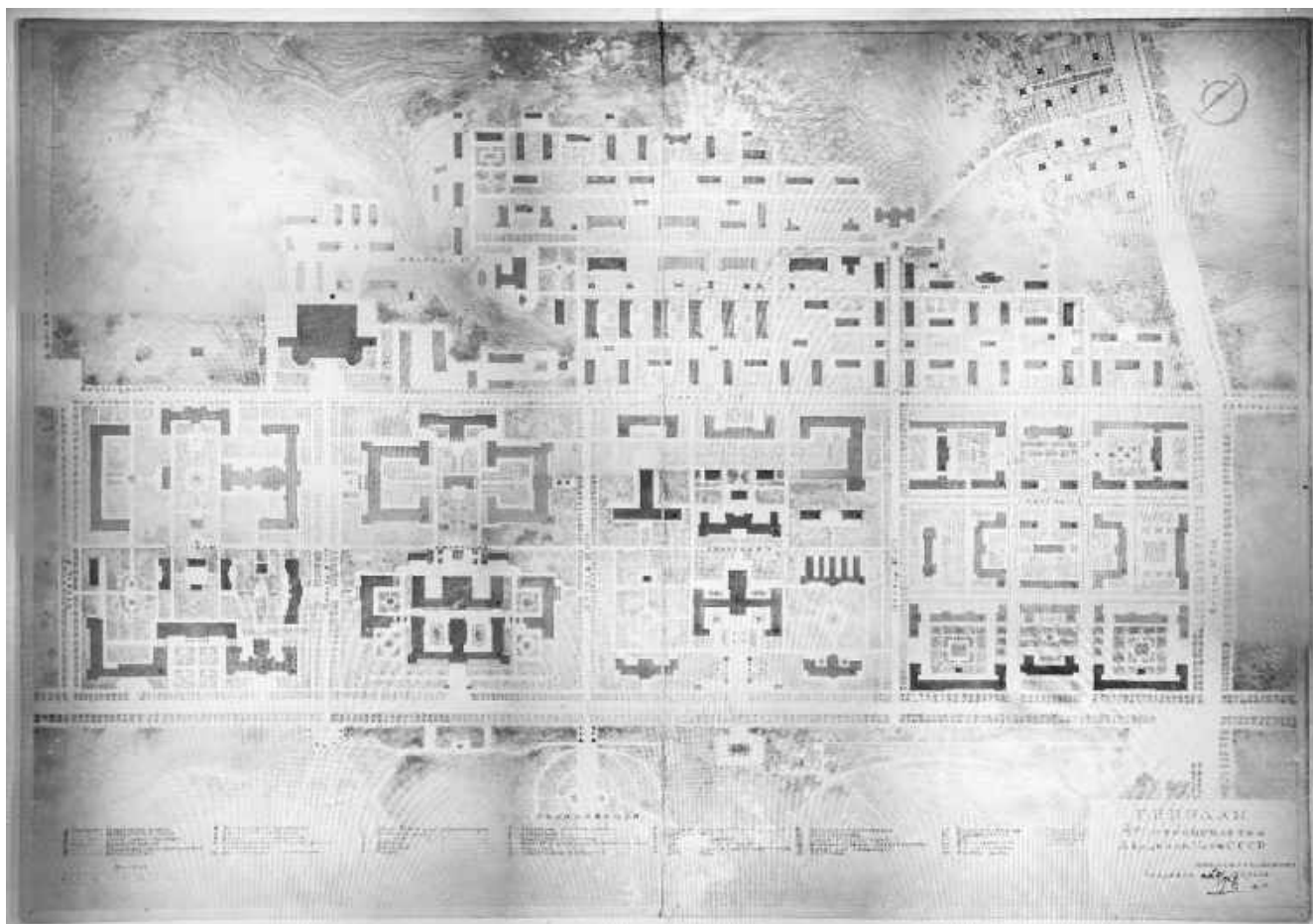
АРАН. Ф. 614. Оп. 3. Д. 56. Л. 26.

1.18. Проект планировки участка Академгородка, 1946 г.

Академстройпроект, архитектор А.В. Щусев

ГНИМА ОФ-1478/11771

1.19. Генплан 4 участка АН СССР, 1946 г.

Академстройпроект, архитектор А.В. Щусев

ГНИМА ОФ-1478/11770

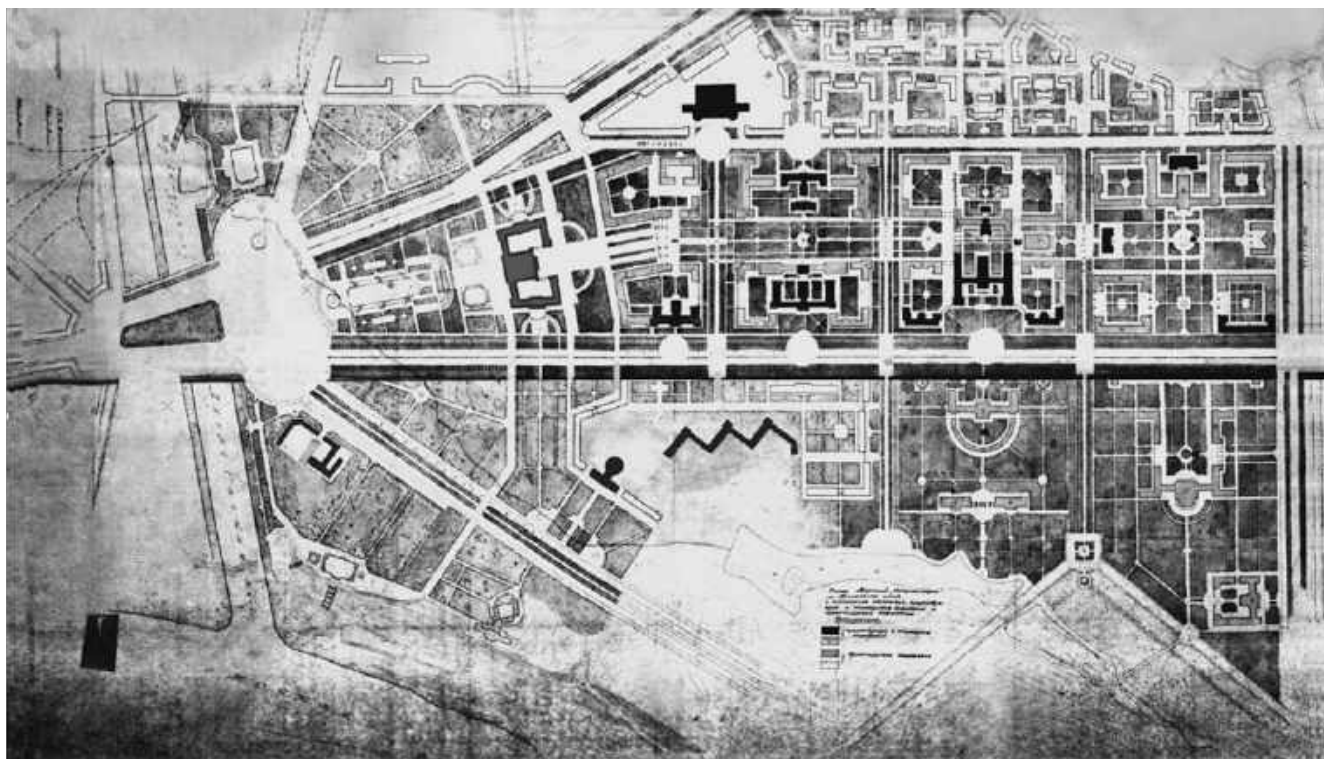

1.20. Похороны архитектора А.В. Щусева, 26 мая 1949 г.

Фото Ю.С. Попова, ГНИМА НФ-ОФ-1532/1

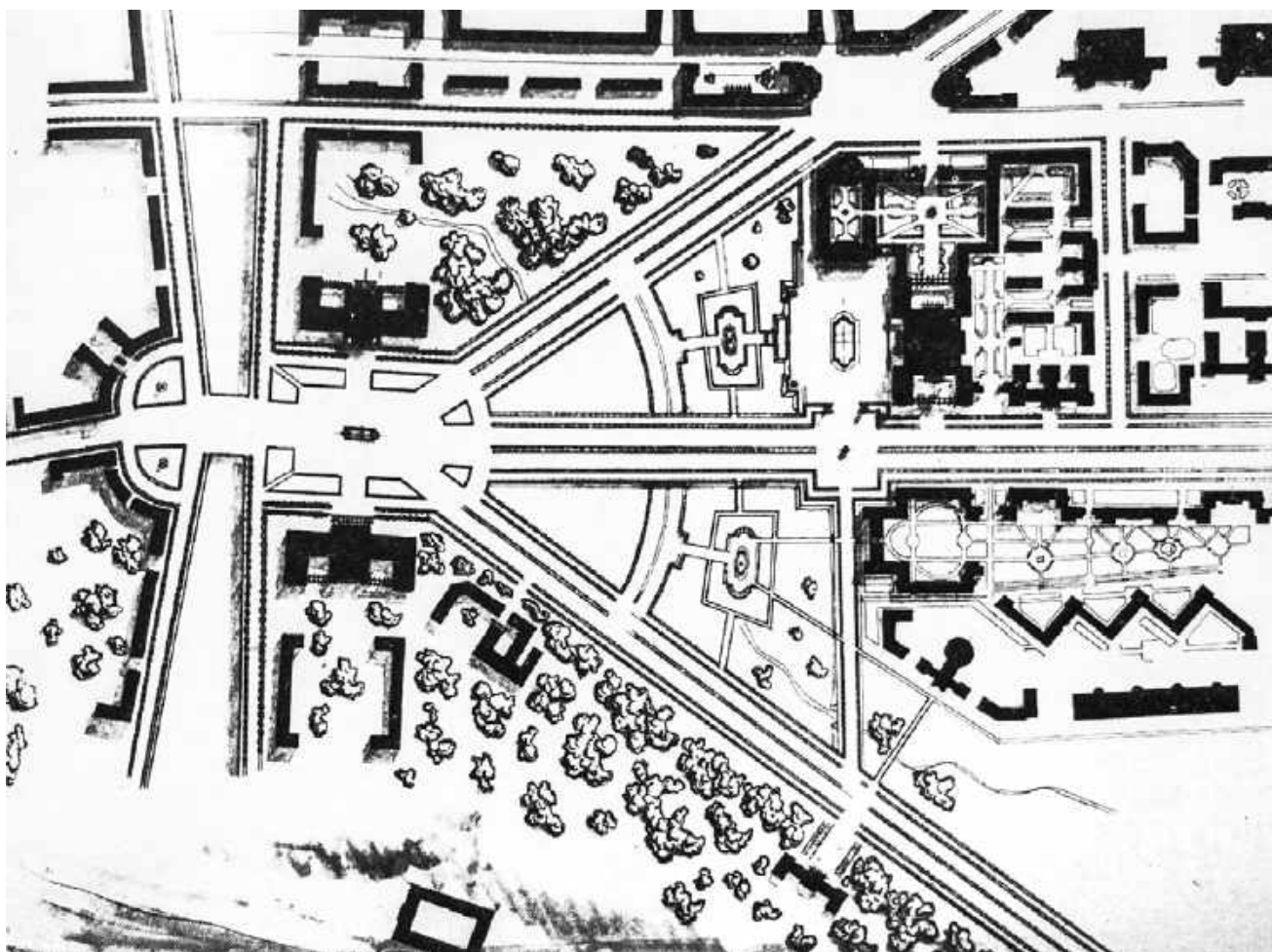
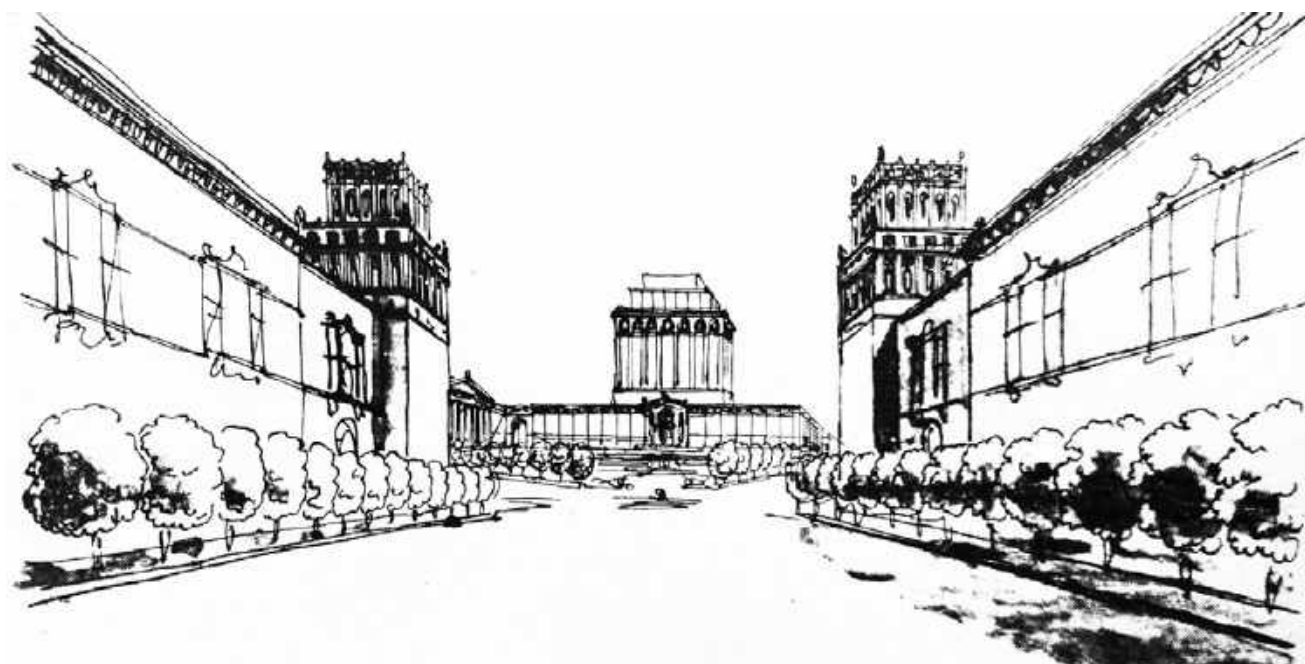
1.21. Варианты планировки площади Калужской заставы со зданием АН СССР
 Академпроект, архитектор И.М. Петров
 ГНИМА ОФ-1787/81-88

1.22. Генплан 4 участка АН СССР, начало 1950-х гг.

Академпроект

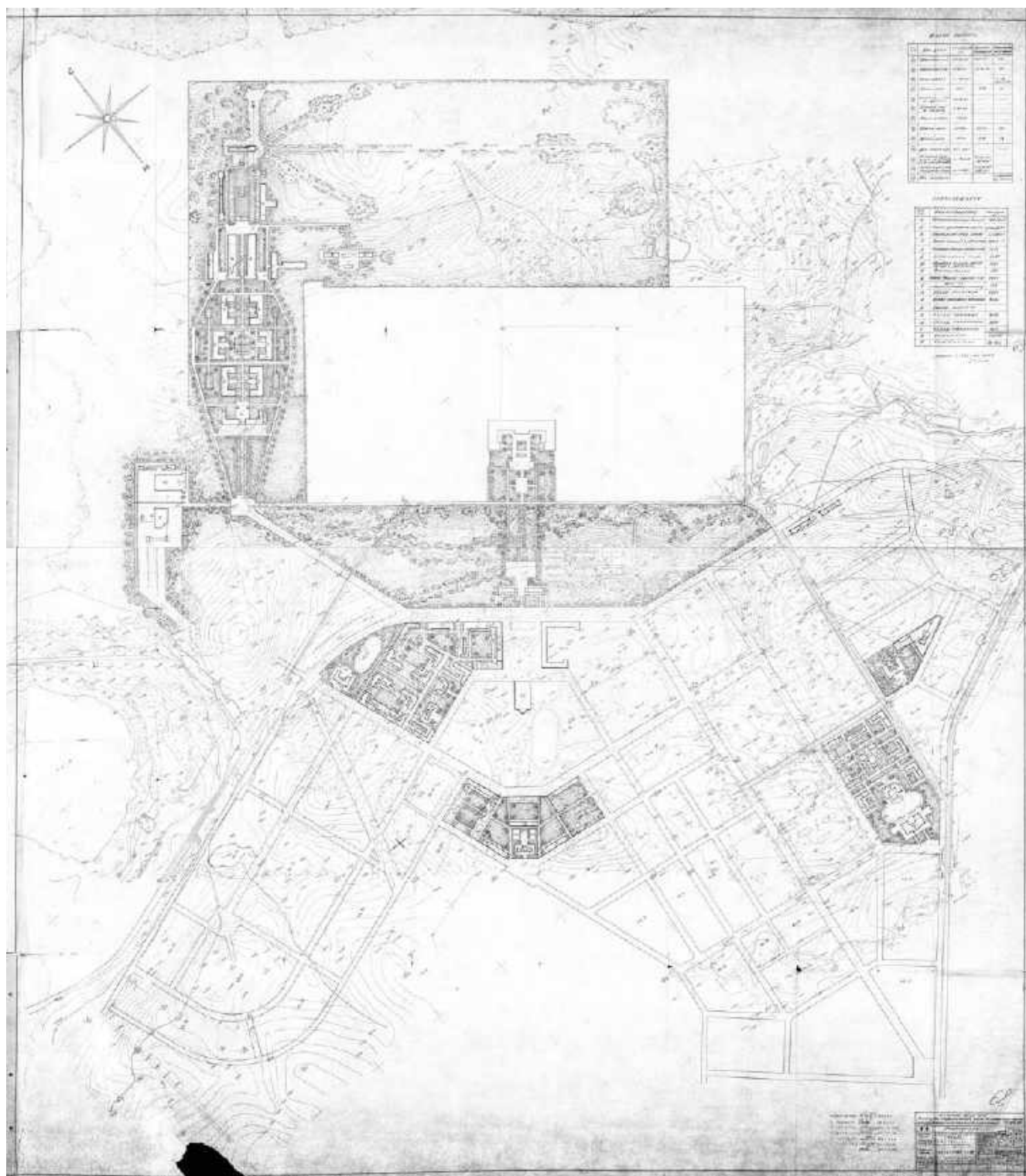
Сергеев К.И., Кулешова Г.И. Семь десятилетий на службе отечественной науке // Вестник Российской Академии наук. 2008. Том 78. № 12. С. 1093–1102.

1.23. Проект Фундаментальной библиотеки АН СССР

ГИПРОНИИ

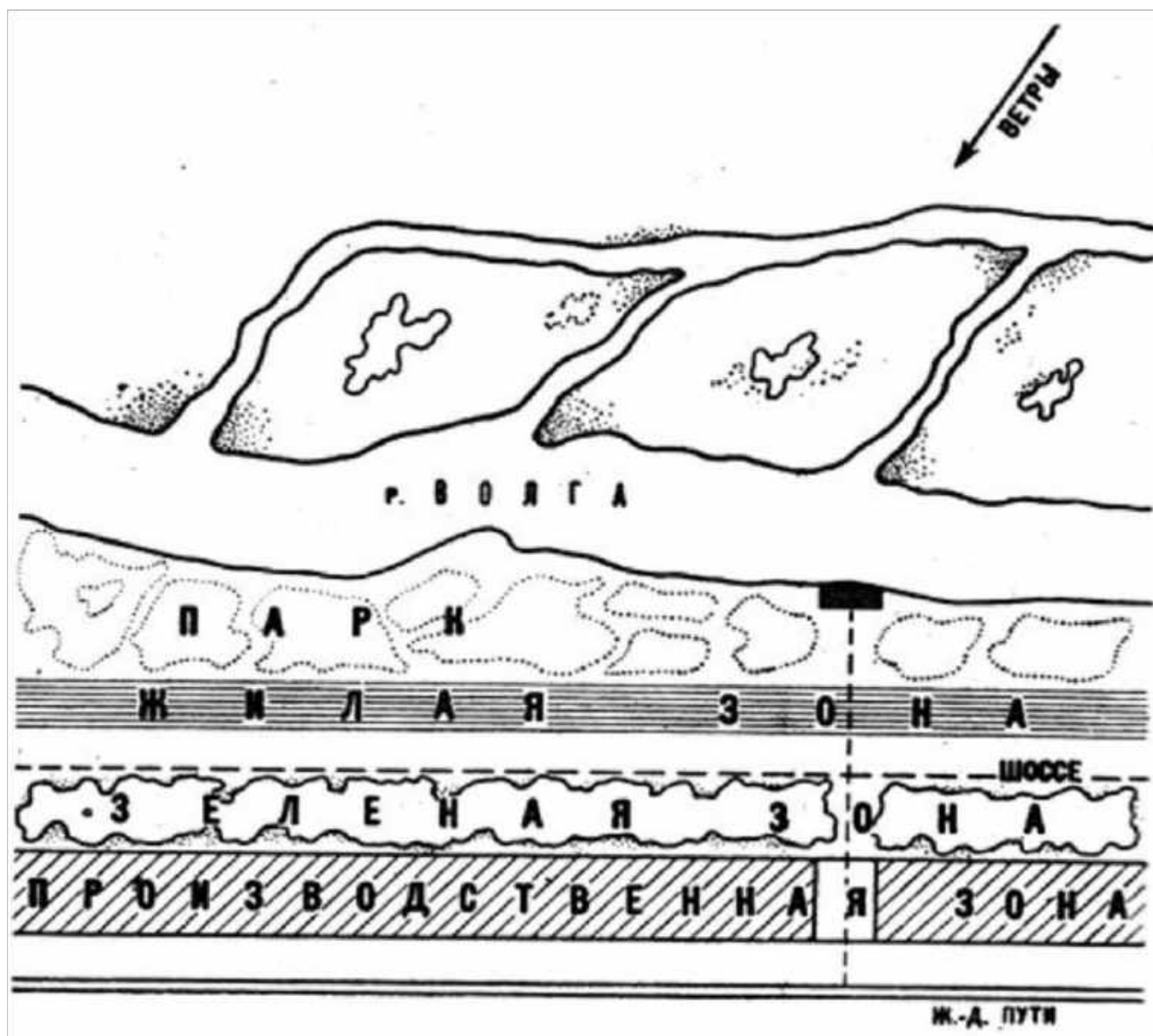
Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1983.
С. 22.

1.25. Генеральный план жилого поселка и площадки Института радиотехники и электроники во Фрязине, 1956 г.

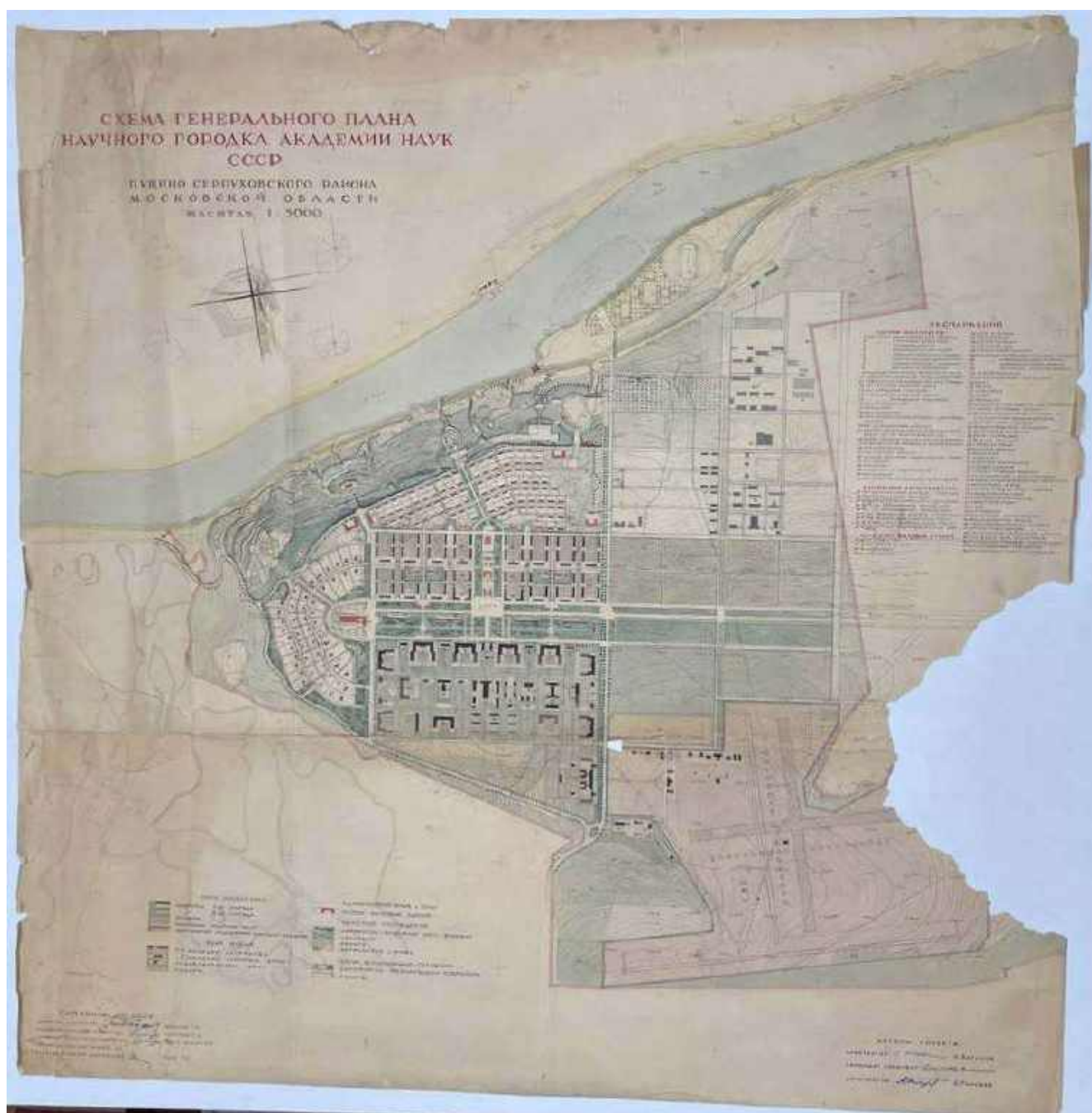
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.И. Баталов, Ю.П. Платонов, В.П. Нагих, А.С. Фомин

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 326. Л. 68–69.

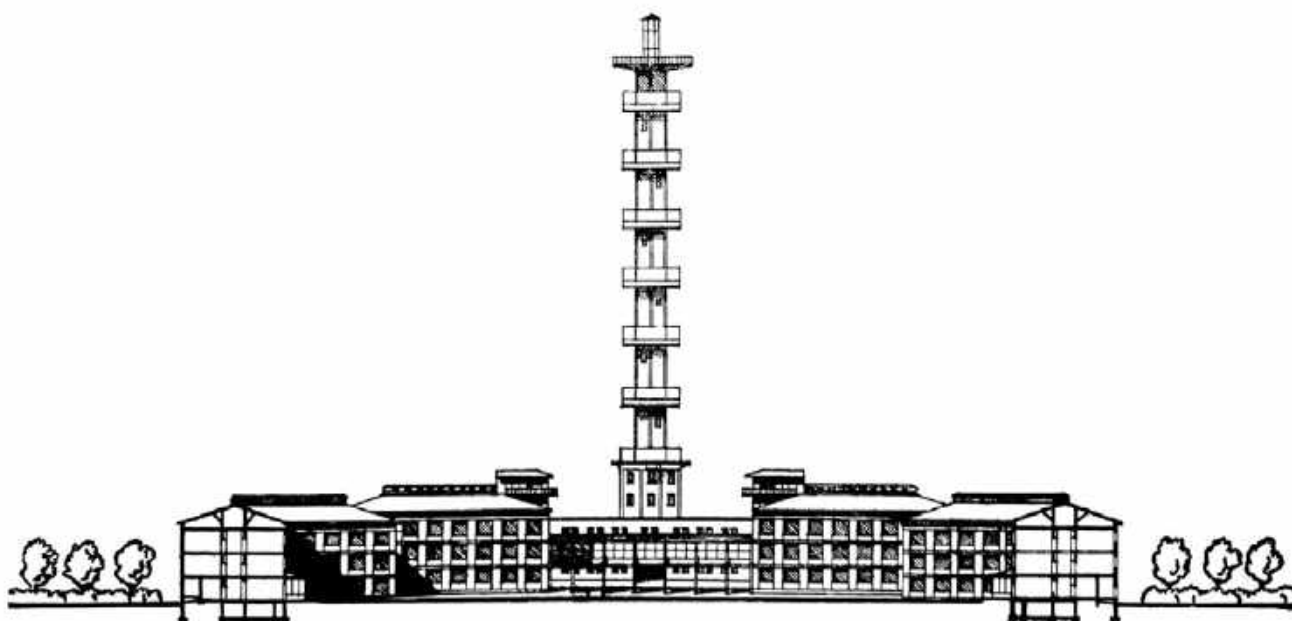
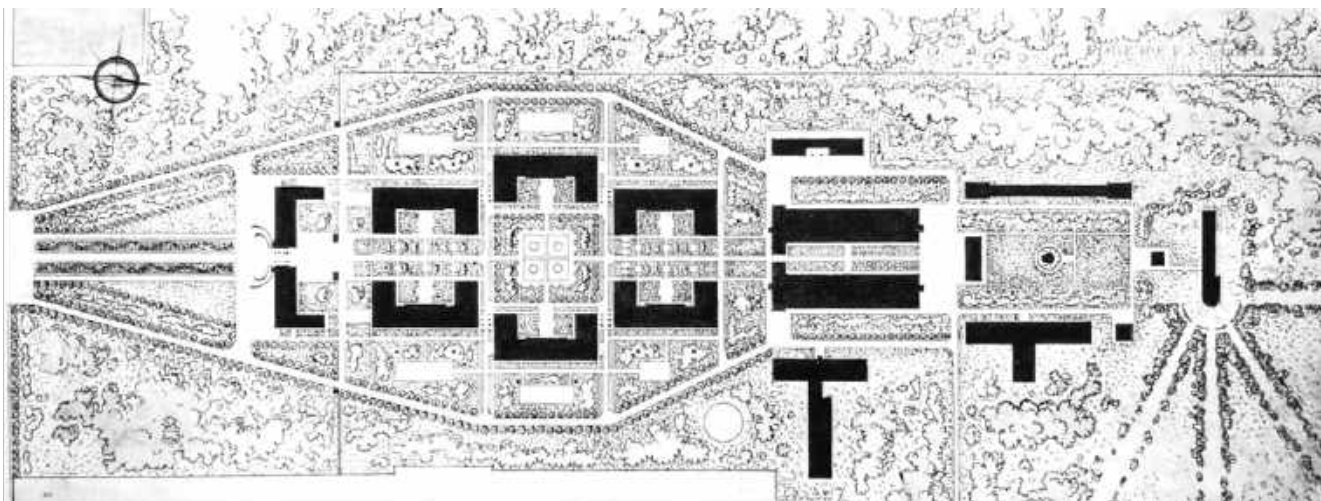

2.1. Схема планировки поселка при Сталинградском тракторном заводе по функционально-поточной системе, 1929 г.

Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М., Л., 1930. С. 29.

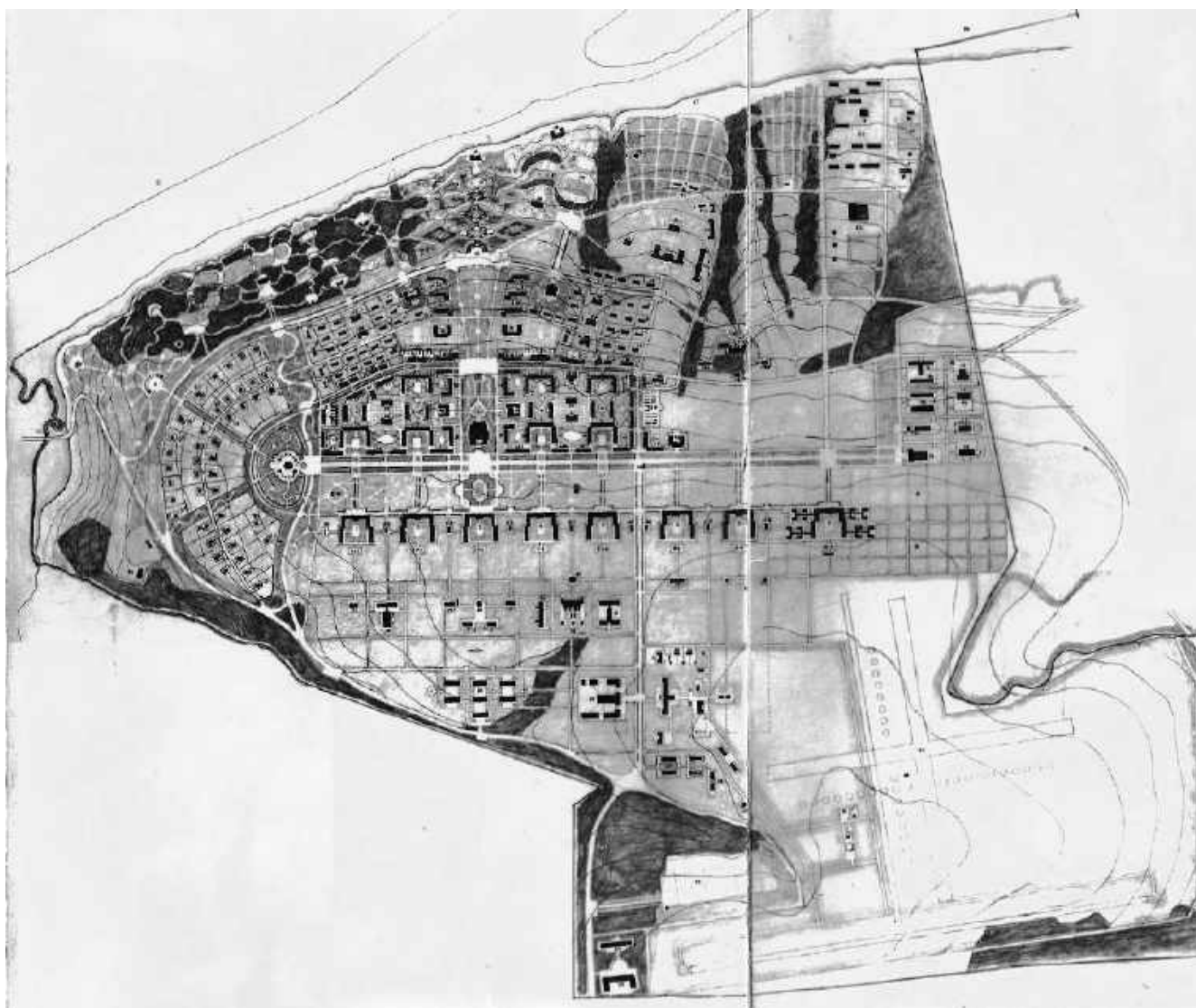
2.2. Схема генерального плана научного городка АН СССР в Пущине, 1956 г.
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман, Л.И. Баталов,
А.П. Голубев, А.Г. Бархина
Музей МАРХИ КПоф 217/14

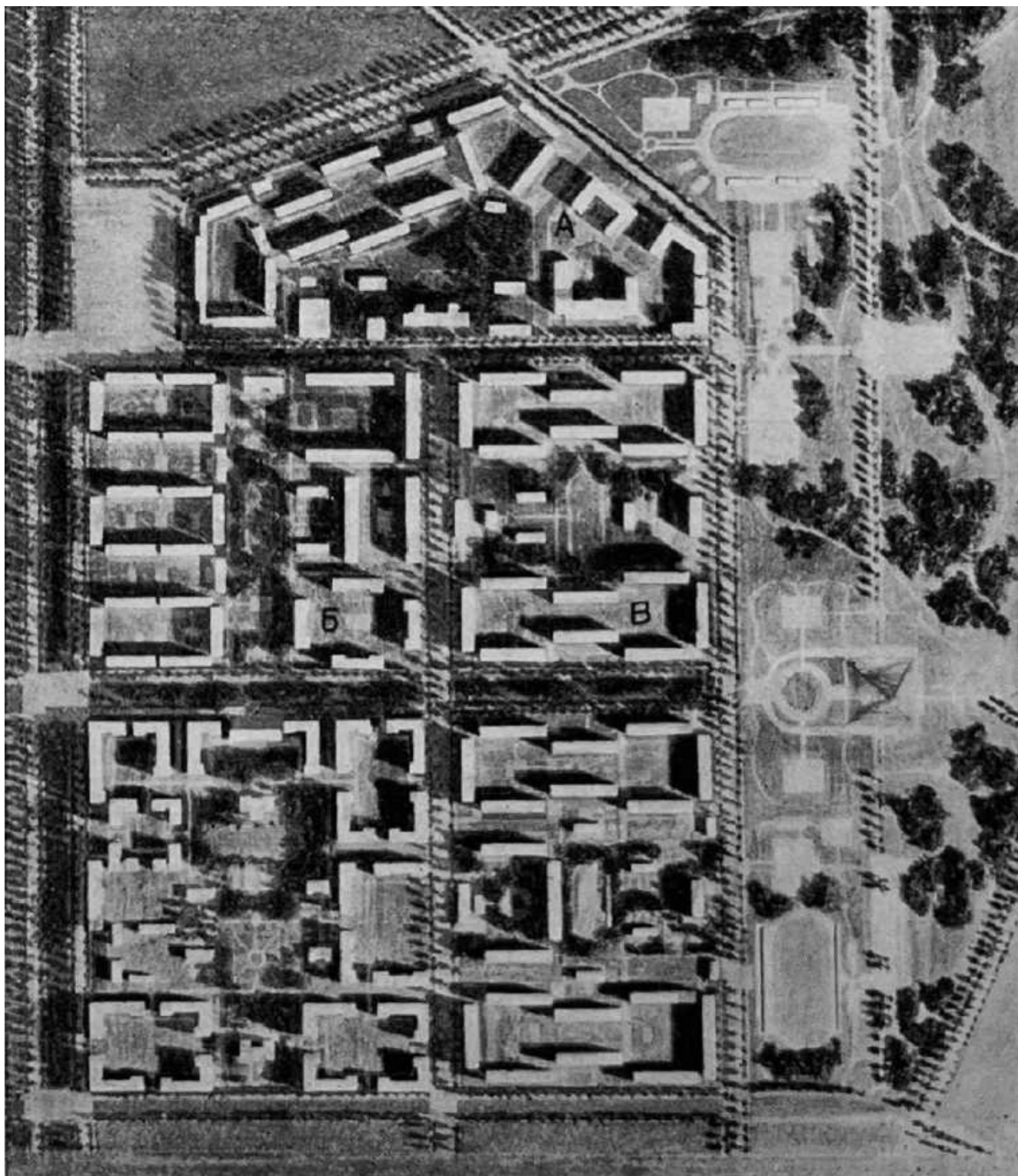
2.3. Проект Института радиотехники и электроники во Фрязине (генеральный план; поперечный разрез по центральному двору), 1956 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.И. Баталов, Ю.П. Платонов, В.П. Нагих, А.С. Фомин

Баталов Л.И. Научно-исследовательский институт строится по типовому проекту // Архитектура СССР. 1957. № 5. С. 29–30.

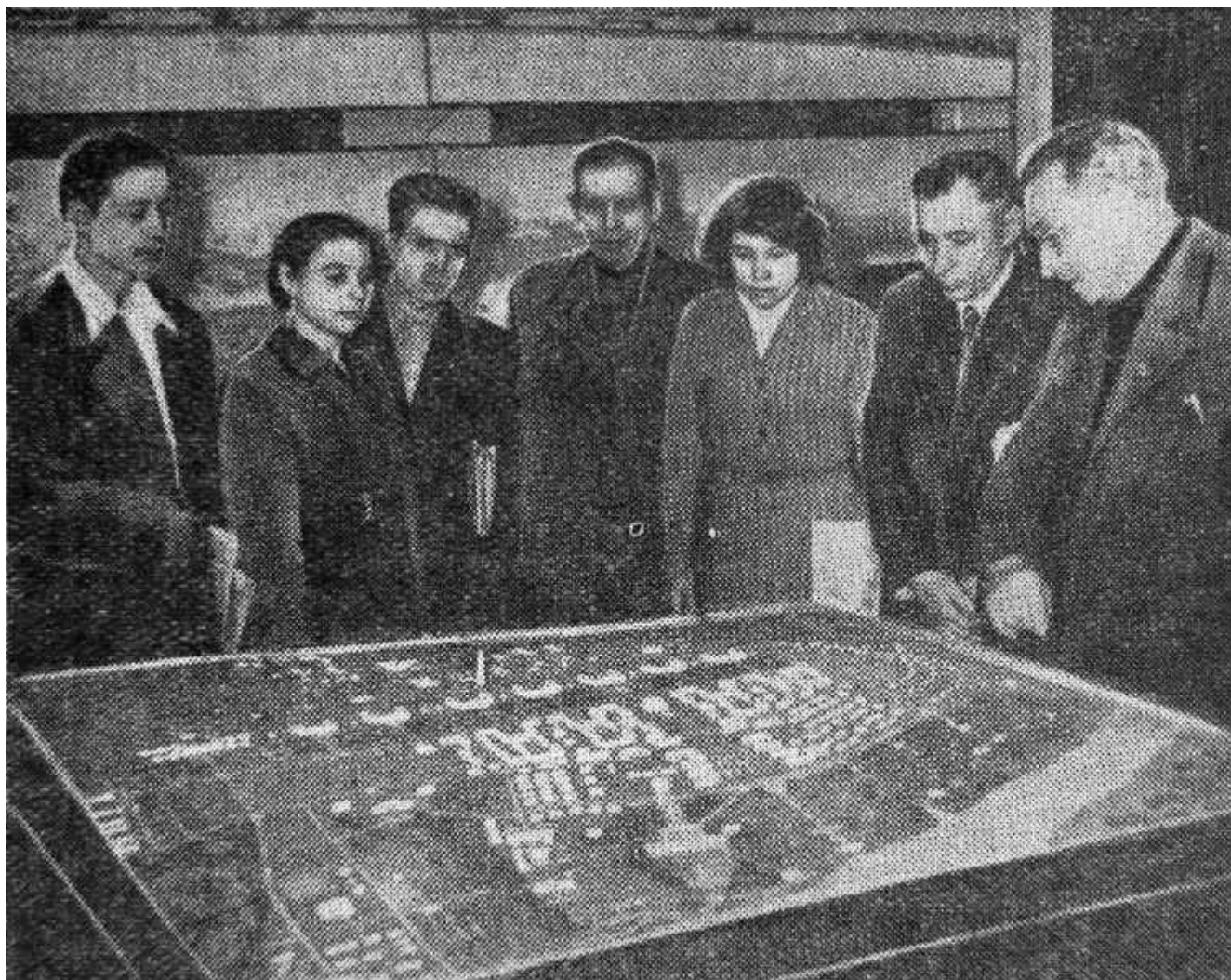

2.4. Схема генерального плана научного городка АН СССР в Пущине, 1956 г.
Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман, Л.И. Баталов,
А.П. Голубев, А.Г. Бархина
Пущинский музей экологии и краеведения 3463/1 НВ

2.5. Планировка части района Новые Черемушки, 1956 г.

Архитектура СССР. 1956. № 7. С. 21.

2.6. Макет к схеме генерального плана научного городка АН СССР в Пущине
Трибуна строителя. 1957. № 10 (104), 5 марта. С. 2.

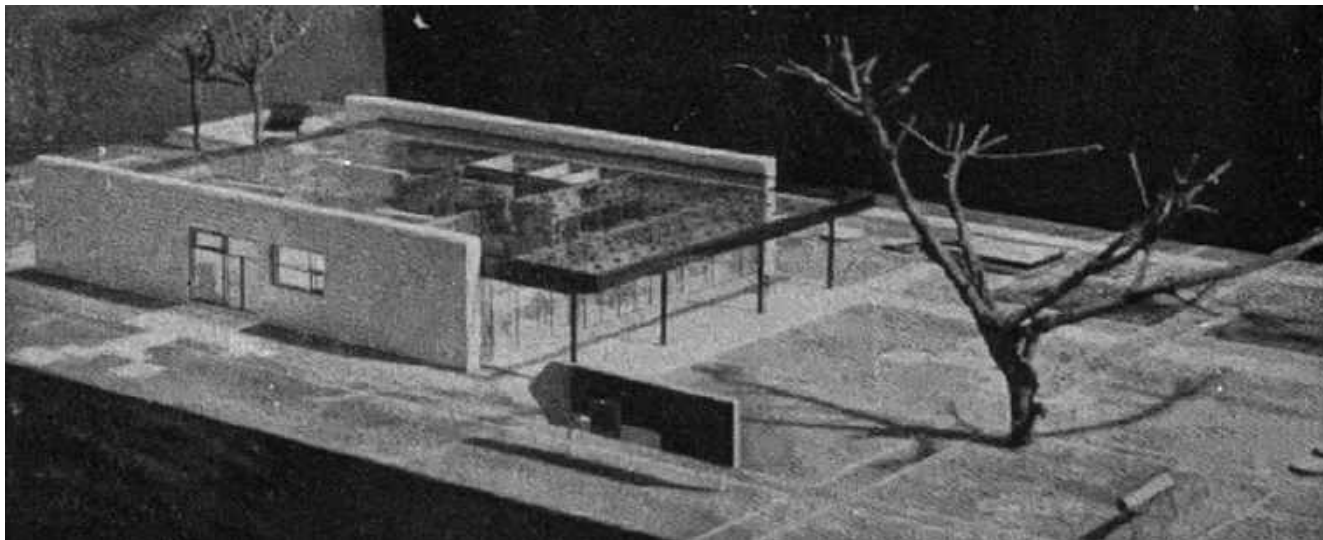

2.8. Схема генплана Научного городка Сибирского отделения АН СССР, 1960 г. Сибкадемпроект, архитекторы М.А. Белый, А.С. Михайлов, И.В. Орлов, И.А. Путешова, С. Пономарев, Н. Симонов, Ю.С. Ушаков, С.С. Целярицкий МИАС им. С.Н. Баландина.

2.9. Торговый центр в Новосибирском Академгородке

Фото автора, 2022 г.

2.10. Макет пункта первичного обслуживания.

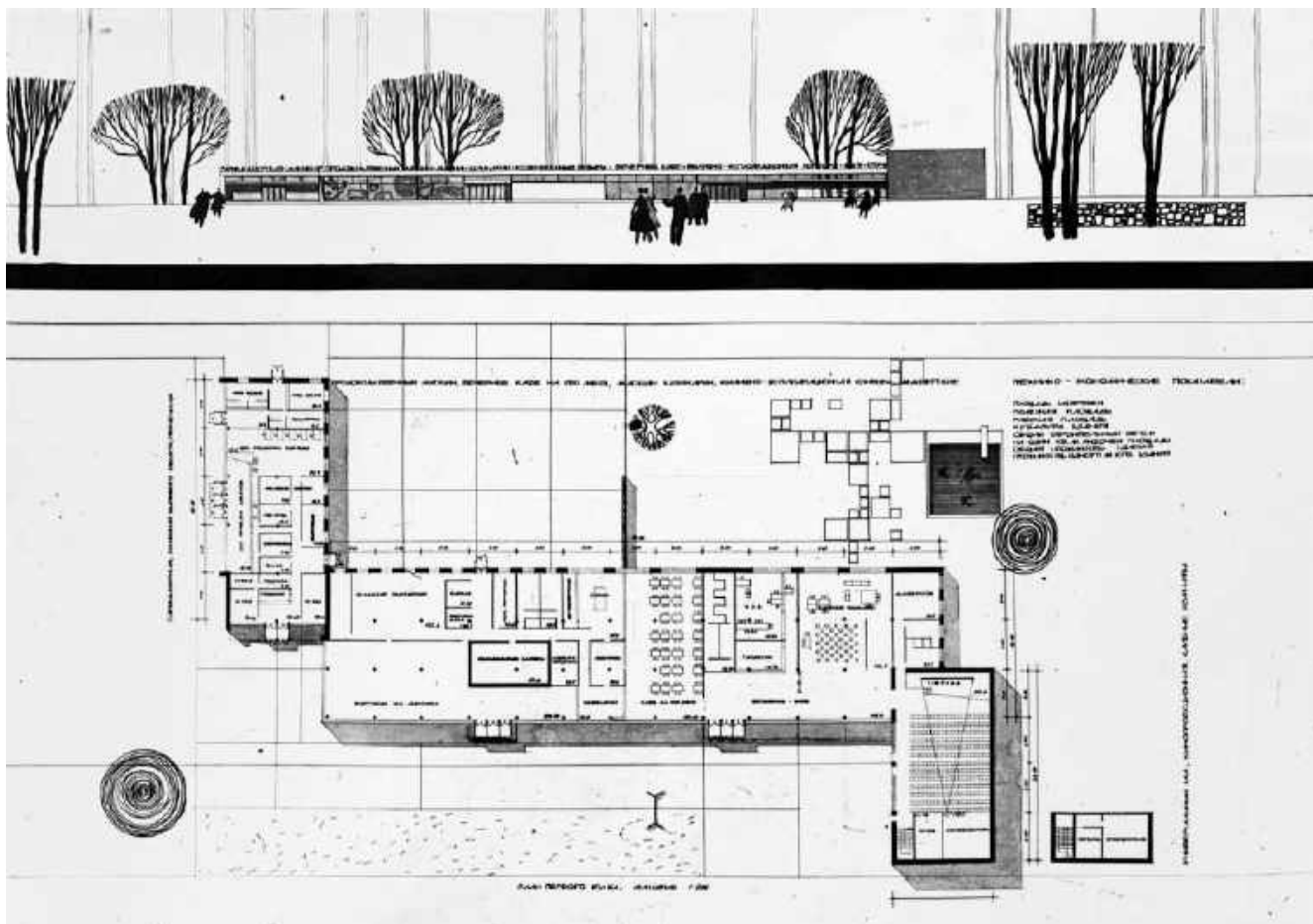
Отдел культурно-бытовых и коммунальных зданий НИИ экспериментального проектирования, архитекторы А.С. Образцов, К.К. Карташова

Ладинский А.С., Чернецов Н.Н. Город науки. // Архитектура. Иллюстрированная вкладка Строительной газеты № 21, 18 октября 1964.

2.11. Пункт первичного обслуживания в Новосибирском Академгородке

Фото автора, 2022 г.

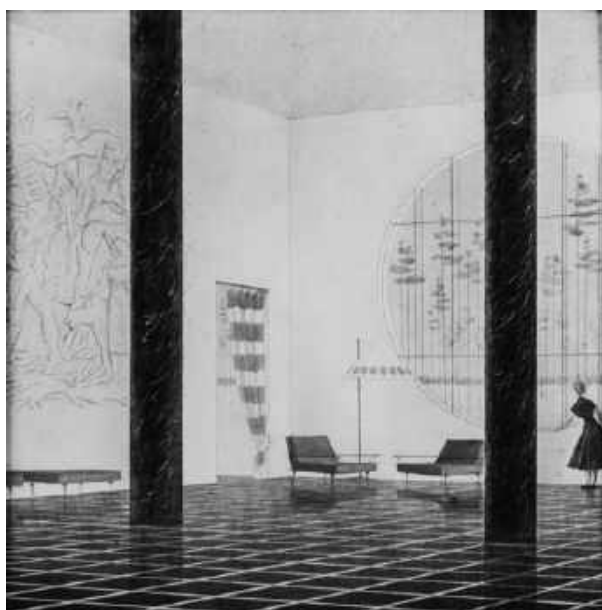

2.13. Фасад, план и разрезы общественно-торгового центра микрорайона.

Отдел культурно-бытовых и коммунальных зданий НИИ экспериментального проектирования, архитекторы А.С. Образцов, К.К. Карташова
МИАС им. С.Н. Баландина.

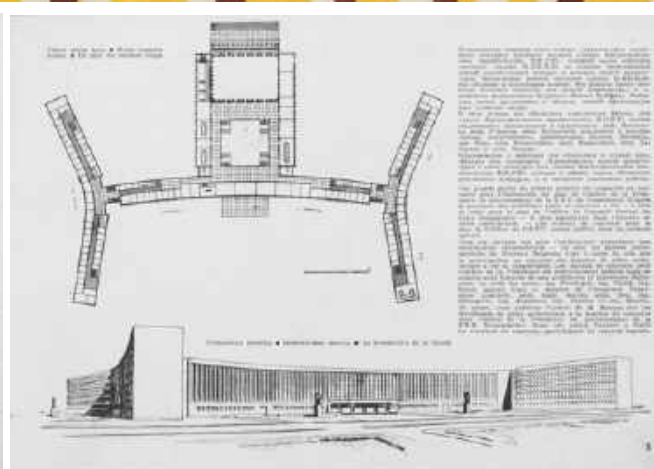
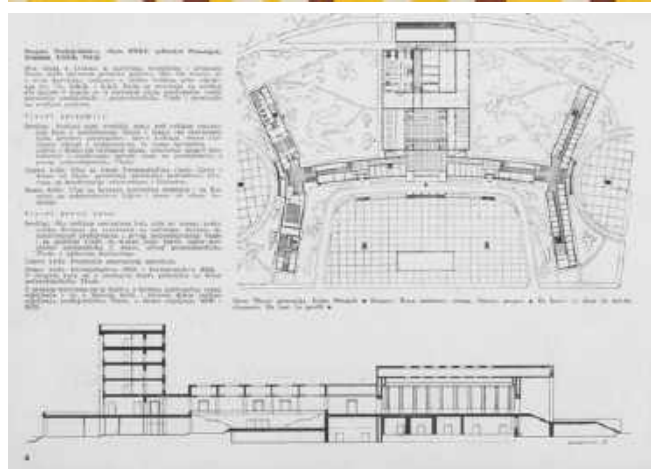
2.14. Н.С. Хрущев возле макета центра академгородка СО АН СССР, 1959 г.
Музей СУНЦ НГУ

2.15. Эскизный проект унифицированного главного здания НИИ, рубеж 1957-1958 гг.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.М. Поляков, А.И. Попов-Шаман, С.П. Бурицкий

ГНИМА НФ-ОФ 1412-53, 54, 56, 57

2.16. Проект здания Председательства правительства ФНРЮ в Белграде, 1947 г.

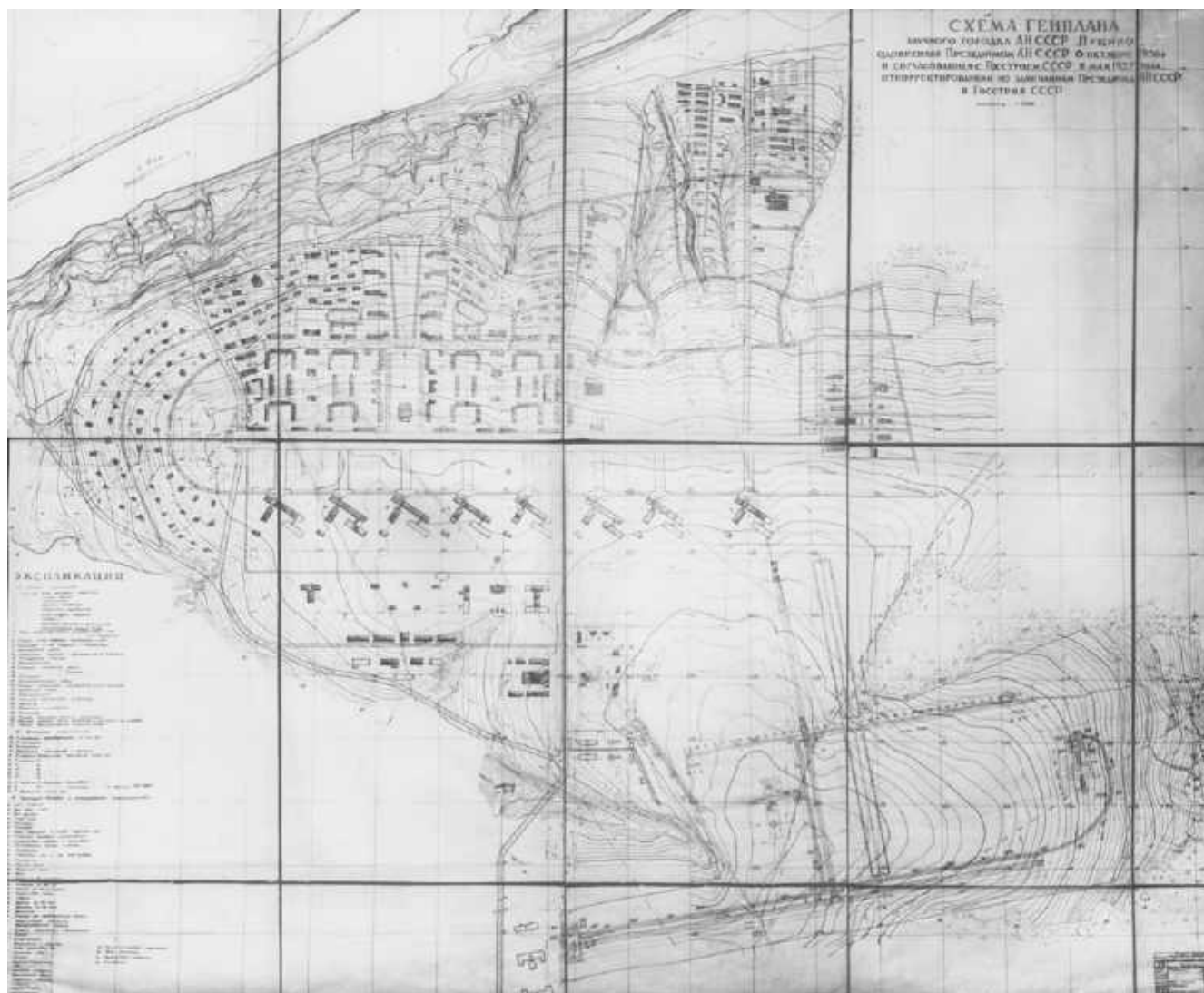
Архитекторы Поточняк, Нойман, Ульрих, Петрак

Журнал "Arhitektura". Загреб (Югославия), 1947. № 3. Обложка, С. 4–5.

3.1. Схема генерального плана научного городка АН СССР в Пущине, 1958 г. (?), с нанесением поверх фото проекта Института биофизики в 1959-1960 гг.

Пушкинский музей экологии и краеведения 3565 НВ

3.2. Схема генплана научного городка АН СССР в Пущине, 1960 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман, Д.А. Метаньев, Н.М. Филипповская

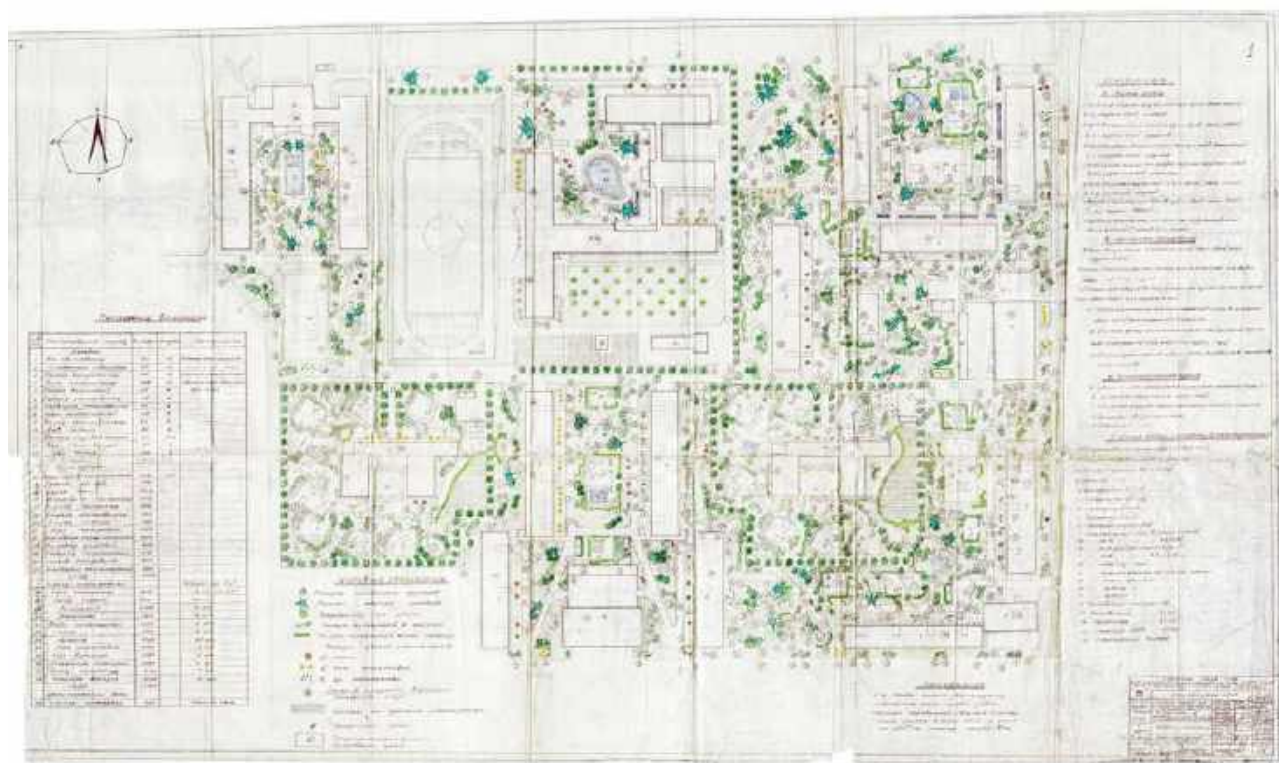
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 461. Л. 52.

3.4. Развертка застройки Пущина по проспекту Науки, 1961 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман и др.

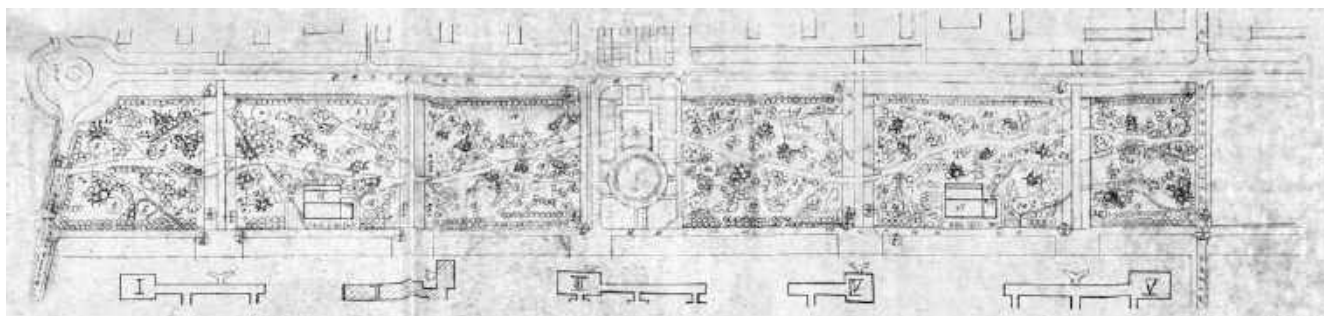
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 671. Л. 100.

3.5. Проект I очереди строительства микрорайона В для Института биофизики в Пущине, 1961 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман, А.И. Зайцев

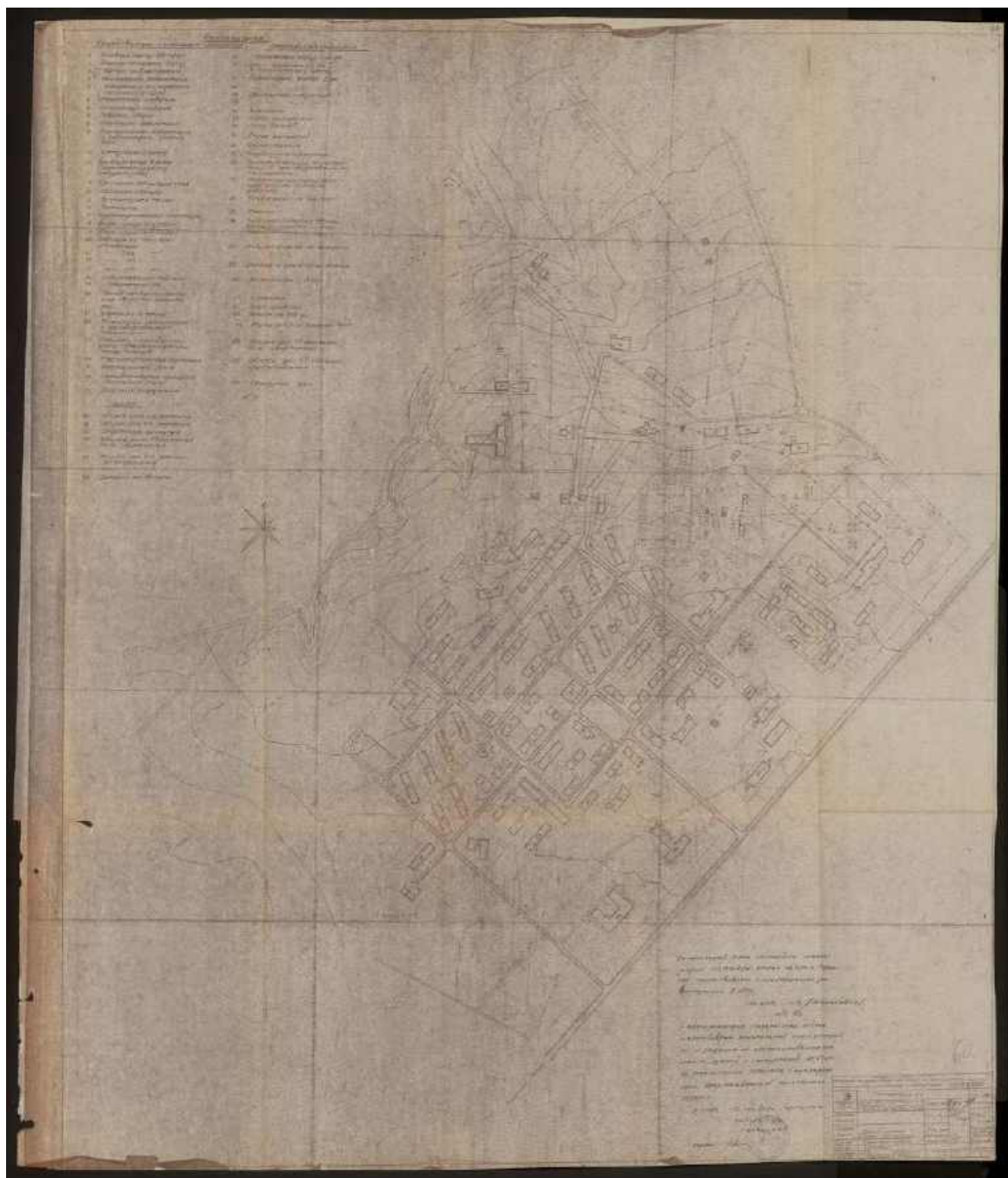
ЦГАМО. Ф. 815. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.

3.6. Проект озеленения санитарно-защитной зоны в Пущине, 1961 г.
Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман и др.
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 671. Л. 98.

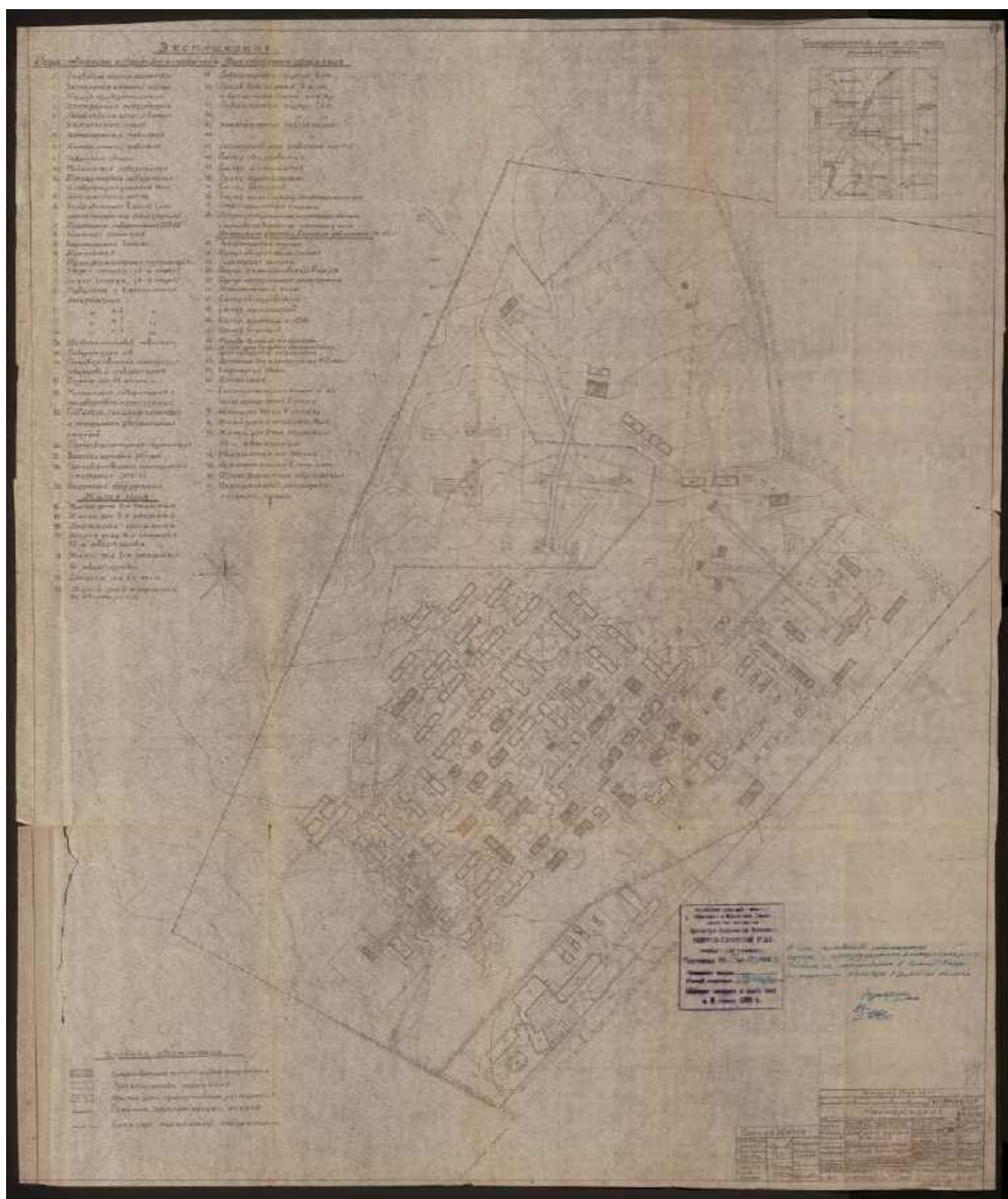

3.7. Детский сад-ясли на 185 мест в микрорайоне «В» Пущина
Фото Н.В. Печникова, Центральная библиотека г.о. Пущино

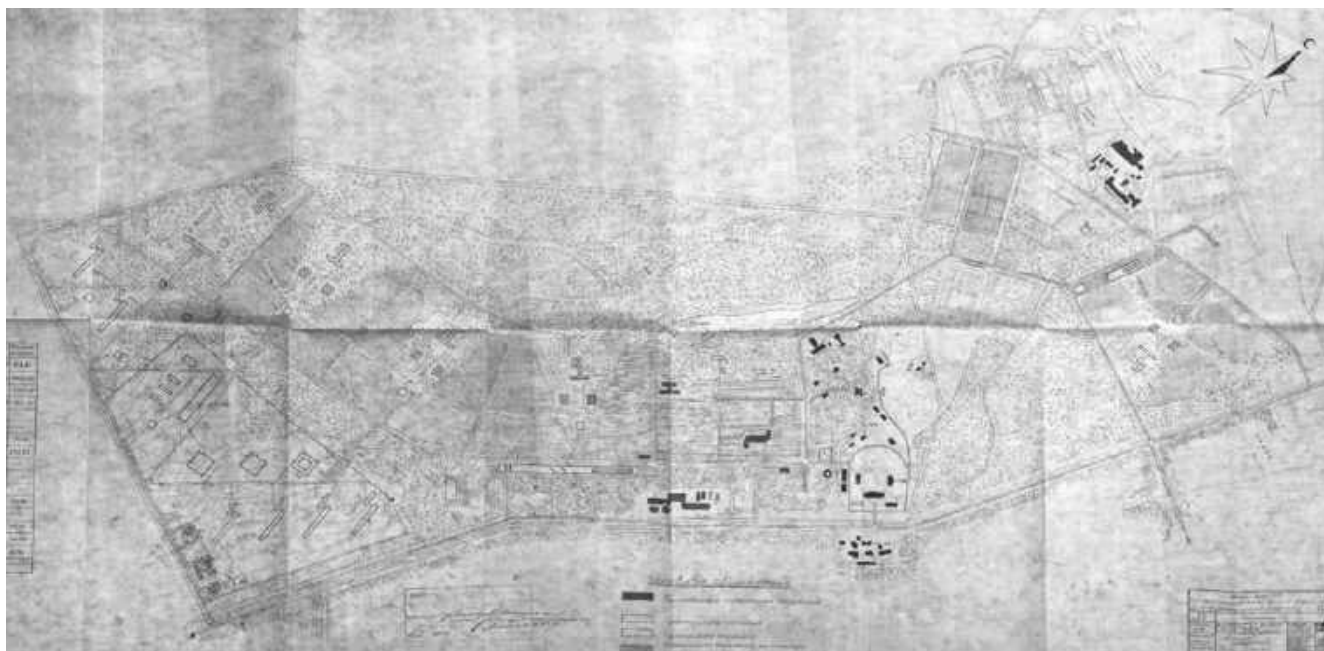
3.9. Генплан и эскиз застройки научного городка АН СССР в Красной Пахре, 1962 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.В. Куприянов, Г.И. Николаева
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 60.

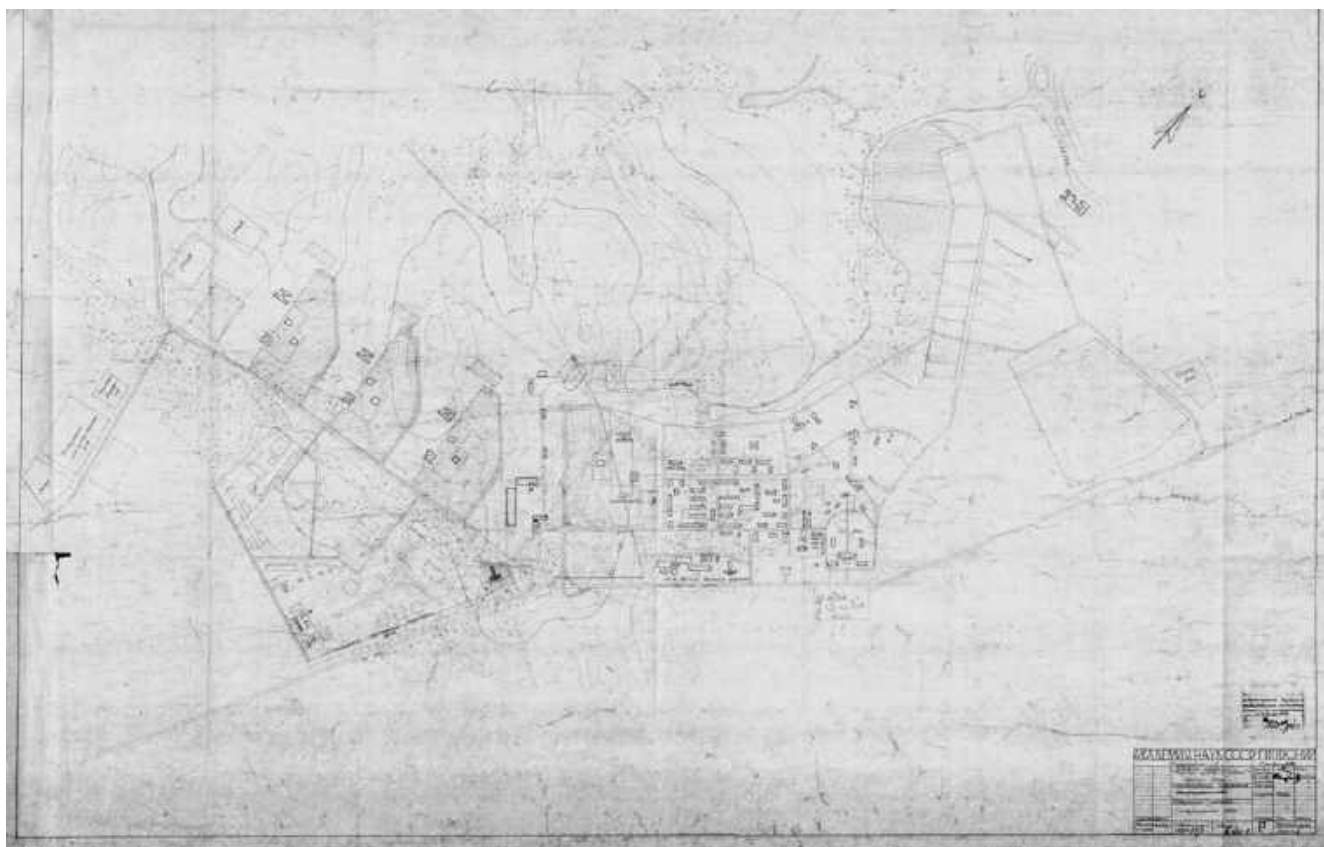
3.10. Генеральный план и эскиз застройки научного городка АН СССР в Красной Пахре, 1962 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.В. Куприянов, Г.И. Николаева
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 61.

3.11. Планировка научного городка АН СССР в Красной Пахре, 1965 г.

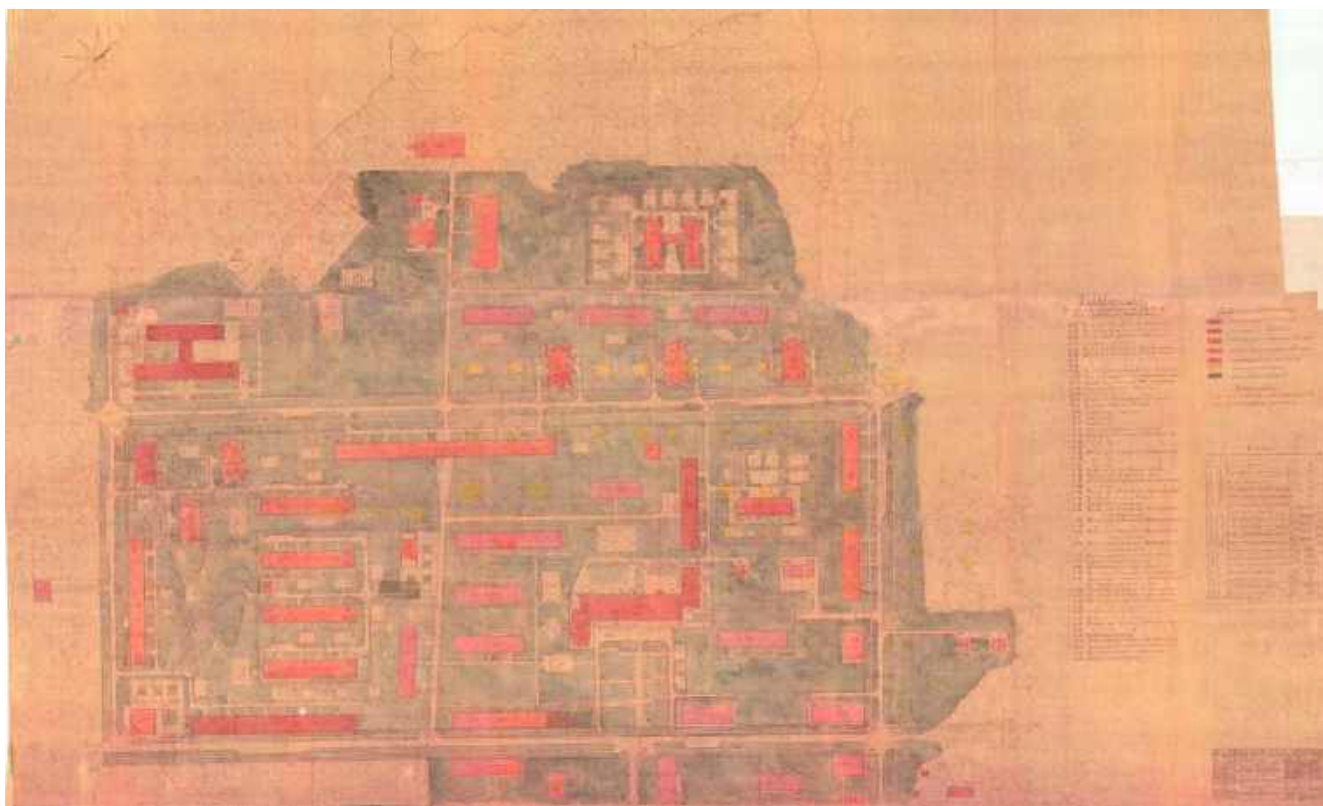
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1003. Л. 150.

3.12. Планировка научного центра АН СССР в Красной Пахре, 1965 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ

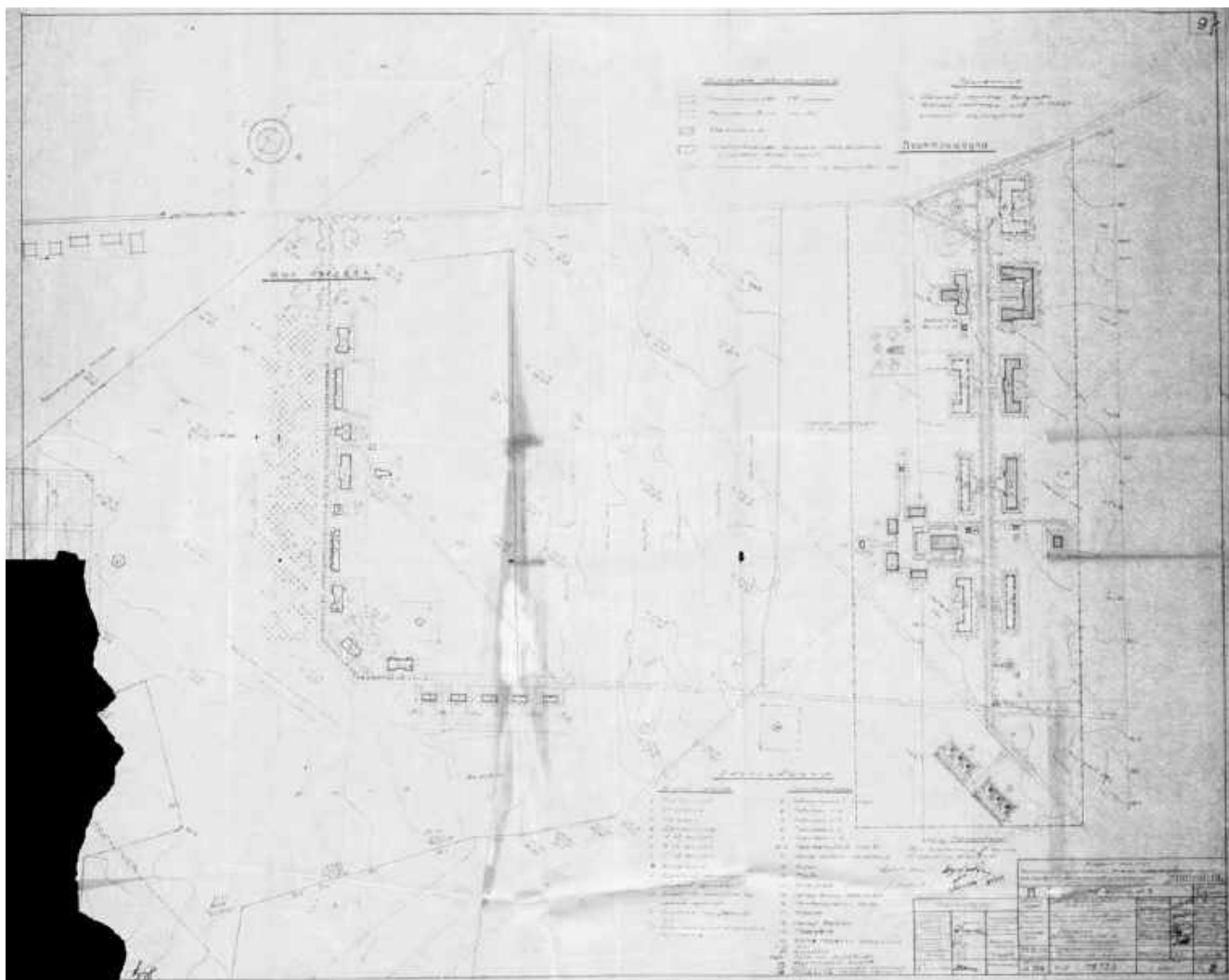
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1002. Л. 29.

3.13. Генеральный план микрорайона А научного городка АН СССР в Красной Пахре, 1965 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.В. Куприянов, Г.И. Николаева, С.П. Бурицкий

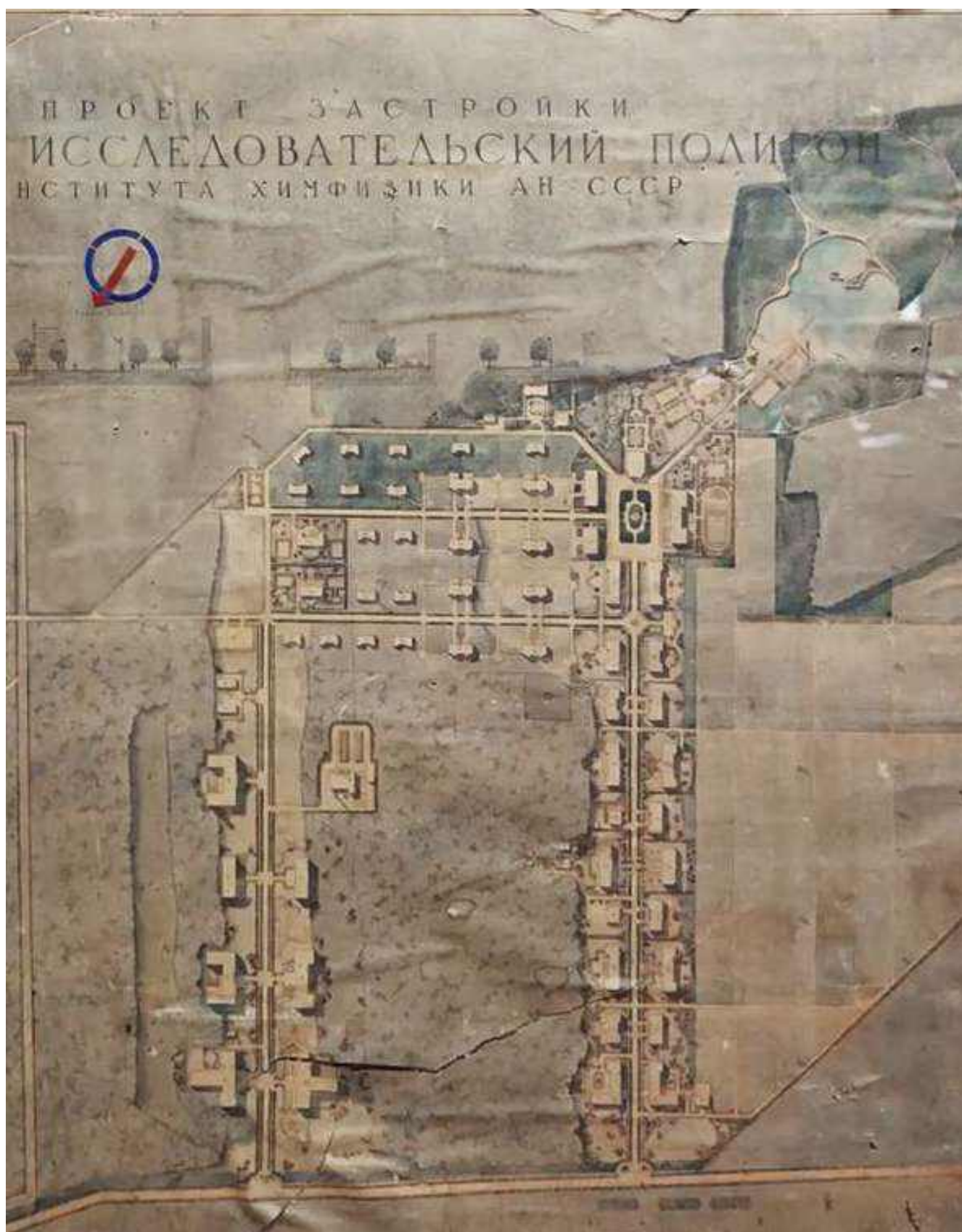
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1000. Л. 19.

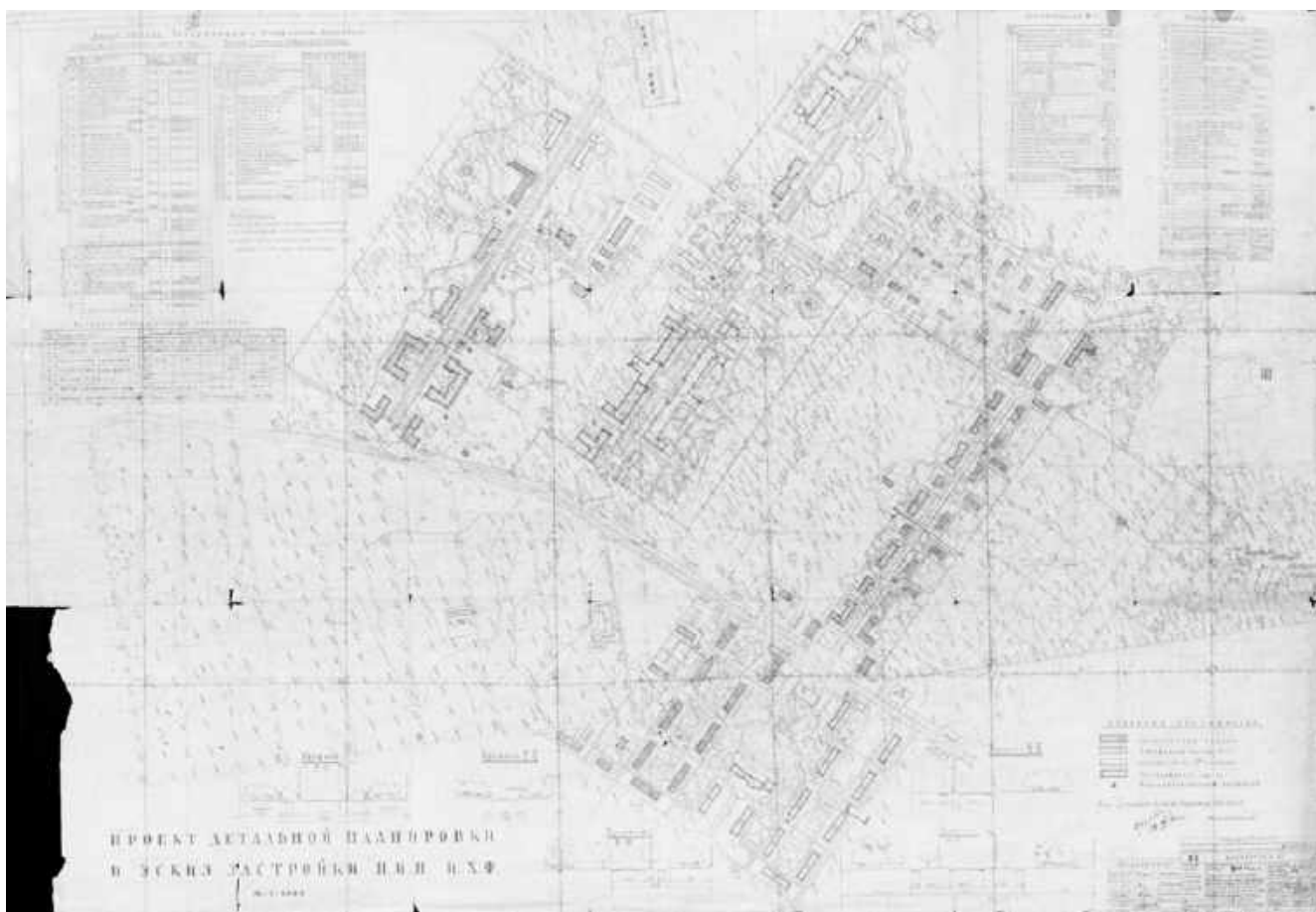
3.14. Генеральный план жилого поселка и промплощадки научно-исследовательского полигона Института химической физики АН СССР, 1956 г.

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.М. Злотин, Л.В. Леонова, Ю.А. Дульгьер

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 533. Л. 97.

3.15. Проект застройки научно-исследовательского полигона Института химической физики АН СССР, 1957 г.
Дом ученых НЦЧ РАН

3.16. Проект детальной планировки и эскиз застройки научно-исследовательского полигона Института химической физики АН СССР, 1960 г.

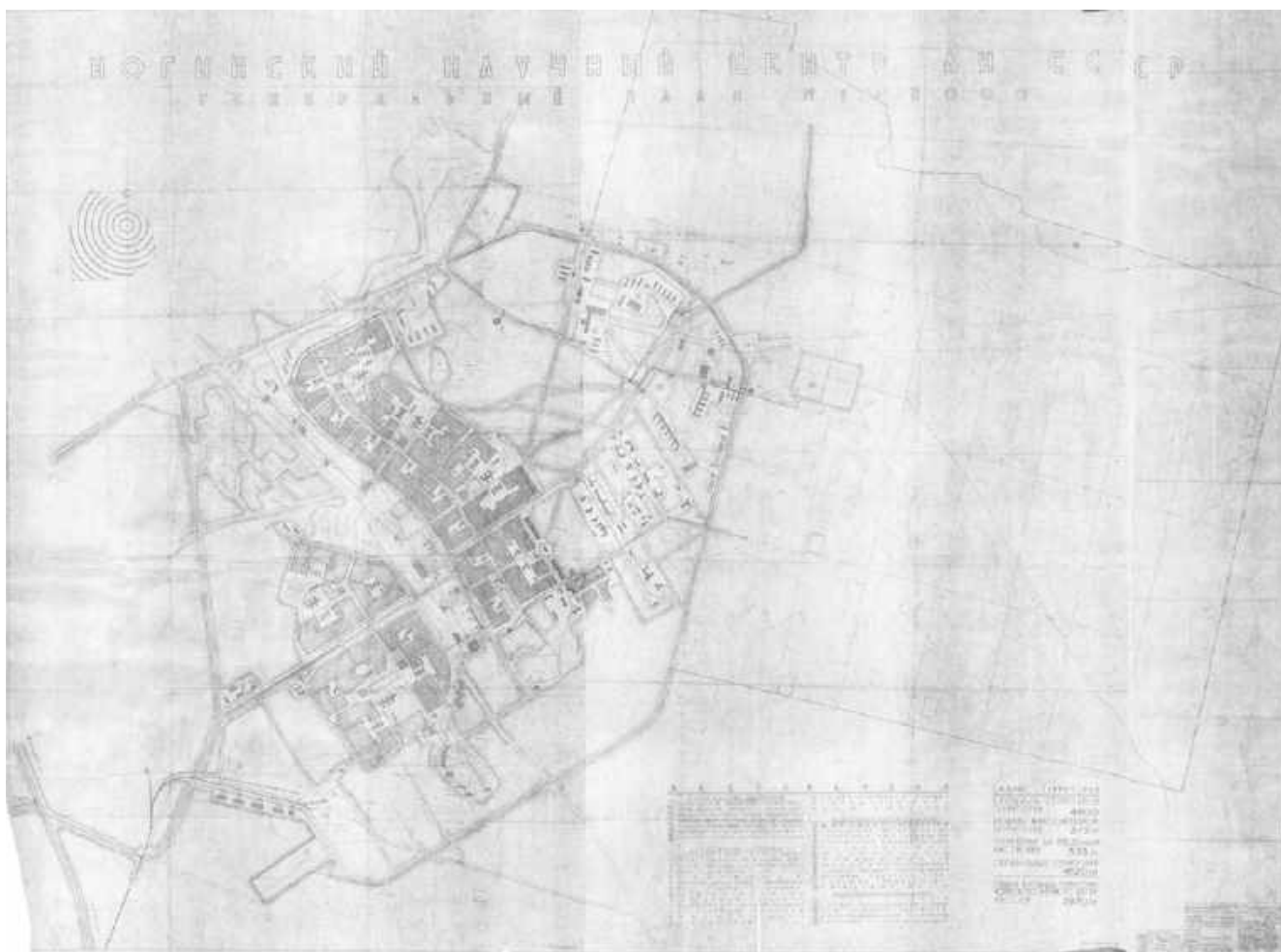
Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитектор Н.М. Козлов

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 768. Л. 98.

3.17. Схема функционального зонирования территории Ногинского научного центра АН СССР, 1963 г.

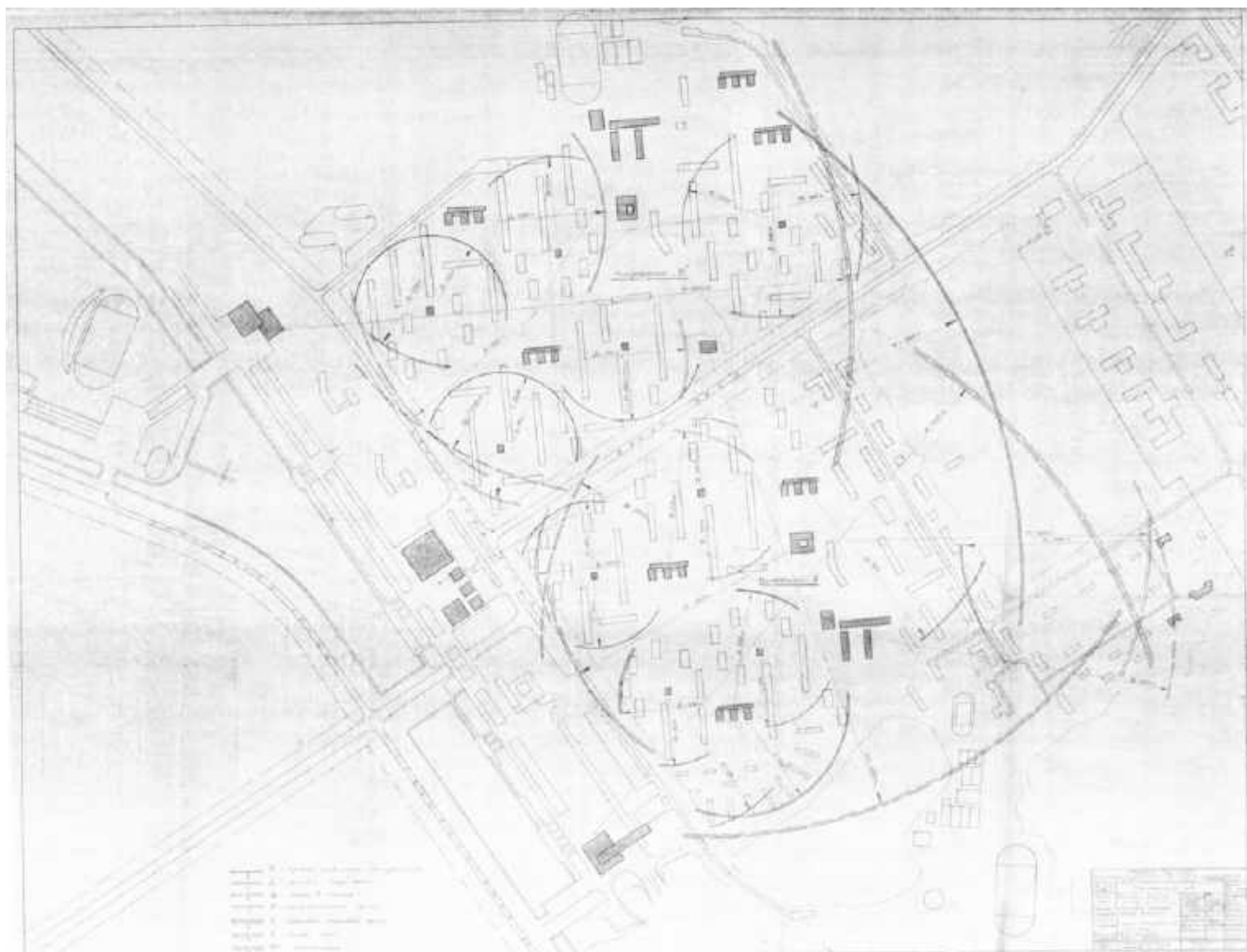
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, А.М. Злотин, О.Е. Калмыков, Д.А. Метаньев
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 768. Л. 99.

3.18. Генеральный план Ногинского научного центра АН СССР, 1963 г.

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, А.М. Злотин, О.Е. Калмыков, Д.А. Метаньев

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 10.

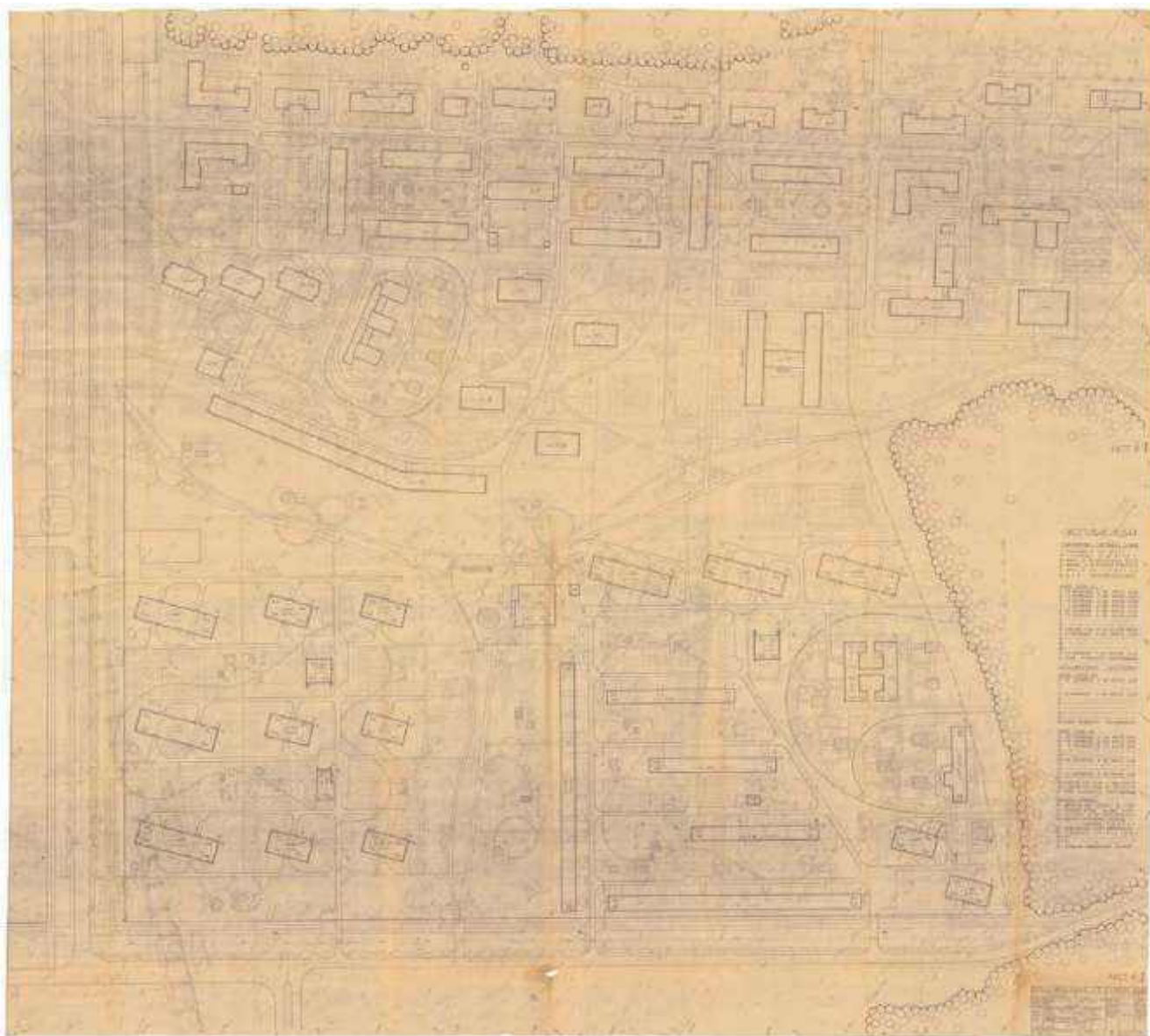

3.19. Схема обслуживания I очереди Ногинского научного центра АН СССР, 1963 г.

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы О.Е. Калмыков, С.П. Выходцев, А.С. Дубовский, В.П. Ломаченко, В.А. Прокопенко
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 16.

3.20. Схема застройки I очереди Ногинского научного центра АН СССР, 1964 г.
 Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы О.Е. Калмыков, А.С. Дубовский,
 С.П. Выходцев
 ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 7.

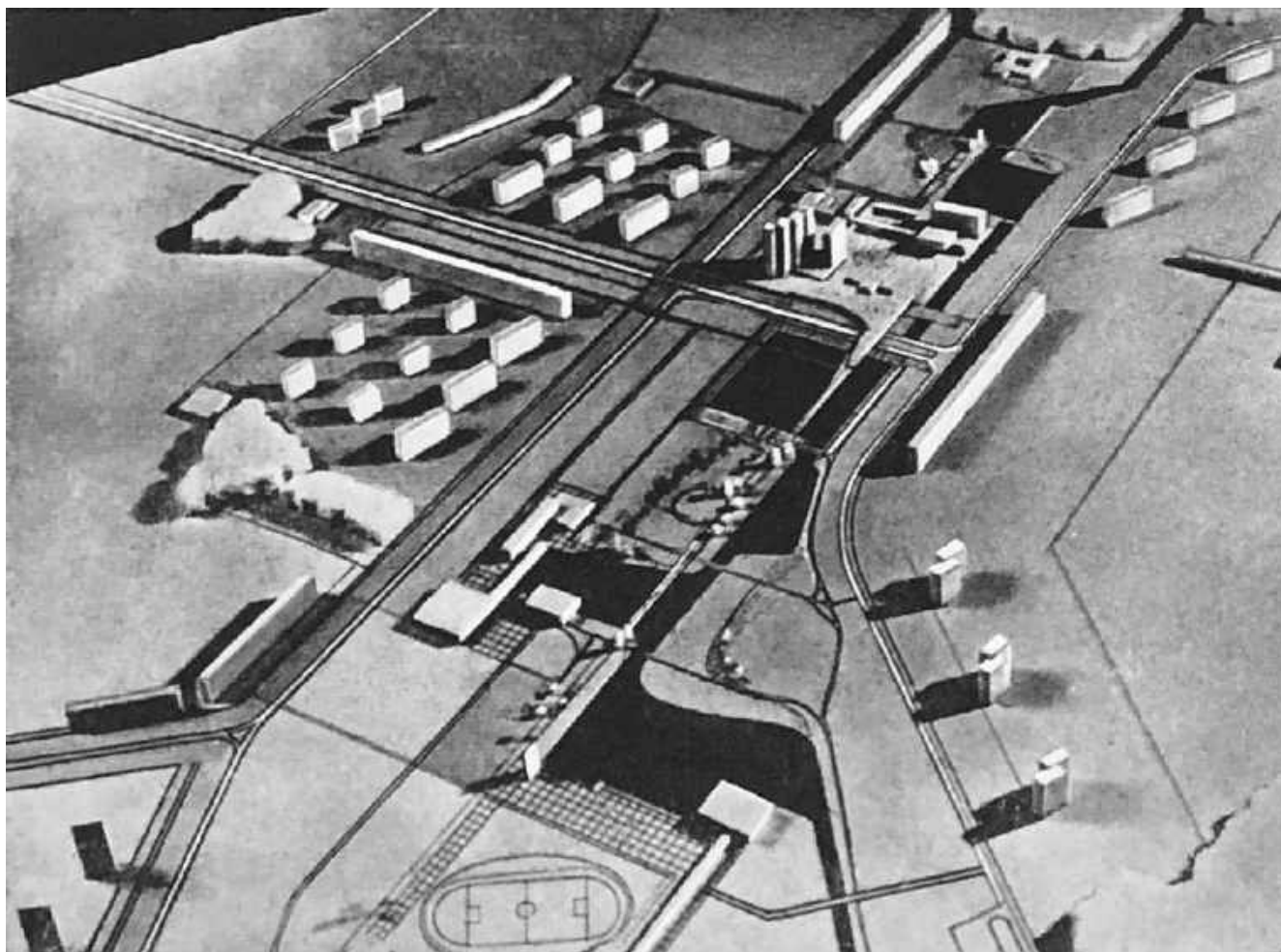
3.21. Генеральный план застройки микрорайона «А» Ногинского научного центра АН СССР, 1965 г.

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 13–14.

3.22. Жилая группа из домов по переработанному проекту П-29 в микрорайоне «А» Черноголовки
Фото автора, 2024 г.

3.23. Макет застройки Ногинского научного центра АН СССР

Работы проектных и научных институтов Москвы. 1970–1974. М., 1975. С. 188.

3.24. Комплекс гостиницы и общежития в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

3.25. Экспериментальная школа на 1320 учащихся в Черноголовке, 2024 г.
ЦНИИЭП учебных зданий, архитекторы К.Д. Френкель, В.К. Степанов,
Л.Г. Газеров, А.С. Дубовский, В.А. Толмачев
Фото автора, 2024 г.

3.26. Дом ученых в Черноголовке, мозаичное панно на фасаде

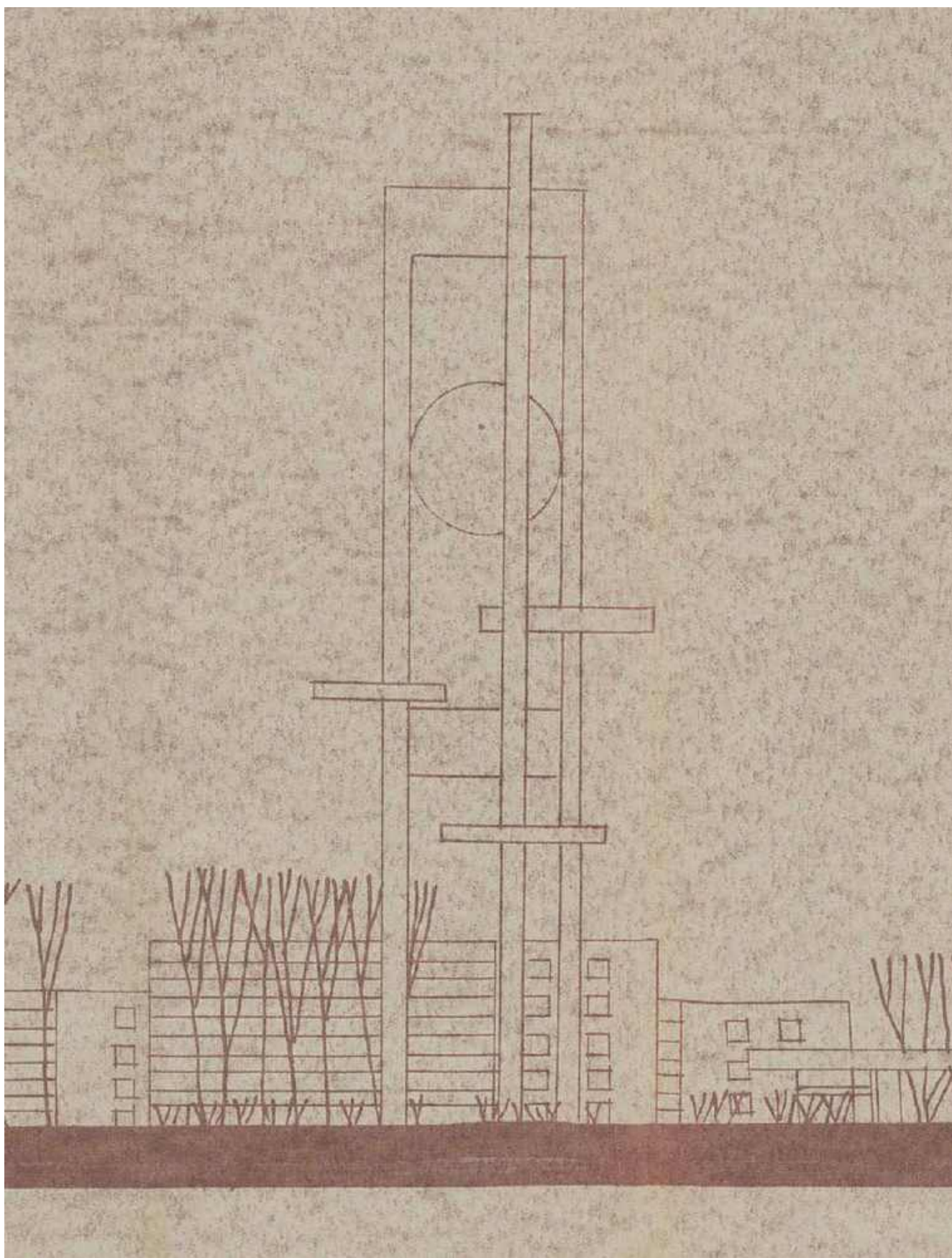
Художник И.М. Бройдо

Фото автора, 2024 г.

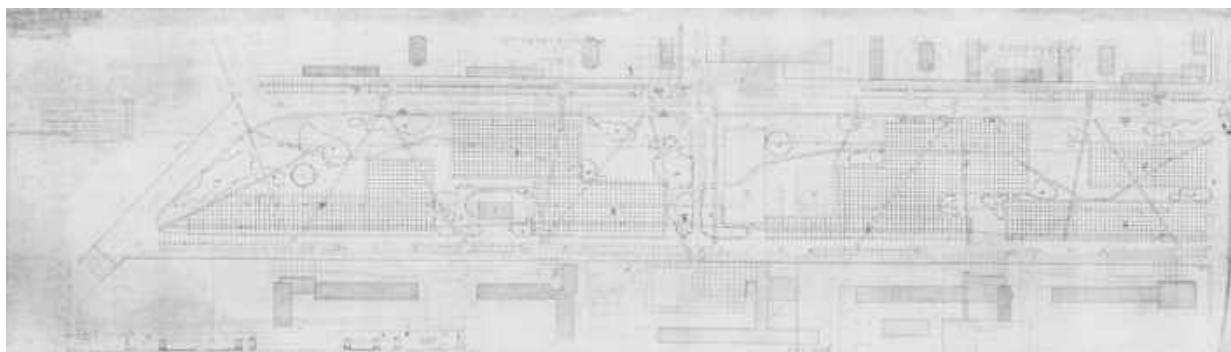
3.27. Макет к эскизу застройки Пущина, 1962–1963 гг.

Пущинский музей экологии и краеведения; Семейный архив Воронежских

3.28. Развертка застройки Пуцина по проспекту Науки, 1963 г.

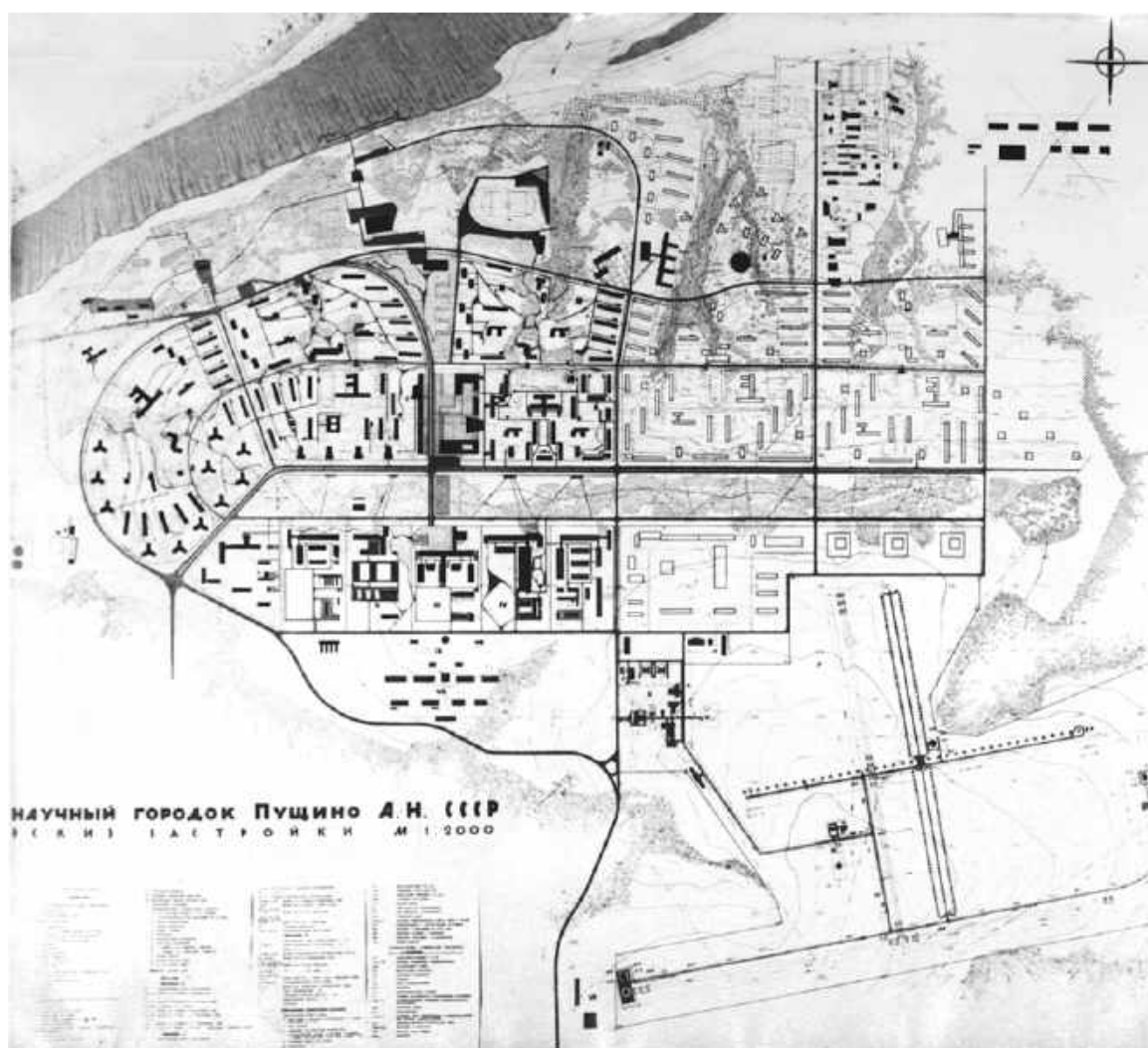
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919. Л. 32.

3.29. План улиц, зеленой зоны с благоустройством и озеленением, 1963 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы В.М. Коган, В.П. Нагих, дендролог Г.Я. Красивова

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919. Л. 31.

3.30. Эскиз застройки Пушина, 1964 г.

Мастерская № 4 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов и др.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 60.

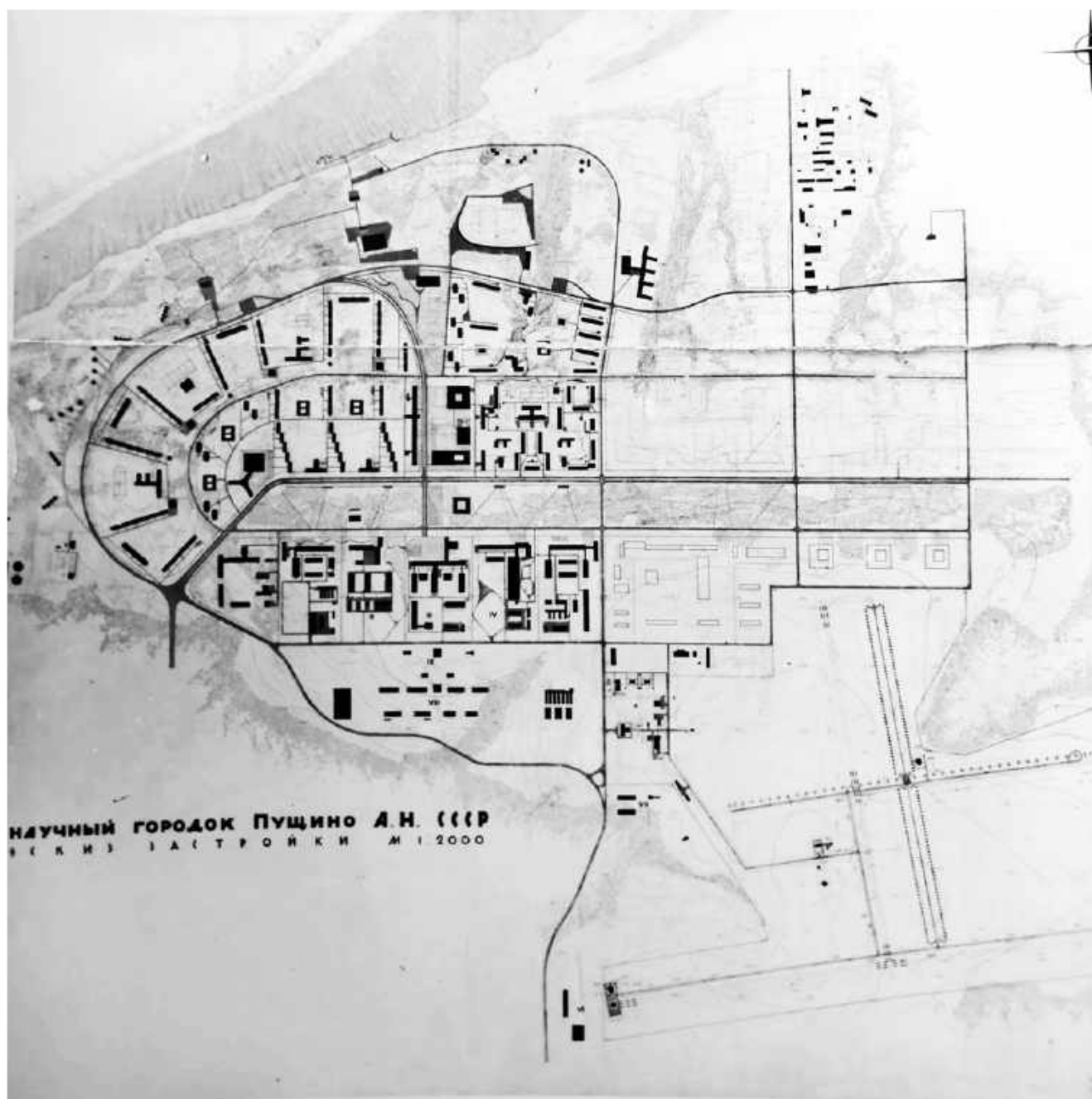
3.31. Общественно-торговые центры микрорайонов в научных городках АН СССР в Красной Пахре и Пущине

Фото автора, 2021 г.

3.32. Зеленая зона в Пущине

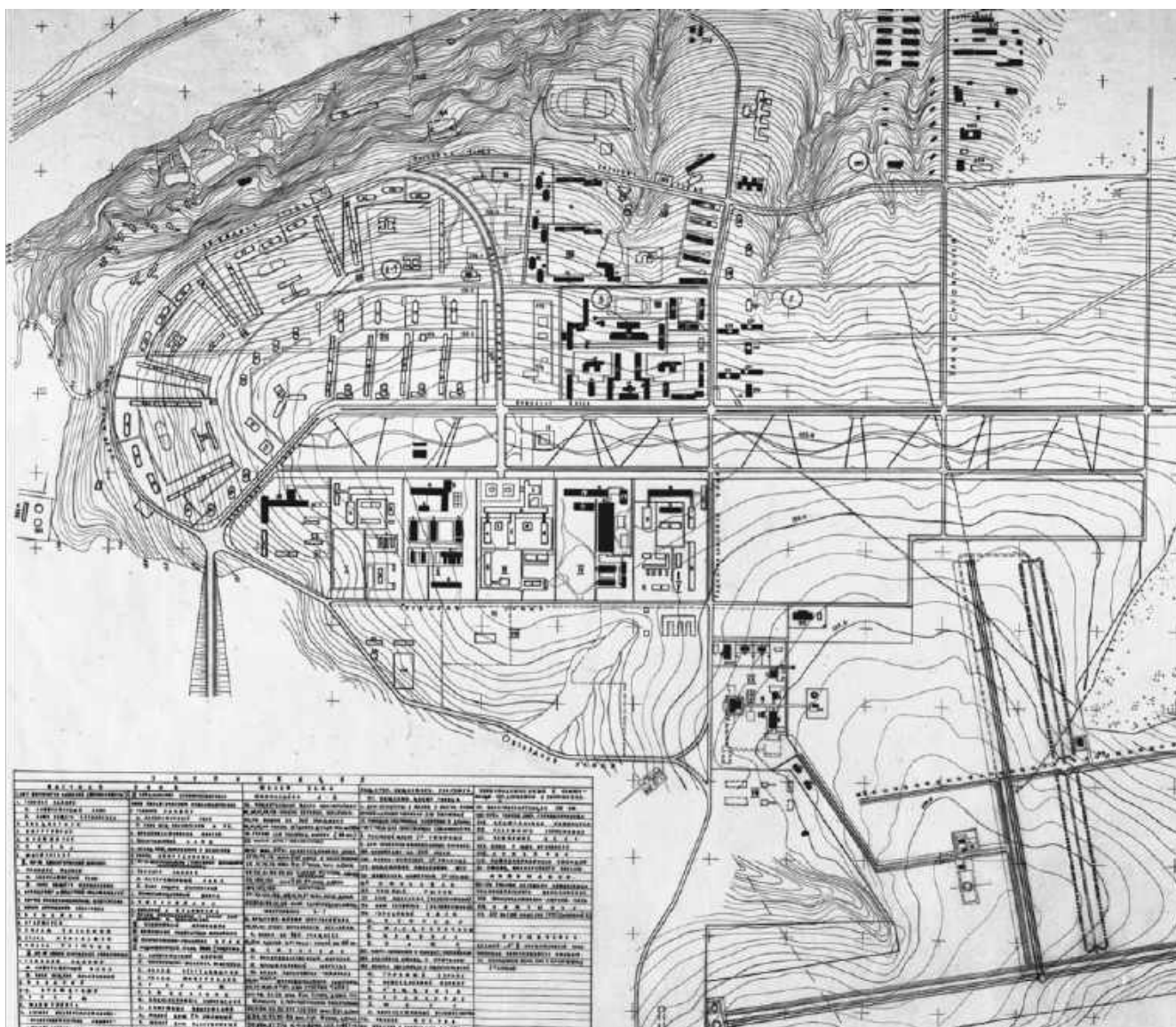
Фото автора, 2018 г.

3.33. Эскиз застройки Пущина, 1964 г.

Мастерская № 4 ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, В.М. Коган, С.П. Бурицкий

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 60.

3.34. Эскиз застройки Пуцуина, 1965 г. (?)

Личный архив Анны Гнедовской

3.35. Экспериментальная школа на 1200 учащихся в Пущине

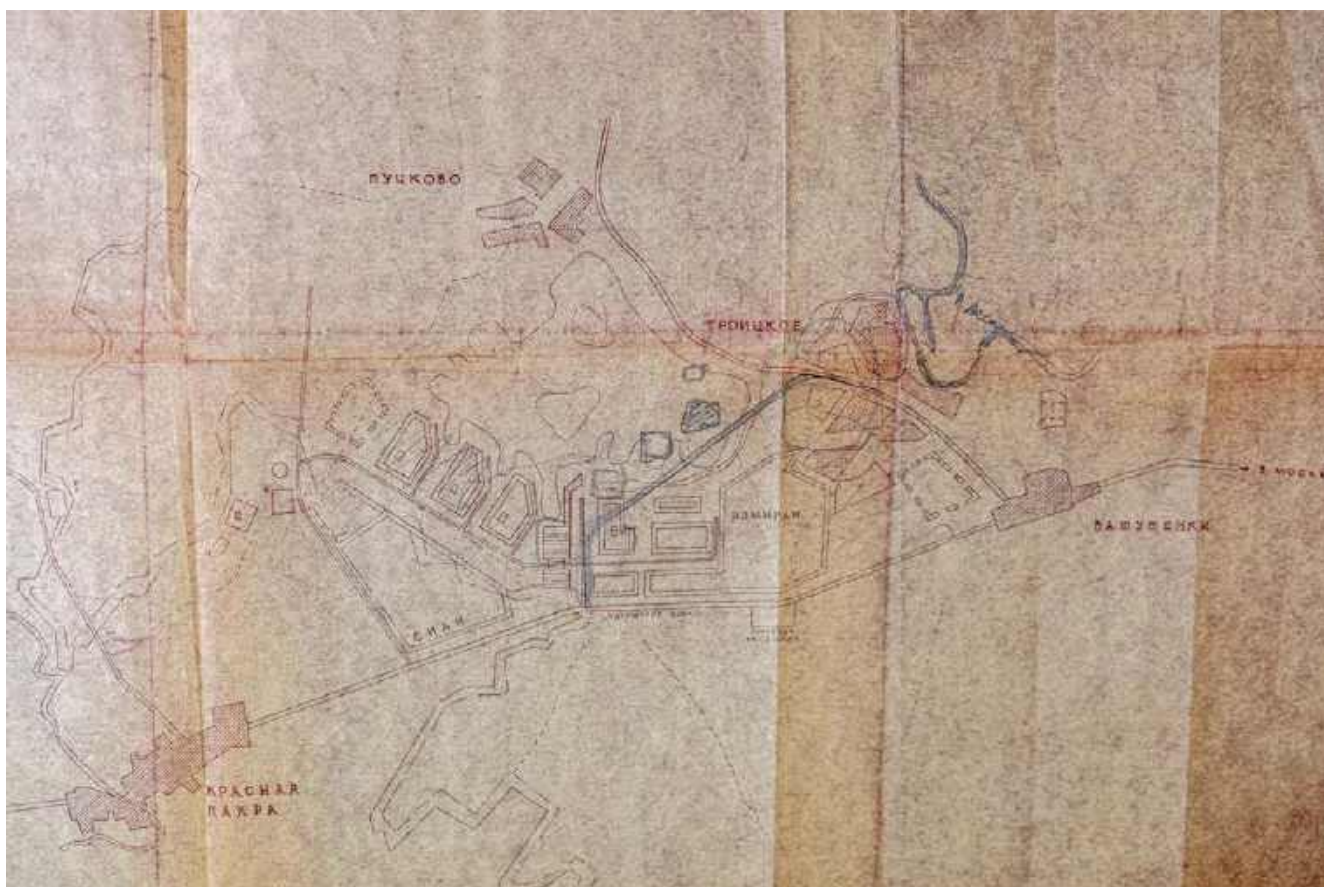
ЦНИИЭП учебных зданий, архитекторы В.И. Подольский, Ю.А. Шаронов,
О.А. Егорова

Фото автора, 2021 г.

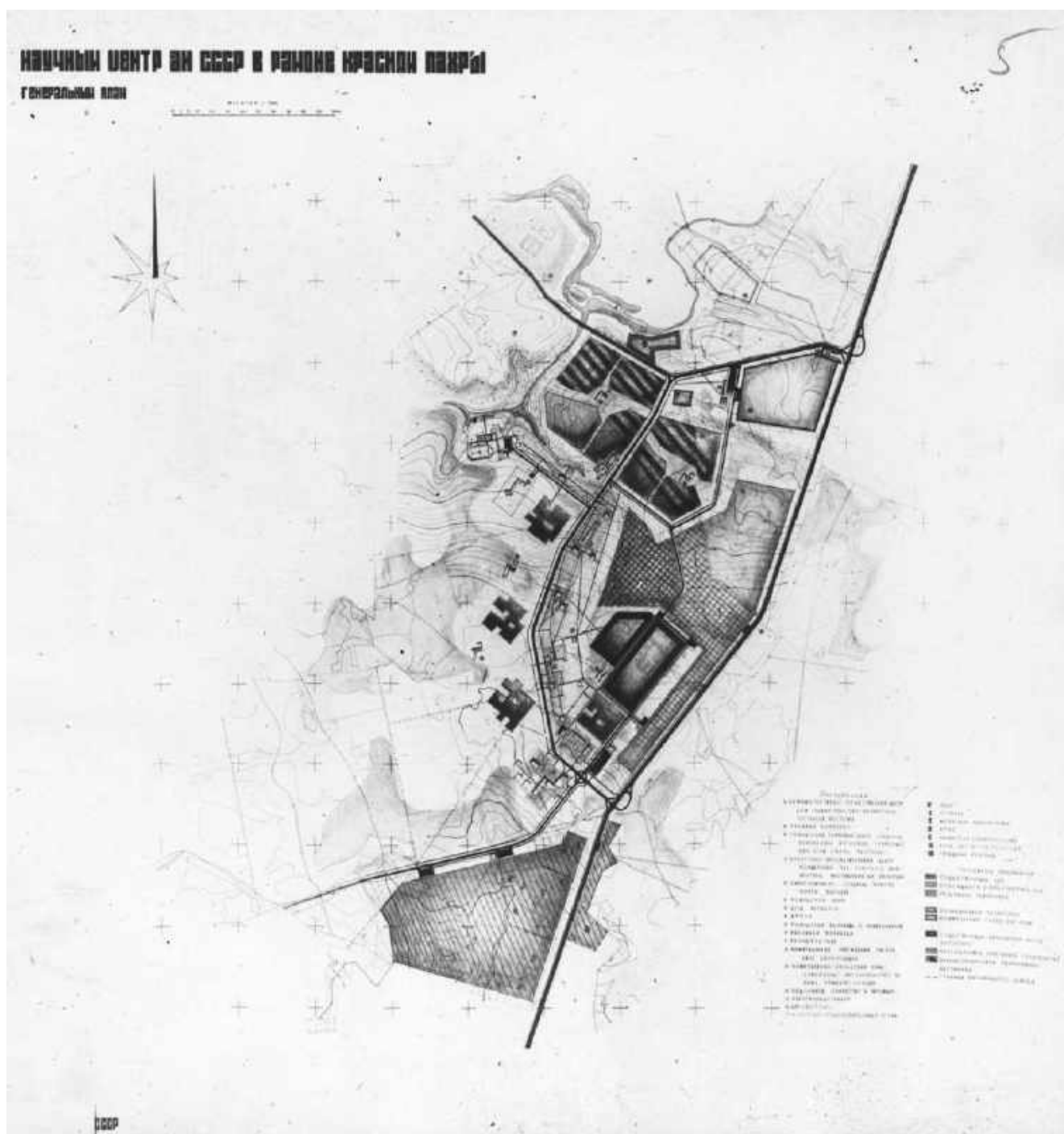
3.36. Застройка Пушкина: на переднем плане построенные по типовому проекту серии П-29 односекционные жилые дома, на заднем — по созданному на ее основе трехсекционному проекту

Фото автора, 2021 г.

3.37. Научный центр АН СССР в районе Красной Пахры. Схема расположения города в районе.

Татьяна Никулина: «Мы были ограничены развитием» Разговор с женщиной, которая построила Троицк // URL: <https://ktogorod.ru/view-nikulina>

3.38. Генеральный план научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1968 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы О.В. Васькова, Л.А. Ильчик, Н.В. Куприянов, Г.И. Николаева, Ю.П. Платонов, М.Н. Смирнова, А.М. Щусев ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1400. Л. 5.

3.39. Макет к генеральному плану научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1968 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1400. Л. 10.

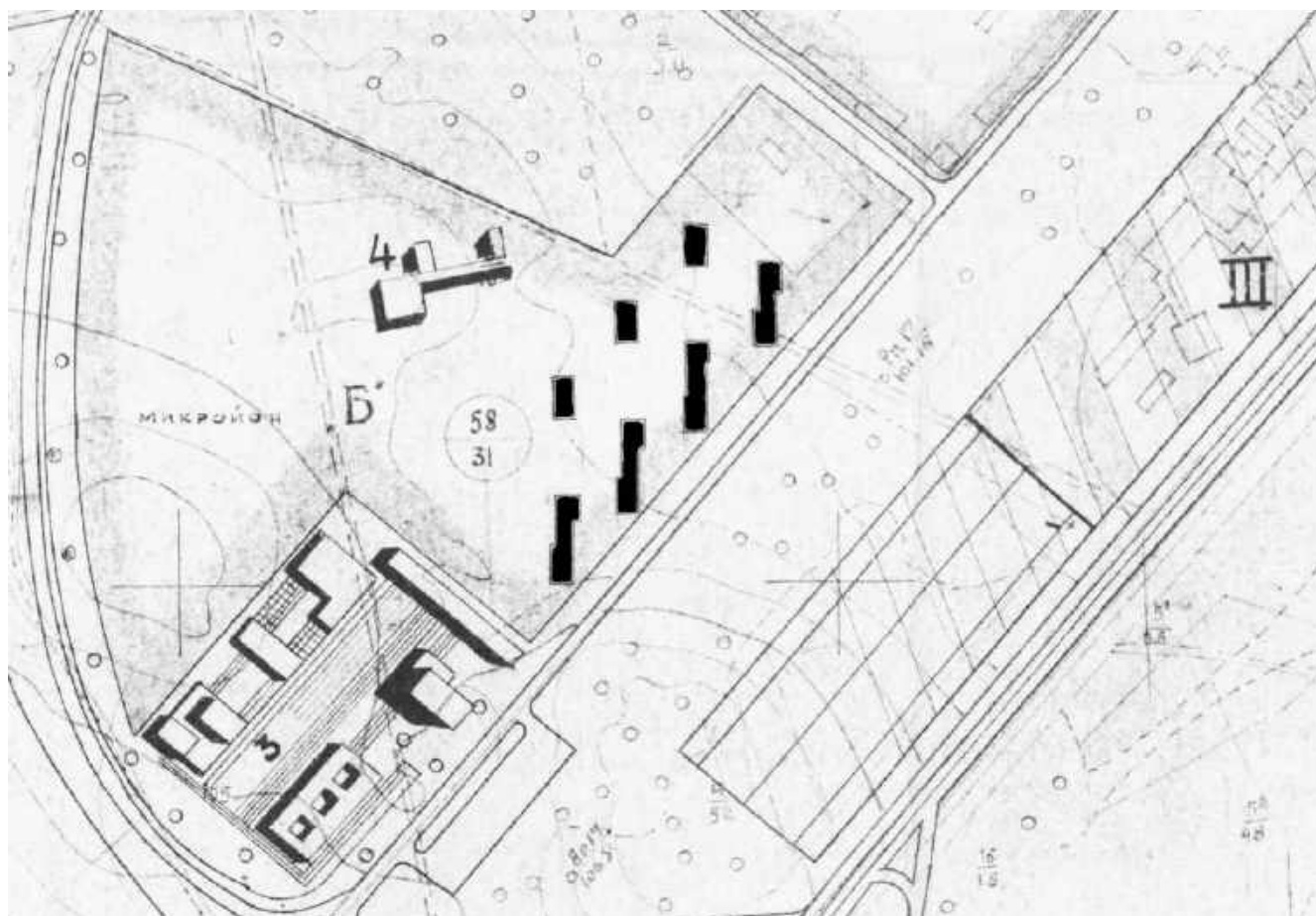
3.40. Жилой комплекс «Лебедь» в Москве

Фото автора, 2020 г.

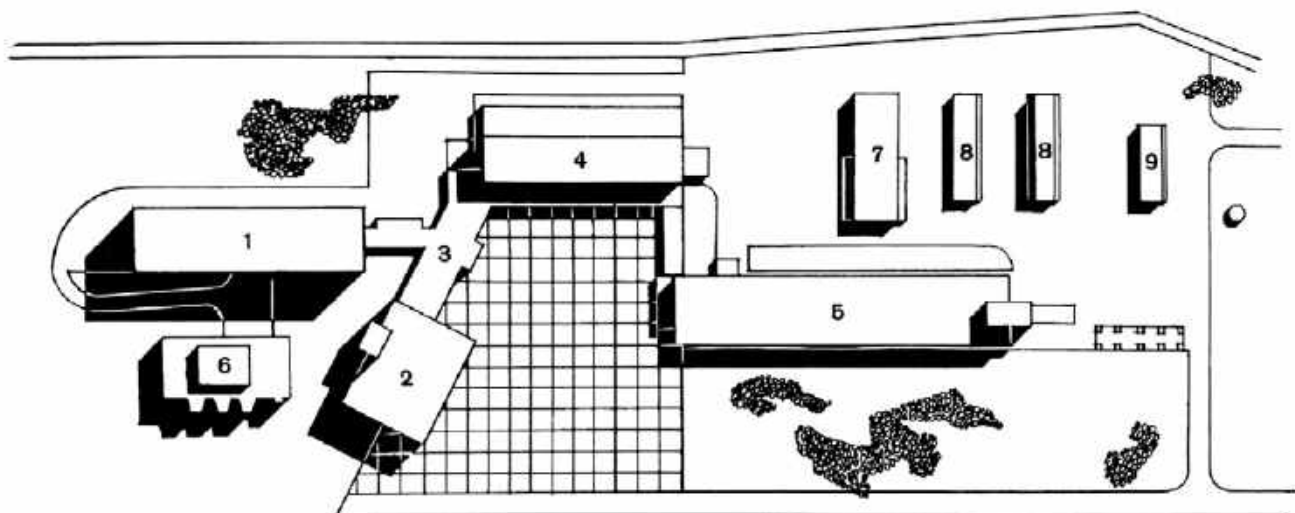
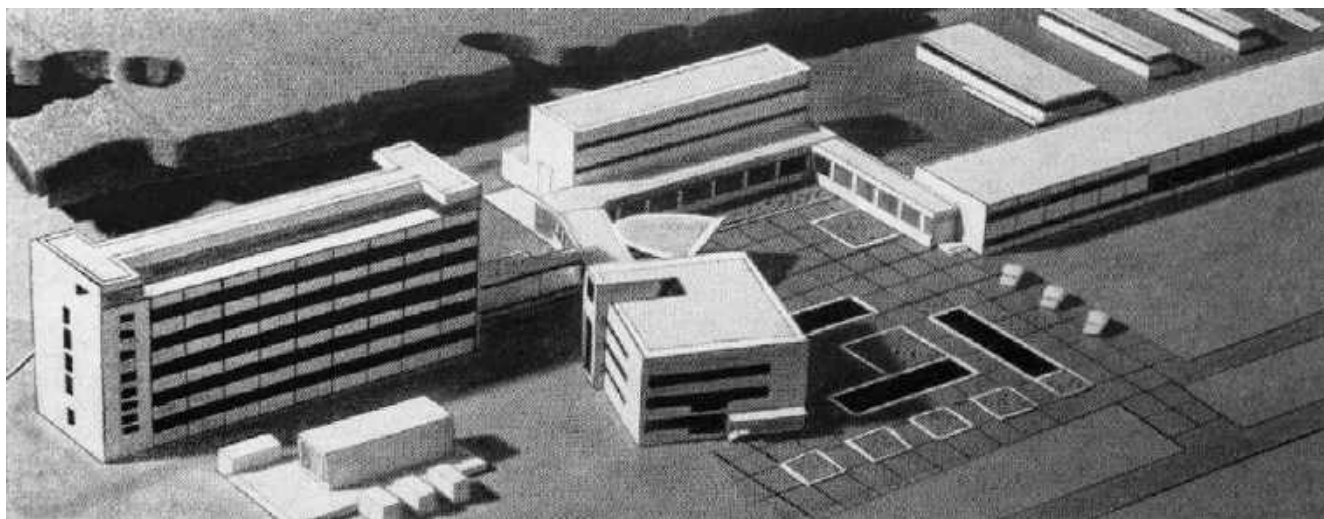
3.41. Генеральный план научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1969 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы О.В. Васькова, Л.А. Ильчик, Н.В. Куприянов, Г.И. Николаева, Ю.П. Платонов, М.Н. Смирнова, А.М. Щусев
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1400. Л. 16.

3.42. Фрагмент генерального плана научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1969 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1402. Л. 3.

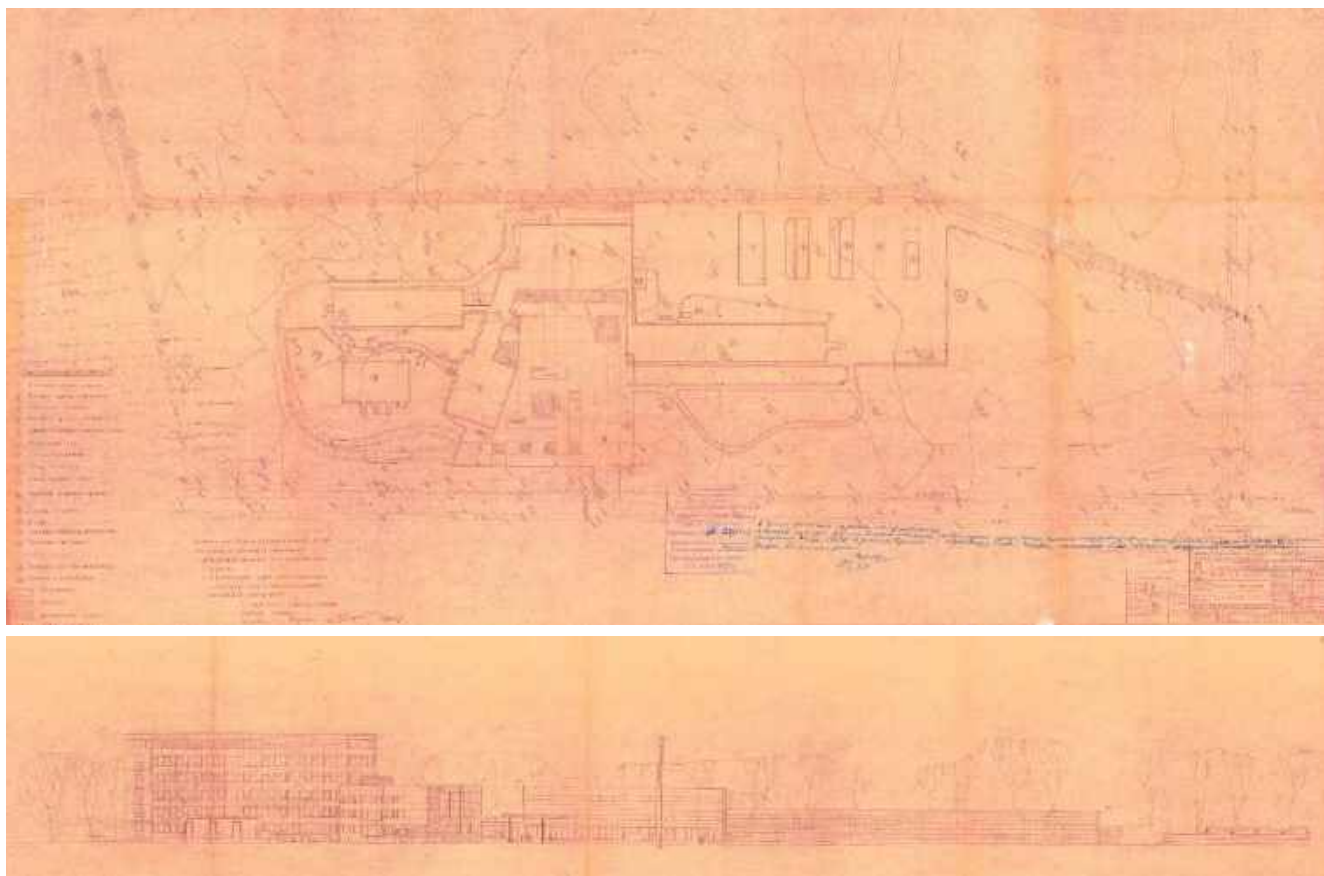

3.43. Проект Института физики высоких давлений в научном городке в районе Красной Пахры (макет, план), 1962 г.

Мастерская типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.Н. Малов, Ю.П. Платонов, В.Р. Раннев

1 — лабораторный корпус; 2 — корпус общего назначения; 3 — переходная галерея; 4 — корпус тяжелого оборудования; 5 — корпус экспериментальных мастерских; 6 — технический блок; 7 — склад оборудования; 8 — склад химикатов; 9 — склад горючих материалов.

Научные центры АН СССР. М., 1969. С. 55.

3.44. Проект Института физики высоких давлений в научном городке в районе Красной Пахры (генеральный план и главный фасад), 1962 г.

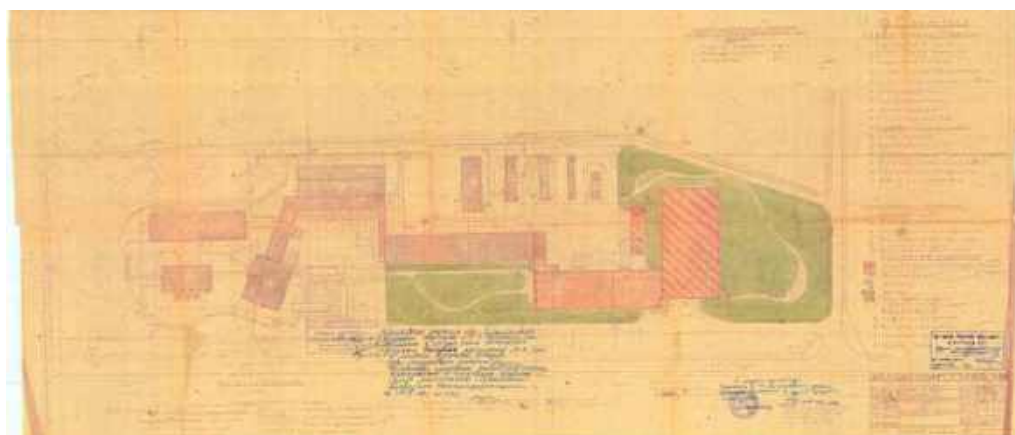
Мастерская типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.Н. Малов, Ю.П. Платонов, В.Р. Раннев

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 635. Л. 3, 6.

3.45. Институт физики высоких давлений в Троицке

Фото автора, 2021 г.

3.46. Проект прессового корпуса № 2 Института физики высоких давлений в научном городке в районе Красной Пахры (генеральный план), 1967 г.

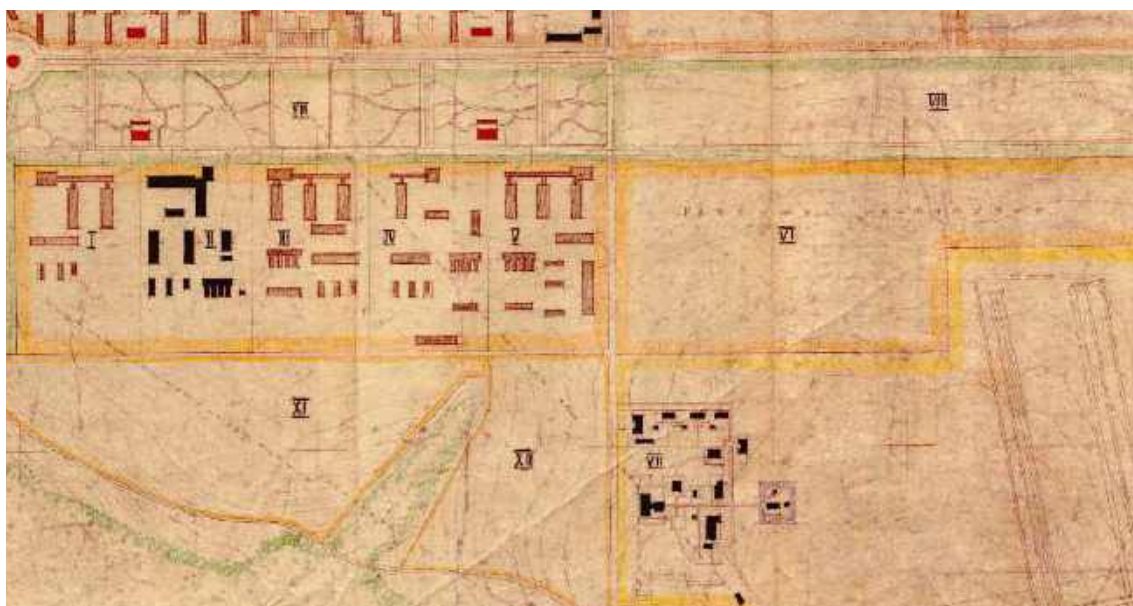
Мастерская № 4 ГИПРОНИИ, архитекторы Б.А. Кудрявцев, В. Малахова
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1221. Л. 172.

3.47. Фрагмент схемы генплана научного городка АН СССР в Пущине в части научной зоны, 1960 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман, Д.А. Метаньев, Н.М. Филипповская

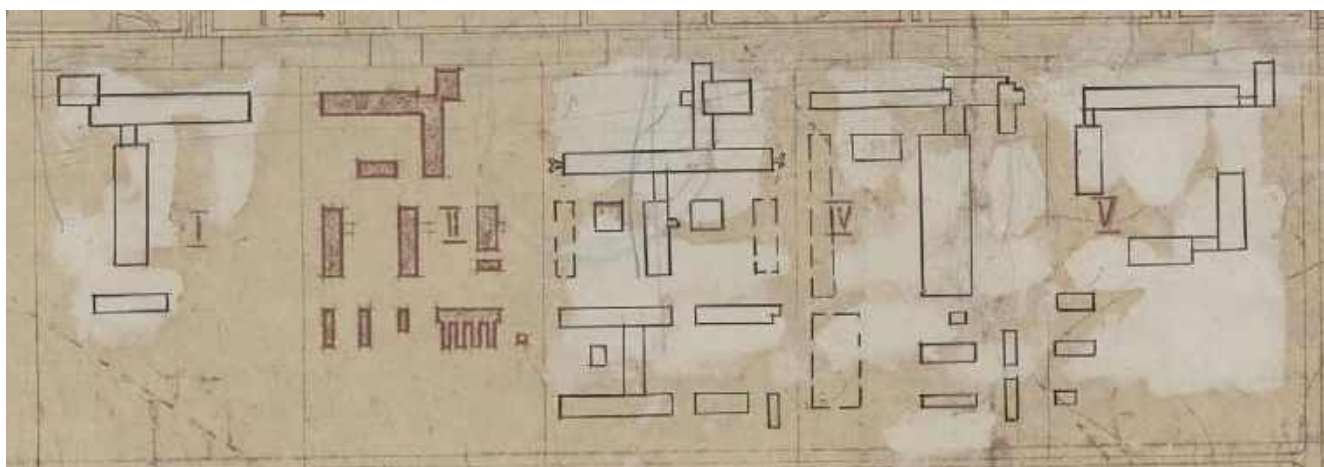
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 461. Л. 52.

3.48. Фрагмент схемы генплана научного городка АН СССР в Пущине в части научной зоны, 1961 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Попов-Шаман и др.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 671. Л. 97.

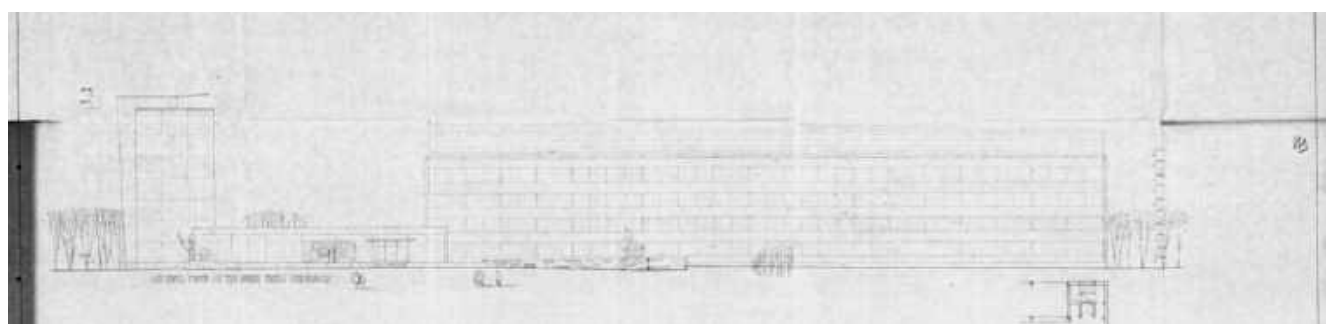
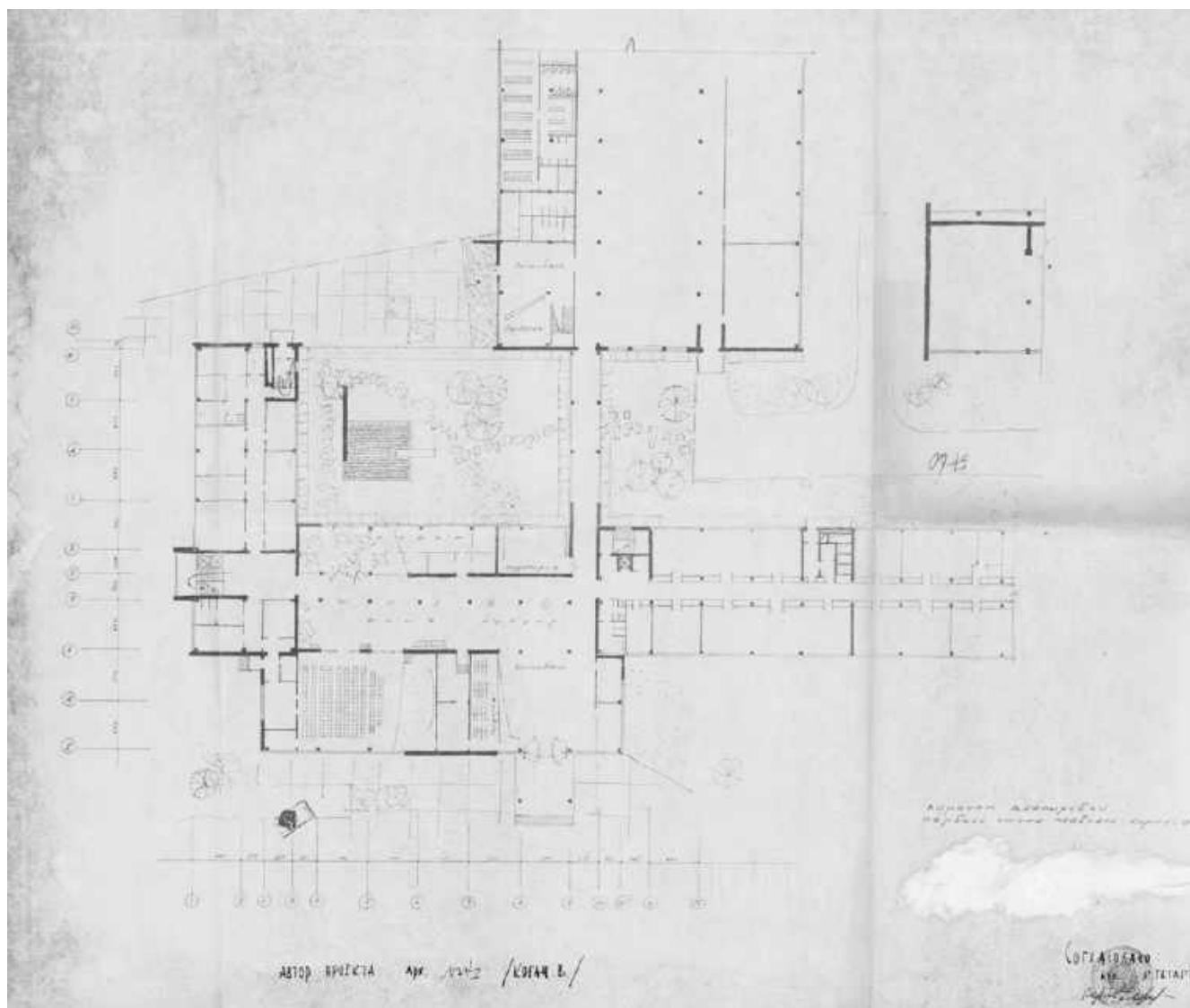
3.49. Фрагмент схемы генплана научного городка АН СССР в Пущине в части научной зоны, 1962 г.

I — Институт фотосинтеза; II — Институт биофизики; III — Институт химии белка;

IV — Специальное конструкторское бюро биологического приборостроения;

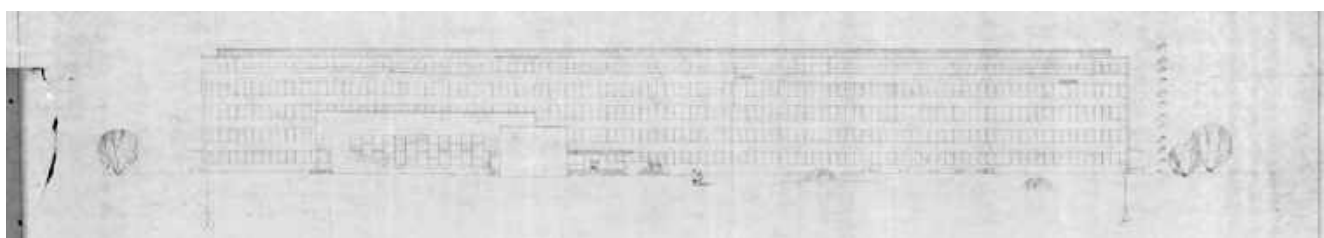
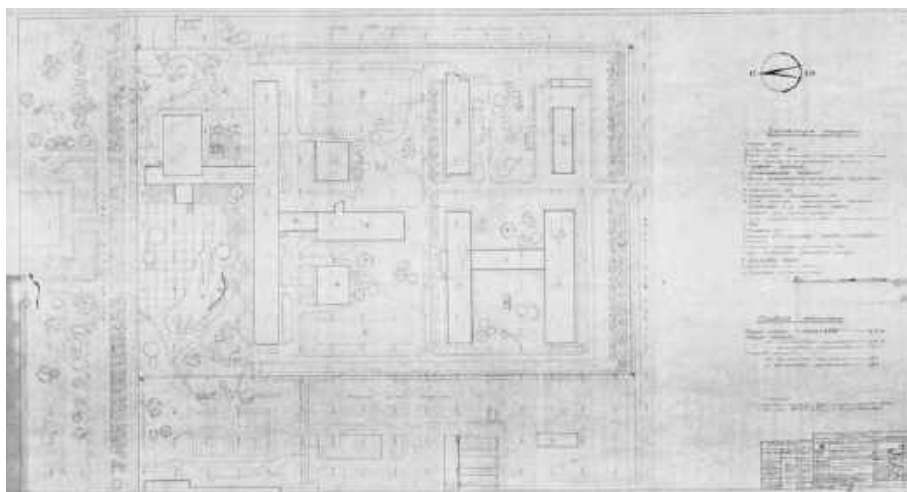
V — Институт физиологии и биохимии микроорганизмов.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 662. Л. 62.

3.50. Проект Специального конструкторского бюро биологического приборостроения в Пущине (планировка первого этажа главного корпуса и главный фасад), 1962 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, В.М. Коган, В.П. Нагих
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 662. Л. 60; ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 663. Л. 179.

3.51. Проект Института химии природных соединений (белка) в Пущине (генплан и главный фасад), 1962 г.

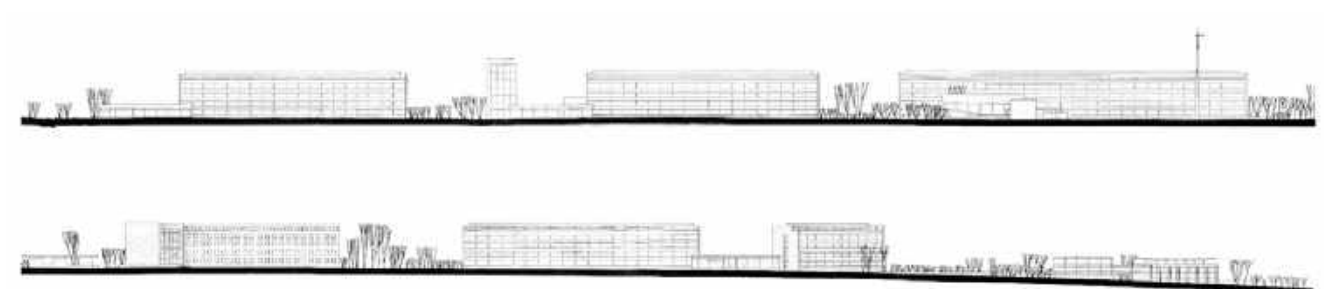
Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, С.П. Бурицкий, М.Е. Спиридонова, Л.М. Волкова

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 657. Л. 80; ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 658. Л. 227.

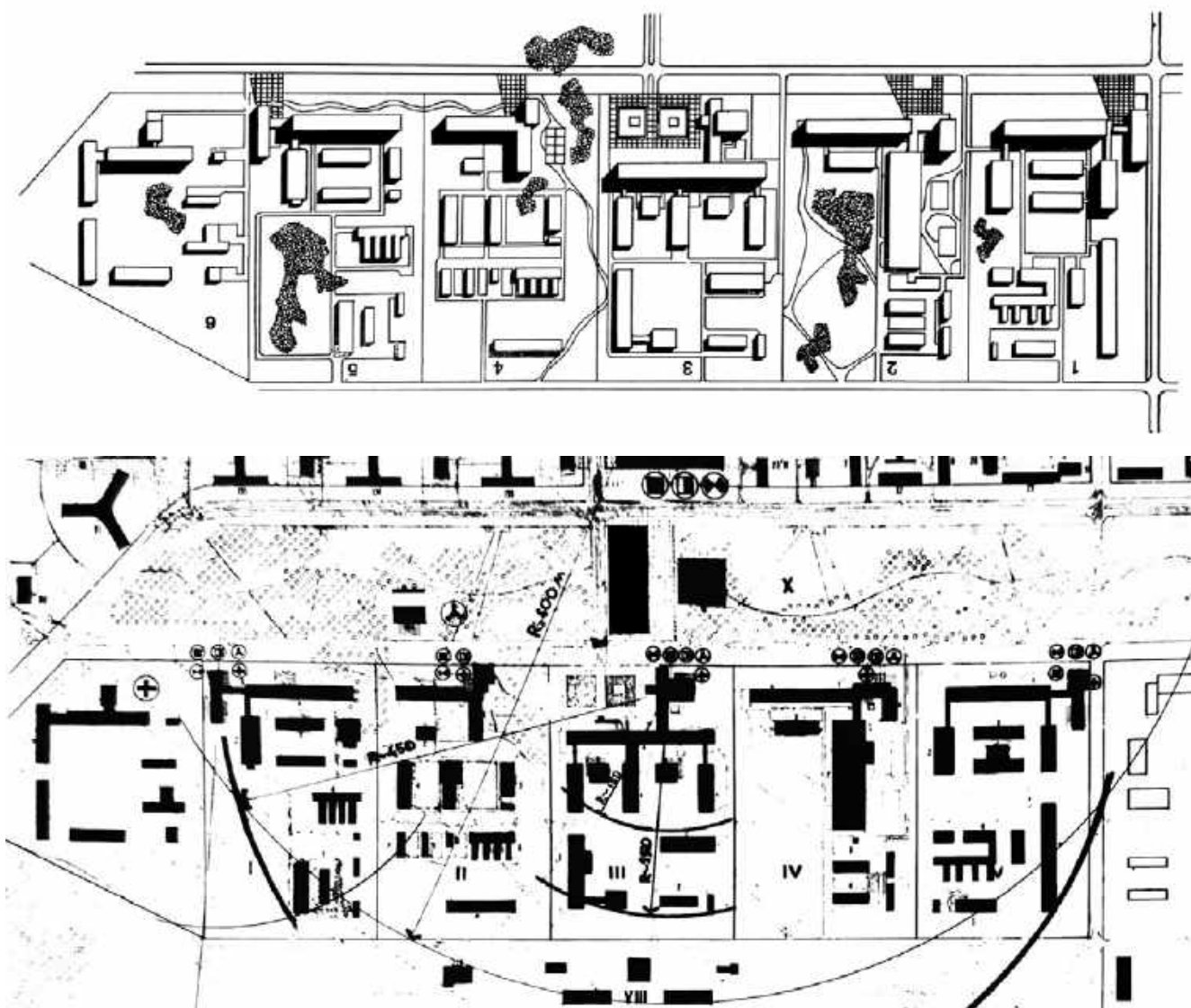
3.52. План улиц, зеленой зоны с благоустройством и озеленением, 1963 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 919. Л. 31.

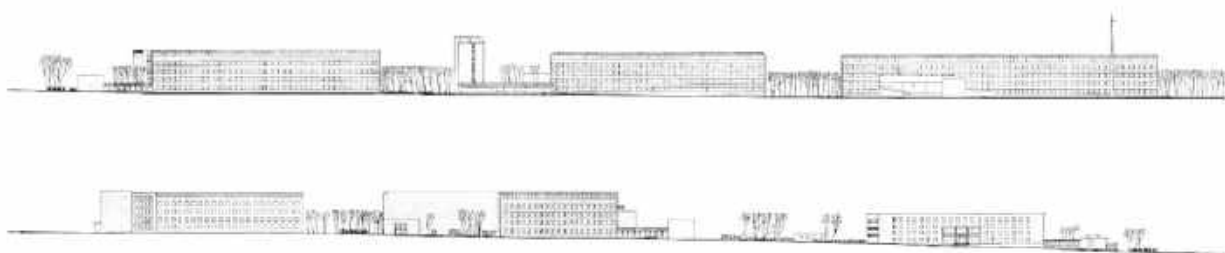
3.53. Развертка Институтской улицы Пущина, 1963 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 662. Л. 61.

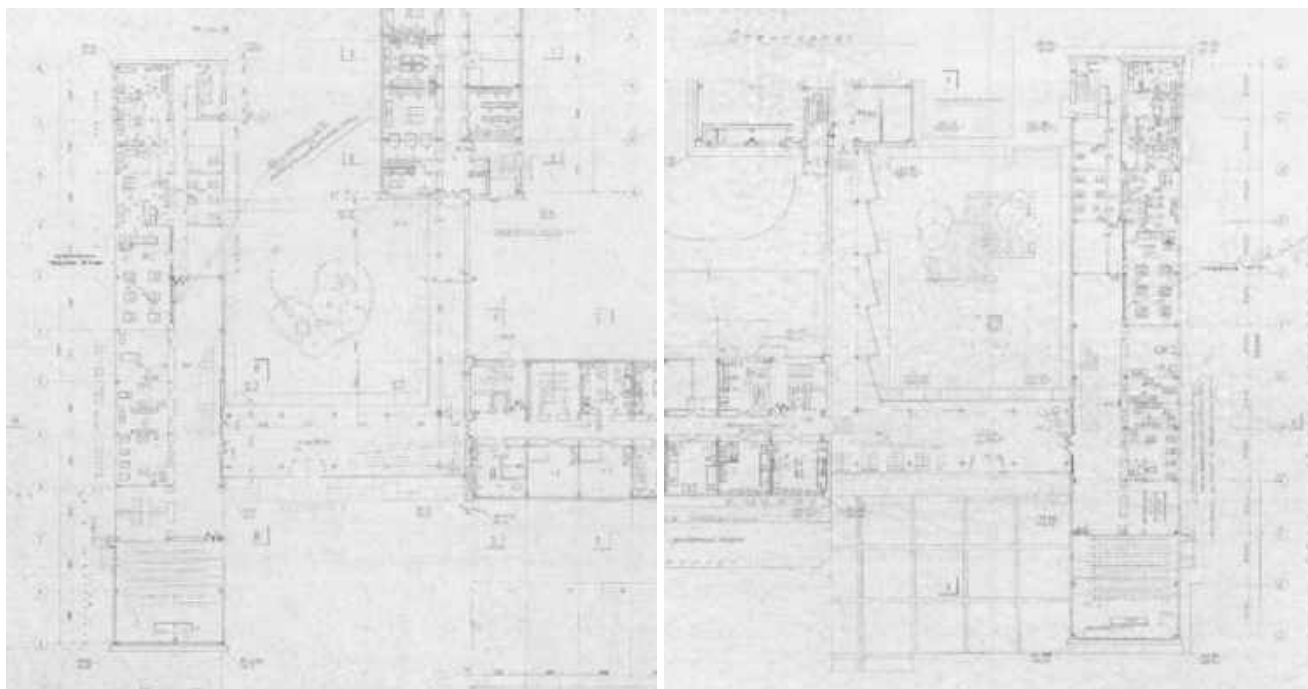
3.54. Научная зона в Пущине (план и структура обслуживания), 1964 г.

Научные центры. М., 1969. С. 41; Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 4.

3.55. Развертка Институтской улицы в Пущине, 1964 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 58–59.

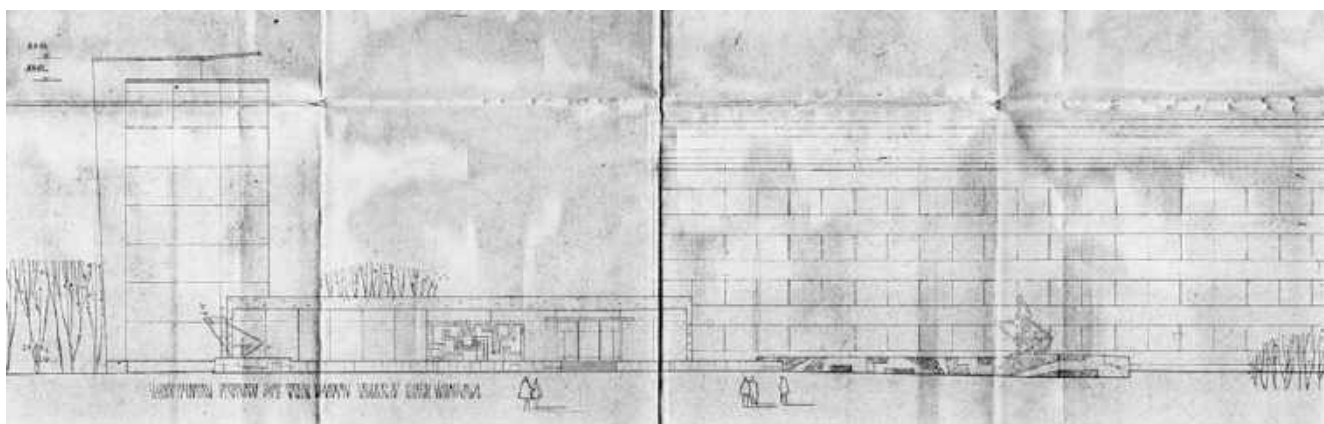
3.56. План внутренних двориков институтов фотосинтеза и биохимии и физиологии микроорганизмов, 1964 г.

Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1015. Л. 11; Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1014. Л. 11.

3.57. Специальное конструкторское бюро биологического приборостроения (СКБ БП) в Пущине

Фото автора, 2025 г.

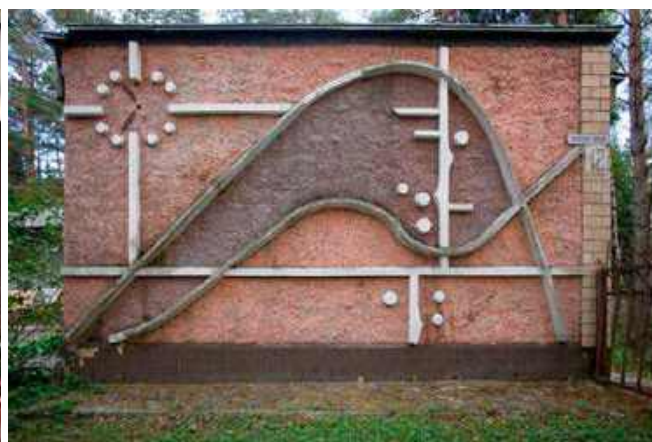
3.58. Фасад Специального конструкторского бюро биологического приборостроения (СКБ БП) в Пущине, 1962 г.

Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, В.М. Коган, В.П. Нагих
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 663. Л. 179.

3.59. Корпус общего назначения Института химической физики в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

3.60. Барельефы на галерее корпуса общего назначения Института химической физики в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.;

URL: <https://wikimapia.org/11227542/Landau-Institute-for-Theoretical-Physics>

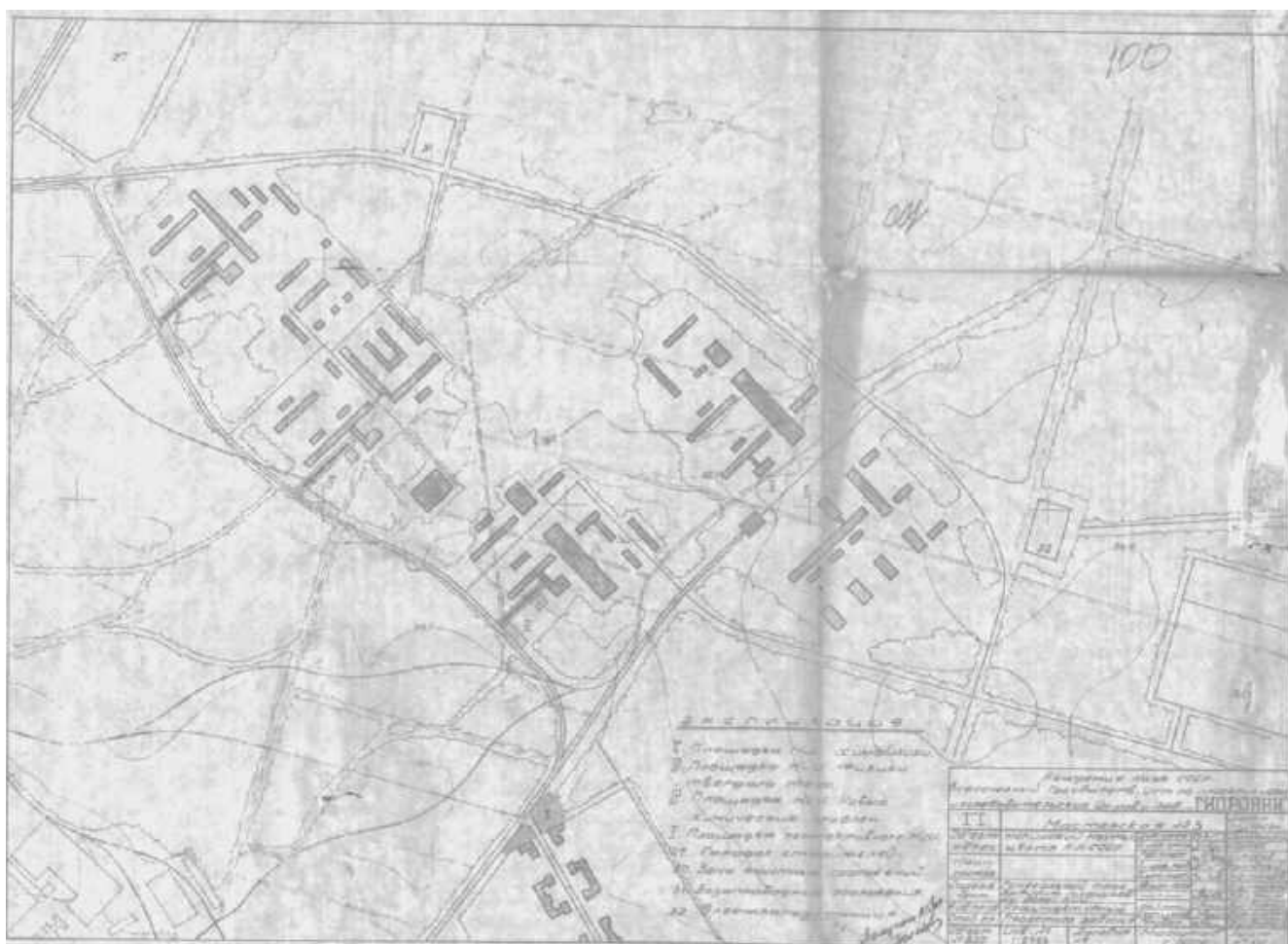
3.61. Лабораторный корпус Института химической физики в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

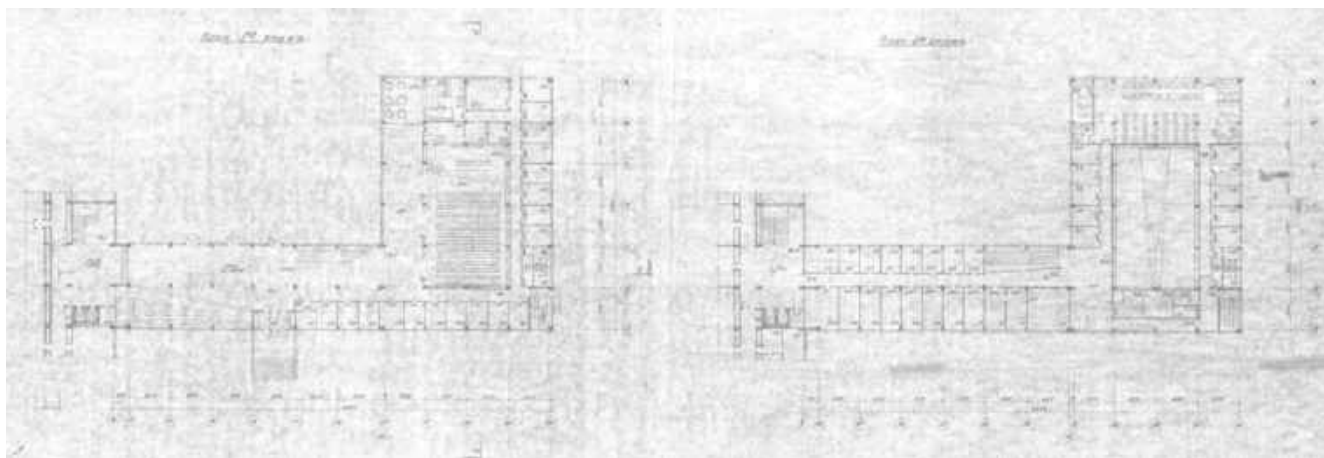

3.62. Вариант планировки научной зоны Ногинского научного центра, январь 1963 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 905. Л. 10.

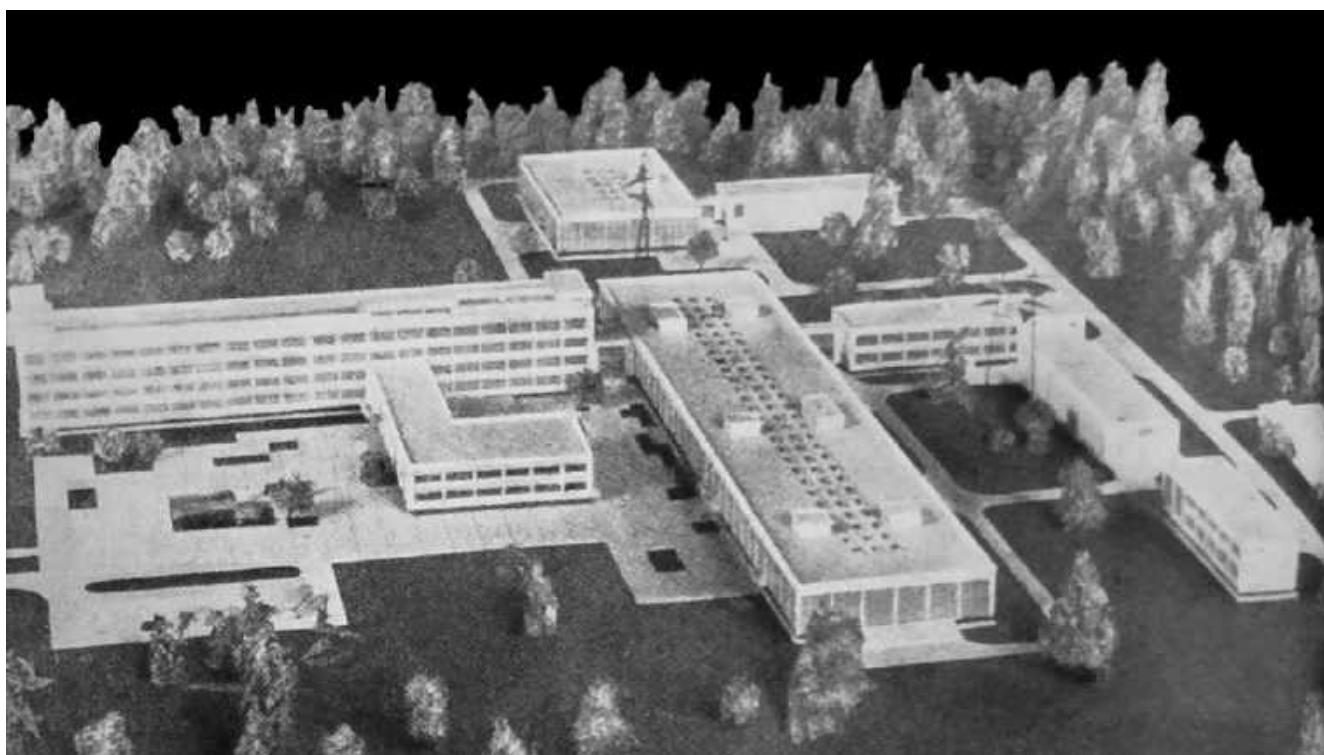

3.64. Вариант планировки научной зоны Ногинского научного центра, июль 1963 г.
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 774. Л. 100.

3.65. Планы 1 и 2 этажей корпуса общего назначения Института физики твердого тела в Черноголовке, 1963 г.

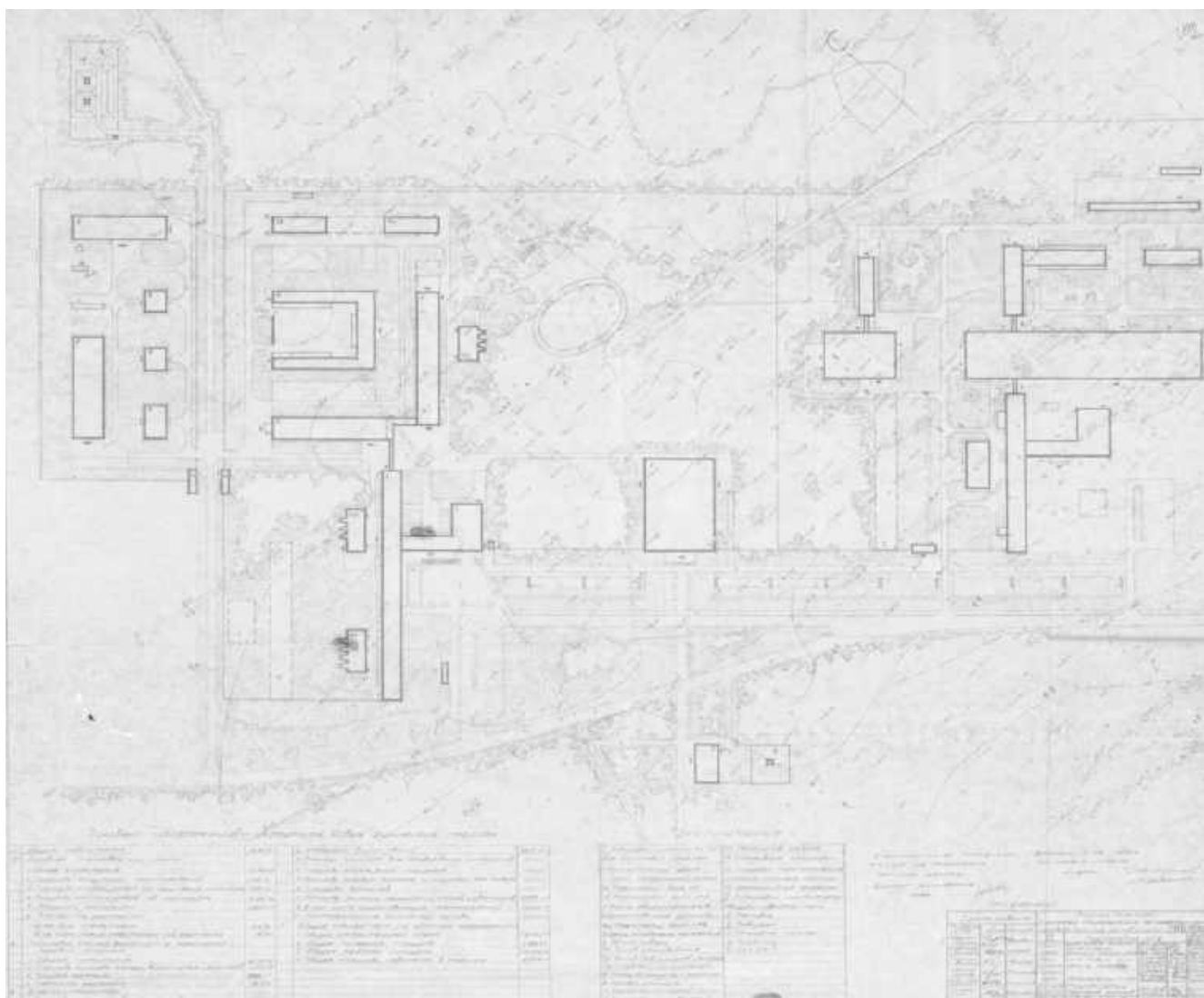
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 770. Л. 10.

3.66. Проект Института физики твердого тела

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.В. Куприянов, А.М. Щусев, Л.С. Ерофеева, С. Анапольский

Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. С. 116.

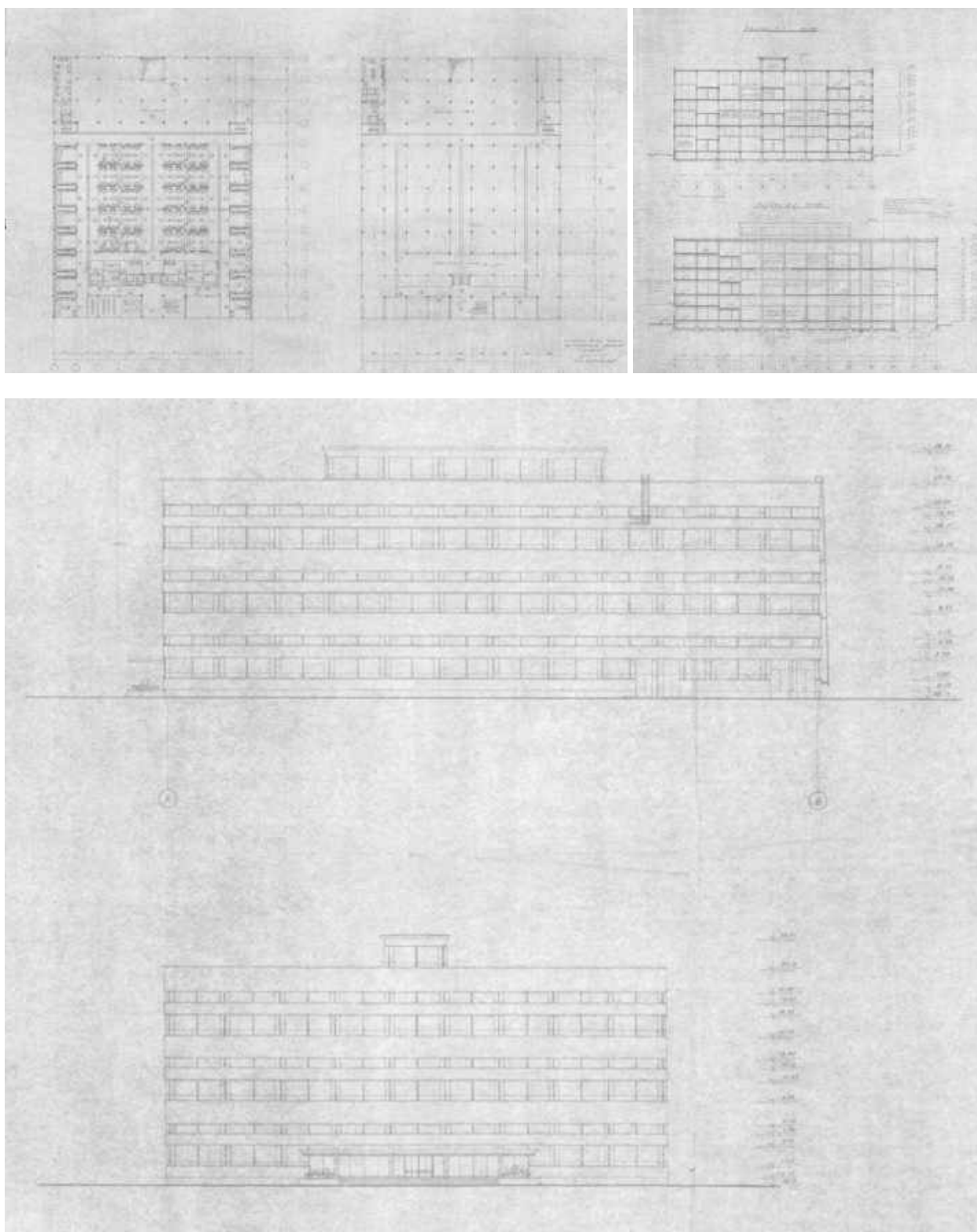
3.67. Генеральный план комплекса институтов физики твердого тела и новых химических проблем в Черногоровке, 1963 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 774. Л. 102.

3.68. Институт физики твердого тела в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

3.69. Проект аналитического центра Института новых химических проблем, 1963 г.

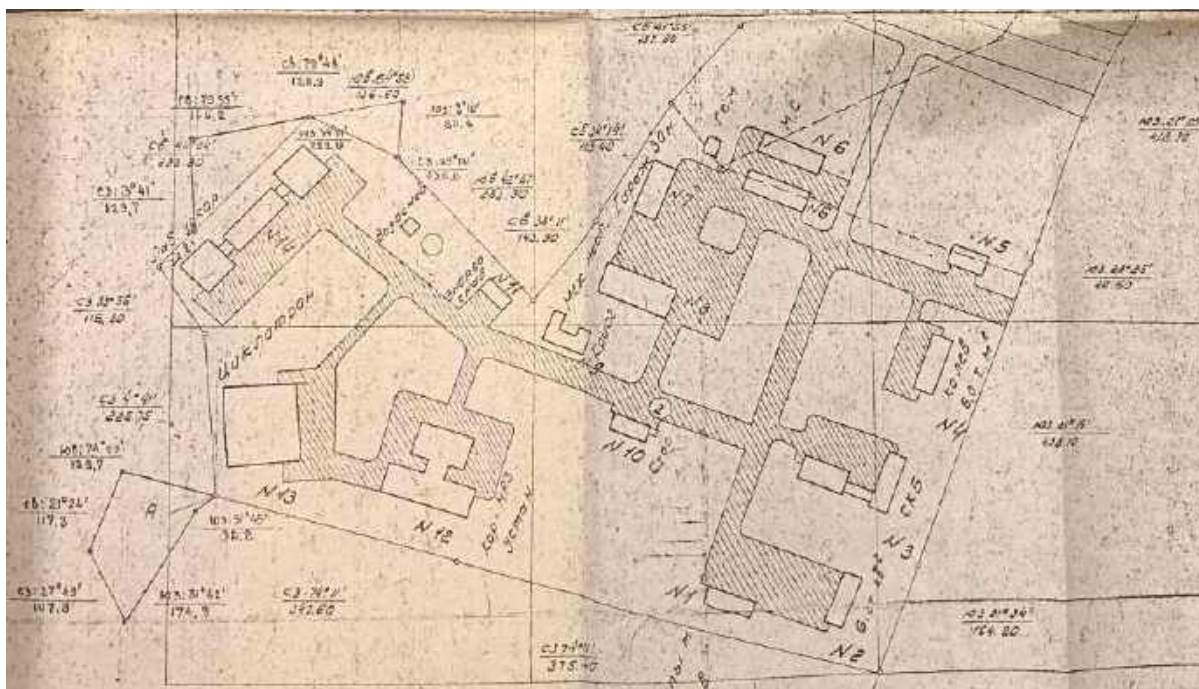
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.М. Злотин, Т.М. Андрианова, Д.А. Метаньев

ЦГАМО: Ф. 7974 Оп. 1 Т Д. 776. Л. 241а, 243, 243а.

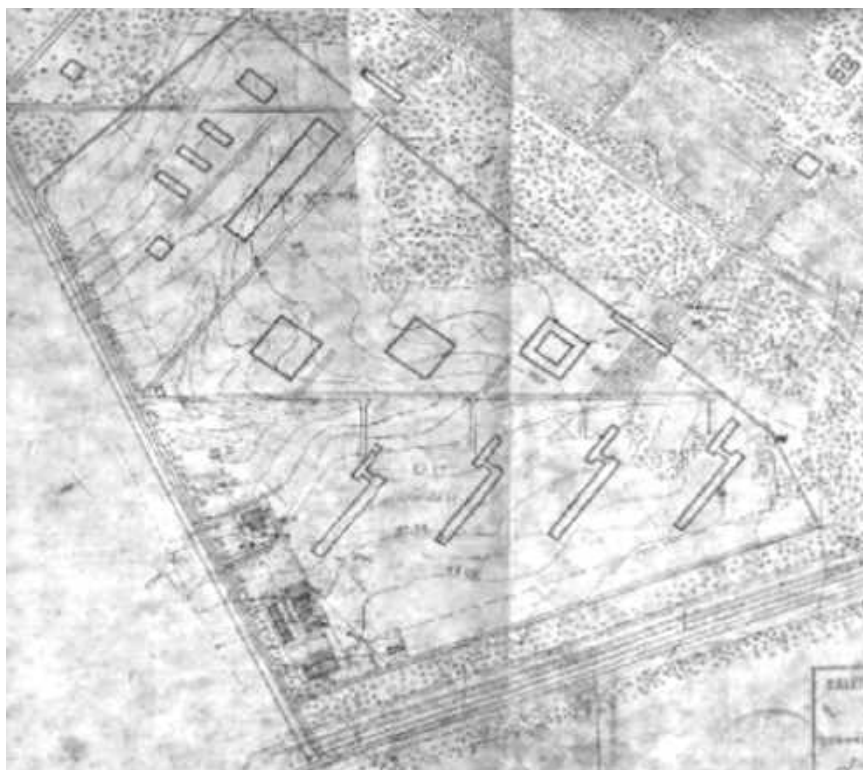
3.70. Аналитический центр Института новых химических проблем (ныне Институт проблем технологии микроэлектроники)

Яндекс Панорамы, 2015 г.

3.71. Фрагмент плана участка, отведенного ФИАН под строительство испытательной станции, 1963 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1896. Л. 136.

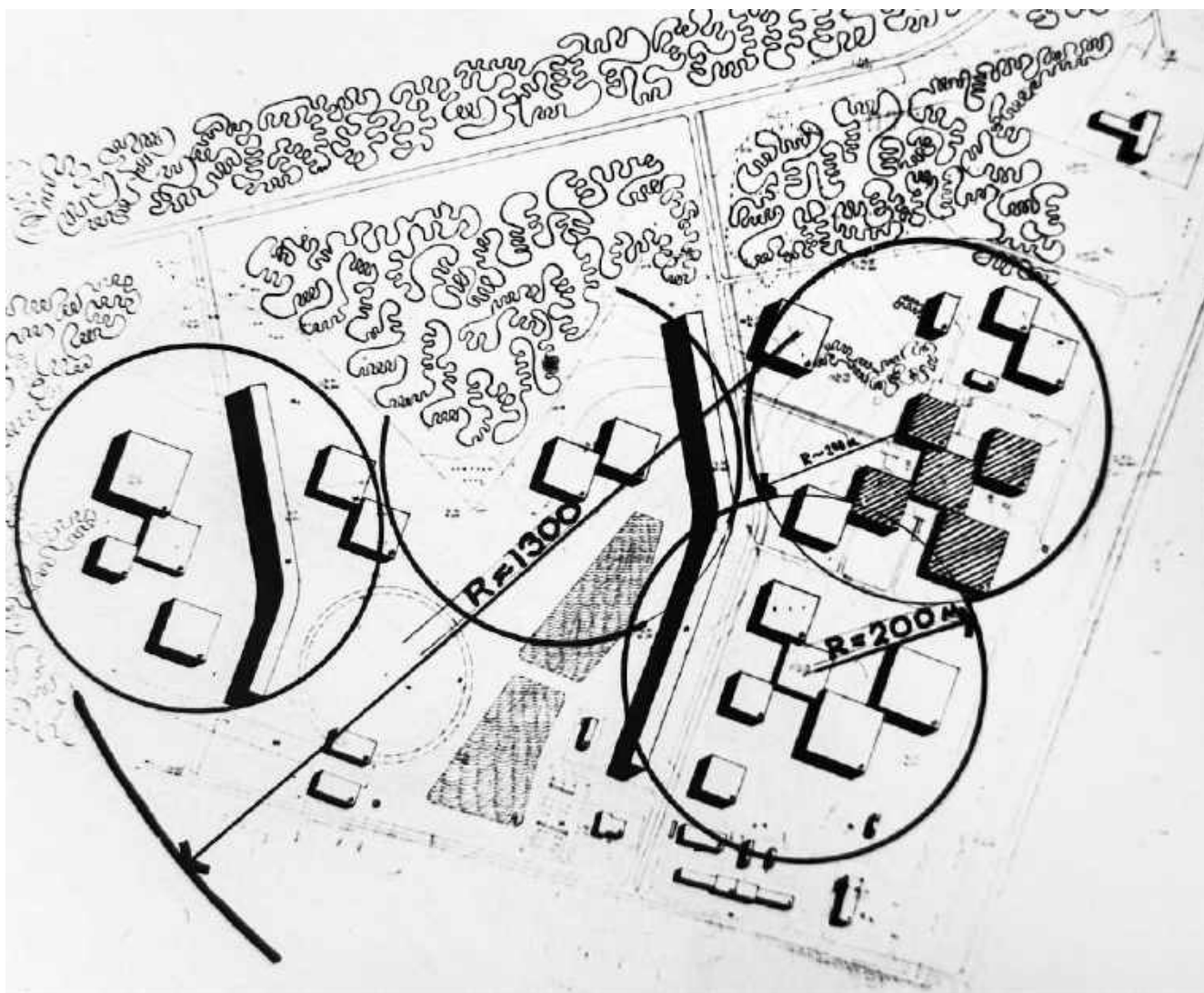
3.72. Фрагмент генплана научного городка в районе Красной Пахры в части испытательной станции ФИАН, январь 1965 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1003. Л. 150.

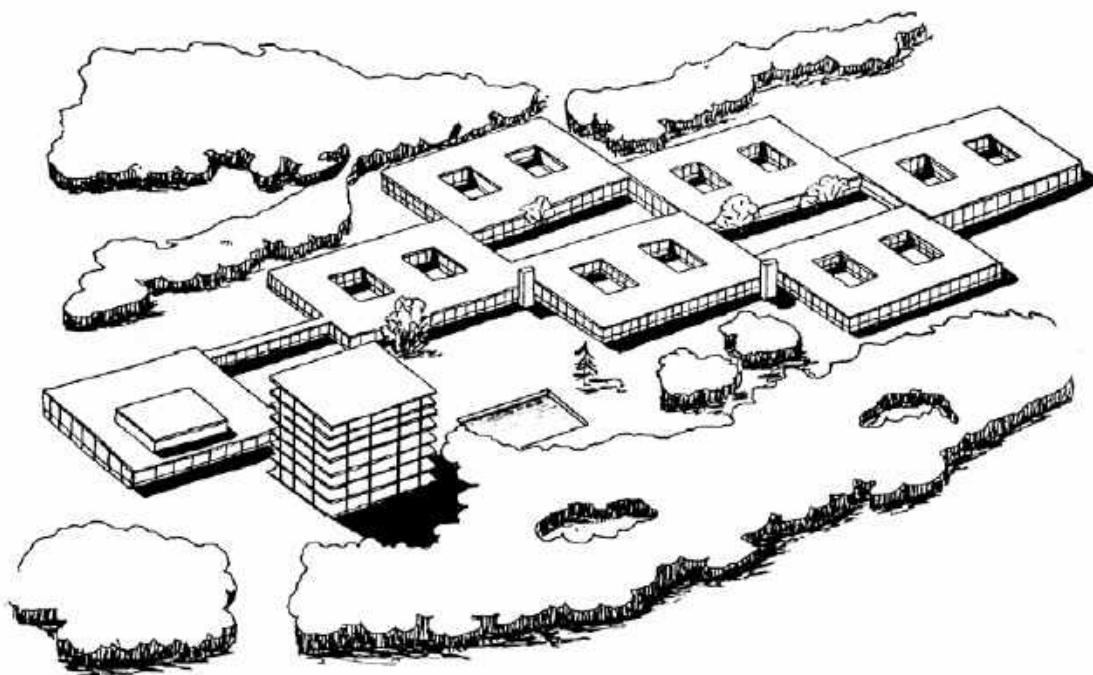
3.73. Фрагмент генплана научного городка в районе Красной Пахры в части испытательной станции ФИАН, октябрь 1965 г.

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1002. Л. 29.

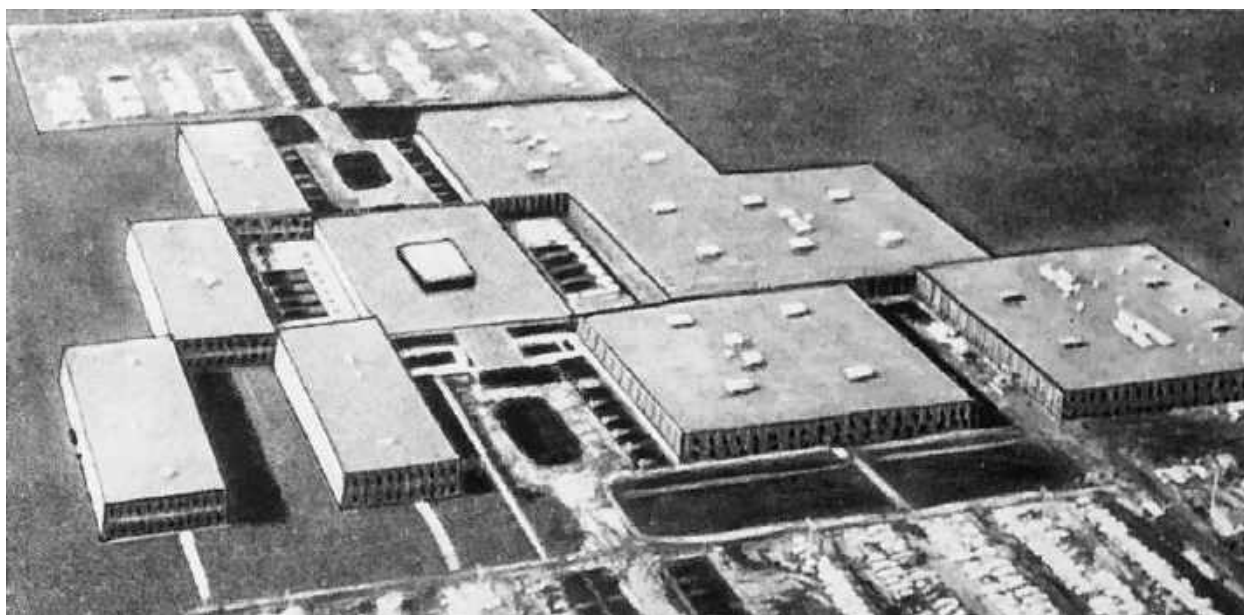
3.74. Схема застройки испытательной станции ФИАН в научном городке в районе Красной Пахры, 1966 г.

Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 60.

3.75. Научный центр IBM в Бемблингене, ФРГ

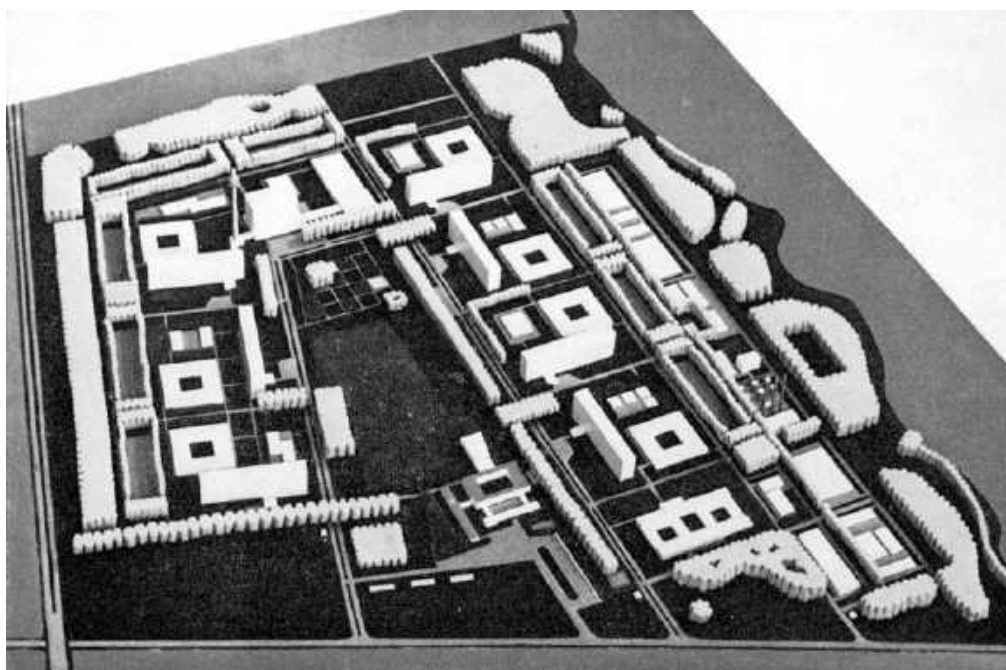
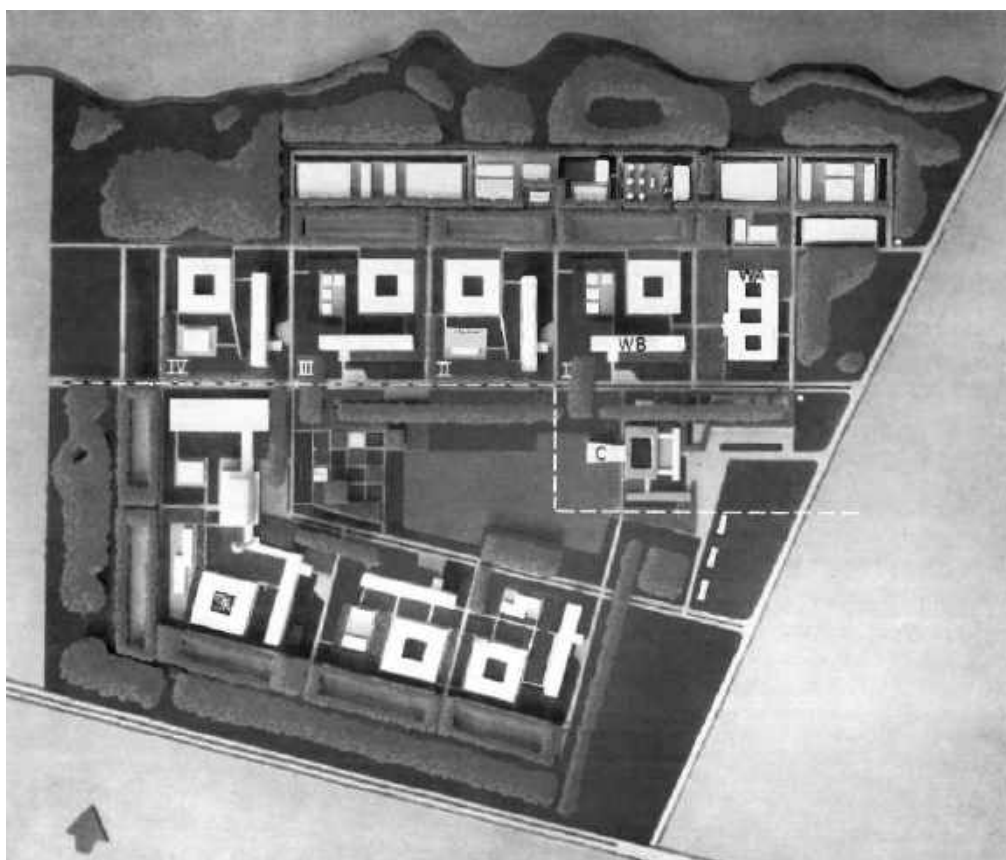
Зарудко В.В. Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 82.

3.76. Завод электронного оборудования в Рочестере, США

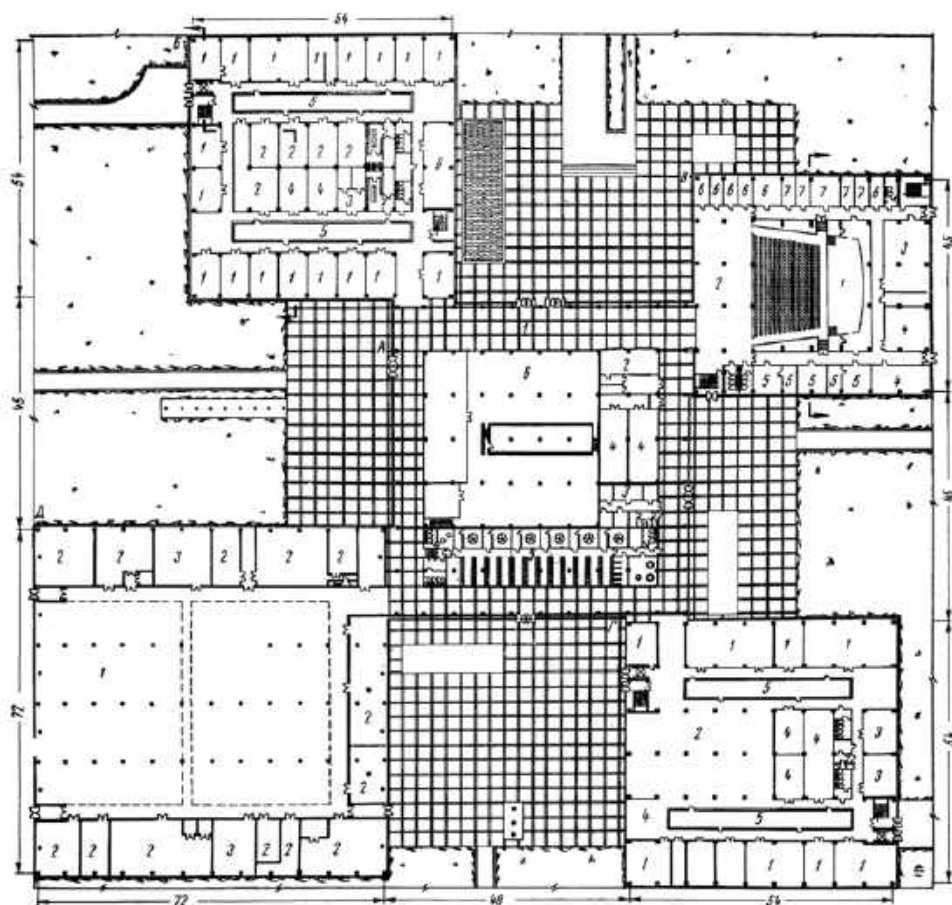
Архитектор Э. Сааринен

Зарудко В.В. Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 83.

3.77. Проект комплекса исследовательских лабораторий Philips в Ваалре (Нидерланды), 1958 г.

Jansen Gratton M.J. The planning of the new complex of buildings for Philips research laboratories in the Netherlands // *Philips Technical Review*. 1962/1963. Vol. 24. No. 11/12. p. 388; *de Haas L.A., Wadman S.S.* The Waalre complex of Philips Research Laboratories // *Philips Technical Review*. 1970. Vol. 31. No. 5/6. p. 155.

3.78. Проект Особого конструкторского бюро ФИАН в научном городке в районе Красной Пахры (план первого этажа), 1966 г.

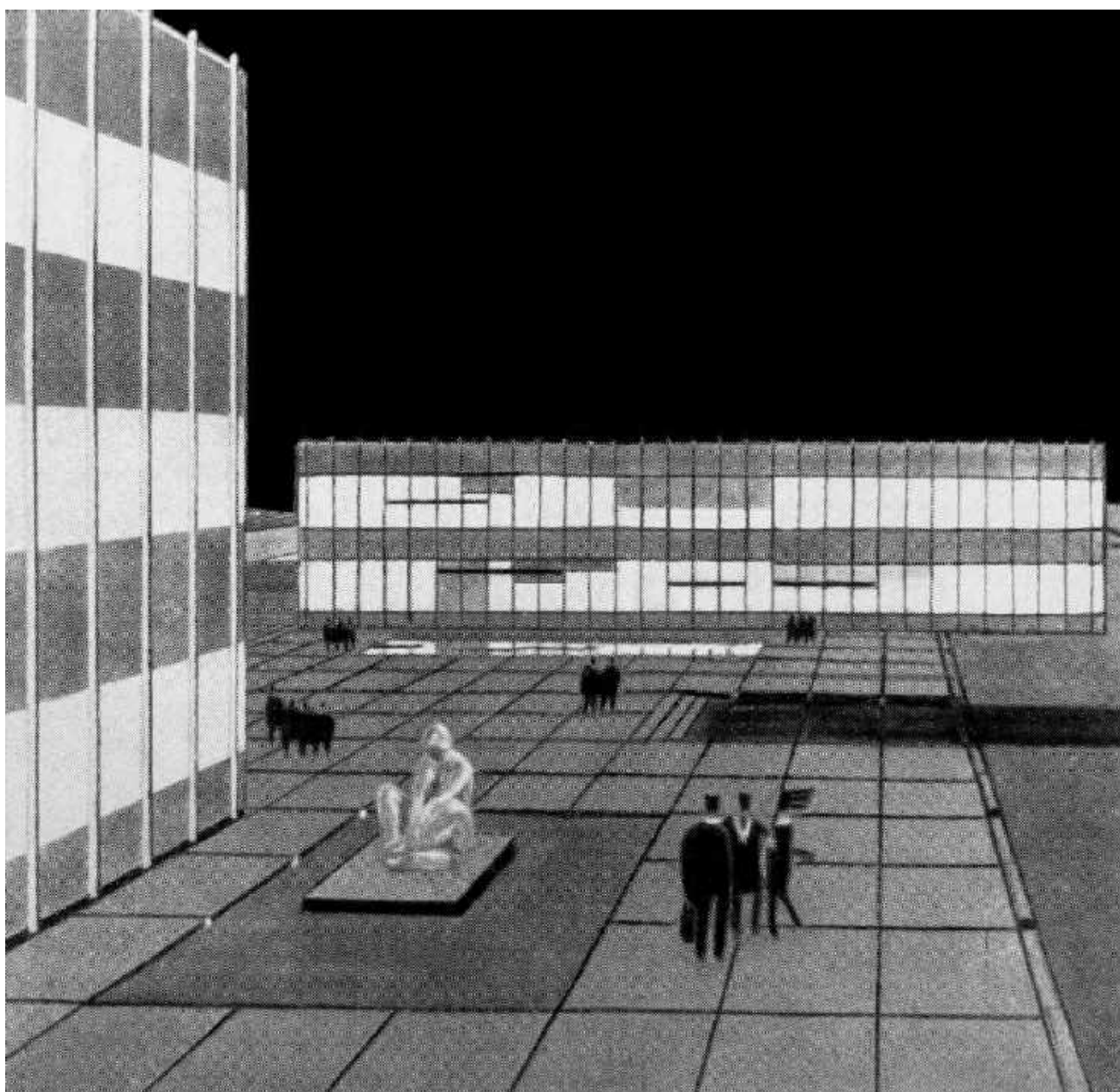
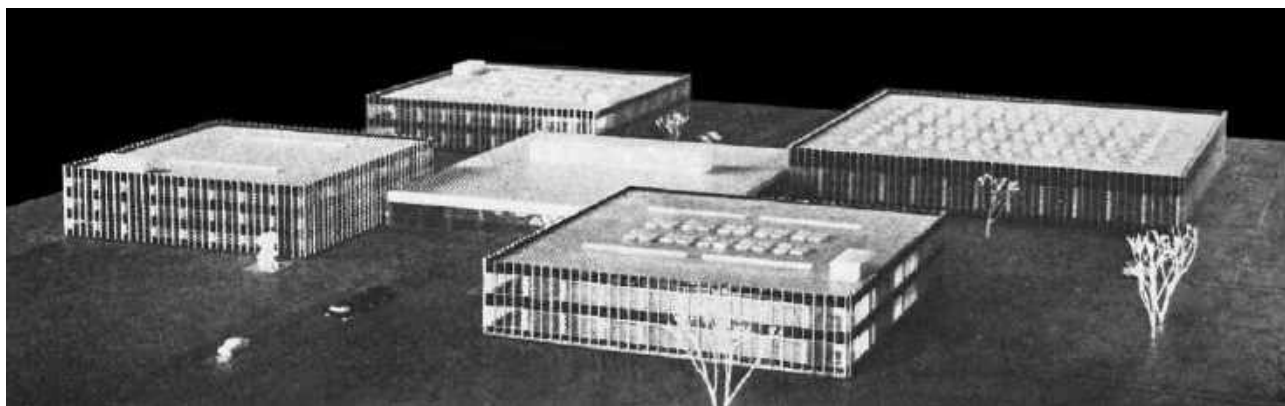
А. Корпус технического обслуживания: 1 — вестибюль; 2 — кафетерий; 3 — медпункт; 4 — трансформаторная подстанция; 5 — бытовые помещения; 6 — вентиляционный центр; Б. Лабораторный корпус: 1 — лаборатории; 2 — лаборатории специального назначения, 3 — фотолаборатория; 4 — склады; 5 — коммуникации; 6 — макетная мастерская; 7 — чистые лаборатории;

В. Корпус общего назначения: 1 — конференц-зал; 2 — фойе; 3 — библиотека; 4 — архив; 5 — отдел размножения документов; 6 — администрация; 7 — АТС;

Г. Корпус опытного производства № 1: 1 — точное производство; 2 — цех точной сборки; 3 — помещения для ремонта оборудования; 4 — склады; 5 — коммуникации;

Д. Корпус опытного производства № 2: 1 — механический цех (размещение технологических линий обработки металла); 2 — цехи (термический, гальванический, кузнечный, цех пропитки и др.); 3 — венткамера.

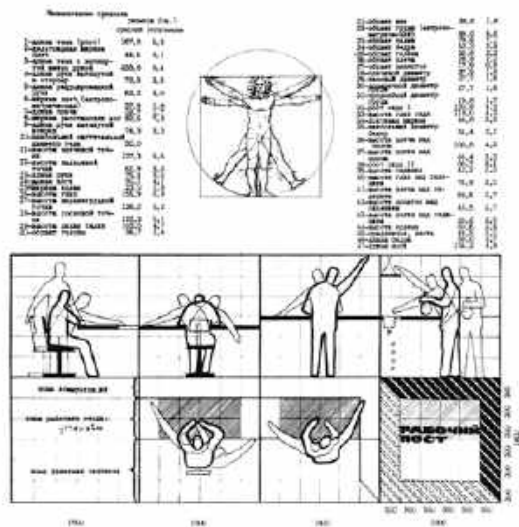
Зарудко В.В. Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 85.

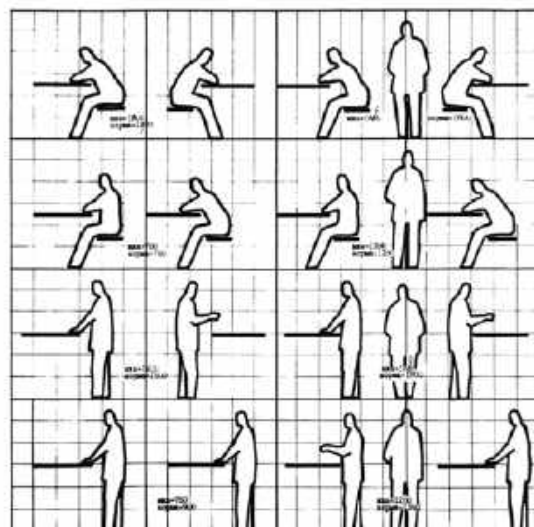
3.79. Проект Особого конструкторского бюро ФИАН в научном городке в районе Красной Пахры

Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 89;
Зарудко В.В. Особое конструкторское бюро в научном центре // Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Исследование, проектирование, строительство. М., 1970. С. 86.

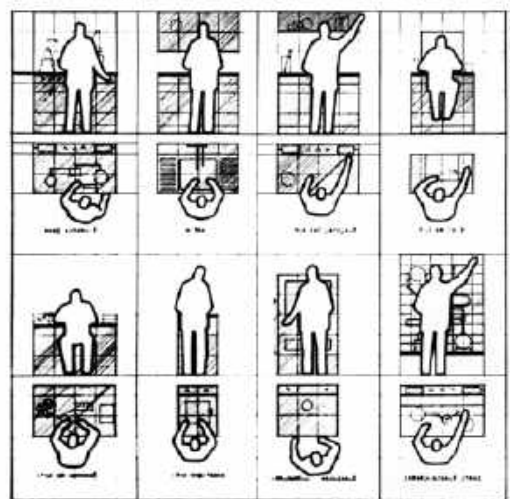
ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРАМЕТРЫ РАБОЧИХ МЕСТ

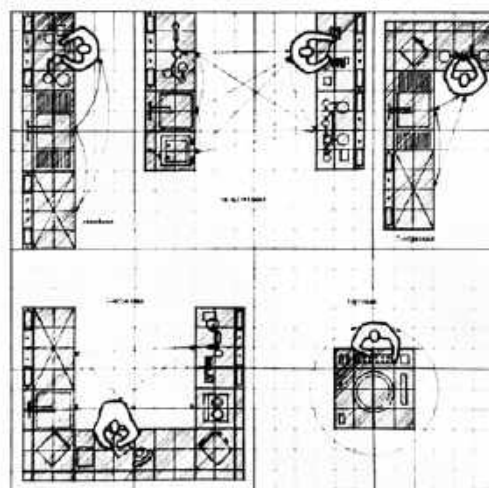
ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРАМЕТРЫ РАБОЧИХ МЕСТ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРАМЕТРЫ РАБОЧИХ МЕСТ

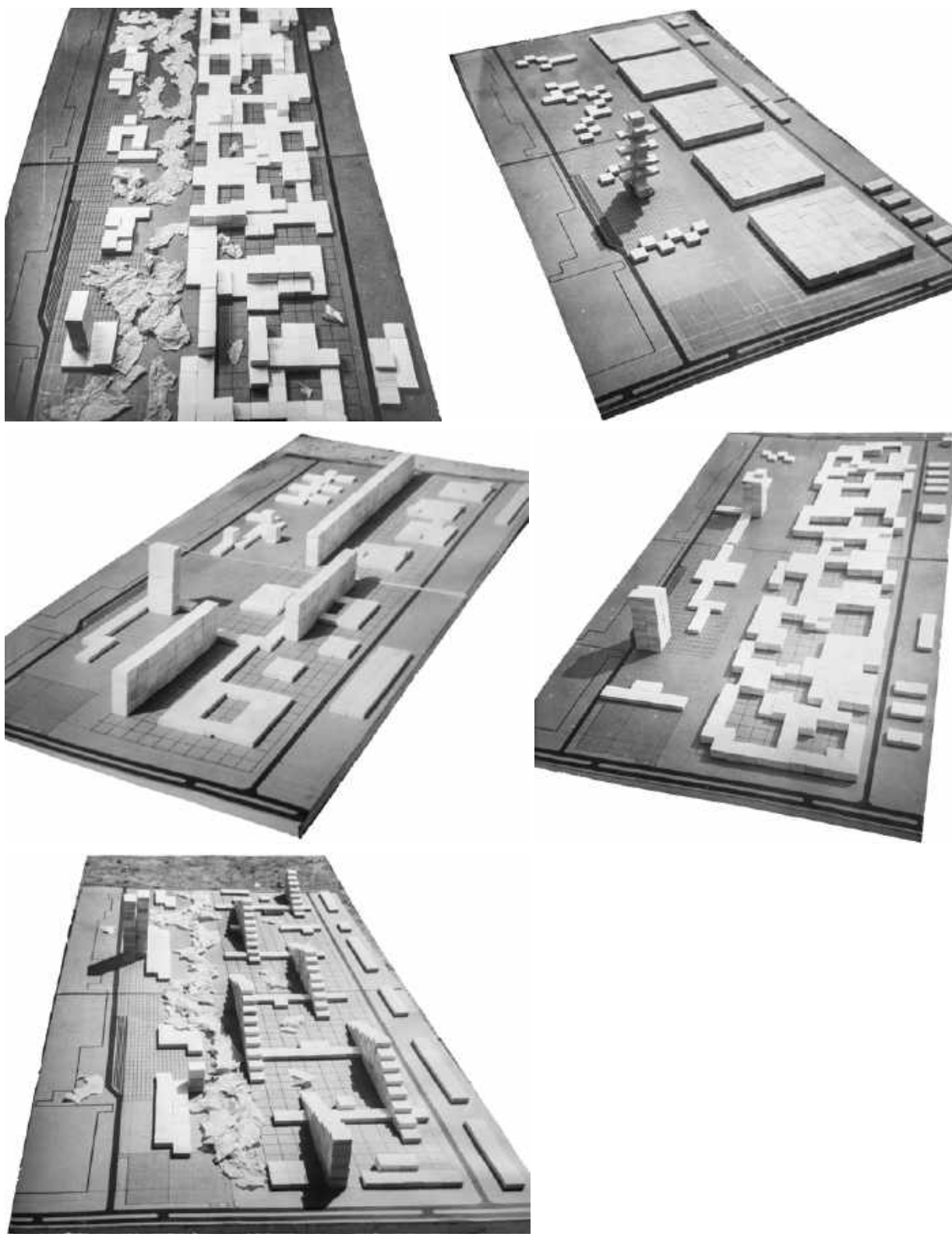

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПАРАМЕТРЫ РАБОЧИХ МЕСТ

4.1. Антропометрические и эргономические обоснования параметров модуля рабочего поста ученого

Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 46–49.

4.2. Проектные предложения по застройке научной зоны на основе модульной структуры, 1967 г.

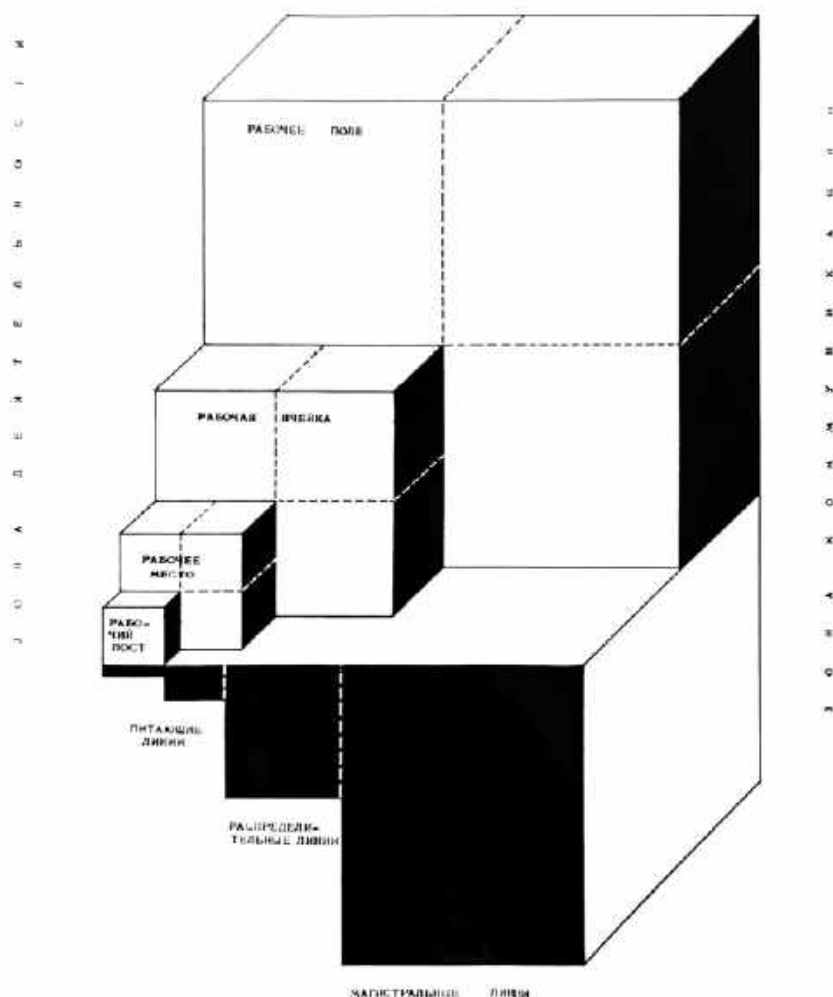
Архитектор Д.А. Метаньев

Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. Фото 12–16.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ПРОЦЕССА НАУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

УРОВНИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАБОРАТОРНОГО КОМПЛЕКСА

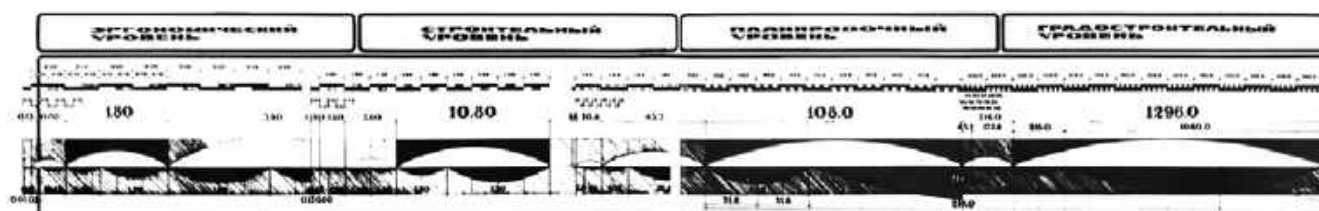
З О Н А Д Е Й Т Е Л Ь Н О С Т И

З О Н А К О М М У Н И К А Ц И И

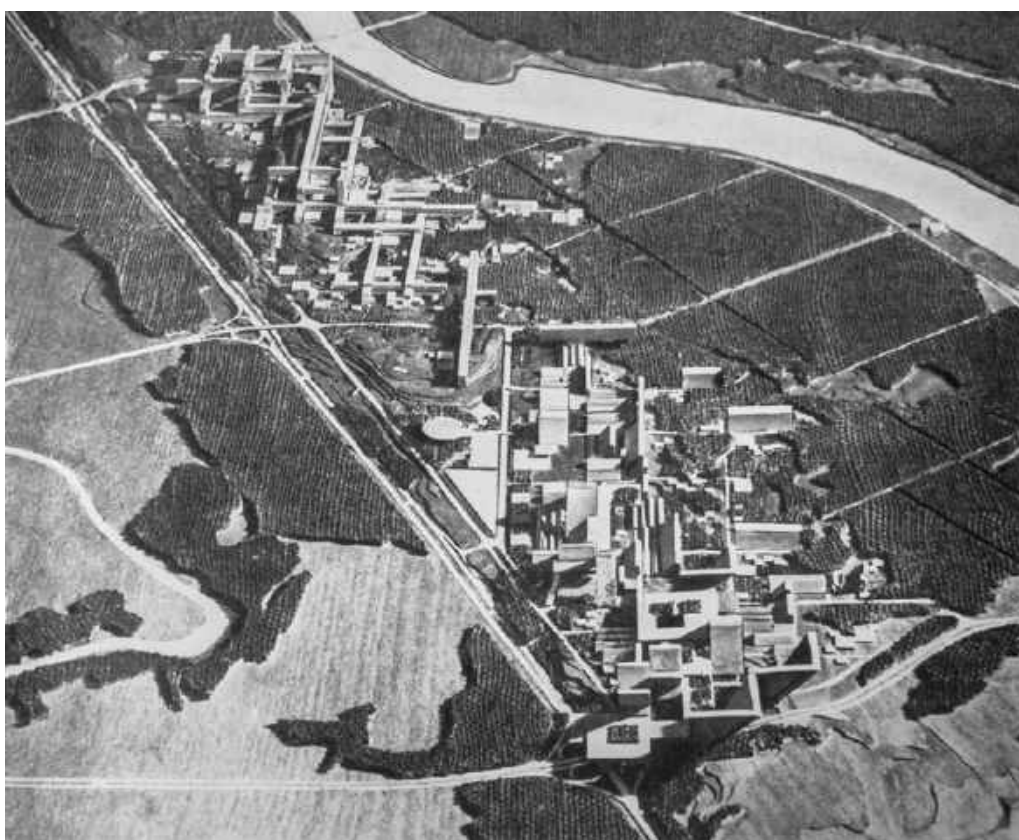
4.3. Иерархия модулей пространственной организации научных комплексов

Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 45.

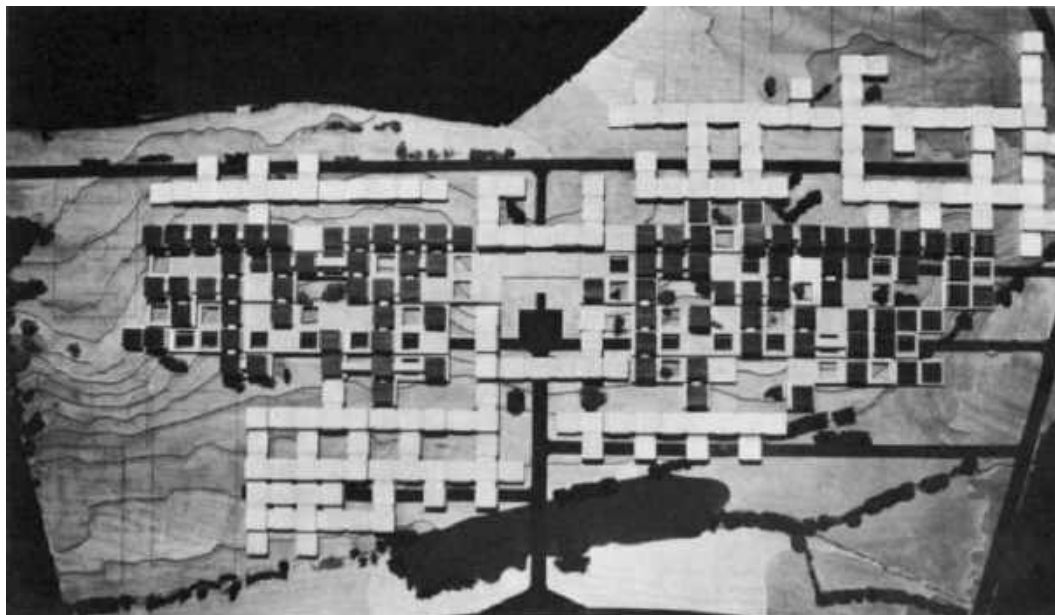
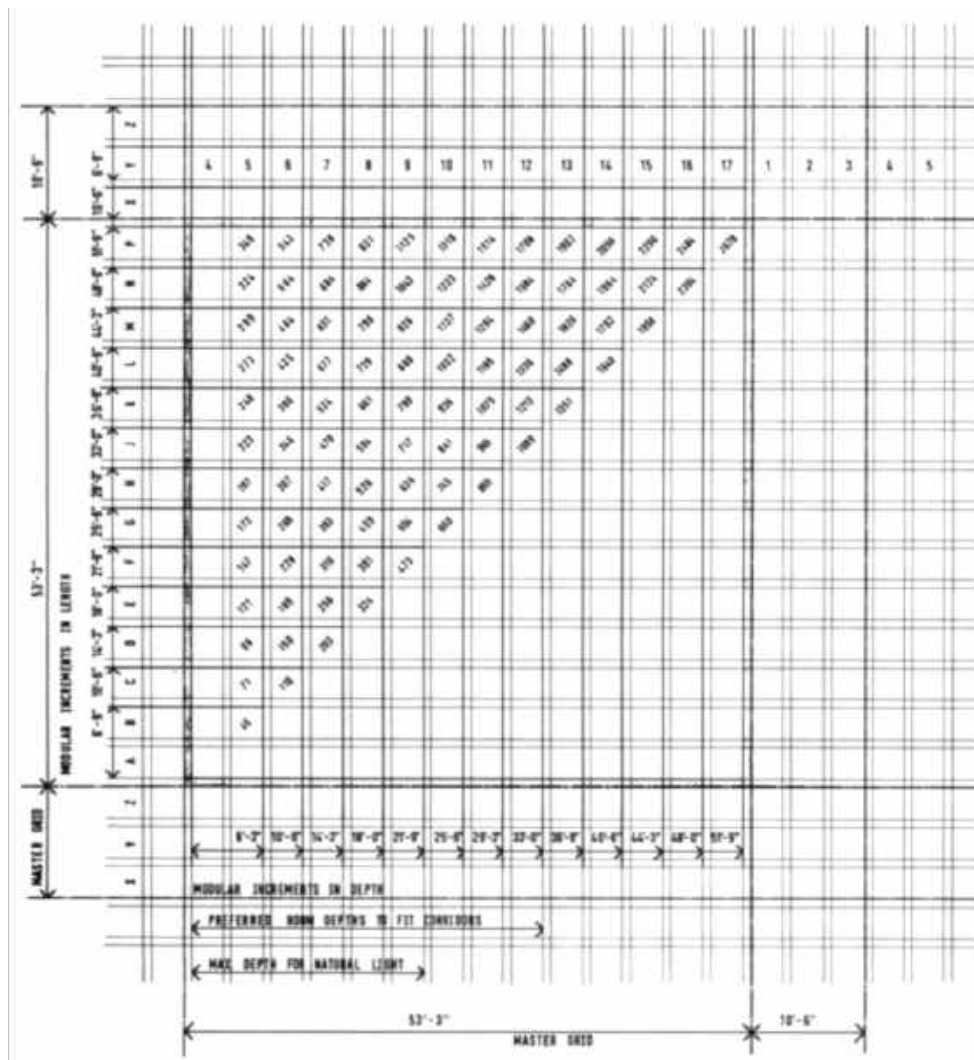
4.4. Уровни и масштабы пространственной организации научных комплексов

Платонов Ю.П. Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 108.

4.5. Научный центр АН Латвийской ССР, 1968 г.

Научный центр. Модели развития. М., 1977. С. 7; Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. С. 33.

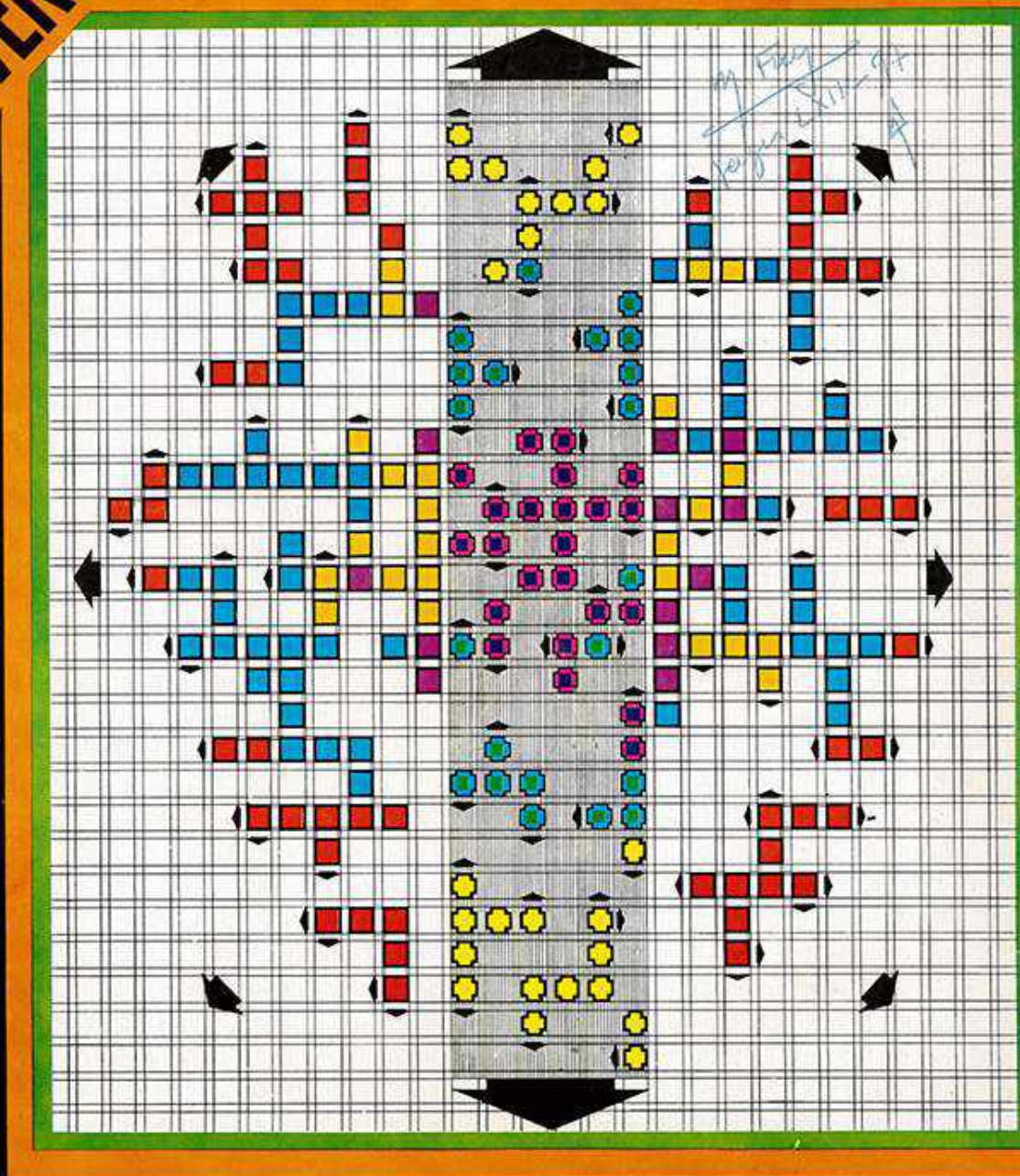

4.6. Мастерплан Технического университета Лафборо, 1966 г.

Thomas D. Loughborough University of Technology; Growth Change and Grid Discipline // The Arup Journal. 1967. Vol. 1. No. 6. pp. 7–15.

UNIVERSITÉS

Nous nous dirigeons vers une société post-industrielle
dont les institutions-clés seront les universités, organismes de recherche
et non plus les entreprises industrielles ou commerciales

L'architecture d'aujourd'hui

4.7. Обложка журнала «Современная архитектура», 1968 г.

L'Architecture d'Aujourd'hui. 1968. Iss. 137.

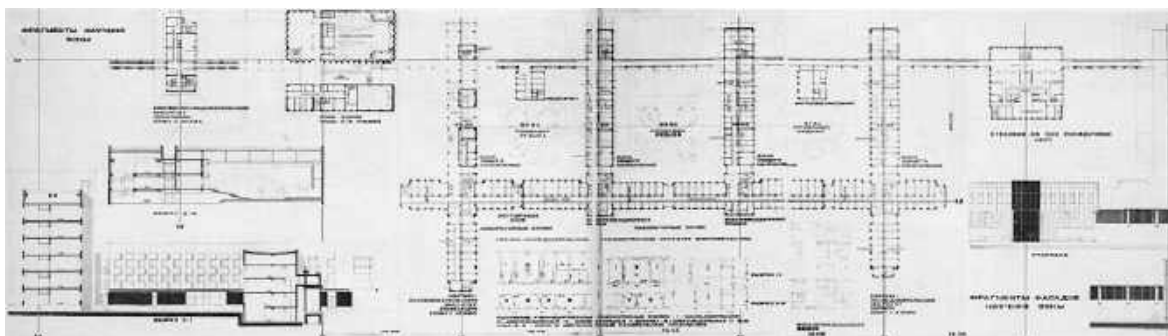

4.8. Генплан научного городка СО ВАСХНИЛ (Краснообск), начало 1970-х гг.
Архитектура СССР. 1984. № 6. С. 2.

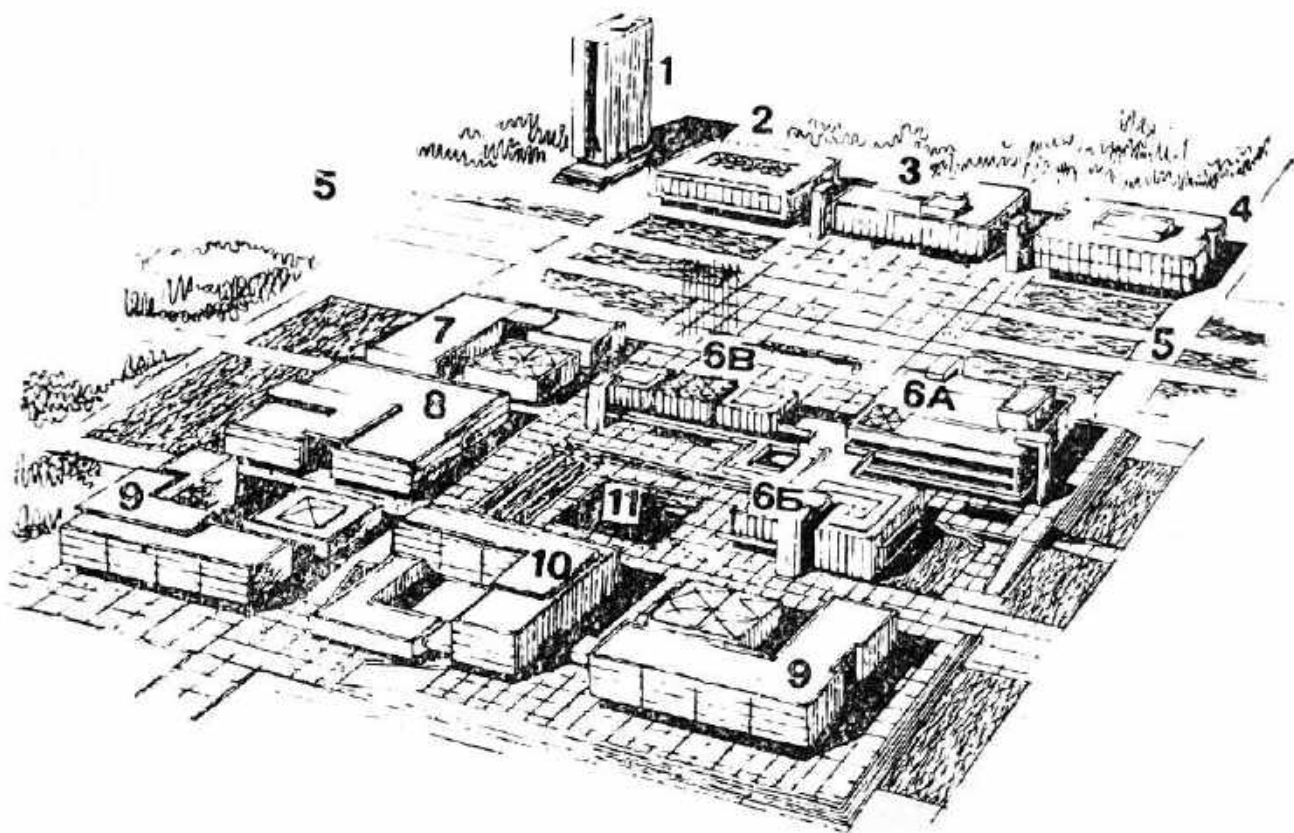
4.9. Застройка научной зоны в городке СО ВАСХНИЛ

Фото автора, 2022 г.

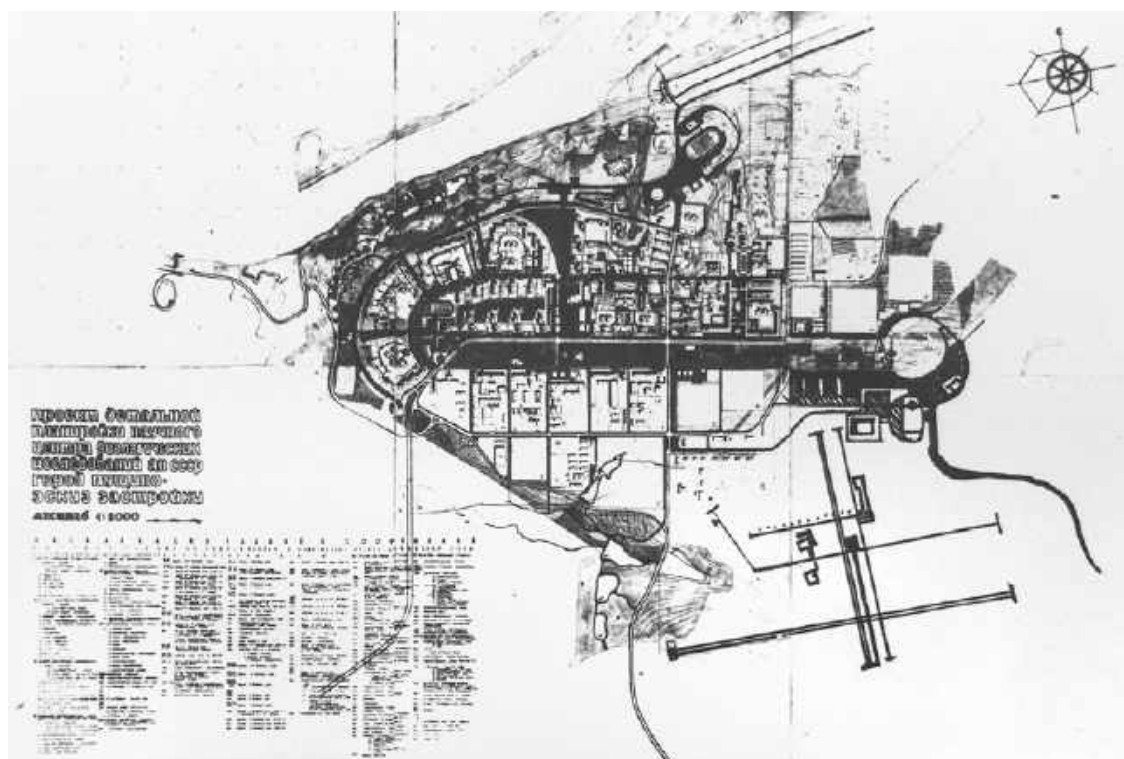
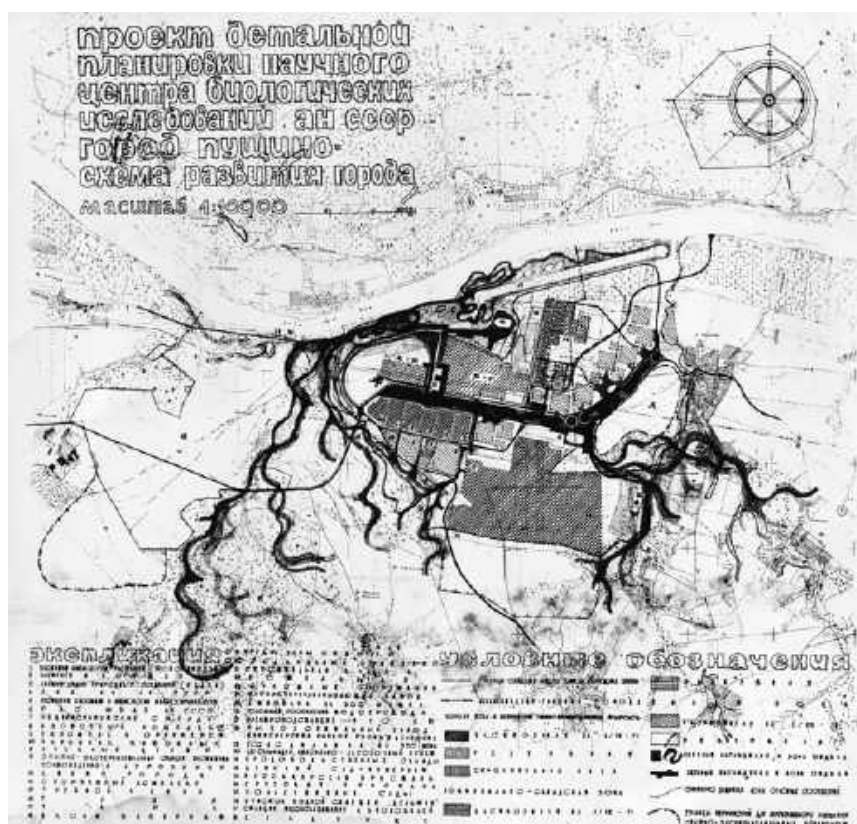
4.10. Проект комплекса зданий научной зоны в городке СО ВАСХНИЛ, начало 1970-х гг.

Научный центр Сибирского отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина // Архитектура СССР. 1983. № 8. С. 12–13.

4.11. Комплекс общегородского центра научного городка СО ВАСХНИЛ, начало 1970-х гг.

1 — Институт экономики сельского хозяйства; 2 — научно-техническая библиотека; 3 — Президиум СО ВАСХНИЛ; 4 — информационно-вычислительный центр; 5 — центральная магистраль научного центра; 6 — культурный центр, состоящий из зрительского комплекса (6А), спортивного комплекса (6Б) и клубного комплекса (6В); 7 — Дом связи; 8 — торговый центр; 9 — общежития; 10 — гостиница с рестораном; 11 — площадь-«форум» с амфитеатром. Лучшее в архитектуре (Работы лауреатов Государственной премии СССР 1985 г.). М., 1986. С. 16–17.

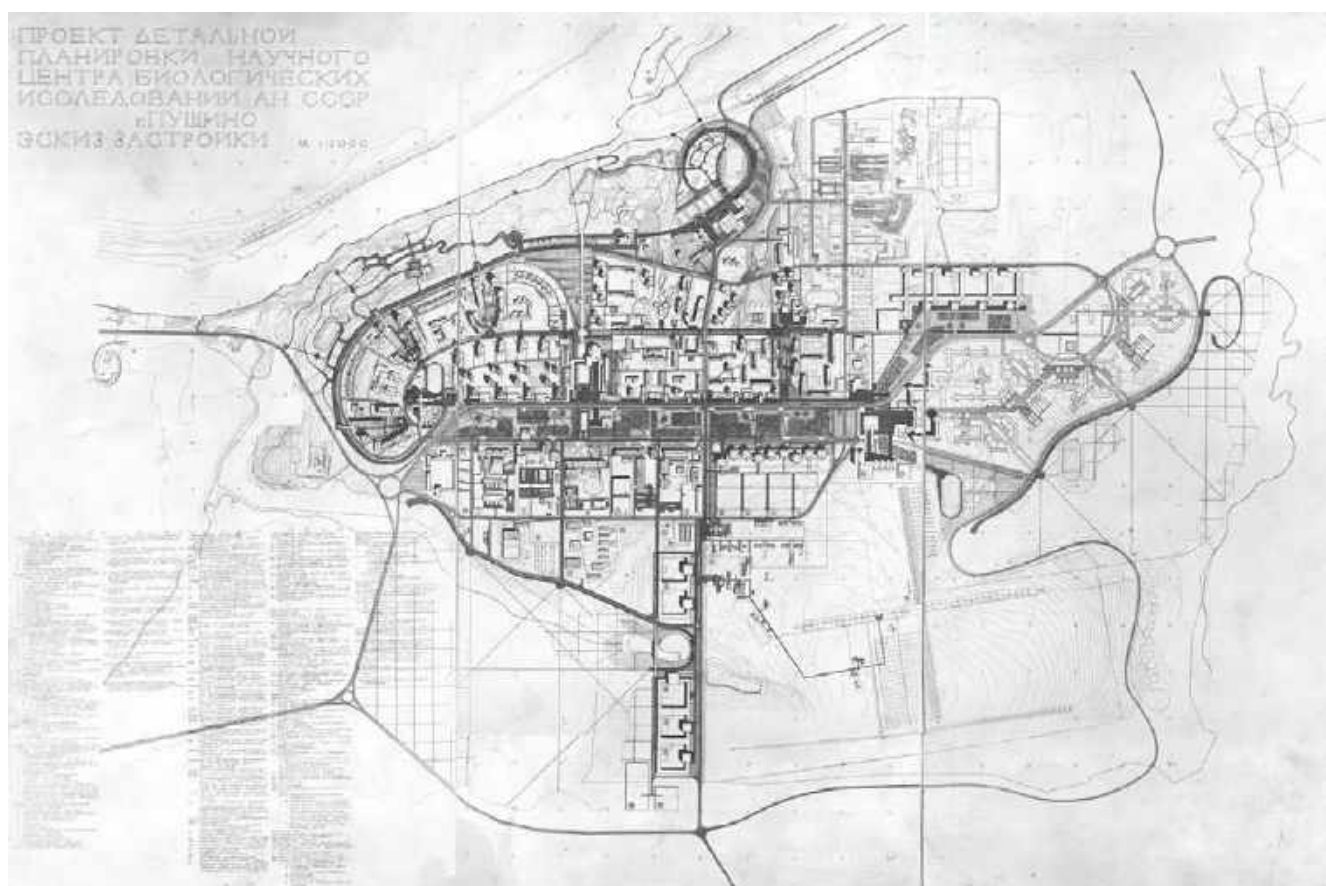
4.12. Проект детальной планировки Пуштина, 1971 г.: схема развития города; эскиз застройки.

Пуштинский музей экологии и краеведения 3564 НВ; *Истомин С.А.* Системное формирование функционально-планировочной структуры научного комплекса: дис. ... канд. архитектуры. М., 1980. Т. 2. С. 6.

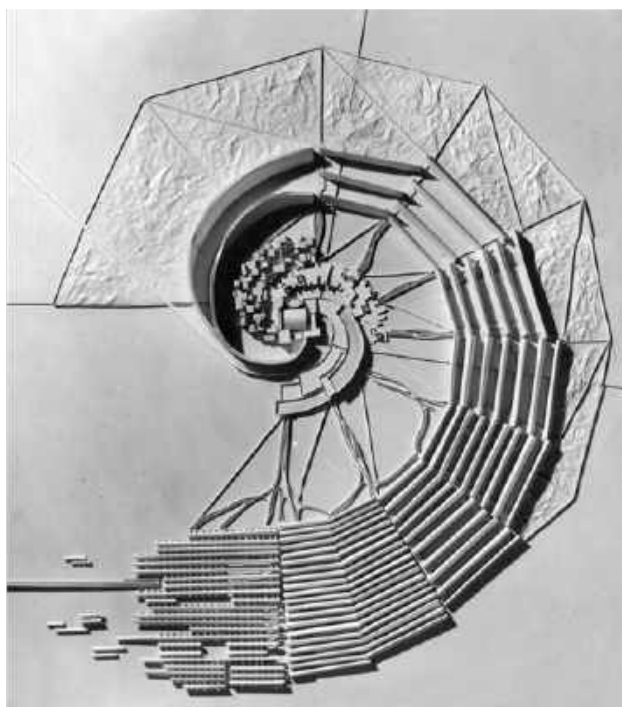

4.13. Макет застройки Пущина, начало 1970-х гг.

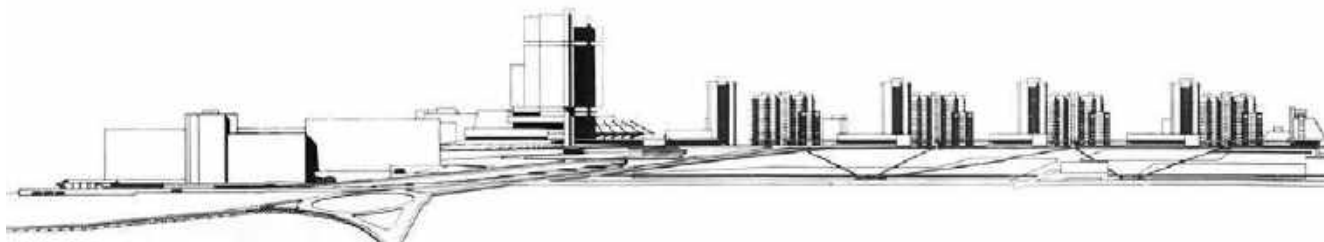
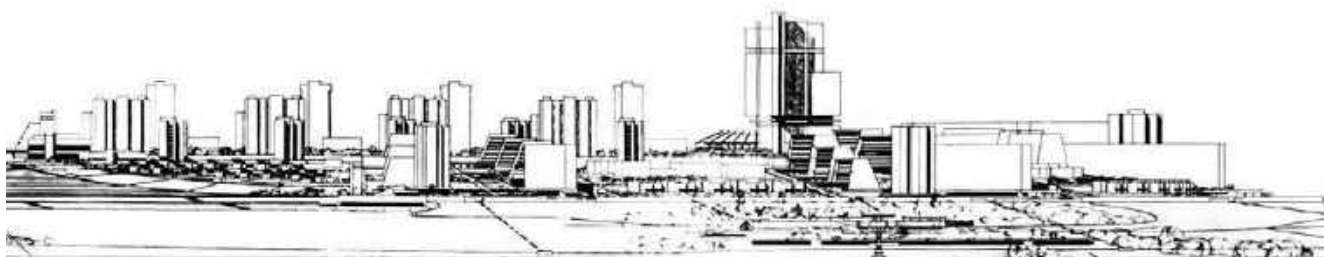
Семейный архив Воронежских; *Платонов Ю.П.* Пространственная организация научно-исследовательских лабораторных комплексов: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 1–2.

4.14. Эскиз застройки к проекту детальной планировки Пущина, 1976 г.
Семейный архив Воронежских

4.15. Концепция НЭР для всемирной выставки в Осаке, 1970 г.
URL: <https://ilya-lezhava.livejournal.com/2303.html>

4.16. Развертки фасадов к эскизу застройки Пущина (виды со стороны р. Оки и проспекта Науки), 1975 г.

Семейный архив Воронежских

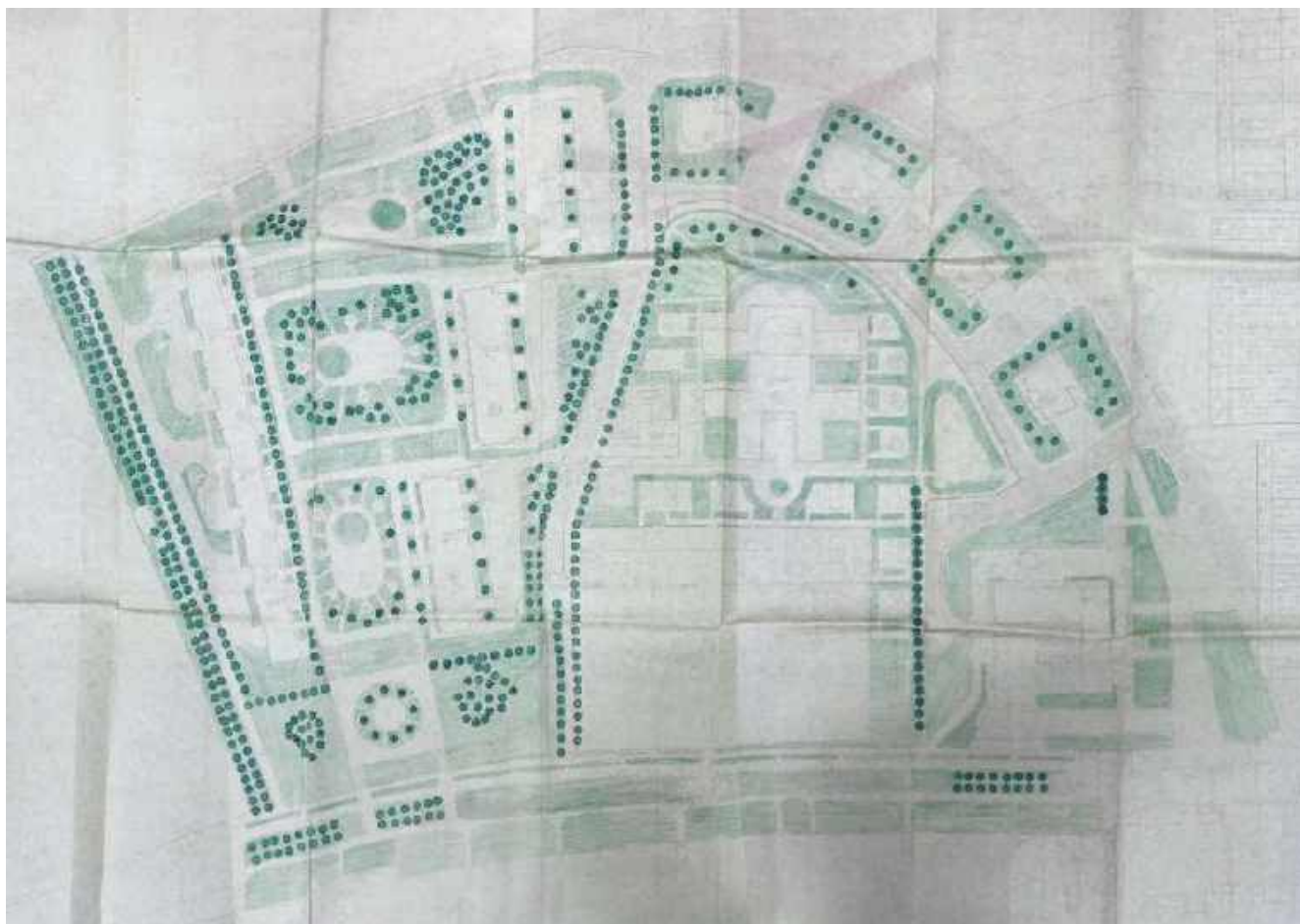
4.17. Гостиница с рестораном в Пущине

Фото автора, 2021 г.

4.18. Музыкальная школа в Пущине

Фото автора, 2019 г.

4.19. Проект застройки северо-восточного квартала микрорайона АБ в Пущине, 1978 г.

Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Архипов, А.И. Кибальчич
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 2518. Л. 71.

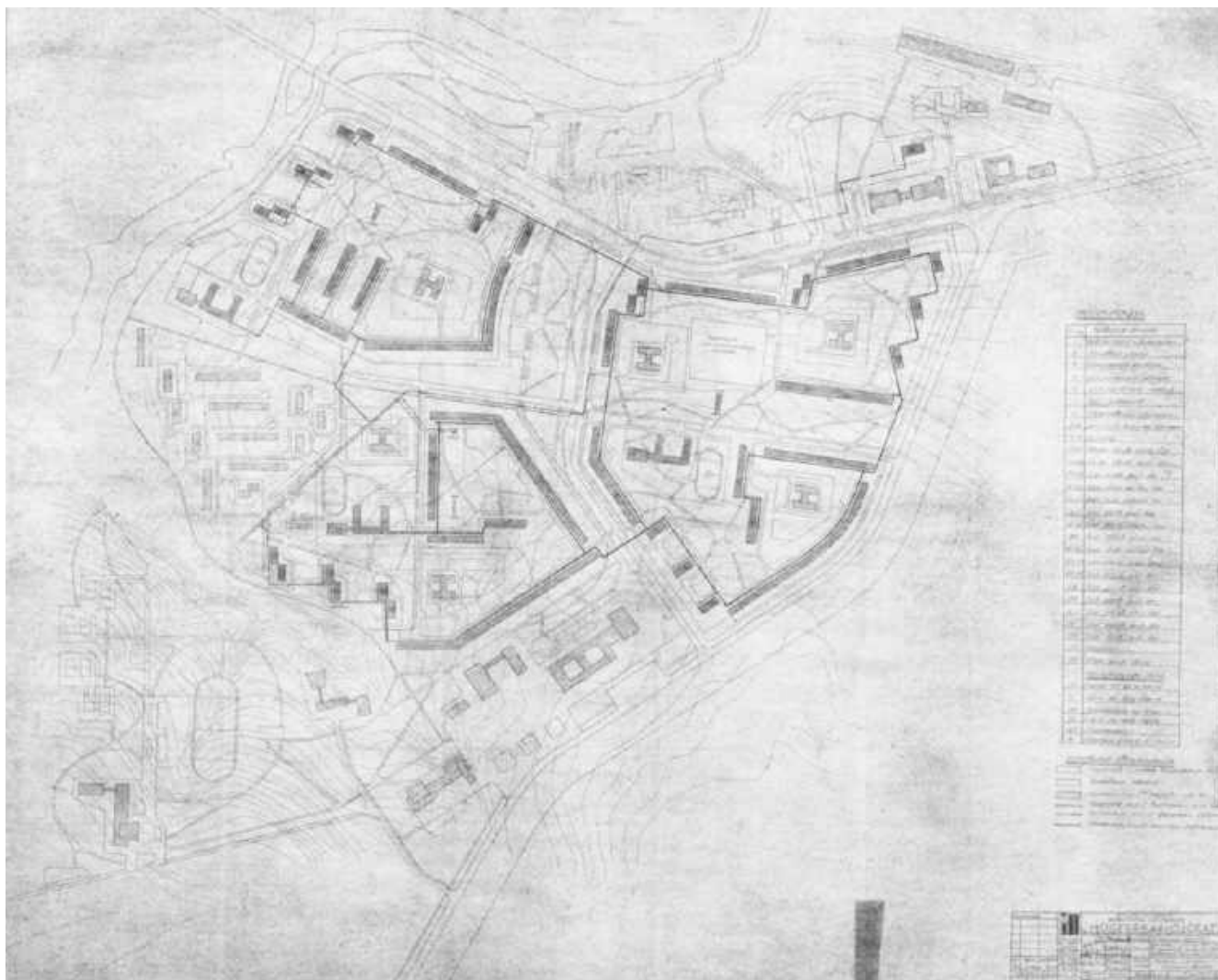
4.20. Жилые дома для малосемейных в микрорайоне «АБ» Пущина
Фото автора, 2018 г.

4.21. Макет застройки Северного жилого района Научного центра в Красной Пахре, 1970 г.

Мастерская № 4 Мосгражданпроекта, архитекторы В.К. Семенов, Л.А. Скроб, В.Д. Попков, В.И. Березутский, Э.А. Цаповский

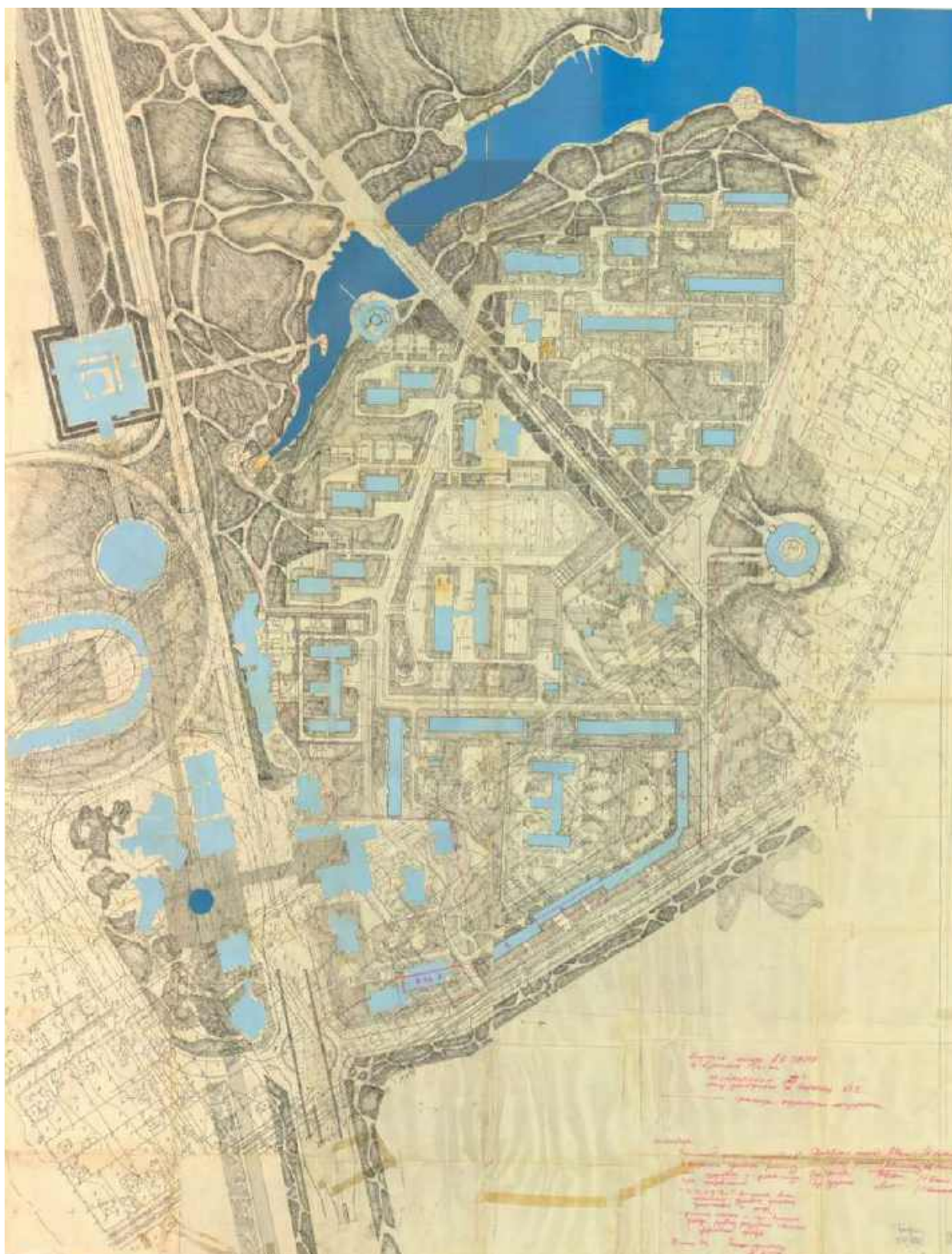
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1529. Л. 20.

4.22. Проект детальной планировки Северного жилого района Научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1971 г.

Мастерская № 4 Мосгражданпроекта, архитекторы Э.А. Цаповский, В.К. Семенов, В.Д. Пенков

ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1638. Л. 34.

4.24. Проект застройки микрорайона В научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1973 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Г.И. Николаева, Н.В. Куприянов
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1830. Л. 58.

4.25. Макет к проекту застройки микрорайона Б научного центра АН СССР в районе Красной Пахры, 1973 г.

Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Н. Банит, А.М. Щусев, Г.А. Булатова, Ю.С. Ивлев

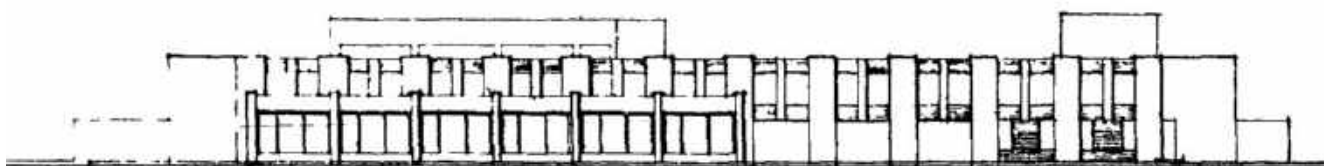
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1896. Л. 137–138.

4.26. Проект школы в Троицке

Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Н. Банит, В.К. Лотов, Е.К. Валуйских

Личный архив В.К. Лотова

4.27. Типовой проект № 274-31-45 общественного центра микрорайона на 16 тысяч жителей для строительства во 2 и 3 климатических районах

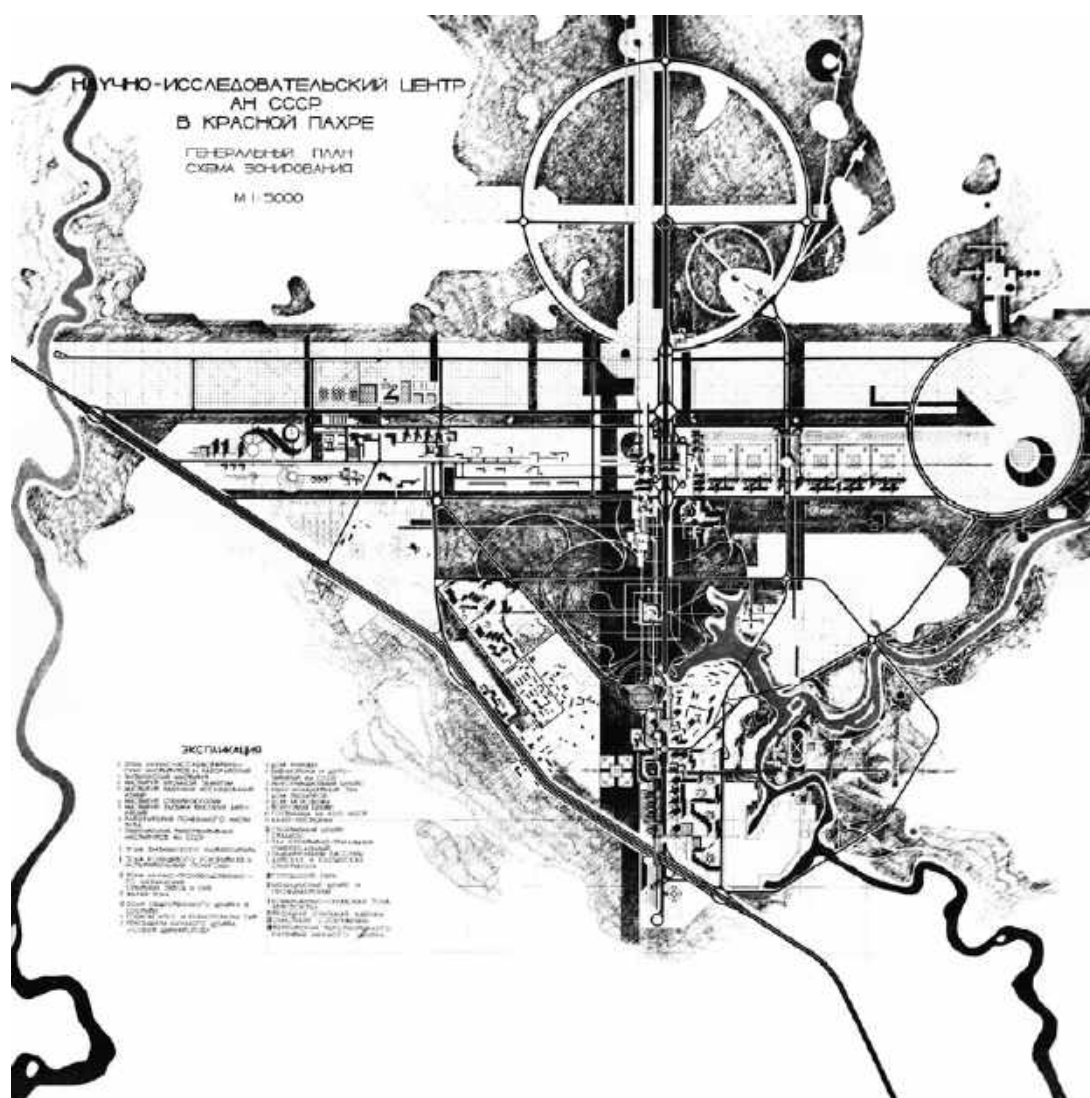
ЦНИИЭП учебных зданий

ВЦИС. URL: <https://tipdoc.ru/catalog/14095/1641929/>

4.28. Общественный центр микрорайона «Б» в Троицке

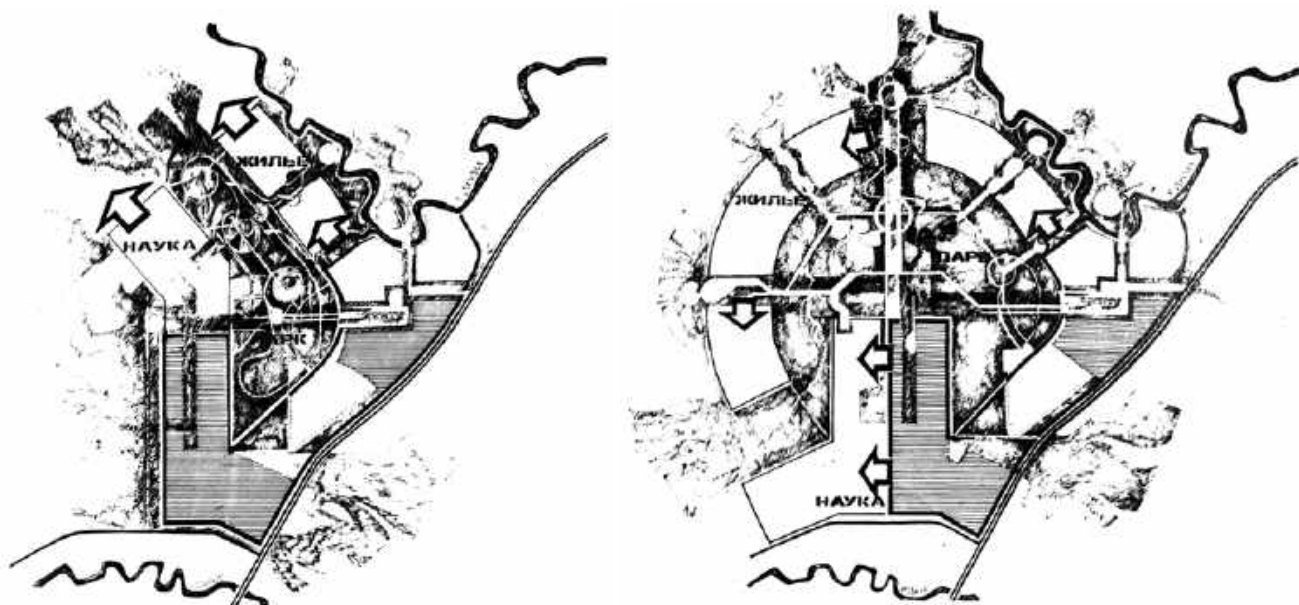
Личный архив В.К. Лотова

4.29. Генеральный план Научного центра АН СССР в Красной Пахре, 1976 г.

Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.Н. Банит и др.

Личный архив В.Н. Банита

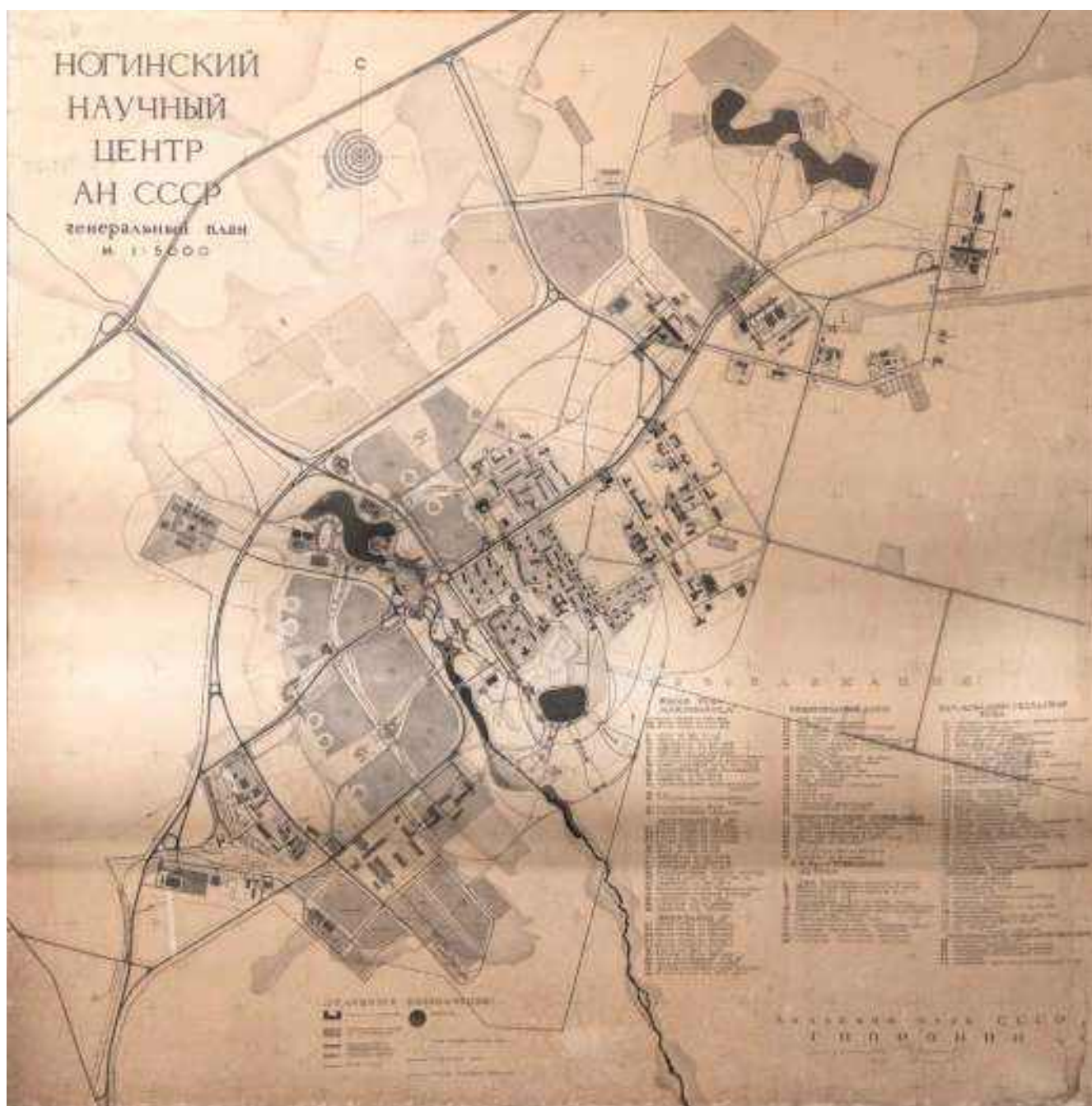
4.30. Варианты развития Научного центра АН СССР в Троицке, конец 1970-х гг.
Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.Н. Банит и др.

Личный архив В.К. Лотова

4.31. Макет к проекту Научного центра АН СССР в Троицке, конец 1970-х гг.
Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.Н. Банит и др.

Личный архив В.К. Лотова

4.33. Генеральный план Ногинского Научного центра АН СССР (Черноголовка), 1975 г.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы А.А. Лемзяков, Н.С. Филин

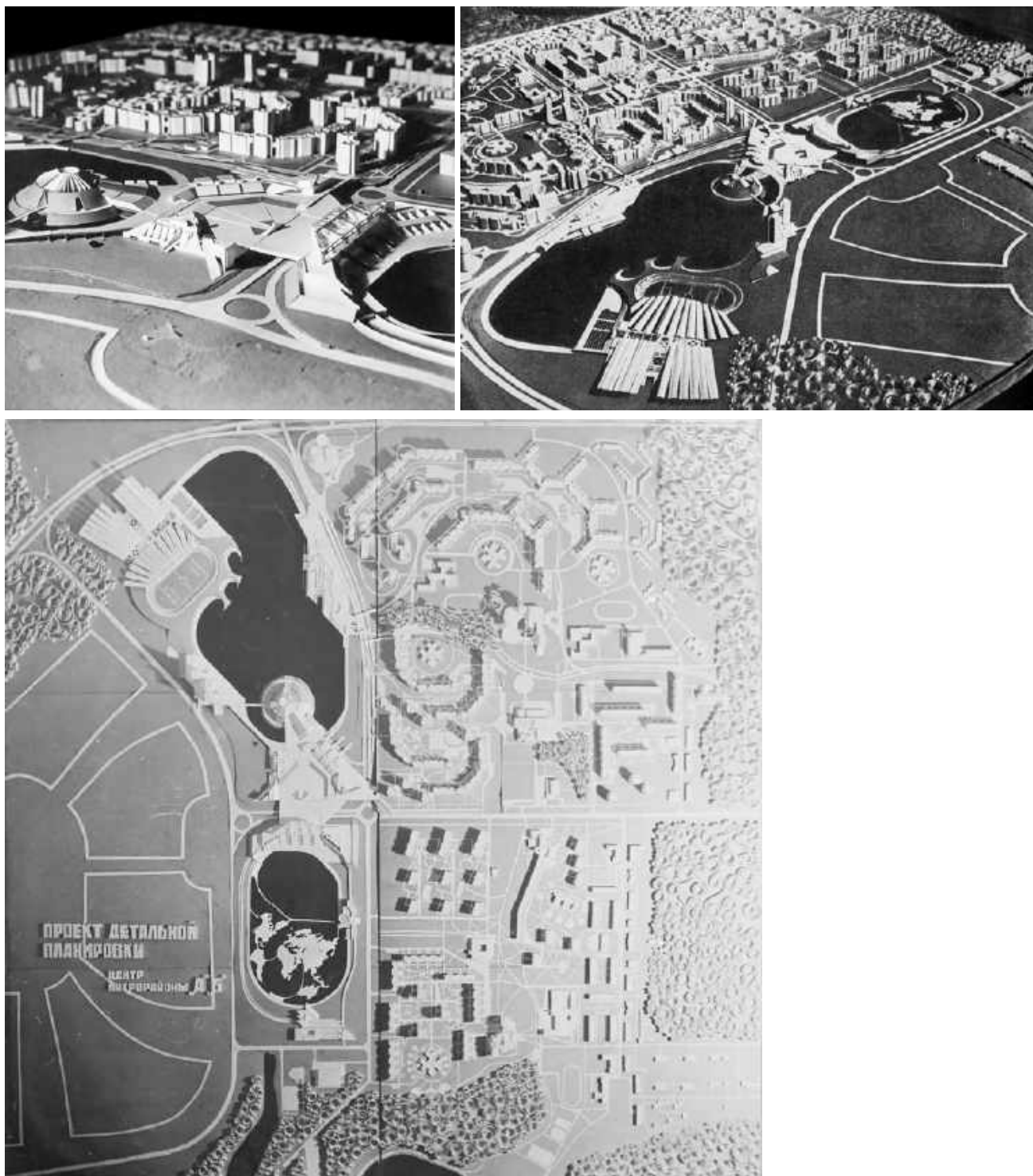
Архив Администрации Черноголовки

4.34. Проект детальной планировки Ногинского Научного центра АН СССР (Черноголовка), 1977 г.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ

Архив Администрации Черноголовки

4.35. Макет к проекту детальной планировки Ногинского Научного центра АН СССР (Черноголовка), 1977 г.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ

Семейный архив Воронежских; *Карнажицкий Ю.Н., Лемзяков А.А.* Проектирование зоны общегородского Ногинского научного центра АН СССР // Архитектурные и инженерные решения научных комплексов ГИПРОНИИ АН СССР. М., 1983. С. 46; Архив Администрации Черноголовки

4.36. Индивидуальный коттедж в Черноголовке, начало 1970-х гг.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ

Фото автора, 2024 г.

4.37. Общественный центр микрорайона «А» в Черноголовке, начало 1970-х гг.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ

Фото автора, 2024 г.

4.38. Спортивный комплекс в Черноголовке

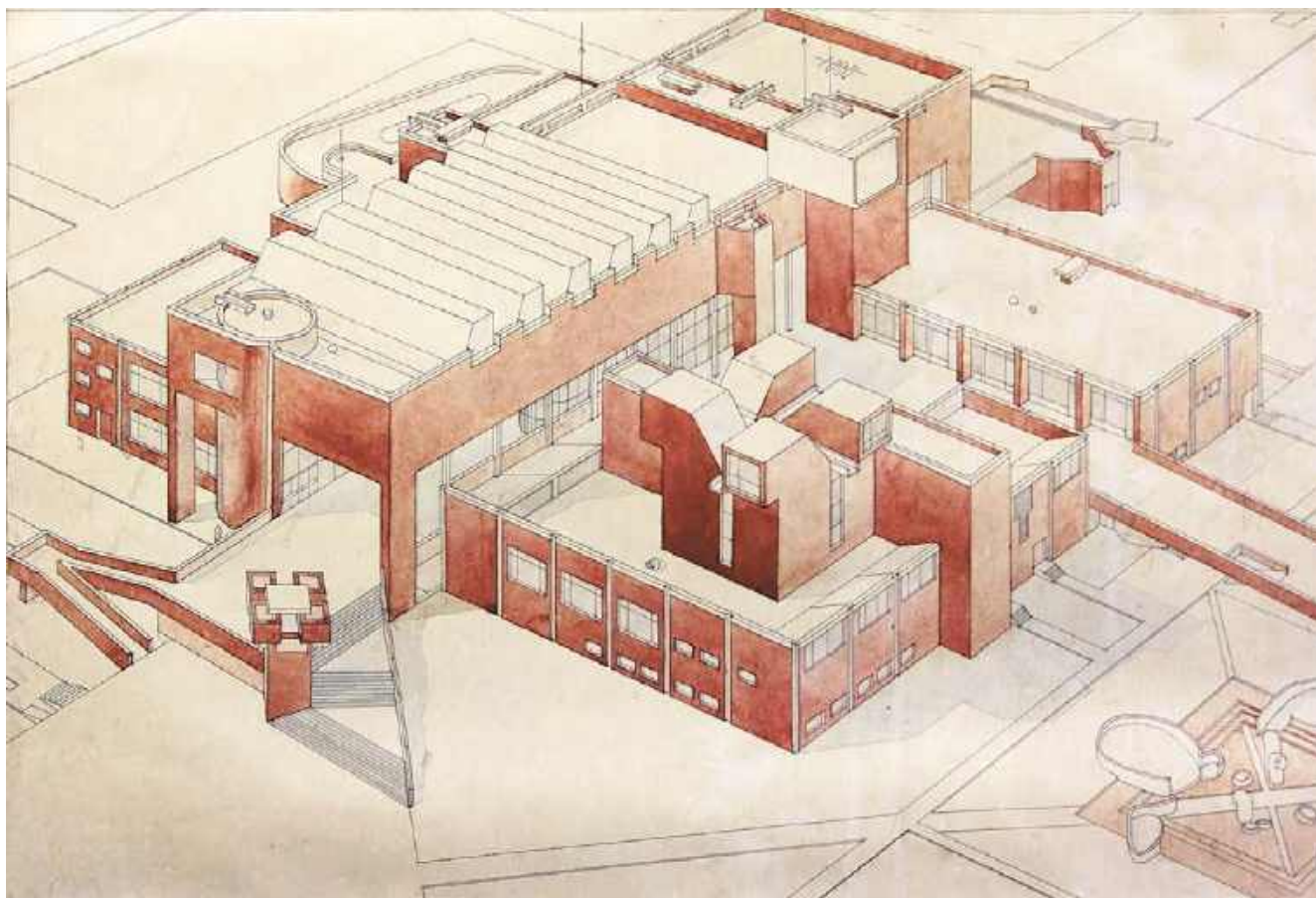
Яндекс Панорамы, 2015 г.

4.39. Административное здание для городских служб и организаций в Черноголовке

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы В.А. Бессонов, В.А. Толмачев

Фото автора, 2024 г.

4.40. Торговый центр в микрорайоне «Б» Черноголовки, проект, середина 1970-х гг.

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы Н.С. Филин, Е.Д. Толмачева

Черноголовку сложно испортить // Институтский проспект. 2012. № 3, 27 сентября. С. 8–9.

4.41. Встреча руководства Научного центра биологических исследований АН СССР в Пущине с американскими архитекторами, июнь 1979 г.
 Фото Е. Бугаенко, Пущинский музей экологии и краеведения

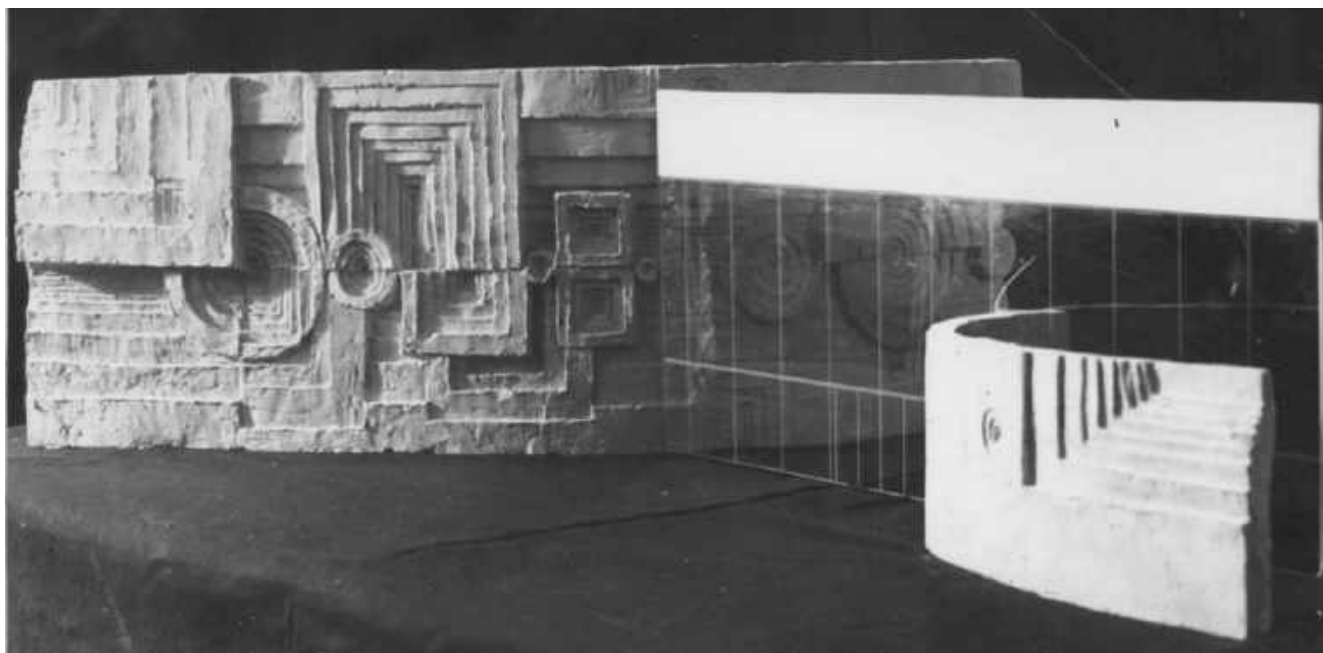
4.42. Институт биоорганической химии им. М.М. Шемякина в Москве

Фото автора, 2025 г.

4.43. Макет здания Института биохимии и физиологии микроорганизмов в Пущине

Личный архив Анны Гнедовской

4.44. Макет барельефа для здания Института биохимии и физиологии микроорганизмов в Пущине

Художник И.П. Казанский

МБУК «Центральная Библиотека» городского округа Пущино Московской области

4.45. Здание Института биохимии и физиологии микроорганизмов в Пущине

Фото автора, 2021 г.

4.46. Блок общего назначения Института белка в Пущине

Фото автора, 2021 г.

4.47. Блок общего назначения Института фотосинтеза в Пущине

Фото автора, 2022 г.

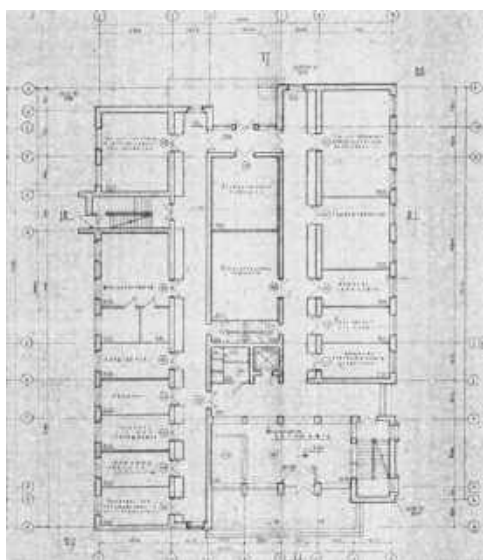
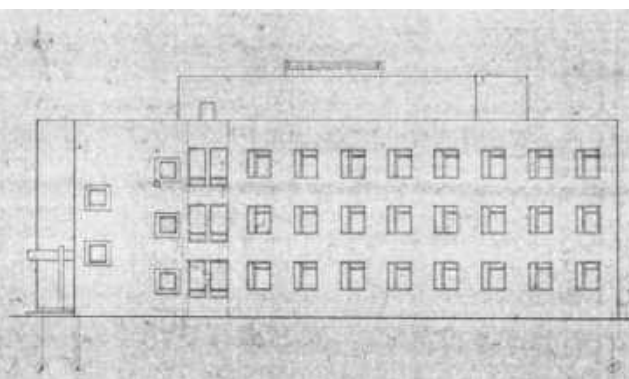
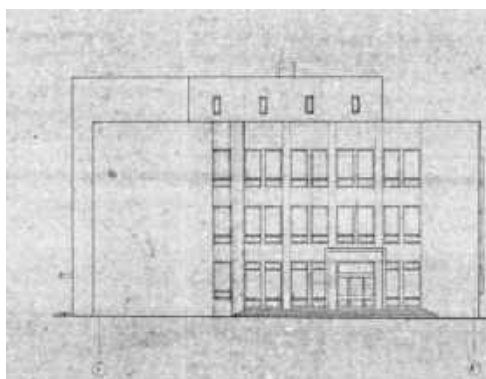
4.48. Корпус биофизики клетки Института биофизики в Пущине

Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Архипов, Л.Г. Крупская
ГНИМА. ОФ 6588-177; Фото автора, 2018 г.

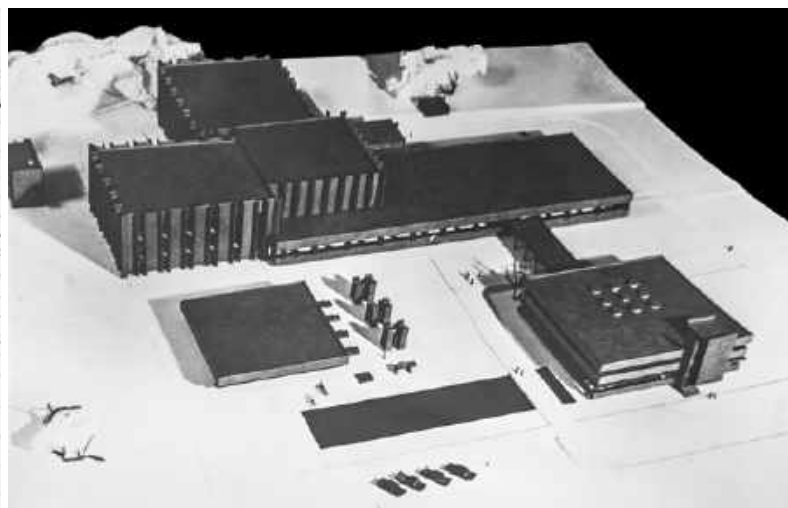
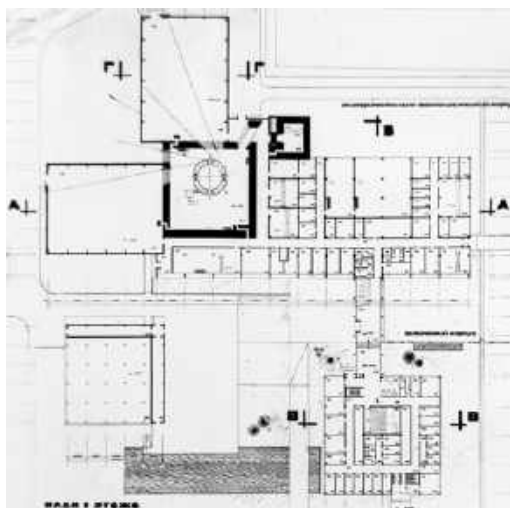
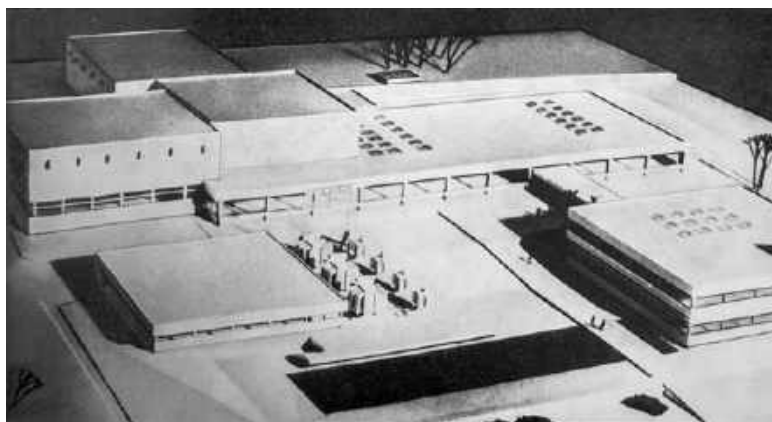
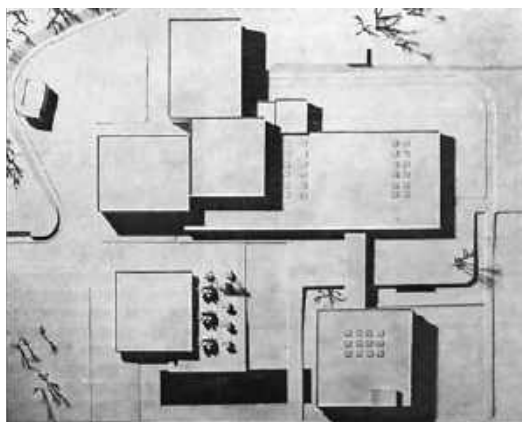
4.49. Корпус пилотных установок Института биохимии и физиологии микроорганизмов в Пущине

Фото автора, 2018 г.

4.50. Лабораторный корпус распространения радиоволн ИЗМИРАН, 1970 г.

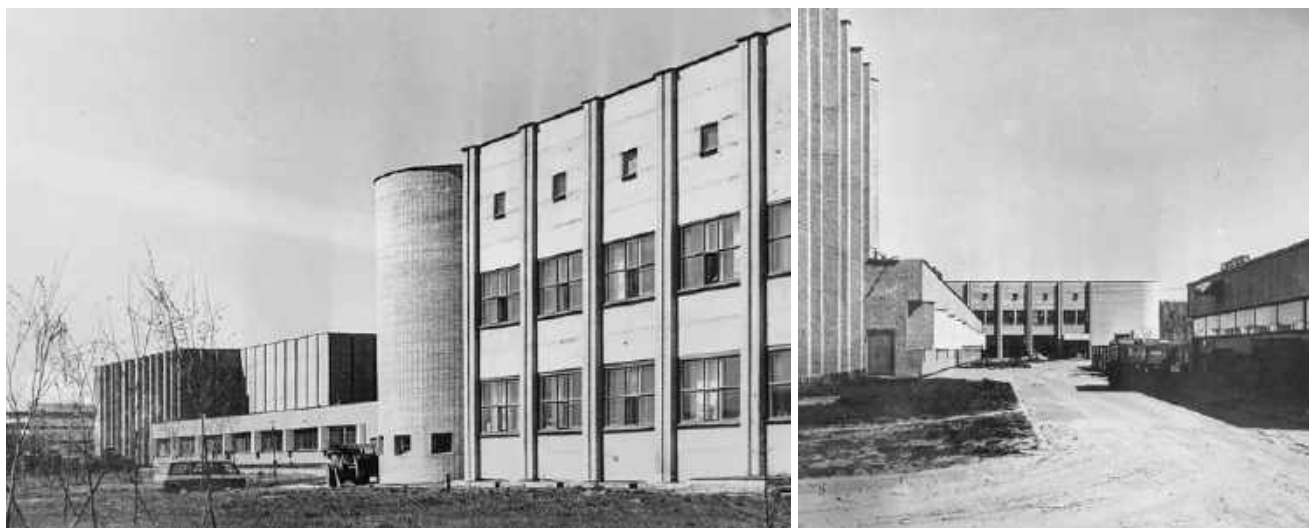
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Бурицкий, Г.К. Комогорцева ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1533. Л. 87, 90; Фото автора, 2025 г.

4.51. Комплекс сооружений лаборатории фотомезонных процессов ФИАН в научном городке АН СССР в Красной Пахре, 1970 г.

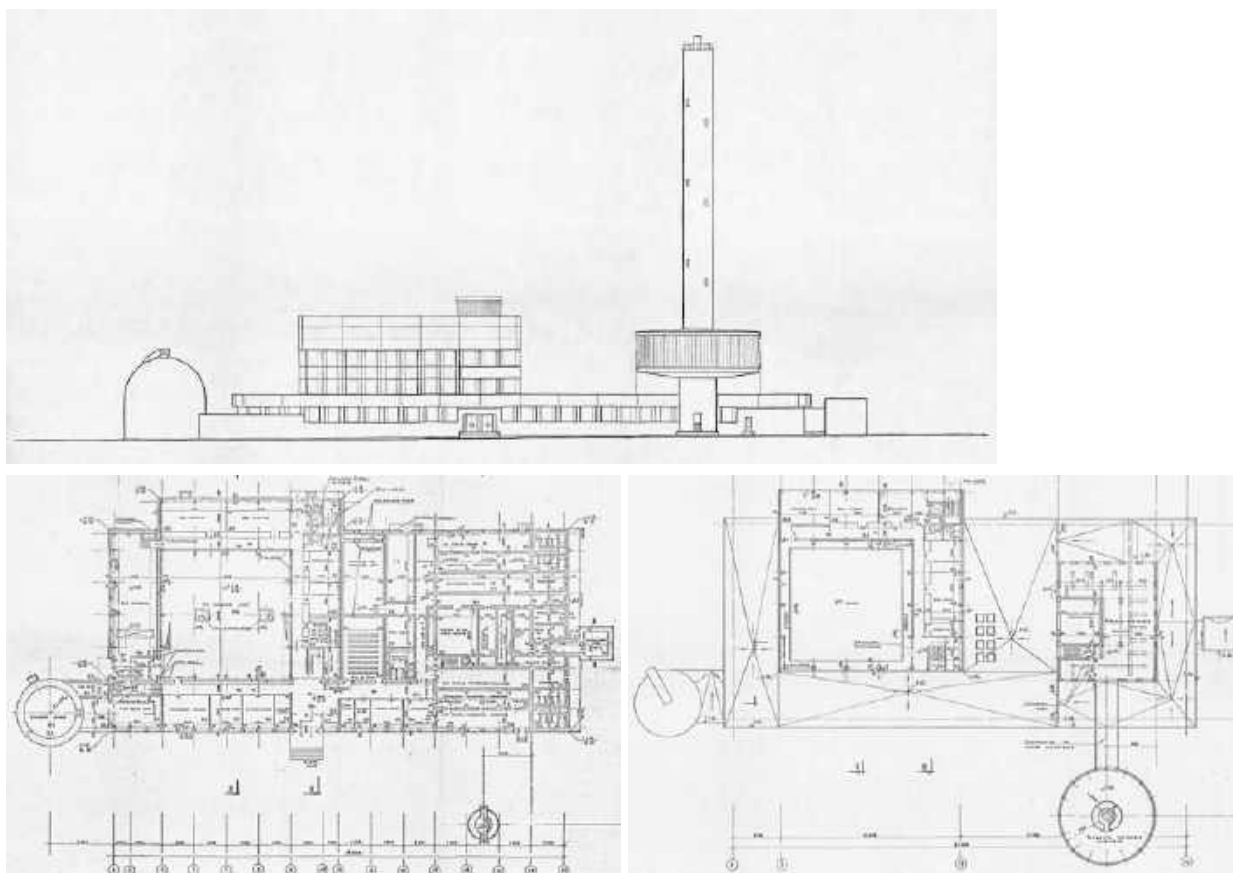
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Ф. Назаров, В.В. Зарудко

Архитектура научных комплексов // Архитектура СССР. 1976. № 2. С. 37; Здания ускорителей. М., 1976. С. 175; Зарудко В.В. Общественно-информационные комплексы научных центров: дис. ... канд. архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 75; Красников М.А. Архитектурное формирование комплексов специальных научных лабораторий: дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. Т. 2. С. 51.

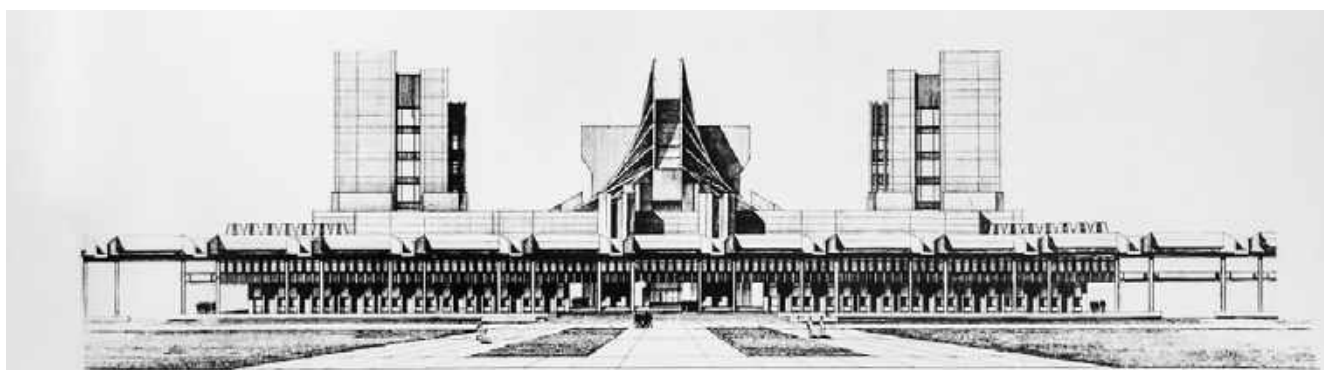
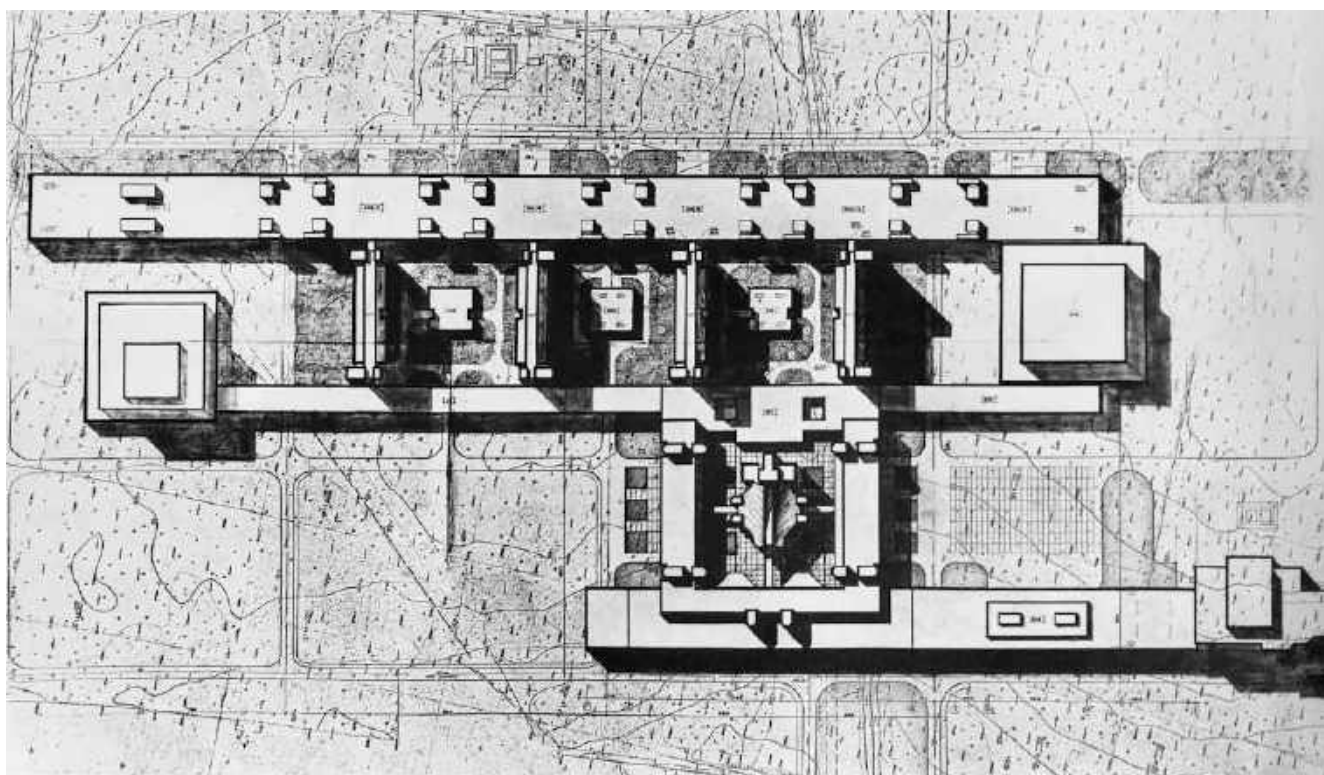
4.52. Комплекс сооружений лаборатории фотомезонных процессов ФИАН в научном городке АН СССР в Красной Пахре

Личный архив В.К. Лотова

4.53. Корпус квантовой радиофизики ФИАН в научном городке АН СССР в Красной Пахре, 1971 г.

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы Е.А. Вигдорчик, Л.Ф. Леонова
ЦГАМО. Ф. 7974. Оп. 1 Т. Д. 1640. Л. 203, 204, 209.

4.54. Комплекс научно-исследовательских и технических служб мезонной фабрики Института ядерных исследований АН СССР в научном городке в Красной Пахре, 1976 г.

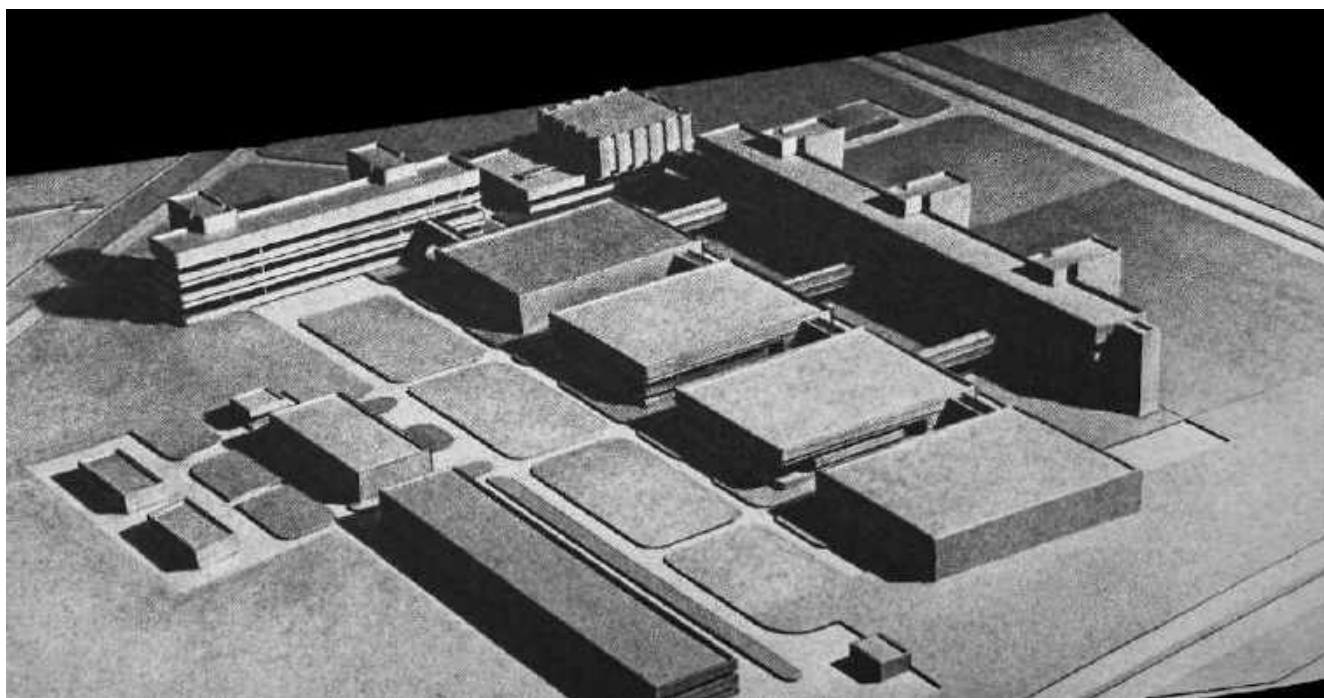
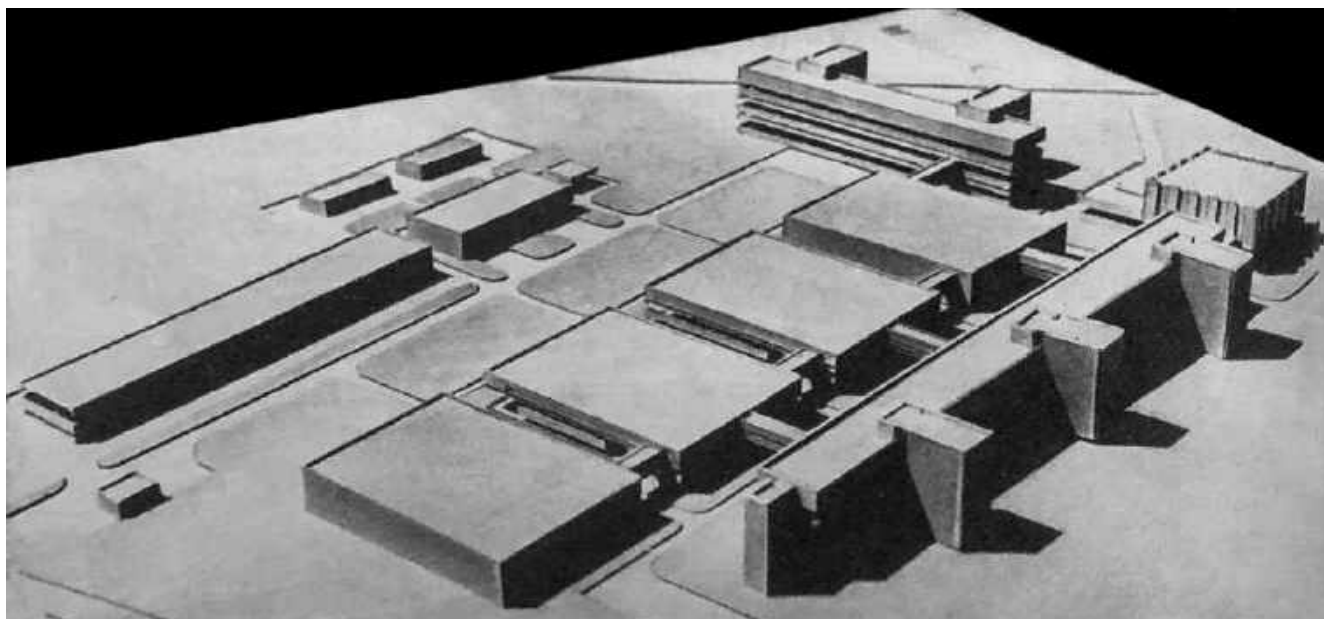
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы А.П. Новожилова, А.А. Соколов, А.В. Легостаев

Личный архив В.К. Лотова

4.55. Корпуса Института ядерных исследований АН СССР в Троицке

Личный архив В.К. Лотова

4.56. Экспериментальный завод научного приборостроения АН СССР в Черноголовке

Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Я. Репин, Е.В. Демин, Д. Сивцова, А.С. Панфиль

Научно-исследовательские центры, институты и лаборатории. Пространственная организация научных комплексов. М., 1976. С. 68; Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 90.

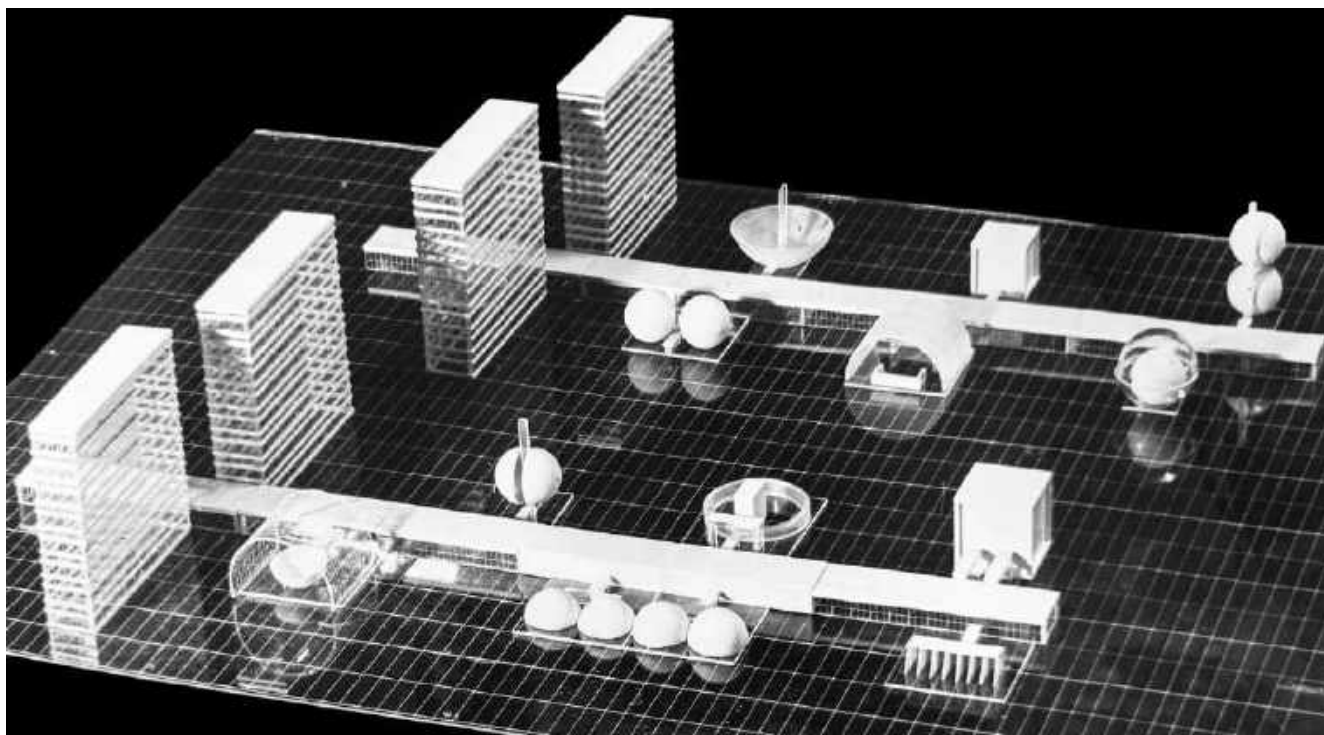

4.57. Экспериментальный завод научного приборостроения АН СССР в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

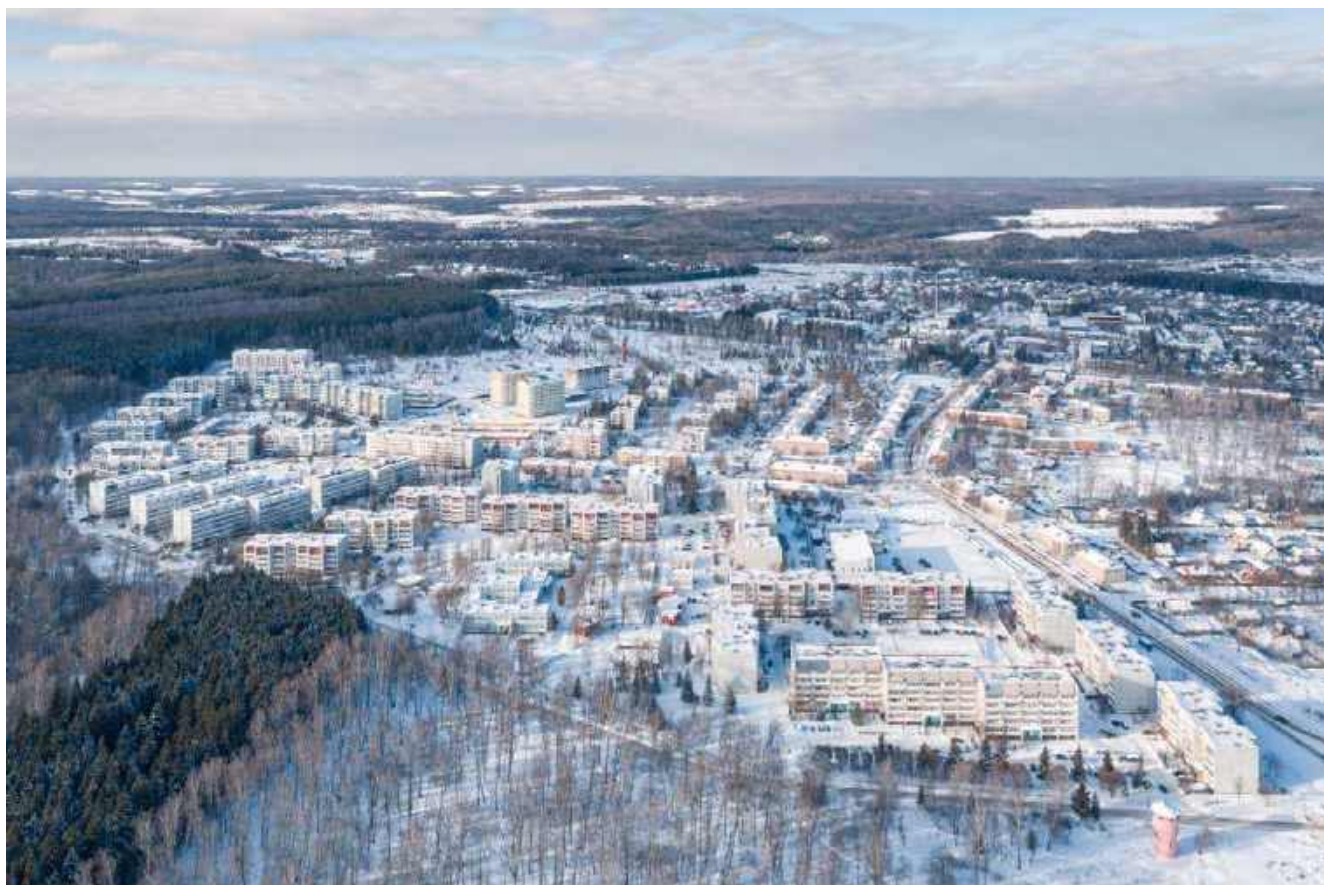

4.58. Институт физиологически активных веществ АН СССР в Черноголовке
Мастерская № 7 ГИПРОНИИ
Фото автора, 2024 г.

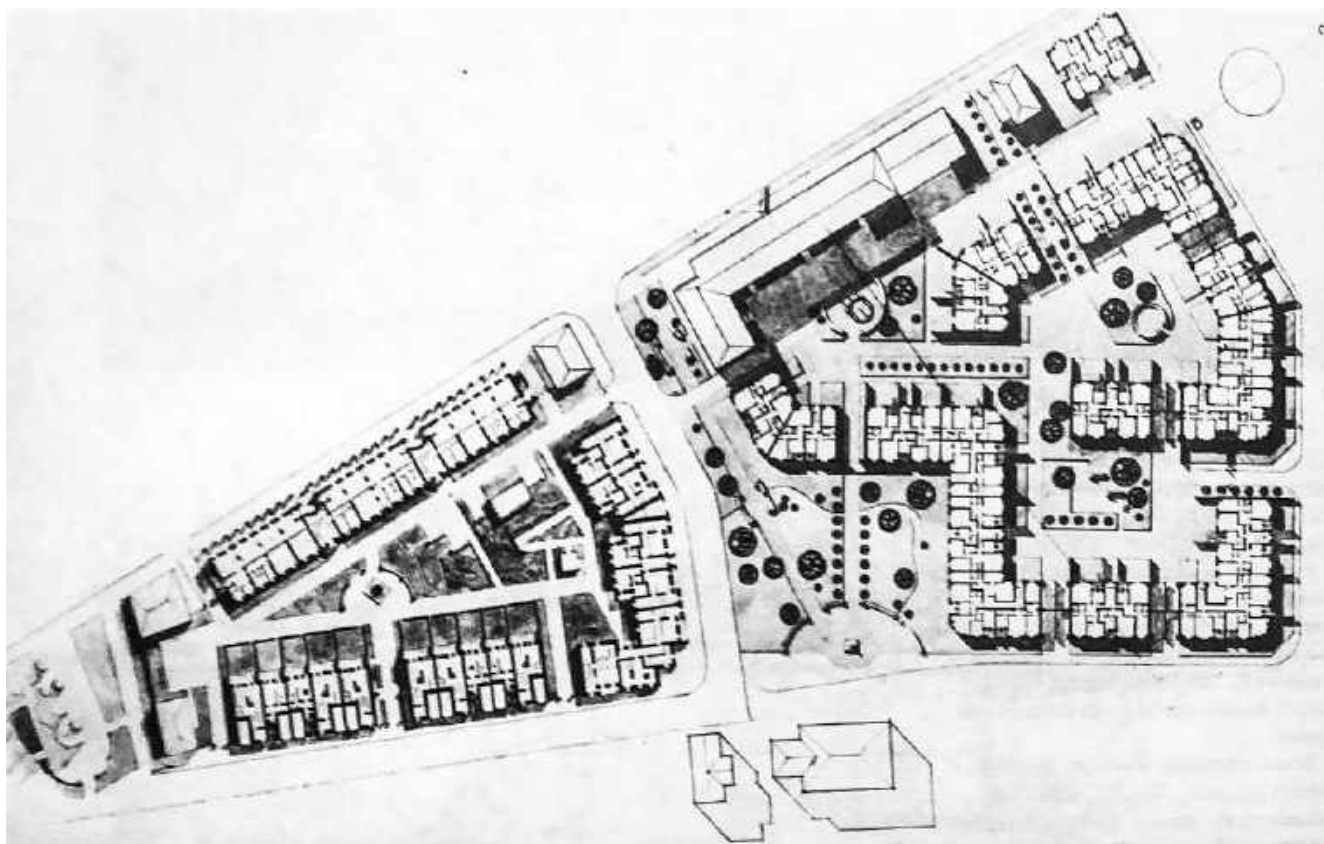
4.59. Вариант павильонно-блочного решения лабораторных комплексов

Красников М.А. Архитектурное формирование комплексов специальных научных лабораторий: дис. ... канд. архитектуры. М., 1970. Т. 2. С. 81.

5.1. Микрорайон для сотрудников опытного производства Института космических исследований АН СССР в Тарусе

Фото автора, 2021 г.

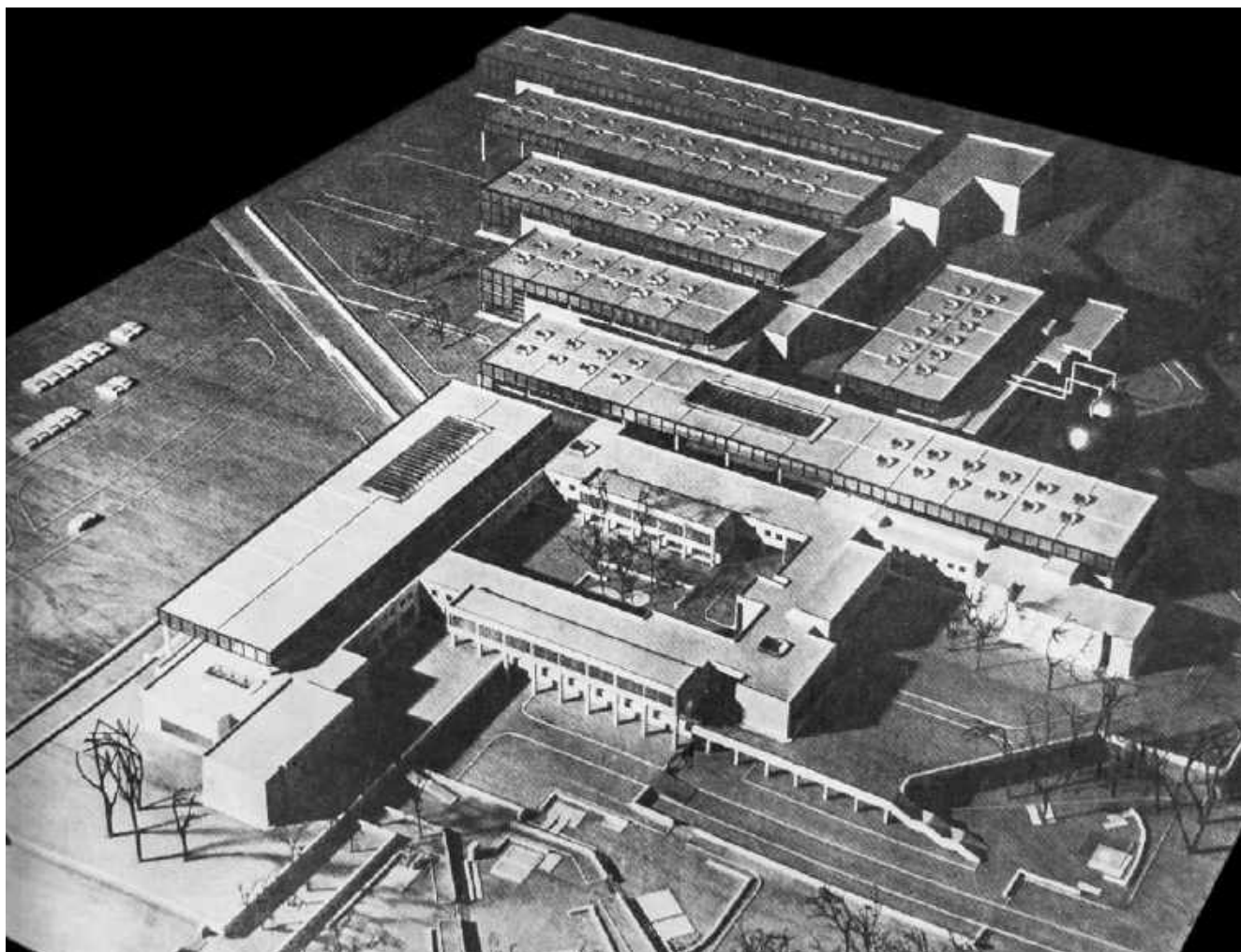
5.2. Проект застройки кварталов в центре Переславля-Залесского жилыми домами для сотрудников Института программных систем АН СССР, середина 1980-х гг. ЦНИИЭП жилища, архитекторы Д.Ф. Животов, А.С. Константинов, А.М. Галкин, А.В. Буланов

Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1984–1988. М., 1991. С. 140–141.

5.3. Жилой дом в центре Переславля-Залесского для сотрудников Института программных систем АН СССР

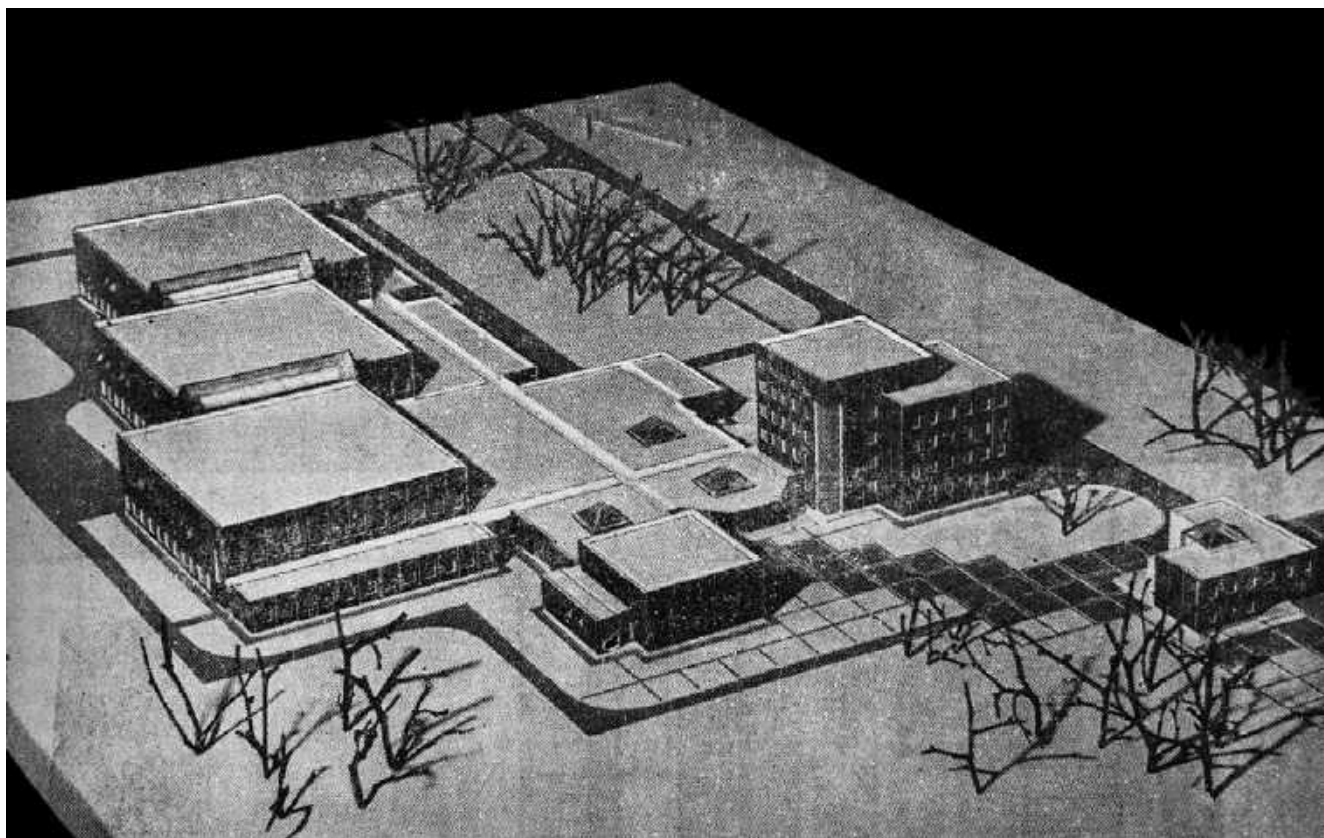
Фото автора, 2021 г.

5.4. Проект Научно-исследовательского центра технологических лазеров АН СССР, 1981 г.

Мастерская № 8 ГИПРОНИИ, А.П. Карпов, А.С. Панфиль, Ю. Цветкова, Л. Чехова, А. Чичигин, Р. Блюмкин

Пространственная организация исследовательской деятельности в системах населенных мест. М., 1984. С. 39.

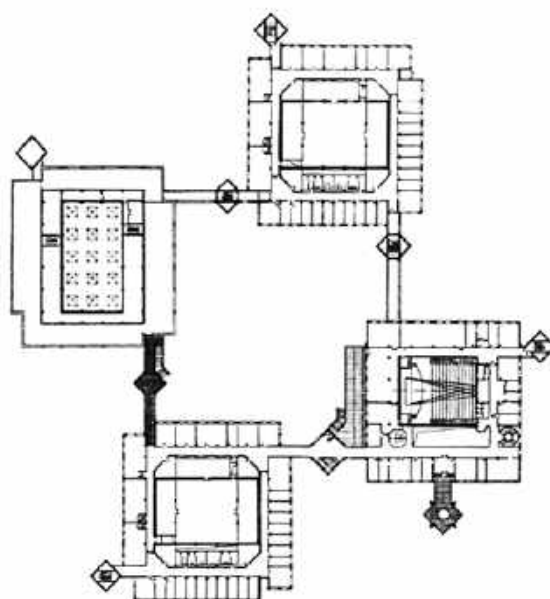
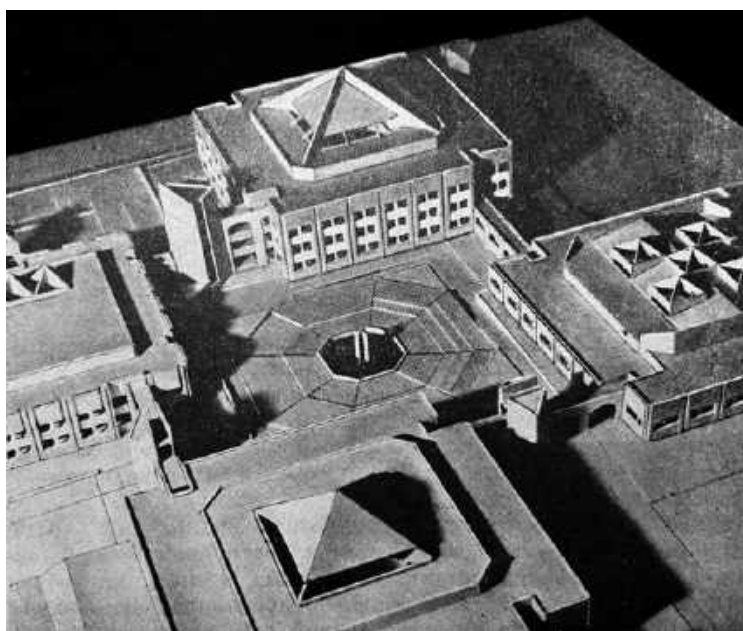
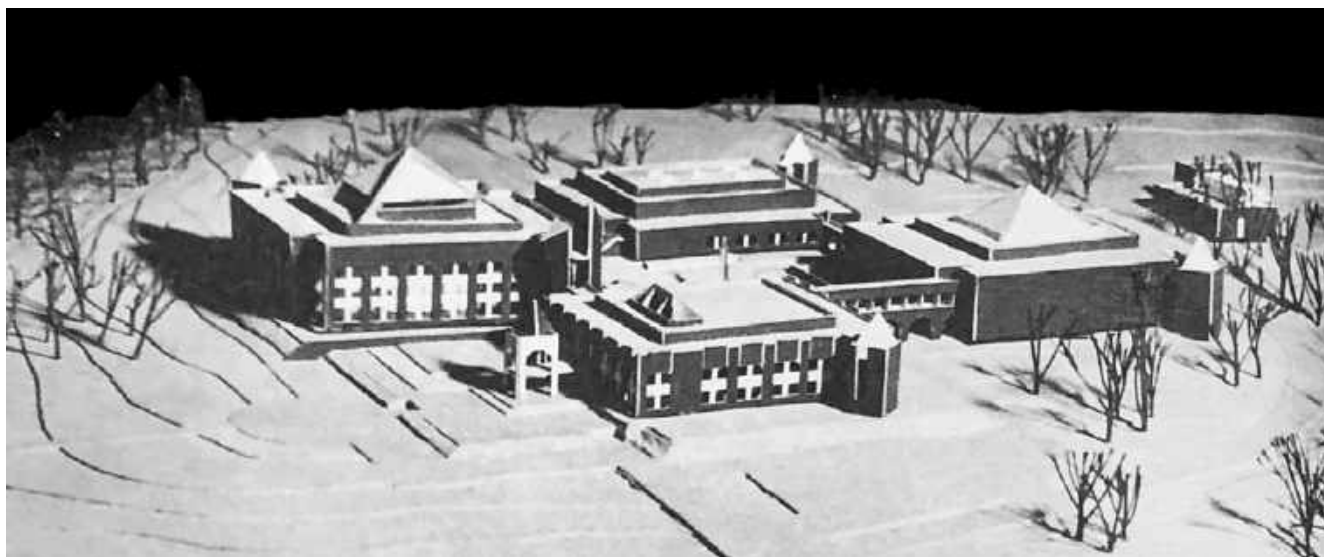
5.5. Проект конструкторского бюро Института высоких температур АН СССР, рубеж 1980–1990-х гг.

Мастерская № 10 ГИПРОНИИ, архитекторы В.М. Коган, Т. Воронкова, А. Федорова, Л. Чупахина, И. Мозырский

Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 219.

5.6. Опытное производство Института космических исследований в Тарусе
Фото автора, 2021 г.

5.7. Проект Института программных систем в Переславле-Залесском, середина 1980-х гг.

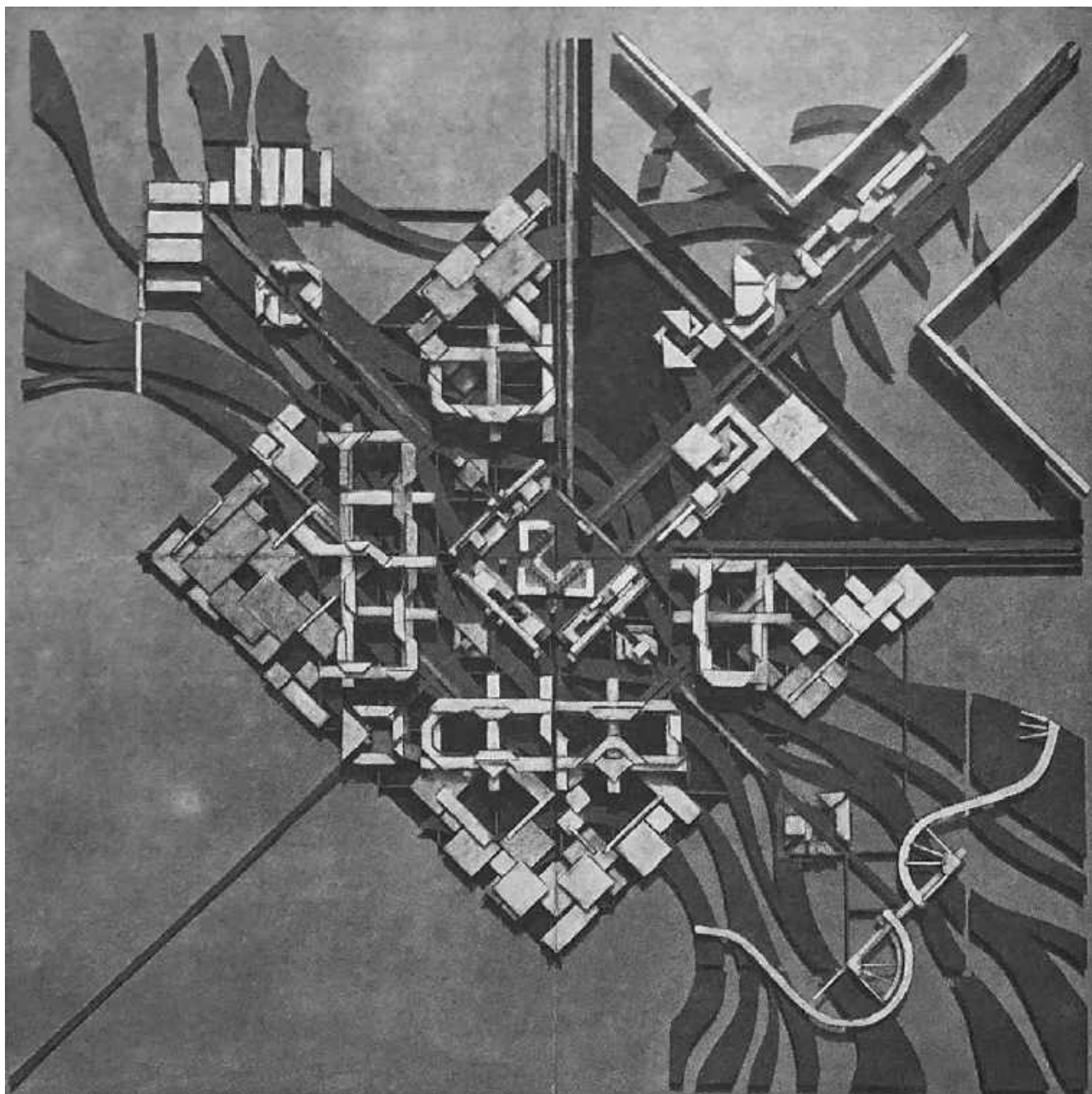
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы В. Бармин, В.Я. Репин, Ю.П. Платонов

Архитектура работы проектных и научных институтов Москвы. 1984–1988. М., 1991. С. 198;
Архитектурные решения объектов науки. История, проблемы, перспективы. М., 1989. С. 68.

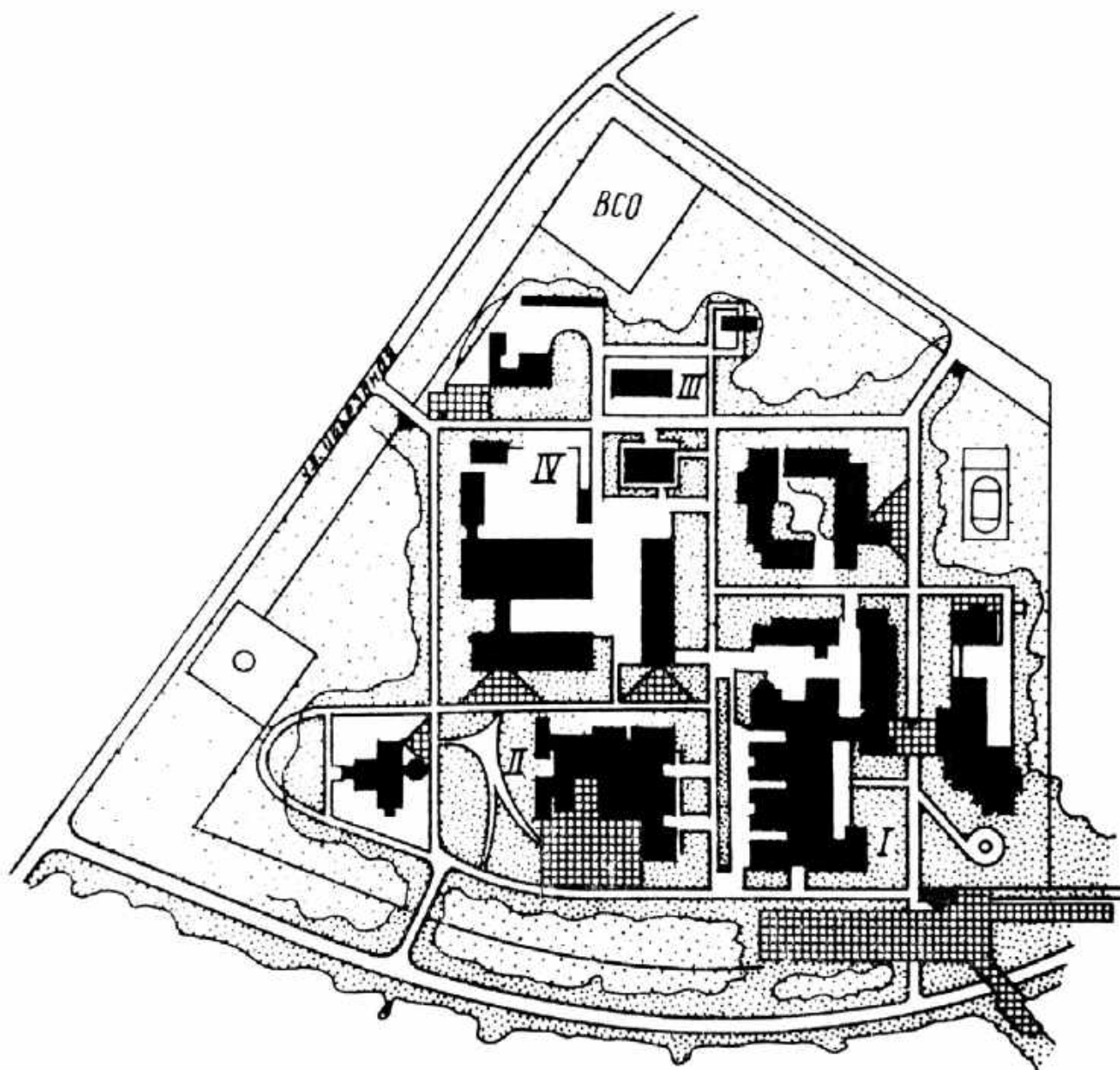

5.8. Институт программных систем в Переславле-Залесском

Фото автора, 2022 г.

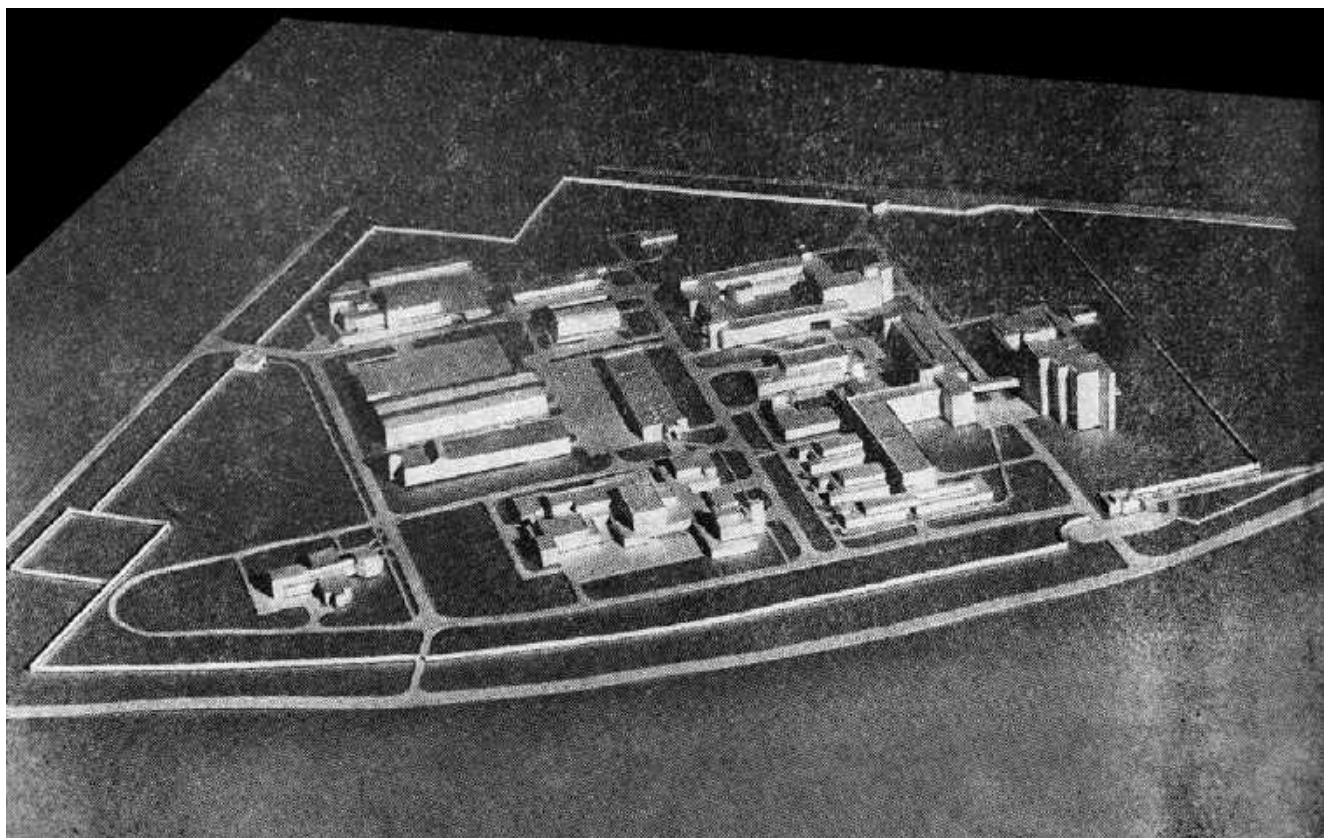
5.9. Экспериментальный проект «Научный комплекс АН СССР 2000»
ОНИР ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.П. Платонов, А.С. Панфиль, Д.А. Метаньев,
К. Артемьев, И.В. Дианова-Клокова, В.В. Зарудко, А.П. Карпов
Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 125.

5.10. Схема генплана Института структурной макрокинетики АН СССР в Черноголовке

I — научно-исследовательская зона; II — экспериментально-производственная зона; III — складская зона; IV — зона служб эксплуатации и транспорта.

Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 211.

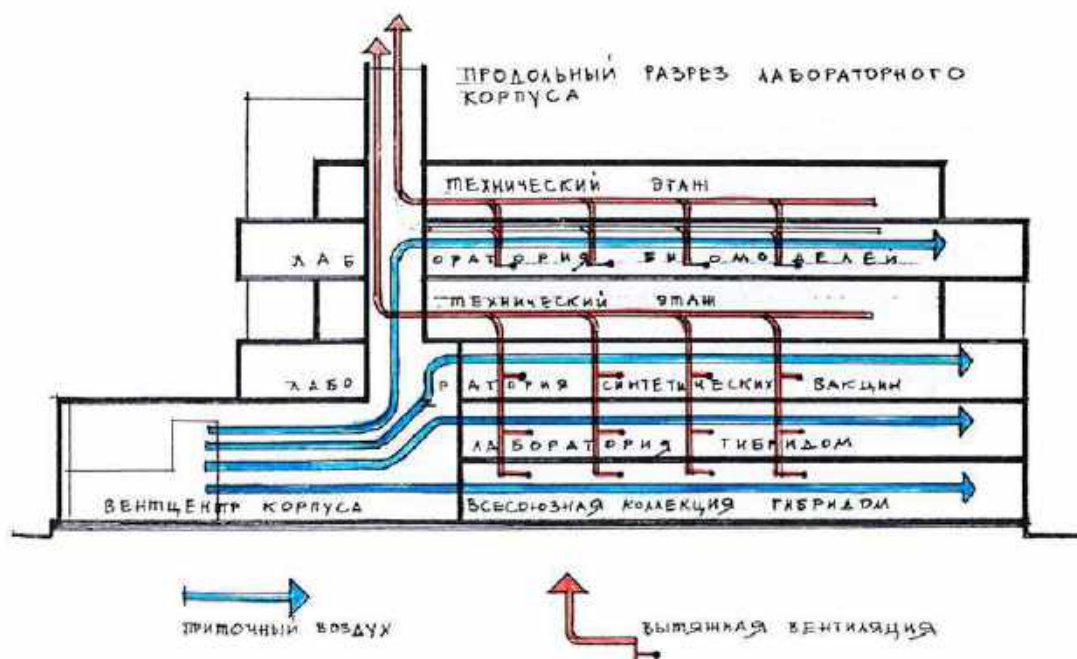
5.11. Макет к проекту Института структурной макрокинетики АН СССР в Черноголовке

Мастерская № 7 ГИПРОНИИ, архитекторы В.А. Толмачев, И. Михайлов, В. Жуков, О. Есипчук

Научно-производственные комплексы. М., 1991. С. 212.

5.12. Институт структурной макрокинетики АН СССР в Черноголовке (лабораторный и опытно-технологический корпуса; корпус взрывных работ)
25-летие ИСМАН. URL: <https://ism.ac.ru/news/ISMAN25/gal/>

5.13. Продольный разрез лабораторного корпуса ФИБХ в Пущине:
 Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы В.С. Воронежский, В.М. Воронежская,
 Т.М. Богуславская, В.К. Ланин
 Семейный архив Воронежских

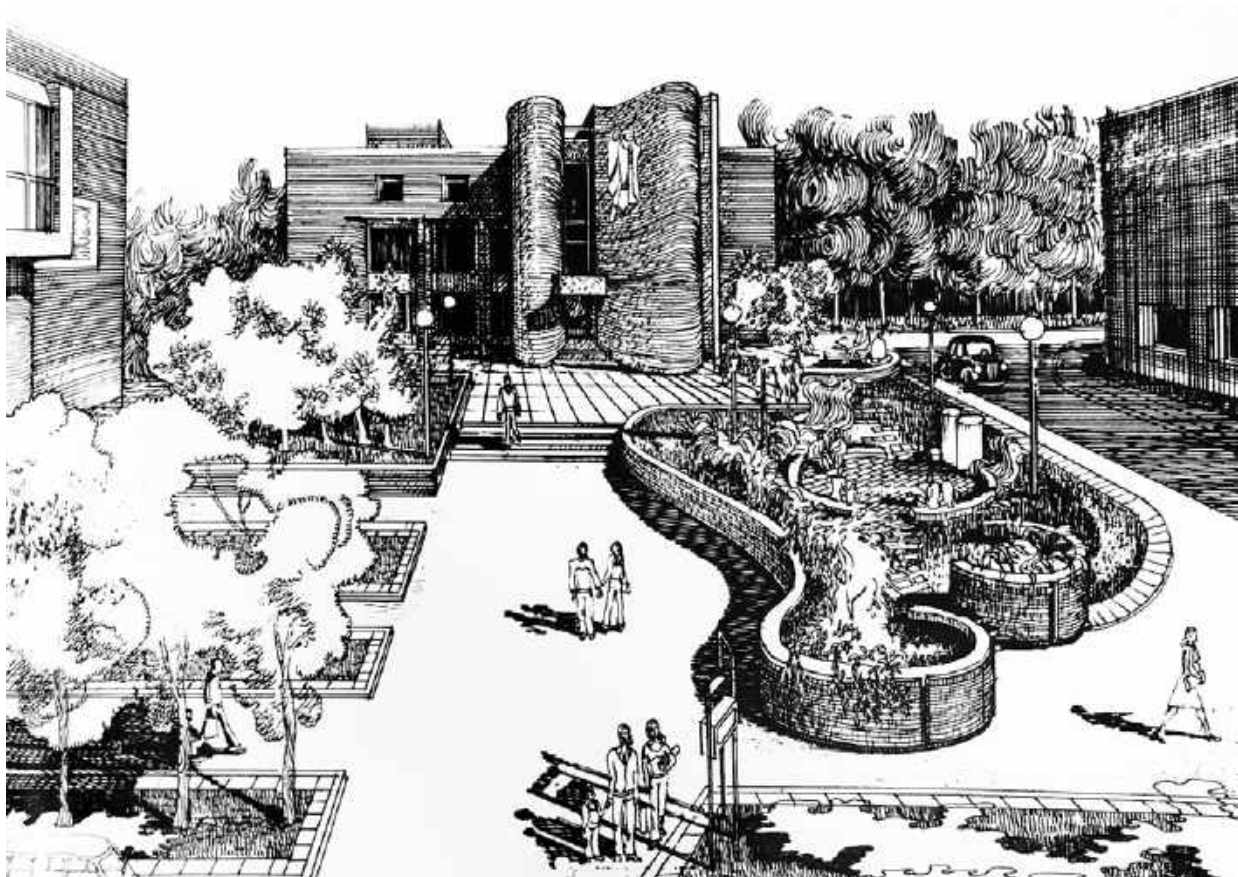

5.14. Макет к проекту ФИБХ в Пущине
 Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитекторы В.С. Воронежский, В.М. Воронежская,
 Т.М. Богуславская, В.К. Ланин
 Семейный архив Воронежских

5.15. Филиал Института биоорганической химии в Пущине

Фото автора, 2018 г.

5.16. Проект дома быта в Троицке

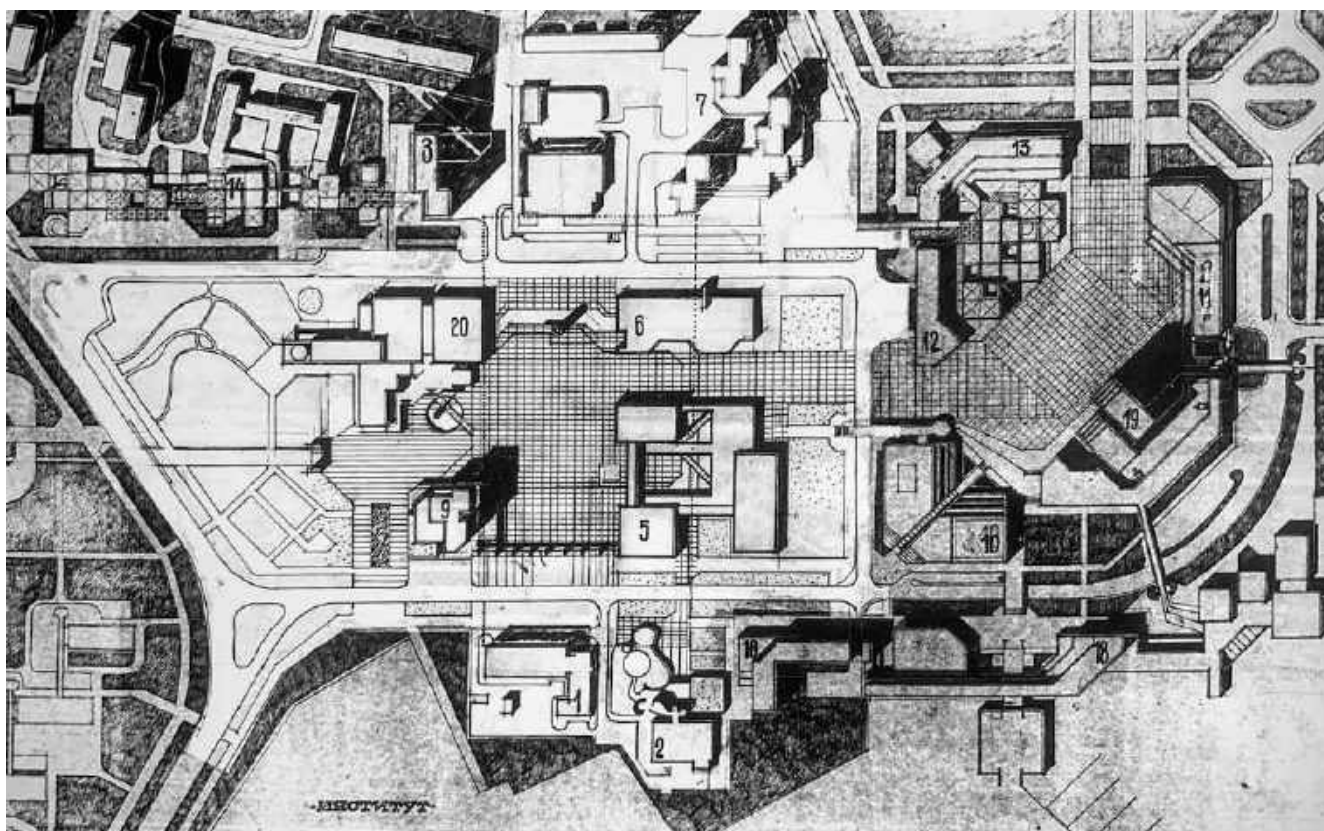
Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.К. Лотов

Личный архив В.К. Лотова

5.17. Дом быта в Троицке

Фото автора, 2021 г.

5.18. Генеральный план общегородского центра Троицка

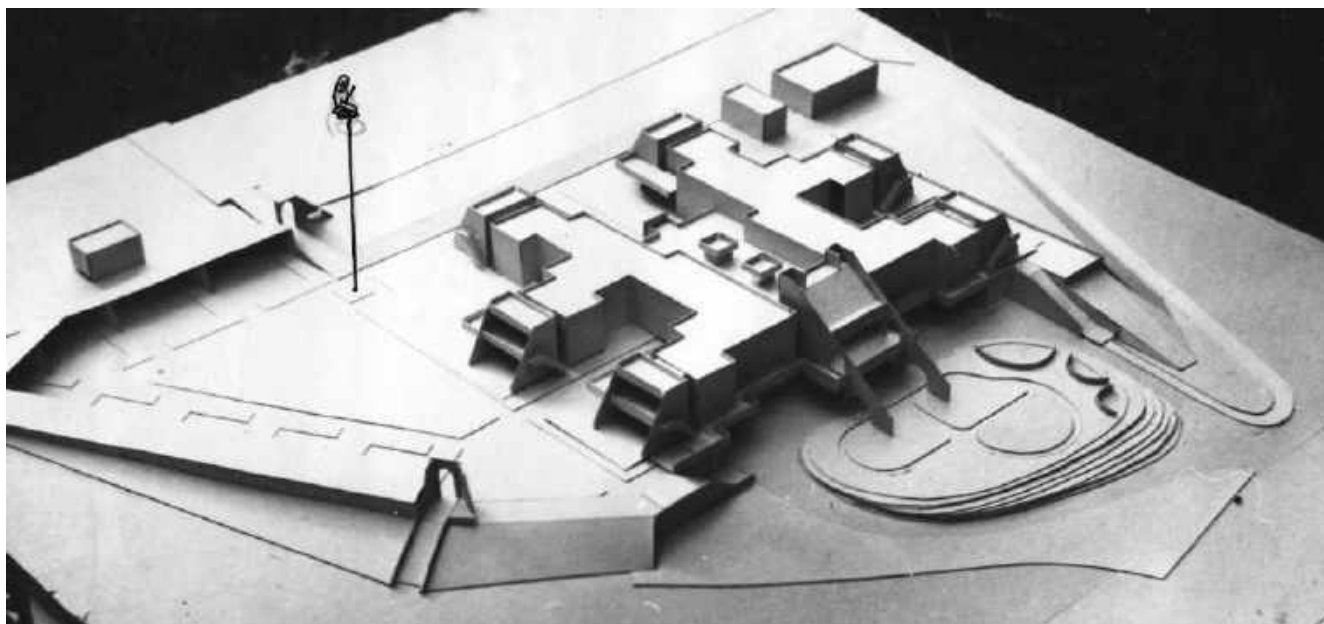
1 — АТС; 2 — дом быта; 3 — дом гостиничного типа; 4 — магазин; 5 — спортивный корпус; 6 — кинотеатр; 7 — молодежный комплекс; 8 — памятник В.И. Ленину; 9 — административное здание ГК и горсовета; 10 — Дом ученых; 11 — управление НЦ; 12 — информационный центр; 13 — библиотека с депозитарием; 14 — торговый центр; 15 — школа искусств; 16 — дом связи; 18 — здания НИИ; 19 — гостиница; 20 — дом пионеров.

5.19. Дом быта в микрорайоне «АБ» Пущина

Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.А. Трошин

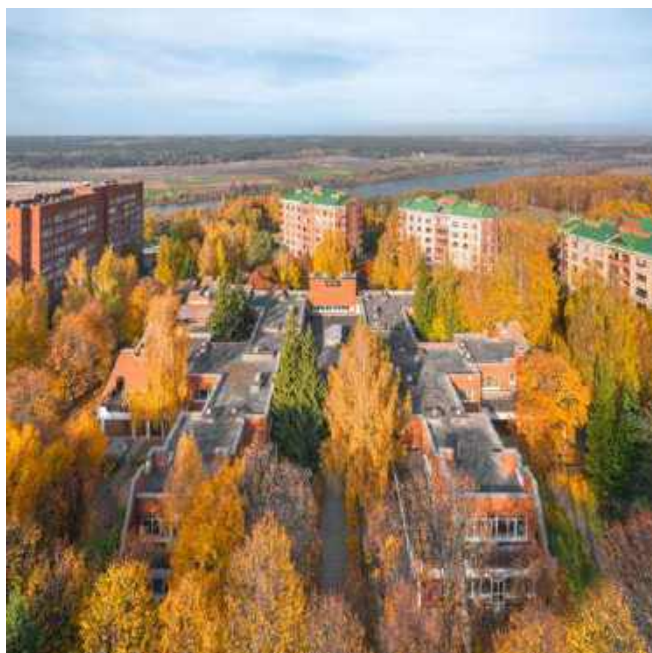
Фото автора, 2018 г.

5.20. Макет к проекту детского сада «Сказка» в микрорайоне «АБ» Пущина, начало 1980-х гг.

Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.С. Воронежский, Т.Л. Лайко, Т.М. Богуславкая

Семейный архив Воронежских

5.21. Детский сад «Сказка» в микрорайоне «АБ» Пущина

Фото автора, 2018 г.

5.22. Поликлиника в Черноголовке

Фото автора, 2024 г.

5.23. Жилая группа в микрорайоне «Б» Черноголовки

Фото автора, 2024 г.

5.24. Общественно-бытовой центр микрорайона «Д» в Пущине

Фото автора, 2021 г.

5.25. Столовая «Орион» в Пущине

Фото автора, 2018 г.

5.26. Жилой дом с транспортным агентством в цокольном этаже в микрорайоне «Д» Троицка

Фото автора, 2020 г.

5.27. Магазин «Детский мир» в микрорайоне «Б» Троицка

Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитекторы Г.А. Булатова, В.К. Лотов

Фото автора, 2020 г.

5.28. Спортивная школа в микрорайоне «В» Троицка
Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитектор В.К. Лотов
Фото автора, 2020 г.

5.29. Общественно-торговый центр микрорайона «Б» в Троицке

Мастерская № 11 ГИПРОНИИ, архитекторы В.Н. Банит, Г.А. Булатова, Г. Васильев

Фото автора, 2020 г.

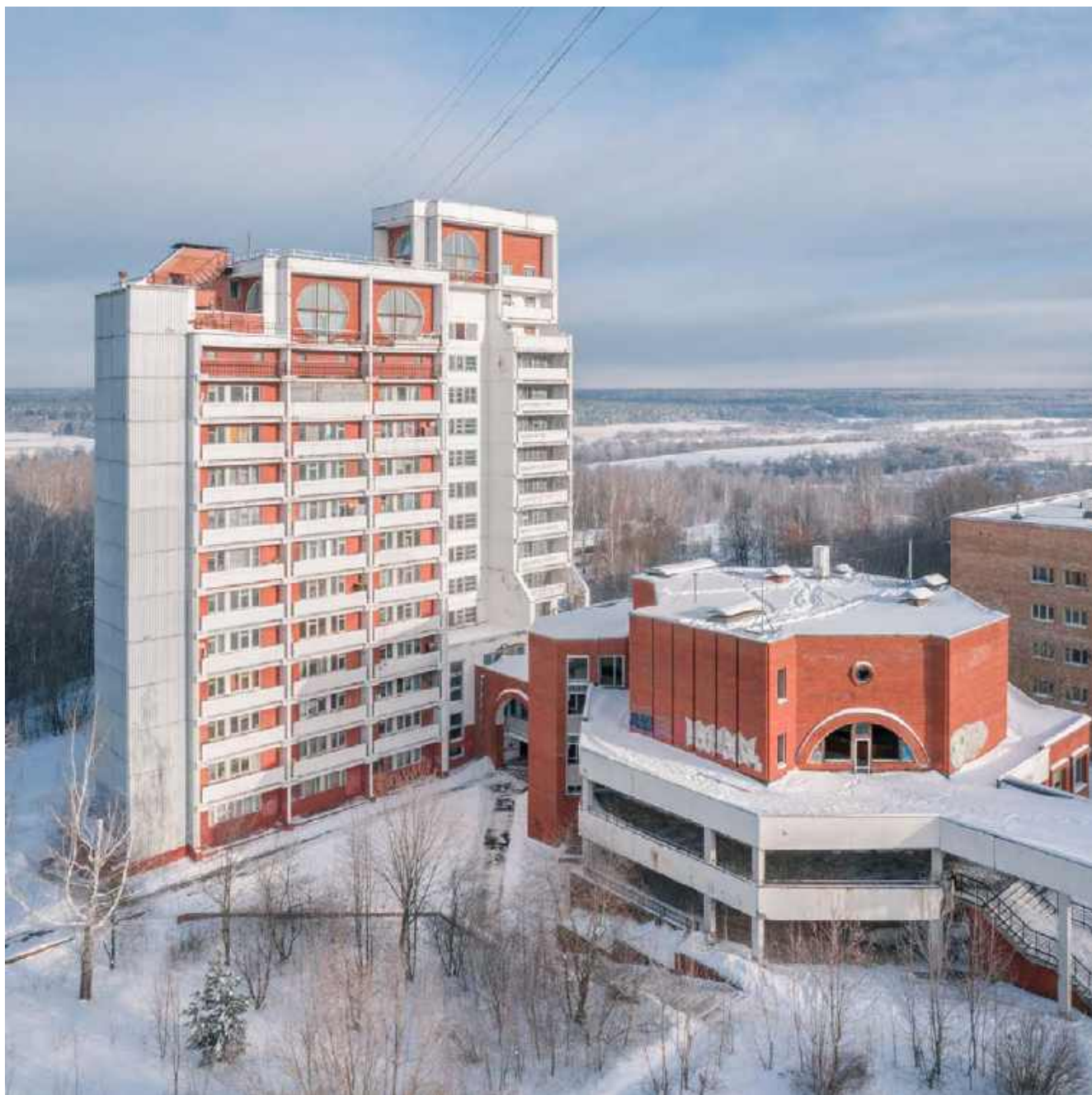
5.30. Поликлиника в микрорайоне «Д» Пущина

Фото автора, 2018 г.

5.31. Жилой дом с лингофонным кабинетом в микрорайоне «Г» Пущина

Фото автора, 2018 г.

5.32. Дом аспиранта и стажера с лицеем в Пущине

Фото автора, 2021 г.

5.33. Проектное предложение по благоустройству и художественному оформлению Пуцина (1984)

Центральная экспериментальная студия Союза художников СССР

Коник М.А. Архив одной мастерской. Сенежские опыты. М., 2003. С. 200–209.

5.34. Эскиз планировки западной части микрорайона «АБ» в Пущине, конец 1980-х гг.

Мастерская № 9 ГИПРОНИИ, архитектор В.С. Воронежский

Семейный архив Воронежских

СХЕМЫ

1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948
Академпроект							Академстройпроект			
Начальник: В.В. Полухов			Начальник: А.В. Щусев							
Главный архитектор: А.В. Щусев										
нет данных					Главный архитектор АН СССР: А.В. Щусев					

1. Структура руководства «Академпроекта» («Академстройпроекта») с момента образования в апреле 1938 г. до выделения из состава Центрального управления капитального строительства в ноябре 1948 г.

1948	1949	1950	1951	1952	1953
Академпроект					
Начальник: А.В. Щусев	Начальник: А.М. Горбачев			Начальник: П.Д. Сабуров	Начальник: Т.П. Додонов
Главный архитектор: А.В. Щусев		Творческий руководителы: И.В. Жолтовский			
Главный архитектор АН СССР: А.В. Щусев				Главный архитектор АН СССР: И.В. Жолтовский	
Мастерская № 1					
нет данных	Руководитель: А.М. Горбачев		Руководитель: Н.С. Дорохин	нет данных	
Мастерская № 2					
Руководитель: И.М. Петров					
нет данных	Мастерская № 3				
нет данных	нет данных	Руководитель: П.И. Демеразский			
нет данных	Мастерская № 4				
нет данных	Руководитель: А.В. Снягирев				
нет данных	Мастерская № 5				
нет данных	Руководитель: Г.С. Расс				
Крымакадемпроект			Мастерская № 6		
нет данных			нет данных		
Ленакадемпроект					
Начальник: В.Л. Гофман	нет данных	Начальник: А.Л. Воскресенский			

2. Структура руководства «Академпроекта» с ноября 1948 г. до реорганизации в ноябре 1953 г.

1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967
ГИПРОНИИ АН														
Директор: Т.П. Додонов			Директор: П.И. Доморацкий											
Гл. арх.: А.П. Голубев	н/д	Гл. арх.: А.И. Попов-Шаман	Гл. арх.: Л.М. Поляков	Гл. арх.: А.И. Попов-Шаман	н/д									
Главный архитектор: А.И. Зайцев Главный архитектор: Ю.П. Платонов														
Мастерская № 1														
н/д	Рук.: Л.И. Батазов	Руководитель: Г.С. Расс												
н/д		н/д		н/д								Рук.: А. Стрелков	н/д	н/д
Главный архитектор: Н.В. Куприянов														
Мастерская № 2														
н/д	Рук.: Ф.М. Гринев	н/д	н/д	Руководитель: Н.И. Архипов	Руководитель: А.Н. Ноздрин	Руководитель: Г. Минчук	н/д	Гл. арх.: А.И. Попов-Шаман	Гл. арх.: А.И. Попов-Шаман	Гл. арх.: А.И. Попов-Шаман	н/д	Рук.: А. Стрелков	н/д	Рук.: А. Стрелков
Главный архитектор: Ю.П. Платонов														
Мастерская № 3														
Руководитель: П.И. Доморацкий			Руководитель: М.А. Шусев											
н/д	н/д	н/д	Гл. арх.: А.И. Зайцев	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Главный архитектор: Д.А. Метаньев														
Мастерская № 4														
Руководитель: А.Н. Рямша			Руководитель: М.А. Филанд											
н/д	н/д	н/д	Гл. арх.: В.Р. Раннев	н/д	Гл. арх.: В.Р. Раннев	н/д	Гл. арх.: В.Р. Раннев	н/д	Гл. арх.: В.Р. Раннев	н/д	Гл. арх.: В.Р. Раннев	Гл. арх.: В.Р. Раннев	Гл. арх.: В.Р. Раннев	Гл. арх.: В.Р. Раннев
Главный архитектор: В.М. Коган														

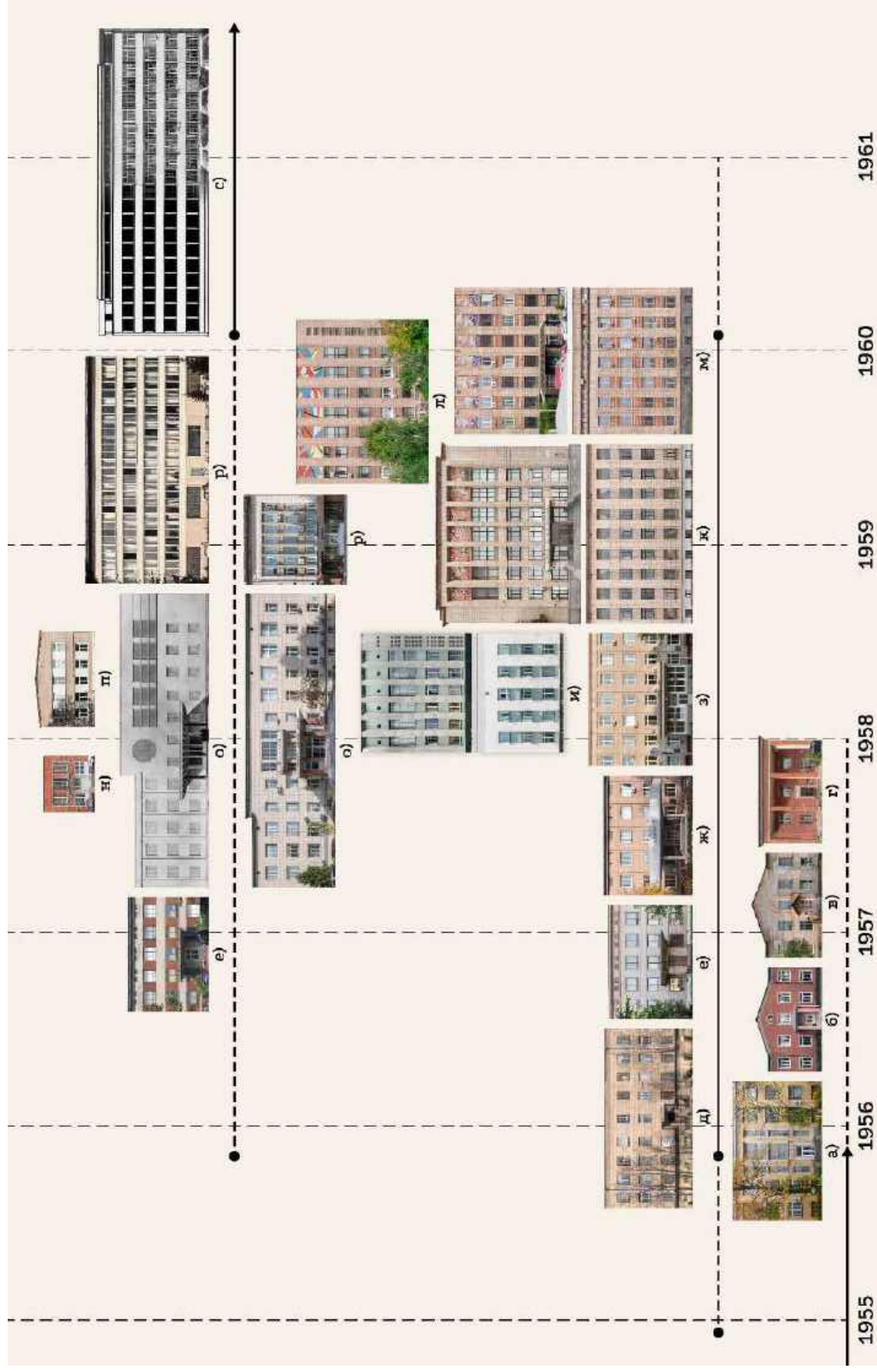
3. Структура руководства ГИПРОНИИ АН СССР в 1953–1967 гг.

1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982
ГИПРОНИИ АН														
Директор: Б.А. Савельев														
Главный архитектор: Ю.П. Плягонов														
Мастерская № 1														
Руководитель: А.М. Щусев														
Мастерская № 2														
Руководитель: М.Ф. Марковский														
Мастерская № 3														
	н/д		Рук.: П.П. Павлов			н/д		Рук.: В.Я. Репин				н/д		
Мастерская № 4														
Руководитель: М.А. Филинд														
Руководитель: А.В. Саяпин														
н/д				Мастерская № 5										
н/д				Рук.: А.И. Звездин								н/д		
н/д				Мастерская № 6								н/д		
н/д				Руководитель: С.И. Калашников										
н/д				Мастерская № 7										
н/д				Руководитель: В.А. Голмачев										
			н/д					Мастерская № 8						н/д
			н/д					Руководитель: А.С. Панфилю						
Мастерская № 9														
				Рук.: В.С. Воронес-ский		Рук.: А.В. Пляксин		и.о. рук.: А.В. Пляксин						
				Рук.: Е.А. Архипов		Руководитель: А.Е. Еремеев								
						Главный архитектор: В.С. Воронеский								
						н/д		Мастерская № 10						
						н/д		Руководитель: В.М. Коган						
								Мастерская № 11						
								Руководитель: В.Н. Банит						

4. Структура руководства ГИПРОНИИ АН СССР в 1968–1982 гг.

1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991
ГИПРОНИИ								
Директор: Б.А. Савельев		Директор: Ю.П. Плятонов						
Мастерская № 1								
Руководитель: А.М. Шусев		н/д						
Мастерская № 2								
Руководитель: М.Ф. Марковский								
Мастерская № 3								
		н/д						
Мастерская № 4								
Руководитель: А.В. Саяпин		н/д						
Мастерская № 5								
		н/д						
Мастерская № 6								
		н/д						
Мастерская № 7								
Руководитель: В.А. Толмачев								
Мастерская № 8								
		н/д						
Мастерская № 9								
Руководитель: А.В. Плаксин		Начальник: Л.В. Ставровский						
Главный архитектор: В.С. Вороневский								
Мастерская № 10								
Руководитель: В.М. Коган								
Мастерская № 11		н/д	Троицкая комплексная мастерская					
Руководитель: В.Н. Банит		н/д	Руководитель: Э.А. Пономарева					
		н/д	Главный архитектор: В.К. Лотов					

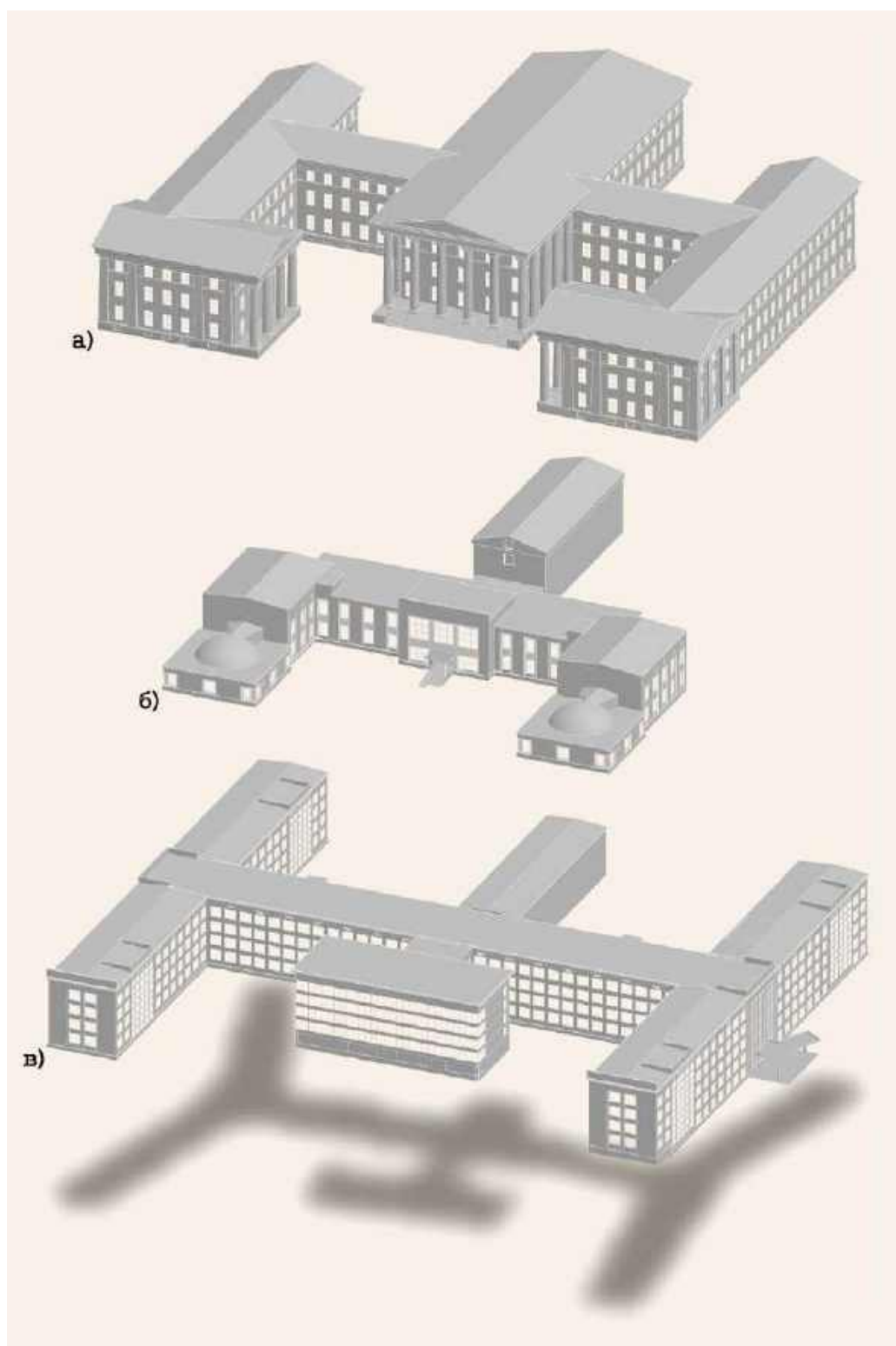
5. Структура руководства ГИПРОНИИ АН СССР в 1983–1991 гг.

6. Фасады научных учреждений, спроектированных архитекторами ГИПРОНИИ в 1955–1961 гг. (см. след. стр.)

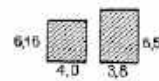
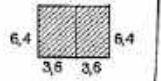
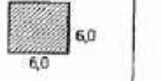
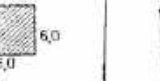
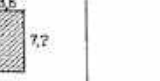
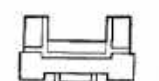
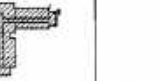
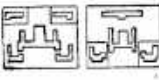
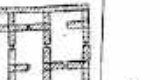
- а) Вычислительный центр АН УССР, проект конца 1956 г.
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитектор Н.В. Куприянов
- б) Лабораторный корпус Радиофизической станции ФИАН им. П.Н. Лебедева АН СССР в Пущине, проект ноября 1956 г.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитектор Е.А. Вигдорчик
- в-г) Лабораторный и административный корпус филиала Института химической физики АН СССР в Черноголовке, проекты 1957 г.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ
- д) Корпус модельных установок Института органической химии в Москве, проект 1955–1956 гг.
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитектор В.П. Нагих
- е) Лабораторные корпус Института радиотехники и электроники АН СССР во Фрязине, проект 1956 г.
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.И. Баталов, Ю.П. Платонов, В.П. Нагих, А.С. Фомин
- ж) Институт гидродинамики СО АН СССР в Новосибирске, проект 1957 г.
Мастерская № 1 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.И. Баталов, Ю.П. Платонов
- з) Институт геологии и геофизики СО АН СССР в Новосибирске, проект рубежа 1957–1958 гг.
ГИПРОНИИ
- и) Лабораторный корпус Института ядерной физики АН КазССР под Алма-Атой, проект 1958 г.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, Ю.А. Дульгиер
- к) Институт органической химии АН СССР в Казани, проект 1959 г.
ГИПРОНИИ
- л) Институт элементоорганических соединений АН СССР, проект 1959–1960 гг.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ, архитекторы А.И. Зайцев, Н.С. Логинов, Л.А. Ильчик, Л.Ф. Леонова, Н.М. Филиповская
- м) Корпус отдела радиобиологии Института атомной энергии АН СССР, проект ориентировочно 1959 г.
ГИПРОНИИ

- н) Лабораторный корпус филиала Института химической физики АН СССР в Черноголовке, проекты 1957 г.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ
- о) Эскизный проект унифицированного главного здания НИИ, 1957–1958 гг. (а также построенное по доработанному проекту здание НИИ катализа СО АН СССР в Новосибирске)
Мастерская № 2 ГИПРОНИИ, архитекторы Л.М. Поляков, А.И. Попов-Шаман, С.П. Бурицкий
- п) Корпус кинетики филиала Института химической физики АН СССР в Черноголовке, проект 1958 г.
Мастерская № 3 ГИПРОНИИ
- р) Институт экспериментальной биологии и медицины в научном городке СО АН СССР в Новосибирске, проект 1958–1960 гг.
ГИПРОНИИ, архитекторы С.П. Бурицкий, В.П. Нагих
- с) Типовой проект лабораторного корпуса на 240 сотрудников, 1961 г.
Мастерская типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ, архитекторы В.Р. Раннев, Ю.Н. Малов

7. Аксонометрии:

- а) Физического института АН СССР им. П.Н. Лебедева в Москве;
- б) павильона № 2 (лаборатории взрывных работ) Института химической физики в Черноголовке;
- в) Института экспериментальной биологии и медицины в научном городке СО АН СССР в Новосибирске.

	1946—1955	1956—1960	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1990
Рабочая ячейка	 Типовые лабораторные ячейки химического и физического профиля	 Типовая лабораторная ячейка для лабораторий различного профиля	 Типовая лабораторная ячейка на основе общесоюзных стандартов строительных изделий	 Типовая лабораторная ячейка на основе каталогов строительных изделий	 Унифицированная лабораторная ячейка, учитывающая требования к организации рабочего пространства	Серия унифицированных лабораторных ячеек на едином пространственном модуле
Рабочее поле, этаж, здание	 Унификация лабораторных помещений в пределах лабораторного здания	 Частичная унификация технологических и планировочных параметров НИИ различного профиля	 Серия типовых проектов лабораторных зданий на унифицированной сетке (6X6)	 Серия унифицированных секций с набором коммуникационных и технологических блоков	 Модульная система унификации планировочных и конструктивных решений НИИ	Серия унифицированных объемно-планировочных элементов НИИ на основе модульно-координационной системы
Группа зданий, комплекс НИИ	 Строительство комплексов НИИ в городской квартальной застройке	 Застройка комплекса НИИ лабораторными зданиями, типизированными в пределах одной строительной площадки	 Строительство научных комплексов на основе модульной организации территории с применением типовых лабораторных зданий	 Застройка крупных комплексов НИИ на основе планировочного модуля с применением унифицированных секций лабораторных зданий	 Унификация пространственных решений комплекса НИИ на основе модульно-регуляционной системы	Система вертикального зонирования комплекса НИИ с организацией оптимальных технологических связей и наиболее рациональным использованием территории
Научный центр	Диффузное размещение НИИ в структуре сложившегося города	Планировочное регулирование территории взаимосвязанных научно-исследовательских институтов	Планировочное регулирование территории комплекса НИИ в пределах обособленного научного центра	Модульное регулирование крупного научного комплекса в системе многофункциональной городской застройки	 Унификация планировочных решений территории различного функционального назначения в пределах научного центра	Варианты модульной организации территории различного функционального назначения в разнообразных градостроительных ситуациях

8. Стадии и степень унификации лабораторных комплексов на различных уровнях пространственной организации

Проектирование научных комплексов. / Платонов Ю.П., Сергеев К.И., Зосимов Г.И. М. 1977. С. 91–93.